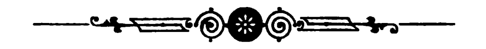
СБОРНИКЪ

ХАРЬКОВСКАГО

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО

ОБЩЕСТВА.

Томъ 8.



ХАРЬКОВЪ.
Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., домъ № 17-й.
1896.

Настоящій 8-й томъ Сборника печатается и выпускается въ свѣтъ по опредѣленію Историко-Филологическаго Общества при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Харьковскомъ Университетѣ, состоявшемуся въ засѣданіи 12 сентября 1895 г.

Предсѣдатель Профессоръ *М. Дриновъ.*

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Памяти Ивана Михайловича Собѣстіанскаго.

8 декабря ночью, во 2-мъ часу, скончался ординарный профессоръ нашего университета—Иванъ Михайловичъ Собѣстіанскій. Смерть съ какою-то особою жестокостью, почти скоропостижно убила эту молодую, энергичную, преисполненную силы жизнь. Три только дня тому назадъ, товарищи и студенты видѣли еще профессора Собѣстіанскаго въ университетѣ; никто не могъ помыслить о томъ, что этому съ виду здоровому и талантливому человѣку нужно будетъ такъ скоро готовить слишкомъ раннюю могилу. А между тѣмъ это свершилось! Нѣтъ уже среди насъ симпатичнаго, разносторонне образованнаго и серьезно-ученаго члена университетской корпораціи. И не стало добраго, любящаго и трудолюбиваго отца и мужа у молодой еще и счастливой семьи. Большое несчастіе, невозвратимая потеря разразилась и надъ этой семьей, и надъ кружкомъ товарищей въ средѣ родной нашей Alma Mater.

Покойному профессору не было еще сорока лѣтъ; родился онъ 5-го сентября 1856 года въ Тифлисѣ; отецъ его былъ долгое время однимъ изъ лучшихъ врачей закавказскаго края. Воспитывался покойный И. М. Собѣстіанскій въ Тифлисской гимназіи, гдѣ окончилъ курсъ въ 1874 году; въ томъ же году поступилъ онъ въ число студентовъ Императорскаго Харьковскаго университета по юридическому факультету. Въ 1878 году оконченъ былъ имъ университетскій курсъ, въ продолженіи котораго покойный Собѣстіанскій—блестящій и вмѣстѣ основательный студентъ—написалъ сочиненіе, удостоенное серебряной медали на тему: „Генеральные штаты Франціи и земскіе соборы Россіи". Не сразу сталъ усопшій на дорогу къ профессурѣ, куда, однако же, неудержимо тянуло его еще со студенческой скамьи. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ студентовъ прежнихъ поколѣній, которые любили науку, чтили университетъ, вѣрили въ лучшіе идеалы человѣческой жизни и хранили вѣру въ то, что университеты могутъ и должны блюсти эти идеалы. Практическая дѣятельность И. М. Собѣстіанскаго по окончаніи курса началась съ 8-го декабря 1878 года, съ службы въ Тифлисской судебной палатѣ, въ качествѣ кандидата на

судебную должность. Дѣятельность эта была коротка, такъ какъ мы видимъ, что уже 1 ноября 1879 года И. М. Собѣстіанскій, согласно избранію совѣта Императорскаго Харьковскаго университета, зачисленъ сверхштатнымъ стипендіатомъ, а 8 апрѣля 1882 года утвержденъ штатнымъ стипендіатомъ по исторіи славянскихъ законодательствъ срокомъ на два года. Постановленіемъ совѣта 8 марта 1884 года продолжена выдача стипендіи по 1 января 1885 г. Высочайшимъ приказомъ, съ 1 января 1885 года, состоялась командировка съ ученою цѣлью за границу на два года. По возвращеніи оттуда, предложеніемъ управляющаго Харьковскимъ учебнымъ округомъ, отъ 15 сентября 1887 года, И. М. Собѣстіанскій допущенъ былъ къ чтенію лекцій по исторіи русскаго права въ качествѣ приватъ-доцента. По выдержаніи экзамена на степень магистра и по защищеніи дессертаціи: „Круговая порука у славянъ по древнимъ памятникамъ ихъ законодательства“, покойный Иванъ Михайловичъ удостоенъ былъ утвержденія совѣтомъ въ степени магистра государственнаго права 31 мая 1888 года. Затѣмъ послѣдовалъ рядъ академическихъ фактовъ, имѣющихъ большое значеніе для И. М. Собѣстіанскаго, какъ профессора, а именно: 22-го апрѣля 1890 г. онъ назначенъ, съ Высочайшаго соизволенія, исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора по каѳедрѣ исторіи русскаго права; 7 мая 1892 года послѣдовало утвержденіе въ степени доктора государственнаго права; степень эта взята послѣ блестящаго и серіознаго диспута, на которомъ защищался, въ качествѣ диссертаціи, капитальный трудъ: „Ученіе о національныхъ особенностяхъ характера и юридическаго быта древнихъ славянъ“. Въ короткій промежутокъ времени, отъ 11-го августа 1892 года по 1-е апрѣля 1893 года, покойный И. М. Собѣстіанскій взошелъ на заслуженную имъ каѳедру ординарнаго профессора, по одной изъ основныхъ наукъ на юридическомъ факультетѣ—по исторіи русскаго права.

Таковъ смыслъ, такова краткая исторія очень молодой и только-что пресѣкшейся жизни дорогого нашего товарища. Судьбѣ угодно было возложить на старѣйшихъ, на бывшихъ учителей, тяжкій, но вмѣстѣ великій долгъ честно, съ любовію и благочестіемъ—проводить къ преждевременной могилѣ „во гробѣ лежащую красоту“. Съ невыразимою скорбью исполняемъ мы этотъ „послѣдній“ долгъ нашъ, не утѣшая себя въ великой потерѣ, не отстраняясь отъ душевнаго страданія при видѣ того, какъ опускается въ могилу тотъ, кто долженъ былъ еще много и долго жить, и какъ опора для дорогихъ, близкихъ ему, людей, и какъ дѣятель, счастливо надѣленный многими качествами даровитаго ученаго, изслѣдователя и профессора. Каѳедра была призваніемъ для усопшаго,—и не скоро

снимется съ нея тотъ трауръ, въ который она облечена роковою, никѣмъ неожиданною смертію достойнаго своего представителя. Да останется навсегда въ нашемъ родномъ университетѣ вѣчная и добрая память объ Иванѣ Михайловичѣ Собѣстіанскомъ!

Профессоръ ***А. Н. Стояновъ.***

II. Памяти Ивана Михайловича Собѣстіанскаго.

Умеръ Иванъ Михайловичъ Собѣстіанскій, одинъ изъ наиболѣе любимыхъ профессоровъ Харьковскаго университета, умеръ 39 лѣтъ, въ расцвѣтѣ силъ, среди полноты лучшихъ надеждъ. Здѣсь смерть поступила, какъ убійца изъ за угла. Въ два дня она вырвала изъ нашей среды человѣка, который могъ жить долго и счастливо. Это была натура въ высшей степени даровитая, со всѣми данными для счастья. Прекрасный семьянинъ, отличный товарищъ, человѣкъ открытаго и честнаго характера, талантливый виртуозъ музыкантъ, серіозный ученый—Иванъ Михайловичъ бралъ отъ жизни все, что можно взять изъ нея лучшаго и свѣтлаго, и самъ вносилъ въ среду окружавшихъ его бодрость духа, свѣжесть мысли, откровенную прямоту убѣжденій и общее жизнерадостное настроеніе. Подвижной, энергичный, разносторонне образованный и разносторонне даровитый, онъ вездѣ поспѣвалъ и успѣвалъ, и въ своемъ любимомъ искусствѣ, музыкѣ, и въ сферѣ научныхъ занятій, и въ жизни общественной и товарищеской. Чуткій и отзывчивый, онъ выходилъ далеко за предѣлы своей спеціальности и охотно отдавалъ на общую пользу плоды своего разносторонняго образованія и мягкаго гуманнаго сердца. Такъ, весной онъ безплатно прочелъ женщинамъ 8 лекцій и готовился въ ближайшій четвергъ открыть новый рядъ лекцій по новой программѣ. Для педагогическаго отдѣла историко-филологическаго общества Иванъ Михайловичъ подготовлялъ переводъ превосходныхъ статей Лабуле. Свою докторскую диссертацію, задуманную по широкому плану, онъ переработалъ для новаго изданія. Въ наукѣ онъ смѣло брался за самые трудные пункты, за критику мнѣній самыхъ выдающихся ученыхъ, и, разбивая разныя личныя пристрастія, расчищалъ путь для господства объективной научной истины. Натура живая, Иванъ Михайловичъ любилъ литературу, въ особенности поэзію. Онъ слѣдилъ за новѣйшей французской литературой и охотно дѣлился съ товарищами своими впечатлѣніями. А что это былъ за милый, прекрасный человѣкъ въ обществѣ, въ живой неумолкаемой бесѣдѣ, полной игриваго и смѣлаго ума, въ особенности за

рояломъ, который тогда начиналъ жить всей доступной для инструмента жизнью! Иванъ Михайловичъ былъ образованнѣйшій музыкантъ. Часто онъ останавливался на мелодіи и объяснялъ соединяемыя съ ней представленія. Какъ онъ игралъ похоронный маршъ Шопена! страшно теперь вспомнить эти звуки зимняго вѣтра надъ могилой, гулъ земли при закапываніи покойника, когда этотъ покойникъ Иванъ Михайловичъ, сама жизнь въ наилучшемъ сочетаніи даровъ ума и сердца. Неужели эта жизнь погасла? Нѣтъ, быть того не можетъ; она горитъ теперь всѣмъ блескомъ и тепломъ среди свѣта и любви въ незаходимыхъ лучахъ вселюбящаго Бога! Прощай, дорогой товарищъ, прощай! и да снизойдетъ утѣшеніе на всѣхъ тѣхъ, кого ты оставилъ, и прежде всего на твою прекрасную любящую семью.

Профессоръ *Н. Сумцовъ.*

III. Надгробныя рѣчи.

Профессоръ А. Н. Стояновъ произнесъ слѣдующее: „Тяжело мнѣ, старику, подходить къ этому гробу. Невыразимо тяжко вымолвить слова: „прощай на вѣки“ надъ бездыханнымъ тѣломъ близкаго, дружественнаго человѣка, который еще недавно, можно сказать, нѣсколько часовъ тому назадъ, блисталъ среди насъ своею мужественною красой, который жилъ энергично, но разумно, всѣми сторонами своей многогранной, богато одаренной натуры, который съ достоинствомъ и пользою носилъ званіе профессора и былъ любящимъ, любимымъ и счастливымъ мужемъ и отцомъ.

Да, кончина такого человѣка—и кончина жестокая, нежданная, точно всеразрушающій ударъ грома при ясномъ небѣ и чистой атмосферѣ—есть великое горе со всѣхъ сторонъ, во всѣхъ проявленіяхъ и послѣдствіяхъ своихъ.

Велика и невозвратна потеря Ивана Михайловича для университета. Я крѣпко любилъ его; но думаю, что не отклонюсь отъ строгихъ обязанностей объективности, если скажу, что въ лицѣ покойнаго нашего товарища сходитъ въ преждевременную могилу высоко даровитый, знающій и полезный профессоръ университета. Давно уже около двадцати лѣтъ тому назадъ, наша Alma Mater признала въ И. М. Собѣстіанскомъ одного изъ талантливѣйшихъ питомцевъ своихъ. Но дѣйствуя по правилу: „кому много дано, отъ того многое и требуется“, университетъ очень серіозно отнесся къ подготовительнымъ работамъ Ивана Михайловича для пріобрѣтенія профессуры. Строга, методична и солидна была та школа, которую прошелъ Иванъ Михайловичъ. Многіе члены нашего факультета,

конечно, очень хорошо помнятъ тѣ блестящіе рефераты Ивана Михайловича, въ которыхъ обнаружилось замѣчательное знаніе цѣлой группы славянскихъ языковъ и славянскихъ законодательствъ—знаніе, пріобрѣтенное подъ руководствомъ уважаемаго спеціалиста, М. С. Дринова. Обстоятельное изученіе, по первоисточникамъ, славянскихъ законодательствъ поставлено было въ основу изученія и преподаванія исторіи русскаго права, и успѣхъ увѣнчалъ такое, правильно поставленное, дѣло.

Велика и также невозвратима потеря Ивана Михайловича индивидуально для его товарищей. Нельзя было не увлекаться живостью его ума, жизнерадостнымъ его нравомъ, нравственною бодростію его свѣтлаго міровоззрѣнія; нельзя было не цѣнить очень высоко горячности его сердца и неизмѣннаго доброжелательства относительно товарищей. Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые умѣютъ платить любовью за любовь, а за дружбу дружбою; его чистая и благородная рука не была способна метать камень въ того, кто подалъ ему хлѣбъ.

Но что же скажу я о значеніи постигшаго насъ несчастія для юной семьи усопшаго нашего друга и товарища!—Цѣпенѣетъ мой умъ, содрогается и мятется духъ мой,—и я могу лишь, преклоняя главу свою предъ величіемъ Всеблагого и Всевидящаго Бога, молить его, да дастъ онъ силу и крѣпость достойной подругѣ усопшаго и да спасетъ Онъ и невинныхъ сиротъ—младенцевъ отъ всѣхъ тяжкихъ послѣдствій постигшаго ихъ, ужасающаго, но еще непонимаемаго ими горя".

Профессоръ Н. О. Куплевасскій произнесъ слѣдующее: „Дорогой товарищъ и другъ! Еще такъ недавно, всего нѣсколько дней тому назадъ, ты былъ еще среди насъ, полный жизни, полный силъ духовныхъ и житейскихъ, полный веселья. Еще недавно твои сочиненія возбуждали живой интересъ, твои бесѣды и замѣчанія, поднимаемые тобою споры оживляли общество, твоя игра, полная огня и смысла, исторгала душу изъ безжизненнаго, повидимому, инструмента. Смерть подкосила тебя для всѣхъ нежданно-негаданно. Мы потеряли тебя на всегда. Но ты не исчезъ для насъ безслѣдно. Остаются твои сочиненія, свидѣтельствующія о твоемъ живомъ умѣ и страстномъ темпераментѣ. Остаются воспоминанія о разныхъ сторонахъ твоей личности. Да послужатъ эти научные труды и эти воспоминанія къ сохраненію и укрѣпленію среди насъ интереса къ тѣмъ благороднымъ цѣлямъ, которымъ должны служить наука и искусство. Спи мирно, дорогой другъ и товарищъ. Прощай, прощай навсегда! Въ нашихъ воспоминаніяхъ, воспоминаніяхъ твоихъ друзей, ты остаешься съ нами на вѣки".

Обзоръ ученой дѣятельности Ивана Михайловича Собѣстіанскаго.

(Читанный профессоромъ М. С. Дриновымъ въ засѣданіи Историко-филологическаго общества 7-го февраля 1896 года).

Въ промежуткѣ между послѣднимъ нашимъ засѣданіемъ и нынѣшнимъ скончался почти скоропостижно нашъ товарищъ, искренно нами любимый и уважаемый Иванъ Михайловичъ Собѣстіанскій. Его спеціальность только нѣкоторыми своими сторонами соприкасалась съ дѣятельностію нашего общества, поэтому онъ и не былъ постояннымъ посѣтителемъ нашихъ собраній. Но мы видали его въ своемъ кругу всякій разъ, когда на очередь ставился рефератъ, касавшійся его занятій, или когда возникали болѣе общіе вопросы, относившіеся къ упроченію и расширенію дѣятельности нашего учрежденія. Иванъ Михайловичъ дѣлалъ и сообщенія въ засѣданіяхъ не только Общества, но и состоящаго при немъ Педагогическаго отдѣла. Онъ принималъ горячее участіе въ обмѣнѣ мыслей, вызывавшемся какъ его сообщеніями, такъ и нѣкоторыми другими докладами, которые касались близкихъ сердцу его вопросовъ. Всякое появленіе его въ наши засѣданія, можно сказать, вносило въ нихъ новый интересъ, сообщало имъ особенно оживленный характеръ. Всѣмъ намъ хорошо памятны его доклады, посвященные разбору ученій о древнеславянскомъ бытѣ, его отношеніе къ дѣятельности открытаго при обществѣ Педагогическаго отдѣла, его живое участіе въ дѣлѣ организаціи обществомъ чтеній для женщинъ, чтеній, которыя имъ же и были открыты въ прошломъ году, которыя онъ готовился начать и въ нынѣшнемъ году за два—три дня до своей внезапной кончины.

Открывая нынѣшнее засѣданіе подъ гнетомъ горестныхъ чувствъ, вызываемыхъ безвременною утратою такого дорогаго товарища, позволю себѣ посвятить нѣсколько минутъ воспоминанію объ его ученой дѣятельности, особенно близко соприкасавшейся съ моею спеціальностію.

Иванъ Михайловичъ былъ оставленъ при нашемъ университетѣ, въ которомъ онъ и воспитывался, для приготовленія къ занятію каѳедры исторіи славянскаго права. Каѳедра эта съ самаго учрежденія ея университетскимъ уставомъ 1863 года оставалась, по недостатку спеціалистовъ, вакантною не только въ Харьковскомъ, но и въ другихъ русскихъ университетахъ, за исключеніемъ Варшавскаго и отчасти Новороссійскаго, въ которомъ весьма непродолжительное время, около двухъ лѣтъ (1870—1872), читалъ лекціи по исторіи славянскаго права извѣстный Хорватскій ученый Валтазаръ Богишичъ, нынѣ министръ юстиціи въ

Черногоріи. Легко себѣ представить положеніе молодаго кандидата на профессуру по такому предмету, по которому онъ не имѣлъ возможности, при прохожденіи университетскаго курса, слушать лекціи и по которому ни въ русской, ни въ иностранной ученой литературѣ нельзя было найти другихъ общихъ пособій, кромѣ сильно устарѣвшей и по содержанію, и въ методологическомъ отношеніи книги Мацѣйовскаго. Положеніе И. М—ча въ данномъ случаѣ еще болѣе затруднялось тѣмъ, что онъ, какъ питомецъ юридическаго факультета, не былъ знакомъ съ югозападными славянскими нарѣчіями, за исключеніемъ польскаго, на которыхъ писаны, большею частію, юридическіе памятники Чеховъ, Харватовъ, Сербовъ, Болгаръ, а также многія монографическія изслѣдованія по исторіи славянскаго права. Излишнимъ было бы прибавлять, что юридическій факультетъ не могъ дать ему и тѣ свѣдѣнія по политической и литературной исторіи славянства, которыя необходимы для историка славянскаго права.—Само собою разумѣется, что Ивану Михайловичу, который при такихъ условіяхъ долженъ былъ приступить къ изученію избранной имъ спеціальности, предстояла огромная работа, тѣмъ болѣе тяжелая для юриста, что ее нужно было начинать съ грамматикъ и словарей.—Съ какимъ рвеніемъ онъ принялся за эту работу и сколько усиленнаго труда имъ затрачено было на нее, это всего лучше доказываетъ то, что въ теченіе четырехъ—пяти лѣтъ, проведенныхъ частію въ Харьковѣ, частію же заграницею, главнымъ образомъ въ Прагѣ и Вѣнѣ, онъ настолько освоился съ совершенно новой для него и чрезвычайно сложной научной областью, что могъ выступить уже въ печать съ самостоятельными трудами по исторіи славянскаго права, относиться критически къ мнѣніямъ спеціалистовъ и противополагать имъ свои собственныя мнѣнія.

Первымъ такимъ ученымъ трудомъ И. М—ча была изданная имъ въ Прагѣ, въ 1886 г., книга подъ заглавіемъ: „Круговая порука у славянъ по древнимъ памятникамъ ихъ законодательства“. Два года спустя эта книга была переиздана въ Харьковѣ съ поправками и значительными дополненіями. Второе изданіе ея послужило магистерскою диссертаціею автора. Тутъ впервые, можно сказать, подвергнутъ тщательному обслѣдованію институтъ круговой поруки, весьма распространенный въ старину у всѣхъ славянскихъ народовъ. Изслѣдованію дана широкая сравнительная постановка. Съ фактами, встрѣчающимися въ юридическихъ и другихъ памятникахъ разныхъ славянскихъ народовъ, сопоставлены однородные факты изъ древненѣмецкаго права, изъ законодательства древнихъ Индусовъ, Евреевъ, Бриттовъ, а также изъ современныхъ

правовыхъ обычаевъ Черногорцевъ, Албанцевъ, Кавказскихъ горцевъ и пр. Въ результатѣ этого широкаго сравнительнаго этюда получился прочный выводъ, что круговая порука какъ родовыхъ, такъ и территоріальныхъ общинъ свойственна не однимъ славянамъ, а существовала, да и теперь еще существуетъ у многихъ народовъ, являясь продуктомъ извѣстной степени общественнаго развитія. Этимъ выводомъ нанесенъ окончательный ударъ слишкомъ долго господствовавшему мнѣнію Мацѣйовскаго, Палацкаго и другихъ, считавшихъ круговую поруку исключительною принадлежностію древнеславянскаго быта и даже—одною изъ главныхъ особенностей, отличающихъ древнеславянское право отъ германскаго. Авторъ останавливается и на самомъ генезисѣ этого ошибочнаго мнѣнія, которое и до послѣдняго времени находило приверженцевъ между славянскими писателями.

Славянскимъ извѣстіямъ о круговой порукѣ, какъ и слѣдовало ожидать, отведено особенно много мѣста въ занимающей насъ книгѣ. При подборѣ и критической разработкѣ ихъ Ивану Михайловичу приходилось бороться съ большими трудностями, особенно когда приходилось имѣть дѣло съ мало еще обслѣдованными памятниками, каковъ, напримѣръ, Полицкій статутъ, чрезвычайно важный по содержанію, но до самаго послѣдняго времени не подвергавшійся обстоятельной критической разработкѣ со стороны спеціалистовъ филологовъ. Прекрасное критическое изданіе этого драгоцѣннаго памятника и довольно полный словарь къ нему обнародованы академикомъ Ягичемъ лишь въ 1890 году [1]), т. е., года два спустя послѣ втораго изданія занимающей насъ книги. Ив. М—чъ, можно сказать, удачно справился съ указанными трудностями и успѣлъ выдѣлить въ славянскихъ памятникахъ то, что дѣйствительно относится къ круговой порукѣ отъ того, что по недоразумѣнію принималось нѣкоторыми изслѣдователями за таковое. Какъ здѣсь, такъ и въ другихъ частяхъ своей магистерской диссертаціи онъ останавливался попутно и на нѣкоторыхъ другихъ явленіяхъ древнеславянскаго быта, относительно которыхъ высказалъ заслуживающія полнаго вниманія соображенія. Таковы, напримѣръ, его замѣтки, на стр. 114—117 втораго изданія, о встрѣчающемся въ русской Правдѣ словѣ *верь*, относительно котораго высказываемы были разныя мнѣнія въ русской ученой литературѣ. И. М. не сомнѣвается, что слово *верь* хотя и является въ Русской Правдѣ въ значеніи территоріальнаго союза, но первоначально оз-

---

[1]) Въ Monumenta historico-juridica slavorum meridionalium. Pars I. vol. IV: Statuta lingua croatica conscripta. U Zagrebu 1890, p. IX—XL, 27—141, 228—247.

начало отдѣльный родственный союзъ, весь родъ со всѣми его развѣтвленіями, съ каковымъ значеніемъ это слово встрѣчается въ древнихъ памятникахъ хорватскаго права (Полицкомъ статутѣ). При этомъ онъ весьма кстати припоминаетъ, что и латинское слово linea означаетъ не только веревку, но и связь родства, родъ, (linea sanguinis).

Занимающее насъ тутъ изслѣдованіе покойнаго, по обилію собраннаго въ немъ и критически разработаннаго матеріала, является весьма полезною книгою. Она не замедлила обратить на себя вниманіе и западнославянскихъ ученыхъ;—ею, вскорѣ послѣ появленія перваго изданія, пользовался Миклошичъ въ своемъ изслѣдованіи „о кровной мести у славянъ", обнародованномъ въ 1887 году [1]).

Изъ своего ближайшаго ознакомленія съ сочиненіями, посвященными изученію славянскихъ правъ И. М—чъ вынесъ убѣжденіе, что большинство этихъ сочиненій построено на шаткихъ основаніяхъ, что даже и господствующіе въ славянской научной литературѣ взгляды на такіе кардинальные вопросы, каковы вопросы о характерѣ древнихъ славянъ и ихъ бытѣ, не отличаются особенною прочностію. Такое убѣжденіе побудило почившаго заняться обстоятельнымъ изученіемъ этихъ взглядовъ и критическою ихъ оцѣнкою, что̀ онъ и попытался сдѣлать въ своей докторской диссертаціи, изданной года четыре тому назадъ подъ заглавіемъ: „Ученія о національныхъ особенностяхъ характера и юридическаго быта древнихъ славянъ". Харьковъ 1892. Стр. 336—XII. Въ этомъ сочиненіи, распадающемся на двѣ, почти равныя по объему, части, И. М., излагая происхожденіе и развитіе ученій о характерѣ и юридическомъ бытѣ древняго славянства, доказываетъ, что ученія эти, отличавшіяся сначала, въ 18-мъ вѣкѣ, объективнымъ, сравнительно, характеромъ (въ трудахъ Татищева, Болтина, Верхнелужичанина Антона и др.), съ начала нынѣшняго вѣка стали на ложный путь подъ вліяніемъ Гердера и Жанъ Жака Руссо, идеи которыхъ особенно пришлись по сердцу польскимъ, а затѣмъ и чешскимъ ученымъ. За перенесеніе идей Гердера и Руссо на славянскую почву и разработку въ ихъ духѣ разныхъ сторонъ древнеславянскаго быта И. М. винитъ главнымъ образомъ Суровецкаго, Шафарика и Лелевеля, авторитетъ которыхъ утвердилъ въ славянской наукѣ субъективный сентиментально—поэтическій взглядъ на славянскую старину, взглядъ, господствовавшій слишкомъ долго, не смотря на то, что противъ него время отъ времени раздавались голоса болѣе трезвыхъ славянскихъ изслѣдователей. Въ занимающей насъ тутъ книгѣ И. М. подвергаетъ

[1]) Die Blutrache bei den Slaven, въ Denkschriften der philosophisch—historischen Classe der Kaiserlichen akademie der Wissenschaften. B. XXXVI.

указанный взглядъ повѣркѣ по многочисленнымъ историческимъ свидѣтельствамъ, представляющимъ характеръ и бытъ древнихъ славянъ совершенно въ иномъ свѣтѣ.

Книга эта, написанная очень бойко и съ рѣзкими обвиненіями по адресу вышепоименованныхъ славянскихъ авторитетовъ, особенно Шафарика и Лелевеля, вызвала весьма оживленныя обсужденія, которыя, начавшись въ стѣнахъ нашего университета, въ памятныхъ засѣданіяхъ нашего общества и на докторскомъ диспутѣ, длившемся безъ перерыва болѣе шести часовъ, не замедлили перейти и въ періодическую печать, не только русскую, но и западнославянскую. На сколько мнѣ извѣстно, болѣе или менѣе значительные рецензіи, отчеты, отзывы о занимающемъ насъ тутъ трудѣ покойнаго появлялись въ слѣдующихъ изданіяхъ.

1) Въ Юридическомъ Вѣстникѣ за 1892 г. (рецензія Н. О. Куплевасскаго).

2) Въ Славянскомъ Обозрѣніи, 1892, Іюль—Августъ (А. С. Вязигина).

3) Въ Кіевской Старинѣ 1892, Октябрь, Ноябрь, Декабрь („Обширная критическая оцѣнка“, составленная Д. И. Багалѣемъ).

4) Въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ.

5) Въ Вѣстникѣ Европы, 1892, Іюль.

6) Въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1893 Мартъ и Іюнь.

7) Въ Историческомъ Обозрѣніи т. V, 1893 (отчетъ о докторскомъ диспутѣ, составленный профессоромъ А. Н. Деревицкимъ).

8) Въ Временникѣ Демидовскаго лицея, кн. 6, 1893.

9) Въ Историческомъ Вѣстникѣ, Декабрь 1892 или Январь 1893.

10) Въ Сѣверномъ Вѣстникѣ за 1892 (?)

11) Въ Русской Мысли 1893, Апрѣль.

12) Въ Недѣлѣ 1892, Май.

13) Въ Новомъ Времени 1893, 1 Января.

14) Въ Русскихъ Вѣдомостяхъ 1892, Май.

15) Въ издаваемомъ академикомъ Ягичемъ Archiv für Slavische Philologie, т. XVI, 1894.

16) Въ редактируемомъ профессорами Пражскаго университета Чешскомъ журналѣ Naše doba 1894, № 6.

17) Въ другомъ весьма почтенномъ чешскомъ журналѣ, издаваемомъ въ Прагѣ, Osvěta, 1894 года.

Считаю нужнымъ припомнить, что обширная рецензія Д. И. Багалѣя, помѣщенная въ трехъ книгахъ Кіевской Старины, вышла и от-

дѣльною брошюрой, въ 60 страницъ (Къ исторіи ученій о бытѣ древнихъ славянъ и пр., Кіевъ 1892).

Не сомнѣваясь, что вы знакомы съ русскими отзывами, по крайней мѣрѣ съ главнѣйшими изъ нихъ, я остановлюсь здѣсь лишь на отзывахъ западнославянскихъ.

Рецензія, помѣщенная въ архивѣ Ягича, принадлежитъ перу молодого вѣнскаго слависта М. Мурко. Она занимаетъ около 15-ти страницъ и начинается сжатымъ, но довольно полнымъ, мастерски составленнымъ изложеніемъ содержанія разсматриваемаго сочиненія. Переходя къ оцѣнкѣ послѣдняго, г. Мурко особенно подробно останавливается на слабыхъ сторонахъ его, причемъ кромѣ такихъ недостатковъ, на которые съ большею или меньшею обстоятельностію было указано и нѣкоторыми русскими рецензентами, особенно оппонентами на докторскомъ диспутѣ, онъ отмѣчаетъ и другія несовершенства, главнымъ образомъ пробѣлы. Изъ этихъ отмѣтокъ г-на Мурка особеннаго вниманія заслуживаютъ его указанія на то, что, кромѣ Гердера, на возникновеніе идеальнаго представленія о древнемъ славянствѣ могли оказать вліяніе и нѣкоторые другіе нѣмецкіе писатели, также отзывавшіеся сочувственно о характерѣ, нравахъ и обычаяхъ славянъ. Таковы, напримѣръ, Геннингъ, Я. Гриммъ, И. Фатеръ, Коль, Аделунгъ, Гете, Тальви, которымъ, какъ и Гердеру, Колларъ въ своей „Slavy dcera", отводитъ мѣсто на славянскомъ небѣ за оказанныя ими услуги славянамъ. Касаясь извѣстныхъ отзывовъ И. М-ча о Шафарикѣ, г. Мурко доказываетъ ихъ неумѣстность, между прочимъ, чрезвычайно интересными данными, которыя встрѣчаются въ перепискѣ знаменитаго слависта. При этомъ, однако, г. Мурко не отрицаетъ важности сдѣланнаго покойнымъ открытія, что представленная Шафарикомъ въ его исторіи славянскихъ языковъ и литературъ характеристика славянъ и ихъ культуры является дословнымъ переводомъ на нѣмецкій языкъ, съ незначительными лишь сокращеніями, двухъ церковныхъ проповѣдей Коллара, изданныхъ въ 1822 г. подъ заглавіемъ: Dobré vlastnosti národu slovanskèho [1]). Изъ переписки Шафарика и изъ нѣкоторыхъ другихъ такого же рода источниковъ г. Мурко приводитъ далѣе нѣсколько цѣнныхъ указаній, не оставляющихъ сомнѣнія въ томъ, что вліяніе польскихъ ученыхъ (Суровецкаго, Потоцкаго, Раковецкаго, Лелевеля) на Шафарика, Коллара и др. чешскихъ писателей было гораздо сильнѣе, чѣмъ думалъ И. М.

---

[1]) Открытіе это г. Мурко называетъ etwas überraschend, на стр. 257, ganz hübsch на стр. 266.

Не смотря на строгое отношеніе къ отрицательнымъ сторонамъ докторской диссертаціи покойного, г-нъ Мурко вообще отзывается о ней съ похвалою, какъ о весьма поучительномъ и интересномъ сочиненіи (sehr belehrend und anregend), заслуживающемъ вниманія самаго широкаго круга читателей, интересующихся духовною жизнію славянскихъ народовъ. По словамъ г-на Мурка, „авторъ остановился на весьма важномъ принципіальномъ вопросѣ, своевременность постановки котораго доказалъ совершенно основательно (hat vollkommen begründet) въ своемъ историческомъ изложеніи и очень многое сдѣлалъ для правильнаго уясненія его".

Въ небольшой припискѣ къ своей рецензіи г. Мурко останавливается на вышеупомянутой брошюрѣ Д. И. Багалѣя, полученной имъ довольно поздно, когда рецензія его была окончена и уже сдана въ печать. Брошюру эту онъ рекомендуетъ особенному вниманію читателей, но съ нѣкоторыми оговорками. Изложенныя въ ней Д. И. Багалѣемъ указанія на методологическія ошибки критикуемой книги и на несправедливое отношеніе ея автора къ нѣкоторымъ изъ прежнихъ изслѣдователей г. Мурко находитъ основательными. Но онъ не соглашается и съ болѣе общими выводами брошюры, особенно съ заключительными ея строками, въ которыхъ Д. И. Багалѣй говоритъ слѣдующее: „Обобщая все сказанное, мы должны сознаться, что для уясненія вопроса о характерѣ и юридическомъ бытѣ славянъ нужно написать новое сочиненіе, ибо книга профессора Собѣстіанскаго его совсѣмъ не разрѣшаетъ". Противъ этого заключенія г. Мурко замѣчаетъ: „но Собѣстіанскій и не ставилъ себѣ такой задачи, а только бросилъ историко-критическій взглядъ на ученія о древнеславянскомъ національномъ характерѣ, относительно котораго дѣйствительно существовали, да и теперь еще въ ходу предвзятыя теоріи".

Еще болѣе благопріятный отзывъ о докторской диссертаціи И. М-ча мы находимъ въ рецензіи чешскаго журнала Naše doba, также начинающейся довольно обстоятельнымъ изложеніемъ содержанія разсматриваемой книги, особенно первой половины ея, посвященной ученіямъ о характерѣ славянъ. Рецензентъ этотъ былъ знакомъ съ тѣми возраженіями, которыя дѣлались И. М-чу на докторскомъ диспутѣ [1]), а также въ критикѣ Д. И. Багалѣя и рецензіи г. Р-скаго, помѣщенной въ Ж. М. Н. Просвѣщенія. Нѣкоторыя изъ этихъ возраженій онъ находитъ основательными, другія же кажутся ему несправедливыми, преувеличивающими недостатки разбираемой книги. Онъ беретъ послѣднюю подъ свою защиту противъ такихъ слишкомъ строгихъ, по его мнѣнію, отзывовъ, замѣчая:

[1]) По обстоятельному отчету А. Н. Деревицкаго объ этомъ диспутѣ, помѣщенному въ Историческомъ Обозрѣніи т. 5, 175—191.

„Книга не заслуживаетъ порицанія (hany nezasluhuje). Не говоря уже о необыкновенной (velké) самостоятельности автора, о его начитанности и знаніи дѣла, мы думаемъ, что и основное положеніе его, вопреки всякимъ нападкамъ на него, вѣрно. Изображеніе характера и быта древнихъ славянъ, до сихъ поръ дѣйствительно было такимъ, какимъ представляетъ его Собѣстіанскій, называя сентиментально поэтическимъ. Такой взглядъ и теперь еще проводится въ разныхъ учебникахъ и исторіяхъ... Въ рѣшительномъ опроверженіи означеннаго неправильнаго взгляда, хотя бы въ деталяхъ этого опроверженія и попадались погрѣшности, мы видимъ главный утѣшительный результатъ разсматриваемаго труда, который несомнѣнно выведетъ кое кого на лучшую дорогу". Рецензентъ журнала Naše doba заканчиваетъ свой отзывъ указаніемъ на то, что и по вопросу о вліяніи Гердера и Руссо на происхожденіе сентиментальной славянской теоріи онъ склоняется къ мнѣнію автора занимающей насъ книги.

Особенный интересъ представляетъ третій изъ вышеозначенныхъ западнославянскихъ отзывовъ о докторской диссертаціи И. М—ча, помѣщенный въ Чешскомъ журналѣ Osvěta 1894 г. Отзывъ этотъ тутъ высказанъ не въ отдѣльной рецензіи, а въ довольно большой статьѣ д-ра *Карла Кадлеца*, носящей такое заглавіе: Několik kapitol z oboru slovanského prava (нѣсколько главъ изъ области славянскаго права). При составленіи этой статьи, занимающей 53 страницы и раздѣленной на три главы, д-ръ Кадлецъ широко пользовался занимающей насъ книгою покойнаго, на что и указываетъ въ подстрочномъ примѣчаніи, на стр. 5-й, гдѣ, по весьма понятнымъ побужденіямъ, счелъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ въ защиту этой книги противъ извѣстной критики профессора Багалѣя. „Въ Россіи, замѣчаетъ тутъ г. Кадлецъ, къ сочиненію Собѣстіанскаго очень сурово (velmi příkře) отнесся Д. И. Багалѣй. Хотя многіе упреки (vytky), которые Багалѣй дѣлаетъ Собѣстіанскому и справедливы, мы думаемъ однако, что сочиненіе это не заслуживаетъ безусловнаго осужденіе. Напротивъ, въ основной своей части сочиненіе Собѣстіанскаго весьма хорошо (velmi dobré). Да и по вопросу о вліяніи Гердера на славянскія литературы мы вполнѣ соглашаемся съ Собѣстіанскимъ, хотя и находимъ, что ученіе Гердера не было апріорнымъ, какъ онъ думаетъ". Докторъ Кадлецъ особенно цѣнитъ занимающую насъ тутъ книгу покойнаго за то, что въ ней собрано много данныхъ (mnohá data) относительно генезиса ученій о характеристическихъ особенностяхъ славянскаго быта. По этимъ даннымъ г. Кадлецъ и составилъ главнымъ образомъ первую главу своей интересной статьи, посвященную обзору начальныхъ трудовъ по славянскому праву (Počatky studia slovanského práva).

Считаю нелишнимъ припомнить, что приведенные тутъ западнославянскіе отзывы о докторской диссертаціи Ив. М—ча появились почти одновременно, въ 1894 г., и, слѣдовательно, не могли находиться въ зависимости одинъ отъ другаго. Если же всѣ они сошлись такъ близко въ оцѣнкѣ книги, особенно—ея положительныхъ сторонъ, то это, на нашъ взглядъ, только усиливаетъ научное ихъ значеніе. Такой характеръ этихъ отзывовъ дѣлаетъ ихъ тѣмъ интереснѣе для насъ, что они въ общемъ сходятся съ отзывами оффиціальныхъ судей и оппонентовъ Ив. М—ча на его докторскомъ диспутѣ, отличаясь отъ нихъ главнымъ образомъ лишь болѣе сочувственнымъ отношеніемъ къ несомнѣннымъ достоинствамъ сочиненія.

Магистерская и докторская диссертаціи покойнаго были задуманы, а первая до извѣстной степени и отдѣлана еще во время приготовленія его къ занятію каѳедры славянскаго права. Но каѳедра эта, просуществовавшая около двадцати лѣтъ лишь въ университетскомъ уставѣ 1863 г., была совсѣмъ уничтожена новымъ уставомъ, и И. М. вскорѣ по возвращеніи его изъ заграничной командировки, въ 1887 г., былъ переведенъ на освободившуюся тогда въ нашемъ университетѣ каѳедру исторіи русскаго права. Новое дѣло налагало на покойнаго новые тяжелые труды особенно въ первые годы его преподавательской дѣятельности, когда онъ долженъ был составлять университетскій курсъ по предмету, хотя ему и не чуждому, но имѣвшему для него второстепенное значеніе во время приготовленія къ профессорскому званію. Тѣмъ не менѣе онъ и тутъ находилъ время для работъ въ излюбленной имъ области славяновѣдѣнія. Въ эти то именно годы имъ была окончена докторская диссертація, по изданіи которой онъ также не переставалъ съ живѣйшимъ интересомъ слѣдить за всѣми новостями въ области славянскаго права, появлявшимися какъ въ русской, такъ и въ западно-славянской научной литературѣ. Особенно интересовали его такіе новые труды, которые имѣли болѣе или менѣе близкое отношеніе къ предмету его докторской диссертаціи или же вызываемы были ею. На нѣкоторыя изъ статей послѣдняго рода онъ давалъ печатные отвѣты: въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія (1893 г. Іюнь, отвѣтъ г-ну Р—скому), въ запискахъ Харьковскаго Университета (1893 г. II, отвѣтъ профессору Багалѣю). Какъ въ своей, хорошо памятной всѣмъ намъ устной защитѣ въ засѣданіяхъ нашего общества и на докторскомъ диспутѣ, такъ и въ печатныхъ отвѣтахъ, И. М. горячо защищалъ свои мнѣнія и нѣкоторыя изъ сдѣланныхъ ему возраженій успѣлъ ослабить и даже совсѣмъ устранить. Но при этомъ онъ съ благодарностію принималъ вполнѣ обоснованныя указанія на сла-

быя стороны его докторской диссертаціи, особенно на встрѣчающіеся въ ней пробѣлы, и пользовался такими указаніями при переработкѣ этого своего труда для новаго изданія, къ которому и намѣревался въ скоромъ времени приступить. О томъ, какія значительныя дополненія дѣлались имъ въ новомъ изданіи, можно судить по лекціямъ, которыя онъ въ прошломъ году читалъ на женскихъ курсахъ и которыя тоже были посвящены ученіямъ о характерѣ и бытѣ древнихъ славянъ. Значительная часть первой изъ этихъ лекцій, на которой я имѣлъ удовольствіе присутствовать, была составлена на основаніи извѣстной книги профессора Ламанскаго, [1]) о которой вовсе не упоминалось въ 1-мъ изданіи диссертаціи покойнаго.

Кромѣ переработки послѣдней для новаго изданія, И. М. въ послѣдніе два года своей жизни готовилъ и другіе труды по славяновѣдѣнію. Особеннно усердно онъ трудился надъ статьею объ южно-славянской *задругѣ,* относительно которой имъ заготовленъ былъ довольно значительный матеріалъ, отчасти совершенно новый, неизвѣстный прежнимъ изслѣдователямъ.

Извѣстно, какое большое значеніе почившій придаетъ въ своей докторской диссертаціи изданной болѣе ста лѣтъ тому назадъ книгѣ верхнелужичанина Антона, которую называетъ, вполнѣ основательно, „первымъ, по времени, трудомъ, посвященнымъ систематической разработкѣ вопроса о характерѣ и нравахъ древнихъ славянъ“ (стр. 4). Онъ собирался издать въ русскомъ переводѣ эту очень рѣдкую теперь и совсѣмъ почти позабытую книгу, большая часть которой уже и была переведена имъ. Насколько это намѣреніе И. М—ча было умѣстно, доказываетъ, между прочимъ, и то обстоятельство, что въ славянской коммиссіи при Московскомъ археологическомъ обществѣ, не такъ давно 23-го января 1894 г., читанъ былъ профессоромъ Линниченкомъ рефератъ о книгѣ Антона, какъ о весьма рѣдкомъ, но во многихъ отношеніяхъ важномъ сочиненіи [2]).

Если припомнимъ при этомъ, что указанными новыми трудами по славяновѣдѣнію И. М. занимался одновременно съ литографированіемъ своего университетскаго курса по исторіи русскаго права и обработкою объявленныхъ уже имъ новыхъ чтеній для женщинъ, то мы легко поймемъ, среди какой оживленной дѣятельности онъ былъ застигнутъ смер-

---

[1]) Объ историческомъ изученіи греко-славянскаго міра въ Европѣ Спб. 1871.

[2]) Древности. Труды славянской коммиссіи „т. I, Москва“ 1895. Протоколъ 11-го засѣданія, стр. 27.

тію.—Тяжело подумать, что вмѣстѣ съ его останками мы похоронили столь много свѣтлыхъ надеждъ, которыя подавала его богато одаренная натура, его обширныя свѣдѣнія по излюбленной имъ отрасли славяновѣдѣнія, умѣнье справляться съ трудными научными задачами, необыкновенная энергія и, наконецъ, его цвѣтущее по виду здоровье.

М. Дриновъ.

Н. Ф. Одарченко.

НЕКРОЛОГЪ.

30-го декабря 1895 года, въ 5 часовъ утра, послѣ тяжкой болѣзни скончался Николай Филипповичъ Одарченко, директоръ 2-й Харьковской гимназіи. Роковой недугъ (крупозное воспаленіе легкихъ) прервалъ многоплодную и благотворную дѣятельность выдающагося педагога.

По окончаніи курса въ Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ со степенью кандидата историко-филологическаго факультета въ 1858 г., Николай Филипповичъ поступилъ на службу во 2 Харьковскую гимназію преподавателемъ исторіи въ 1861 году и съ того времени не оставлялъ служебнаго поприща до самой смерти. Въ должности преподавателя исторіи онъ несъ также и другіе труды по гимназіи, то завѣдывая фундаментальною библіотекою, то исполняя обязанности секретаря педагогическаго совѣта, то состоя воспитателемъ при гимназіи. Въ 1872 году онъ былъ назначенъ инспекторомъ той же гимназіи, спустя годъ инспекторомъ Харьковской прогимназіи, а въ 1874 году директоромъ Бѣлгородской гимназіи и предсѣдателемъ педагогическаго совѣта Бѣлгородской женской прогимназіи (впослѣдствіи гимназіи). Въ 1883 году перемѣщенъ на должность директора 2-й Харьковской гимназіи съ порученіемъ ему обязанностей предсѣдателя педагогическаго совѣта женской гимназіи Д. Д. Оболенской.

Въ теченіе своей педагогической дѣятельности Н. Ф. преподавалъ, кромѣ исторіи и географіи, и языки: русскій, латинскій и греческій, но излюбленнымъ его предметомъ остался греческій языкъ, который онъ и преподавалъ въ теченіе послѣднихъ 18 лѣтъ своей службы, съ 1877 г.

Спокойствіе и серьезность въ преподаваніи, мастерское изложеніе, наглядное и ясное объясненіе самыхъ отвлеченныхъ понятій, обдуманный и вполнѣ зрѣлый пріемъ преподаванія—вотъ тѣ черты, которыя съ первыхъ шаговъ педагогической дѣятельности Николая Филипповича открыли въ немъ выдающагося педагога. Обладая богатыми умственными способностями, необыкновенною памятью, громадною начитанностію, фи-

лософскимъ складомъ ума, знаніемъ многихъ иностранныхъ языковъ—латинскаго, греческаго, французскаго, нѣмецкаго, англійскаго, онъ очаровывалъ каждаго слушателя какъ въ классѣ гимназіи, такъ и въ частной бесѣдѣ. Пишущій эти горькія строки хорошо помнитъ, какое чарующее впечатлѣніе произвелъ Н. Ф. предъ вступленіемъ на службу чтеніемъ, по обычаю того времени, пробныхъ уроковъ въ присутствіи педагогическаго совѣта 2-й Харьковской гимназіи. Педагогическій совѣтъ этой гимназіи вполнѣ оцѣнилъ высокія достоинства художественныхъ пробныхъ уроковъ Николая Филипповича и, такъ какъ онъ предназначался на вакантную должность преподавателя исторіи въ Курскую гимназію, то, помнится, бывшій въ то время директоръ 2-й гимназіи, Г. С. Шведовъ, счелъ нравственнымъ долгомъ употребить всѣ усилія, чтобы отклонить его отъ поступленія въ Курскую гимназію и удержать его въ Харьковѣ. Ему въ этомъ случаѣ посчастливилось, и 2-я гимназія пріобрѣла въ покойномъ даровитаго преподавателя-художника. И дѣйствительно Н. Ф. въ дѣлѣ преподаванія обладалъ художественнымъ тактомъ. Онъ всегда умѣлъ освѣтить, освѣжить, живо объяснить, художественно воплотить какой бы то ни было неясный, темный образъ изъ области преподаваемыхъ имъ предметовъ. И будучи директоромъ, онъ искалъ и въ преподавателяхъ ввѣренной ему гимназіи той художественной мѣрки, которою, по его мнѣнію, должно отличаться преподаваніе всякаго предмета.

Изъ $34^1/_2$ лѣтъ службы Н. Ф. въ теченіе 21 года состоялъ директоромъ гимназіи. Понятно, что при указанныхъ выше достоинствахъ онъ и въ отправленіи обязанностей директора держалъ высоко ввѣренное ему знамя. Одаренный добрымъ сердцемъ, мягкостію характера, отличаясь строгостію и справедливостію, чуждый всякой мелочности и суетливости, Н. Ф. требовалъ отъ своихъ сослуживцевъ неуклоннаго исполненія обязанностей, причемъ умѣлъ уважать въ каждомъ сослуживцѣ достоинство человѣка, помня прежде всего, что человѣкъ отъ природы не лишенъ недостатковъ. И какъ директоръ, онъ возбуждалъ къ себѣ искреннее уваженіе и любовь какъ сослуживцевъ, такъ и учащихся.

Миръ праху сердечнаго и благороднаго, честнаго и справедливаго человѣка и педагога!

А. Левандовскій.

ОТЧЕТЪ

о дѣятельности Историко-Филологическаго Общества

въ 18⁹⁴/₉₅ академическомъ году.

(Составленъ Н. Ѳ. Сумцовымъ).

Въ засѣданіи Историко-Филологическаго Общества 16 сентября 1894 г., по прочтеніи и утвержденіи протокола прошлаго засѣданія, былъ заслушанъ и утвержденъ слѣдующій денежный отчетъ за $18^{93}/_{94}$ академическій годъ. **Остатокъ** отъ прошлаго года 121 руб. 63 коп. **Приходъ**: взносы членовъ Историко-Филологическаго Общества—155 р., членовъ педагогическаго отдѣла 138 р., продано изданій Общества и взыскано съ П. П. Джунковскаго за проданныя имъ книги всего на 69 р. 20 к., отъ 26 подписчиковъ на соч. Сковороды 78 р., всего **561** р. **83** к. **Расходъ**: на переписку рукописей Сковороды 100 р. 83 к., за портретъ Сковороды 12 р., правленскимъ служителямъ 31 р., расходы по архиву 28 р., почтовые 29 р. 10 к., телеграммы 9 р. 55 к., переплетчику 22 р. 65 к., наградныя: Петру Полозову 20 р., наборщикамъ 3 р., за бланки 2 р., на документы по полученію жалованія и пансіона А. А. Потебни за посмертный мѣсяцъ на премію его имени 3 р. 20 к., за Археологическія извѣстія 3 р. и по иску съ Джунковскаго 2 р. 50 к., всего **266 р. 83 к.** Остатокъ на $18^{94}/_{95}$ г. **295 руб.**

На изданіе VI т. Сборника и архивныхъ матеріаловъ было 413 р. 8 к. Уплочено Токареву за бумагу 97 р. 50 к. и подлежитъ къ уплатѣ въ Типографію Губернскаго Правленія по счету отъ 31 августа 1894 г. 431 руб.

Проф. *Н. Ѳ. Сумцовъ* сказалъ краткую рѣчь о высокихъ личныхъ достоинствахъ и научныхъ заслугахъ покойнаго профессора богословія Харьковскаго университета В. И. Добротворскаго; память его была почтена вставаніемъ.

Проф. *Д. И. Багалѣй* доложилъ о дѣятельности коммиссіи по изданію сочиненій Г. С. Сковороды, и общество одобрило принятыя єю рѣшенія, причемъ постановлено выразить благодарность отъ имени общества В. И. Срезневскому и Л. П. Тамарѣ за доставку неизданныхъ сочиненій Сковороды и проф. И. В. Нетушилу за трудъ по корректурѣ и оглавленію писемъ на латинскомъ языкѣ.

Постановлено выслать изданія общества въ рус. историч. общество, въ Рус. археологическій институтъ въ Константинополѣ и въ Хабаровскую публичную библіотеку. Часть оттисковъ автобіографіи С. Л. Геевскаго постановлено выслать сыну его А. С. Геевскому и часть передать въ Педагогическій отдѣлъ.

Рѣшено поставить на могилѣ Г. С. Сковороды къ 29 октября, т. е. ко дню столѣтія со дня его кончины, желѣзную ограду въ замѣнъ развалившейся деревянной.

Проф. Г. В. Левицкій внесъ мотивированное предложеніе объ организаціи правильной и ежегодной раскопки кургановъ и городицъ Харьковской губерніи. Предложеніе это встрѣчено было съ большимъ сочувствіемъ и для разработки связанныхъ съ нимъ вопросовъ назначена коммиссія изъ Г. В. Левицкаго, Д. И. Багалѣя, Р. И. Шерцля, Е. К. Рѣдина и Н. Ѳ. Сумцова. Предсѣдатель благодарилъ Г. В. Левицкаго за его интересный докладъ и высказалъ отъ имени Общества сожалѣніе, что съ предстоящимъ на дняхъ переходомъ Г. В. на службу къ Юрьевскій университетъ Общество теряетъ въ немъ доброжелательнаго и дѣятельнаго сотрудника.

Проф. А. С. Лебедевъ прочелъ рефератъ о бывшемъ бѣлгородскомъ архіеп. Феоктистѣ Мочульскомъ, именно о его просвѣтительной дѣятельности. Докладъ этотъ представляетъ одну главу изслѣдованія, составленнаго по неизданнымъ документамъ Харьковской и Курской духовныхъ консисторій и Харьковской духовной семинаріи. Въ рефератѣ подробно обрисованы заботы Ф. Мочульскаго объ усиленіи образовательныхъ средствъ Харьковскаго коллегіума и Бѣлгородской семинаріи. Послѣдняя была учреждена самимъ Ф. М—имъ въ 1790 г. и доведена до большаго процвѣтанія. Ф. М. заботился и о низшихъ духовныхъ училищахъ. Особенно онъ настаивалъ на развитіи въ ученикахъ литературныхъ интересовъ и умѣніи составлятъ привѣтствія знатнымъ лицамъ. Онъ одобрилъ введеніе въ Харьковскомъ коллегіумѣ естественныхъ наукъ и физики и рекомендовалъ введеніе геометріи и механики. Харьковскій университетъ почтилъ знаменитаго ревнителя научнаго образованія, избравъ его въ 1815 г. въ почетные члены. Ф. М. прислалъ благодарственное письмо, въ которомъ при подписѣ обозначилъ и свой преклонный возрастъ (87 лѣтъ).

Въ концѣ засѣданія предсѣдателемъ и секретаремъ единогласно были избраны лица, занимавшія эти должности въ истекшемъ году.

Въ засѣданіи Историко-Филологическаго Общества 12-го октября, по прочтеніи и утвержденіи протокола прошлаго засѣданія, доложено, что желѣзная рѣшетка для ограды на могилѣ Г. С. Сковороды готова и приняты мѣры для ея отправки и постановки. Постановлено назначить на воскресенье 30 октября, въ 1 часъ дня, публичное засѣданіе въ память Г. С.

Сковороды съ докладами А. С. Лебедева, Ѳ. А. Зеленогорскаго и Д. И. Багалѣя о жизни и философіи Сковороды. Члену общества А. В. Ветухову дано цензурное разрѣшеніе на печатаніе и изданіе прочитанной имъ въ одномъ изъ предшествовавшихъ засѣданій статьи о значеніи языкознанія по даннымъ въ сочиненіяхъ А. А. Потебни. Доложено о полученіи отъ г. предводителя дворянства Александровскаго уѣзда Екатеринославской губерніи графа Ив. Викт. Канкрина изслѣдованія его о еврейскихъ земледѣльческихъ колоніяхъ Постановлено благодарить гр. И. В. Канкрина.

Е. К. Рѣдинъ прочелъ рефератъ о жизни и ученыхъ трудахъ основателя христіанской археологіи Дж. де-Росси, умершаго въ сентябрѣ текущаго года. Общество почтило память знаменитаго ученаго вставаніемъ.

М. М. Плохинскій сдѣлалъ сообщеніе о почетныхъ членахъ Харьковскаго университета за первое десятилѣтіе его существованія (до 1815 г.) по даннымъ университетскаго архива.

Засѣданіе Историко-Филологическаго Общества 10 ноября было открыто слѣдующими словами предсѣдателя общества, проф. *М. С. Дринова* выслушанными стоя: „Нынѣшнее засѣданіе Историко-Филологическаго Общества является первымъ послѣ кончины незабвеннаго Государя Александра Александровича. Эта преждевременная смерть повергла всѣхъ насъ въ глубокое горе. Удручающая насъ скорбь настойчиво вызываетъ въ душѣ воспоминаніе о высокихъ личныхъ качествахъ почившаго Монарха и о дѣлахъ, совершенныхъ въ его царствованіе. Въ настоящую минуту при первой нашей встрѣчѣ послѣ роковаго 20 октября помыслы наши сами собой сосредоточиваются на заслугахъ почившаго Государя по отношенію къ наукѣ, во имя которой мы собрались здѣсь. Всѣмъ намъ хорошо извѣстенъ тотъ живой интересъ, который выказывалъ покойный Императоръ къ близкимъ нашему Историко-Филологическому Обществу отраслямъ знанія. Достаточно припомнить, что Онъ былъ предсѣдателемъ Русскаго Историческаго Общества, въ занятіяхъ котораго принималъ непосредственное участіе. Припомнимъ и то вниманіе, съ которымъ онъ относился къ занятіямъ археологическихъ и другихъ ученыхъ съѣздовъ, въ частности къ трудамъ выдающихся русскихъ ученыхъ. Будущіе историки царствованія Александра III несомнѣнно обратятъ вниманіе также на то обстоятельство, что въ это царствованіе русская наука и литература, а вмѣстѣ съ ними и русскій языкъ получили широкое распространеніе за предѣлами Россіи въ славянскихъ и другихъ образованныхъ странахъ. Произведенія русской художественной литературы сдѣлались излюбленнымъ чтеніемъ заграницей. Вмѣстѣ съ тѣмъ и ознакомленіе съ произведеніями русской ученой литературы стало серьезной потребностью иностранныхъ ученыхъ, которые основательно изучаютъ ихъ и съ уваженіемъ цитируютъ. Это фактъ, не подле-

жащій сомнѣнію. Онъ подтверждается между прочимъ и тѣми учено-литературными запросами, съ которыми разные иностранные ученые и писатели въ послѣдніе годы все чаще и чаще обращаются къ русскимъ ученымъ, въ томъ числѣ и къ членамъ нашего общества. Такое значительное распространеніе русской литературы за предѣлами Россіи объясняется не только ея внутренними достоинствами, но и личными высокими достоинствами почившаго Государя, которыя, высоко поднявъ значеніе русскаго имени, повсюду возбудили симпатіи къ Россіи и интересъ къ произведеніямъ ея генія, проникнутаго идеями мира и любви“.

Послѣ этого секретарь доложилъ, что отъ правленія Харьковскаго общества взаимнаго вспоможенія учительницъ получена просьба объ устройствѣ для дѣйствительныхъ членовъ безплатныхъ чтеній по всеобщей и русской исторіи и по исторіи литературы. Историко-Филологическое Общество отнеслось съ полнымъ сочувствіемъ къ этому предложенію, причемъ высказано было желаніе, чтобы научныя чтенія были доступны всѣмъ интересующимся, на подобіе тѣхъ чтеній, которыя существуютъ при Харьковскомъ университетѣ по химіи и технологіи. Для ближайшаго обсужденія многихъ вопросовъ по устройству проектированныхъ чтеній избрана коммиссія изъ трехъ членовъ общества—профессоровъ В. П. Бузескула, И. М. Собѣстьянскаго и Н. Ѳ. Сумцова, съ порученіемъ войти съ правленіемъ общества вз. всп. уч. въ обсужденіе и соглашеніе по разнымъ вопросамъ объ устройствѣ чтеній. Изъ членовъ общества заявили готовность прочитать по всеобщей исторіи В. П. Бузескулъ и А. С. Вязигинъ, по русской Д. И. Багалѣй, И. М. Собѣстьянскій и В. И. Савва, по русской литературѣ—Н. Ѳ. Сумцовъ, по всеобщей литературѣ—Л. Ю. Шепелевичъ и С. В. Соловьевъ и по языковѣдѣнію—Д. Н. Овсянико Куликовскій, по 1 лекціи въ недѣлю, начиная съ 1895 г.

Постановлено послать попечителю Кавказскаго учебнаго округа К. П. Яновскому телеграмму по случаю 50-ти лѣтія его служебной и просвѣтительной дѣятельности.

Заслушанъ и утвержденъ докладъ секретаря о произведенныхъ расходахъ по изданію 7-го т. Сборника. Для членовъ общества цѣна за этотъ томъ назначена 3 р. (вм. 4 р.). Отклонена просьба г. Менюшскаго о безплатной ему высылкѣ послѣднихъ томовъ Сборника.

Въ отвѣтъ на привѣтственную телеграмму г. попечитель Кавказскаго учебнаго округа телеграммой благодарилъ Историко-Филологическое Общество и Педагогическій Отдѣлъ за привѣтствія и пожеланія.

13 ноября въ Торжественномъ залѣ университета состоялось *публичное* засѣданіе Историко-Филологическаго Общества въ память Г. С. Сковороды, по поводу столѣтія со дня его кончины. Професорами Ѳ. А. Зеленогор-

скимъ, А. С. Лебедевымъ и Д. И. Багалѣемъ прочитаны были соотвѣтствующія статьи; секретаремъ прочитаны привѣтственныя телеграммы. Подробно см. въ приложеніи къ отчету.

Въ засѣданіи Историко-Филологическаго Общества 27 ноября, по утвержденіи протоколовъ двухъ предшествовавшихъ засѣданій, постановлено выслать въ Кубанскій областной архивъ копію съ приказа Потемкина о вызовѣ въ армію запорожцевъ; далѣе дано разрѣшеніе на печатаніе и выпускъ въ свѣтъ диссертаціи чл. общ. *С. В. Соловьева* „Легенды объ Іудѣ", прочитанной по частямъ въ засѣданіяхъ общества. Выражена благодарность о. Николаю Лащенкову за содѣйствіе по постановкѣ ограды на могилѣ Г. С. Сковороды.

П. И. Алякритскій прочелъ рефератъ о жизни и научной дѣятельности Н. С. Тихонравова до полученія профессуры. Память Тихонравова, по случаю истеченія года со дня его кончины, была почтена вставаніемъ. По предложенію секретаря, такимъ же образомъ была почтена память А. А. Потебни въ виду уже третьей годовщины со дня его кончины.

Въ засѣданіи Историко-Филологическаго Общества 8 декабря секретарь доложилъ о предположеніяхъ коммиссіи по устройству историко-филологическихъ научныхъ чтеній.

Доложена просьба г. инспектора народныхъ училищъ Сердобскаго уѣзда Саратовской губерніи о высылкѣ во вновь открытую учительскую библіотеку Сердобскаго уѣзда изданій Общества. Постановлено выслать нѣкоторыя изданія Общества съ добавкой даровыхъ сочиненій членовъ Общества.

Выражена благодарность А. Д. Киселеву и Н. Н. Тихоновичу за пожертвованіе старинныхъ рукописей и М. Д. Линдѣ за пожертвованіе книгъ.

Заслушано предложеніе С. Н. Голубкова купить карту харьк. намѣстничества изъ атласа Вильбрехта за 16 руб. Въ виду того, что Общество имѣетъ болѣе старинную карту харьк. намѣстничества, пріобрѣтеніе карты Вильбрехта не представляется необходимымъ и потому г. Голубкову предложено за нее 3 руб.

Постановлено уплатить типографіи губернскаго правленія за напечатаніе XII т. Сборника (сочиненія Г. С. Сковороды) 537 р. по представленному ею счету, и произвести уплату по счету магазина г. Токарева за бумагу.

Сообщеніе *М. М. Плохинскаго* „О Нѣжинскомъ Греческомъ братствѣ" было прочитано по такой программѣ: Сношеніе грековъ съ Московскою и Югозападною Русью. Религіозный и торговый вопросъ въ этихъ сношеніяхъ. Участіе грековъ въ торговлѣ Малороссіи. Торговое значеніе гор. Нѣжина и участіе въ этомъ грековъ. Построеніе греческой церкви въ Нѣжинѣ священникомъ Христодуломъ и основаніе ставропигіальнаго братства при этой

церкви. Значеніе братства для греческаго міра и для Малороссіи. Гетманскіе универсалы и царскія грамоты братству. Привиллегіи братства и положеніе его въ Малороссіи. Эмиграція грековъ въ Малороссію. Племенной составъ братства. Занятія братчиковъ. Отношеніе грековъ къ туземному населенію. Братская церковь.

Сообщеніе это вызвало нѣсколько замѣчаній со стороны А. С. Лебедева, М. С. Дринова и Н. Ѳ. Сумцова.

Въ концѣ засѣданія въ члены Общества избранъ Ар. Ѳед. Котовъ.

Засѣданіе Историко-Филологическаго Общества 11 января было открыто слѣдующей рѣчью проф. *Н. Ѳ. Сумцова*: „Въ октябрѣ прошлаго года въ Львовѣ скоропостижно скончался профессоръ Львовскаго университета по каѳедрѣ русскаго языка и литературы Ом. Огоновскій на 60 г. жизни. Русская читающая публика могла составить нѣсколько одностороннее представленіе объ Огоновскомъ по обширной статьѣ А. Н. Пыпина въ Вѣстникѣ Европы, гдѣ подчеркнуты малорусскія національныя симпатіи Огоновскаго, невыгодно отразившіяся на весьма большомъ, но мало обработанномъ его трудѣ „Исторія литературы русской“. Эта работа полезна для справокъ. Огоновскій оставилъ труды, болѣе цѣнные въ научномъ отношеніи: Комментаріи къ слову о полку Игоревѣ (1876 г.) и „Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache“ (1880). Кромѣ того, Огоновскій былъ крупнымъ общественнымъ дѣятелемъ. Въ положеніи предсѣдателя Общества „Просвита“ онъ оказалъ большія услуги дѣлу народнаго образованія, въ формѣ изданія книгъ на народномъ языкѣ для народнаго чтенія. Въ молодости Огоновскій писалъ стихи, затѣмъ онъ неоднократно брался за чисто литературныя работы, напр., составлялъ историческія драмы. Вообще, это была натура живая и отзывчивая, человѣкъ глубоко преданный интересамъ просвѣщенія и гуманизма. Огоновскій писалъ много и о многомъ; вездѣ онъ обнаруживаетъ склонность къ похвалѣ, къ одобренію, къ признанію, иногда даже къ преувеличенію заслугъ другихъ писателей, вездѣ сторонится отъ личной полемики. Мелкіе личные счеты подъ маской научной критики легко растутъ на галицкой литературной почвѣ, на подобіе сорной травы. И даже Огоновскій, при всей его скромности и мягкости не избѣжалъ передъ кончиной приниженія многолѣтней его науки по одному совсѣмъ пустому поводу. Значеніе Огоновскаго, какъ свѣтильника добра и знанія, давно признано. Такой честный и правдивый человѣкъ какъ А. А. Потебня съ большимъ уваженіемъ относился къ Огоновскому и посылалъ ему свои труды“. По выслушаніи этого некролога, Общество почтило память покойнаго ученаго вставаніемъ.

Секретарь доложилъ, что почетный членъ Харьковскаго университета *Е. С. Гордѣенко* передалъ въ распоряженіе Историко-Филологическаго Об-

щества свои бумаги и разнаго рода пояснительные къ нимъ матеріалы. Общество единогласно избрало Е. С. Гордѣенка своимъ членомъ и постановило издать въ ближайшихъ томахъ Сборника его историческія воспоминанія (о Кокошкинѣ, Кузинѣ, холерѣ 1848 г., крымской войнѣ) и другія статьи, имѣющія въ настоящее время историческое значеніе, а остальные матеріалы передать въ архивъ на храненіе. Разборъ и редактированіе статей поручены Н. Ѳ. Сумцову и В. И. Харцієву.

По тщательномъ обсужденіи назначены слѣдующія темы для сочиненій на *премію* имени А. А. Потебни на 1895 г.: 1) Стиль русскаго эпоса и 2) Наполеонъ I въ русской художественной литературѣ.

Приняты безъ измѣненія всѣ программы историко-филологическихъ научныхъ чтеній, открываемыхъ съ конца января въ I женской Маріинской гимназіи.

Въ засѣданіи Историко-Филологическаго Общества 23 февраля проф. *Н. Ѳ. Сумцовъ* сказалъ нѣсколько словъ о скончавшемся писателѣ Лѣсковѣ и память покойнаго была почтена вставаніемъ. Далѣе постановлено издать 8-й и 9-й томы Сборника, и въ одинъ изъ нихъ внести отчеты, рѣчи, сказанныя въ торжественномъ собраніи въ память Г. С. Сковороды, рецензію проф. *Ѳ. Е. Корша*, историческіе матеріалы, собранные проф. *Мякотинымъ* и членомъ Общества *П. П. Короленкомъ*, изслѣдованіе о гродскихъ судахъ *Д. П. Миллера*, часть этнографическихъ матеріаловъ *Манжуры* и продолженіе описи архива *М. М. Плохинскаго*. Постановлено издать труды педагогическаго отдѣла, не внося ихъ въ Сборникъ, въ нѣсколько увеличенномъ объемѣ, въ виду изданія программъ литературно-научныхъ чтеній Постановлено издать предложенную предсѣдателемъ педагогическаго отдѣла тетрадь для записываніе прочитанныхъ книгъ. Служителю при ахривѣ Петру Полозову выдано 20 р. за выборку собственныхъ именъ изъ архивнаго каталога. По предложенію проф. Д. И. Багалѣя, рѣшено обратиться въ академію наукъ и въ Императорскую публичную библіотеку съ просьбой о высылкѣ Обществу нѣкоторыхъ научныхъ изданій.

Проф. М. С. Дриновъ сдѣлалъ докладъ о второмъ изданіи „Сборника Святослава“ 1076 г. Шимановскаго, указалъ на нѣкоторыя неточности и при этомъ сообщилъ, что готовитъ къ изданію южнославянскія параллели къ „Сборнику Святослава“ 1076 г.

Проф Я. А. Денисовъ предложилъ нѣсколько коньектуръ къ тексту Эсхила. Нѣсколько замѣчаній по этому поводу высказано проф. Г. Ѳ. Шульцемъ и М. А. Масловымъ.

Е. К. Рѣдинъ сдѣлалъ докладъ о превосходномъ изданіи византійскихъ эмалей Звенигородскаго.

По предложенію секретаря общества г. *Грунскій* сдѣлалъ сообщеніе объ одной польской статьѣ (въ Ateneum) по исторіи демонологіи, въ частности о литературныхъ образахъ дьявола.

Въ засѣданіи Историко-Филологическаго Общества 23 марта проф. Н. Ѳ. Сумцовъ сообщилъ, что научныя чтенія для женщинъ почти вполнѣ закончены, такъ какъ на Ѳомину недѣлю осталось всего 2 лекціи одного лектора, позднѣе другихъ начавшаго чтеніе лекціи по римской исторіи. Первый опытъ можно считать вполнѣ удавшимся. Не смотря на спеціально научную постановку чтеній (прочитаны части университетскихъ курсовъ), не смотря на весьма неблагопріятную погоду, лекціи посѣщались усердно и выслушивались вполнѣ внимательно; число слушательницъ на послѣднихъ лекціяхъ было почти столь же значительно, какъ и на первыхъ *).

По предложенію В. П. Бузескула постановлено послать проф. петербургскаго университета извѣстному византинисту В. Г. Васильевскому привѣтственную телеграмму по случаю тридцатилѣтія его плодотворной научной дѣятельности.

Секретарь доложилъ о полученіи отъ В. П. Милорадовича интереснаго сборника народныхъ повѣрій о снахъ, о родинныхъ обрядахъ и колыбельныхъ пѣсняхъ, записанныхъ лично Милорадовичемъ въ Лубенскомъ у. Полт. губ. изъ народныхъ устъ. Матеріалъ распредѣленъ систематично и провѣренъ съ напечатными ранѣе матеріалами этого рода. Постановлено напечатать этотъ трудъ въ одномъ изъ ближайшихъ т. Сборника.

Секретарь доложилъ, что отъ почетнаго члена Харьковскаго университета и члена Историко-Филологическаго Общества Е. С. Гордѣенка получено заявленіе, что всѣ свои книги, бумаги и средства на ихъ изданіе онъ передаетъ въ безсрочное и полное распоряженіе общества. При этомъ секретарь доложилъ, что разборка бумагъ закончена и что печатаніе біографіи и трудовъ Е. С. Гордѣенка, по сообщеніи о томъ въ обществѣ, будетъ начато въ ближайшемъ апрѣлѣ.

Постановлено переписать рецензію Ѳ. Е. Корша, выслать 7 т. Сборника въ Константинопольскій археологическій институтъ и въ полтавскую общественную библіотеку и передать въ редакцію Записокъ Харьковскаго Университета объявленіе о преміяхъ Одесскаго Общества ист. и древн. Въ члены общества предложенъ преподаватель курскаго реальнаго училища Владиміръ Ивановичъ Рязановъ.

Д. И. Багалѣй прочелъ часть своего изслѣдованія объ отношеніи Г. С. Сковороды къ мѣстному обществу, въ частности къ бѣлому и черному духовенству.

---

*) Подробный отчетъ данъ въ приложеніи.

М. М. Плохинскій прочелъ большой рефератъ о торговлѣ нѣжинскихъ грековъ въ прошломъ вѣкѣ. Сообщеніе г. Плохинскаго, составленное по архивнымъ матеріаламъ, касается мало разработанной стороны малорусской исторіи—торговли. Г. Плохинскій сначала очертилъ греческую торговлю мануфактурную, галантерейную, пушную, бакалейную, винную, подробно остановился на греческой торговлѣ косами, указалъ на значеніе греческой торговли на украинскихъ ярмаркахъ, ея раіонъ и культурное вліяніе и коснулся образа жизни и матеріальной обстановки греческихъ купцовъ. Проф. Д. И. Багалѣй подвергъ сообщеніе М. М. Плохинскаго довольно обстоятельному разбору и внесъ ограниченія въ нѣкоторые общіе выводы автора.

Въ засѣданіи Историко-Филологическаго Общества 13 мая секретарь доложилъ, что въ день столѣтія со дня рожденія Шафарика въ Прагу была послана отъ имени Общества телеграмма слѣдующаго содержанія: „Харьковское Историко-Филологическое Общество, съ благоговѣніемъ вспоминая о трудахъ и заслугахъ безсмертнаго Шафарика въ столѣтнюю годовщину его рожденія, съ живѣйшимъ сочувствіемъ принимаетъ участіе въ чествованіи его памяти“. Изъ чешскихъ газетъ видно, что телеграмма эта была прочитана въ торжественномъ собраніи чешскихъ ученыхъ обществъ 1 мая.

Далѣе секретарь доложилъ краткій статистическій и денежный отчетъ о бывшихъ весной научныхъ чтеніяхъ для женщинъ. Всѣхъ лекцій было 48: И. М. Собѣстьянскій прочиталъ 8 лекцій, Л. Ю. Шепелевичъ—6, Д. И. Багалѣй, Д. Н. Овсянико-Куликовскій, Н. Ѳ. Сумцовъ, С. В. Соловьевъ и В. В. Лапинъ—каждый по 7 лекцій. Число подписавшихся на лекціи колебалось между maximum въ 220 и minimum въ 200; общее число посѣщеній 5181; среднее число посѣтительницъ на каждой лекціи 108. Приходъ—447 р.; расходъ (на прислугу и лампы) 86 р. 35 к. Остатокъ 360 р. 75 к. Сто рублей отчислены въ фондъ чтеній, а 260 р. 65 к. присоединены къ наличнымъ средствамъ общества. Постановлено продолжать чтенія и въ осеннее полугодіе и предложить лекторамъ выработать условія и программы чтеній.

Н. Ѳ. Сумцовъ прочелъ автобіографію и бытовыя воспоминанія Е. С. Гордѣенко.

Архиваріусу М. М. Плохинскому данъ отпускъ на іюнь и іюль текущаго года.

М. Д. Линда пожертвовалъ въ библіотеку общества нѣсколько книгъ, за что г. Линдѣ выражена была благодарность.

Баллотировался и выбранъ въ члены общества преподаватель Курскаго реальнаго училища Владиміръ Ивановичъ Рязановъ, получившій 23 избирательныхъ и 2 неизбирательныхъ.

Отчетъ о дѣятельности Педагогическаго отдѣла Историко-Филологическаго Общества въ 18$^{94}|_{95}$ академическомъ году.

Въ засѣданіи Педагогическаго отдѣла Историко-Филологическаго Общества 23 сентября предсѣдатель доложилъ, что Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта книги упраздненной съ 1 іюля 1894 г. Краснослободской прогимназіи передаются частью въ библіотеку при управленіи Харьковскаго учебнаго округа, а частью въ Педагогическій отдѣлъ Историко-Филологическаго Общества.

Затѣмъ сообщено было о присылкѣ г. Первовымъ изъ Ельца 4 сочиненій въ даръ Харьковскому Педагогическому отдѣлу.

С. П. Бобинъ предложилъ собрать хорошія наглядныя пособія для облегченія преподаванія исторіи и географіи въ среднеучебныхъ заведеніяхъ. Предложеніе это передано для обсужденія въ особую коммиссію.

Проф. *Н. Ѳ. Сумцовъ* въ рефератѣ о ст. Пушкина „Поэтъ" сначала указалъ на трудность предложенной въ 1893 г. въ Кіевскомъ учебномъ округѣ на письменномъ испытаніи по русскому языку темы „Мнѣнія Пушкина о призваніи и назначеніи поэта", предполагающей знаніе наизусть и основательное пониманіе стих. „Поэтъ", „Поэту", „Пророкъ" всѣми учениками. Референтъ подробно затѣмъ остановился на стих. „Поэтъ", причемъ отмѣчены были признанія писателей о процессѣ художественнаго творчества (Пушкина, Достоевскаго, Григоровича) и предложены объясненія отдѣльныхъ выраженій въ зависимости отъ основнаго положенія Пушкина „о часѣ Божества".

Въ засѣданіи Педагогическаго отдѣла 14 октября, по прочтеніи и утвержденіи протокола прошлаго засѣданія, избраны въ члены отдѣла: преподаватель Харьковскаго земледѣльческаго училища Гр. Гавр. Келаревъ и инспекторъ Пензенской 1 гимназіи Ник. Ар. Бѣляевъ.

В. А. Сосняковъ прочелъ свой рефератъ „О взаимодѣйствіи въ преподаваніи географіи и исторіи". Сопоставленіе географическихъ фактовъ между собою и съ фактами исторіи, по мнѣнію референта, должно развить политическій смыслъ, патріотическое чувство и укрѣпить смыслъ учащихся о Промыслѣ Божіемъ, проявляющемся въ цѣлесообразности и регулярности явленій природы и жизни человѣческой. Эти общія положенія подкрѣплены

были примѣрами. Рефератъ вызвалъ оживленный обмѣнъ мыслей. Н. Ѳ. Сумцовъ, признавая большую пользу закрѣпленія въ памяти учащихся географическими данными историческихъ свѣдѣній, полагалъ, что въ массѣ географическихъ фактовъ нужно выбирать лишь самое крупное и, допуская провиденціальную точку зрѣнія въ исторіи, неудобно примѣнять ее къ преподаванію географіи. Н. Ф. Одарченко выразилъ желаніе, чтобы большее вниманіе обращено было на сообщеніе важнѣйшихъ историческихъ и этнографическихъ свѣдѣній при изученіи географіи. По поводу замѣчанія А. В. Ордынскаго, что по учебнымъ планамъ преподаватели не должны вдаваться въ историческія подробности на урокахъ географіи, Н. А. Чекановъ указалъ на возможность сообщенія такихъ свѣдѣній путемъ чтенія соотвѣтствующихъ отрывковъ изъ хрестоматіи на урокахъ русскаго языка. А. В. Ждановъ обратилъ вниманіе гг. членовъ на ненормальное положеніе преподаванія географіи въ низшихъ двухъ классахъ гимназій, гдѣ оно начинается съ общихъ, недоступныхъ пониманію дѣтей понятій физико-математической географіи и состоитъ въ зубреніи названій, при чемъ вдобавокъ ученикъ знакомится прежде съ Австраліей, Америкой и пр., а не съ отечествомъ своимъ. А. В. Ждановъ высказалъ желаніе, чтобы введенъ былъ раціональный методъ въ преподаваніи этого предмета, именно концентрація сообщаемыхъ свѣдѣній около близкаго, роднаго, своего отечества. М. С. Дриновъ и Н. Ѳ. Сумцовъ вполнѣ присоединились къ этому мнѣнію. М. А. Масловъ находилъ, что слѣдовало бы отдѣлить отъ исторической географіи естественно-историческую (сравнительную). По поводу преподаванія математической географіи въ низшихъ классахъ, Н. Ф. Одарченко замѣтилъ, что сообщеніе элементарныхъ свѣдѣній изъ этой области не представляло бы затрудненій, если бы преподаватели давали предварительно геометрическія понятія о кругѣ, шарѣ, радіусѣ и пр. О. Александръ Ѳедоровскій и нѣкоторые другіе члены находили, что физико-математическая географія можетъ быть легко усвояема при объясненіи на глобусѣ.

Послѣ небольшаго перерыва единогласно были выбраны предсѣдателемъ проф. Н. Ѳ. Сумцовъ, секретаремъ В. И. Харціевъ, причемъ Н. Ѳ. Сумцову отъ лица всѣхъ присутствовавшихъ членовъ выражена благодарность за его дѣятельность. Затѣмъ прочитанъ былъ рефератъ иногородняго члена г. *Стефановскаго* „Къ вопросу о грамматическомъ разборѣ“ (объ обстоятельственныхъ словахъ). Референтъ настаиваетъ на необходимости взамѣнъ обычнаго логико-грамматическаго разбора ввести строго-грамматическій, на основаніи формальныхъ признаковъ составныхъ членовъ предложенія и частей рѣчи. В. И. Харціевъ и М. Е. Халанскій высказались въ томъ смыслѣ, что докладъ г. Стефановскаго представляетъ хорошую популяризацію изслѣдованій Потебни въ школьныхъ цѣляхъ и заслуживаетъ

особаго вниманія гг. преподавателей русскаго языка. Доклады предположены къ напечатанію въ 3 вып. Трудовъ Педагогическаго отдѣла.

Въ томъ же засѣданіи Н. Е. Шевченко и Н. А. Чекановъ роздали присутствовавшимъ членамъ новѣйшія свои изданія (брошюры о положеніи логики въ гимназическомъ преподаваніи и объ употребленіи буквы ѣ).

На публичное засѣданіе Историко-Филологическаго Общества 13 ноября въ память Г. С. Сковороды (+1794 г.) были приглашены члены Педагогическаго Отдѣла. Выслушаны были чтенія проф. Ѳ. А. Зеленогорскаго о Г. С. Сковородѣ, какъ философѣ, проф. А. С. Лебедева о Г. С. Сковородѣ, какъ богословѣ и проф. Д. И. Багалѣя—Г. С. Сковорода, его ученіе, жизнь и значеніе. Въ сообщеніи Д. И. Багалѣя находился, между прочимъ, очеркъ педагогическихъ убѣжденій и педагогической дѣятельности Сковороды *).

13 ноября была послана привѣтственная телеграмма г. попечителю Кавказскаго учебнаго округа, Кириллу Петровичу Яновскому, по поводу пятидесятилѣтія его плодотворной просвѣтительной и служебной дѣятельности.

Въ засѣданіи отдѣла 18 ноября, по прочтеніи и утвержденіи протокола прошлаго собранія, предсѣдатель сообщилъ, что въ ночь съ 11 на 12 ноября скончался членъ Педагогическаго отдѣла учитель 5 городскаго приходскаго училища, А. В. Ждановъ; умеръ онъ внезапно, оставивъ жену и пятеро дѣтей сиротъ. Покойный окончилъ курсъ Бѣлгородской учетельской семинаріи въ 1874 г., служилъ сначала въ Курской губерніи, а съ весны 1876 г. перешелъ на службу въ Харьковъ, гдѣ и подвизался на педагогическомъ поприщѣ вплоть до своей смерти, т. е. почти 18 лѣтъ. Здѣсь покойный Ждановъ сдѣлался извѣстенъ нѣкоторыми печатными трудами, среди которыхъ кромѣ чисто педагогическихъ сочиненій (азбука-учебникъ по русской грамматикѣ и ариѳметикѣ), мы находимъ и такіе, какъ „Кустарные промыслы на всероссійской сельско-хозяйственной выставкѣ“ и „Сократъ, какъ педагогъ“; въ послѣднее же время покойный принималъ особенно живое участіе въ постройкѣ зданія для 5-го приходскаго училища. Въ 1891 г. покойному Всемилостивѣйше пожалована серебряная медаль съ надписью „за усердіе“ (на Александровской лентѣ для ношенія на груди)—знакъ того, что его труды по народному образованію цѣнились и учебнымъ вѣдомствомъ,—словомъ покойный принадлежалъ къ тому кружку народныхъ просвѣтителей, которые, среди обычныхъ занятій по преподаванію, находятъ время и удовольствіе въ работѣ, посвященной развитію и улучшенію своего профессіональнаго дѣла.—Память покойнаго была почтена вставаніемъ.

---

*) Подробный отчетъ объ этомъ засѣданіи, о прочитанныхъ на немъ рефератахъ и привѣтственныхъ телеграммахъ см. въ приложеніи къ отчету о дѣятельности Историко-Филологическаго Общества за 18⁹⁴/₉₅ акад. г.

С. А. Новицкій прочелъ рефератъ „Проза и поэзія“ (по поводу изслѣдованій А. А. Потебни по теоріи словесности). Чтеніе состоялось по слѣдующей программѣ: 1) объ относительной древности поэзіи и прозы и взаимномъ отношеніи ихъ въ настоящее время; 2) пріемы поэтической и прозаической мысли; 3) свойства поэтическихъ и прозаическихъ отвлеченій; 4) значеніе поэзіи, какъ воспитательнаго орудія. По поводу этого доклада проф. Н. Ѳ. Сумцовъ указалъ на пробужденіе въ нашемъ обществѣ большаго интереса къ эстетическимъ вопросамъ, что выразилось въ послѣднее время переводомъ крупныхъ западно-европейскихъ сочиненій по эстетикѣ (Прельса, Шербюлье и др.) и въ появленіи оригинальныхъ русскихъ научныхъ трудовъ по этой части (покойн. проф. Потебни, проф. А. Смирнова). Въ ряду этихъ трудовъ лекціи Потебни о баснѣ представляютъ выдающееся явленіе по глубинѣ мыслей; докладъ С. А. Новицкаго представляетъ полезную попытку популяризаціи ихъ и приспособленія къ педагогической практикѣ.

Затѣмъ слѣдовало сообщеніе *Н. Н. Дубяги*, о преподаваніи географіи въ 1 классѣ гимназіи, причемъ исходными пунктами были взяты учебникъ Сергѣева и критическій отзывъ о немъ Воронецкаго. Референтъ сообщилъ о наиболѣе практическихъ пріемахъ въ дѣлѣ ознакомленія учениковъ съ нѣкоторыми трудными для дѣтей частями математической географіи. Докладъ этотъ вызвалъ оживленный обмѣнъ мыслей, въ которомъ приняли участіе Н. П. Воронцовъ-Вельяминовъ, С. А. Раевскій, В. И. Харціевъ, С. А. Новицкій и Н. Ѳ. Сумцовъ. Мнѣніе референта о необходимости знакомить дѣтей съ явленіями, входящими въ область математической географіи и астрономіи, объясняя по крайней мѣрѣ, какъ происходятъ эти явленія, раздѣлялось многими членами. Н. Ѳ. Сумцовъ выразилъ желаніе, чтобы кто-нибудь изъ преподавателей географіи взялъ на себя трудъ прочесть пробный урокъ, чтобы практически ознакомить членовъ съ тѣмъ, насколько возможно примѣненіе тѣхъ пріемовъ преподаванія, которымъ посвящены были уже два реферата.

Въ засѣданіи Педагогическаго отдѣла Историко-Филологическаго Общества, 13 января, по прочтеніи протокола предыдущаго засѣданія, проф. *Н. Ѳ. Сумцовъ* сдѣлалъ докладъ, посвященный памяти Грибоѣдова по поводу столѣтней годовщины 4 января. Коснувшись въ общихъ чертахъ жизни и дѣятельности знаменитаго автора „Горя отъ ума“, профессоръ напомнилъ между прочимъ объ отзывахъ современниковъ, о характерѣ Грибоѣдова, о его безсмертной комедіи, объ отношеніи къ ней современнаго общества и указалъ на позднѣйшіе критическіе отзывы о комедіи и главныхъ дѣйствующихъ лицахъ и на полное почти отсутствіе научныхъ изслѣдованій знаменитой комедіи. Память писателя почтена была вставаніемъ.

Затѣмъ единогласно избраны были въ члены отдѣла слѣдующія лица: Христина Даниловна *Алчевская*, директоръ Варшавской 6 гимназіи Владиміръ Аввакумовичъ *Истоминъ* и Константинъ Ивановичъ *Рубинскій*. *В. И. Харціевъ* сдѣлалъ сообщеніе о преподаваніи логики, въ которомъ, раздѣляя мнѣніе, высказанное въ брошюрѣ Н. Е. Шевченка: „Положеніе логики среди другихъ предметовъ гимназическаго курса", что въ пріученіи учащихся къ правильному логическому мышленію, въ смыслѣ ознакомленія ихъ съ новыми логическими категоріями, должны участвовать всѣ преподаватели, высказался противъ введенія особыхъ умственныхъ упражненій на урокахъ русскаго языка, рекомендованныхъ Н. Е. Шевченкомъ. Вопросъ о положеніи логики среди другихъ гимназическихъ дисциплинъ референтъ связалъ съ вопросомъ о преподаваніи русскаго языка и пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) логика и родной языкъ въ гимназической системѣ должны занимать центральное положеніе, входя implicite въ преподаваніе каждаго предмета. 2) Въ пріученіи учащихся къ правильному логическому мышленію и къ сознательному пользованію родной рѣчью письменно и устно—преподавателю русскаго языка и логики должны оказывать содѣйствіе всѣ преподаватели. 3) Внѣ этихъ условій дѣятельность преподавателя словесности и логики не можетъ быть плодотворной и всякія другія хорошія мѣры врядъ-ли приведутъ къ хорошимъ результатамъ и не устранятъ часто обнаруживаемую несостоятельность умственнаго развитія и неумѣнье говорить и писать сколько-нибудь сносно по-русски.

Предсѣдатель прочелъ правила открываемыхъ научныхъ чтеній для женщинъ и сообщилъ, что члены Педагогическаго отдѣла и члены Общества взаимнаго вспоможенія учительницъ имѣютъ право безплатнаго входа, а постороннія слушательницы платятъ по три рубля за всѣ объявленныя чтенія (около пятидесяти).

Въ добавокъ къ существующей коммиссіи по выработкѣ программъ для литературныхъ и научныхъ чтеній выбрано двѣ другихъ, причемъ въ одну литературную—входятъ преподаватели русскаго языка и словесности, въ другую историко-географическую—преподаватели исторіи и географіи. Интересующіеся члены Педагогическаго отдѣла присоединяются къ той или другой коммиссіи, по своему желанію. Засѣданія назначены еженедѣльно, безъ предварительныхъ повѣстокъ, по пятницамъ отъ 6 до 9 час. вечера въ залѣ совѣтскихъ засѣданій.

Въ засѣданіи Педагогическаго отдѣла 24 февраля предсѣдатель прочелъ извлеченіе изъ реферата иногородняго члена *М. И. Демкова* „Педагогическіе взгляды Симеона Полоцкаго". Въ своемъ изслѣдованіи М. И. Демковъ доказываетъ, что указанная ранѣе Н. А. Лавровскимъ рукопись XVII вѣка съ педагогическимъ содержаніемъ есть не что иное, какъ извлеченіе,

сдѣланное самимъ Полоцкимъ изъ своихъ сочиненій „Обѣдъ душевный" и „Вечеря душевная". Педагогическія идеи Полоцкаго изложены вкратцѣ въ концѣ реферата. Въ виду спеціальности этого изслѣдованія, примыкающаго по своему содержанію къ большому сочиненію, задуманному референтомъ по исторіи русской педагогіи, обилія выписокъ изъ соч. Полоцкаго и такъ какъ имѣется въ виду уже другой матеріалъ для предстоящаго выпуска трудовъ отдѣла, печатаніе реферата цѣликомъ въ настоящее время признано неудобнымъ.

Затѣмъ вниманію Отдѣла предложена была проектированная Н. Ѳ. Сумцовымъ тетрадь для веденія учащимися записей о прочитанныхъ книгахъ по готовымъ рубрикамъ. Этимъ имѣется въ виду облегчить контроль чтенія со стороны преподавателей и воспитателей и пріучить воспитанниковъ къ сознательному систематическому чтенію книгъ. Постановлено издать тетрадь по этому образцу и разослать въ учебныя заведенія.

Предсѣдатель Отдѣла доложилъ собранію о занятіяхъ коммиссіи по устройству литературно-научныхъ чтеній для учащихся и о полученныхъ свѣдѣніяхъ на предложеніе, разосланное въ различныя учебныя заведенія. Всѣхъ заявленій получено 42; въ числѣ ихъ находится два сочувственныхъ письма проф. Кіевскаго университета П. В. Владимірова и проф. Одесскаго университета В. Н. Мочульскаго, кромѣ того отъ директора 6-й Варшавской гимназіи В. А. Истомина съ приложеніемъ 4 сочиненій объ устройствѣ чтеній; брошюры г. Миронова „Сознательное знаніе, какъ главный предметъ обученія отечественному языку", А. Словинскаго „Дѣтское чтеніе и игры", С. Преображенскаго „Къ вопросу о литературныхъ бесѣдахъ", М. Шимановскаго „О литературныхъ бесѣдахъ для учащихся, какъ орудіе нравственнаго воспитанія въ нашей средней школѣ", Балталона „Пособіе для литературныхъ бесѣдъ и письменныхъ работъ" и „Обзоръ книгъ для дѣтскаго чтенія примѣнительно ко всякому возрасту", составленный „Рекомендательнымъ бюро", состоящимъ при Одесской коммиссіи народныхъ чтеній (вып. I), Педагогическій еженедѣльникъ 5—6 №№, и жур. Гимназія № 1 (1895 г.). Письменные отвѣты съ приложеніемъ программъ, списковъ книгъ для чтенія и разными замѣтками получены отъ гг. директоровъ гимназій Маріупольской, Кишиневской 1-й, Новочеркасской, Пятигорской, Кутаисской, Казанской 1-й, Царицынской, Ковенской, Пензенской 2-й, Корочанской и Воронежской; отъ директоровъ реальныхъ училищъ Кіевскаго, Ливенскаго, Пинскаго, Ростовскаго, Скопинскаго, Новочеркасскаго, Херсонскаго, Тамбовскаго, Калишскаго, Камышинскаго; директора Острогорской прогимназіи, инспектора Рыльской прогимназіи, директора Новобугской учительской семинаріи, предсѣдателя Педагогическаго совѣта женскаго учебнаго заведенія св. Нины (Кутаисъ); отъ преподавателей г. Любимова

(изъ Калуги), г. Маркова (Елисаветгр. реал. уч.), г. Словинскаго (Тифл. реал. уч.) и М. И. Демкова, (Глуховской учит. семин.). Лицамъ, приславшимъ письменныя и печатныя сообщенія, Педагогическій отдѣлъ выражаетъ свою глубокую благодарность. Что же касается дѣятельности коммиссіи по устройству чтеній, то, помимо полученныхъ ею сообщеній, намѣчено 24 программы. Изъ нихъ одна „Изъ древне-греческой жизни“ разсмотрѣна и утверждена. Занятія коммиссіи по выработкѣ программъ продолжаются еженедѣльно по пятницамъ и къ началу предстоящаго академическаго года предположено издать сборникъ литературно-научныхъ программъ. Постановлено просить Историко-Филологическое Общество объ изданіи этого сборника.

Въ члены отдѣла избраны: преподаватель русскаго языка въ Таганрогской гимназіи Евгеній Өедоровичъ *Лонткевичъ* и учительница Антонина Михайловна *Стеценко.*

Въ засѣданіи Педагогическаго отдѣла, 21 апрѣля, состоявшемся въ присутствіи почетнаго предсѣдателя отдѣла, попечителя Харьковскаго учебнаго округа, Н. П. Воронцова-Вельяминова, Н. Ө. Сумцовъ доложилъ собранію о вновь полученныхъ изъ разныхъ учебныхъ заведеній свѣдѣніяхъ по устройству литературно-научныхъ чтеній для учащихся. Такимъ образомъ отдѣлъ располагаетъ теперь значительнымъ запасомъ мнѣній директоровъ и преподавателей гимназій, реальныхъ училищъ и другихъ учебныхъ заведеній.

Затѣмъ избраны были въ члены Педагогическаго отдѣла: преподават. Елисаветградскаго реальнаго училища Николай Өедор. Марковъ, преподав. 1-го приходскаго училища Денисъ Петр. Максименко и учительницы: Вѣра Владиміровна Александрова и Анна Петровна Грищенко.

М. П. Знаменскій прочелъ свой переводъ одного изъ сочиненій извѣстнаго германскаго педагога Отто Фрика „Дидактическій катехизисъ“, предпославъ переводу краткія біографическія свѣдѣнія о Фрикѣ, какъ педагогѣ-администраторѣ. Катехизисъ представляетъ рядъ вопросовъ, которые долженъ принять во вниманіе всякій педагогъ, прежде чѣмъ приступить къ практической дѣятельности, съ комментаріями извѣстныхъ нѣмецкихъ педагоговъ, психологовъ и философовъ. Не смотря на сухой характеръ, чрезвычайную сжатость и мѣстами темноту изложенія, трудъ этотъ полезенъ уже тѣмъ, что возбуждаетъ много серьезныхъ вопросовъ раціональной педагогики. Въ обсужденіи сдѣланнаго М. П. Знаменскимъ сообщенія принимали участіе Н. П. Воронцовъ-Вельяминовъ, проф. Н. Ө. Сумцовъ и В. И. Харціевъ.

Е. П. Трефильевъ прочелъ свой рефератъ „О Н. И. Новиковѣ, какъ педагогѣ“. Указавъ на распространенныя въ екатерининскую эпоху идеи

о воспитаніи Локка и Ж. Ж. Руссо, референтъ подробно изложилъ педагогическіе взгляды Н. И. Новикова, который былъ противъ господствовавшихъ типовъ воспитанія по старинѣ и по новымъ философскимъ ученіямъ, стремившимся создать новую породу людей, и противорѣчившимъ основнымъ понятіямъ исторической преемственности; далѣе сдѣлалъ краткій очеркъ педагогической дѣятельности Н. И. Новикова, какъ учредителя училищъ, соотвѣтствовавшихъ его взглядамъ на образованіе и воспитаніе. Н. И. Новиковъ, по мнѣнію референта, съумѣлъ взять лучшее изъ господствовавшихъ въ его время педагогическихъ ученій, избѣгнулъ крайностей своего времени, не давая, напримѣръ, слишкомъ уже рѣшительнаго перевѣса образованію сердца (*воспитанію*) предъ образованіемъ ума (*образованіемъ*), и далъ цѣлый рядъ цѣнныхъ педагогическихъ указаній, отличающихся простотою и удобопримѣнимостью. Н. И. Алякритскій выразилъ между прочимъ желаніе опредѣлить, откуда у Н. И. Новикова взялись взгляды на воспитаніе, противорѣчившіе ученіямъ, распространявшимся изъ Франціи, и указалъ на заслуживающее вниманія мнѣніе Н. С. Тихонравова, что Новиковъ, педагогическіе взгляды котораго относятся ко 2-му періоду его дѣятельности, когда онъ находился подъ вліяніемъ массоновъ, могъ позаимствовать ихъ именно у этихъ послѣднихъ.

Отчетъ объ Историческомъ Архивѣ Общества отъ 1-го Іюня 1894 года по 1-е Іюня 1895 года.

За истекшій годъ была продолжаема подробная опись дѣлъ Харьковскаго отдѣленія Архива. Продолженіе этой описи (23 нумера дѣлъ) было напечатано въ VI томѣ Сборника Общества; всѣхъ дѣлъ въ настоящее время описано 92 дѣла, въ коихъ заключается 15646 архивныхъ листовъ. Въ теченіе послѣдняго времени архивъ обогатился слѣдующими пріобрѣтеніями: отъ профессора В. П. Бузескула поступили документы, касающіеся Славяносербіи; отъ Е. С. Гордѣенка получены документы, касающіеся его общественной дѣятельности; отъ Н. Н. Тихоновича—письма бывшаго профессора П. В. Тихоновича, отъ Харьково-Полтавскаго управленія Государственными имуществами „Крѣпости на имѣнія Густынскаго монастыря". Библіотека архива Общества, пополняемая исключительно путемъ обмѣна и пожертвованій, въ настоящее время заключаетъ въ себѣ 1250 томовъ. Въ обмѣнъ на изданія Общества въ архивную библіотеку прислали свои изданія слѣдующія ученыя Общества и учрежденія: Казанскій, Кіевскій, Варшавскій и Харьковскій университеты—свои „Записки" и „Извѣстія"; Воронежскій губернскій статистическій комитетъ—свою „Памятную книжку"; Общество Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Казанскомъ университетѣ—свои „Извѣстія"; Историко-Филологическое Общество при Новороссійскомъ университетѣ—свои „Изданія"; отдѣленіе Этнографіи при Императорскомъ Русскомъ Географическомъ Обществѣ—„Живую Старину"; Историческое Общество Нестора Лѣтописца въ Кіевѣ—свои „Чтенія"; Этнографическое отдѣленіе Московскаго Общества естествознанія, антропологіи и этнографіи—„Этнографическое Обозрѣніе"; Общество любителей древней письменности—свои „памятники"; Товариство имени Шевченка—свои „Записки"; Историко-Филологическій Институтъ кн. Безбородко въ Нѣжинѣ—свои „Извѣстія"; Харьковскій статистическій комитетъ—„Харьковскій Календарь и Сборникъ"; Кіевская коммиссія для разбора древнихъ актовъ—„Архивъ юго-западной Россіи"; Министерство народнаго просвѣщенія въ Болгаріи—свой „Сборникъ"; Историческое Общество при С.-Петербургскомъ университетѣ—„Историческое Обозрѣніе"; Императорское Русское Историческое Общество—свой „Сборникъ"; Архивъ Министерства юстиціи—„Опи-

саніе документовъ и бумагъ"; Главный военный штабъ—„Каталогъ военно-ученаго Архива"; Тамбовская, Рязанская, Костромская, Нижегородская и Таврическая архивныя ученыя коммиссіи присылали свои изданія.

Членами Общества и частными лицами были пожертвованы слѣдующія книги и брошюры: пр. Д. И. Багалѣй—„Труды отдѣла антропологіи" т. XV, „Опытъ исторіи Харьковскаго университета" вып. I, „Изъ прошлаго Святогорскаго монастыря" и „Автобіографія Степана Лукича Геевскаго"; С. А. Бѣлокуровъ—свое соч. „Арсеній Сухановъ" ч. II, вып. I; А. В. Ветуховъ—„Говоръ сл. Алексѣевки", „Практическая русская грамматика Перевлесскаго", „Краткое всеобщее землеописаніе", „Современный листокъ за 1867 и 1868 г.г.": проф. Владиміровъ—„докторъ Францискъ Скорина" „Великое Зерцало", „Нѣсколько данныхъ для изученія сѣверно-великорусскаго нарѣчія въ XVI и XVII ст.". „Творенія отцевъ церкви въ древнерусской письменности Архангельскаго", „Слово о Полку Игоревѣ" и „Изъ ученическихъ лѣтъ Гоголя"; Геевскій—„Poezie Chodzki", „Dramata Korzeniowskiego", „Wladyslaw Lokietek", „Альманахъ", „Утренняя звѣзда"; П. Короленко — „Кубанскіе козаки"; гр. Канкринъ — „Еврейскія земледѣльческія колоніи Александровскаго уѣзда Екатеринославской губерніи"; А. М. Лазаревскій—„Описаніе Старой Малороссіи"; Б. М. Ляпуновъ—„Замѣтки объ изслѣдованіяхъ въ области Русской фонетики А. А. Шахматова". М. Д. Линда—„Начертанія русской исторіи для среднеучебныхъ заведеній соч. Устрялова", „Oeuvres complétes de m-me Cottine", Duruy „Histoire universelle", „Актъ въ Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ 30 августа 1860 г.", „Palais de Versailles", „Карамзинъ. Исторія Государства Россійскаго IX т.", „Гречъ. Учебныя книги русской словесности", „Матеріалы для статистическаго описанія Харьковскаго уѣзда вып. I"; „Отрывокъ изъ прозаическихъ сочиненій лучшихъ россійскихъ писателей", „Описаніе Харьковской губерніи Кованько", „Principis philosophiques, politiques et moraux Weiss", „Очерки Россіи Пассека" и др. Е. К. Рѣдинъ—„Памяти Джіовани Баттиста де Росси, основателя христіанской археологіи", „Харьковская школа изящныхъ искусствъ".

Съ цѣлью научной разработки матеріаловъ архивъ посѣщали: Е. А. Альбовскій, работающій надъ исторіей Харьковскаго слободскаго полка; Н. П. Василенко, работающій по исторіи администраціи въ Малороссіи; Д. П. Миллеръ занимавшійся по вопросу о судахъ въ Малороссіи; за справками въ архивъ обращался г. Сухомлиновъ. Архивной библіотекой пользовались лица, работавшія въ архивѣ, члены Общества, студенты и другія лица по рекомендаціи членовъ Общества.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Премія имени А. А. Потебни.

Правила о преміи бывшаго профессора Императорскаго Харьковскаго университета статскаго совѣтника *А. А. Потебни.*

(Утвержденныя г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія 24 декабря 1894 г.).

1. Премія учреждается при Историко-Филологическомъ Обществѣ Харьковскаго университета и выдается только за сочиненія студентовъ сего университета.

2. Премія выдается ежегодно въ размѣрѣ процентовъ съ капитала въ 2600 руб. за лучшее сочиненіе по исторіи русскаго языка или литературы на темы, предложенныя Обществомъ преимущественно изъ круга предметовъ научныхъ изслѣдованій А. А. Потебни.

3. Общество имѣетъ право выдавать половинныя преміи.

4. Если въ извѣстный срокъ не было представлено сочиненій, достойныхъ преміи, то Общество имѣетъ право вновь предложить ту же тему для соисканія преміи въ слѣдующемъ году.

5. Сочиненія представляются къ 15 октября, а премія выдается 29 Ноября въ день кончины А. А. Потебни и въ этотъ же день назначаются новыя темы на предстоящій годъ.

6. Присуждается премія коммиссіей изъ 3 лицъ, въ числѣ которыхъ долженъ быть преподаватель Историко-Филологическаго факультета.

7. Присужденіе утверждается въ засѣданіи Общества и съ мотивированнымъ отзывомъ вносится въ годовой его отчетъ.

8. Неизрасходованная по невыдачѣ преміи сумма % или присоединяется къ основному капиталу или, по усмотрѣнію Общества, увеличиваетъ собою число премій въ одномъ и томъ же году.

9. Въ случаѣ закрытія Общества, всѣ права и обязанности его по дѣлу о преміи переходятъ въ Историко-Филологическій факультетъ Харьковскаго университета.

10. Капиталъ хранится въ специальныхъ средствахъ университета.

При обсужденіи въ Обществѣ вопроса о назначеніи темъ имени А. А. Потебни на 1895 г. В. И. Харціевымъ сдѣлано указаніе, что А. А. Потебня

незадолго до кончины предлагалъ студентамъ темы, въ кругу его научныхъ интересовъ, съ указаніемъ пособій. При семъ В. И. Харцієвъ предложилъ нижеслѣдующій сохранившійся у него списокъ темъ, интересовавшихъ А. А. Потебню, съ его библіографическими указаніями:

I. Роль эвфемизма въ образованіи звука.

(Значеніе эвфемизма въ стилистикѣ).

Пособія: Сочиненія А. А. Потебни изъ области народной поэзіи.

Историческіе очерки Буслаева, Wackernagel, Poetik, Rhetorik und Stilistik, II изд. 533—35, Zima. Figuren.

Источники: Словари Даля, Подвысоцкаго, Караджича, Линды, Юнгмана и проч. Памятники народнаго творчества, преимущественно изображающіе бытъ, повѣрья, обычаи, суевѣрныя представленія народа, заговоры пословицы, поговорки.

(Абевега... Чулкова, Великорусскія заклинанія Майкова, Приказки прислівъя и таке инше, Номиса, Српске народне приповетке Караджича и т. п.).

Описанія быта нравовъ научныя и литературныя (Квитка).

Планъ 1. эвфемизмъ, основанный на вѣрѣ въ силу слова (слово=дѣло) (отсюда скрываніе имени, лица, города (свящ. имя Рима); грозное имя —ребенку. Правило: не упоминать имени чего то грознаго, страшнаго: Образецъ: Эриніи—Эвмениды, умерете—преставиться. Гроза—Божья благодать и проч. (Euphemismus des Aberglaubens).

2. Эвфемизмъ въ бранныхъ выраженіяхъ.

3. Эвфемизмъ—Höflichkeits euphemismus—pruderie въ собственныхъ именахъ (Пушкина, Евгеній Онѣгинъ passim). II, 24, 33, V, 9 и др. и обойтись посредствомъ платка—высморкаться Гог. Сюда же: Іосифъ въ м. Осипъ о духовныхъ.

4. Эвфемизмъ въ звукахъ рѣчи. Ученіе о стиляхъ Ломоносова.

II. Отраженіе личности Наполеона въ поэзіи, преимущественно въ эпосѣ.

1. Общія условія созданія типа.

2. Вліяніе типовъ Шекспировскихъ, Мольеровскихъ на созданіе характеровъ въ литературѣ. [1]).

3. Отраженіе живой исторической личности въ литературныхъ типахъ [2]).

Пособія: Курсы теоріи словесности. (Карьеръ, Wackernagel, Шевыревъ, Аверкіевъ).

---

[1]) У Тургенева—Степной Король Лиръ, Гамлетъ Щигровскаго уѣзда; (Пушкинъ—о Фальстафѣ). Донъ-Кихотъ—Герой Очаковскихъ временъ и пр.

[2]) „Глядѣть въ Наполеоны“ (Война и Миръ, Преступленіе и Наказаніе (Раскольниковъ), манъ Стендаля (воспитаніе юноши, будущаго Наполеона) и пр.

Источники: Пушкинъ, Тургеневъ, Толстой, Достоевскій, журналы стараго времени, о лубоч. карт. Ровинскаго и пр.

III. Аномаліи литературнаго стиля.

1. Причины засоренія языка. 2. Средства или способы сохраненія чистоты литературной рѣчи.

Пособія: Walicky, Hattala.

Источники: Сочиненія писателей, заботившихся объ установленіи русскаго литературнаго слога (Ломоносова, Карамзина). Языкъ Пушкина, Тургенева. Литературный жаргонъ современной періодической (крупной и мелкой) печати.

По обсужденіи этихъ темъ со стороны доступности ихъ студентамъ постановлено было назначить на 1895 годъ слѣдующія двѣ темы:

1) Наполеонъ I въ русской художественной литературѣ. Общія условія созданія типа. Пособія: курсы по теоріи словесности Карьера и Вакернагеля. Наполеонъ въ рус. литер.—сатирической журналы (стараго времени, лубоч. картинки и пр.). и художественной (Пушк. и Толстой).

2) Стиль произведеній русскаго героическаго эпоса (былинъ и думъ). Источники: Сборники былинъ Кирѣевскаго, Рыбникова, Гильфердинга, П. Е. Ефименка и В. Миллера. Сборники думъ Антоновича, Головицкаго и др. Пособія: изслѣдованія Потебни, Миклошича, Зимы, Буслаева, Халанскаго, Сумцова и Житецкаго.

Къ 15 октября 1895 г. было представлено 2 сочиненія на тему о Наполеонѣ I въ русской художественной литературѣ. Для сужденія о нихъ назначена коммиссія изъ 3 членовъ Историко-Филологическаго Общества: Н. Ѳ. Сумцова, М. Е. Халанскаго и М. Д. Линды.

Коммиссія 29 ноября представила слѣдующій *отзывъ о сочиненіяхъ, представленныхъ въ 1895 г. на премію имени А. А. Потебни.*

На соисканіе преміи имени А. А. Потебни въ 1895 г.. на тему „Наполеонъ I въ русской художественной литературѣ“, представлено два сочиненія: одно подъ эпиграфомъ изъ Пушкина:

Хвала! Онъ русскому народу
Высокій жребій указалъ,
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщалъ.

Другое сочиненіе, сравнительно съ первымъ, болѣе объемистое, представлено подъ эпиграфомъ:

Все въ немъ было тайной:
День возвышенья и паденья часъ.

Авторъ перваго сочиненія въ краткомъ введеніи говоритъ о возникновеніи въ послѣднее время интереса къ личности Наполеона I и, въ общихъ чертахъ, объ отношеніи къ Наполеону русской художественной литературы. Изслѣдованіе раздѣлено на 2 части: Въ первой авторъ говоритъ о томъ, какъ относилась къ Наполеону современная ему русская литература, Растопчинъ, Державинъ, Крыловъ, лубочная литература. Во 2-й части рѣчь идетъ объ отраженіи личности и дѣятельности Наполеона въ послѣдующей русской художественной литературѣ, въ произведеніяхъ Жуковскаго, Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Загоскина, Л. Толстого, Мордовцева, Данилевскаго и др. Въ концѣ тетради находится краткій указатель литературы предмета, которой пользовался авторъ.

Какъ въ введеніи, такъ и въ другихъ мѣстахъ сочиненія встрѣчается много неточныхъ выраженій. Не углубляясь въ литературные факты, авторъ большей частью ограничивается краткимъ пересказомъ стихотвореній и романовъ, трактующихъ о Наполеонѣ. Общія разсужденія автора подрываютъ то хорошее впечатлѣніе, которое читатель получаетъ отъ фактической части сочиненія. Между прочимъ въ введеніи авторъ высказываетъ нѣсколько странную мысль, что для Россіи въ 1812 г. наступила такая же пора подъема національнаго духа, какую пережила Франція въ періодъ великой революціи. Авторъ склоненъ къ преувеличеніямъ. Такъ, въ веденіи онъ говоритъ что „одинокая смерть (Наполеона) на пустынныхъ утесахъ острова св. Елены послужила неистощимой темой нашей художественной литературы“ и, немного далѣе, добавляетъ, что русская литература проявила себя „могучими силами, колосальными замыслами и стремленіями“ Такой способъ обрисовки литературныхъ явленій устраняетъ историческую перспективу. Въ общихъ замѣчаніяхъ автора о Крыловѣ, Жуковскомъ, Пушкинѣ и Лермонтовѣ также встрѣчаются значительныя неточности, преувеличенія и погрѣшности. Такъ, авторъ ошибается говоря, что Крыловъ, какъ человѣкъ, не подкупаемый какими либо теоріями и пристрастіями, прекрасно оцѣнивалъ текущія событія и явленія (стр. 51). И Крыловъ не свободенъ былъ отъ теорій и пристрастій. Далѣе, авторъ ошибочно утверждаетъ (на стр. 72), что Жуковскій принадлежалъ къ „славянофильской партіи, мечтавшей о великой миссіи Россіи“. Нѣсколько странною представляется попытка автора пріурочить поэзію Пушкина къ 20 годамъ, и поэзію Лермонтова къ 30 и провести между этими девятилѣтіями рѣзкую разграничительную черту. Склонностью автора къ преувеличеніямъ нужно объяснить такія сентенціи: „Патріотизмъ (Пушкина) былъ настоящимъ, человѣколюбивымъ, такимъ, до котораго не только не возвышались его предшественники, но даже мало ли кто изъ потомковъ“ (80); „въ поэзіи Лермонтова были всѣ современныя тревоги, надежды молодого поколенія“ (97). Авторъ, очевидно, съ

излишней развязностью говоритъ о такомъ деликатномъ чувствѣ какъ патріотизмъ и крайне преувеличиваетъ общественное значеніе поэзіи Лермонтова. Изъ другихъ недочетовъ отмѣтимъ вкратцѣ еще слѣдующія: авторъ не воспользовался лубочной литературой по даннымъ въ превосходномъ трудѣ Ровинскаго, не подсчиталъ всѣхъ стихотвореній Пушкина, гдѣ говорится о Наполеонѣ; но нужно при этомъ замѣтить, что во вниманіе приняты всѣ главныя стихотворенія Пушкина. Въ сочиненіи нѣтъ никакой попытки опредѣлить степень оригинальности и самостоятельности Пушкина въ его сужденіяхъ о Наполеонѣ. Въ сторонѣ оставленъ интересный вопросъ о вліяніи въ этомъ отношеніи на Пушкина Байрона. Объ отраженіи личности Наполеона въ романѣ Л. Н. Толстого „Война и Миръ" сказано вскользъ. Авторъ перечиталъ много сочиненій на избранную имъ тему, рылся въ старыхъ журналахъ и нашелъ кой-какой любопытный, съ теченіемъ времени совсѣмъ затерявшійся литературный матеріалъ. Сочиненіе построено по ясному плану, литературный матеріалъ изложенъ въ послѣдовательномъ систематическомъ порядкѣ, по главамъ почти одинаковой величины. Изслѣдованіе доведено до послѣдняго времени, до 1894 г. включительно. Отсутствіе критическаго анализа и стилистическія погрѣшности легко объясняются поспѣшностью работы, при ограниченномъ времени, какимъ могъ располагать авторъ начавшій писать сочиненіе, по объявленіи темы въ началѣ января 1895 г., и представившій его къ сроку, до 15 октября. Въ общемъ сочиненіе производитъ хорошее впечатлѣніе, и трудолюбивый авторъ заслуживаетъ поощренія.

Вторая работа съ эпиграфомъ „Все въ немъ было тайной" представлена была послѣ первой и потому позднѣе была прочитана членами коммиссіи. По подготовкѣ автора къ выполненію предложенной темы, по самому выполненію, вторая работа сравнительно съ первой имѣетъ слѣдующіе недостатки и достоинства. Авторъ часто уходитъ далеко за предѣлы темы и цитируетъ сочиненія историковъ, публицистовъ и проповѣдниковъ. Этотъ недостатокъ можно было бы извинить отнеся его къ большому усердію автора, если бы авторъ удачно справился съ обширнымъ матеріаломъ. Къ сожалѣнію, авторъ въ дѣлѣ обращенія съ матеріаломъ обнаружилъ большую неопытность. Въ сочиненіи нѣтъ главнаго—научныхъ методологическихъ пріемовъ изслѣдованія. Во многихъ мѣстахъ обнаруживается смѣшеніе типичнаго, важнаго съ заурядным и мелочнымъ. Вообще, въ сочиненіи много лишняго. Въ укоръ автору нужно поставить отсутствіе оглавленія, неясныя библіографическія ссылки и неразборчивое письмо. Но главный недостатокъ заключается въ стилѣ и языкѣ. Авторъ не можетъ отрѣшиться отъ тона и характера выраженій литературы современной эпохѣ 1812 года, вслѣдствіе чего его трудъ преисполненъ ходульными рито-

рическими фразами. Общій приподнятый тонъ изложенія и цвѣтистый слогъ составляютъ наиболѣе крупный недостатокъ разсматриваемаго сочиненія. Нельзя не пожелать, чтобы авторъ къ языку относился съ большимъ уваженіемъ, позаботился о точности и простотѣ и при дальнѣйшихъ работахъ оставилъ въ сторонѣ цвѣты краснорѣчія. При всѣхъ методологическихъ и стилистическихъ недостаткахъ, сочиненіе это не лишено нѣкоторыхъ достоинствъ. По объему, оно почти вдвое превосходитъ первую работу, около 60 листовъ. Авторъ обнаружилъ большое трудолюбіе. Онъ перечиталъ много сочиненій, имѣющихъ лишь косвенное отношеніе къ темѣ, сочиненія историческія, проповѣди, публицистическія статьи. Между прочимъ, авторъ пользовался такими крупными пособіями, какъ изслѣдованія Ровинскаго о русскихъ народныхъ картинкахъ, сочиненія Богдановича, Дубровина, Надлера, Пыпина и Тэна о наполеоновской эпохѣ, старыми русскими журналами. Прежде чѣмъ обратиться къ стихотвореніямъ Пушкина о Наполеонѣ, авторъ перечиталъ статьи о Пушкинѣ Бѣлинскаго, Анненкова, Стоюнина, Спасовича. Для своей темы онъ почти ничего не нашелъ въ этихъ сочиненіяхъ; но, понятно, попутно онъ могъ усвоить много полезнаго и важнаго. При ограниченности времени, которымъ располагалъ авторъ, при его широкихъ задачахъ и несомнѣнномъ желаніи перечитать какъ можно болѣе, многія слабыя стороны сочиненія могутъ быть объяснены очевидной спѣшностью работы. Въ виду того что авторъ обнаружилъ большое трудолюбіе и несомнѣнную научную любознательность, мы считаемъ справедливымъ за эту работу, какъ и за первую, выдать автору премію имени А. А. Потебни въ половинномъ размѣрѣ.

По обсужденіи этого отзыва и общаго знакомства съ представленными при этомъ сочиненіями, въ засѣданіи Историко-Филологическаго Общества 29 ноября 1895 г. постановлено выдать авторамъ сочиненій премію имени А. А. Потебни, въ половинномъ размѣрѣ каждому. По вскрытіи конверта объявлено, что авторъ сочиненія подъ эпиграфомъ „Хвала“! и пр.—студентъ 8 семестра Историко-Филологическаго Факультета Николай Грунскій; авторъ другого сочиненія студентъ Юридическаго факультета 3 семестра В. Рогачевскій.

Согласно съ § 4 Правилъ на 1896 г. оставлена прежняя тема о стилѣ русскаго героическаго эпоса.

Къ вопросу объ организаціи раскопокъ кургановъ и городищъ въ Харьковской и смежныхъ губерніяхъ.

(Докладъ проф. Г. В. Левицкаго).

Нахожденіе и сохраненіе памятниковъ старины имѣетъ весьма важное значеніе для историческихъ изслѣдованій. Науки, изучающія неорганическій міръ, въ большинствѣ случаевъ могутъ находить законы явленій, изслѣдуя эти послѣднія въ томъ видѣ, въ какомъ они представляются наблюдателю въ данный моментъ. Иначе въ исторіи и во всѣхъ тѣхъ наукахъ, которыя изучаютъ явленія, зависящія отъ духовной дѣятельности человѣка. Причины такихъ явленій слишкомъ сложны и явленія слишкомъ разнообразны. Явленій тожественныхъ, какъ въ неорганическомъ мірѣ, мы здѣсь, можно сказать, почти вовсе не встрѣчаемъ. Но и явленія историческія подвержены, конечно, опредѣленнымъ законамъ, для открытія которыхъ могутъ оказаться необходимыми и такіе, повидимому, второстепенные факты, какъ сохранившіеся въ землѣ остатки предметовъ домашняго обихода, вооруженія и проч. тѣхъ народовъ о которыхъ какъ о народахъ, издревле населявшихъ Южную Россію, точныхъ и опредѣленныхъ историческихъ указаній мы не имѣемъ. Нахожденія подобныхъ предметовъ у насъ болѣе всего вправѣ мы ожидать при раскопкахъ кургановъ и городищъ. Число кургановъ въ Харьковской губерніи, и, вѣроятно, и въ смежныхъ съ ней чрезвычайно велико. Нѣкоторые водораздѣлы представляютъ здѣсь на десятки верстъ почти непрерывныя линіи кургановъ, какъ напримѣръ между станціями Максимовкой и Богодуховомъ и далѣе отъ Богодухова до села Братеницы. Несомнѣнно, что весьма многіе изъ этихъ кургановъ представляютъ древнія могилы, а не насыпи, сдѣланныя съ сторожевыми или военными цѣлями. Въ той же вышеупомянутой мѣстности курганы представляютъ одну интересную особенность, указывающую повидимому на то, что курганы эти представляютъ сооруженія, имѣющія отношеніе къ культу, а не къ войнѣ. Именно всѣ эти курганы расположены группами попарно или въ четномъ числѣ. Нѣкоторыя группы состоятъ изъ шести кургановъ, рѣзко различныхъ по высотѣ, и по своему расположенію нисколько не напоминаютъ военныхъ укрѣпленій. Два изъ подобныхъ кургановъ (въ двухъ различныхъ группахъ) пишущій эти строки имѣлъ случай раскопать и

нашелъ въ нихъ скелетъ человѣка и остатки весьма грубой глиняной посуды.

Съ каждымъ годомъ, вслѣдствіе постоянно повторяемыхъ запашекъ, дѣйствія дождя, вѣтра и пр., курганы понижаются и постепенно исчезаютъ. Въ одномъ случаѣ мнѣ удалось точно опредѣлить быстроту пониженія кургановъ отъ совмѣстнаго дѣйствія вышеупомянутыхъ причинъ. Розыскивая, по порученію Военно-Топографическаго Отдѣла, геодезическіе пункты тріангуляціи генерала Врончѳнка, я нашелъ на одномъ курганѣ камни, обозначающіе пунктъ, на глубинѣ не $1^1/_4$ арш., а всего $^1/_4$ арш., т. е. съ 1859 по 1891 г. курганъ понизился на цѣлый аршинъ.

Городища подвергаются, можетъ быть, не столь быстрому уничтоженію, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Но и они постепенно сравниваются съ землей, вслѣдствіе увеличенія распашекъ, основанія новыхъ поселковъ и проч.

Въ виду вышесказаннаго я позволяю предложить Историко-Филологическому Обществу взять на себя починъ и руководство въ дѣлѣ организаціи и производства правильныхъ и систематическихъ раскопокъ кургановъ и городищъ. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что Правленіе университета не откажетъ Обществу для этой цѣли въ небольшой ежегодной субсидіи, въ размѣрѣ напр., 150—200 р. с. въ годъ. Получаемые отъ производимыхъ на эти деньги раскопокъ предметы, передаваемые въ археологическое отдѣленіе музея изящныхъ искусствъ, безъ сомнѣнія вполнѣ оправдаютъ тотъ расходъ, какой будетъ сдѣланъ университетомъ. [1]).

[1]) Для осуществленія этого проэкта предположено назначить особую коммиссію.

Научныя чтенія для женщинъ.

Въ кругъ задачъ Обществъ взаимнаго вспоможенія учительницъ, учрежденныхъ въ настоящее время во многихъ крупныхъ городахъ, входятъ, на ряду съ доставленіемъ уроковъ, дешевыхъ квартиръ, денежной помощи, вообще съ заботами о матеріальномъ благосостояніи своихъ членовъ, также и задачи другого рода,—просвѣтительныя: организація для своихъ членовъ лекцій, уроковъ, устройство библіотеки, кабинета для чтенія и проч. Такъ при Тифлисскомъ обществѣ учительницъ организованы курсы лекцій по различнымъ общеобразовательнымъ предметамъ, обращено также большое вниманіе на библіотеку, существующую для членовъ общества при его бюро. Въ Нижнемъ-Новгородѣ съ декабря прошлаго года также устроены при обществѣ учительницъ лекціи. Въ Москвѣ общество взаимнаго вспоможенія учительницъ рѣшило ходатайствовать объ устройствѣ постоянныхъ чтеній для распространенія знаній, по образцу англійскихъ и американскихъ чтеній.

Харьковское общество взаимнаго вспоможенія учительницъ въ первый же годъ своего открытія озаботилось устройствомъ для своихъ членовъ дешевыхъ и безплатныхъ уроковъ иностранныхъ языковъ, а также положило основаніе педагогической библіотекѣ общества. Но этимъ пока и ограничивалась просвѣтительная дѣятельность общества. Всѣ его заботы, всѣ средства шли на удовлетвореніе матеріальныхъ нуждъ своихъ членовъ. Однако уже въ отчетѣ о дѣятельности общества за 1893 г. (4-й годъ существованія общества) правленіе намѣчаетъ въ дальнѣйшей дѣятельности общества слѣдующія задачи: организацію научныхъ чтеній или бесѣдъ, пополненіе библіотеки, находящейся при бюро общества, устройство кабинета для чтенія. На расширеніе дѣятельности общества въ такомъ направленіи указывала въ томъ же отчетѣ и ревизіонная коммиссія. Общее собраніе членовъ общества учительницъ, происходившее въ мартѣ 1894 г. отнеслось съ полнымъ сочувствіемъ къ этому проекту правленія и ревизіонной коммиссіи и постановило поручить правленію озаботиться осуществленіемъ намѣченныхъ въ отчетѣ задачъ общества. Но желаніе членовъ общества имѣть возможность расширить свое образованіе, слушая научныя лекціи по тѣмъ или другимъ предметамъ, быть можетъ, надолго осталось невыполненнымъ, если бы на него не откликнулось съ сочувствіемъ Историко-Фи-

лологическое Общество, состоящее при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ, если бы профессора университета не изъявили своей готовности открыть научныя чтенія для женщинъ.

Въ совмѣстномъ засѣданіи правленія общества учительницъ и членовъ Историко-Филологическаго Общества были выработаны временныя правила для историко-филологическихъ научныхъ чтеній, которыя и были утверждены въ засѣданіи Историко-Филологическаго Общества 8 декабря 1894 г. на ближайшее время, т. е. весну 1895 г.

Цѣль чтеній, согласно съ § 1 устава Историко-филологическаго Общества,—способствовать распространенію историческихъ и филологическихъ знаній и, согласно § 10 Устава общества взаимнаго вспоможенія учительницъ, пользованіе безплатными или дешевыми уроками.

Завѣдываніе чтеніями поручено коммиссіи изъ трехъ членовъ Историко-Филологическаго Общества и трехъ членовъ общества взаимнаго вспоможенія учительницъ.

Лекторами были члены Историко-Филологическаго Общества. Программы чтеній разсмотрѣны въ засѣданіи Историко-Филологическаго Общества и утверждены г. попечителемъ учебнаго округа.

Члены Педагогическаго отдѣла Историко-Филологическаго Общества и дѣйствительные члены общества взаимнаго вспоможенія учительницъ, исключительно женщины, слушали лекціи безплатно. Постороннія слушательницы уплачивали за чтенія одного лектора по одному рублю, а за чтенія всѣхъ лекторовъ три рубля, каковыя деньги поступили въ Историко-Филологическое Общество.

Подписка на чтенія принималась въ бюро Общества взаимнаго вспоможенія учительницъ. (Петровскій пер., д. Поповыхъ № 12).

Число лекцій и число часовъ въ недѣлю предоставлено было усмотрѣнію лекторовъ, но не менѣе пяти лекцій. Предположены были чтенія по психологіи, педагогикѣ, исторіи философіи, исторіи всеобщей, исторіи русской, исторіи русской литературы, исторіи всеобщей литературы, языковѣдѣнію, исторіи искусства, географіи и этнографіи. Состоялись лекціи по слѣдующимъ программамъ:

Программа чтеній проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго по общему языкознанію.

I. Языкъ—какъ явленіе. Принадлежность его къ разряду явленій психическихъ. Наука о языкѣ—въ ряду другихъ наукъ. Задачи, методъ и матеріалъ науки о языкѣ. Краткія предварительныя свѣдѣнія изъ исторіи языкознанія. Сравнительная грамматика.

II. Классификація языковъ. Семья индоевропейскихъ языковъ. Грамматическій строй. Понятія корня, суффикса, окончанія. Части рѣчи.

III. Фонетика. Краткія свѣдѣнія изъ физіологіи звуковъ рѣчи. Законы фонетики.

IV. Морфологія. Психологическая природа и историческое развитіе морфологическихъ категорій. Существительное, прилагательное, причастіе, глаголъ.

V. Предложеніе и его части. Типы предложенія въ ихъ историческомъ развитіи.

VI. Грамматика въ ея отношеніяхъ къ психологіи мысли и къ логикѣ. Мысль и языкъ.

VII. Философія языка. Обзоръ идей Вильгельма Гумбольдта, Штейнталя и Потебни.

VIII. Современное состояніе науки о языкѣ.

Программа чтеній проф. Н. Ѳ. Сумцова объ А. С. Пушкинѣ.

Обзоръ главныхъ пособій. Краткія біографическія сообщенія. Опредѣленіе главныхъ особенностей поэзіи Пушкина. Изящество слога. Глубина художественныхъ образовъ. Народность. Разносторонность. Правдивость. Гуманность. О педагогическомъ значеніи стихотвореній Пушкина. Разборъ лирическихъ стихотвореній. Нянѣ. Поэтъ. Пророкъ. Подражанія Корану. Сонетъ. Аквилонъ. Туча. Брожу ли я. Нѣсколько словъ о поэмахъ Пушкина. Евгеній Онѣгинъ. Борисъ Годуновъ. Прозаическія статьи Пушкина.

Программа чтеній по исторіи Западныхъ литературъ пр. доц. С. В. Соловьева.

Трубадуры и труверы. Происхожденіе провансальской лирики. Трубадуры и рыцарство. Трубадуры и жонглеры. Біографіи Бернарда Вентадура, Арно Даніэля и Бертрана де Борнъ. Виды провансальской лирики. Любовная лирика и сирвенты. Альбигойцы. Паденіе лирики. Провансальская лирика въ Игаліи.

Труверы. Народная лирика. Виды сѣверно-французской лирики. Колэнъ Мюзе. Тибо Шампанскій. Карлъ Орлеанскій.

Миннезингеры. Германія въ эпоху Гогенштауфеновъ. Миннезанги до Вальтера Фогельвейде. Вальтеръ. Миннезингеры-реалисты. Мейстерзингеры. Освальдъ Волькенштейнъ—послѣдній миннезингеръ.

Рыцарскій эпосъ въ Германіи. Романы круглаго стола. Гартманъ фонъ Ауэ: „Бѣдный Генрихъ“; „Григорій на камнѣ“, Гартманъ и Кретьенъ де Труа. Вольфрамъ фонъ Эшенбахъ: „Титурель и „Виллегальмъ“; „Парциваль“

и его источники. Легенды объ Іосифѣ Аримаѳейскомъ и о Гралѣ. Идеализмъ Вольфрама. Готфридъ Страсбургскій: „Тристанъ“. Реализмъ Готфрида.

Программа чтеній проф Л. Ю. Шепелевича о „Фаустѣ“ Гете.

Исторія и легенда о Фаустѣ. Первыя обработки. Фаустъ въ Германіи и Англіи. Марлоу. Аналогичныя преданія въ другихъ странахъ. Какъ Гете воспользовался легендой. Свѣдѣнія о времени составленія отдѣльныхъ частей въ связи съ біографіей поэта. Отношеніе первой части ко второй. Фаустъ и Вильгельмъ Мейстеръ. Объясненія общаго плана первой части и комментированіе отдѣльныхъ сценъ.

Программа чтеній В. В. Лапина по римской исторіи.

А) *Введеніе.*

1. Общій ходъ всемірной исторіи. Понятіе объ историческихъ законахъ: каузальные и эволюціонные законы. Неудачныя (апріорныя) попытки открыть общій планъ всемірно-историческаго процесса. Дѣйствительный ходъ историческаго движенія и мѣсто римлянъ во всемірной исторіи. Побережье Средиземнаго моря, какъ средоточіе исторіи древнихъ народовъ, и географическій очеркъ Италіи. Положеніе Рима. Древнѣйшія культурныя вліянія на римское населеніе. Религіозныя воззрѣнія италійцевъ и римлянъ Населеніе Италіи и его отношенія (этническія) къ латинамъ. Греческая колонизація.

2. Римская исторіографія. Краткій обзоръ источниковъ римской исторіи и критика ихъ.

Б) *Исторія римской республики.*

Начальныя времена Рима. Римскія саги и критическій разборъ главнѣйшихъ изъ нихъ. Методы изслѣдованія. Нибуръ и его методъ. Разработка римской исторіи послѣ Нибура. Археологическая теорія о началѣ Рима. Современное состояніе этого вопроса. Главные выводы о начальныхъ временахъ Рима. Что такое такъ называемая „царская эпоха“. Учрежденія приписываемыя царямъ. Происхожденіе плебса и патриціата. Причины и ходъ борьбы между ними. Вліяніе борьбы патриціевъ и плебеевъ на исторію, и учрежденія Рима до децемвирата. Трибунатъ и трибутныя комиціи. Децемвиратъ и его значеніе. Дальнѣйшее развитіе внутренней борьбы въ Римѣ и законы Лицинія. Ихъ политическое и соціальное значеніе. Краткій очеркъ завоеваній Рима въ Италіи и внѣ ея. Римскія провинціи во II в. Р. Х. и управленіе ими. Очеркъ внутренняго состоянія римскаго государства. Вліяніе внѣ-италійскихъ завоеваній на нравы, обычаи и религію

римлянъ. Роскошь и богатство въ Римѣ. Внѣшняя сила Рима и угрожающіе симптомы во внутреннемъ его состояніи. Экономическое положеніе низшихъ классовъ городскихъ и сельскихъ гражданъ. Оптиматы и пролетаріи. Попытки реформъ въ Римѣ до эпохи Гракховъ.

Реформы Гракховъ и причины неудачъ ихъ. Упадокъ римской республики и причины этого явленія. Переходъ къ имперіи и всемірно-историческое значеніе императорской эпохи.

Программа чтеній И. М. Собѣстіанскаго. Введеніе въ русскую исторію.

Славяне, ихъ разселеніе, характеръ древнихъ славянъ. Взгляды ученыхъ прошлаго столѣтія. Славяно-русская и нѣмецкая школы. Гердеръ. Литература XIX столѣтія.

Общественный бытъ древнихъ славянъ. Ученіе о родовомъ общинномъ и задружномъ бытѣ славянъ. Подробное изложеніе и критика этихъ ученій. Семейный бытъ древнихъ славянъ.

Русскіе славяне. Варяжскій вопросъ. Изложеніе и критика разныхъ теорій о происхожденіи русскаго государства.

Программа чтеній по Русской исторіи проф. Д. И. Багалѣя (древнѣйшій періодъ).

Различіе между наукою русской исторіи и русской исторіей, какъ учебнымъ гимназическимъ предметомъ. Понятіе о наукѣ русской исторіи: ея предметъ, методъ, объемъ въ пространствѣ и во времени, ея періоды.

Территорія нынѣшней Россіи въ доисторическій періодъ. Каменный вѣкъ въ Россіи: бытъ палеолитической эпохи: переходная эпоха; неолетическая эпоха. Вопросъ о бронзовомъ и желѣзномъ вѣкѣ въ Россіи.

Судьба русской территоріи съ V в. до Р. X. по V вѣкъ по Р. X. Греческія колоніи на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря. Скиѳія и Сарматія. Славяне и ихъ бытъ.

Русскіе славяне. Географическія условія мѣстности и ихъ вліяніе на исторію страны. Разселеніе русскихъ славянъ. Религія и погребальныя обряды. Семейные обычаи. Вопросъ о политическомъ бытѣ.

Сосѣди русскихъ славянъ. Финны, Камскіе Болгары, Хозары, Литва. Культурныя вліянія.

Вопросъ о началѣ русскаго государства. Различныя теоріи о началѣ Руси (Норманская, Славянская, Литовская). Легендарность лѣтописнаго извѣстія и туземное происхожденіе Руси.

Образованіе Кіевской державы. Первые князья и ихъ дѣятельность.

Научныя чтенія для женщинъ, устроенныя Филологическимъ Обществомъ совмѣстно съ Обществомъ взаимнаго вспоможенія учительницъ, на-

чались (въ помѣщеніи Маріинской женской гимназіи) въ четвергъ 26 января при большомъ числѣ слушательницъ (до 135 лицъ). Лекціи посѣтили: предсѣдательница Общества взаимнаго вспоможенія учительницъ А. М. Петровая и председатель Историко-Филологическаго Общества проф. М. С. Дриновъ. Первыя лекція были проф. И. М. Собѣстьянскаго (Введеніе въ русск. истор.) и проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго (по общему языкознанію). Въ перерывѣ между двумя лекціями одна изъ слушательницъ отъ имени всѣхъ присутствовавшихъ слушательницъ обратилась къ А. М. Петровой и поблагодарила ее за участіе по устройству этихъ научныхъ чтеній, на что А. М. Петрова отвѣтила пожеланіемъ успѣха слушательницамъ въ изъ предстоящихъ занятіяхъ.

Всего было прочитано 48 лекцій, проф. Собѣстьянскимъ 8, проф. Шепелевичемъ 5 и проф. Сумцовымъ, Багалѣемъ, Овсянико-Куликовскимъ, Лапинымъ и Соловьевымъ по 7. Всѣхъ слушательницъ записалось 247; изъ нихъ дѣйств. чл. общ. учит. 74 и член. Педагогическаго Отдѣла Историко-Филологическаго Общества 8.

ЛЕКЦІИ.	Число всѣхъ записавшихся слушат.	Число посѣщеній по лекціямъ.								Число всѣхъ посѣщеній.	Среднее число посѣщеній кажд. лекціи.
		1	2	3	4	5	6	7	8		
Пр. Багалѣя. .	217	139	139	144	150	123	98	106	—	899	128,4
Пр. Куликовс.	214	131	105	118	131	97	107	66	—	755	108
Пр. д. Лапина .	211	130	118	101	99	89	90	66	—	693	99
Пр. Собѣстьян.	211	130	116	110	119	119	88	96	64	832	104
Пр. д. Соловьев.	220	139	119	139	131	120	99	70	—	817	116,7
Пр. Сумцова. .	215	147	131	126	115	85	73	94	—	770	110
Пр. Шепелев. .	200	129	109	65	65	47	—	—	—	415	83

Число всѣхъ посѣщеній—5181. Среднее число слушательницъ на каждой лекціи—108.

Приходъ: выручено отъ продажи билетовъ 434 руб. пожертвовано 13 руб. итого 447 руб. **Расходъ:** служителямъ задва мѣсяца 50 руб., печатаніе билетовъ 4 руб., керосинъ 5 руб. 25 коп., свѣчи 2 руб 40 коп., лампы 24 руб. 70 коп., итого 86 руб. 35 коп. Въ итогѣ прихода 360 руб. 65 коп., каковыя деньги и поступили въ кассу Историко-Филологическаго Общества.

Программы лекцій не были разсчитаны на полный систематическій курсъ по какой либо наукѣ; при всемъ томъ слушательницы получили воз-

можность познакомиться съ методами чисто-научнаго изложенія, которымъ характеризуются университетскія лекціи и которое совершенно незнакомо женщинамъ. Въ этомъ заключалось главное значеніе лекцій, помимо той несомнѣнной пользы, какую принесло слушательницамъ самое увеличеніе суммы знаній.

Юбилейное чествованіе памяти Г. С. Сковороды.

13-го ноября 1895 года въ торжественномъ залѣ университета состоялось публичное засѣданіе въ память *Г. С. Сковороды*, по случаю столѣтія со дня его кончины († 29 октября 1794 г.). Въ засѣданіи этомъ были произнесены профессорами А. С. Лебедевымъ, Ѳ. А. Зеленогорскимъ и Д. И. Багалѣемъ рѣчи, посвященныя Г. С. Сковородѣ, и прочитаны слѣдующія полученные къ этому дню телеграммы:

„Кіевская духовная академія дружелюбно привѣтствуетъ общество съ юбилейнымъ торжествомъ въ честь Григорія Саввича Сковороды, памятнаго для всей Южной Россіи и Кіевской академіи". Ректоръ, епископъ *Сильвестръ*.

„Московское психологическое общество и журналъ „Вопросы философіи" сердечно привѣтствуютъ Харьковское Историко-Филологическое общество по поводу чествованія столѣтней годовщины перваго по времени самостоятельнаго русскаго философа Григорія Саввича Сковороды. Да будетъ же это чествованіе знаменемъ простора и свободы философскаго мышленія въ нашемъ отечествѣ, которое столь необходимо для полнаго проявленія нашего народнаго міросозерцанія, краснорѣчивымъ выразителемъ котораго былъ Григорій Сковорода". Предсѣдатель психологическаго общества, редакторъ журнала *Николай Гротъ*.

„Вспоминая дѣятельность Григорія Саввича Сковороды общество Нестора присоединяется къ чествованію памяти учителя добродѣтели и ревнителя истины". Предсѣдатель *В. Иконниковъ*.

Телегамма изъ Чернигова на имя г. ректора Харьковскаго университета: „Труды въ области мысли незабвеннаго земляка нашего Григорія Саввича Сковороды тѣмъ болѣе намъ дороги, что въ нихъ проявилось стремленіе мѣстныхъ ученыхъ будить сознаніе всей массы населенія и вносить свѣтъ въ обыденныя житейскія отношенія. Нижеподписавшіеся почтительнѣйше просятъ Ваше Превосходительство передать Историко-Филологическому обществу ввѣреннаго вамъ университета, что и они изъ глубины Малороссіи присоединяются къ ученому торжеству въ честь знаменитаго украинскаго мыслителя". Предсѣдатель губернской земской управы *Хижняковъ*, черниговскій городской голова *Ханенко*, *А. Русовъ*, *Глѣбовъ*, *Кропивницкій* и его труппа, *Дорошенко*, *Шрагъ*, *Гринченко*, *Могилянскій*, *Шлике-*

вичъ, Гвядиковскій, Тищинскій, Рашевскіе, Шкуркина, Лысенко, Тимченко, Василевскій, Верзиловъ, Самойленко, Дейша, Ласкоронскій, Митаревскій, Полуботокъ, Шихуцкая.

По окончаніи засѣданія получена была слѣдующая телеграмма отъ двухъ одесскихъ ученыхъ историческихъ обществъ за подписью профессора *Маркевича*: „Члены одесскихъ историческихъ обществъ просятъ благодарить общество за возстановленіе памяти мудраго и дѣтски незлобиваго украинскаго философа и поздравить съ успѣшнымъ окончаніемъ дѣла“.

Г. С. Сковорода, какъ богословъ [1]).

Г. С. Сковорода, составляющій гордость Украйны какъ философъ, былъ не только философъ, но и богословъ и, можетъ быть, даже болѣе богословъ, чѣмъ философъ. Богословъ онъ былъ, правда, типа для своего (да и для настоящаго) времени не совсѣмъ обычнаго, но во всякомъ случаѣ—типа неукоризненнаго, незазорнаго, ведущаго свое начало отъ древнихъ и славныхъ отцовъ и учителей церковныхъ. Поясненіе того типа, къ которому принадлежало богословствованіе Сковороды, и будетъ составлять предметъ моей рѣчи.

Въ раскрытіи христіанскаго вѣроученія церковными учителями христіанской древности съ самаго же начала ясно и, можно сказать, даже рѣзко обозначились два направленія богословской мысли. Одно, которому слѣдовали преимущественно западные, латинскіе писатели и крайнимъ представителамъ котораго былъ Тертулліанъ, полагало раскрывать христіанское вѣроученіе только на основаніи писанія (понимаемаго при томъ лишь въ его непосредственномъ, буквальномъ смыслѣ) и преданія, не придавая въ дѣлѣ вѣры—по крайней мѣрѣ *принципіально*—никакого значенія дѣйствію разума, какъ склоннаго только къ заблужденію. Съ принятіемъ христіанства, по мнѣнію Тертулліана, разрѣшаются всѣ вопросы ума, такъ что всякое дальнѣйшее изслѣдованіе и вообще всякое внѣшнее, не изъ христіанства же заимствуемое, знаніе становится дѣломъ ненужнымъ, безполезнымъ. „Что общаго имѣютъ между собою Аѳины и Іерусалимъ, академія и церковь, еретики и христіане?... Послѣ Іисуса Христа излишня всякая любознательность, послѣ евангелія мы не нуждаемся въ изысканіяхъ" (Tertul. Praescript. haeret. VII) [2]). Вѣра заключаетъ въ себѣ всю потребную для насъ сумму знанія и „не знать ничего противъ правила вѣры,—значитъ все знать": adversus regulam mihil scire, omnia scire est. (Praescript. haer XIV). И предметы этой, замѣняющей всякое знаніе, вѣры, не нуждаются ни въ какихъ приспособленіяхъ къ понятіямъ разума. Абсурдъ, совершеннѣйшій абсурдъ—съ точки зрѣнія разума, съ полнымъ удобствомъ можетъ быть предметомъ вѣры, значеніе которой даже тѣмъ выше, чѣмъ болѣе преодо-

---

[1]) Рѣчь на юбилейномъ чествованіи памяти Г. С. Сковороды, 13 ноября 1894 г.

[2]) Эти и послѣдующія цитаты приводятся по Patrolog. curs. c. Migne.

лѣваетъ она препятствій, воспринимая вещи, неудобопріемлемыя для разума. Своеобразный призывъ Тертулліана къ вѣрѣ, не желающей знать никакихъ требованій разума, звучитъ у него иногда какъ бы даже глумленіемъ надъ разумомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ ироніей и надъ самою вѣрой,—въ разсужденіяхъ, напримѣръ такого рода: „Natus est Dei Filius—non pudet, quia pudendum est; et mortuus est Dei Filius—prorsus credibile est, quia ineptum est; et Sepultus resurrexit—certum est, quia impossibile“ (Dei carne Christi, V). Credo, quia absurdum—вотъ принципъ вѣры, или вѣрованія по Тертулліану!

Другое направленіе, которому слѣдовали преимущественно восточные отцы и учители Церкви, въ особенности писатели Александрійской школы, старалось, напротивъ, привести въ связь, примирить вѣру съ знаніемъ; оно допускало, что человѣкъ и естественными силами, безъ всякаго внѣшняго, положительнаго откровенія. при одномъ внутреннемъ воздѣйствіи на эти силы Божества, всегда близкаго къ человѣку, можетъ—если не вполнѣ овладѣвать истинной, то, по крайней мѣрѣ, приближаться къ ней, какъ доказала это въ особенности эллинская философія, а тѣмъ болѣе можетъ активно своимъ умомъ воспринимать, разъяснять и утверждать для своего сознанія уже открытую истину. Такъ, Св. Іустинъ, философъ и мученикъ, утверждалъ, что Божественному Слову, которое есть Христосъ, причастенъ весь родъ человѣческій, благодаря чему язычники и могли познавать Бога; поэтому Іустинъ не затрудняется называть чтителями Божественнаго Слова и даже прямо христіанами тѣхъ изъ язычниковъ, которые жили согласно съ Словомъ, каковы между эллинами Сократъ, Гераклитъ и имъ подобные (Justin Apolog. I, 46), такъ какъ, по воззрѣнію Іустина, и они въ сущности были учениками того же Бога Слова, которое просвѣщаетъ людей въ христіанствѣ. Признавая, что источникъ духовнаго просвѣщенія для эллиновъ и христіанъ одинъ, Іустинъ заключаетъ, что все прекрасное, сказанное языческими мыслителями, есть наше христіанское (Apolog, II, 13). Подобно Іустину, и Климентъ Александрійскій училъ, что и въ мірѣ дохристіанскомъ Слово Божіе ни отъ кого не было сокрыто: это—общій свѣтъ, свѣтящій для всѣхъ людей; въ отношеніи къ Богу Слову нѣтъ киммерійца (Cohort. ad. gent., cap. IX). Философія, по мнѣнію Климента, дана была Божественнымъ Провидѣніемъ для эллиновъ съ такою же цѣлью. съ какою законъ былъ данъ для іудеевъ, т.-е. для путеводительства ко Христу (Strom I, 5; VI, 5). При такомъ взглядѣ на философію совершенно естественно у Климента и то обильное и нестѣсненное пользованіе идеями разныхъ философовъ. какое замѣчается въ его сочиненіяхъ. Такъ, согласно съ Сократомъ, Платономъ и стоиками, Климентъ ставитъ знаніе во главу добродѣтели и даже отожествляетъ съ добродѣтелью (Strom. I, 5; VI, 7), а невѣжество

считаетъ корнемъ грѣха и всякаго зла въ человѣческой жизни (Strom, VII, 11: κακία μὲν δι'ἄγνοιαν), духовной смертью человѣка (Strom. II, 7: здѣсь, приведя слова пророка Іезекіиля, что Богъ не хочетъ смерти грѣшника, Климентъ замѣчаетъ: „смертію, думаю, называетъ онъ невѣжество“). Даже у Епикура Климентъ находитъ идеи, достойныя вниманія,—изъ него заимствуетъ, между прочимъ, положеніе (не называя, впрочемъ, источника), которое такъ полюбилось и Г. С. Сковородѣ, *трудное для насъ, по устроенію Божію, не нужно, а нужное не трудно* [1]). Такое сочувственное отношеніе Климента къ эллиннской философіи особенно выразилось въ его сочиненіи: „Στρώματα“, которое, по его собственному изъясненію, затѣмъ и написано, чтобы противъ злословящихъ философію, будто она гибельна для спасенія, доказать, что, напротивъ, она есть источникъ добродѣтели и дѣло божественнаго о людяхъ промышленія (Strom., lib. I, cap. 1). Согласно съ Климентомъ, училъ о дѣйствіи Божественнаго Слова въ языческомъ мірѣ и знаменитый ученикъ Климента—Оригенъ: „Богъ по благословнымъ причинамъ исполнилъ воплощеніе Іисуса нынѣ, но благодѣтельствовалъ роду человѣческому всегда, ибо ничего добраго между людьми не было безъ наитія Божественнаго Слова на души тѣхъ, которые могли хотя на малое время принять такое дѣйствіе Божественнаго Слова“ (Contra Cels., VI, 78). „То, чему училъ Богъ чрезъ пророковъ и Спасителя, насаждено Имъ въ душахъ всѣхъ людей“ [2]) (Ibid., lib. I, 4).

Что эллинскіе мудрецы, руководимые Божественнымъ Словомъ, никогда не оставлявшимъ человѣчества, стремились и въ значительной степени приближались къ истинѣ, открытой во всей полнотѣ въ христіанствѣ,—это охотно признавали и такіе столпы церкви на Востокѣ, какъ Василій Великій, Григорій Богословъ, Максимъ Исповѣдникъ. Такъ Василій Великій въ „Бесѣдѣ къ юношамъ о томъ, какъ нужно пользоваться языческими сочиненіями“ приводитъ множество близкихъ къ требованіямъ христіанской морали изреченій изъ Гезіода, Гомера, Солона, Продика, Платона и другихъ, а также и поучительныхъ примѣровъ изъ жизни мудрецовъ языческой древности, и совѣтуетъ христіанскимъ юношамъ, въ стремленіи къ нравственному совершенству, пользоваться этими изреченіями и примѣрами, подражая пчеламъ, которыя отовсюду собираютъ матеріалъ для меда. Точно

[1]) Strom. IV, 23; ἴσμεν δὲ τὰ μὲν δυσπόριστα οὐκ ἀναγκαῖα, τὰ δὲ ἀναγκαῖα εὐπόριστα γεγενῆσθαι φιλαγάθως παρὰ τοῦ Θεοῦ. У Сковороды читаемъ: „дивнымъ вкусомъ дышетъ сіе слово Епикурово: *благодареніе блаженной натурѣ за то, что нужное сдѣлала не труднымъ, а трудное ненужнымъ*“ (Соч. Г. С. Сковороды, юбил. изд., стр. 253). И въ другомъ мѣстѣ: „*Благодареніе блаженному Богу о томъ, что нужное сдѣлалъ нетруднымъ, а трудное ненужнымъ*“ (Ibid., стр. 183).

[2]) Οὐδὲν θαυμαστὸν τὸν αὐτὸν Θεὸν ἅπερ ἐδίδαξε διὰ τῶν προφητῶν καὶ τοῦ Σωτῆρος ἐγκατεσπαρκέναι ταῖς ἁπάντων ἀνθρώπων ψυχαῖς.

такой же совѣтъ, и на такомъ же основаніи, даетъ христіанамъ по этому предмету и Григорій Богословъ (Carm. ad Seleucum, v. 35 et sequ.); онъ хвалитъ свободную отъ житейскихъ заботъ жизнь Діогена и его послѣдователей, замѣчая, что правило этой жизни почти согласно съ евангельскою заповѣдью заботиться о пищѣ не болѣе птицъ небесныхъ и объ одеждѣ— не болѣе цвѣтовъ полевыхъ (Carm. X, de virtute, 425, v. 215—265); хвалитъ воздержаніе стоиковъ (ibid, v. 604—610) и, что особенно замѣчательно,—даже Епикура, замѣчая, что хотя Епикуръ и проповѣдовалъ удовольствіе, какъ высшее благо жизни, но, чтобы не показалось кому, что онъ хвалитъ всякое наслажденіе, жилъ благопристойно и трезвенно (κοσμίως καί σωφρόνως), поясняя такимъ образомъ жизнію смыслъ своего ученія (ibid. 455, v. 785—765). Максимъ Исповѣдникъ свой взглядъ на эллинскую философію и вообще эллинскую образованность и ея отношеніе къ христіанству выразилъ въ обширномъ трактатѣ: „Capita theologica, id est scite dicta atque electa ex diversis, tum christianorum, tum profanorum libris“, гдѣ онъ приводитъ изъ языческихъ философовъ, поэтовъ и вообще мыслителей языческой древности множество изреченій, относящихся, главнымъ образомъ къ области этики, сопоставляя ихъ, какъ тожественныя или болѣе или менѣе сходныя, съ изреченіями Священнаго Писанія и Отцовъ Церкви о тѣхъ же предметахъ, напримѣръ—о самолюбіи, зависти, невоздержаніи, гнѣвѣ, скупости, спокойствіи духа, войнѣ и мирѣ, цѣломудріи, дружбѣ, милостынѣ и т. д.

Цѣня высоко философію, какъ путеводительницу ко Христу, восточные учители Церкви полагали, что ея просвѣтительное значеніе и ея служеніе интересамъ христіанства не кончаются и въ христіанствѣ: здѣсь она служитъ къ сознательному усвоенію и утвержденію вѣры, къ возведенію вѣры на степень высшаго знанія. По мнѣнію Климента, весьма важна услуга философіи (и вообще научнаго образованія), между прочимъ, и для изъясненія Писанія: какъ при обработкѣ и воздѣлываніи виноградника примѣняются разнообразныя работы при помощи разнообразныхъ орудій— съ цѣлію полученія отъ виноградника наилучшаго и обильнѣйшаго плода, такъ и при изъясненіи Писанія, съ цѣлію постиженія въ немъ истиннаго смысла—этого драгоцѣннаго въ духовномъ виноградникѣ (Писаніи) плода, нужно пользоваться, какъ бы орудіями для обработки этого виноградника, разнообразными знаніями, съ философіей во главѣ (Strom., lib. I, cap. X).

Въ Библіи церковные учители разсматриваемаго направленія, само собою понятно, видѣли, согласно со всѣмъ христіанскимъ міромъ, высшее откровеніе божественной истины, какого не дано было язычникамъ; но чтобы понимать всю полноту и глубину истины, заключенной въ этой священной книгѣ, для этого, по понятіямъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ особенности—

опять тѣхъ же александрійцевъ, никакъ нельзя довольствоваться буквальнымъ смысломъ Писанія, а нужно посредствомъ аллегорическихъ объясненій открывать въ немъ внутренній смыслъ, скрытый подъ покровомъ образнаго представленія. Этотъ аллегоризмъ въ изъясненіи Писанія имѣлъ особенно широкое примѣненіе у Оригена, который въ буквальномъ пониманіи Писанія видѣлъ обильный источникъ заблужденій и всѣ мѣста Писанія, которыя, по ихъ буквальному смыслу, представлились ему абсурдными и невозможными („quae secundum litteram minime vera sunt, sed et absurda et impossibilia"), находилъ нужнымъ толковать иносказательно: буква Писанія являлась въ такомъ случаѣ для него лишь скорлупой, скрывающей зерно,—тѣломъ, заключающимъ духъ. Такія мѣста Оригенъ видѣлъ преимущественно въ Ветхомъ завѣтѣ, къ которому поэтому наиболѣе и примѣнялъ аллегорическое объясненіе. Таково, напримѣръ, его отношеніе къ библейскому повѣствованію о твореніи міра, о земномъ раѣ и о пребываніи въ немъ первыхъ людей. „Кто изъ здравомыслящихъ,— разсуждаетъ онъ, можетъ допустить, что были дни первый, второй и третій—съ утромъ, вечеромъ и ночью, когда не было еще ни солнца, ни луны, ни звѣздъ, а въ первый день—даже и неба? Кто будетъ столь малосмысленъ (ἠλίθιος), чтобы повѣрить, что Богъ, подобно человѣку-земледѣльцу, насадилъ въ Едемѣ разныя деревья, и между ними—древо жизни и древо познанія добра и зла... что послѣ полудня гулялъ въ саду и искалъ Адама, скрывшагося подъ деревьями... Можно ли сомнѣваться, что все это можно понимать только въ таинственномъ смыслѣ" (De princip., lib. IV, 16).

Въ твореніяхъ богослововъ восточной церкви съ такимъ направленіемъ богословской мысли, въ особенности александрійцевъ, несомнѣнно, и заключается источникъ богословствованія Сковороды; здѣсь полное объясненіе его богословскаго метода, а вмѣстѣ съ нимъ въ значительной степени и самихъ воззрѣній. Глубокое убѣжденіе Сковороды, что „дышетъ вездѣ оживляющій всѣхъ Духъ Господень", что „истина открывалась Богомъ не однимъ іудеямъ и христіанамъ, равно какъ добрая нравственность не есть принадлежность однихъ христіанъ, такъ какъ и въ древнемъ мірѣ нерѣдко процвѣтала высокая нравственность"; признаніе за языческими философами высокаго просвѣтительнаго значенія и, вслѣдствіе того, широкое пользованіе ихъ идеями (идеями Сократа, Платона, стоиковъ и самого даже Епикура), въ убѣжденіи, что „не очень погано изъ языческаго навоза собирать золото", и, наконецъ, вообще признаніе Сковородою за разумомъ права широкаго участія въ дѣлахъ вѣры, участія въ разъясненіи религіозныхъ вопросовъ, между прочимъ—въ изъясненіи Писанія, которое можетъ спасать и губить, освѣщать и омрачать, смотря по тому, какъ относиться къ нему, какъ объяснять и понимать его,—все это, очевидно, имѣетъ прямую

аналогію съ пріемами богословской мысли и богословскими воззрѣніями означенныхъ учителей христіанской древности.

Согласіе Сковороды, по его богословствованію, съ древними церковными учителями, повидимому, понимали и его современники, конечно, болѣе просвѣщенные. Этимъ-то, можетъ быть, и нужно объяснить то обстоятельство, что Сковорода могъ довольно свободно развивать свое богословствованіе, не подвергаясь за то со стороны власть имущихъ какимъ-либо непріятностямъ. Только крайнее и пошлое невѣжество ополчалось на Сковороду, да и оно, повидимому, мало касалось самой сути его богословскаго міросозерцанія, а больше нападало на Сковороду съ другихъ сторонъ, выдвигая нелѣпыя обвиненія, будто онъ осуждаетъ употребленіе мяса и вина, чуждается общества, не имѣетъ любви къ ближнему, живетъ мизантропомъ. Все же болѣе просвѣщенное, и не только въ свѣтскомъ обществѣ, но и въ духовенствѣ, положительно было на его сторонѣ. Просвѣщенный епископъ бѣлгородскій Іоасафъ Миткевичъ весьма благосклонно относился къ Сковородѣ, предложилъ ему должность учителя въ Харьковскомъ коллегіумѣ и усердно склонялъ его къ принятію монашества, обѣщая довести его скоро до высокаго іерархическаго сана, чего, конечно, ни въ какомъ случаѣ не могло бы быть, еслибъ архипастырь сомнѣвался на счетъ образа его мыслей. Правда, слѣдующій епископъ бѣлгородскій, Порфирій Крайскій, заставилъ Сковороду отказаться отъ преподаванія „правилъ благонравія“ въ прибавочныхъ классахъ Харьковскаго Коллегіума, а еще прежде того переясловскій епископъ Іоаннъ Козловичъ, пригласивъ Сковороду въ переясловское училище для преподаванія поэзіи, вскорѣ же изгналъ его изъ училища; но то и другое случилось не потому, чтобы было сомнѣніе на счетъ правовѣрія Сковороды, а потому, что образъ ученія его іерархи находили „несоотвѣтствующимъ обыкновенному правилу, несообразнымъ прежнему старинному обычаю“, и въ педагогической стойкости Сковороды, не желавшаго, въ угоду іераршимъ требованіямъ, измѣнять принятый имъ образъ ученія, усматривали непозволительную гордыню ума. Съ нѣкоторыми лицами бѣлаго духовенства, несомнѣнно, лучшими и достойнѣйшими членами клира, Сковорода находился въ дружеской перепискѣ. Наконецъ, сами монахи (кіевскіе), убѣждая его принять монашество, говорили: „намъ извѣстны твои таланты; ты будешь столпомъ церкви и украшеніемъ обители“. Значитъ, и они тоже не имѣли ни малѣйшаго сомнѣнія насчетъ доброкачественности его убѣжденій.

Такимъ образомъ, въ украинскомъ философѣ мы видимъ смѣлаго, но въ то же время никакъ не *отреченнаго* религіознаго мыслителя, несомнѣнно воспитавшаго свой умъ на знаменитыхъ, древняго времени, представителяхъ богословской мысли на Востокѣ.

Амфіанъ Лебедевъ.

Памяти Г. С. Сковороды.

Проф. Ѳ. А. Зеленогорскаго.

(Рѣчь, произнесенная въ засѣданіи Историко-Филол. общества, въ день празднованія столѣтней годовщины со дня смерти Сковороды).

М. Гг. Настоящій юбилей есть, можно сказать, юбилей исключительный среди другихъ, которые приходилось намъ праздновать: мы собрались почтить память *философа*. Конечно, такой юбилей не былъ бы исключительнымъ въ Германіи, Англіи, Франціи; но въ Россіи нельзя назвать его иначе, какъ исключительнымъ, особенно, если принять во вниманіе то, что дѣятельность досточтимаго нами философа относится еще къ прошлому столѣтію.

Григорій Саввичъ *Сковорода*, память котораго мы собрались почтить чрезъ сто лѣтъ послѣ его смерти, былъ истиннымъ философомъ. Онъ говорилъ, что „философія составляетъ главную цѣль человѣческой жизни". „Всякъ имѣетъ цѣль въ жизни, но не всякъ—главную цѣль, т. е. не всякъ занимается главою жизни. Иной занимается чревомъ жизни, т. е. всѣ дѣла направляетъ, чтобы дать жизнь чреву: иной—очамъ, иной волосамъ, иной—ногамъ и другимъ членамъ тѣла; иной же—одеждамъ и другимъ бездушнымъ вещамъ; философія и любомудріе устремляетъ весь кругъ дѣлъ своихъ на тотъ конецъ, чтобы дать жизнь духу нашему, благородство сердцу, свѣтлость мыслямъ, яко главѣ всего". Разумъ или способность познавать и доискиваться истины есть принадлежность человѣка и отличаетъ его отъ другихъ тварей; поэтому, человѣкъ, чтобы жить согласно съ своею высшею природою, долженъ удовлетворять требованіямъ и запросамъ своего разума, т. е. мыслить, заниматься изысканіемъ истины, философствовать; въ этомъ состоитъ жизнь его духа. Г. С. усматривалъ премудрость и благость Творца въ томъ, что Онъ, давши человѣку разумъ, не сообщилъ ему истины, а предоставилъ ему самому изысканіе истины. Безъ этого изысканія истины не было бы жизни духа, не было бы дѣятельности и движенія мысли, а вмѣстѣ съ этимъ не было бы и тѣхъ величайшихъ

удовольствій и наслажденій, которыя испытываетъ человѣкъ, преданный изысканію истины. „Искать и удивляться, говоритъ Сковорода, значитъ то же. Сіе движеніе веселитъ и оживляетъ душу, какъ стремленіе, какъ текущую по камнямъ воду“. „Какъ правильная циркуляція крови въ звѣряхъ, а въ травахъ—соковъ, рождаетъ благосостояніе тѣла ихъ, такъ истинныя мысли озаряютъ благоразуміемъ сердце. Видно, что жизнь живетъ тогда, когда мысль наша, любя истину, любитъ выслѣживать тропинки ея и, встрѣтивъ око ея, торжествуетъ и веселится симъ незаходимымъ свѣтомъ“. Такимъ образомъ, мысль, жизнь, удовольствіе у Сковороды сливаются въ одно; духъ человѣка живетъ настолько, насколько мыслитъ и философствуетъ.

Неудивительно послѣ этого, что Г. С., въ силу такихъ убѣжденій, всецѣло преданъ былъ философіи. Съ раннихъ лѣтъ привлекали его философскія книги съ нравственно-философскимъ содержаніемъ. Будучи за границею, „онъ знакомился съ людьми учеными и знаніями отлично славными тогда“. Онъ изучалъ изъ естественныхъ наукъ естественную исторію. Но особенно привлекала его древне-классическая философская литература, а также- сочиненія многихъ отцовъ и учителей церкви. Когда онъ жилъ въ предѣлахъ Харькова, то для наиболѣе свободной и безпрепятственной работы мысли онъ нерѣдко удалялся отъ суеты мірской и житейскаго шума въ деревню, гдѣ выбиралъ мѣста, наиболѣе уединенныя, какъ-то: лѣсъ, пасѣку или пчельникъ и т. д., и здѣсь-то всецѣло предавался философскимъ занятіямъ и мыслямъ. Въ „Израильскомъ зміѣ“—сочиненіи наиболѣе выдающемся по глубокомыслію среди другихъ его сочиненій, онъ представляетъ себя пустынникомъ, живущимъ въ уединенномъ саду и занимающимся „ловлею птицы—истины“. Это пребываніе среди природы и занятіе изысканіемъ истины было для него наилучшимъ временемъ въ жизни, какъ по его собственному признанію, такъ и по свидѣтельству ученика и друга его Ковалѣнскаго. Послѣдній, говоря напр. въ одномъ мѣстѣ „житія Сковороды“ объ удаленіи его въ деревню Гусинку, замѣчаетъ: „тишина, безмятежіе, свобода возбудили въ Сковородѣ всѣ чувства тѣхъ драгоцѣнныхъ удовольствій, которыя опытомъ извѣстны однимъ мудрымъ и цѣломудрымъ“. „Мнози глаголютъ, писалъ Сковорода своему другу изъ мѣста своего уединенія, что же дѣлаетъ въ жизни Сковорода? чѣмъ забавляется? Азъ же о Господѣ радуюся... Блаженъ мужъ, иже въ премудрости живетъ и иже въ разумѣ своемъ поучается святынѣ, размышляя пути ея въ сердцѣ своемъ и въ сокровенныхъ ея уразумится“. Одинъ изъ древнихъ философовъ на вопросъ, обращенный къ нему, что доставила ему философія, отвѣчалъ: „она научила меня уживаться съ самимъ собою“. Это не такъ легко, какъ кажется; не даромъ Аристотель замѣчаетъ, что человѣкъ, живущій внѣ об-

щества, есть или звѣрь, или Богъ. Ковалѣнскій также намекаетъ на борьбу, которая происходила въ душѣ Сковороды въ минуты уединенія. Эта борьба происходила по преимуществу въ ночное время. „Тутъ, говорится у Ковалѣнскаго, мгновенно брань открывалась и сердце его (Сковороды) дѣлалось полемъ рати: самолюбіе вооружалось съ міродержателемъ вѣка— свѣтскимъ разумомъ, собственными бренности человѣческой слабостями и всѣми тварями, нападало сильнѣйше на волю его, дабы плѣнить ее и быть подобнымъ Вышнему". Но эта борьба всегда кончалась побѣдою Сковороды надъ самимъ собою. „Возсіяющее солнце облекало его въ свѣтъ побѣды, говоритъ Ковалѣнскій, и въ торжествѣ духа выходилъ онъ въ поле раздѣлять славословіе его со всею природою". Въ этомъ отношеніи изъ ново-европейскихъ философовъ можно сопоставить съ нимъ развѣ одного голландскаго философа—отшельника *Спинозу*.

Перехожу къ философіи Г. С. Сковороды.

Сковорода любилъ природу, любилъ и наблюдать ее, и поучаться отъ нея. Въ своихъ философскихъ сочиненіяхъ онъ нерѣдко говоритъ о природѣ. Его философскій взглядъ на природу отличается ясностію и законченностію; онъ проникнутъ полнымъ *оптимизмомъ*. „Вся экономія Божія, говоритъ Г. С., во всей вселенной исправна, добра и всѣмъ намъ всеполезна есть". „Шепотники, клеветники и противники Божіи... не разумѣюще хулятъ распоряженіе круговъ небесныхъ, осуждаютъ качество земель, порочатъ изваяніе премудрой Божіей десницы въ звѣряхъ, древахъ, горахъ и травахъ; ничѣмъ недовольны. По ихъ несчастному и смѣшному понятію ненадобно въ мірѣ ни ночи, ни зимы, ни старости, ни труда, ни голоду, ни жажды, ни болѣзней, а паче всего смерти; къ чему она?.... Ахъ бѣдное наше знаньицо и понятійцо". Такимъ образомъ, Сковорода не признавалъ зломъ то, что мы привыкли называть зломъ физическимъ. По его взгляду, „вся тварь есть то поле слѣдовъ Божіихъ"; „вся дрянь дышетъ Богомъ и вѣчностію". Есть мѣста въ сочиненіяхъ Сковороды, гдѣ Богъ и міръ отождествляются и самъ Богъ называется *натурою*, что дало поводъ нѣкоторымъ причислить Сковороду къ разряду философовъ-*пантеистовъ*.

Здѣсь мы по необходимости должны войти въ разсмотрѣніе того, какъ Сковорода представилъ отношеніе Бога къ міру.

Причина явленія міра есть *воля* Божія, по ученію Сковороды. Но непосредственнымъ виновникомъ происхожденія міра было Божественное Слово, какъ говоритъ о Немъ Евангелистъ: „вся Тѣмъ быша и безъ Него ничтоже бысть, еже бысть". Слово и разумъ тождественны; а разумъ немыслимъ безъ идей. Этотъ міръ представляетъ собою отобразы, тѣни идей Божественнаго Разума. „Тѣнь, говоритъ Сковорода, преходитъ и непостоянствуетъ: то рождается, то исчезаетъ, то убываетъ, то уклоняется; и многія тысячи

тѣней бываютъ отъ одного и того же предмета". Таковы всѣ твари этого міра. Но идеи неизмѣнны и вѣчны, каковъ и самъ Божественный Разумъ. Такъ какъ идеи вѣчны, то нельзя говорить, что міръ когда-либо кончится. „Поколь яблонь, потоль и тѣнь ея", говоритъ Сковорода. „Древо вѣчности всегда зеленѣетъ. И тѣнь убо ея ни временемъ, ни мѣстомъ есть неограниченна". „Если, говоритъ Сковорода, мнѣ скажутъ, что внѣшній міръ сей въ какихъ-то мѣстахъ и временахъ кончится, имѣя положенный себѣ предѣлъ, и я скажу: кончится, сирѣчь начинается. Видишь, что одного мѣста граница есть она же и дверь, открывающая поле новыхъ пространностей. И тогда-жъ начинается циплёнокъ, когда портится яйцо. Итакъ, все идетъ въ безконечность. Вся наполняющее начало и міръ сей, находясь тѣнью его, границъ не имѣетъ. Онъ всегда и вездѣ при своемъ началѣ, какъ тѣнь при яблонѣ. Въ томъ только рознь, что древо жизни стоитъ и пребываетъ, а тѣнь умаляется, то преходитъ, то родится, то исчезаетъ и есть ничто". И такъ, изъ ученія о вѣчности Божественнаго Разума и его идей Сковорода вывелъ ученіе о *вѣчности* міра. Изъ того же ученія о Божественномъ Разумѣ, его идеяхъ и ихъ отобразахъ или тѣняхъ онъ вывелъ другое ученіе о *дуализмѣ* или двойственности въ мірѣ. „Въ семъ цѣломъ мірѣ—два міра, говоритъ онъ, единъ міръ составляющіе: міръ видный и невидный, живой и мертвый, цѣлый и сокрушаемый. Сей вещество, а тотъ *ипостась*, сирѣчь: основаніе, содержащее вещественную грязь,—такъ, какъ рисунокъ содержитъ свою краску. Итакъ, міръ въ мірѣ есть то вѣчность въ тлѣни". Сковорода написалъ отдѣльное сочиненіе подъ заглавіемъ: „Бесѣда, нареченная: *Двое*", гдѣ говоритъ, что всюду нужно различать двое: „міръ и міръ, тѣло и тѣло, человѣка и человѣка (т. е. идею и ея отобразъ или тѣнь), двое въ одномъ и одно въ двоихъ нераздѣльно и неслитно же, будто яблонь и тѣнь". Итакъ, по вышеизложенному ученію, идеи Божественнаго Разума непосредственно присущи этому міру, а внѣшній видимый міръ есть отобразъ ихъ.

Этимъ отношеніе Бога къ міру, по ученію нашего философа, не ограничивается. Еще ближе къ намъ и къ природѣ находится Божественный Духъ. „Божественный Духъ, говоритъ Сковорода, животворитъ природу". „Онъ весь міръ, какъ машинистова хитрость часовую на башнѣ машину, въ движеніи содержитъ, и Самъ бытіемъ есть всякому созданію. Самъ одушевляетъ, кормитъ, распоряжаетъ, починяетъ, защищаетъ и по Своей же волѣ, которая всеобщимъ закономъ зовется, опять въ грубую матерію обращается".

Ученіе о присутствіи и дѣйствіи Божественнаго Духа въ природѣ наиболѣе развито нашимъ досточтимымъ философомъ. Онъ съ особенною любовію останавливается на тѣхъ явленіяхъ природы, въ которыхъ, по его взгляду, обнаруживается и проявляется дѣйствіе Божественнаго Духа. Это

—явленія, въ которыхъ обнаруживается необыкновенное и необъяснимое дѣйствіе силъ въ тѣлахъ, которыя сами по себѣ ничтожны. „Взглянь, говоритъ онъ, на маленькую компасную коробочку и на малую часть корабля—на его руль; онъ правитъ теченіе, а тая указываетъ путь. Маленькая искра разоряетъ городскія стѣны. Изъ крошечнаго зерна выходить толстая яблонь. Легонькій воздушный шумъ есть испущенное изъ устъ слово, но оно часто или смертно уязвляетъ или въ куражъ приводитъ и оживляетъ душу. Малая птица—пѣтухъ пугаетъ льва, а мышь—слона. Невидная пружина въ составѣ движетъ всю часовую машину. Неосязаемая въ циркулѣ точка источникомъ есть всѣхъ фигуръ и машинъ. Десятифунтовая машина ворочаетъ стопудную тяжесть. Соломенный крутень разбиваетъ кремень" и т. д. „Все сіе по плоти ничтоже есть, говоритъ Сковорода: но по сокровенному естеству сильное. Духъ животворитъ". Особенно животный міръ былъ излюбленнымъ предметомъ наблюденія и изученія Сковороды. Здѣсь факты прирожденныхъ наклонностей и непреодолимыхъ природныхъ влеченій къ извѣстнымъ дѣйствіямъ невольно останавливали его вниманіе. Это —извѣстныя инстинктивныя влеченія, въ силу которыхъ животныя, не щадя иногда своей собственной жизни, стремятся къ совершенію извѣстныхъ дѣйствій. „Песъ, говоритъ Сковорода, бережетъ стадо день и ночь по врожденноя любви и терзаетъ волка по врожденной наклонности, не смотря на то, что самъ подвергается опасности быть растерзанъ отъ хищниковъ". „Съ какимъ веселіемъ гонитъ зайца борзая собака. Какой восторгъ, какъ толь ко данъ сигналъ къ ловлѣ. Сколько услаждается трудомъ пчела въ собираніи меда. За мёдъ ее умерщвляютъ; но она трудиться не перестаетъ, поколь жива". Такихъ фактовъ не перечесть въ животномъ мірѣ. Міръ, разсматриваемый въ этихъ фактахъ, не есть только міръ отобразовъ идей; онъ полонъ жизни и не преоборимыхъ силъ и влеченій. „Это—Божіе побужденіе, говоритъ Сковорода, всю тварь къ своему мѣсту своимъ нутемъ движущее". Здѣсь вспоминается Сковородѣ древнѣйшихъ мудрецовъ реченіе: „любовь составляетъ міръ; все побѣждаетъ любовь", а также изреченіе Евангельское, Наперсниково слово: „Богъ любы есть". Любовь есть міровая сила, движущая всею міровою жизнію, проявляя себя въ различныхъ тваряхъ непреоборомыми влеченіями и врожденными наклонностями; это—Самъ Богъ, дѣйствующій въ мірѣ чрезъ Духа Своего Святаго. „Богъ любы есть".

Послѣ всего сказаннаго понятно, почему Сковорода имѣлъ *оптимистическій* взглядъ на природу, на который указано нами раньше.

Тѣ же дары Божественнаго Духа въ изобиліи сообщаются и людямъ и также проявляются въ природныхъ наклонностяхъ и стремленіяхъ, которыя отличаются иногда также непреодолимостію; не даромъ существуетъ пословица: „охота пуще неволи". Но людямъ дарована Богомъ *свободная*

воля; а это измѣняетъ положеніе дѣла. Животныя дѣйствуютъ непосредственно по наклонностямъ и влеченіямъ своей природы; человѣкъ же, имѣя свободную волю, можетъ не слѣдовать своимъ природнымъ наклонностямъ, и, дѣйствительно, далеко не всегда имъ слѣдуетъ. Отсюда, по убѣжденію Сковороды, происходитъ вредъ какъ для общества, такъ и для самаго того, который въ жизни и дѣйствіяхъ не слѣдуетъ указаніямъ своей природы. Дары Божественнаго Духа, проявляющіяся въ добрыхъ природныхъ наклонностяхъ людей, соотвѣтствуютъ различнымъ нуждамъ и потребностямъ общества. Всякое дѣло дѣлается успѣшно и съ пользою для себя и другихъ тогда, когда оно дѣлается по природной наклонности и природному расположенію; напротивъ, нельзя ожидать успѣшнаго и полезнаго дѣла отъ того, который берется за него не по расположенію и наклонности. Въ послѣднемъ случаѣ страдаетъ общество, если это дѣло общественное. „Какъ не вредить обществу, говоритъ Сковорода, если нѣтъ прямого раченія и неутомимаго труда? Откуда уродится трудъ, если нѣтъ охоты и усердія? Гдѣ-жъ возьметъ охоту безъ природы? Природа есть всему первоначальная причина и самодвижущая пружина. Она есть мать охоты“. Особенно вредятъ обществу тѣ, которые занимаютъ должности, не соотвѣтствующія ихъ природнымъ наклонностямъ. Обыкновенно поступаютъ такъ вслѣдствіе того, что увлекаются „славолюбіемъ и сластолюбіемъ“, говоритъ Сковорода, а также модою и совѣтами другихъ, не зная—и что нерѣдко бываетъ—не пытаясь узнать себя и свою природу и не разсуждая о вредѣ для общества, имѣющемъ наслѣдовать отсюда. „Еще не бѣда, если пляшетъ медвѣдь“; это только смѣшно, а смѣшно затѣмъ, что несродно и неприлично; но можетъ случиться, говоритъ Г. С., что „волкъ сдѣлается пастухомъ, медвѣдь—монахомъ, а лошакъ совѣтникомъ. Сіе уже—не шутка, а бѣда“. Вотъ гдѣ источникъ нравственнаго и общественнаго зла. Но сама природа мститъ за нарушенія ея законовъ и требованій. Эти нарушители законовъ и требованій природы навсегда лишаются того душевнаго мира и спокойствія, которые составляютъ высшее благо человѣка; вмѣсто душевнаго мира наполняютъ ихъ душу скука, тоска, недовольство, грусть и т. д. Въ этой ненормальной жизни Г. С. видитъ серьезную причину развитія *пессимизма* среди людей. „Душа (такихъ людей) ничѣмъ недовольна, говоритъ онъ. Мерзитъ и состояніемъ и селеніемъ, гдѣ находится.... Хулитъ народъ свой и своей страны обычаи. Порочитъ натуру, ропщетъ на Бога и сама на себя гнѣвается. То одно сладкое, что невозможное, вожделѣнное, что минувшее, завидное, что отдаленное. Тамъ только хорошо, гдѣ ея, и тогда, когда ея нѣтъ“. Не смотрите на жизнь такихъ людей и не судите по наружности. „Они пьютъ, ѣдятъ, поютъ и проч.; но въ сей праздности несносную и большую терпятъ скуку, нежели работающіе безъ ослабы“. Только трудъ

постоянный и непрерывный, трудъ „безъ ослабы“, трудъ по природной наклонности и расположенію есть пріятный и полезный, доставляющій человѣку душевный миръ и спокойствіе, соединенные съ довольствомъ и благодушіемъ. Самое трудное дѣло не кажется труднымъ, если оно дѣлается по природной наклонности и расположенію. „Благодареніе Богу за то, что Онъ нужное сдѣлалъ не труднымъ, а трудное ненужнымъ“.

Когда самому Г. С. предстояло выбрать образъ жизни и общественную дѣятельность, то онъ неразомъ рѣшилъ этотъ вопросъ. Если судить объ этомъ на основаніи сна, видѣннаго Сковородою и записаннаго Ковалѣнскимъ, то можно предполагать, что первоначально онъ останавливался на священническомъ санѣ. Но онъ видѣлъ, что и „тутъ осквернено человѣческими пороками“. „Сребролюбіе съ кошелькомъ таскается, и самаго священника не минуя“. О монашествѣ и говорить нечего. Не смотря на то, что онъ чувствовалъ склонность къ уединенію, онъ видѣлъ, что современное ему монашество далеко не соотвѣтствовало его идеалу монашеской жизни. На всѣ предложенія и усиленныя просьбы, обращенныя къ нему, чтобы онъ поступилъ въ монашество, онъ отвѣчалъ рѣзкимъ отказомъ. Его тянуло къ знанію, умозрѣнію, изысканію истины, почему онъ стремился къ уединенію, чтобы безпрепятственно отдаться чтенію и размышленію. Но и на этомъ онъ не могъ окончательно остановиться. Та же философія, которая такъ сильно его привлекала, призывала его къ общественному труду и дѣятельности. Она указывала ему на необходимость практической дѣятельности въ обществѣ согласно дарованнымъ ему природнымъ наклонностямъ. Какъ членъ общества, Г. С. не считалъ себя въ правѣ исключительно отдаться умозрѣнію и философіи въ уединеніи среди природы. И вотъ мы видимъ его учителемъ. Былъ онъ и домашнимъ учителемъ; раза два принималъ онъ обязанности и школьнаго учителя; но природа влекла его на болѣе широкое поприще учительской дѣятельности. Проникшись дѣятельностію знаменитаго древняго философа—Сократа, а также дѣятельностію христіанскихъ апостоловъ, въ особенности дѣятельностію Ап. Павла, онъ безповоротно рѣшилъ, что онъ, согласно внушеніямъ своей природы, долженъ послужить своей родинѣ своею *просвѣтительною* дѣятельностію. Послѣ этого мы видимъ, что онъ нерѣдко оставляетъ уединеніе и переходитъ съ мѣста на мѣсто для просвѣтительной дѣятельности. Онъ останавливается и живетъ по нѣсколько времени даже въ такихъ мѣстахъ, которыя не были ему симпатичны. „Иногда, говоритъ Ковалѣнскій, онъ жилъ у кого-либо, совершенно не любя ихъ пороковъ, дабы чрезъ продолженіе времени обращаясь съ ними, бесѣдуя, разсуждая нечувствительно привлечь ихъ въ познаніе себя, въ любовь къ истинѣ, въ отвращеніе отъ зла и примѣромъ жизни заставить любить добродѣтель“. Въ самомъ уединеніи онъ

не отдавался исключительно умозрѣнію, а преслѣдовалъ ту же цѣль служенія обществу. Здѣсь онъ письменно излагалъ и развивалъ тѣ мысли, о которыхъ бесѣдовалъ устно. Результатомъ этого и явились тѣ сочиненія его, которыя онъ пускалъ въ обращеніе между своими друзьями. Главными предметами его устныхъ бесѣдъ и сочиненій были: *религія* и *нравственность.* Въ области религіи дѣятельность его направлена была съ одной стороны на борьбу съ суевѣріемъ, а съ другой—съ атеизмомъ или безбожіемъ. Человѣка безъ вѣры онъ сравнивалъ съ ядовитымъ животнымъ въ природѣ, весьма вреднымъ въ обществѣ. Вся философія Сковороды была ученіемъ о бытіи Бога и тѣсномъ единеніи Его съ міромъ. „Изъ суевѣрій, писалъ онъ, родились вздоры, споры, секты, вражды междуусобныя и странныя, ручныя и словесныя войны, младенческіе страхи и т. д. Нѣтъ желчнѣе и жестоковыйнѣе суевѣрія и нѣтъ дерзновеннѣе, какъ бѣшенность, рожженная слѣпымъ, но ревностнымъ глупаго повѣрія жаромъ тогда, когда сія ехидна, предпочитая нелѣпыя и нестаточныя враки, подъ милость и любовь и онѣмѣвъ чувствомъ человѣколюбія, гонитъ своего брата, дыша убійствомъ, и симъ мнится службу приносити Богу". И въ другомъ мѣстѣ пишетъ: „нѣтъ смертоноснѣе для общества язвы, какъ суевѣріе: листвіе лицемѣрамъ, маска мошенникамъ, стѣнь тунеядцамъ, стрекало и поджога дѣтоумнымъ. Оно разъярило премилосердную утробу Тита, загладило Іерусалимъ, раззорило Царь-градъ и обезобразило братнею кровію Парижскія улицы, сына на отца вооружило.... Суевѣръ скорбитъ, если кто на полдень, а не на востокъ съ нимъ молится. Иной сердитъ, что погружаютъ, другой бѣсится, что обливаютъ крещаемаго.... Но кто сочтетъ всю суевѣрныхъ головъ паучину. Будто Богъ--варваръ, чтобы за мелочь враждовать". Такимъ образомъ, Сковорода старался очистить, поднять и расширить религіозное міровоззрѣніе своихъ соотечественниковъ, внести и распространить миръ и любовь въ общество, раздираемое религіозными спорами вслѣдствіе невѣжества и фанатизма, поддерживаемаго страстями. То же самое и въ области нравственной; съ одной стороны Сковорода порицалъ *утилитарное* направленіе умовъ, развившееся въ XVIII вѣкѣ подъ вліяніемъ естественно-научныхъ открытій, которое заглушало всѣ высшіе нравственные запросы человѣческаго духа и нравственные идеалы; съ другой стороны, ратовалъ противъ узкаго пониманія христіанской морали, ограничивающейся нерѣдко выполненіемъ лишь церковной обрядности. Особенно лицемѣры подверглись его строгому обличенію. „Они, пишетъ онъ, мартышки истинныя святости. Они долго молятся въ костелахъ, непрестанно въ псалтирь барабанятъ, строятъ кирки и снабдѣваютъ... По лицу святы, по сердцу всѣхъ беззаконнѣе: сребролюбивы, честолюбивы, сластолюбивые, ласкатели, сводники, немилосердны, радующіеся зломъ сосѣдскимъ, полагающіе въ прибыляхъ благочестіе, цѣлующіе всякій

день заповѣди Господни и за алтынъ оныя продающіе... О смердящіе гробы! Нѣтъ сего злѣе во всемъ мірѣ. Опустошеніе церквамъ, церкви колебаніе, избранныхъ Божіихъ прельщеніе". Въ противоположность этому онъ указывалъ на истинную святость древнихъ христіанскихъ подвижниковъ и говорилъ: „стяжи мужей оныхъ сердце. Бѣгай молвы, объемли уединеніе, люби нищету, цѣлуй цѣломудріе, дружись съ терпѣніемъ, водворися со смиреніемъ" и т. д.; указывалъ на жизнь апостоловъ, на ихъ страданія и геройское сердце; наконецъ, указывалъ даже на язычниковъ и въ частности—на римлянъ, у которыхъ нерѣдко можно встрѣтить примѣры высокой нравственности. Указывая на послѣднихъ, т. е. язычниковъ, Сковорода желалъ уничтожить тотъ предразсудокъ, что у язычниковъ не могло быть истинной нравственности, и тѣмъ самымъ расширить кругозоръ своихъ соотечественниковъ и въ области нравственной, какъ это дѣлалъ онъ въ области религіи, являясь проповѣдникомъ общечеловѣческаго нравственнаго идеала. Дѣятельность, направленную на улучшеніе нравовъ своихъ соотечественниковъ, Сковорода считалъ наиболѣе прямымъ своимъ долгомъ и даже призваніемъ свыше. „Обучатися и купно обучати братію добродѣтели, якоже свыше заповѣдано мнѣ, сей мой единъ есть и жребій, и конецъ, и цвѣтъ, и плодъ жизни, и трудовъ успокоеніе". Въ какомъ смыслѣ онъ понималъ призваніе свыше, объяснено нами раньше: это природное дарованіе, природная наклонность, какъ божественный даръ. Въ одномъ письмѣ къ протопопу Залѣсскому онъ пишетъ: „согрѣлось сердце мое и въ поученіи моемъ возгарается огонь, ибо что я говорю, я глаголю отъ избытка сердца и не для того только, чтобы говорить. Я цѣлую жизнь промолчалъ бы, какъ Минерва моя (т. е. природная наклонность) не велѣла бы мнѣ говорить и коль наболталъ, отъ избытка сердца наболталъ много; amore recipiendum est, quod amore donatur".

Закончу рѣчь свою тѣмъ, чѣмъ началъ: Г. С. Сковорода былъ истиннымъ философомъ, точнѣе—философомъ въ классическомъ смыслѣ, философомъ, воплотившимъ въ себѣ единство мысли и жизни. Онъ, какъ философъ и наблюдатель природы, уразумѣлъ истинный смыслъ жизни; онъ понялъ, что безъ стремленій и дѣятельности нѣтъ жизни, безъ труда нѣтъ истинныхъ удовольствій,—будетъ ли то трудъ умственный человѣка или онъ будетъ состоять въ исполненіи имъ нравственнаго долга и обязанностей въ обществѣ, или просто трудъ физическій; душевный миръ и спокойствіе, соединенные съ довольствомъ и благодушіемъ, какъ высшее благо, достижимое человѣкомъ въ этой жизни, пріобрѣтаются не инымъ путемъ, какъ трудомъ непрерывнымъ „безъ ослабы". Какъ истинный философъ, Г. С. жилъ согласно съ убѣжденіемъ; поэтому, жизнь его представляла собою непрерывный трудъ и подвигъ. Примѣръ намъ всѣмъ достойный—Григорій Саввичъ Сковорода!

Григорій Саввичъ Сковорода.

Его ученіе, жизнь и значеніе.

(Рѣчь, произнесенная въ публичномъ засѣданіи Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества, по случаю исполнившагося 29 октября 1894 г. столѣтія со дня смерти его).

Мил. Гос.!

Для уясненія значенія Г. С. Сковороды необходимо прежде всего остановиться на характеристикѣ его міросозерцанія и личности. И раньше пытались давать такую характеристику, но дѣлали это по случайному сходству, основываясь на ничтожномъ количествѣ данныхъ. Называли его украинскимъ Сократомъ, украинскимъ Діогеномъ, Пиѳагоромъ, Оригеномъ, Лейбницемъ, Ломоносовымъ, Новиковымъ. Но уже самъ Сковорода запротестовалъ противъ этихъ сравненій. „Меня хотятъ мѣрить Ломоносовымъ... будто бы Ломоносовъ есть казенная сажень, которою должно всякаго мѣрить, какъ однимъ локтемъ портной мѣритъ и золотую парчу, и шелковую тканку, и полотняную ряднину". Если Сковорода и не писалъ этихъ словъ Георгію Конисскому, то онъ могъ такъ выразиться, потому что былъ человѣкомъ съ рѣзко очерченною индивидуальностью. Тоже самое вышло и съ кличкою „мистикъ". Многіе до нашихъ дней приклеивали ему этотъ ярлыкъ, но любопытно, что никто не поставилъ даже себѣ труда указать по крайней мѣрѣ на точки соприкосновенія между нимъ и мистиками. Не дала ключа къ разъясненію его оригинальнаго ученія и новая кличка—раціоналистъ pur sang. Нельзя сказать, чтобы въ Сковородѣ не было никакого сходства съ тѣми дѣятелями, съ которыми его сравнивали; наоборотъ сходство было и даже рѣзко бросалось въ глаза (потому то его подмѣтили прежде всего), но это было внѣшнее сходство формы, а не содержанія; это же послѣднее, во всей его цѣлостности и полнотѣ, оставалось неизвѣстнымъ; можно сказать, что только теперь, съ находкою большинства его рукописныхъ сочиненій, мы открыли Сковороду, какъ писателя, и получили возможность правильной оцѣнки его съ этой стороны. И вотъ, основываясь на *всей* совокупности ученолитературныхъ трудовъ Сковороды (въ томъ числѣ и доселѣ еще не изданныхъ), мы дадимъ характеристику

его міровоззрѣнія въ связи съ личностью, а затѣмъ постараемся опредѣлить его значеніе, руководствуясь исключительно фактическими, документальными данными и тою осторожностью въ сужденіяхъ, которая обязательна для всякаго объективнаго историка. Идя такимъ путемъ, мы надѣемся избѣжать крайностей, столь возможныхъ въ оцѣнкѣ общественныхъ и литературныхъ дѣятелей.

Обращая вниманіе на темы, которыхъ Сковорода касался въ своихъ ученыхъ трактатахъ и литературныхъ произведеніяхъ, на ихъ содержаніе, мы невольно приходимъ къ заключенію, что нашъ украинскій философъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и религіознымъ мыслителемъ, т. е., другими словами философія была для него религіей и религія философіей. Нельзя указать ни одного сочиненія у него, которое не было бы проникнуто этимъ религіознымъ направленіемъ. Съ этой точки зрѣнія, сочиненія Сковороды, въ общей совокупности своей, отличаются необыкновенною цѣльностью, стройностью и послѣдовательностью. Такимъ же характеромъ проникнуто и его религіозно-философское миросозерцаніе. Вотъ почему этого послѣдняго нельзя расчленить на философію и богословіе: оба элемента органически сливаются у него и образуютъ нѣчто цѣльное и единое. Да и самъ Сковорода отождествлялъ одинъ элементъ съ другимъ, объединялъ ихъ въ общемъ понятіи *„христіанской философіи“*, которую онъ и проповѣдывалъ и которую онъ считалъ единственно истинной философіей. Философія или любомудріе, по опредѣленію Сковороды, ставитъ своею цѣлью „дать жизнь духу нашему, благородство сердцу, свѣтлость мыслямъ, яко главѣ всего“ [1]). А когда его спросили, чему учитъ Библія, онъ отвѣтилъ: „Библія учитъ, какъ облагородствовать человѣческое сердце“ (ib.). Философія Сковороды оказывается самопознаніемъ, дающимъ счастіе человѣку, и Богопознаніемъ —любовію къ Нему, исполненіемъ Его воли. Она, какъ нельзя лучше опредѣляется приводимымъ имъ текстомъ: *„блаженъ мужъ, иже въ премудрости умретъ и иже въ разумѣ своемъ поучается святынѣ, размышляя пути ея въ сердцѣ своемъ и въ сокровенныхъ своихъ уразумится“*. Философствовать нужно, по его словамъ, во Христѣ, а не въ стихіяхъ,—иначе эта будетъ пустая философія. Но будучи религіознымъ мыслителемъ, Сковорода въ то же самое время оставался *истиннымъ философомъ*, ибо ставилъ цѣлью своей жизни единственно разъисканіе истины. „Изъясняетъ, говоритъ онъ, боговидецъ Платонъ: нѣтъ сладчае истины. А намъ можно сказать, что въ одной

---

[1]) См. сочиненія Г. С. Сковороды, собранныя и редактированныя проф. Д. И. Багалѣемъ. Юбилейное изданіе (1794—1894 г.) Харьк. Историко-Филол. Общества. Х. 1894 г. отд. 1, стр. 30.

истинѣ живетъ истинная сладость и что одна она животворитъ владѣющее тѣломъ сердце наше... Жизнь живетъ тогда, когда мысль наша, любля истину, любитъ выслѣдывать тропинки ея и, встрѣтивъ око ея, торжествуетъ и веселится симъ незаходимымъ свѣтомъ“ (2 отд., стр. 252).

Въ чемъ же заключается сущность христіанской философіи Сковороды, ея индивидуальная особенность? Опредѣлить ее не трудно: она проходитъ красною нитью чрезъ всѣ его сочиненія. *Сковорода проводилъ идею о двухъ началахъ въ мірѣ—вѣчномъ и тлѣнномъ и о превосходствѣ перваго надъ вторымъ.* Этими двумя началами проникнуты всѣ три міра — большой или космосъ, состоящій въ свою очередь изъ множества другихъ малый или микрокосмъ (т. е. человѣкъ) и символическій (т. е. Библія). Въ великомъ и маломъ мірѣ, по его ученію, вещественный видъ даетъ знать объ утаенной подъ нимъ формѣ или вѣчномъ образѣ; также точно и въ символическомъ мірѣ или Библіи собраніе тварей составляетъ матерію, но Божье естество, куда ведетъ тварь знаменіемъ своимъ, есть форма или образъ. Такимъ образомъ, въ мірѣ—собственно два міра—невидимый и видимый, живой и мертвый, какъ яблоня и ея тѣнь; но между ними та разница. что древо жизни вѣчно стоитъ и пребываетъ, а тѣнь его измѣняется—то уменьшается, то увеличивается, то родится, то умираетъ. Такъ въ природѣ, такъ и въ человѣкѣ: въ немъ также два начала—ветхое и новое, временное и вѣчное; они совмѣщаются другъ съ другомъ, какъ тѣнь съ деревомъ; но въ тлѣнномъ отражается нетлѣнный; въ немъ можно найти слѣды Божіи. Въ Библіи подъ буквальнымъ ея смысломъ (матеріей) таится высшій духовный (начало вѣчности, самъ Богъ). Изъ этихъ двухъ началъ во всѣхъ трехъ мірахъ имѣетъ значеніе *только* одно—Вѣчность, Богъ, но люди очень часто отдаютъ предпочтеніе видимому надъ невидимымъ, тлѣни надъ вѣчностью. И Сковорода старается опровергнуть это заблужденіе—къ этому направлены всѣ его сочиненія, въ этомъ центръ его философіи и религіи; въ этомъ его *новый* взглядъ на вещи, діаметрально противоположный тому, который господствовалъ въ современномъ ему обществѣ. Указавъ, что и въ природѣ господствуетъ надъ матеріей духъ, Сковорода переходитъ къ человѣку и доказываетъ, что и въ немъ царитъ надъ тѣломъ духъ или мысль. Сковорода придавалъ огромное значеніе этой человѣческой мысли, съ ея вѣчнымъ движеніемъ; къ ней онъ сводилъ сущность жизни. „Огонь угасаетъ, рѣка остановится, говоритъ онъ, а невещественная и безстихійная мысль, носящая на себѣ грубую бренность, какъ ризу мертвую, движенія своего прекратить (хоть она въ тѣлѣ, хоть внѣ тѣла) никакъ не сродна ни на одно мгновеніе и продолжаетъ равномолнійное своего летанья стремленіе чрезъ неограниченніи вѣчности, милліоны безконечнія. За чѣмъ же она стремится? Ищетъ своей сладости и покою. Покой ея не въ томъ, чтобы остановиться

и протянуться, какъ мертвое тѣло—живой ея натурѣ или породѣ сіе не сродно и чуждо—но противное сему: она будто во странствіи находясь, отъ раболѣпной вещественной природы возносится къ вышней господственной натурѣ, къ родному своему и безначальному началу. Въ Библіи, наконецъ, также должно искать духовнаго начала; кто не возвышается надъ буквальнымъ ея пониманіемъ, тотъ подвергается страшнымъ опасностямъ; не всякій, подобно Самсону, раздеретъ пасть этого льва и найдетъ тамъ въ горькомъ сладкое, въ жесткомъ нѣжное. Двѣ стороны имѣетъ Библейское море: на нашемъ берегу все ветхое, жалкое, на томъ все новое; тамошній горній человѣкъ безпредѣльно летаетъ въ высоту, въ глубину, въ ширину; не мѣшаютъ ему ни горы, ни рѣки, ни моря, ни пустыни; провидитъ отдаленное, прозираетъ сокровенное, заглядаетъ въ прежде бывшее, проникаетъ въ будущее, шествуетъ по лицу океана...“

Въ какомъ же отношеніи находятся эти два начала другъ къ другу? Оба они пребываютъ въ одномъ и одно въ обоихъ нераздѣльно, но и не слитно, будто яблонь и тѣнь ея, древо живое и мертвое, истина и ложь. „Поколь яблонь, потоль съ нею тѣнь ея. Тѣнь значитъ мѣстечко, яблонею отъ солнца заступаемое. Но древо вѣчности всегда зеленѣетъ. И тѣнь убо ея ни временемъ, ни мѣстомъ есть неограниченна. Міръ сей и всѣ міры, если они безчисленны, есть то тѣнь Божія. Она исчезаетъ изъ виду по части, не стоитъ постоянно и въ различныя формы преобразуется, однако же никогда не отлучаясь отъ своего живаго древа, и давно уже просвѣщенные сказали вѣсть сію: materia aeterna, вещество вѣчно есть, т. е. всѣ мѣста и времена наполнила“.

И такъ, Сковорода весьма настойчиво проводитъ начало *дуализма*; вездѣ онъ видитъ форму и матерію, иначе вѣчность и тлѣніе; а изъ послѣдней цитаты получается такое впечатлѣніе, что какъ будто онъ признаетъ и за матеріей самостоятельное значеніе, считаетъ и ее неограниченной ни временемъ, ни пространствомъ. Но было бы вопіющей несправедливостью считать его матеріалистомъ въ какомъ бы то ни было отношеніи. Наоборотъ все его міровоззрѣніе направлено на борьбу съ матеріей, которая, съ его точки зрѣнія, ничто, въ противоположность духу, который одинъ только представляетъ изъ себя настоящую силу. Слѣдовательно, Сковорода является яркимъ, цѣльнымъ, убѣжденнымъ, даже, пожалуй, крайнимъ *спиритуалистомъ*, который всѣ явленія жизни сводитъ къ духу. Онъ признаетъ только единую субстанцію—духъ, и съ этой точки зрѣнія его нельзя назвать послѣдовательнымъ дуалистомъ; онъ признавалъ два начала во времени, но творческимъ, по его мнѣнію, было только одно изъ нихъ—Богъ, Вѣчность; другое же является его постояннымъ, неизмѣннымъ спутникомъ, *аттрибутомъ*. Такимъ образомъ, *исходнымъ пунктомъ* въ уче-

ніи Сковороды былъ все таки *монизмъ*, т. е. началомъ всего оказывается единая вѣчная субстанція. „Божественные мистагоги или тайноводители, говоритъ Сковорода, приписываютъ начало единственно точію Богу. Да оно и есть такъ точно, если осмотрѣться. Начало точное есть то, что прежде себя ничего не имѣло. А какъ вся тварь родится и исчезаетъ, такъ конечно нѣчтось прежде ея было и послѣ ея остается. И такъ, ничто началомъ и концомъ быть не можетъ. Начало и конецъ есть тоже, что Богъ или Вѣчность. Ничего нѣтъ ни прежде Ея, ни послѣ Ея“ (2 отд., стр. 256). Ковалинскій объясняетъ намъ, какъ Сковорода представлялъ себѣ этотъ *первоначальный* актъ происхожденія матеріи, ея созданіе изъ ничего. „Какое есть основаніе первоначальное тварей? Ничто. *Воля* вѣчная, возжелавъ облещи совершенства свои въ явленіе видимостй, изъ ничего произвела все то, что существуетъ мысленно и тѣлесно. Сіи желанія воли вѣчной одѣлись въ мысленности, мысленности въ виды, виды въ вещественные образы“. Каждое существо въ мірѣ есть „изліяніе невидимаго во временной видимости“; совершивъ свой земной кругъ, оно снова вступаетъ въ свое начало, т. е. ничто—это и есть смерть; только Богъ пребываетъ во вѣки, а вселенная есть постоянно обветшающаяся и возраждающаяся риза Его (1 отд. стр. 19—20). Но существуетъ огромная разница между человѣкомъ и другими тварями—ихъ отличаетъ *свободная воля* человѣка и нравственная отвѣтственность за выборъ жизненнаго пути. „Всѣ твари суть грубые служебные органы свойствъ Верховнаго Существа: одинъ человѣкъ есть благороднѣйшее орудіе Его, имѣющее преимущество свободы и полную волю избранія, а потому и цѣну, и отчетъ за употребленіе права сего въ себѣ держащее“. (Ib., стр. 23).

Цѣль человѣка состоитъ въ самопознаніи и Богопознаніи, но оба эти процесса сводятся къ одному—Богопознанію; самопознаніе приводитъ насъ къ Богопознанію и наоборотъ Богопознаніе необходимо для самопознанія и даже міропознанія. Познать Бога можно прежде всего въ Библіи, которая заключаетъ въ себѣ слѣды Божіи; она же служитъ и источникомъ самопознанія: „взявъ тебя самаго за руку, вводитъ въ твой же внутренній чертогъ, котораго ты отъ роду не видывалъ“; другимъ источникомъ Богопознанія является самъ человѣкъ, его внутреннее самопознаніе, которое открываетъ въ немъ также присутствіе Божіе. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ необходимъ *разумъ*, *мудрствованіе*, стремленіе разъискать истину. Но на ряду съ разумомъ Сковорода отводилъ видное мѣсто и вѣрѣ, какъ источнику познанія, ибо только эта послѣдняя могла познавать невидимаго Бога, Духа. Видѣть того Богочеловѣка, говорилъ Сковорода, котораго мы являемся тѣнью, можно только вѣрою. „Вѣра есть око прозорливое, сердце чистое, уста отверстая. Она едина видитъ свѣтъ, во тьмѣ стихійной свѣ-

тящійся"... (2 отд., стр. 55). Тамъ, гдѣ кончаются предѣлы разума, должна начаться вѣра: „если чего не понимаешь (въ Библіи), говоритъ Сковорода: закричи съ Варухомъ—„какъ великъ домъ Божій" (1 отд., стр. XC). Вѣра же по мнѣнію Сковороды, необходима и для любви, которая лежитъ въ основаніи всей христіанской нравственности. Спрашивается послѣ этого, можно ли Сковороду назвать чистѣйшимъ раціоналистомъ?

Изъ такого міросозерцанія Сковорода логически выводилъ и свою *теорію счастія.* Доказавъ, что верховное начало во всемъ мірѣ есть Вѣчность, Сковорода заключаетъ, что счастіе свое *всѣ* мы должны основывать на немъ, какъ на единственно прочномъ, ибо все остальное, на чемъ обыкновенно стараются утверждать свое благополучіе (богатство, чины, здоровье и т. п.) непрочное, неустойчивое и не всеобщее: только тогда счастіе окажется достижимымъ для всѣхъ и даже нетруднымъ. Здѣсь Сковорода развиваетъ положеніе Эпикура, что природа сдѣлала нужное не труднымъ, а трудное—не нужнымъ. Счастіе заключается внутри насъ; вникнувъ въ себя, познавъ себя, мы найдемъ въ себѣ душевный миръ, сердечное веселіе; оно достигается мудростью и добродѣтелью: первая скажетъ, въ чемъ оно состоитъ, а вторая поможетъ найти его. Чтобы достичь его, нужно слить свою волю съ волей Божіей: что тогда можетъ тревожить сердце? Все дѣлается премудро, по волѣ Божіей; но я съ нею согласенъ—и она уже моя воля. *Отдаться въ волю Божію* значитъ подмѣтить свои склонности и способности и сообразно съ этимъ выбрать себѣ занятіе; такое занятіе, во 1-хъ, будетъ плодотворно для общества, а, во 2-хъ, явится источникомъ внутренняго удовольствія; природныя же способности даетъ намъ Богъ—это и значитъ *Царствіе Божіе внутрь насъ есть*; къ этому внутреннему голосу нужно прислушиваться и не браться за такое дѣло, къ которому не способенъ. Всѣ занятія хороши, если только дѣлаются по склонности: Богъ никого не обижаетъ. Сковорода картинно изображаетъ это въ слѣдующемъ сравненіи. „Богъ богатому подобенъ фонтану, наполняющему различные сосуды по ихъ вмѣстимости. Надъ фонтаномъ надпись: *неравное всѣмъ равенство*, льются изъ разныхъ трубокъ разные токи въ разные сосуды, вкругъ фонтана стоящіе. Меньшій сосудъ менѣе имѣетъ, но въ томъ равенъ есть большему, что равно есть полный". Какое глубокое пониманіе доступнаго всѣмъ права на счастіе! Путь Царствія Божія признаетъ труднымъ только тотъ, кто самъ на раменахъ своихъ несетъ эту трудность; онъ не видитъ того, что онъ легокъ и, подобно слѣпому и хромому, спотыкается на гладкой дорогѣ. Исходя изъ такого пониманія счастія, Сковорода, естественно, восхвалялъ простоту жизни, бѣдность и лишенія, (но не аскетизмъ) и удовольствія, вытекавшія изъ непосредственнаго общенія съ природой. Изъ своей мысли о самопознаніи и о врожденности природныхъ способностей

Сковорода выводитъ *систему воспитанія*, которая развита въ притчѣ о *благодарномъ Еродіѣ*. И здѣсь онъ выступаетъ на защиту того внутренняго начала, которое должно господствовать вездѣ и которое скрывается и въ сердцѣ ребенка—его только нужно развить и тогда оно предохранитъ его навсегда отъ увлеченія мірской суетой; оно доставитъ ему душевный миръ, т. е. истинное счастіе. Такимъ образомъ, здѣсь на первомъ планѣ стоитъ *нравственное* воспитаніе. Но и тутъ Сковорода избѣжалъ односторонности: рядомъ съ нимъ онъ ставитъ умственное, физическое и даже эстетическое развитіе. Ребенокъ долженъ родиться въ здоровой, нравственной атмосферѣ и тогда къ такому „рожденному на добро" не трудно уже будетъ привить науки и добродѣтель; тутъ главное сдѣлаетъ природа; наука сама собою спѣетъ изъ природныхъ дарованій. Природа—это единая и истинная наставница. Не мѣшай ей, а только очищай дорогу; не учи яблони родить яблока—уже сама природа ее научила; огради только ее отъ свиней, отрѣжь волчцы, очисти гусень; учитель—это служитель природы; учиться нужно тому, къ чему влекутъ способности; это даетъ сердечное спокойствіе и довольство своимъ положеніемъ, какъ бы низко оно ни было, ибо въ сердцѣ каждаго человѣка—въ этой убогой хижинкѣ, подъ его убогою одеждою (тѣломъ) можно найти царя своего, домъ свой, начало Вѣчности.

Эту же идею господства *духа* надъ *внѣшностью* онъ проводитъ и въ тѣхъ мѣстахъ своихъ сочиненій, гдѣ ему приходится говорить о христіанствѣ вообще и въ частности о состояніи его въ современномъ ему русскомъ обществѣ. Источникомъ христіанской религіи онъ признаетъ Библію, въ которой, также какъ и вездѣ, нужно искать духа, скрытаго подъ ея буквальнымъ смысломъ. Противъ буквальнаго толкованія нѣкоторыхъ мѣстъ Библіи Сковорода вооружается очень рѣзко; но между нимъ и французскими скептиками XVIII в. цѣлая пропасть: его отрицаніе являлось результатомъ глубокаго увлеченія духомъ Священнаго Писанія. Для него Библія —это даже болѣе чѣмъ Священная книга, эта основная, можно сказать, *единственная* книга познанія; это Самъ Богъ, говорящій здѣсь къ людямъ образнымъ языкомъ. Нужно впрочемъ замѣтить, что и здѣсь Сковорода не впалъ въ крайность. Ставя такъ высоко Библію и вмѣстѣ съ нею духовную науку, ей посвященную, онъ не только не возстаетъ противъ свѣтскихъ книгъ, но относится къ нимъ наоборотъ съ большимъ уваженіемъ. „Я наукъ не хулю": „свѣтскія книги, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, безспорно всякой пользы и красы суть преисполненныя". Онъ только ставитъ ее выше этихъ послѣднихъ, ибо она учитъ главнѣйшему—Богопознанію. Отсюда естественно вытекала мысль Сковороды, что каждый долженъ быть въ этомъ смыслѣ богословомъ. Онъ приводитъ возраженіе тѣхъ, которые говорили: богословская наука къ чему она? Я де не священникъ и

не монахъ; и отвѣчаетъ имъ: будто душевное спасеніе не всѣмъ нужное. Сковорода мечталъ о такомъ апостольскомъ христіанскомъ обществѣ, для членовъ котораго идеаломъ служилъ бы самъ высшій богословъ Христосъ. „Измученный дорогой сидитъ Онъ при источникѣ, томимый голодомъ и жаждою. Было около полудня. Не было съ кѣмъ завести ему бесѣду о Царствіи Божіемъ. Пришла жена за водою—вотъ и случай. Попросилъ у нея напиться не для утоленія жажды, а для того, чтобы начать бесѣду. Вода стихійная подала ему поводъ говорить о водѣ живой. Не устыдился, не поопасался Мужъ Божій со слабымъ поломъ богословствовать въ надеждѣ, что авось либо приведетъ ее изъ суевѣрія въ истинное Богочтеніе, которое не привязано ни къ полу, ни къ состоянію, ни къ мѣсту, ни времени, ни къ обрядамъ, а только къ одному сердцу. Возвратились ученики его съ пищею и, зная, что онъ ничего еще не ѣлъ, просятъ покушать. Моя пища, сказалъ имъ учитель, да сотворю волю пославшаго мя. И голоденъ, и жаждетъ, и не веселъ, если не дѣлаетъ и не говоритъ о томъ, къ чему его предназначилъ Отецъ Небесный. Въ этомъ Его и пища, и питіе, и веселіе. Учитъ въ сонмищахъ, учитъ въ домахъ, учитъ на улицахъ, учитъ въ кораблѣ, учитъ на травѣ зеленой, на горахъ и вертоградахъ, на ровномъ мѣстѣ, стоя, сидя и ходя, ночью и днемъ, въ городахъ и селахъ. Въ несродное себѣ дѣло не мѣшается. „Кто мя постави судію или дѣлителя? Мое дѣло учить о Царствіи Божіи“, отвѣчаетъ онъ одному лицу, обратившемуся къ нему за разрѣшеніемъ вопроса о наслѣдствѣ“ (2 отд., стр. 140). Ратуя за духовную сторону христіанства, Сковорода сильно вооружался противъ тѣхъ, которые сводили его къ одной обрядности, ибо обрядъ, самъ по себѣ, безъ тайнаго смысла, въ него вложеннаго, безъ глубокой вѣры и любви, недостаточенъ. Извѣстны его обличенія противъ современнаго ему монашества, далеко отступившаго отъ той жизни, которую вели истинные монахи отшельники. Когда другъ Гервасій уговаривалъ его принять монашескій санъ, указывая на славу, честь и изобиліе всего, его ожидающія, онъ возревновалъ объ истинѣ и сказалъ: „развѣ вы хотите, чтобъ и я умножилъ число фарисеевъ? Ѣшьте жирно, пейте сладко, одѣвайтесь мягко и монашествуйте“, и за тѣмъ объяснилъ, какъ онъ самъ понимаетъ монашество (нестяжательная жизнь, воздержаніе и т. п.). Но это было не отрицаніе идеи монашества, а только той формы, въ которую оно тогда выродилось; истинное же монашество Сковорода ставилъ чрезвычайно высоко—рядомъ съ проповѣдничествомъ. Не менѣе сильно вооружается Сковорода и вообще противъ ханжей и лицемѣровъ. Вотъ сатирическое изображеніе этихъ послѣднихъ. „Пятерица человѣковъ бредутъ въ преобширныхъ епанчахъ на 5 локтей по пути влекущихся. На головахъ капишоны. Въ рукахъ не жезлы, а дреколіе. На шеѣ каждому по колоколу съ верев-

кою. Сумами, иконами, книгами обвѣшенны. Едва, едва движутся, аки быки парохіальный колоколъ везущіи. Вотъ развѣ прямо труждающіися и обремененныи. Горе имъ, горе сіи суть лицемѣры, сказалъ Рафаилъ. Мартышки истинныя святости. Они долго молятся въ костелахъ. Непрестанно въ псалтырь барабанятъ. Строятъ кирки и снабдѣваютъ. Бродятъ поклонниками по Іерусалимамъ. По лицу святы, по сердцу всѣхъ беззаконнѣе. Сребролюбивы, честолюбивы, сластолюбивы. ласкатели, сводники, немилосердны, непримирительны". (2 отд., стр. 205).

Таково въ общихъ чертахъ міросозерцаніе Сковороды: въ немъ стройно сочетались взгляды на міръ, человѣка и Бога, гармонически слились умозрѣніе и мораль; одна логически вытекала изъ другого. Но является вопросъ —на скольско ученіе это было *примѣнимо* къ жизни? Говоря вообще, оно. по существеннымъ свойствамъ своимъ, должно быть названо *идеальнымъ*, далекимъ отъ условій дѣйствительности. Хотя самъ Сковорода и доказывалъ что царствіе Божіе не трудно (ибо оно нужно), но осуществить вполнѣ начертанный имъ *идеалъ* жизни было на самомъ дѣлѣ очень не легко: онъ былъ доступенъ только избраннымъ, ибо требовалъ, съ житейской точки зрѣнія, огромныхъ жертвъ, хотя въ замѣнъ ихъ давалъ нѣчто еще болѣе значительное—счастіе. И вотъ Сковорода осуществилъ этотъ идеалъ, во всемъ его объемѣ, во всей его полнотѣ и неприкосновенности, въ собственной жизни. Такимъ образомъ въ немъ мы видимъ довольно рѣдкій примѣръ полнѣйшей гармоніи между ученіемъ и жизнью: онъ жилъ такъ, какъ училъ и училъ такъ, какъ жилъ. Конечно, такая проповѣдь, подкрѣпленная примѣромъ собственной жизни, была доступна и убѣдительна для каждаго. Сковорода *сознательно*, по принципу, съ полнымъ убѣжденіемъ, избралъ себѣ путь жизни и шелъ по немъ прямо до самой смерти, ни разу не свернувъ ни направо, ни налѣво. Его широкое образованіе, умъ, краснорѣчіе открывали передъ нимъ возможность достиженія самыхъ высокихъ степеней въ церковной іерархіи, а онъ добровольно выбралъ себѣ званіе нищаго странника, чтобы сохранить внутреннюю свободу и быть учителемъ народа въ широкомъ и благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова. Ему нѣсколько разъ дѣлали разныя заманчивыя, съ точки зрѣнія житейскихъ выгодъ, предложенія, но онъ рѣшительно отъ нихъ отказывался и оставался попрежнему бездомнымъ бѣднякомъ, безсемейнымъ „старчикомъ", мудрецомъ, говорившимъ однако постоянно, что избранный имъ жребій даетъ ему то, чего не могло бы дать ни богатство, ни высокій чинъ—именно *счастіе*. Онъ самъ пошелъ по тому пути, который указывалъ другимъ, и убѣдился, что онъ дѣйствительно далъ ему душевный миръ, сердечное веселіе. „Признаюся, други мои, предъ Богомъ и предъ вами, что въ самую сію минуту, въ которую съ вами бесѣдую, брошу нынѣшнее мое статье (званіе), хотя въ немъ состарѣлся.

и стану послѣднѣйшимъ горшечникомъ, какъ только почувствую, что досель находился въ немъ безъ природы, имѣя сродность къ скудельничеству. Повѣрьте, что съ Богомъ будетъ мнѣ веселѣе и удачнѣе лѣпить одни глиняныя сковороды, нежели писать безъ натуры". (2-е отд., стр. 119—120). Нѣкоторыя лица упрекали его за то, что онъ не избралъ опредѣленной должности; и вотъ для опроверженія ихъ онъ выступаетъ съ 2-мя письмами, гдѣ развиваетъ идею *„недѣланія"*, т. е. внутренняго самопознанія—иначе внутренней работы сердца. „Если бы я въ пустынѣ отъ тѣлесныхъ болѣзней лечился, или оберегалъ пчелы, или портняжилъ, или ловилъ звѣря, тогда бы я казался занятъ дѣломъ... Такъ только ли развѣ всего дѣла для человѣка: продавать, покупать, жениться, посягать, воеваться, тягаться, портняжить, строиться, ловить звѣря? Здѣсь ли наше сердце неисходно всегда? Такъ вотъ же сейчасъ видна бѣдности нашей причина, что мы, погрузивъ все наше сердце въ пріобрѣтеніе міра и въ море тѣлесныхъ надобностей, не имѣемъ времени вникнуть внутрь себя, очистить и повречевать самую госпожу тѣла нашего душу. Похожи на щеголя, пекущагося о сапогѣ, не о ногѣ, и не всѣмъ ли мы изобильны? Точно всѣмъ и всякимъ добромъ тѣлеснымъ: совсѣмъ телѣга, по пословицѣ, кромѣ колесъ: одной только души нашей не имѣемъ. Есть правда въ насъ и душа, но таковая, каковая у подагрика ноги". (Письмо къ нѣкоему Артему Дорофеевичу).

Сковорода до такой степени отвлекался отъ всего земнаго и погружался въ духовное, что приходилъ иногда въ состояніе, напоминающее экстазъ. „Бесѣда двое" заканчивается именно такимъ сильнымъ лирическимъ заключеніемъ; это—радостная пѣснь души, страстно искавшей правды и нашедшей высокую цѣль своего существованія. „Прощайте на вѣки дурномудрыя дѣвы, сладкогласныя сирены, съ вашими тлѣнными очами, съ вашею старѣющеюся младостью, съ младенческимъ вашимъ долголѣтіемъ и съ вашею рыданія исполненною гаванью (смертью)... Пятидесятое лѣто плаваю по морю сему и се достигохъ ко пристанищу тихому въ землю святую, юже мнѣ открылъ Господь Богъ мой" (2-е отд., стр. 80). Его жизнь требовала сильнаго подъема духа, ибо была безпрерывнымъ *подвигомъ*. Отсюда его сны и видѣнія, имѣющіе часто психилогическое объясненіе: они свидѣтельствуютъ не о мистицизмѣ, а о религіозномъ воодушевленіи его; въ такомъ настроеніи онъ, очевидно, создалъ и свою *„Борьбу архистратига Михаила съ сатаною"*, гдѣ вывелъ и себя самого (подъ именемъ странника Варсавы). „Онъ шествуетъ со жезломъ веселыми ногами и мѣстами и спокойно воспѣваетъ: пришлецъ азъ есмъ на землѣ... Воспѣвая обращаетъ очи то надесно, то налѣво, то на весь горизонтъ, почиваетъ то на холмѣ, то при источникѣ, то на травѣ зеленѣй, вкушаетъ пищу безприправную, но самъ онъ ей, какъ искусный пѣвецъ простой пѣснѣ, придаетъ вкусъ. Онъ спитъ сладостно...

Возстаетъ заутра свѣжъ и исполненъ надежды... День его вѣкъ ему и есть яко 1000 лѣтъ и за 1000 лѣтъ нечестивыхъ не продасть его. Онъ по міру паче всѣхъ нищій, но по Богу всѣхъ богатѣе. И что лучше, какъ веселіе сердца, животъ человѣку"? Тутъ, въ этомъ признаніи, мы находимъ не только вполнѣ точную характеристику той жизни, какую велъ Сковорода, но, что еще важнѣе, его настроенія: оказывается, что ни въ ученіи, ни въ жизни онъ не былъ мрачнымъ пессимистомъ; его міросозерцаніе и жизнь гармонически примиренныя, давали ему внутреннее счастье, столь далекое по существу отъ пессимизма. Конечно, онъ достигъ такой полной гармоніи не сразу, хотя стремился къ ней съ самыхъ первыхъ шаговъ своего самостоятельнаго жизненнаго поприща. Переходнымъ, критическимъ моментомъ въ его жизни было то время, когда онъ оставилъ педагогическую дѣятельность и предался въ „пустынѣ" философскимъ размышленіямъ и сочиненіямъ. Онъ самъ свидѣтельствуетъ объ этомъ окончательномъ выборѣ своего жизненнаго пути—страннической жизни, посвященной внутреннему самопознанію и широкой всенародной дѣятельности проповѣдника и учителя и пріурочиваетъ его къ 1770 г., указываетъ даже ближайшій поводъ къ нему — свое спасеніе отъ Кіевской чумы. Съ этого момента онъ, подобно Сократу, окончательно увѣровалъ въ своего добраго генія, т. е. другими словами сталъ постоянно прислушиваться ко внутреннему голосу своей совѣсти и только ею руководиться во всѣхъ своихъ поступкахъ. Создавъ своимъ разумомъ міровоззрѣніе, онъ окончательно укрѣпилъ его въ себѣ чувствомъ, сдѣлавъ изъ него религію, которою весь проникся и которую поставилъ единственною цѣлью своей жизни. Но представляя себѣ образъ жизни Сковороды, необходимо помнить, что это не былъ суровый аскетизмъ, а только полное отрицаніе излишествъ. Вотъ какъ жилъ Сковорода по сказанію Ковалинскаго: „Онъ одѣвался пристойно, но просто; пищу имѣлъ состоящую изъ зелій, плодовъ и молочныхъ приправъ, употреблялъ оную въ вечеру по захожденіи солнца; мяса и рыбы не вкушалъ не по суевѣрію, но по внутреннему своему расположенію; для сна отдѣлялъ отъ времени своего не болѣе 4-хъ часовъ въ сутки; вставалъ до зари и, когда позволяла погода, всегда ходилъ пѣшкомъ за городъ прогуливаться на чистый воздухъ и въ сады; всегда веселъ, бодръ, легокъ, подвиженъ, воздержанъ, цѣломудръ, всѣмъ доволенъ, благодушествующъ, униженъ предъ всѣми, словоохотенъ, гдѣ не принужденъ говорить, изъ всего выводящій нравоученіе, почтителенъ ко всякому состоянію людей, посѣщалъ больныхъ, утѣшалъ печальныхъ, раздѣлялъ послѣднее съ неимущими, выбиралъ и любилъ друзей по сердцу ихъ, имѣлъ набожность безъ суевѣрія, ученость безъ киченія, обхожденіе безъ лести" (1-е отд., стр. 10). Въ этихъ словахъ ученика своего Сковорода выступаетъ передъ нами какъ живой: здѣсь всякая фраза рисуетъ намъ или образъ

жизни его, или нравственную физіономію, или характеръ. Къ этому слѣдуетъ только прибавить, что онъ былъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова безсребренникомъ, т. е. лично не принималъ денегъ даже отъ своихъ друзей, хотя и не отрицалъ ихъ вообще: онѣ только не были ему нужны при томъ образѣ жизни, который онъ себѣ усвоилъ; и тутъ, какъ и въ своемъ вегетаріанствѣ, онъ относился къ дѣлу просто, смотрѣлъ на сущность, а не на форму его. Искренность и прямодушіе опредѣляютъ весь его необыкновенно цѣльный характеръ: такимъ онъ являлся и въ своей педагогической дѣятельности, и въ своемъ отношеніи къ религіи.

Сосредоточившись исключительно на духовномъ Богопознаніи, устремивъ всѣ свои чувства, помышленія и волю къ служенію этому невидимому Духу, онъ считалъ обряды только внѣшнею формою, подъ которою должна скрываться внутренняя сила, и потому *лично* для себя отрицалъ необходимость ихъ; но это не мѣшало ему, напримѣръ, горячо молиться всякій день въ глубокую полночь; не мѣшало всю жизнь посвящать живой дѣятельной любви къ Богу и ближнему. Мало того: мы должны отмѣтить еще одну въ высокой степени симпатичную черту, которую онъ проявилъ въ дѣлѣ религіи—это полное отсутствіе религіознаго фанатизма и уваженіе къ чужимъ вѣрованіямъ. Когда то Сковорода проживалъ въ г. Острогожскѣ (Воронеж. губ.); туда же прибылъ и епископъ Тихонъ, который пожелалъ познакомиться лично съ малороссійскимъ философомъ, извѣстнымъ ему по сочиненіямъ. Знакомство состоялось; начался оживленный разговоръ, причемъ вскорѣ коснулись и религіи. „Почему вы не ходите никогда въ церковь“, спросилъ Преосвященный. „Если Вамъ угодно, я завтра же пойду“, отвѣчалъ философъ—и дѣйствительно пошелъ (Москвитянинъ, 1849, № 24, стр. 68). Когда Сковорода заболѣлъ въ усадьбѣ Ковалевскаго, который „предложилъ ему нѣкоторые обряды для приготовленія къ смерти“, то на первыхъ порахъ онъ отказался было отъ нихъ, но „представляя себѣ совѣсть слабыхъ, немощь вѣрующихъ и любовъ христіанскую, исполнилъ все по уставу обрядному“ (1-е отд., стр. 39). Отсюда видно, какая огромная пропасть отдѣляетъ Сковороду отъ всѣхъ нашихъ раскольниковъ и сектантовъ, желавшихъ умереть изъ за единой буквы *азъ!* И умеръ онъ такъ, какъ долженъ былъ умереть философъ, никогда не боявшійся смерти и смотрѣвшій на нее, какъ на средство сбросить съ себя ветхую, временную ризу и слиться съ вѣчностью. „Былъ прекрасный день. Къ помѣщику, у котораго онъ гостилъ (это былъ его пріятель Ковалевскій, владѣлецъ сел. Панъ-Ивановки, гдѣ похороненъ Сковорода), собрались гости. За обѣдомъ Сковорода былъ необыкновенно веселъ и разговорчивъ, даже шутилъ, разсказывалъ про свое былое, про свои странствія, испытанія. Послѣ обѣда онъ скрылся въ садъ. Подъ вечеръ хозяинъ пошелъ искать его и нашелъ

подъ развѣсистой липой. Солнце уже заходило: послѣдніе лучи его пробивались сквозь чащу листьевъ. Сковорода, съ заступомъ въ рукѣ рылъ узкую, длинную могилу. „Что это, другъ Григорій? Чѣмъ ты занятъ“. „Пора, другъ, кончить странствіе, отвѣтилъ Сковорода: и такъ всѣ волосы слетѣли съ бѣдной головы. Пора успокоиться“. Пошли въ домъ. Сковорода отправился въ свою „кимнатку“, перемѣнилъ бѣлье, помолился Богу и, подложивши подъ голову свои сочиненія и сѣрую „свитку“, легъ—и мирно почилъ, завѣщавъ, чтобы на могилѣ его сдѣлали надпись: „міръ меня ловилъ, но не поймалъ“ (Укр. стар., стр. 69).

Сдѣлавъ характеристику ученія и жизни Сковороды, мы дали своимъ уважаемымъ слушателямъ и *матеріалъ для его оцѣнки*. На этой послѣдней мы, къ сожалѣнію, по недостатку времени, останавливаться долго не можемъ и приведемъ только свои основныя положенія, выводы, опустивъ тѣ данныя, на которыхъ они основываются. Въ вопросѣ о значеніи Сковороды нужно различать 2 стороны—вліяніе его идей на общество и степень ихъ оригинальности. Сковорода былъ не только *мыслитель*, но и проповѣдникъ: онъ желалъ распространенія своего ученія въ современномъ ему обществѣ и достигалъ этого какъ посредствомъ своихъ сочиненій, такъ и посредствомъ устной проповѣди; огромное значеніе въ этомъ дѣлѣ имѣлъ и живой, наглядный примѣръ его собственной жизни, въ которой онъ совершенно осуществилъ, какъ мы видѣли, требованія своего высокаго нравственнаго идеала. Правда Сковорода при жизни не печаталъ своихъ трудовъ, но это зависѣло отъ условій его жизни и отъ свойствъ его характера. Тѣмъ не менѣе сочиненія его находили себѣ широкое распространеніе въ рукописяхъ и заходили такимъ путемъ далеко за предѣлы Украйны (попадали въ Крымъ, на Кавказъ). У многихъ лицъ были цѣлыя коллекціи его рукописей и они въ свою очередь давали списывать ихъ другимъ. Мало того: точно такимъ же образомъ распространялись и его письма, которыя списывались и перечитывались наравнѣ съ учеными трактатами, къ которымъ они впрочемъ и подходили по своему характеру и содержанію. Ведя въ теченім 30-ти лѣтъ странническую жизнь, Сковорода сталкивался съ массою людей изъ всѣхъ слоевъ мѣстнаго общества; у него были друзья и знакомые, у которыхъ онъ останавливался и проживалъ или захаживалъ въ гости, и среди духовенства (чернаго и бѣлаго), и среди свѣтскаго общества. Онъ жилъ, напр., въ Харьковскомъ Покровскомъ монастырѣ, Ахтырскомъ, Сумскомъ, Святогорскомъ, Сеннянскомъ и т. п.; былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ свящ. Іаковомъ Правицкимъ (въ сел. Бабаяхъ), Ѳед. Залѣсскимъ и др.; съ этими лицами онъ велъ переписку, присылалъ и посвящалъ имъ свои сочиненія, велъ устныя бесѣды—и всѣмъ этимъ пользовался для распространенія своего ученія, для борьбы съ закоренѣлыми привычками, предразсудками. Тоже самое

нужно сказать и относительно тогдашняго дворянства: самые видные и лучшіе представители его находились въ живыхъ сношеніяхъ со Сковородой: принимали его у себя, читали сочиненія и глубоко уважали его; таковы были—Ковалинскій, Тевяшовъ, Донецъ-Захаржевскій, Ковалевскій, Розальонъ-Сошальскій и масса другихъ лицъ. Дворянство Сковорода прямо призывалъ къ дѣлу умственнаго и нравственнаго просвѣщенія всего общества, къ борьбѣ съ суевѣріями. И его призывъ не остался безплоднымъ: его ближайшіе друзья и ученики впослѣдствіи вмѣстѣ съ В. Н. Каразинымъ хотѣли внести 1.000,000 руб. на основаніе въ Харьковѣ университета. Сковорода дѣйствовавалъ смягчающимъ образомъ на нравы своихъ друзей среди дворянъ въ ихъ отношеніяхъ къ крѣпостнымъ. Въ Харьковской городской средѣ также было весьма замѣтно вліяніе старчика Сковороды: и тутъ онъ былъ въ общеніи съ лучшими людьми —купцомъ Е. Е. Урюпинымъ, бывшимъ впослѣдствіи городскимъ головою и оказавшимъ большое сочувствіе и помощь дѣлу учрежденія Харьковскаго университета, посадскимъ Курдюмовымъ и др. Сковорода бывалъ на пирушкахъ у Е. Е. Урюпина, встрѣчался тамъ со многими другими харьковскими обывателями, велъ съ ними бесѣды и развивалъ передъ ними свои излюбленныя идеи, какія выражены, напримѣръ, въ его письмахъ къ Урюпину. Но особенно любилъ онъ простой народъ. Его нравственная проповѣдь нашла себѣ благодарную почву у этого послѣдняго. Объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что нѣкоторыя изъ его стихотвореній перешли въ народъ, подверглись дополненіямъ, передѣлкѣ и распространились до самихъ Карпатъ. Память о немъ долго жила въ Харьковщинѣ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ въ своихъ запискахъ сенаторъ Лубяновскій. Ему старикъ крестьянинъ, помнившій Сковороду, сказалъ, что этотъ послѣдній былъ человѣкъ добрый и разумный и наставлялъ ихъ добру, страху Божьему и упованію на милосердіе Распятаго. (Воспоминанія, М. 1872 г., стр. 23—24). О замѣтномъ вліяніи Сковороды на мѣстное общество свидѣтельствуетъ и та сильная оппозиція, которая шла противъ него со стороны „схоластиковъ", покоившихся на Библіи, обличаемыхъ имъ лицемѣровъ, суевѣровъ и т. п. Противъ нихъ онъ долженъ былъ, между прочимъ, выступить съ особымъ письмомъ—посланіемъ, въ которомъ разобралъ и блистательно опровергъ выставленныя противъ него обвиненія въ манихейской ереси. Прежніе изслѣдователи не придавали важнаго значенія въ дѣлѣ распространенія идей сочиненіямъ Сковороды, а говорили только о вліяніи его живой устной проповѣди; но это большое заблужденіе, ибо мы можемъ доказать, что его ученые трактаты являются воспроизведеніемъ его устныхъ бесѣдъ. Вліяніе Сковороды не ограничивалось только одной Украйной: оно распространялось и за ея предѣлы; оно не окончилось также смертью Сковороды, по-

тому что и впослѣдствіи было не мало любителей его сочиненій. Мы утверждаемъ, вопреки недавно высказанному взгляду, что Сковорода родился и въ свое время, и въ своемъ мѣстѣ. Онъ явился, какъ естественная реакція противъ исключительнаго господства матеріальныхъ интересовъ въ слободско-украинскомъ обществѣ, и самая проповѣдь и жизнь его вылились въ ту форму, которую давно уже выработала Малороссія, съ ея „мандроваными", т. е. странствующими учителями. Самъ Сковорода былъ такимъ именно мандрованымъ народнымъ учителемъ въ лучшемъ и благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова. Ученіе Сковороды не умерло вмѣстѣ съ нимъ; онъ могъ сказать о себѣ: *не всуе текохъ.* Онъ нашелъ себѣ по сердцу ученика въ лицѣ Ковалинскаго (да и не одного его, а многихъ). Онъ самъ воспиталъ, или правильнѣе перевоспиталъ его въ своемъ духѣ и могъ сказать умирая: *се умираю не безчаденъ.* Къ Ковалинскому Сковорода примѣнилъ свои педагогическіе пріемы и доказалъ на дѣлѣ ихъ жизненность и полезность.

Переходя къ вопросу о степени самобытности ученія Сковороды, мы должны высказать основное положеніе, что его никоимъ образомъ нельзя считать эклектикомъ. Это былъ самородокъ, какими подъ часъ даритъ насъ геній нашего народа, вдумчивый, глубокій мыслитель, создавшій необыкновенно стройную логическую систему, свободную отъ всякихъ противорѣчій. Работалъ онъ всегда, какъ истинный философъ и ученый, но при этомъ скромно заявлялъ, что „истина ничья". Образованіе его для своего времени было выдающееся и въ основѣ его лежало глубокое знакомство съ классическимъ міромъ въ его первоисточникахъ. Наибольшее духовное сродство у него было, по нашему мнѣнію, не съ мистиками, не съ массонами (которыхъ онъ не зналъ), а съ отцами и учителями церкви и Филономъ Іудеяниномъ. Узнавъ Сковороду, какъ *писателя,* мы отведемъ ему извѣстное мѣсто и въ русской, и въ южнорусской литературѣ XVIII в.: въ первой его нужно поставить подлѣ Новикова, а во второй онъ долженъ занять очень видное мѣсто, какъ единственный украинскій оригинальный философъ. Его поэтическія произведенія находятся въ органической связи съ Кіевской литературной школой XVIII в. (Георгій Кониcскій, Лащевскій и др.). Нельзя забыть и его важныхъ услугъ, оказанныхъ русскому языку: ученые трактаты онъ писалъ по русски, сильнымъ, образнымъ, какъ мы видѣли, языкомъ, въ противоположность стихамъ, которые очень слабы по изложенію. Наконецъ онъ оказалъ нѣкоторое вліяніе и на новую малорусскую словесность въ лицѣ Котляревскаго и Шевченка.

Таковъ было Сковорода, которому принадлежитъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ исторіи умственнаго и нравственнаго возрожденія своего края, который долженъ занять мѣсто въ исторіи русской мысли и литературы вообще. Мы, ученые специалисты, теперь освѣтили его съ этой, такъ сказать, *антикварной* точки зрѣнія.

Но точно ли его идеи имѣютъ въ настоящее время только одно антикварное значеніе? Многіе, очень многіе скажутъ: „да, какое намъ дѣло до какого то чудака, жившаго во 2-й пол. XVIII в.“, теперь у насъ совсѣмъ иные умственные и нравственные интересы, теперь у насъ широкіе общечеловѣческіе идеалы. И къ сожалѣнію, подобныя разсужденія направлены не по отношенію къ одному только Сковородѣ, а и ко многимъ другимъ историческимъ общественнымъ дѣятелямъ на Руси. Это наша историческая привычка—забывать о томъ, что сдѣлали выдающіеся люди нашей земли; вслѣдствіе этого теряется историческая нить творческаго процесса жизни и новое поколѣніе пользуется далеко не всѣмъ культурнымъ наслѣдіемъ стараго; отсюда отсутствіе живой преемственной связи между поколѣніями, причемъ подъ видомъ *новаго* является старое.

Такъ было и со Сковородой. Прошло 100 лѣтъ со дня его смерти—и только теперь мы издали его сочиненія (да и то не всѣ). Дѣятельность бившагося любовью къ ближнему сердца, плоды глубокаго, оригинальнаго ума, служившаго свѣточемъ для цѣлаго огромнаго района, мирно покоились въ архивахъ, забивались и могли совсѣмъ затеряться. Между тѣмъ, если привести богатое содержаніемъ идейное наслѣдіе Сковороды къ общимъ формуламъ, то окажется, что онъ проводилъ общечеловѣческіе идеалы: стремленіе къ нравственному возрожденію, неуклонное исканіе истины, какъ цѣль жизни всякаго человѣка, попытка сочетать съ разумомъ вѣру, принципъ широкой религіозной терпимости, но не индифферентизмъ, борьба съ суевѣріями, демократизмъ, выражавшійся въ желаніи дать просвѣщеніе и низшимъ классамъ общества, полное соотвѣтствіе между словомъ и дѣломъ—вотъ основныя черты ученія и жизни Сковороды, имѣющія общечеловѣческое значеніе И съ этой точки зрѣнія мы пожалуй найдемъ значительную аналогію между концомъ XVIII в. и нашимъ временемъ.

Мы сильно двинулись по пути прогресса; страшно измѣнились *формы* нашей жизни; но не тѣ же ли вопросы, какіе проводилъ 100 лѣтъ тому назадъ Новиковъ, Сковорода и др., волнуютъ насъ и теперь? Мало того: не повторяется ли кое что изъ прежняго почти съ буквальнымъ сходствомъ? Не указывается ли теперь на необходимость личной этики? Не повторяется ли теперь то просвѣтительное движеніе, которое одиноко велъ у насъ въ степной глуши бѣдный странникъ Сковорода и которое въ болѣе широкихъ размѣрахъ у себя въ культурномъ центрѣ, среди цвѣта тогдашней русской интеллигенціи, организовалъ Новиковъ? Помянемъ же добрымъ словомъ „старчика“ Сковороду, работавшаго для своего края, но внесшаго свою лепту и въ культурное богатство всей Россіи и даже въ сокровищницу общечеловѣческаго знанія и этики!

Дм. Багалѣй.

Памяти Н. С. Тихонравова.

29 ноября прошлаго года, когда историко-филологическое общество собралось почтить въ день годовщины память великаго изслѣдователя въ области русскаго языка, Александра Аѳанасьевича Потебню, многоуважаемый секретарь общества Н. Ѳ. Сумцовъ сообщилъ присутствующимъ о другой великой утратѣ—о кончинѣ проф. Московск. унив. Николая Саввича Тихонравова, послѣдовавшей 27 числа того-же мѣсяца.

Какъ слушатель покойнаго, я считалъ своимъ нравственнымъ долгомъ, по мѣрѣ силъ своихъ, почтить память незабвеннаго профессора. Разумѣется, я не имѣлъ и не могъ имѣть въ виду критической оцѣнки его дѣятельности: не мнѣ, съ моими миніатюрными знаніями, оцѣнивать заслуги покойнаго въ обширной сферѣ русской словесности—это дѣло людей, стоящихъ на высотѣ научныхъ знаній, во всеоружіи критической мысли. Я имѣлъ въ виду болѣе скромную цѣль: очертить хотя бы блѣдными стрихами научную дѣятельность покойнаго, обрисовать его личность, основываясь главнымъ образомъ на его трудахъ, затѣмъ на свидѣтельствахъ его учениковъ, а также и на своихъ личныхъ воспоминаніяхъ. Къ сожалѣнію, недостатокъ свободнаго времени, затрудненіе въ полученіи многихъ старыхъ журналовъ, въ которыхъ были напечатаны труды Н. С., сильно задержали мою работу, и такимъ образомъ только ко дню годовщины я имѣю возможность предложить Вашему благосклонному вниманію небольшой отрывокъ изъ намѣченной мною програмы, представляющій:

„Обзоръ трудовъ Н. С. за время его студенчества и преподавательской дѣятельности, въ связи съ нѣкоторыми біографическими данными“.

I.

Николай Саввичъ Тихонравовъ родился 3 октября 1832 г. въ селѣ Шеметовѣ, Мещерскаго уѣзда, Калужской губерніи. Отецъ его былъ мѣщанинъ и служилъ впослѣдствіи старшимъ фельдшеромъ при глазной клиникѣ въ Москвѣ.

Когда Николаю Саввичу исполнилось десять лѣтъ, онъ былъ отданъ въ 3-ю московскую гимназію.

Школа, какъ мѣсто первоначальнаго образованія и воспитанія, нерѣдко играетъ въ жизни человѣка весьма важную роль. Цѣлый рядъ новыхъ, дотолѣ неизвѣстныхъ, сильныхъ и, по существу своему, серьезныхъ впечатлѣній ложится здѣсь на впечатлительную душу ребенка; подъ ихъ воздѣйствіемъ формируется духовно-нравственный строй всей личности; благотворныя сѣмена, брошенныя умѣлой рукой опытнаго и любящаго свое дѣло препода-

вателя и заботливо имъ взрощенныя, весьма часто даютъ впослѣдствіи пышный расцвѣтъ и приносятъ плодъ сторицею.

Старая школа, школа 40-хъ и 60-хъ годовъ, при всѣхъ ея, порою значительныхъ, темныхъ сторонахъ, можетъ съ гордостью указать на многихъ выдающихся педагоговъ, благотворное вліяніе которыхъ сказывалось на всей послѣдующей жизни ихъ питомцевъ.

Московская 3-я гимназія по своей первоначальной организаціи представляла значительныя особенности. Въ Высочайшемъ указѣ, данномъ Правительствующему Сенату въ 29 день марта 1839 г. сказано, что 3-я гимназія учреждается „какъ вообще для удовлетворенія усиливающейся потребности въ образованіи юношества, такъ въ особенности для преподаванія въ Москвѣ, въ семъ центральномъ пунктѣ внутренней промышленности, техническаго курса наукъ“. Въ силу этого въ 3-й гимназіи было два курса: главный или собственно реальный, съ коммерческимъ характеромъ, и особый, классическій.

Николай Саввичъ поступилъ въ классическое отдѣленіе. Въ этомъ отдѣленіи до 1847 г. преподавался только одинъ латинскій языкъ, при 26 урокахъ въ недѣлю (уроки были полуторачасовые). Греческій языкъ былъ введенъ въ 1847—8 учебномъ году, лишь по особому ходатайству перваго директора этой гимназіи, знаменитаго Платона Николаевича Погорѣльскаго, и начинался съ IV класса, по 5 уроковъ въ недѣлю. [1])

Одной изъ главныхъ заботъ Погорѣльскаго была возможно лучшая постановка преподаванія; самымъ надежнымъ средствомъ къ достиженію этой цѣли онъ считалъ привлеченіе къ дѣлу лучшихъ педагогическихъ силъ. Подъ зоркимъ глазомъ Погорѣльскаго, во все вникавшаго, до всего доходившаго, преподаваніе велось со всей строгостью, и требовательность къ ученикамъ была весьма велика. [2])

Николай Саввичъ сохранилъ благодарное воспоминаніе о 3-й гимназіи и ея педагогическомъ персоналѣ.

Приводимые ниже отзывы о преподавателяхъ основаны большею частью на его собственныхъ словахъ; за любезное сообщеніе ихъ считаю своимъ долгомъ выразить глубокую благодарность моему бывшему сослуживцу, преподавателю русскаго языка и словесности въ московской 3-й гимназіи, Петру Андреевичу Виноградову.

Закону Божію Николай Саввичъ учился у отца Алексѣя Петровича Соловьева-Михайлова. Это былъ „добрый батюшка“, мягкій, снисходительный. Ученики обращались съ нимъ по-просту, позволяя себѣ даже шутки.

---

[1]) Краткій истор. очеркъ пятидесятилѣтія Моск. 3-й гимназіи. Стр. 4, 5, 11.

[2]) Тамъ же. Стр. 39.

Например, одинъ ученикъ говоритъ ему: „Ахъ, батюшка, какая интересная книга катехизисъ"!—Почему же она Вамъ такъ нравится?—„Да ее читаешь, какъ романъ; все только и думаешь, когда же она кончится". Ученикъ думалъ сострить: при чтеніи романа ждутъ, *чѣмъ* кончится; здѣсь же—*когда* кончится.

По смыслу словъ Николая Саввича, передававшаго этотъ случай, такая шутка въ то время была смѣлою дерзостью: въ строгія Николаевскія времена за это можно было поплатиться увольненіемъ изъ гимназіи, но батюшка только посмѣялся странному сближенію.

Математику преподавалъ Петръ Гавриловичъ Лекторскій, одинъ изъ весьма выдающихся педагоговъ своего времени. „Строгая послѣдовательность въ переходѣ отъ легкихъ отдѣловъ къ болѣе труднымъ, методичность въ объясненіяхъ и въ то же время умѣнье примѣниться къ дѣтскому возрасту были отличительными чертами его преподаванія. По своему характеру Лекторскій былъ олицетворенная пунктуальность. [3])

Латинскому языку Николай Саввичъ учился въ низшихъ классахъ у Владимира Андреевича Манке, а въ высшихъ у Матвѣя Ивановича Падренъ-де-Карне. По словамъ Николая Саввича, преподаваніе Манке было крайне формальное, сухое, а Падренъ-де-Карне былъ очень важный по внѣшнему виду, импонирующій преподаватель.

Греческій языкъ, какъ уже было сказано выше, былъ введенъ въ гимназіи въ 1847—8 уч. г. Преподаваніе его было поручено въ высшей степени талантливому учителю, Борису Ивановичу Ордынскому (впослѣдствіи профессоръ Казанскаго университета). Начавъ съ учениками ученіе греческаго языка въ VI кл., онъ быстро подвинулъ ихъ въ пониманіи греческихъ писателей.

Министръ Народнаго Просвѣщенія, графъ Уваровъ, посѣтивъ въ 1848 г. гимназію, самъ производилъ ученикамъ VII класса испытаніе изъ чтенія Гомера. Онъ заставлялъ ихъ переводить à livre ouvert и нашелъ на столько свѣдующими въ чтеніи этого писателя, что разрѣшилъ имъ, не смотря на непродолжительность ученія ихъ греческому языку, поступать на филологическій факультетъ. [4])

Менѣе удачно, по-видимому, было поставлено въ 3-й гимназіи преподаваніе новыхъ языковъ. Намъ неизвѣстно мнѣніе Николая Саввича о преподавателяхъ этихъ предметовъ, но другой ученикъ той же гимназіи, нынѣ членъ Совѣта Мин. Нар. Просв., Николай Алексѣевичъ Любимовъ, окончившій курсъ на 2 года раньше Ник. Сав., рисуетъ ихъ не особенно привлекательными красками.

---

[3]) Истор. очерк. Стр. 157.

[4]) Историч. очерк. стр. 42.

„Преподаватель нѣмецкаго языка, говоритъ онъ, былъ типъ школьнаго учителя стараго покроя. Онъ умѣлъ удивительно поддерживать вниманіе класса, хотя достигалъ этого цѣною напряженной боязни и былъ истиннымъ бичемъ и тираномъ своего маленькаго народа. Классъ его представлялъ какое-то побоище. Въ углу, у доски, у каѳедры, тамъ и сямъ на лавкахъ, стояли наказанные, большею частью на колѣняхъ, иные подъ ослиными ушами, начерченными на доскѣ, иные съ навѣшенными на пуговицы неопрятными тетрадями. Была особая лавка, называемая кавказскою линіею: туда отправлялись лѣнивцы.

Преподаваніе французскаго языка находилось въ болѣе худшихъ условіяхъ. „Во время моего пребыванія въ гимназіи, говоритъ Н. А. Любимовъ, перемѣнилось болѣе десятка учителей! И какихъ только учителей у насъ не было! Были французы, бельгійцы, швейцарцы. Былъ, который ставилъ балы не за знаніе, а за счастіе (non pas pour votre science, mais pour votre fortune); былъ, который довольно значительную долю класса употреблялъ каждый разъ на обученіе, какъ произносить слово semaine, которые мы, переболтавъ языкъ, произносили ни съ чѣмъ несообразнымъ образомъ.

Былъ, который заставлялъ насъ, не поправляя, читать строкъ десять, молча отмѣчалъ ошибки и въ концѣ концовъ объявлялъ, что такой-то сдѣлалъ 60, а такой-то 80 ошибокъ. Былъ, который съ комическимъ жаромъ пискливо читалъ стихи (особенно любилъ Arrête sot lecteur, dont la triste manie и проч.). За нимъ, конечно, и мы вторили тѣмъ же тономъ.

Былъ, который служилъ цѣлью для бумажныхъ стрѣлъ, пускавшихся съ перышка; былъ, который цѣлый классъ ѣлъ конфекты, ловко похищаемыя изъ его кармана искусниками; былъ соименникъ одной французской писательницы, который издалъ собраніе писемъ со всевозможныхъ пунктовъ земного шара и на нашъ вопросъ: „былъ ли онъ на всѣхъ пунктахъ?“ отвѣчалъ такъ темно, что можно было подумать, что онъ объѣхалъ весь свѣтъ“. [5])

Преподавателемъ русскаго языка у Николая Саввича былъ сначала Иванъ Ѳедоровичъ Веригинъ, дѣйствительный студентъ юридическаго факультета, приглашенный въ гимназію изъ уѣзднаго училища (онъ преподавалъ только въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ); потомъ въ низшихъ классахъ Илья Павловичъ Васильковъ, по словамъ Николая Саввича, человѣкъ педантичный и сухой. Съ IV—VII Николай Саввичъ учился у Владимира Васильевича Авилова. Этотъ преподаватель имѣлъ большое вліяніе на Николая Саввича, которое продолжалось и за предѣлами гимназіи.

Николай Саввичъ бывалъ у него, когда онъ былъ инспекторомъ 4-й гимназіи и былъ знакомъ послѣ, какъ сослуживецъ въ университетѣ, гдѣ

[5]) Истор. очеркъ 3-й гимн. стр. 50—51.

Авиловъ, будучи директоромъ 2-й гимназіи, исполнялъ также обязанности инспектора студентовъ. Въ отзывахъ о немъ Николая Саввича слышалось глубокое уваженіе къ его уму, знаніямъ и педагогическому такту.

Но изъ всего педагогическаго персонала 3-й гимназіи, несомнѣнно, болѣе всѣхъ оставилъ по себѣ воспоминаній и болѣе всѣхъ въ свое время имѣлъ вліяніе директоръ Платонъ Николаевичъ Погорѣльскій, (1829—52) замѣчательный педагогъ, замѣчательный характеръ. Въ отзывахъ о немъ Николая Саввича, по прошествіи 40 лѣтъ, слышалось какое-то благоговѣніе.

„Нѣкоторые преподаватели, говоритъ Н. А. Любимовъ, помня Платона Николаевича со своей школьной скамьи, даже состоя на службѣ, не могли отрѣшиться, что видятъ предъ собой грознаго учителя. Они конфузились, краснѣли, путались, когда онъ грозно, при шумѣ вскочившихъ съ мѣстъ гимназистовъ, входилъ въ классъ и небольшимъ наклоненіемъ головы привѣтствовалъ учителя и учениковъ. Ученики же, по словамъ Николая Алексѣевича, не умѣли даже вообразить, что бы могло быть на свѣтѣ лицо выше Платона Николаевича."

Были наивные мальчики, говоритъ Николай Саввичъ, которые улыбались, когда директоръ дѣлалъ имъ внушенія, но онъ замѣчалъ такимъ: „ты можешь улыбаться, когда я смѣюсь" [6]).

Н. С. окончилъ курсъ гимназіи въ 1849 г. съ серебряною медалью и съ правами на XIV классъ.

Время окончанія Николаемъ Саввичемъ курса 3 гимназіи совпало съ цѣлымъ рядомъ коренныхъ мѣропріятій въ дѣлѣ учебномъ.

Такъ, между прочимъ, подъ вліяніемъ событій въ Зап. Европѣ 1848 г., состоялось Высочайшее повелѣніе, чтобы „штатъ студентовъ въ университетахъ ограниченъ былъ числомъ 300 въ каждомъ, съ воспрещеніемъ пріема студентовъ, доколѣ наличное число не войдетъ въ сей узаконенный размѣръ." (Сборн. Постан. по Мин. Нар. Пр. т. II, отд. 2, стр. 877).

Кромѣ того, былъ особенно затрудненъ доступъ въ университетъ лицамъ непривиллегированныхъ сословій.

Съ глубокимъ горемъ, переходившимъ даже въ негодованіе, принялъ и сообщилъ воспитанникамъ это распоряженіе ихъ директоръ Погорѣльскій.

Въ силу этихъ обстоятельствъ Н. С. вынужденъ былъ поступить въ Главный Педагогическій Институтъ въ Петербургѣ, но пробылъ тамъ только одинъ годъ. Хотя намъ ничего неизвѣстно о времени пребыванія Н. С. въ Педагог. Инст., но, имѣя въ виду, что тамъ было обращено особенное вниманіе на преподаваніе древнихъ и новыхъ языковъ, мы полагаемъ, что этотъ годъ прошелъ не безслѣдно для Николая Саввича.

Въ началѣ 1850—1851 учебнаго года открылась въ Московскомъ уни-

[6]) Истор. очеркъ, стр. 52.

верситетѣ казеннокоштная вакансія, и Н. С. удалось занять ее, благодаря ходатайству извѣстнаго ученаго, историка Погодина, который, между прочимъ, посовѣтовалъ молодому человѣку обратить на себя вниманіе какой нибудь печатной статьей.

Такимъ первымъ трудомъ, открывшимъ Николаю Саввичу двери Москов. университета, была напечатанная въ № 19 журнала Москвитянинъ за 1850 г. статья подъ заглавіемъ: „Нѣсколько словъ по поводу статьи Современника Кай Валерій Катуллъ и его произведенія". Чтобы познакомиться, съ какимъ запасомъ свѣдѣній, съ какимъ умственнымъ развитіемъ вступалъ въ университетъ, восемнадцатилѣтній молодой человѣкъ, я позволю себѣ вкратцѣ изложить содержаніе этой статьи.

Она начинается опроверженіемъ мнѣнія Современника, будто русская литература сравнительно въ короткое время обогатилась дѣльными трудами по части древней словесности.

„Справедливѣе было бы сказать, замѣчаетъ Н. С., что русская литература не успѣла еще обогатиться дѣльными трудами по части древней словесности.

За доказательствами ходить не далеко.

Въ 1849—50 году много ли вышло дѣльныхъ трудовъ по части древней словесности, кромѣ диссертацій? Леонтьева, Тритона, г. Фатера, Одиссеи Жуковскаго, да двухъ-трехъ статей въ журналахъ. (Это еще самый счастливый годъ: въ десять лѣтъ передъ этимъ вышло гораздо менѣе). Да и большая часть журнальныхъ статей не доказываетъ ли того же? Прочтите критическіе разборы Одиссеи, переведенной г. Жуковскимъ: въ однихъ замѣтите вы совершенное незнаніе предмета, объ которомъ идетъ дѣло, въ другихъ такіе выводы, которые поставятъ въ тупикъ мало знакомаго съ этимъ дѣломъ читателя, въ третьихъ спѣшную работу, компиляцію, плохое пониманіе дѣла, и только въ немногихъ истинно-ученую критику. А между тѣмъ люди, почти вовсе незнакомые съ древней Греціей и Римомъ, считаютъ своею обязанностью проронить, съ приличной важностью, словца два-три о древней греческой и римской литературѣ".

Свое мнѣніе Тихонравовъ подтверждаетъ: а) промахами критика о Костровѣ, происходящими отъ шаткости познаній автора въ классической филологіи; б) плохими критическими статьями объ Одиссеѣ и Катуллѣ. „Много, говоритъ Н. С., трудились надъ Греками и Римлянами нѣмцы и французы, потому стоитъ только взять нѣмецкое и французское сочиненіе о какомъ нибудь писателѣ, написать по нимъ статью о немъ, т. е. свести эти сочиненія во-едино, употреблять почаще: мы, я (мы открыли, для насъ стоило большого труда) да и въ печать. Чтобы не быть голословнымъ, Тихонравовъ ссылается на статью изъ № 3 Отечественныхъ Записокъ за 1849 г.

(Сравненіе Одиссеи Жуковскаго съ подлинникомъ), гдѣ одно мѣсто взято изъ Шлегеля, другое изъ исторіи греческой поэзіи Боде, третье изъ Миллеровой исторіи греческой литературы. Съ особенной подробностью останавливается Н. С. на послѣдней части этой статьи, гдѣ рецензентъ сравниваетъ одну рапсодію перевода Жуковскаго съ подлинникомъ. Онъ указываетъ при этомъ, что всѣ мѣста, о которыхъ авторъ особенно распространяется, буквально переведены съ нѣмецкихъ толкованій, особенно изъ извѣстнаго словаря къ Гомеру Крузіуса. Идетъ цѣлый рядъ сопоставленій. Затѣмъ, упомянувъ, что неизвѣстный авторъ Катулла называетъ Гнѣдичевъ переводъ Иліады прекраснымъ, Тихонравовъ останавливается на объясненіи двухъ діаметрально-противоположныхъ мнѣній объ этомъ переводѣ: одни превозносили его до небесъ, другіе называли „выродкомъ современной литературы, произведеніемъ, не подходящимъ ни подъ какую критику". По мнѣнію Н. С., такая рѣзкая противоположность мнѣній свидѣтельствуетъ о недостаткѣ ученой критики. Критики-профаны, не знавшіе греческаго языка, хвалили переводъ Гнѣдича, потому что знали Иліаду только по переводу Фосса, а Гнѣдичъ не много уступалъ ему.

Эти люди, иронически замѣчаетъ Тихонравовъ, у которыхъ, по выраженію Гоголя, есть умъ, но тотчасъ по выходѣ журнала, а запоздала выходомъ книжка—и въ головѣ ничего, эти люди, со словъ благосклонныхъ критиковъ, съ жаромъ увѣряли, что переводъ Гнѣдича прекрасенъ. Далѣе Тих. указываетъ на слабыя стороны перевода Гнѣдича: высокопарность взамѣнъ гомеровской простоты, порой какую-то идиллическую сантиментальность; гекзаметръ какъ-то неповоротливъ, многія греческія слова остались безъ перевода. Мнѣніе рецензента, изрекшаго слишкомъ строгій приговоръ Гнѣдичу, Н. С. объясняетъ тѣмъ, что онъ мѣрилъ произведенія русской литературы аршиномъ нѣмецкимъ; „но вѣдь нѣмцы, замѣчаетъ Тих., разобрали каждую строку, каждое словечко Гомера по ниточкамъ, разсмотрѣли его со всевозможныхъ сторонъ, составили сотни комментаріевъ и превосходными монографіями облегчили его пониманіе, а мы пользовались только крупицами, падавшими со стола ихъ, торопливо подбирали ихъ и начинали усердно вѣрить нѣмцамъ, не замѣчая въ своемъ простодушномъ невѣдѣніи, что это обезьянничество было совершенно неумѣстно, нелѣпо и смѣшно". Критикъ не обратилъ вниманія, что переводъ Гнѣдича былъ первой ученой попыткой перевести Гомера, что онъ стоитъ Гнѣдичу долгаго, нелегкаго изученія, упорной и безплодной борьбы противъ предразсудковъ, что Гнѣдичъ, по выраженіи Пушкина, гордо посвятилъ лучшіе годы совершенію великаго подвига. Переходя къ Катуллу, Тих. начинаетъ съ критики мнѣнія, высказаннаго авторомъ въ введеніи, „о блестящей плеядѣ латинскихъ поэтовъ", указывая на то, что поэзія не была въ духѣ Римлянъ;

затѣмъ критикуетъ переводъ произведеній Катулла, свидѣтельствующій или о незнаніи латинскаго языка или о пользованіи посторонними пособіями.

Заканчивается статья слѣдующими словами: „промахи автора выказали незнаніе предмета его статьи, и, какъ плодъ беззаботнаго диллетантизма, статья эта, быть можетъ, имѣетъ еще какое-нибудь достоинство, но, какъ статья ученая, она не имѣетъ вовсе никакого значенія". [7]).

Эта первая ученая работа Николая Саввича, какъ можно уже судить по краткому ея изложенію, свидѣтельствуетъ о начитанности автора, объ основательномъ знакомствѣ его съ литературою древнихъ народовъ, обнаруживаетъ недюжинный критическій талантъ, а поправки въ переводѣ говорятъ о солидномъ знаніи языка латинскаго.

Время пребыванія Н. С. въ Московскомъ университетѣ совпало съ одной изъ блестящихъ эпохъ въ жизни этого старѣйшаго разсадника просвѣщенія: достаточно упомянуть имена Бодянскаго, Грановскаго, Шевырева, Кудрявцева, Соловьева. Ближайшимъ руководителемъ Н. С. былъ Ѳ. И. Буслаевъ. Шла усиленная умственная работа, возбуждавшая въ молодыхъ людяхъ, питомцахъ этого университета, энергію и соревнованіе.

Велись устныя бесѣды, писались разсужденія на избранныя самими студентами темы; на послѣднемъ курсѣ давались практическіе уроки ученикамъ, приходившимъ въ университетъ изъ уѣздныхъ училищъ. На 3-мъ и 4-мъ курсѣ Н. С. были написаны слѣдующія сочиненія, аттестованныя „лучшими и отличнѣйшими": на 3-мъ курсѣ: a) По каѳедрѣ Римской словесности— „О поэтикѣ Аристотеля". b) По каѳ. Руск. слов.—„О Ломоносовѣ, какъ академикѣ". c) По исторіи и литературѣ Славянскихъ нарѣчій: „Совиздралъ и Твардовскій" изслѣдованіе Мацѣевскаго. (Отчетъ о состояніи и дѣйствіяхъ Моск. унив. за 1851—52 г. Стр. 44); на 4-мъ курсѣ: „О рѣдкихъ русскихъ книгахъ", „О Новиковѣ", „О заимствованіяхъ русскихъ писателей". На 4-мъ же курсѣ Н. С. были прочитаны пять уроковъ: 1) Жизнь Ломоносова, 2 и 3) Правила русскаго глагола, 4 и 5) о Борисѣ Годуновѣ. [8]).

Кромѣ того, въ теченіе университетскаго курса Н. С. напечаталъ въ разныхъ журналахъ слѣдующія статьи:

1) Замѣтки о книжкѣ: Essai sur la litterature russe и проч. A Livorne 1771 г. [9]).

2) О Смирдинскомъ изданіи сочин. Ломоносова. [10])

---

7) Современникъ 1850 г., Т. V, № 19. Стр. 117—134,

8) Отчетъ о дѣйствіи и состояніи М У. 1852—3 г.; стр. 10, 39.

9) Моск. Вѣд. 1851 г. № 150.

10) Тамъ же 1852 г. №№ 46, 47 и 74.

3) Судъ Россійскихъ письменъ, передъ разумомъ и обычаемъ отъ грамматики представленныхъ. [11])

4) Для біографіи Ломоносова. [12])

5) О сочиненіяхъ Фонъ Визина. [13])

6) Библіографическія поправки и дополненія къ статьѣ Кулиша: „Нѣсколько словъ для біографіи Гоголя“ [14]).

7) Замѣчанія на статьи Гаевскаго о Дельвигѣ. [15])

8) Разборъ библіографическихъ замѣтокъ Гаевскаго о сочиненіяхъ Пушкина и Дельвига [16]).

9) Списокъ произведеній Жуковскаго [17]).

Познакомимся съ ихъ содержаніемъ. „Essai sur la litterature russe contenant une liste des gens de lettres Russes, qui se distingués depuis le régne de Pierre le Grand, par un voyaguer russe. A Livorne 1771 г., т. е. „Опытъ о русской литературѣ, содержащій въ себѣ перечень Русскихъ литераторовъ, со времени царствованія Петра Великаго. Сочин. Русскаго путешественника. Напечатано въ Ливорнѣ 1771 г.

Такъ была озаглавлена очень рѣдкая книжка, на которую указывалось только двумя библіографами: П. Кеппеномъ въ матерьялахъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи и Гофманомъ въ Bulletin du bibliophile Belge.

Въ 1851 г. С. Д. Полторацкому удалось отыскать экземпляръ этой библіографической рѣдкости, и онъ перепечаталъ ее въ Revue Etrangére.

Разсмотрѣнію этой книжки и посвящена вторая студенческая работа Николая Саввича.

Прежде всего Тих. задается вопросомъ, кто былъ авторомъ этого любопытнаго „Опыта“?

Новиковъ въ предисловіи къ „Опыту Словаря о Россійскихъ писателяхъ“ говоритъ: „Всякія извѣстія, до Россійской исторіи касающіяся, иностранными народами принимаются съ удовольствіемъ. Между прочимъ въ 1776 г. нѣкто Россійскій путешественникъ сообщилъ въ Лейпцигскій журналъ извѣстіе о нѣкоторыхъ Россійскихъ писателяхъ, которое въ ономъ журналѣ на нѣмецкомъ языкѣ напечатано и принято съ великимъ удовольствіемъ. Но сіе извѣстіе весьма кратко, а притомъ индѣ не весьма справедливо, а въ другихъ мѣстахъ пристрастно написано“.

---

11) Москвитянинъ. 1852 г. III кн. 10.

12) Москвит. 1853 г. № 3.

13) Моск. Вѣд. 1853 г. № 6.

14) Моск. Вѣд. 1853 г. № 51.

15) Москвит. 1853 г., II.

16) Отечествен. Зап. 1853 г. т. LXXXIX, кн. 7. отд. VII.

17) Рѣчи и отчетъ Моск. Унив за 1853 г. стр. 75—83.

Основываясь на этомъ свидѣтельствѣ, Н. С., въ силу нѣкоторыхъ сопоставленій, высказываетъ предположеніе, что „Опытъ Русскаго путешественника“ есть только переводъ статьи того же автора, помѣщенной въ Лейпцигскомъ журналѣ 1766 г.

Высказанное здѣсь предположеніе студента 1-го курса оправдалось черезъ 10 лѣтъ, когда былъ найденъ подлинный нѣмецкій текстъ извѣстія. Въ 1862 г. изданъ былъ въ Москвѣ, въ числѣ 333 экземпляровъ, нѣмецкій текстъ, сообщенный М. Л. Михайловымъ и напечатанный также и въ Библіографическихъ запискахъ 1861 г. № 20 [18]).

Позднѣйшія изслѣдованія обнаружили, что въ Лейпцигскомъ журналѣ 1768 г. Neue Bibliothek des schönen Wissensschaften und der freien Künsten, издаваемомъ Христіаномъ Феликсомъ Вейсе, была помѣщена статья подъ заглавіемъ: Nachricht von einigen russischen Schriftstellern nebst einem kurzen Berichte von Russischen Theater.

Статья эта, послужившая, по словамъ Новикова, *главнымъ поощреніемъ* къ составленію его словаря, была первымъ опытомъ словаря русскихъ писателей и принадлежала, по свидѣтельству Сухомлинова, перу перваго русскаго актера—академика И. А. Дмитревскаго [19]).

Сопоставляя далѣе извѣстія Новикова о Гедеонѣ, епископѣ Псковскомъ и Нарвскомъ, о Поповскомъ, проф. краснорѣчія въ Моск. университет., Елагинѣ, главномъ членѣ Дворцовой Канцеляріи и директорѣ музыки и театра, Козицкомъ, Золотницкомъ, Аблесимовѣ, съ извѣстіями объ этихъ писателяхъ въ упомянутомъ „Опытѣ“, Тихонравовъ дѣлаетъ выводъ, что Новиковъ пользовался извѣстіями Опыта съ разборчивостью: заимствованія никогда не доходили до простого повторенія словъ Русскаго путешественника, а въ иныхъ мѣстахъ Новиковъ прямо противорѣчитъ автору „Опыта“.

Вообще этотъ „Опытъ“ является, по мнѣнію Н. С., важнымъ указателемъ, изъ какихъ источниковъ почерпалъ Новиковъ свѣдѣнія для своего словаря и какъ онъ пользовался ими.

„Эта любопытная книжка, говоритъ онъ, уясняетъ дѣятельность одного изъ добросовѣстнѣйшихъ и безкорыстнѣйшихъ тружениковъ русской литературы, дѣятельность, которая, къ сожалѣнію, не нашла еще себѣ достойнаго истолкователя.

Упомянувъ о новыхъ любопытныхъ свѣдѣніяхъ, сообщаемыхъ „Опытомъ“ о Ломоносовѣ, Третьяковскомъ, Ельчаниновѣ, Н. С. не оставляетъ безъ вниманія невѣрныя указанія и обмолвки „Опыта“. [20])

---

18) Сухомлиновъ. Изслѣдованія и статьи по рус. лит. и просвѣщенію. Т. II, стр. 25.

19) Сухомлиновъ Изслѣд. въ области рус. яз. Т II, стр. 28—29.

20) Моск. вѣд. 1851 г. № 150 стр. 1461—2.

Весьма интересна статья: „о Смирдинскомъ изданiи сочиненiй Ломоносова“ Она интересна по тѣмъ взглядамъ на задачи и цѣли изданiя сочиненiй писателя, которые высказывалъ, бывши на студенческой скамьѣ, будущiй издатель сочиненiй Гоголя. Кромѣ того, она имѣетъ въ нашихъ глазахъ особенную цѣнность, какъ первая и почти единственная безпристрастная оцѣнка и характеристика Смирдинскихъ изданiй. Въ виду этого я позволю себѣ остановиться на ней съ особенной подробностью.

Цѣль этой статьи—указать пробѣлы и недостатки изданiя Смирдина. „Едва-ли нужно говорить, замѣчаетъ Н. С. въ самомъ началѣ статьи, какъ важны библiографическiе труды въ дѣлѣ разработки исторiи литературы, особенно у насъ, гдѣ почти ни одинъ писатель не изданъ, какъ слѣдуетъ. Прежде чѣмъ произносить судъ надъ писателемъ, опредѣлять значенiе его дѣятельности, нужно напередъ изучить *все*, что вышло изъ подъ пера его; тогда только сужденiе о немъ не будетъ одностороннимъ и шаткимъ, потому что тогда только будемъ имѣть подъ собою твердое основанiе. И съ этой точки зрѣнiя мы замѣтили въ изданiи Смирдина многiе и многiе недостатки“. Затѣмъ Тихонравовъ переходитъ къ разсмотрѣнiю всѣхъ прежнихъ изданiй, начиная съ перваго, вышедшаго въ 1751 г.; указываетъ на небрежность 4-го изданiя 1768 г., гдѣ пропущены въ иныхъ одахъ цѣлые стихи, не говоря уже объ опечаткахъ, искажающихъ смыслъ; упоминаетъ о четырехъ изданiяхъ Академiи Наукъ и при этомъ замѣчаетъ, что Смирдинъ держался послѣдняго академическаго тисненiя 1804 года.

Изъ всѣхъ изданiй Н. С. отдаетъ предпочтенiе „Собранiю разныхъ сочиненiй въ стихахъ и прозѣ покойнаго статскаго совѣтника М. В. Ломоносова *въ пользу и употребленiе Россiйскаго юношества, обучающагося стихотворству*, изданному во 2-й разъ въ 1787 г.при Моск. унив. у Новикова: въ этомъ изданiи помѣщены варiанты одъ по разнымъ изданiямъ, указано кое-гдѣ откуда заимствована та или другая ода. — Заслуживаетъ вниманiя то обстоятельство, что въ предисловiи къ послѣднему академическому изданiю сочиненiй Ломоносова 1891 г. объ этомъ изданiи совершенно не упоминается; а самымъ лучшимъ изъ посмертныхъ изданiй соч. Ломонюсова признается изданiе архимандрита Дамаскина, члена утвержденаго при Моск. унив. „Вольнаго Россiйскаго Собранiя для исправленiя и обогащенiя россiйскаго языка чрезъ изданiе полезныхъ, а особливо къ наставленiю юношества потребныхъ сочиненiй и переводовъ стихами и прозой“. [21]) Объ этомъ изданiи въ трехъ частяхъ 1778 и 1803 г. упоминаетъ и Н. С., но безъ указанiя на его достоинства.

По мнѣнiю Тихонравова, изданiе сочиненiй писателя должно удовле-

---

[21]) Сочин. Ломон. изданiе Академiи наукъ. Т. IV.

творять слѣдующимъ требованіямъ: во 1-хъ) „въ него должны входить *всѣ* напечатанныя сочиненія писателя, потому что, съ одной стороны, сочиненія, не имѣющія, такъ сказать, особеннаго внутренняго достоинства, могутъ быть важны, какъ матеріалъ для біографіи писателя, могутъ служить объясненіемъ его дѣятельности; съ другой стороны, нельзя предоставить выборъ статей, которыя должны войти въ изданіе вкусу читателя; кому неизвѣстно, что драгоцѣнныя во многихъ отношеніяхъ письма Ломоносова издатели едва удостоивали напечатать и чуть не извинялись въ такомъ смѣломъ поступкѣ? Во 2-хъ) должны быть помѣщены варіанты или разнорѣчія различныхъ изданій (если эти разнорѣчія есть). Слѣдуетъ также показать, гдѣ первоначально напечатана была та или другая статья, въ какомъ году и т. п. Не лишнимъ считаемъ и соблюденіе правописанія, котораго держался писатель, а въ изданіи г. Смирдина нѣкоторыя сочиненія Ломоносова напечатаны съ его правописаніемъ, другія—Богъ знаетъ съ какимъ“ [22]).

Вотъ какъ смотрѣлъ на дѣло изданія студентъ Тихонравовъ въ 1852 г.

Чтобы выяснить лучше значеніе этихъ взглядовъ для того времени, я сопоставлю ихъ съ тѣми взглядами и пріемами, которыми руководился академикъ М. И. Сухомлиновъ при послѣднемъ академическомъ изданіи сочиненій Ломоносова 1891 г. „Существенное условіе изданія литературнаго памятника, говоритъ Сухомлиновъ, заключается въ точномъ сохраненіи первоначальнаго текста, съ указаніемъ тѣхъ измѣненій, которыя дѣлались самимъ авторомъ. При каждомъ произведеніи обозначены какъ текстъ, по которому оно печатается, такъ и соотвѣтствующіе варіанты. Въ литературной исторіи произведеній Ломоносова варіанты имѣютъ важное значеніе. Они знакомятъ съ авторскими пріемами вообще; ими же опредѣляется, въ иныхъ случаяхъ, отношеніе произведеній къ современной имъ дѣйствительности“ [23]).

„Вѣрность оригиналу мы соблюдаемъ и въ правописаніи—во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ печатаемъ или съ рукописи автора или съ печатнаго изданія, вышедшаго при его жизни. Ломоносовъ постепенно вырабатывалъ систему правописанія, и живые слѣды этой работы видны въ его стихотвореніяхъ, написанныхъ и напечатанныхъ имъ въ разное время“ [24]).

Приступая къ разбору Смирдинскаго изданія, Н. С. начинаетъ со 2-го тома, который, по его мнѣнію, далеко не содержитъ всѣхъ напечатанныхъ сочиненій Ломоносова по физико-математическимъ наукамъ. „Не говоря о сочин. Ломоносова, оставшихся въ рукописи, здѣсь нѣтъ его отрывка изъ рѣчи къ усовершенствованію зрительныхъ трубокъ, нѣтъ записки, въ которой Ломоносовъ говоритъ о своихъ занятіяхъ въ Германіи при Юнкерѣ

22) Моск. Вѣд. 1852 г. № 46 стр. 471.

23) Сочин. Ломоносова Т. I. VII—VIII.

24) Сочин. Ломоносова Т. II, IV.

и гдѣ содержится много любопытныхъ свѣдѣній о Ломоносовѣ, которыми не воспользовался еще ни одинъ біографъ Ломоносова“ Затѣмъ онъ переходитъ къ разсмотрѣнію того, что есть въ изданіи Смирдина.

Большую часть 2-го тома занимаютъ „Первыя основанія металлургіи или рудныхъ дѣлъ“, но, по странному случаю, при нихъ нѣтъ посвятительнаго письма, напечатаннаго даже въ академическомъ изданіи; во 2-хъ) не сказано, что это переводъ, а не оригинальное сочиненіе Ломоносова. Если же г. Смирдинъ имѣлъ намѣреніе печатать и переводы, то почему не перепечатана Вольфіанская экспериментальная физика, переведенная Ломоносовымъ? Она содержитъ замѣчательное предисловіе и посвятительное письмо, въ которомъ Ломоносовъ говоритъ о себѣ. „Это посвященіе графу Михаилу Ларіоновичу Воронцеву Н. С. выписываетъ вполнѣ. 1-я статья заканчивается указаніемъ еще на одинъ весьма важный пробѣлъ въ изданіи Смирдина:“ въ немъ напечатана лишь часть бумагъ, объясняющихъ академическую сторону дѣятельности Ломоносова, а именно та часть, которая была изложена во 2-мъ томѣ „Очерковъ Россіи Пассека; всѣ же статьи, находящіяся въ V т. тѣхъ „Очерковъ“, не вошли въ изданіе Смирдина; а онѣ занимаютъ 80 страницъ.“ Между тѣмъ, замѣчаетъ Н. С. „академическая дѣятельность Ломоносова наполнена глубокаго интереса и чрезвычайно поучительна. Здѣсь Ломоносовъ былъ свидѣтелемъ явленій, которыя возмущали его душу: онъ видѣлъ, какъ многіе изъ присланныхъ нѣмцевъ „не давали свободно возрастать насажденію Петра Великаго,“ какъ многіе „употребляли Божье дѣло для своихъ пристрастій“, не думая „о приращеніи наукъ въ Россіи.“

Этого не могъ перенести Ломоносовъ равнодушно. Ему ли не вступиться за дѣло Петра? Но его усилія не увѣнчались успѣхомъ. Ему поручили, напр., дѣланіе Россійскаго атласа и потомъ „оттерли его отъ произведенія къ совершенію Россійскаго атласа.“ Занимательная борьба! восклицаетъ Тихонравовъ, „цѣлый періодъ жизни Ломоносова наполненъ ею, и здѣсь онъ вполнѣ на своемъ мѣстѣ, великій поборникъ Русскаго образованія“ [25]).

Во 2-й статьѣ Тихонравовъ разсматриваетъ 3-й томъ изданія сочиненій Ломоносова и главнымъ образомъ останавливается на его риторикѣ. Указавъ на заимствованія Ломоносова изъ Помея, Готшеда, Н. С. говоритъ, что достоинство риторики заключается, главнымь образомъ, не въ ея самостоятельности и оригинальности, а въ цѣли, съ какою она издана. Эта цѣль выражена въ посвященіи ея Великому Князю Петру Ѳедоровичу, напечатанному при первомъ изданіи риторики 1748 г. „Языкъ, которымъ Россійская Держава великой части свѣта повелѣваетъ, по ея могуществу имѣетъ

[25]) Моск. Вѣд. 1852 г. № 46. стр. 472.

природное изобиліе, красоту и силу, чемъ ни единому Европейскому языку не уступаетъ. *И для того нѣтъ сумнѣнія, чтобы Россійское слово не могло приведено въ таковое совершенство, каковому въ другихъ удивляемся. Симъ обнадеженъ, предпріялъ я сочиненіе сего руководства;* но больше въ такомъ намѣреніи, чтобы другіе, увидѣвъ возможность, по сей малой стези къ украшенію Россійскаго слова дерзновенно простирались". [26]

И вотъ столь важное посвященіе въ изданіи Смирдина пропущено. Далѣе у Смирдина нѣтъ ни одной эпиграмы, которыми Ломоносовъ боролся со своими литературными противниками, Третьяковскимъ и Сумароковымъ и мн. др. 3-я статья, главнымъ образомъ, посвящена изложенію также пропущеннаго у Смирдина сочиненія Ломоносова о возможности достигнуть отъ Шпицбергена черезъ сѣверный полюсъ въ Восточное море, изданнаго въ 1847 г. отъ Гидрографическаго Департамента. Статья оканчивается указаніемъ на техническія недостатки изданія: множество опечатокъ, пропусковъ, и т. п.

Галаховъ отмѣтилъ эту студенческую работу Тихонравова какъ трудъ, на осмотрительность котораго можно положиться безбоязненнѣе, въ сравненіи съ другими. (Отеч. зап. 1853 г. Т. XC, кн. 9, отд. V, стр. 69). Сдѣланныя Галаховымъ замѣчанія и поправки вызвали, въ свою очередь, возраженія со стороны Н. С. (Отеч. зап. 1854 г. Т. XCIV, кн. V. стр. IV стр. 31—2.).

„Судъ Россійскихъ письменъ передъ разумомъ и обычаемъ отъ грамматики представленныхъ" есть перепечатка малоизвѣстнаго соч. Ломоносова, которое было напечатано въ еженедѣльномъ изданіи Ѳедора Туманскаго „Лѣкарство отъ скуки и заботъ" съ слѣдующимъ примѣчаніемъ: „Сей отрывокъ найденъ между бумагами покойнаго Михаила Васильевича Ломоносова, такъ какъ оный есть неоконченный". Отрывокъ этотъ, имѣющій предметомъ правописаніе, замѣчателенъ, по мнѣнію Н. С., сатирическимъ тономъ, на который такъ мало обращали вниманія при разборѣ сочиненій Ломоносова. [27]).

Статья озаглавленная: „Для біографіи Ломоносова", состоитъ изъ документовъ, отысканныхъ Тихонравовымъ въ бумагахъ Штелина, а именно похвальной оды Шувалова Ломоносову на французскомъ языкѣ, о которой упоминаетъ авторъ „Опыта о русской литературѣ", сатиры на Ломоносова на нѣмецкомъ языкѣ, которая представляетъ интересъ, какъ обнаруженіе ненависти къ нему нѣмецкой партіи, и изъ перевода конспекта похвальнаго слова Ломоносову, написаннаго на латинскомъ языкѣ Штелинымъ и переданнаго Николаю Саввичу Погодинымъ.

---

[26]) Моск. Вѣд. 1852 г. № 47 стр. 481.

[27]) Москвит. 1852 г. т. III. кн. 10, отд. IV, стр. 3—4.

Заканчивается эта статья указаніемъ на ненамѣренный литературный подлогъ въ изданіи Смирдина. Стихи Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ на фейерверкъ, представленный 1 января 1755 г., напечатанные подъ именемъ Ломоносова въ изданіи Смирдина (I стр. 273), принадлежатъ, какъ оказалось, не Ломоносову, а Штелину, и были написаны на нѣмецкомъ языкѣ, а на русскій переведены Поповскимъ: въ бумагахъ Штелина нашелся и нѣмецкій подлинникъ и переводъ. „Вотъ новое доказательство, прибавляетъ Тихонравовъ, какая нужна осторожность въ изданіи сочиненій писателя.

Въ подобную же ошибку впалъ и Новиковъ, который, увидавши подъ напечатаннымъ въ „Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ“: Разговоромъ Александра съ Еростратомъ“ буквы А. С., внесъ его въ изданіе сочиненій А. Сумарокова, тогда какъ разговоръ писанъ былъ не имъ, а Суворовымъ. [28]).

Особенное вниманіе заслуживаютъ „Замѣтки по поводу Смирдинскаго изданія Фонъ-Визина“.

По мнѣнію Н. С., Фонъ-Визинъ „представляетъ собою тоже развитіе, какое совершалось въ русской литературѣ. Какъ послѣдняя долго жила заимствованіями и подражательностью, такъ и Фонъ-Визинъ былъ чрезвычайно склоненъ къ тому же; какъ литература наша сохранила сатирическую настроенность, а въ ней и свою оригинальность, такъ и авторъ Недоросля своею мѣткою сатирою увѣковѣчилъ свое имя въ исторіи нашей словесности“.

Произведенія Фонъ-Визина были предметомъ превосходной монографіи князя Вяземскаго, но сочиненіе его, по мнѣнію Н. С., не затрагиваетъ нѣкоторыхъ сторонъ дѣятельности Фонъ-Визина, а другія представляютъ не совсѣмъ ясно и вѣрно. [29])

Такъ Тихонравовъ находитъ слишкомъ строгимъ и не вполнѣ оправдываемымъ съ исторической точки зрѣнія приговоръ Вяземскаго надъ 1-й комедіей Фонъ-Визина „Коріонъ“, причемъ дѣлаетъ поправку, что это не переводъ, а передѣлка драмы „Сиднея“ Грессета, переложеніе ея на русскіе нравы. По мнѣнію Н. С., Коріонъ есть какъ бы переходъ отъ переводовъ къ оригинальной комедіи, имя которой слилось съ его именемъ. Далѣе онъ дополняетъ указанія Вяземскаго о заимствованіяхъ Фонъ-Визина: въ Опытѣ Россійскаго сословника многія опредѣленія просто переведены изъ Synonimes Français Жирара; въ письмахъ Фонъ-Визина къ сестрѣ изъ 2-го путешествія есть заимствованія изъ журнала того времени (1783): Litteratur und Völker Kunde; отзывъ Простаковой о географіи взятъ изъ Jeannot et Colin Вольтера.

[28]) Москвитянинъ 1853 г. № 3. Стр. 18—26.

[29]) Моск. Вѣд. 1853 г. № 6. Стр. 59.

Переходя къ Недорослю, Н. С. обращаетъ вниманіе на тѣсную, несомнѣнную связь нашихъ старыхъ сатирическихъ журналовъ со старой комедіей—они составляютъ богатый, краснорѣчивый комментарій къ комедіямъ, черпавшимъ содержаніе изъ русской дѣйствительности. „Что комикъ осмѣивалъ на сценѣ, что сатирикъ хлесталъ въ сатирѣ,—тоже выводили напоказъ безъименные сотрудники Трутня, Всякой Всячины, Живописца. Почти каждую черту комедій Фонъ-Визина можно провѣрить старыми журналами: хотите ли вы, говоритъ Тихонравовъ, узнать состояніе крестьянъ Простаковыхъ, Скотининыхъ,—прочтите „Отрывокъ изъ путешествія" въ Живописцѣ; хотите ли познакомиться съ образомъ воспитанія Митрофанушекъ того времени, обратитесь въ томъ же „Живописцѣ" къ письмамъ, въ которыхъ говорится объ этомъ; хотите ли узнать что-нибудь о тѣхъ верхоглядахъ, которые, побывавши за границей, думаютъ, что они-то пріобрѣли всю человѣческую мудрость,—обратитесь къ сатирическимъ вѣдомостямъ Трутня; хотите ли, наконецъ, познакомиться съ лицомъ Совѣтника, (бригадира), прочтите въ Живописцѣ разсказъ о старомъ лицемѣрѣ". [30])

По поводу этихъ двухъ статей Н. С.,—о Ломоносовѣ и Фонъ-Визинѣ,—въ Отеч. Зап. была напечатана рецензія слѣдующаго содержанія:

„Обращаемъ вниманіе занимающихся исторіею русской словесности на полезные и основательные труды Н. Тихонравова. Подъ скромнымъ названіемъ „матерьяловъ и замѣтокъ" онъ весьма дѣльно разрабатываетъ библіографію, которая у него не ограничивается простыми указаніями какихъ нибудь литературныхъ диковиновъ, но разрабатывается въ связи съ цѣлою дѣятельностью писателей, слѣдовательно восходитъ ужъ на степень исторіи словесности". „Если г. Тихонравовъ продолжитъ свои „Замѣтки" о другихъ русскихъ писателяхъ, изданныхъ Смирдинымъ, чего мы искренно желаемъ, то намъ многое разъяснится въ ихъ сочиненіяхъ". (Отеч. Зап. 1853 г. т. 87, кн. 3, отд. V, стр. 39—40).

„Въ библіографическихъ поправкахъ и дополненіяхъ" къ статьѣ Кулиша: „Нѣсколько чертъ для біографіи Н. В. Гоголя", Н. С., отдавая должное этой статьѣ, занимающей, по его мнѣнію, первое мѣсто между всѣми замѣтками о Гоголѣ, появившимися послѣ его смерти, вноситъ нѣкоторыя поправки относительно, напримѣръ, времени появленія въ печати стихотворенія Италія и идилліи Ганцъ Кюхельгартенъ, относительно статьи Свиньина „Полтава", ошибочно приписанной Кулишемъ Гоголю.

Въ библіографическихъ дополненіяхъ находимъ указаніе на иностранные переводы сочиненій Гоголя, напримѣръ: Nicolas Gogol. Nouvelles russes traduction française publié par Louis Viardot Paris 1845 г. и его нѣ-

[30]) Тамъ же стр. 61.

мецкій переводъ 1846 г. въ Лейпцигѣ. Въ томъ же году Липпертъ издалъ Nordisches Nowellenbuch, гдѣ, между прочимъ, была помѣщена повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ, подъ заглавіемъ: „Kleinische Genrebilder."

Въ томъ же году былъ сдѣланъ переводъ „Мертвыхъ душъ" Филиппомъ Лебенштейномъ: Die todten Seelen. Eine satirisch-komisches Zeitgemälde von Nicolas Gogol.

Заслуживаетъ вниманія приводимое Тихонравовымъ предисловіе переводчика. „Русская литература, говоритъ Лебенштейнъ, вдвинутая въ свой собственный кругъ, мало добивалась извѣстности за границей, и хорошо дѣлала. Только произведенія самобытныя, носящія на себѣ особый типъ, выражающія характеръ народа, фазу его развитія,—только такія произведенія должны посредствомъ перевода дѣлаться общею собственностью всѣхъ народовъ. Но особеннаго уваженія заслуживаютъ тѣ книги, которыя, подобно предлагаемому сочиненію, безпристрастно представляютъ ясный образъ состоянія общества, характеристику русской жизни, исполненную съ тонкимъ юморомъ и живою ироніею. Гоголь не надѣваетъ перчатокъ glacé, не касается больныхъ мѣстъ осторожно, нѣтъ, часто онъ бьетъ въ нихъ медвѣжьею лапою (mit einem Bärentatze.) Авторъ — горячій патріотъ, онъ любитъ свое отечество съ жаромъ итальянца и съ упрямою настойчивостью жителя сѣвера; но эта любовь не ослѣпляетъ его противъ всѣхъ странностей его собратій. Нельзя не сознаться, что съ точки зрѣнія эстетической „Мертвыя души" страдаютъ кое какими ошибками и что особенно при мастерской обрисовкѣ характеровъ слишкомъ густо наложенныя краски, отсутствіе равномѣрнаго распредѣленія свѣта и тѣни и постоянный недостатокъ примиряющаго начала—производитъ въ читателѣ непріятное чувство. Но это отчасти искупается здравымъ комисмомъ, множествомъ веселыхъ tableaux de genre, которыя ежеминутно выставляетъ авторъ, и удовлетворенный оставляешь книгу".

Переводъ, по мнѣнію Н. С., сдѣланъ вообще удовлетворительно, „но можно ли думать, замѣчаетъ онъ, о полной передачѣ подлинника? Этого, вѣроятно, никто и не искалъ въ книгѣ Лебенштейна, но иногда, и какъ нарочно въ самыхъ лирическихъ мѣстахъ, не понятъ даже грамматическій смыслъ и вмѣсто вдохновенной рѣчи Гоголя читаешь гадательныя хитросплетенія переводчика. Кто напримѣръ, въ этихъ словахъ узнаетъ извѣстное мѣсто въ началѣ VII гл. Мертвыхъ душъ: Für lange noch muss ich Hand in Hand mit meinen sonderbaren Helden gehen, lange noch muss ich sie durch 's schwerbelastete Leben (?!), durch eine Welt des sichtbaren Gelächters und der unsichtbaren Thränen führen". [31])

[31]) Моск. Вѣд. 1853 г. № 51 стр. 521—2.

„И долго еще опредѣлено мнѣ чудной властью идти объ руку съ моими странными героями, озирать всю громадно-несущуюся жизнь, озирать ее сквозь видный міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы".

Въ замѣчаніяхъ на статью Гаевскаго о Дельвигѣ, Тихонравовъ выражаетъ сомнѣніе въ томъ, чтобы два стихотворенія, помѣщенныя въ Полярной Звѣздѣ, альманахѣ 1832 г., съ подписью Д-гъ принадлежали Дельвигу. Въ подтвержденіе своего мнѣнія онъ указываетъ на Черкесскую пѣсню, помѣщенную въ Альманахѣ Цинтія съ такою же подписью и между прочимъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: „неужели издатели довольно сѣренькихъ альманаховъ, сложившихся изъ самыхъ посредственныхъ произведеній, не упомянули бы такого извѣстнаго поэта, какъ Дельвигъ? [32]).

Разборъ „библіографическихъ замѣтокъ Гаевскаго о сочин. Пушкина и Дельвига" главнымъ образомъ касается тѣхъ возраженій, которыя были сдѣланы Гаевскимъ по поводу первой статьи Тихонравова. Разборъ этотъ отличается довольно ироническимъ характеромъ. [33]).

Полемика Тихонравова съ Гаевскимъ и вообще кропотливый характеръ изысканій въ области русской литературы того времени вызвалъ со стороны Добролюбова насмѣшливый и не безъ желчи отзывъ о новомъ научномъ направленіи: „Начали дорожить, говоритъ онъ, каждымъ малѣйшимъ фактомъ біографіи и даже библіографіи. Гдѣ первоначально были помѣщены такіе-то стихи, какія въ нихъ были опечатки, какъ они были измѣнены при послѣдующихъ изданіяхъ, кому принадлежитъ подпись А. или В. въ такомъ то журналѣ или альманахѣ. Мы помнимъ, какъ двое *молодыхъ ученыхъ* глумились другъ надъ другомъ изъ за вздорнаго стихотворенія, съ подписью Д-гъ, кому оно принадлежитъ Дельвигу или Дальбергу (Добролюбовъ, соч. Т. 1, стр. 2.) Архангельскій. „Памяти Н. С. Тихонравова" стр. 55—56).

Даровитый критикъ оказался въ данномъ случаѣ не дальновиднымъ: онъ отмѣтилъ, но не оцѣнилъ по достоинству этого новаго направленія въ изученіи литературныхъ явленій. На смѣну эстетической теоріи, имѣвшей дѣло съ крупными литературными величинами, явился методъ сравнительно-историческій, обратившій вниманіе на массу новыхъ явленій, иногда мелочныхъ, но тѣмъ не менѣе исполненныхъ глубокаго интереса для внутренней исторіи общества. Первымъ піонерамъ этого направленія выпала на долю черновая, подготовительная работа.

Такой характеръ носятъ вышеупомянутые студенческіе труды Тихонравова.

---

32) Москвитянинъ 1853 г., II.

33) Отечеств. Зап. 1853 г. LXXXIX.

Этотъ рядъ статей, написанныхъ Н. С. на университетской скамьѣ и не утратившихъ своего значенія и до сего времени, сразу выдвинули его, какъ крупную научную силу, обнаруживъ въ немъ обширную ерудицію, основательное знакомство съ литературой русской и иностранной, хорошее знаніе древнихъ и новыхъ языковъ и рѣдкій критическій анализъ.

Въ торжественномъ „собраніи Москов. Универ. на актѣ 12 января 1853 года ординарнымъ профессоромъ русской словесности С. П. Шевыревымъ была произнесена рѣчь: „О значеніи Жуковскаго въ русской литературѣ.“ Къ рѣчи были приложены комментаріи, въ концѣ которыхъ Шевыревъ говоритъ: „Въ заключеніе къ Примѣчаніямъ считаю полезнымъ приложить списокъ произведеній Жуковскаго, напечатанныхъ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, составленный г. студентомъ Историко-Филологическаго Факультета 4 курса Тихонравовымъ, отъ дѣятельности котораго я ожидаю весьма добрыхъ плодовъ для исторіи Русской Словесности“ [34]).

За симъ слѣдовалъ списокъ, съ 212 произведеніями Жуковскаго съ 1797—1849 г. Такъ публично были засвидѣтельствованы выдающіяся способности будущаго ученаго.

Въ маѣ 1853 г. Н. С. окончилъ курсъ со степенью перваго кандидата и былъ награжденъ золотой медалью за сочиненіе на заданную Грановскимъ тему: „О нѣкоторыхъ народныхъ преданіяхъ въ связи съ исторіей“. Это былъ первый опытъ въ сферѣ изученія народной словесности.

Со второй половины 1853 г. начинается новый періодъ въ жизни Н. С., — періодъ преподавательской дѣятельности, къ разсмотрѣнію котораго мы и перейдемъ.

II.

Преподавательская дѣятельность Н. С. въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ обнимала четыре года, съ 1853—1857 г.

Первоначально онъ поступилъ на службу въ 4-ю Московскую гимназію, затѣмъ давалъ уроки въ 1-й Московской гимназіи, по выходѣ оттуда Т. И. Филиппова, нынѣшняго государственнаго контролера; кромѣ того, занимался въ I и II спеціальныхъ классахъ перваго кадетскаго корпуса, гдѣ онъ смѣнилъ А. Д. Галахова.

Чтобы дать понятіе о педагогической дѣятельности Н. С., я приведу выдержки изъ воспоминаній о немъ стараго ученика, напечатанныхъ въ № 330 Русскихъ Вѣдомостей за 1893 г. „Когда я былъ въ V классѣ гимназіи, въ концѣ 50-хъ годовъ, говоритъ онъ, у насъ еще заучивали наизусть реторику по учебнику, снабженному обычными примѣрами.

---

[34]) Рѣчи и отчетъ, произнесенные въ Торж. Собран. Имп. Моск. Унив. 12 января 1853 г. стр. 75.

Но вотъ, въ VI-мъ классѣ, въ началѣ года къ намъ поступаетъ новый преподаватель; это былъ Н. С. Тихонравовъ. Съ приходомъ „новаго учителя“ у насъ сразу повѣяло инымъ духомъ и сразу въ занятіяхъ нашихъ произошло оживленіе: для перваго ознакомленія съ учениками Н. С. задалъ классное сочиненіе на тему по выбору каждаго ученика, и оцѣнка этихъ сочиненій совершенно перевернула вверхъ дномъ наше міросозерцаніе: оказалось, что лучшимъ сочиненіемъ онъ призналъ не „Кремль при лунномъ свѣтѣ“, а разборъ только что вышедшей тогда „Семейной хроники“ Аксакова. Затѣмъ начались обычныя занятія, имѣвшія задачей познакомить насъ съ различными родами поэзіи. Занятія заключались въ разборѣ образцевъ всѣхъ трехъ родовъ поэзіи, и разборы дѣлались мастерски при участіи всѣхъ учениковъ класса или, лучше сказать, самими учениками подъ руководствомъ учителя. Трудно вообразить, какъ Н. С. умѣлъ художественно вести это дѣло, какъ онъ овладѣвалъ всѣмъ классомъ, держа его постоянно въ живомъ умственномъ напряженіи—его можно было сравнить съ виртуозомъ—піанистомъ, извлекавшимъ посредствомъ нажиманія клавишей гармоническіе и опредѣленные звуки.

Съ каждымъ урокомъ мы чувствовали, какъ выростали умственно, и это чувство возбуждало насъ и заставляло энергично работать дальше. Подъемъ духа былъ сильный: ученики, получавшіе прежде единицы, стали теперь получать пятерки. Особенною художественностью отличались разборы трагедій Шекспира. Наиболѣе памятно мнѣ изученіе „Макбета“. Разбирая самъ мастерски первыя сцены драмы, онъ заставлялъ насъ продолжать самостоятельно, но въ томъ же направленіи, и мы живо заинтересовались характерами и положеніемъ лицъ. Также былъ разобранъ „Ревизоръ“ Гоголя. Вообще своими занятіями Н. С. старался развить у насъ правильный критерій въ пониманіи классическихъ образцевъ поэзіи и литературы.

Учебниковъ у насъ не было, а обыкновенно послѣ изученія образцевъ одного отдѣла поэзіи Н. С. давалъ намъ написанные имъ самимъ листки, содержавшіе въ себѣ сжатыя обобщенія пройденнаго отдѣла. Его опредѣленія были намъ совершенно понятны, потому что резюмировали наши классные уроки, увѣнчивая ихъ мастерскимъ синтезомъ. (С—въ)“.

А вотъ что говоритъ о преподаваніи Н. С. другой его ученикъ, воспитанникъ кадетскаго корпуса. „Нѣкоторыя изъ лекцій Тихонравова, напр. подробный разборъ „Слова о полку Игоревѣ“, о старинныхъ мистеріяхъ, о духовныхъ стихахъ, о русскихъ сатирическихъ журналахъ XVIII в. были такъ богаты новымъ, часто нигдѣ не напечатаннымъ и не разработаннымъ еще въ то время матерьяломъ, такъ содержательны и такъ идейны, что

этими лекціями смѣло можно было руководствоваться по крайней мѣрѣ 10—15 лѣтъ спустя послѣ ихъ прочтенія“. [35])

Хотя преподавательская дѣятельность отнимала у Н. С. массу времени, тѣмъ не менѣе онъ не покидаетъ своихъ научныхъ занятій. За этотъ четырехъ-лѣтній періодъ имъ было напечатано шесть работъ, изъ которыхъ двѣ носили характеръ библіографическій, а четыре другихъ представляли самостоятельное изслѣдованіе, основанное на документахъ.

Въ журналъ Москвитянинъ 1854 года имъ были сообщены напечатанныя въ различныхъ журналахъ 30-хъ годовъ сочиненія А. С. Пушкина, не помѣщенныя въ полномъ собраніи его сочиненій, а именно: а) сцена изъ Бориса Годунова—„Григорій и злой Чернецъ, взятая изъ „Dorpater jahrbücher für Litteratur, Statistick und Kunst, bezonders Russlands“. b) Письмо А. С. Пушкина къ барону А. А. Дельвигу, списанное съ подлинника и сообщенное А. И. Аѳанасьевымъ (Другъ Дельвигъ, мой Парнасскій братъ). c) Стихотворенія къ К. А. Т—вой. (Я видѣлъ васъ, я ихъ читалъ сіи прелестныя созданья); d) о сочиненіяхъ Катенина и e) четыре письма Пушкина къ А. А. Фуксъ. [36])

Эта перепечатка вызвала цѣлый рядъ замѣчаній Гаевскаго въ Отечест. Записк. 1854 г. (Т. XCIV, отд. IV, стр. 68—73).

Въ томъ же году была напечатана въ Отечеств. Записк. статья: „Графъ Ѳ. В. Растопчинъ и литература 1812 г.“ Растопчинъ принадлежитъ къ числу тѣхъ писателей, о которыхъ, какъ выражается Н. С., почти не упоминалось въ различныхъ сочиненіяхъ, называющихъ себя „Исторіей русской словесности“ и гдѣ до сего времени господствовала безотчетная вѣра въ преданіе, которое возводило въ число литературныхъ геніевъ самыя обыкновенныя бездарности и часто забывало живыя стремленія даровитыхъ писателей или обширныя начинанія энергичныхъ личностей“.

Матерьяломъ для этой статьи служила преимущественно переписка Растопчина съ Циціановымъ, С. Р. Воронцовымъ и Головинымъ, предоставленная Н. С. сыномъ писателя, Андреемъ Ѳед. Растопчинымъ.

Изъ сочиненій Растопчина Н. С. прежде всего останавливаетъ вниманіе на его „Путешествіи по Пруссіи, (Москв. 1842 г. № 1, 10, 13, 15), гдѣ онъ говоритъ объ общественной жизни, сословіяхъ, нравахъ страны и о впечатлѣніи, которое производятъ ея города. Отличительныя черты этихъ записокъ: „необыкновенное остроуміе, оригинальность, самостоятельность взгляда.“ По безпристрастному отношенію къ описываемымъ предметамъ Н. С. отдаетъ имъ преимущество предъ письмами Фонъ-Визина, а по про-

---

[35]) Котляревскій, какъ преподаватель. Рус. Стар. 1893 г. іюнь. Стр. 613.

[36]) Москв. 1854 г., № 5, кн. I., отд. IV, стр. 1—11.

стотѣ изложенія, отсутствію риторическихъ украшеній, по привлекательности и свѣжести—даже предъ „Письмами Русскаго Путешественника.“

Первымъ изъ напечатанныхъ произведеній Растопчина было сочиненіе „Плугъ и Соха“, писанное степнымъ дворяниномъ, съ эпиграфомъ: „Отцы наши не глупѣй насъ были“ (1806); въ немъ доказывалось превосходство сохи предъ плугомъ.

Этотъ вопросъ въ то время былъ моднымъ и нерѣдко затрагивался въ литературѣ. „Въ Модной Лавкѣ Крылова г-жа Сумбурова такъ расписываетъ нареченнаго жениха своей дочери:“ Зятюшка-то мой, Недосчетовъ, будетъ у меня заглядѣнье; онъ, моя жизнь, былъ въ Лондонѣ, въ Парижѣ и заѣзжалъ въ Европу! Ужъ нечего сказать, ученый человѣкъ да и экономъ какой! И теперь, для экономіи, остался въ деревнѣ; знаешь все на иностранный манеръ, и сѣетъ и жнетъ все по нѣмецкому календарю; да только земля-то у насъ такая дурацкая. что когда ему надобно лѣто, тутъ-то, какъ на смѣхъ, и придетъ осень,—разореніе да и все тутъ.“

То же излишнее увлеченіе теоріей и пренебреженіе живыми опытами осмѣивается и въ баснѣ Крылова: „Огородникъ и философъ.“

Растопчинъ для убѣжденія въ истинѣ его доказательствъ совѣтуетъ „поправить своимъ имѣніемъ, поѣздить по Россіи, посмотрѣть хорошенько и поговорить съ бородами, въ коихъ столько же ума, сколько и здраваго разсудка“.

Сочиненіе Растопчина „Мысли въ слухъ на Красномъ крыльцѣ“ касается вопроса о воспитаніи; въ немъ Растопчинъ возстаетъ противъ пристрастія ко всему иноземному, французскому, и въ лицѣ Силы Андреевича Богатырева рисуетъ идеалъ русскаго человѣка.

Тоже самое проповѣдывалъ и Крыловъ въ „Модной Лавкѣ“ и „Урокѣ дочкамъ“ Но здѣсь выступаетъ и новый элементъ: большая часть брошюры направлена на характеръ французскаго народа и на государственныя перемѣны, совершившіяся во Франціи съ 1790 года. Заслуживаетъ особеннаго вниманія языкъ сочиненія, весьма близкій къ простому, народному. „Революція—пожаръ, французы—головешки, а Бонапартъ—кочерга. Вотъ отъ того-то и выкинуло изъ трубы. Онъ и пошолъ драть. Италію разграбилъ, двухъ королей на острова отправилъ, цесарцевъ обдулъ, прусаковъ до нага раздѣлъ и разулъ, а все мало! Весь міръ захотѣлъ покорить —что за Александръ Мекедонскій? Мужичишка въ рекруты не годится: ни кожи, ни рожи, ни видѣнья; разъ ударить, такъ и слѣдъ простынетъ, и духъ вонъ; а онъ—таки лѣзетъ впередъ на Русскихъ“.

Въ комедіи „Вѣсти или живой убитый“ осмѣивается племя Набатовыхъ—неугомонныхъ вѣстовщиковъ. Комедія эта не имѣла успѣха, что въ значи-

тельной степени зависѣло, между прочимъ, отъ того, что выведены были оригинальныя лица, всѣмъ извѣстныя, и „все смолвилось“ по выраженію Глинки.

Статья заканчивается словами: „Заключая обзоръ перваго періода литературной дѣятельности Растопчина, мы можемъ сказать, что характеръ ея во время самыхъ блестящихъ его подвиговъ ни сколько не измѣнится: въ 1812 г. онъ обнаружится только сильнѣе, и спасительное дѣйствіе произведеній Растопчина на массу скажется осязательнѣе, чѣмъ прежде. Растопчинъ былъ убѣжденъ, что авторъ „Мыслей въ слухъ на Красномъ Крыльцѣ“, „Письма“, „Вѣстей“ точно также былъ защитникомъ отечества въ бѣдственную пору, какъ и всякій, встрѣчавшій врага съ оружіемъ въ рукахъ“ [37]).

Къ сожалѣнію продолженія этой статьи не послѣдовало. **)

Въ 1854 году была издана Мих. Дмитріевымъ книжка подъ заглавіемъ: „Мелочи изъ запаса моей памяти“. Н. С. посвятилъ разбору этой книжки статью, напечатанную въ № 1 Отеч. Записокъ за 1855 г.

Отмѣтивъ въ началѣ своей статьи то равнодушіе, съ какимъ мы относимся къ запискамъ, мемуарамъ, которые большею частью лежатъ „нетронутымъ капиталомъ въ частныхъ архивахъ или просто въ числѣ домашнихъ драгоцѣнностей,“ Н. С. указываетъ на то значеніе, какое имѣютъ сказанія Дмитріева о нашихъ старыхъ писателяхъ.

„Только такія мелкія подробности, говоритъ онъ, могутъ вполнѣ познакомить насъ съ личностью писателя, ввести въ его жизнь; только при такомъ знакомствѣ писатель перестаетъ быть какимъ-то идеальнымъ существомъ, уединеннымъ отъ людей, даже отъ ихъ неизбѣжныхъ недостатковъ и странностей, т. е. перестаетъ быть тѣмъ неяснымъ, какъ бы миѳическимъ существомъ, какимъ обыкновенно представляютъ намъ его хвалебныя біографіи и некрологи прежнихъ временъ.

Недостатокъ этой книжки Н. С. видитъ въ томъ, что Дмитріевъ слишкомъ часто вдается въ разсужденія о сочиненіяхъ извѣстнаго писателя, направленіи его и т. п.; въ этихъ разсужденіяхъ довольно спорнаго, иногда же невѣрнаго и пристрастнаго. Тѣмъ не менѣе Н. С. признаетъ „Мелочи изъ запаса моей памяти“ настольною въ свое время книгою для всѣхъ, занимающихся исторіей русской словесности, и потому считаетъ нелишнимъ исправить замѣченныя въ нихъ невѣрности, дополнить, что кажется недосказаннымъ и объяснить нѣкоторыя мѣста книги.

По поводу словъ Дмитріева, будто Лажечниковъ въ романѣ: „Ледяной домъ“ очень вѣрно изобразилъ характеръ Третьяковскаго, Н. С. говоритъ:

[37]) Отечест. Записк. 1854 г. Т. XCV. Кн. VII, Отд. II, стр. 1—70.

**) *Примѣчаніе.* Считаю не лишнимъ замѣтить, что въ библіогр. указ. Межова эта статья Тих. не упомянута.

при отсутствіи данныхъ мы удержимся отъ заключенія Дмитріева, что Лажечниковъ *очень вѣрно* изобразилъ Третьяковскаго и его характеръ: нужно вникнуть въ положеніе писателя во времена Третьяковскаго, чтобы вину вѣка не переносить на его беззащитную репутацію."

Разсказъ Дмитріева о томъ, что при появленіи Россіады Хераскова петербургскіе литераторы и любители въ теченіе нѣсколькихъ вечеровъ собирались у Н. И. Новикова, чтобы обсудить и написать разборъ поэмы, да такъ и не могли: тогда еще не по силамъ было обнять столь большое произведеніе поэзіи—осталось одно безотчетное удивленіе и похвалы восторга,—разсказъ этотъ вызываетъ сужденіе Н. С. о томъ, на сколько вредно отразилось на литературѣ такое безусловное поклоненіе авторитету. „Безусловное подчиненіе авторитету, говоритъ онъ, невыгодно дѣйствовало на литературу нашу, мѣшая самобытному развитію писателя. Была въ немъ и другая невыгодная сторона: оно не давало мѣста безпристрастному разбору писателя; темны и неопредѣленны были требованія критики; лучше сказать, ее вовсе не было. Стоитъ только посмотрѣть, какую роль играла критика въ первой и частью во второй четверти настоящаго столѣтія; она была безотчетнымъ прославленіемъ писателя, по преданію слывшаго знаменитымъ; она забавно хотѣла отличить оду Ломоносова отъ оды Державина, называя, напримѣръ, перваго поэта орломъ, а второго соколомъ. Вся составленная изъ фразъ и безотчетныхъ похвалъ, она наконецъ должна бкла пустотою своею вызвать другое, противоположное направленіе. Отсюда стремленія позднѣйшей критики строже вглядѣться въ нашихъ старинныхъ писателей. И несомнѣнную пользу принесла эта критика, не смотря на свои рѣзкости и увлеченія; а потому, прибавляетъ Н. С., мы не произнесемъ ей того осужденія, которое высказываетъ Дмитріевъ.

По поводу отзыва Дмитріева о В. И. Майковѣ, что и онъ имѣлъ особый, не высшій кругъ читателей, Н. С. замѣчаетъ: „для того времени этотъ фактъ можетъ отчасти служить въ похвалу писателя: кто не слѣдовалъ рабски французскому вліянію (а такимъ былъ Майковъ въ „Елисеѣ"), кто удержалъ за собой болѣе самостоятельности, тотъ и нравился кругу, стоявшему внѣ французскаго вліянія."

Дмитріевъ разсказываетъ о Петровѣ, будто онъ писалъ нѣкоторыя оды, ходя по Кремлю, а за нимъ носилъ кто-то бумагу и чернильницу. При видѣ Кремля онъ наполнялся восторгомъ, останавливался и писалъ.

Этотъ анекдотъ даетъ Н. С. поводъ высказать слѣдующій взглядъ на историческое значеніе одъ. „Наша торжественная ода прошлаго столѣтія, говоритъ онъ, порождена не однимъ поддѣльнымъ восторгомъ и, конечно, даже у второстепенныхъ писателей не была только пустымъ наборомъ высокопарныхъ фразъ: въ ней есть также живыя черты современной дѣйст-

вительности и искреннее чувство; только мы часто не понимаемъ однихъ за отсутствіемъ объяснительныхъ примѣчаній и подробностей, и мало вѣримъ другому, привыкнувъ видѣть выраженіе его въ естественной, невысопарной формѣ. Державинъ, безъ ключа къ нѣкоторымъ его сочиненіямъ, былъ бы для читателей нашего времени скученъ и непонятенъ; тоже можно сказать, въ большей или меньшей степени, о другихъ сочинителяхъ одъ. Намъ на столько натолковали о пустотѣ торжественной оды, что мы хотимъ не только отвергнуть въ ней всякую поэзію, но даже всякое отношеніе къ современности, къ жизни. Мы увѣрены, что чѣмъ болѣе будутъ для насъ уясняться происхожденіе той или другой оды, обстоятельства, при которыхъ она написана, характеръ и извѣстныя отношенія къ обществу и людямъ творца ея, тѣмъ болѣе эта отрасль нашей прошедшей литературы получитъ интереса и значенія: такія подробности оживятъ ее."

Относительно разсказа Дмитріева о Карамзинѣ, Н. С. замѣчаетъ, что многое изъ переданнаго Дмитріевымъ не оправдывается тѣмъ, что извѣстно о немъ изъ другихъ источниковъ и даже собственныхъ сочиненій Карамзина. Но особенно Н. С. выставляетъ на видъ недоброжелательное отношеніе автора „Мелочей" къ Дружескому Обществу. (Отеч. Зап. 1855 г. № 1, отд. III, стр. 1—22).

Я не буду останавливаться на замѣчаніяхъ, поправкахъ и дополненіяхъ Н. С. относительно другихъ писателей: для насъ интересны не столько они. сколько общіе взгляды Н. С., высказанные въ этой статьѣ. Эти двѣ статьи: „Растопчинъ и разборъ „Мелочей Дмитріева" прекрасно характеризуютъ то новое направленіе въ изученіи литературныхъ явленій, однимъ изъ представителей котораго явится впослѣдствіи Н. С.

Но главный трудъ Н. С. за описываемый нами періодъ былъ связанъ съ участіемъ въ Высочайше утвержденномъ Комитетѣ для празднованія 100 лѣтняго юбилея Московскаго Университета, куда онъ былъ прикомандированъ еще въ августѣ 1853 г. Онъ принималъ участіе въ двухъ изданіяхъ, готовившихся къ столѣтнему юбилею: въ біографическомъ словарѣ профессоровъ Московскаго Университета и въ біографической лѣтописи бывшихъ студентовъ.

Для перваго изданія имъ были напечатаны біографіи профессоровъ Баузе (1787—1810), читавшаго Римское Право, Ученую Исторію и Педагогію, извѣстнаго собирателя Русскихъ древностей, Буле (1804—1812), читавшаго Естественное Право и Теорію изящныхъ художествъ, Шварца (1780—82), преподававшаго нѣмецкій языкъ. Для втораго изданія были приготовлены статьи о Д. И. Фонъ-Визинѣ, Н. И. Новиковѣ и В. Г. Рубанѣ; но это изданіе осталось недопечатаннымъ и не вышло въ свѣтъ.

Въ статьѣ о Фонъ-Визинѣ, какъ свидѣтельствуетъ А. Веселовскій въ своихъ очеркахъ „Западное вліяніе въ новой русской литературѣ", была между прочимъ высказана Н. С. догадка о возможности вліянія на созданіе Бригадира комедіи Гольберга „Jean de France", о чемъ А. Веселовскій, высказавшій такое предположеніе, узналъ уже послѣ напечатанія своихъ статей въ Вѣстникѣ Европы (Западное вліяніе въ новой русской литературѣ. А. Веселовскій, стр. 73).

Біографіи профессоровъ, написанныя кандидатомъ Тихонравовымъ, изложены весьма подробно и обстоятельно: это не сухой указатель прохожденія службы и перечень научныхъ трудовъ, а рельефная обрисовка личности, въ связи съ научнымъ и нравственнымъ ея значеніемъ. При оцѣнкѣ ихъ научныхъ трудовъ Н. С. стоитъ на строго исторической почвѣ. Такъ, говоря объ одной изъ замѣчательнѣйшихъ рѣчей Баузе, касающейся состоянія просвѣщенія Россіи до Петра Великаго, Н. С. замѣчаетъ: „При настоящемъ состояніи Исторіи Русской словесности и Исторіи Русской вообще, когда обнародовано такъ много матеріаловъ, которые не могли быть извѣстны Баузе,—теперь очеркъ его, разумѣется, потерялъ свое прежнее значеніе. Но каждый ученый трудъ долженъ быть оцѣниваемъ въ силу потребностей и средствъ того времени, къ которому онъ относится, и съ этой точки зрѣнія рѣчь Баузе останется на всегда достойною уваженія, какъ первый опытъ научнаго взгляда на исторію Русскаго Просвѣщенія." [38])

Говоря объ изданіи Аристотеля, предпринятомъ профессоромъ Буле, Н. С. выставляетъ на видъ, что „при оцѣнкѣ этого изданія нужно постоянно имѣть въ виду цѣль и планъ издателя, а также и тѣ трудности, которыя встрѣтили его при исполненіи предпріятія". Буле, печатая новое изданіе сочиненій Аристотеля, думалъ только удовлетворить настоятельнымъ потребностямъ людей, занимавшихся классическою литературою; ибо прежнія изданія Аристотеля не для многихъ были доступны. Съ другой стороны издателю нужно было изучать самыя разнородныя произведенія Аристотеля, побѣждать трудности языка и манеры философа Греческаго. Прибавимъ къ этому испорченность текста сочиненій Аристотеля, его мало объясненную въ то время исторію, и мы поймемъ, почему Буле долженъ былъ обойти многія объяснительныя статьи, которыя были бы не лишними при изученіи Аристотеля. При всемъ томъ Буле оказалъ ему большую услугу, которой отрицать нельзя. Изданіе, латинскій переводъ, объясненія, изслѣдованія, предпосланныя тексту, самое жизнеописаніе Аристотеля, написанное Буле, были для того времени и отчасти теперь остались прекраснымъ пособіемъ для изученія его сочиненій". [39])

---

38) Біогр. слов. Моск. Унив. Часть I, стр. 84.

39) Тамъ же стр. 119

Особый интересъ представляетъ біографія Ив. Григ. Шварца, друга и сотрудника Новикова, основателя переводческой семинаріи, учредителя собранія Университетскихъ питомцевъ, изъ трудовъ которыхъ составились большею частью изданные Новиковымъ журналы: Московское ежемѣсячное изданіе (1781), Вечерняя Заря (1782), Покоющійся Трудолюбецъ (1784).

Біографія эта, составленная, по словамъ Н. С., главнымъ образомъ на основаніи собственноручной записки Шварца, ярко обрисовываетъ эту замѣчательную личность, всѣ мысли которой были направлены „къ насажденію и распространенію образованія".

Добившись возможности осуществить свою мечту,—положить основаніе „Дружескому ученому обществу", Шварцъ такъ говорилъ о себѣ: „Колумбъ, „впервые увидавши землю, не могъ радоваться болѣе меня, когда въ моихъ рукахъ оказался значительный капиталъ для осуществленія моей Платоновой идеи". [40])

Въ началѣ 1854 г. въ университетѣ Св. Владиміра открылась каѳедра по русской словесности. Въ факультетскомъ засѣданіи деканъ истор.-фил. факультета представилъ, что мѣсто адъюнкта по каѳедрѣ русской словесности желаетъ и по своимъ способностямъ и познаніямъ достоинъ занять проф. русской словесности въ лицеѣ Князя Безбородко Линниченко. Но при этомъ деканъ предъявилъ факультету полученное отъ помощника попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа М. В. Юзефовича письмо, въ которомъ онъ извѣщаетъ, что „во время пребыванія въ Москвѣ члены Московскаго историко-филологическаго факультета и въ томъ числѣ Бодянскій, Буслаевъ и Леонтьевъ, отзывы коихъ имѣютъ неоспоримый вѣсъ по части славяно-русской филологіи и теоріи поэзіи, рекомендовали ему кандидата истор.-фил. факультета Московскаго Университета Тихонравова, который по способностямъ своимъ и по основательнымъ познаніямъ заслуживаетъ этого назначенія. Историко-фил. факультетъ, не дѣлая окончательнаго выбора между обоими соискателями, предложилъ Линниченко и Тихонравову представить въ факультетъ по одному сочиненію, написанному на избраныя ими самими темы по предмету русской филологіи. На этотъ конкурсъ Тихонравовъ не отозвался". [41])

По всей вѣроятности, Н. С. предпочелъ остаться въ Москвѣ, гдѣ представилась возможность работать въ знаменитыхъ книгохранилищахъ Румянцевскаго музея и Синодальной библіотеки.

Въ іюнѣ 1857 г. Н. С. былъ опредѣленъ и. д. адъюнкта по предмету педагогіи.

---

[40]) Тамъ же, стр. 587.

[41]) Владимірскій—Будановъ. Исторія Универ. Св. Владиміра стр. 560.

Эта каѳедра была введена въ университетскій уставъ въ 1850 г. по примѣру Главнаго Педагогическаго Института для теоретическаго и практическаго приготовленія студентовъ къ учительскому званію. Съ самаго основанія каѳедру эту занималъ С. П. Шевыревъ, а по выходѣ его въ 1857 г. ее предоставили Н. С. Тихонравову. Онъ не довольствовался чтеніемъ теоретическихъ лекцій, а учредилъ по примѣру своего предшественника еще практическіе уроки казенно-коштныхъ студентовъ съ учениками Московскихъ гимназій.

Въ августѣ 1857 г. филологическій факультетъ совѣщался о преемникѣ Шевырева, причемъ главнымъ образомъ имѣлся въ виду Н. С. Но нѣкоторые члены факультета, особенно Бодянскій, рекомендовали А. А. Майкова, какъ магистра славянской филологіи. Однако онъ занималъ порученную ему каѳедру только два года [42]).

25 сентября 1859 г. адъюнктъ профессоръ русской словесности и исторіи русской литературы, Н. С. Тихонравовъ читаетъ вступительную лекцію и такимъ образомъ уже окончательно переходитъ къ профессорской дѣятельности.

Остановившись на раннемъ періодѣ дѣятельности Н. С. мнѣ хотѣлось, между прочимъ, показать, что и первыя научныя работы Н. С., полныя новизны для того времени, не утратили до извѣстной степени значенія и для насъ, не смотря на протекшіе 40 лѣтъ, и мнѣ кажется, что не будетъ пристрастно желаніе ученика увидѣть изданными и эти разбросанныя въ старинныхъ журналахъ и газетахъ труды Н. С. совмѣстно съ другими позднѣйшими его изслѣдованіями, какъ напечатанными, такъ и оставшимися въ рукописяхъ: это было бы лучшею памятью о почившемъ профессорѣ для всѣхъ, интересующихся исторіей русской словесности.

---

[42]) Руск. Мысль 1890 г. № 10. Учено-лит. дѣят. Тих. Языкова. Стр. 95—96.

Къ исторіи Харьковскаго университета.

Циркуляръ попечителя З. Я. Карнѣева и письмо В. Н. Каразина, по поводу его къ Гр. В. П. Кочубею.

Между рукописями Императорскаго Общества любителей древней письменности есть коллекція бумагъ, заключающая нѣкоторые матеріалы для исторіи Харьковскаго университета. Коллекція эта (F. CXXXI, 3835) поступила въ Общество отъ Г. П. Данилевскаго, автора біографическаго очерка В. Н. Каразина [1]), и подробно описана Хр. М. Лопаревымъ. [2]) Въ этой коллекціи есть, между прочимъ, копія формулярнаго списка „о службѣ и достоинствѣ старшаго учителя въ Харьковской губернской гимназіи надворнаго совѣтника Андрея Вербицкаго“, бывшаго издателемъ „Харьковскихъ Извѣстій“ [3]); находимъ здѣсь два прошенія жены высланнаго за границу профессора Шада (одно изъ нихъ писано рукою Каразина) [4]); черновыя заявленія Слободско-Украинскаго дворянства о срокахъ взноса пожертвованій на университетъ; наконецъ, нѣкоторыя бумаги Каразина. Къ послѣднимъ принадлежатъ: письма Каразина (1801 г.) изъ Брюсселя, отрывокъ, на французскомъ языкѣ, замѣчаній его о народномъ просвѣщеніи въ Россіи и письмо къ гр. В. П. Кочубею по поводу одного циркуляра попечителя Харьковскаго округа З. Я. Карнѣева.

Сообщая послѣднее, я предпошлю ему два три замѣчанія. Захаръ Яковлевичъ Карнѣевъ былъ приглашенъ занять должность попечителя Харьковскаго округа и университета министромъ кн. А. Н. Голицинымъ въ ноябрѣ 1816 г. [5]) Карнѣевъ сначала отговаривался, ссылаясь на свой семи-

---

[1]) Украинская Старина. Харьковъ. 1866 г.

[2]) Описаніе рукописей Общества люб. др. письм., ч. I. Спб. 1892 г. стр. 243—248.

[3]) Этимъ формуляромъ, безъ сомнѣнія, пользовался авторъ некролога Вербицкаго въ „Харьк. Губ. Вѣд.“ 1859 г., № 32.

[4]) Въ прошеніи, составленномъ Каразинымъ, говорится о несчастномъ положеніи изгнанника, „на седьмомъ десяткѣ своихъ лѣтъ, претерпѣвшаго униженіе и нищету“ съ женою и двумя дѣтьми отъ первой жены. На другомъ прошеніи надпись рукою В. Н. Каразина: „Она получила 150 рублей пенсіи отъ императрицы“.

[5]) Переписка кн. Голицына съ Карнѣевымъ въ „Рус. Арх.“ 1893 г., т. II 129 стр.

десятилѣтній возрастъ, но вскорѣ уступилъ, а въ мартѣ слѣдующаго 1817 г. былъ уже назначенъ попечителемъ. Князь Голицынъ хорошо зналъ новаго попечителя еще ранѣе; оба они были мистиками, оба, повидимому, сходились во взгядахъ на многіе предметы. Карнѣевъ былъ даже нѣкоторое время вице-президентомъ Библейскаго Общества. Въ XVIII в. онъ былъ предсѣдателемъ масонской ложи въ Орлѣ. Однимъ изъ первыхъ его дѣлъ по пріѣздѣ въ Харьковъ было внесеніе внѣшняго благочестія въ школу: аккуратное посѣщеніе церковныхъ службъ, чтеніе библіи, въ частности Евангелія, толкованія ихъ — были обязательны для студентовъ. [1]) Какъ руководство при толкованіяхъ было имъ рекомендовано сочиненіе его племянника Е. В. Карнѣева, повидимому имѣвшаго сильное вліяніе на дядю. До нѣкоторой степени можно сравнить Карнѣева съ двумя другими дѣятелями министерства Голицына: Руничемъ, попечителемъ С.-Петербурскаго округа и Магницкимъ,—Казанскаго. Всѣмъ имъ казалась опасной философія, лѣтъ черезъ 20—25 совсѣмъ изгнанная изъ русскихъ университетовъ. Реформы, произведенныя въ Казанскомъ университетѣ Магницкимъ, казались Карнѣеву вполнѣ желательными. По ихъ образцу онъ желалъ преобразовать и Харьковскій университетъ; предлагалъ даже въ директоры университета своего ближайшаго сотрудника „старшаго письмоводителя“ Подвысоцкаго. Назначеніе чиновника канцеляріи попечителя первымъ лицомъ въ университетѣ было мотивировано имъ тѣмъ, что ректоръ Джунковскій слишкомъ обремененъ дѣлами. [2]) (Къ счастью, это предложеніе его не имѣло успѣха. Кн. А. Н. Голицынъ довольно подробно сообщалъ Карнѣеву о борьбѣ Рунича съ свободомысліемъ профессоровъ и о разгромѣ имъ С.-Петербургскаго универтитета. [3]) О мистицизмѣ Харьковскаго попечителя прекрасно свидѣтельствуетъ переписка его съ извѣстнымъ А. Ф. Лабзинымъ. [4])

Не думаемъ, чтобы письма Каразина къ министру Внутреннихъ дѣлъ В. П. Кочубею могли имѣть какое либо практическое значеніе. Спустя два года послѣ него, по просьбѣ З. Я. Карнѣева, его замѣстителемъ былъ сдѣланъ племянникъ Е. В. Карнѣевъ, на книгу котораго такъ сильно нападалъ Каразинъ.

Рукопись печатаемыхъ нами документовъ писана рукою писца; рукою же Каразина сдѣланы незначительныя измѣненія, а также двѣ приписки. Первая передъ предложеніемъ попечителя: „Письмо это осталось неотправ-

---

[1]) И. П. Щелковъ. Изъ исторіи Харьков. универ.—въ „Журн. Мин. Народн. Просв.“ 1890 г. № 10.

[2]) Р. Арх. 1893 г., т. II, 132.

[3]) Р. Арх. 1893 г, т. II, 130.

[4]) Р. Арх. 1892 г., № 12.

леннымъ, ибо оба приложенія къ нему вручилъ я графу Виктору Павловичу Кочубею сказавъ ему въ кабинетѣ почти все то же, что въ семъ письмѣ содержится". Циркулярное предложеніе Карнѣева въ свое время (1819 г.) было, конечно, напечатано [1]); переиздать его считаемъ полезнымъ для уясненія замѣчаній Каразина.

А. Лященко.

Императорскому Харьковскому Университету.

Господинъ Министръ Духовныхъ дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія въ предписаніи своемъ ко мнѣ изъяснилъ, что въ числѣ сочиненій студентовъ Харьковскаго Университета, читанныхъ съ одобренія Словеснаго Отдѣленія 30 іюня 1817 года въ видѣ экзамена въ семъ отдѣленіи и напечатанныхъ въ университетской типографіи, замѣчено вообще весьма несправедливое понятіе касательно средства къ возстановленію падшаго человѣческаго естества, исправленію нравственности и улучшенію сердца, каковымъ средствомъ представляется вообще *философія*; хотя въ иныхъ мѣстахъ и говорится, что философія должна быть основана на религіи, но сіе токмо какъ бы мимоходомъ, и однимъ словомъ токмо о *религіи*, не упоминая о необходимомъ средствѣ спасенія, представляемомъ намъ въ Евангеліи и вообще въ ученіи Христіанскомъ. Такъ, въ разсужденіи студента Склабовскаго объ испорченности природы человѣческой и о помощи, какую доставляетъ намъ истинная философія къ поправленію оной первая половина матеріи обдумана и представлена довольно основательно; но вторая, какъ выше сказано, утверждается прямо на философіи и свѣтѣ ея. Все сіе свидѣтельствуетъ, какими мнѣніями наполняются умы юныхъ воспитанниковъ, и сколь много отвлекаются они тѣмъ отъ настоящей цѣли человѣку предпоставленной.

Соображаясь съ симъ предписаніемъ его сіятельства, обязанностію поставляю напомнить Университету и всѣмъ ввѣреннымъ надзору моему Учебнымъ мѣстамъ, предложеніе мое отъ 19 мая прошлаго 1817 года, № 41 при вступленіи въ должность Попечителя, о введеніи слова Божія, преданнаго намъ въ Священной Библіи, въ обыкновенное чтеніе и особливо Новаго Завѣта, что сколь при обозрѣніи моего Учебнаго Округа я замѣтилъ вездѣ почти и исполняется съ пользою для учащихся.

Сдѣланное его сіятельствомъ замѣчаніе должно обратить общее всѣхъ вниманіе, что вообще *философія* недостаточна въ средствахъ къ возстановленію падшаго человѣческаго естества, исправленія нравственности, и улучшенія сердца безъ понятія Евангельскаго и вообще христіанскаго ученія; поелику же упомянутыя рѣчи говорены студентами съ одобренія Словес-

---

[1]) См. также вышеназванную ст. г. Щелкова, стр. 371—374.

наго Отдѣленія еще 1817 года 30 іюня, то есть при началѣ моего вступленія въ должность, когда только что начали студенты читать Священное писаніе и слушать изъясненіе Новаго Завѣта; то и не удивительно, что умы юныхъ воспитанниковъ, бывши наполнены одними философскими мнѣніями, могли отвлекаться отъ настоящей цѣли, человѣку предпоставленной. Теперь же при благодати Господней, я надѣюсь, что свѣтъ Евангельскій и духъ христіанства, пріобрѣтаемый чтеніемъ Слова Божія, единаго животворящаго сердца на добрыя дѣла и просвѣщающаго умы къ познанію превыспренной вѣчной истины, откроютъ имъ слабость оной умственной философіи, противу силы свѣта Евангельскаго, ежели токмо господа учащіеся станутъ наблюдать средства, ниже положенныя.

Первое и главное средство къ познанію истины христіанской есть прилежное чтеніе Библіи, состоящей въ Ветхомъ и Новомъ Завѣтѣ, яко животворящаго Слова Божія; принимая сію Священную книгу не за плодъ разума человѣческаго, который въ падшемъ своемъ состояніи безъ освѣщенія духомъ Божіимъ никогда не можетъ воспарить къ превыспренной истинѣ христіанской, но за вдохновенное Патріархамъ, Пророкамъ и Апостоламъ слово вѣчныя жизни, котораго были они достойными по чистому сердцу и покорному вѣрѣ уму и единственными орудіями въ рукѣ вся сотворшаго, вся сохраняющаго Бога Слова, такъ что онъ столько же ежеминутно занимается и жребіемъ каждаго честнаго человѣка, какъ и всѣмъ вообще родомъ человѣческимъ: ибо столько возлюби Богъ міръ, яко и Сына своего единороднаго, то есть Бога Слова (плотію бывшее) далъ есть, да всякъ вѣруя въ него не погибнетъ, но имать животъ вѣчный.

Священная Библія съ первой главы Бытія до послѣдней Апокалипсиса учитъ не только познанію начала, продолженія и конца вселенной нами обитаемой, но и паче познанію человѣка, яко верховнаго дѣла рукъ Божіихъ; первое въ невинномъ его состояніи въ раю, потомъ въ падшемъ его состояніи, въ которомъ всѣ мы рождаемся на земли, и наконецъ, въ возстановленіи нашемъ чрезъ искупленіе Бога Слова бывшаго плотію.—Въ ней показаны въ книгахъ Моисеевыхъ и Пророческихъ и бѣдность нашего глубокаго паденія, почему отъ юности всѣ мысли и желанія наши клонятся ко злу, и средства—возстановленія въ Патріаршескихъ и Пророческихъ писаніяхъ—предостерегательныя и наставительныя, а въ Евангельскомъ ученіи—дѣйствительныя; ибо обѣтованный прежде Спаситель пришествіемъ своимъ во плоти показалъ намъ образъ жизни, какую должны мы вести въ мірѣ, когда чрезъ живую вѣру Слову Его, вѣчно глаголющему и внѣ насъ и въ сердцѣ нашемъ, слѣдуемъ Божественному его ученію.

Почему и чтеніе Слова Божія не должно дѣлаться подобно чтенію обыкновенныхъ книгъ разума человѣческаго, но съ великимъ пріуготовленіемъ

сердца и разума, испрашивая прежде во внутренней молитвѣ—сердца чистаго и разума праваго, дабы первое оживотворено было любовію къ Богу, а разумъ покоренъ свѣту вѣры, пока раскроется въ немъ духъ истины, котораго Іисусъ Христосъ по вознесеніи одесную Отца послалъ Апостоламъ, и котораго посылаетъ и нынѣ всѣмъ просящимъ Его отъ чистаго сердца. Тогда всѣ толки и умствованія философическія, противныя библейскому ученію, сами собою падутъ и уничтожатся.

Пока же учащій или учащійся чрезъ непрестанную молитву и чистую жизнь можетъ стяжать Духа Божія, есть другое вспомогательное средство, а именно писанія Святыхъ Отцевъ и Богомъ просвѣщенныхъ мужей, особливо въ прошедшемъ столѣтіи открывшихся, которые до основанія испровергаютъ лжеученіе философское неоспоримыми доказательствами и изъ Слова Божія, и изъ внутренняго познанія поврежденнаго паденіемъ естества человѣческаго. Таковы суть книги „Божественная Философія“ и „Христіанская Философія“, и прочія сочиненія изданныя на россійскомъ языкѣ и извѣстныя г. ректору и профессорамъ словесности, соразмѣрныя понятію учащихъ и учащихся, и высокому, и посредственному и, которыя, по мѣрѣ успѣха учениковъ, могутъ сообщаемы быть отъ учащихъ учащимся.

Сіи два средства при наблюденіи благочестія первыхъ познаній Закона Божія, христіанскаго благоговѣнія во храмахъ Божіихъ и сохраненія строгой нравственности, могутъ въ умахъ юныхъ воспитанниковъ поселить живую вѣру къ Слову Божію, освѣтить ихъ Духомъ Божіимъ, разогнать мракъ философскаго заблужденія, основаннаго на кичливости разума и поселить въ сердцѣ христіанскія добродѣтели чрезъ приведеніе Божественнаго ученія въ исполненіе и чрезъ послѣдованіе Христову образу жизни во время осажденія Его на земли; ибо по непреложному Слову Его „не всякъ глаголай ми, Господи, Господи, внидетъ въ Царствіе Небесное, но творяй волю Отца Его, иже есть на небесѣхъ“, который всѣмъ человѣкамъ хощетъ спастися и въ разумъ истины пріити.

Предлагая сіи средства по волѣ г. Министра Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія къ непремѣнному исполненію Университета, препоручаю разослать списки съ сего предложенія во всѣ гимназіи, сдѣлавъ отъ себя и деректорамъ и учителямъ внушеніе, дабы всѣ науки имѣли основаніемъ первый сей *краеугольный камень*. Г. ректоръ университета и прочіе г.г. профессоры, по извѣстному просвѣщенію и нравственности, безъ сомнѣнія, обратятъ особенное вниманіе на сей толико важный предметъ и при наставленіи юношества не упустятъ изъ виду всего того, чего ожидаетъ отъ нихъ верховное начальство.

Подлинное подписалъ Попечитель Захаръ Карнѣевъ.

№ 59 Генваря 25, 1819 года.

Сіятельнѣйшій Графъ,

Милостивый Государь!

Исполняя волю Вашего Сіятельства, я вчера хотѣлъ имѣть честь лично вручить предложеніе г-на Карнѣева, къ коему я пріобщилъ и выписку изъ рекомендуемой имъ всѣмъ воспитанникамъ училищъ и вообще всѣмъ упражняющимся въ просвѣщеніи себя и другихъ книги *Философіи Божественной*. А такъ какъ пробѣгая мою выписку, Ваше Сіятельство, можетъ статься, не повѣрили бы съ строгой сообразности съ книгою, то я приносилъ и сію послѣднюю *печатную*, въ подлинникѣ. Выписки сдѣлалъ я не болѣе одного листа умышленно, дабы не отяготить Васъ. Но уже сей листъ, сдѣлайте милость, прочтите! Я взялъ только изъ первыхъ двухъ частей, которыя однѣ читалъ я *мѣстами*, ибо на прочтеніе всѣхъ шести потребно желѣзное терпѣніе. Неугодно ли взглянуть еще на двѣ прилагаемыя картинки, заимствованныя изъ другой подобной книжки, также рекомендуемой попечителемъ, подъ заглавіемъ: *Зеркало внутренняго человѣка*, напечатанной здѣсь, въ С.-Петербургѣ, въ прошедшемъ году...

Словомъ, мы переселяемся добровольно и *всѣми силами* въ вѣка самаго мрачнаго суевѣрія и невѣжества. Въ нынѣшнемъ вѣкѣ это *все* не можетъ имѣть другого дѣйствія, какъ сдѣлавъ Религію и Правительство смѣшными, умножить вольнодумцевъ и развратныхъ людей. Ради Бога войдите въ это!... Если иначе нельзя обратить на столь важный предметъ вниманіе Государя, конечно самаго благомыслящаго, самаго усерднаго любителя отечества и общаго добра, то *не пожалѣйте меня*: представьте мои бумаги, сказавъ только, что онѣ къ Вамъ доставлены вслѣдствіе разговоровъ въ разное время, которыхъ Вы меня удостоили. Прибавьте къ этому слова два, которыя бы показали Его Величеству, что Вы меня дурнымъ человѣкомъ не разумѣете, хотя нѣкогда могли почитать легкомысленнымъ, пылкимъ. За благодѣянія и гнѣвъ я иначе не умѣю и никогда не умѣлъ платить Ему, къ которому (со слезами пишу это, графъ!) я душевно привязанъ, какъ жертвуя собою для общаго добра *совершенно*, безъ всякихъ оглядокъ. Простите!... Въ субботу вѣроятно представлюсь Вашему Сіятельству, пребывая по жизнь съ глубочайшимъ почтеніемъ и преданностью Вашимъ и проч.

Апрѣля 16-го 1820 года.

Въ семъ *предложеніи* Харьковскому университету г. попечителя З. Я. Карнѣева, разосланномъ (какъ изъ окончанія онаго видно) во всѣ гимназіи округа, повелѣно и прилежнѣйше наблюдать, чтобы *всѣ* науки имѣли его основаніемъ, какъ *первый краеугольный камень*. Въ немъ яко *вспомога-*

тельное средство къ образованію учащагося юношества предлагается сочиненіе подъ названіемъ *Божественной Философіи* въ шести частяхъ въ осьмую долю листа, переведенное и изданное на собственномъ иждивеніи племянникомъ г-на попечителя Е. В. Карнѣевымъ въ Москвѣ: которое, по словамъ Его П—ва, соразмѣрно понятію учащихъ и учащихся, и высокому и посредственному. Чтобы судить о семъ сочиненіи, не употребляя времени сколько онаго нужно на прочтеніе двухъ тысячъ страницъ, по крайней мѣрѣ довольно привести изъ него нѣсколько мѣстъ. Подъ симъ онѣ выписаны съ строжайшею точностію изъ литеры въ литеру:

Тома I-го въ главѣ третьей „*О происхожденіи разума?*" и проч., на страницѣ 79-й находится слѣдующее опредѣленіе разума: „Разумъ есть добрый смыслъ человѣка: онъ есть приливъ обыкновенныхъ мыслей въ слѣдствіе того, что передали ему чувства, воспламенившія, возбудившія, приведшія въ движеніе внутреннюю его плодотворность въ отношеніе къ тому, что они ему передали; сія же внутренняя плодотворность есть звѣздная, есть звѣздный духъ или воспламененіе его, то есть свѣтъ, подобный свѣту, освѣщающему звѣзды и дѣлающими ихъ свѣтлыми, свѣтъ, освѣщающій тончайшую точку ума"... Послѣ сего, кто не согласится, что такое изложеніе, *соразмѣрное понятію учащихъ и учащихся*, должно замѣнить обыкновенную философію, которую г. попечитель желалъ вовсе уничтожить, называя ее ложною и недостаточною?...

Въ главѣ седьмой *о различныхъ родахъ магій и о притягательныхъ силахъ святыхъ, злыхъ и смѣшныхъ* (!!) На стр. 116. опредѣленіе магіи: „Слово магія въ самомъ общемъ своемъ значеніи можетъ принято быть въ добромъ и зломъ смыслѣ. Она есть притягательная сила, пружина, приводящая въ движеніе или сверхъестественную или нижнюю область: сила или власть сокровенная, дѣйствующая или на духовъ или на тѣла и слѣдственно на всѣ слои воздуха, отъ самаго первоначальнаго, дѣйствующаго съ наибольшею силою, до грубѣйшаго, дѣйствующаго съ наименьшею силою"... Далѣе на стран. 120-й: „И такъ есть магія божественная, магія ангельская, чистая безъ примѣси магія естественная, магія плотская, и магія единственно діавольская; но во второй и въ послѣдней, а равно и въ естественной и плотской магіи, могутъ быть смѣшенія". Тоже перваго тома во второй книгѣ, въ главѣ 4-й, на стр. 192-й, говоря о истинной нравственности, „Христіанину потребно нѣчто совсѣмъ другое, нежели сія низшая нравственность, потребно таинство Іисуса Христа и сила Его, въ Немъ пресуществившаяся: потребенъ Духъ Его, которой бы измозжилъ, распялъ ветхаго человѣка, и на развалинахъ его поставилъ бы человѣка новаго, какъ то въ послѣдствіи видно будетъ. Къ достиженію сего что могутъ разсужденія логики, измѣренія математическія или астрономическіе

телескопы?..“ Авторъ занимаетъ три главы въ семъ мѣстѣ, кромѣ другихъ, о злоупотребленіяхъ или опасностяхъ, отъ наукъ происходящихъ. Тѣмъ неменѣе, далѣе, въ главѣ пятой, покушается изъяснить, какъ дѣлаются чудеса по крайней мѣрѣ нынѣшнія (о которыхъ мы не знаемъ) помощію наукъ. Вотъ какъ онъ глубокомысленно разсуждаетъ: и чтоже касается до чудесъ, то онѣ производятся не посредствомъ высочайшей, превыспренной и побѣдоносной силы чистаго духа Божія, но посредствомъ невѣроятной силы кореннаго воздуха *Эфира*. Ибо всякому извѣстно, что чѣмъ болѣе воздухъ первоначаленъ, тѣмъ болѣе онъ *упругъ* и можетъ дѣйствовать и имѣть вліяніе на всѣ нестолько тонкіе и движущіеся слои воздуха, дѣйствуя чрезъ таковое сотрясеніе и на самую *физику*.“ (!) См. стр. 305.

Но довольно о сумасбродствѣ сего сочиненія. Скажемъ нѣчто о противности его религіи, исповѣдуемой въ нашемъ отечествѣ. Въ предувѣдомленіи сочинитель онаго швейцарецъ *Дютоа* (Du toy?) представляется не только святымъ, но праведникомъ, превышающимъ всѣхъ чтимыхъ нашею церковью угодниковъ Божіихъ. Ибо кто изъ нихъ могъ спасать *умершихъ уже* грѣшниковъ. А сіе ему, сверхъ другихъ чудесъ, о которыхъ издатель повѣствуетъ, приписывается на стр. 12 и 13. Какая то знатная женщина, большая грѣшница, умерла де въ Лозаннѣ. Тѣло ея было вынесено въ церковь. (Отсюда начинаются подлинныя слова книги:) „Дю-тоа возъимѣлъ непреодолимое желаніе увидѣть усопшую. По настоятельной просьбѣ его, открытъ ему былъ гробъ ея. При воззрѣніи на бездыханное тѣло, сердце его возрыдало о томъ состояніи, въ какомъ находилась душа отъ него отлучившаяся. Онъ представилъ себя за нее жертвою, возжелалъ возвергнуть на себя грѣхи ея и удовлетворить за нее Божіему правосудію. И рука Вышняго на немъ отяготѣла. Милосердіе отступило отъ него: онъ ввerженъ былъ въ сѣть смертную, въ болѣзни адовы. Неизобразимое страданіе его продолжалось три дня. Исчезая отъ гнѣва Божія, онъ воззвалъ къ Богу живому, къ Богу милосердія, и изведенъ былъ изъ пещи горящей, *съ утѣшительнымъ удостовѣреніемъ, что страдавшая душа* вкусила отъ сладости райскія“... То есть, святый Дю-тоа безъ околичностей сравненъ съ Іисусомъ Христомъ, которому доселѣ Единому принадлежало страдать за грѣшниковъ и спасать изъ нихъ умершихъ, уже переселенныхъ въ адъ!... Для большаго, еще дерзновеннѣйшаго и еще соблазнительнѣйшаго сравненія со Христомъ новаго чудотворца Дю-тоа, разсказывается о его смерти изъ слова въ слово слѣдующее: „Онъ умеръ на крестѣ, окруженный нѣкоторыми изъ своихъ друзей. За два или за три дни до его смерти, онъ намъ сказалъ: Я имѣлъ нѣкоторое удовольствіе пить шоколадъ; за то я умру задохнувшись. Да будетъ воля Божія! Въ самомъ дѣлѣ съ того самаго вечера онъ не могъ уже ничего глотать. Онъ сохранилъ присут-

ствіе духа до конца, бесѣдуя о истинѣ съ одинаковою силою до самой той минуты, когда умеръ. Наконецъ наступилъ его часъ, и онъ, возведши очи къ небу и сказавъ громко: „О любовь!“ преклонилъ главу и предалъ духъ... Прошу замѣтить, что образъ предложенія тотъ самый, какъ въ Евангеліи, и что имѣли дерзость употребить тѣ же слова. Вся разность только въ томъ, что Спасителю подносили на крестѣ уксусъ, съ желчью смѣшанный, а г. Дю-тоа шоколадъ.

Подобное безуміе или лучше сказать бредъ наполняетъ всю книгу, назначенную *преимущественно и предпочтительно* для наставленія юношества (?). Напр. во второмъ т., на стр. 192—229 преподается *о крестѣ, начертанномъ во всей натурѣ*. Вотъ нѣсколько строкъ для образца (стр. 197): „Крестъ производитъ истинное добро и метафизическое зло, то есть предѣлы конечнаго существа, фигуру его, связи, качества, размѣры, окружность, способность, цвѣтъ, запахъ, прямыя его движенія, косвенныя направленія, и вообще всѣ феномены, во вселенной являющіеся и исчезающіе, и все сіе совершается чрезъ крестъ, смотря по числамъ и по сцѣпленію причинъ и средствъ и т. д... Тутъ можно бы было видѣть, какимъ образомъ на физической матеріи и въ законахъ существъ звѣздныхъ и вещественныхъ начертываются: Святая Дѣва (первородное основаніе существъ), зачатіе—образъ перваго начальнаго зародыша существъ“ и проч. и проч.

Нѣсколько замѣчаній къ греческой фонетикѣ Бругмана.

Когда Историко-Филологическое Общество, состоящее при Харьковскомъ Университетѣ, почтило меня приглашеніемъ къ участію въ его засѣданіи, у меня не нашлось не только готоваго изслѣдованія, которое я прямо могъ бы представить Обществу въ качествѣ научнаго доклада, но не было даже болѣе или менѣе приведеннаго въ порядокъ матеріала, удобнаго для обработки въ такой короткій срокъ. Потому прошу Общество не посѣтовать на меня, если я займу его вниманіе отдѣльными замѣтками, имѣющими между собою лишь ту связь, что всѣ онѣ относятся къ греческой фонетикѣ, и, быть можетъ, не лишенными нѣкотораго интереса вслѣдствіе распространенности ученій Бругмана, съ которымъ я кое въ чемъ не считаю возможнымъ согласиться.

I.

Въ § 10 Бругманъ выражаетъ мнѣніе, что долгое *а* (ᾱ послѣ ε, ι и ρ), которымъ аттическое нарѣчіе отличается отъ іоническаго, не унаслѣдовано Аттиками изъ обще-греческаго языка (т. е. эпохи, предшествующей нарѣчіямъ), а развилось у нихъ лишь впослѣдствіи уже изъ аттико-іоническаго $\bar{e}$ (η); что-же касается ᾱ въ нѣкоторыхъ случаяхъ у Гомера, какъ въ θεά, Ἑρμείας, Ἀτρείδαο, то эти формы Бругманъ считаетъ не іоническими, иначе говоря, заимствованными изъ другихъ нарѣчій. И то и другое утвержденіе, по крайней мѣрѣ, въ такой общей формѣ, не выдерживаетъ критики. Если бы аттическое ᾱ послѣ указанныхъ выше звуковъ возникло изъ $\bar{e}$ именно подъ ихъ вліяніемъ, то извѣстныя исключенія κόρη и δέρη были бы рѣшительно необъяснимы, сколько бы намъ ни указывали на ихъ до-іоническую форму κόρϜᾱ и δέρϜᾱ (или δερϜά ср. іон. δειρή). Извѣстно, что звукъ *v* (Ϝ) былъ свойственъ не только обще-греческому языку, но по распаденіи его на нарѣчія перешелъ и въ нихъ, между прочимъ и въ ту діалектическую группу, изъ которой позже обособились нарѣчія іоническое и аттическое. Въ ней обще-греческія ᾱ начали переходить въ $\bar{e}$, но этотъ процессъ еще не кончился, когда раздѣле-

ніе ея на два нарѣчія совершилось: одно изъ этихъ нарѣчій, іоническое, пошло въ этомъ направленіи дальше и превратило послѣдовательно всѣ древнія $\bar{a}$ въ $\bar{e}$, кромѣ θεά, Ἑρμείας и еще немногихъ примѣровъ, о которыхъ скажемъ ниже, а другое, аттическое, остановилось на полупути, а именно, не ограничиваясь этими исключеніями, оно, отчасти, вѣроятно, по ихъ аналогіи, сохранило обще-греческое $\bar{a}$ послѣ ε (какъ въ θεά), ι (какъ въ Ἑρμείας) и также послѣ ρ, самаго, такъ сказать, гласнаго изо всѣхъ согласныхъ звуковъ. Звукъ *v* перешелъ и въ аттическое нарѣчіе, какъ видно напр. изъ κενότερος и στενότερος (съ ο, а не ω), а потому κόρϜᾱ и δέρϜᾱ должны были въ немъ, какъ и въ іоническомъ, принять видъ κόρϜη и δέρϜη, откуда впослѣдствіи правильно κόρη и δέρη, какъ κόῤῥη изъ κόρση [1]). Но чѣмъ-же обусловлены въ іоническомъ нарѣчіи или, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ его говорахъ исключенія въ родѣ θεά? Это, во первыхъ, отдѣльныя слова— θεά, λᾱός, λᾶας, Ερμείας, Ποσειδάων, Μαχάων и нѣкоторыя другія имена съ тѣмъ-же окончаніемъ, ἑανός (прилаг.: который можно надѣть), во вторыхъ род. пад. един. ч. на -ᾱο и род. мн. ч. на -ᾱων. Зіяніе въ греческихъ словахъ, кромѣ нѣкоторыхъ случаевъ послѣ *i*, неизмѣнно происходитъ отъ выпаденія дыхательнаго звука (спиранта)—*v* или *s*, или же неслоговаго *i* ($\underset{\frown}{i}$). Изъ нихъ *v* исчезъ только въ отдѣльныхъ нарѣчіяхъ, да и то не во всѣхъ, а *s* и $\underset{\frown}{i}$ между гласными еще въ обще-греческомъ ослабѣли до степени дыханія (spiritus asper), впрочемъ $\underset{\frown}{i}$ только послѣ долгой гласной, какъ и впослѣдствіи, уже въ началѣ вымиранія древнихъ нарѣчій, ι заглохла въ ᾳ, ῃ и ῳ. Во всѣхъ перечисленныхъ примѣрахъ древняго *a*, удержавшагося въ іонійскомъ нарѣчіи Гомера, мы находимъ выпаденіе именно звуковъ *s* и $\underset{\frown}{i}$: θεά, по объясненію Ф. Ѳ. Фортунатова, отъ корня θεσ- ср. θέσ-φατος, θέσ-κελος и т. п., лат. $\bar{f}$estus, $\bar{f}$eriae (сильная форма корня) и fas, ne-fas-tus (слабая), скр. d'is̥- въ d'is̥ān$\bar{a}$ „разумъ, духъ", d'is̥nya „благочестивый" и т. п.; Ἑρμείας давно сопоставлено съ ведійскимъ S$\bar{a}$rameya-s, и различіе въ представленіи того и другого божества едва-ли можетъ оказаться важнѣе звукового сходства; Αἰνείας и Αὐγείας образованы, по всей вѣроятности, такъ - же (...e-$\underset{\frown}{i}\underset{\frown}{i}$as?); Ναυσικάα—, конечно не отъ καυ- (καίω), а скорѣе отъ kas- (откуда скр. çasati „рѣжетъ", лат. cas-tro, греч. κε-άζω); ἑανός отъ корня ἑσ- (ἐσ-θής), индоевр. ves- „одѣвать" (лат. ves-tis и т. п.); происхожденіе словъ λᾱός, λᾶας [2]), Μαχάων (Λυκάων и т. п.) неясно, но каково бы оно ни было,

---

[1]) Отсюда ясно, что δέρη не можетъ происходить изъ *δέρση, что̀ допускаетъ еще Г. Мейеръ § 48 во второмъ изданіи своей грамматики. Іоническое δειρή предполагаетъ также только *δερϜή. Что Лезбійцы говорили δέρα, а не δέρρα, видно изъ стиха Алкея 36 В., а ποικιλόδειροι у него-же 84 В., вмѣсто чего Шнейдевинъ поставилъ ποικιλόδερροι, основано, можетъ быть, на подражаніи эпическому языку.

[2]) Можетъ быть, λαός отъ корня las- „показываться, возникать" (съ этимъ значеніемъ въ санскритѣ только причастіе lasant-, а прочія формы отъ vi-las-), λᾶας ср. вед. l$\bar{a}$ya-s,

можно, кажется, признать несомнѣннымъ, что исчезнувшій спирантъ былъ не *v*, потому что въ противномъ случаѣ *ā* измѣнилось бы въ *ē* во всѣхъ іонійскихъ говорахъ, не исключая того, который лежитъ въ основѣ гомеровскаго языка (ср. напр. νηός, род. отъ ναῦς или νηῦς, Παιήων и др.) [3]); въ родит. пад. на -āo и въ глагольныхъ формахъ πεινάων, διψάων, ἀναμαιμάει (у Гомера), ἀμάειν (у Гесіода) выпало несомнѣнно i̯, а въ род. на -άων—*s*. Примѣры, противорѣчащіе этимъ условіямъ сохраненія *ā*, едва-ли найдутся. Правда, іоническое πηός „родственникъ" (дор. πᾱός) Фрёде у Бецценбергера въ Beiträge VIII 164 считаетъ утратившимъ *s*, который онъ находитъ въ *r* латинскаго pāricīda; но если даже вѣрно это правописаніе, а не parricida, отчего же не сопоставить πηός съ παῖς (изъ πάϜις), скр. pu-tra, лат. puer? тогда получится то, что и должно получиться—πηϜός съ η, а не съ α. Выпаденіе *s* предполагается и въ ναός, эол. ναῦος, іон. νηός (отъ ναίω, аор. ἐ-νάσ-θην), и это возможно, но лишь подъ тѣмъ условіемъ, что первоначальная форма была nāsu̯ós (какъ дор. ἀ̄ώς, эол. αὔως, іон. ἠώς изъ āusōs) съ обратнымъ расположеніемъ звуковъ, но съ тѣмъ-же результатомъ. Въ Ἰάονες если что выпало передъ α, то ужь конечно не *v*, а вѣроятнѣе всего, что въ этомъ мѣстѣ слово не потерпѣло никакой утраты: ср. евр. yāvān „Греція"

по Грасману, etwa Geschosz. Въ одной пелопоннесской надписи (1466) встрѣчается Λαυαγήτα, очень странное въ виду безспорно дорическаго λαγέτας. Впрочемъ вѣдь эпиграфически переданы намъ и Ϝότι и род. ΤλασίαϜο наперекоръ этимологіи, доказывающей въ обоихъ случаяхъ наличность i̯. ΛαϜοκόϜων, приводимое Присціаномъ, ничего не доказываетъ: примѣръ вѣренъ, потому что дигамма вѣрна во второмъ случаѣ, а потому въ первомъ она для цѣли грамматика излишня; но что за авторитетъ Присціанъ для древнѣйшаго греческаго языка? Во всѣхъ этихъ случаяхъ одно изъ двухъ: или ошибка или діалектическая особенность выговора, состоящая въ уничтоженіи зіянія передъ *о* посредствомъ вставки *v*, какъ въ нашихъ *Левонъ* (Λέων), *Ларивонъ* (Ἱλαρίων), *яворъ* (Ahorn), лат. Argivus, раньше Argivos (Ἀργεῖος изъ Argés-i̯o-s) и т. п. При λᾶας есть λεύω, но разница въ гласной заставляетъ отдѣлять эти слова одно отъ другого.

[3]) При разборѣ именъ на -άων едва-ли слѣдуетъ принимать въ разсчетъ ΠοτειδάϜων: Ϝάνακτι въ коринѳской надписи: Коринѳяне говорили Ποτειδᾶν и Ποτιδᾶν, а потому въ гомеровской формѣ могли возстановить спирантъ неправильно. Ἀλκμαίων еще не порука за то, что передъ -άων выпало именно i̯, такъ какъ это имя могло-бы, пожалуй, образоваться изъ какого-нибудь ἈλκμαίϜων: со звуковой стороны ничто не препятствуетъ предположенію такой формы. Вѣроятнѣе однако-же, что суффиксъ этихъ именъ былъ дѣйствительно -i̯ōn, и вотъ почему: они произведены, повидимому, прямо отъ основъ на -ā (Μαχάων отъ μάχᾱ, Λυκάων отъ *λύκᾱ ср. ἀμφι-λύκη, Ἀλκμάων при Ἀλκμά-να ср. ἄλκιμος и т. п.), а суффиксовъ -sōn или -vōn (безъ ударенія) нѣтъ. Вѣроятно, поэтому Фиккъ въ Göttingische gelehrte Anzeigen 1894 (III) стр. 242 предполагаетъ, что всѣ слова на -άων содержатъ въ себѣ das Nomen ἄϜων „gesellt, Genosse", ничѣмъ однако не подтверждая этого объясненія. Первоначальное -āi̯ōn измѣнилось затѣмъ двояко: большею частію i̯ обратилось въ дыханіе и потомъ выпало, иногда же āi̯ переходило въ трехморную двоегласную āi, которая позже сократилась; отсюда съ одной стороны Ἀλκμάων (далѣе Ἀλκμέων, какъ λεώς изъ λᾶός и т. п.), съ другой—Ἀλκμαίων.

(собств. Іонія), bene̱y ha-yye̱vānīm „Греки“ (собств. сыны Іонянъ), скр. yavana „Грекъ, греческій“. И такъ ᾱ сохранялось аттико-іонической разновидностью греческаго языка во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно издревле находилось въ соприкосновеніи съ другой гласной, съ которой бы стороны это соприкосновеніе ни происходило, и также, судя по аттическому нарѣчію, послѣ ρ, какъ звука, наиболѣе близкаго къ гласнымъ. Аттическое нарѣчіе остановилось по отношенію къ ᾱ какъ разъ на этой ступени, т. е. удержало всѣ ᾱ въ древнемъ зіяніи (считая ρ за гласную), какъ въ разсмотрѣнныхъ выше примѣрахъ, такъ и въ такихъ, каковы καρδία, πτελέα, ταμίας, ἀγορά, ἰάσομαι, πειράσω, κρατήρ, πιπράσκω и т. д., и, можетъ быть, уже по аналогіи, νεανίας изъ νεϝανίας, потому что примѣровъ η послѣ ε не оказывалось (кромѣ βασιλέης, если только въ то время Аттики не говорили еще βασιλῆες); іоническое нарѣчіе въ древнѣйшую эпоху, какъ она представлена эпическимъ языкомъ, оставило аттико-іоническое ᾱ неизмѣненнымъ тамъ, гдѣ оно стояло внѣ аналогіи другихъ ᾱ, уже перешедшихъ въ η, а гдѣ вліяла эта аналогія, вездѣ явилось новѣйшее η, напр. κραδίη, πτελέη, ἀγορή (какъ πνοή изъ πνοϝή, ψυχή, и т. п.), ταμίης (какъ ἱκέτης), πειρήσω (какъ τιμήσω), νεηνίης (гдѣ первое η вѣрно съ точки зрѣнія аттико-іонической фонетики, если, конечно, ϝ въ этомъ словѣ не пропало очень рано), также ἀληθείη и т. д. (не изъ ἀλήθειᾰ, разумѣется, а изъ параллельнаго аттико-іоническаго ἀληθείᾱ).

Едва-ли нужно прибавлять во избѣжаніе недоразумѣній, что это изслѣдованіе касается только долготы обще-греческой. У Гомера найдутся и другіе примѣры ᾱ, независящаго отъ аттико-іоническаго стяженія или протяженія, отчасти передъ ϝ, но это ᾱ новое или даже явившееся въ нашихъ рукописяхъ Гомера по винѣ аттическихъ переписчиковъ, какъ въ ᾱενάοντα, δᾱήρ вм. αἰ(ϝ)ενάοντα, δαι(ϝ)ήρ и, вѣроятно, въ ᾱΐσσω, если оно вмѣсто αἰ(ϝ)ίσσω, а въ ᾱείδω при ἀείδω, Ἄιδος при Ἀΐδαο и т. д., φᾱεα при φάος, оно можетъ быть, объясняется вліяніемъ азіятскихъ Эолянъ, вокализовавшихъ ϝ между гласными (αὐείδω), но, какъ бы то ни было, на общемъ іоническомъ фонѣ гомеровскаго нарѣчія, представляетъ собою, очевидно, болѣе произволъ стихотворца, нежели черту его родного языка.

II.

Въ § 12 Бругманъ различаетъ j и i̯ только въ началѣ словъ, какъ ζυγόν—скр. yuga-m (отъ корня yuj, причастіе прош. страд. yukta, и ἅγιος—кр. корень yaj (причастіе прош. страд. iṣṭa). Но эти звуки различаются и въ серединѣ словъ, а именно:

1) Между гласными j (можетъ быть, только послѣ i) даетъ по-гречески δ, какъ ἔρι-δ-ος изъ ἔρι-j-ος отъ основы ἐρι-, которая является безъ ослож-

неній въ вин. ед. ἔρι-ν [4]), а i̯ въ такомъ положеніи послѣ долгой гласной, какъ мы видѣли, пропадаетъ (прошедъ, вѣроятно, черезъ густое дыханіе, какъ въ началѣ слова), почему и τιμάω, звучавшее нѣкогда tīmaiō (отъ τιμά); но послѣ краткой гласной i̯ сохраняется въ видѣ ι по нарѣчіямъ болѣе или менѣе долго, составивъ съ предшествующей гласной двоегласную, однако потомъ большею частію также пропадаетъ, напр. χρύσειος, позже χρύσεος, наконецъ, у Аттиковъ, даже χρυσοῦς, а по аналогіи такъ-же téles-i̯o-s — téleh i̯ os — τέλειος становится τέλεος, какъ и teles-i̯-ō черезъ teleh i̯ ō, τελείω, τελέω доходитъ у Аттиковъ до τελῶ.

2) Послѣ носовыхъ и *r* въ обще-греческомъ языкѣ j удерживается въ качествѣ самостоятельнаго звука, хоть, можетъ быть, не какъ j, а напр. какъ h (ʽ). Это видно изъ того, что азіятскіе Эоляне (Левбійцы) прибѣгали въ этихъ сочетаніяхъ къ уподобленію, напр. κτέννω, φθέρρω (какъ πέρροχος съ позднѣйшимъ j, образовавшимся изъ ι уже въ этомъ нарѣчіи), а прочіе Греки—къ протяженію предшествующей гласной, и притомъ, что̀ еще яснѣе указываетъ на сравнительную новость этого процесса, каждое нарѣчіе протягиваетъ ее по своему: атт.-іон. κτείνω (съ ει не двоегласнымъ, а = ē закрытому), дор. κτήνω (? не засвидѣтельствовано), атт.- іон. φθείρω (съ ει = ē), дор. φθήρω. Тѣ-же самыя измѣненія и въ слабомъ аористѣ такихъ глаголовъ (съ сильной формой корня), что̀ говоритъ въ пользу предположенія, что въ эпоху доисторическаго единства Грековъ j въ такомъ положеніи звучалъ какъ h, такъ какъ ἔκτεινα и ἔκτεννα сводятся къ éktenha изъ éktensa. Примѣровъ *m*+j, кажется, нѣтъ: отъ корней на *-m* съ сильной гласной настоящее производится, по видимому, безъ помощи постороннихъ звуковъ: γέμω, δέμω νέμω, а τέμνω занимаетъ особое положеніе не только въ виду іон. и дор. τάμνω (какъ κάμνω), но и потому, что гласная ε проникаетъ у Аттиковъ и въ сильный аористъ—ἔτεμον. Что-же касается i̯, то отъ сочетанія его съ предшествующимъ носовымъ звукомъ или съ *r* возникаетъ эпентеза во всѣхъ нарѣчіяхъ, изъ чего слѣдуетъ, что такъ было уже въ обще-греческомъ языкѣ: ὀνομαίνω, μέλαινα, χαίρω, μοῖρα, и, такъ какъ *m* переходитъ при этомъ въ *n*, βαίνω (изъ g^um̥ - i̯ - ō со слоговымъ *m*), χλαῖνα (ср. χλαμύς). При ι и υ эпентеза замѣняется долготой: ὠδίνω (глаголъ отъименный), Αἴγῖνα, εὐθύνω, εὔθῦνα, οἰκτίρω, γέφῡρα. Если передъ носовой есть еще другая согласная, i̯ пропадаетъ совсѣмъ, и окончаніе -i̯*a* (скр. -ī), предъ которымъ только и возможно такое столкновеніе звуковъ, узнается лишь по кратко-

---

[4]) Ἐρίζω отъ именной основы (въ большинствѣ падежей) ἐριj- уже въ видѣ ἐριδ- или ἐριγ- (ср. аор. Гомер. ἤρισσα, дор. ἤριξα): какъ δ, такъ и γ съ i̯ (признакомъ отъименнаго глагола) превращается въ ζ, о чемъ ниже. Не подчиняется общему закону δί-ζη-μαι (ср. ζᾱτέω, ζη-τέω) вслѣдствіе удвоенія (ji-jā-mai, ср. скр.корень ya-t- „стараться“, осложненный, вѣроятно, приставкой прич. страд. -to-).

сти-α: βλέννα, μέριμνα, πτέρνα, ζέρνα, σίσυρνα, μάραγνα, ἔχιδνα, τόλμα, θέρμα. Рядомъ съ πότνα есть и πότνια, и эта форма встрѣчается раньше,—можетъ быть, только случайно. Но послѣ *tr* развитіе i̯ въ слоговое *i*—явленіе обычное: ψάλτρια, Ἐρέτρια. Потому δότρια законно, а употребительное δότειρα (съ эпентезой) противорѣчитъ правилу, по которому i̯ является послѣ корня въ слабой формѣ. И такъ δότειρα образовано по аналогіи съ δοτήρ и притомъ, вѣроятно, ложной. Едва-ли нормально и лезбійское удвоеніе въ πλύννω и т. п. и также въ κλίννω и κρίννω, что было и у Θессалійцевъ, судя по κρεννέμεν. Считать такія формы болѣе древними, чѣмъ употреблявшіяся у прочихъ Грековъ πλύνω, κλίνω, κρίνω, и на этомъ основаніи видѣть въ этихъ глаголахъ присоединеніе суффикса ν къ корню на ν (стало быть, κρίν-νω), что принимаетъ и Г. Мейеръ,—дѣло сомнительное, потому что, не говоря уже о πλύ-νω, которое онъ самъ не можетъ объяснять какъ πλύ-ν(?)-νω, въ κλίνω и κρίνω корень оканчивается на ι, а ν есть уже суффиксъ, какъ видно изъ ἐκλίθην, κεκλίαται, κλιτός (скр. çrayâmi, лит. szlëjù), ἐκρίθην, κριτός (лат. cerno, crevi). Правда, онъ такъ сросся съ корнемъ, что явились κλινῶ, ἔκλινα и т. п. Въ κλίνω это срощеніе относится, повидимому, къ индо-европейской эпохѣ (ср. лат. clīnare, др.-в.-нѣм. hlinên), и этотъ глаголъ могъ повлечь къ тому-же въ отличающемся отъ него лишь однимъ звукомъ κρί-νω, какъ этотъ въ свою очередь подвижностью своего ν могъ вызвать или поддержать это свойство въ κλίνω. Долгота гласной въ обоихъ глаголахъ возникла не одинаково: въ κλίνω она можетъ быть такова-же, какъ въ лат. clino, т. е. древняя (хотя мы не знаемъ, не звучало ли это слово по-латыни первоначально cleino), а въ κρίνω она, повидимому, того-же происхожденія, какъ въ ῥίζα (которое пишутъ неправильно ῥίζα: ср. эпиграф. ῥεῖζα) отъ корня verd-, τρί-βω отъ ter- (сближеніе съ гот. thrisku сомнительно по разнымъ причинамъ), κριθή изъ g̥'rzd'a (ср. нѣм. Gerste), ῥινός отъ ver- (скр. várṇa-s „покрышка") и т. п. (см. Г. Мейера § 29, причемъ не излишне помнить, что во Ϝρίον и δρίον гласная ι сократилась только подъ вліяніемъ послѣдующей гласной). На основаніи такого происхожденія гласная корня κρι- не должна бы была сокращаться, да и въ κλι- сокращеніе какъ будто неестественно; потому κρῐ-τής, κλῐ-τός и т. п. произошли, вѣроятно, вслѣдствіе аналогіи такихъ образованій отъ корней на -ι, какъ τί-νω [5] (при τί-ω) и φθί-νω (при φθί-ω). Но въ такомъ случаѣ лезб. κλίννω и κρίννω при-

[5]) Форма τείνω выведена лингвистами слишкомъ поспѣшно изъ ἀπο-τείσει, ἀπο-τεισάτω, Τεισαμενός и др. съ σ, которыя всѣ относятся къ τίω или τείω (послѣднее, по крайней мѣрѣ, въ аркадскихъ надписяхъ). Ποινή образовано независимо отъ τίνω: ποι-νή, однако не на греческой почвѣ, какъ и σκηνή (корень skai-=ski- въ σκιά?): ср. κρή-νη, πόρ-νη, πλά-νη, τεχ-νη, ὀρφνη и т. п. съ удареніемъ на корнѣ.

дется объяснять также аналогіей все тѣхъ-же τίννω и φθίννω, какъ они звучали въ этомъ нарѣчіи (изъ τί-νϜ-ω, φθί-νϜ-ω). По всей вѣроятности, Лезбійцы говорили и ὠδίννω (вмѣсто органическаго ὠδίνω), и ὀρίννω (вмѣсто ὀρίνω), въ которомъ едва-ли можно предполагать иное образованіе, кромѣ -i̯o. Вообще аналогія играла не маловажную роль въ такъ называемыхъ verba liquida, спряженіе которыхъ въ обще-греческомъ языкѣ было неполно и шатко, особенно при темахъ на ν: въ нихъ сознаніе говорящихъ смѣшивало все болѣе и болѣе ν коренное, какъ въ κτεν- съ ν приставочнымъ, какъ въ πλυ-ν-, что повело ко вторженію этого чуждаго корню ν въ такія формы, гдѣ оно неумѣстно,—въ будущее, въ слабый аористъ дѣйствительнаго и средняго залоговъ и отчасти страдательнаго: πλυνῶ, ἔπλῦνα, πλυνθείς (чаще πλυθείς).

Полное смѣшеніе j и i̯ мы находимъ послѣ *l*, и притомъ во всѣхъ нарѣчіяхъ, — стало быть, еще въ обще-греческомъ языкѣ: то и другое сочетаніе дали вездѣ одно и то-же λλ, напр. *lj* въ στέλλω (но изъ éstelsa—éstelha вышло ἔστειλα, у Дорянъ ἔστηλα, а у Лезбійцевъ, какъ и слѣдовало, ἔστελλα), li̯ въ πάλλω (аор. ἔπηλα, у Дорянъ, вѣроятно, ἔπᾱλα, у Лезбійцевъ, опять-таки вѣроятно, ἔπαλλα изъ обще-греческаго epālha съ полуторной долготой), θύελλα, μᾶλλον, ἄλλος.

3) Послѣ взрывныхъ звуки j и i̯ также различаются, иногда очень рѣзко, но, къ сожалѣнію, на нѣкоторыя сочетанія у насъ нѣтъ примѣровъ. Во всякомъ случаѣ вѣрно то, что послѣ такъ называемыхъ гортанныхъ j превращается въ зубную, соотвѣтствующую по своимъ свойствамъ предшествующему звуку: ἰκτῖνος ср. скр. çyena, χθές ср. скр. hyas. Если πταίω дѣйствительно можно сопоставить съ скр. cyāvay- (causativum отъ cyu), мы имѣемъ примѣръ на q+j въ греческомъ языкѣ. Если ῥοῖβδος и ῥοῖζος, означающіе высокій и притомъ гудящій звукъ въ родѣ свиста, напр. отъ стрѣлъ или крыльевъ, относятся къ корню $srig^u$ или srig, откуда лат. frīgo, friguio, frigutio или friguttio „щебечу", fringilla, наше *стрижъ*, мы можемъ подтвердить естественное предположеніе, что g^u+j отражались въ греческомъ языкѣ какъ βδ. Если такъ, то g+j должно дать γδ, и примѣръ этого соединенія—γδοῦπος „гулъ, грохотъ" есть, можетъ быть, то-же, что наше *жукъ* изъ gjouqos (ср. наше *жукнуть*=пробормотать и греч. κάνθαρος въ примѣч. 18). Въ сочетаніи съ i̯ гортанныя глухія (въ томъ числѣ и g', уже обратившееся въ χ) образуютъ послѣ гласной въ большинствѣ нарѣчій σσ, у Аттиковъ и Віотянъ ττ, у Критянъ θθ: πίσσα (πίττα) изъ piki̯a (лат. pix), μαλάσσω (μαλάττω) изъ malaki̯ō, γλῶσσα (γλῶττα) изъ glóχi̯a (ср. γλωχίν), ἐλάσσων (ἐλάττων) изъ eláχi̯ōn (отъ ἐλαχύς); g+i̯—ζ, у нѣкоторыхъ Дорянъ δδ, у Лезбійцевъ σδ: ἄζομαι при ἅγιος. Своего рода загадку представляютъ собою σσ (ττ) какъ будто изъ gi̯ въ глаголахъ τάσσω, πράσσω, πλήσσω, μάσσω, σάττω, σφάττω (при σφάζω), φράσσω, κατάσσω (при ἄγνυμι), πήσσω (при πήγνυμι), ῥήσσω (при ῥήγνυμι); φρύσσω (при

φρύγω) [6]). Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ корней можно подозрѣвать измѣненіе первоначальнаго глухого звука въ звонкій (см. Г. Мейера § 197, 1) и 2), гдѣ при μάσσω можно, кажется, прибавить слав. *мочити*). Фиккъ Göttingische gelehrte Anzeigen 1894 стр. 240 подозрѣваетъ въ этихъ глаголахъ распространеніе посредствомъ -τjω (т. е., конечно, τi̯), напр. μάγ-τjω. Что касается сочетаній j и i̯ съ зубными, то въ первомъ случаѣ при τ и θ получается σσ, во многихъ нарѣчіяхъ, какъ въ аттическомъ, упрощаемое въ σ, а въ віотійскомъ и въ критскомъ переходящее въ ττ, напр. ὁπόσσος—ὁπόσος—ὁπόττος изъ hopótjos, μέσσος—μέσος—μέττος (?) изъ mét'jos (скр. mad'ya-s, осск. mefio-, гот. midjis); изъ δj—ζ, дор. δδ: χέζω, ἕζομαι, хотя нельзя не сознаться, что образованія съ ζ большею частію доставляютъ весьма сомнительный матеріалъ для различенія j и i̯. Зубныя съ i̯ даютъ тотъ-же результатъ, что гортанныя съ i̯: νῆσσα, аттич. νῆττα, ср. лат. anas род. anatis, нѣм. Ente, слав. **Жтъка**, κορύσσω отъ κόρυθ-, ἀργυρόπεζα изъ arguro-pedi̯a и т. п. Въ началѣ слова изъ ti̯ одно σ, чередующееся по нарѣчіямъ съ τ: σήμερον, дор. σάμερον, атт. τήμερον изъ ti̯o(скр. tyat)+āmeron, σῆτες, атт. τῆτες изъ ti̯o+vetes; послѣ согласной во всѣхъ нарѣчіяхъ σ: πᾶσα, крит. πάνσα, лезб. παῖσα изъ qanti̯a [7]), δόξα изъ dokti̯a. Изображаетъ ли критское τ или ττ изъ δi̯ въ Τῆνα или Ττῆνα, но также Δῆνα, т. е. Ζῆνα, тотъ-же звукъ, что напр. въ ἴαττα изъ eₙti̯a=дор. ἔασσα, іон. ἐοῦσα, это вопросъ, отвѣтъ на который впрочемъ едва-ли можетъ быть утвердительный. Послѣ губныхъ j и i̯ должны, казалось бы, превращаться въ зубныя, но нѣтъ ни одного несомнѣннаго примѣра, хотя приводится ихъ довольно много: нѣкоторые изъ нихъ въ родственныхъ языкахъ осложнены звукомъ s спереди, напр. πτύω—лит. spiáuti, латыш. spli͡audīt, слав. плевати, лат. spuo, нѣм. speien, а τ въ сочетаніяхъ съ π бываетъ также отраженіемъ s, напр. πτίλον, лак. ψίλον, которое относится не къ корню pet, какъ думаетъ Г. Мейеръ § 252, а къ латыш. spilwa „пухъ“ [8]);

---

[6]) Сюда-же, можетъ быть, принадлежитъ φάσσα, атт. φάττα (родъ голубя) при φάψ, род. φαβός (то-же или почти то-же)—ср. перс. fāχta (горлица). Правда, въ персидскомъ это слово считается заимствованнымъ съ арабскаго,—конечно, потому, что въ этомъ языкѣ есть глаголъ faχat „ворковать“, отъ котораго fāχita (такова форма арабская) есть правильное причастіе ж. р. Но этотъ глаголъ значитъ также „просверливать, пробивать“, и это-то значеніе, несоединимое съ первымъ, и есть исконное семитическое, а первое, очевидно, выведено изъ казавшагося причастіемъ fāχita. Итакъ это слово заимствовано не Персами у Арабовъ, а наоборотъ. Если это сближеніе вѣрно, φ здѣсь изъ индо-евр. 'p

[7]) Это темное по происхожденію слово имѣетъ видъ причастія, какъ βάς, βᾶσα, βάν, но ударенія не позволяютъ относить его къ этой грамматической категоріи. Оно можетъ быть родственно съ скр. kiyant „коликій (quantus)?“, которое, какъ можно предполагать по отсутствію смягченія *к* въ *č*, произошло изъ qo-i̯ant, и тождественно съ qant-(въ лат. quantus). Для значенія ср. скр. yāvant kiyant ca=лат. quantuscumque.

[8]) Но едва-ли въ πτερόν, потому что сближеніе его съ лит. spàrnas встрѣчаетъ затрудненіе со стороны слав. перо, предполагающаго первоначальное ptero-, а не spero-·

въ иныхъ предполагаемое j не засвидѣтельствовано другими языками, напр. въ πτέρνα—скр. pārṣṇi-s, гот. fairzna и, можетъ быть, лат. perna, и въ πτίσσω – скр. piṣ -, лат. pinso, какъ и въ πτύξ, сопоставляемое съ которымъ готское biugan заключаетъ въ себѣ не ju, а двоегласную iu изъ индоевропейскаго eu. И при всемъ томъ весьма вѣроятно, что въ нѣкоторыхъ πτ- скрывается pj, оказывающееся совершенно неожиданно въ слав. плече сравнительно съ скр. pakṣa-m и лат. pectus. Такъ напр. и πτελέα „вязъ" можетъ быть въ родствѣ съ лат. pō-pulus, слав. *то-поль* и скр. pallava-s или -m „ростокъ, вѣтвь". Предположеніе такой какъ будто спорадической ётаціи тѣмъ болѣе правдоподобно, что въ нарѣчіяхъ греческаго языка, особенно въ кипрскомъ, на мѣстѣ общаго π- является πτ-, которое трудно объяснить иначе, какъ изъ pj, именно въ [illegible]λις, πτόλεμος, πτυκάζω, съ которымъ можно сравнить и обще-греческое πτύξ, однако не безъ сомнѣнія въ виду конечнаго звука его основы πτυχ-. Къ тому-же у насъ есть, кажется, примѣръ bʻj: —ἐπιφθύσδω (у Θеокрита) ср. лит. biau̯rus „противный, отвратительный", съ которымъ проф. Фортунатовъ сближаетъ слав. *блевати*.

4) Сочетаніе sj должно давать послѣ гласной σσ, остающееся во всѣхъ нарѣчіяхъ безъ иной перемѣны, кромѣ упрощенія, и эту группу мы находимъ въ формѣ будущаго времени съ короткой гласной основы, какъ χαλέσσω, и такъ-же, вѣроятно, она объясняется въ πτίσσω (безъ упрощенія—не по привычкѣ-ли къ усиленію въ наст. вр.? ср. πτίσανον, гдѣ σ почему-то удержалось), а въ λύσω и т. п. упрощеніе произошло еще въ обще-греческомъ языкѣ во избѣжаніе трех-морной долготы [9]). Въ началѣ слова и послѣ согласной σσ должно было упроститься очень рано, но примѣръ на sj въ такомъ положеніи у насъ одинъ, да и то неясный по отношенію къ этому вопросу—κασσύω, атт. καττύω изъ κατ(ά)-σ(j)ύω (слав. *шити* изъ šīvti отъ корня sju-, куда Фиккъ Götting. gel. Anz. 1894 стр. 239 относитъ и эол. πέσσυγγος „сапожникъ") [10]). Передъ i̯, какъ предъ гласной, s пропадаетъ: τελείω изъ telesi̯o, ἀλήθεια изъ alātʻesi̯a и т. п.

---

[9]) Если бы даже предположеніе, поддержанное недавно Вильгельмомъ Шульце въ Zeitschrift Куна XXXIII (XIII) 131, что ὀμό-σσαι, χαλέσ-σαι и т. п. обязаны своимъ σσ аналогіи глаголовъ въ родѣ τελέσ-σαι, оказалось вѣрнымъ, объясненіе этого σσ, потомъ σ въ будущемъ изъ sj, а въ аористѣ изъ ss не потерпѣло бы отъ того ущерба, потому что одно s, ничѣмъ неосложненное, не могло бы удержаться между гласными еще въ обще-греческомъ языкѣ, какъ и на самомъ дѣлѣ оно не удержалось въ такъ называемомъ дорическомъ будущемъ (-έσω безъ j, ср. лат. ero) и въ аористахъ ἔχηα отъ χέFω, ἔκηα отъ κάFi̯ω, ἔσπειρα отъ σπείρω и т. п.

[10]) Сопоставленіе словъ ὑμήν и ὕμνος съ скр. syūman „шевъ, тесьма, вожжи" невѣрно: первое принадлежитъ къ тому корню su (можетъ быть, параллельному съ syu „шить"), отъ котораго sūtra-m „плетиво, шнуръ, волокно", а второе совпадаетъ точь въ точь, кромѣ ударенія, съ скр. sumná-s „молитва".

III.

Въ § 13 согласное v и полугласное u̯ смѣшаны у Бругмана вполнѣ, хотя уже Г. Мейеръ правильно различаетъ эти звуки, по крайней мѣрѣ, послѣ s въ началѣ словъ (§ 222 и 247), указывая на то, что sv путемъ уподобленія даетъ σ (изъ σσ), напр. σάλος при χονί-σσαλος ср. древне-верхне-нѣм. swellan, σάλπιγξ ср. лит. szvélpiu „лепечу" и szvilpiù „свищу", σιγάω ср. др.-в.-нѣм. swīgēn и др., а передъ u̯, какъ передъ гласной, s превращается въ густое дыханіе (въ иранскихъ языкахъ—въ h), напр. ἡδύς (Ϝηδύς читай hu̯edūs), ἁδύς—скр. svādú-s, лат. suavis, ἱδρώς ср. скр. svid-, древне-сканд. sveiti, лат. sūdor, ὕπνος—скр. svapna-s, лат. somnus, ἠχέω (съ легкимъ придыханіемъ вслѣдствіе χ), дор. Ϝᾱχέω—, по Фикку, Gött. gel. Anz. 1894 стр. 237, гот. svogjan, лит. svagéti „звучать" и пр. При этомъ Г. Мейеръ могъ бы обратить вниманіе на признакъ, который мы находимъ въ санскритѣ для различенія sv и su̯ въ началѣ глагольныхъ корней, а именно: sva- сохраняется во всемъ спряженіи и удвоеніе при немъ sa, а su̯a въ слабыхъ формахъ, каковы прошедшее причастіе страдательное, дѣепричастіе и существительное на -ti-s, и въ удвоеніи прошедшаго совершеннаго ослабляется въ su-, напр. отъ svanj- „обнимать" прич. прош. svakta (pari-svakta), прош. соверш. sasvanje, а отъ svap- „спать" прич. прош. supta, прош. соверш. susvāpa. Другой признакъ su̯- въ санскритѣ—ведійскія формы съ su-, напр. suadati (ср. ἡδύς, ἁνδάνω), suar (авест. hvarē) рядомъ съ svadati, svar точно такъ-же, какъ сложное su-asti-s „благополучіе" (εὐ-εστώ) въ три слога при вытѣснившемъ его двухсложнымъ svastis. Но то-же различіе между v и u̯ можно наблюдать и безъ помощи s, напр. съ одной стороны vas- „одѣваться"—прич. прош. vasita, съ другой—vas- „блистать"—прич. прош. usta, и vas- „жить" (habitare)—прич. прош. usita, vā- „вѣять"—vāna и vā- „изнемогать"—vāta, но vā- (или ve-) „ткать"—ūta и т. п.; словомъ сказать—всѣ глагольные корни съ samprasāraṇam слога va- заключаютъ въ себѣ u̯. Впрочемъ причастій прош., начинающихся съ ur- или ūr- нѣтъ, а потому и наличныя формы съ vr- въ началѣ недоказательны. Если обще-греческій языкъ различалъ v и u̯ послѣ s, то едва-ли вѣроятно, чтобы онъ смѣшивалъ ихъ тамъ, гдѣ этотъ звукъ имъ не предшествовалъ. И дѣйствительно мы находимъ слѣды этого различенія въ языкѣ древняго эпоса, гдѣ начальной дигаммѣ (хоть и не написанной въ нашихъ текстахъ) передъ гласной въ нѣкоторыхъ словахъ предпосылается ἐ-, а въ другихъ никогда. Не всѣ эти слова допускаютъ несомнѣнную этимологію, еще меньше такихъ, которыхъ начальный звукъ можно было бы рѣшительно опредѣлить или какъ v или какъ u̯: однако вотъ нѣсколько примѣровъ, болѣе ясныхъ: ἐέρση—скр. varṣ- „идти дождю" съ прош. сов.

vavarǵa, ἐέργει (ἐεργάθω и т. п.)—скр. varj- съ прош. сов. vavarja и прич. прош. varjita, ἐέλσαι (отъ εἴλλω или εἰλέω съ ει=ε̄, ср. дор. ἐγϜηληθίωντι)—скр. val- „ворочаться" съ прич. прош. valita, ἐέλδομαι съ ἐέλδωρ и засвидѣтельствованное только Квинтомъ Смирнскимъ VI 418 ἐέλπῃ при Гесихіевомъ ἐέλποιμεν· ἐλπίσαι (къ чему добавляютъ ποιοῖμεν)—скр. var- „выбирать" съ прош. сов. vavāra. Никакихъ указаній на полугласный характеръ Ϝ мы не находимъ въ словахъ ἐείκοσι (дор. Ϝείκατι или Ϝίκατι), ἐίση (отъ ϜίσϜος ср. скр. viśuva-s „равноденствіе", viśvant- „середній" и т. п.), ἐεισάμενος (корень vid-), ἐίσκω (корень vik-), откуда прош. сов. ἔοικα и сущ. εἰκών, въ вин. пад. на кипрской надписи слоговымъ письмомъ veikona [11]). Ничего нельзя сказать объ ἔεδνα, которое обыкновенно относятъ къ одному корню съ нашимъ *веду*, извѣстному еще только изъ литовскаго языка. Подозрительно ἐειρόμενος въ Certamen Homeri et Hesiodi, потому что оно значитъ „спрашивающій" и такимъ образомъ относится къ ἐρ-, аор. ἠρόμην (безъ Ϝ) [12]); но если-бы даже было доказано, что оно употреблено въ этомъ смыслѣ по недоразумѣнію, а на самомъ дѣлѣ принадлежитъ къ ver- „говорить" (Ϝερέω, verbum, Wort, лит. vardas „имя"), все-таки ἐ- было-бы странно, по крайней мѣрѣ, на первый взглядъ, такъ какъ этотъ корень естественно сближать, donec probetur contrarium, съ однозначущими u̯ed- (скр. прош. сов. uvāda, прич. прош. udita) и u̯ek- (скр. прош. сов. uvāca, прич. прош. ukta) и потому предполагать въ немъ также u̯ [13]). Приставку ἐ- Г. Мейеръ § 101 готовъ видѣть еще въ ἔαγμα „поломъ" у Византійцевъ и съ сомнѣніемъ упоминаетъ συνεοχμός „соединеніе, спайка" (Ξ 465) отъ корня veǵ-, ἑορτή ср. скр. vrata-m, ἐόργη „чумичка, мѣшалка" у Полидевка и εὐιάδες· ἄμπελοι у Гесихія (будто-бы отъ корня vei- въ Ϝοῖνος). Но всѣ эти примѣры болѣе, чѣмъ сомнительны—первые четыре уже потому, что за ἐ- въ нихъ слѣдуетъ α или ο, тогда какъ въ гомеровскихъ Ϝ находилась передъ ε, ει или ι, а пятый потому, что у Гомера ἐ- приставляется только передъ долгимъ слогомъ; да и Ϝοῖ-

---

[11]) Этого корня можно, кажется, искать въ скр. vicć- или viccāy- (Панини приписываетъ этому корню то и другое спряженіе) ср. iccati „ищетъ" отъ iç- (индоевр. ik-), pracćati отъ praç- (индоевр. prak-). Значеніе этого рѣдкаго глагола индійскіе грамматики объясняютъ любимымъ словечкомъ gatāu, т. е. „о ходьбѣ", но, судя по смыслу виновловной формы viccāyay- „стѣснять" и сложнаго nyā-vicć- „жаться къ чему", vicć- значило „двигаться съ трудомъ, задѣвая за что на пути, вязнуть, застрявать". Отсюда, можетъ быть, Ϝείκω (первоначально: отступаю медленно, неохотно), лат. vix „едва", vicem (первонач.: стѣсненное положеніе?), скр. vistí или vistíbis „попеременно", др. сканд. vixl, др.-в.-нѣм. wehsal, ново-в.-нѣм. wechsel, слав. *висити*.

[12]) Не лучше, если не хуже ἐεισάσθην „они двое пошли" 0.544 отъ ἰέναι и по-гомеровское ἕεις „одинъ" вмѣсто εἷς изъ sem-s.

[13]) Разумѣется, это сближеніе можетъ имѣть нѣкоторую долю убѣдительности только въ глазахъ тѣхъ лингвистовъ, которые вѣрятъ въ такъ называемый Wurzeldeterminativ (въ данномъ примѣрѣ -r, -d, -k).

νος не отъ какого-то vei, а есть просто семитическое (арабское) u̯ain (еврейское yāyin), завезенное къ Грекамъ, вѣроятно, вмѣстѣ съ виномъ и отъ нихъ перешедшее въ Италію и уже оттуда къ Германцамъ и къ Славянамъ, какъ видно изъ формъ этого слова у нихъ—wīn (а не wain), *вино* (а не *вѣно*). Слово εὐιάδες объясняется съ давнихъ поръ въ словаряхъ какъ женскій родъ къ εὔιος,—и это вѣрно. Такимъ образомъ συνεοχμός, хотя бы и относилось къ корню veg'- или, точнѣе, u̯eg'- (скр. прош. сов. uvāha, прич. прош. ud'a, откуда смѣшеніе съ uh-, напр. viçvāuhas изъ viçva-ūhas—вин. множ. отъ viçva-vāh-), не могло-бы служить доказательствомъ противъ предположеннаго выше значенія приставки ἐ-, потому что это слово пришлось бы объяснять инымъ путемъ, — не фонетическимъ, а, вѣроятно, этимологическимъ. Безъ помощи этого признака только изъ приведенныхъ санскритскихъ примѣровъ начальныхъ v и u̯ слѣдуетъ, что напр. въ словахъ ἕννυμι (съ ἐσθής и др.), ἄ-ημι (м. б., изъ sm̥-vēmi) и, вѣроятно, ἐτός (съ ἐτώσιος) F=v, а въ ἕσπερος, ἑστία, ἄστυ, ἔπος (ὄψ, ὄσσα), ὄχος F=u̯. Впрочемъ въ ὄχος уже у Гомера дигамма исчезла безслѣдно, какъ и во многихъ словахъ съ Fο- или Fω- въ началѣ (см. Лео Мейера XXIII томъ въ Куновой Zeitschrift, гдѣ впрочемъ есть примѣры сомнительные); но напр. въ οἶκος, οἴηξ, οἰήιον, οὖλος (мохнатый), ὦλκα (вин. пад.) языкъ Иліады и Одиссеи сохранилъ F, повидимому, безо всякаго отношенія къ разницѣ между v и u̯. Никакого этимологическаго значенія не имѣетъ и густое дыханіе, которое, по крайней мѣрѣ, у Аттиковъ появляется очень часто на начальной гласной, особенно ἐ-, хотя бы оно было нѣкогда Fε-, обыкновенно передъ сочетаніемъ ρ, λ или σ съ другой, слѣдующей за ней глухой согласной, однако далеко не безъ колебаній. Вотъ еще нѣсколько примѣровъ чередованія Fε- (скр. va-) съ -υ- (скр. u) Fέτος „годъ" при πέρυσι „прошлаго года" (=скр. vat-sara-s при par-ut), Fαρνός (род. пад.) ср. скр. ūrṇa-s „волна (овечья), руно" (отъ var- „покрывать", откуда и ūrmi-s „волна водная, потокъ", ūrva-s „помѣщеніе для чего"), Fεχών (ἑχών) ср. скр. vaç- „желать" съ прилагательнымъ uçant- и uçāna- „желающій", ἀ-Fέξω и αὐξάνω (отъ слабой формы ἀ-Fξ-) ср. скр. vaks- и uks „рости". Но въ этомъ смыслѣ имѣетъ значеніе только чистое u (υ), а не двоегласная, которая въ началѣ слова можетъ быть послѣдствіемъ стяженія приставки (предложной или иной) съ F, слабой формой корня, начинающагося слогомъ Fε-, а это Fε-, конечно, не всегда содержитъ въ себѣ непремѣнно u̯, какъ въ αὐξάνω. Такъ напр. οὐτάζω (съ ου=ou) „ранию" по сравненіи съ ὠτειλή „рана, рубецъ" изъ ὀ-Fατειλή [14]) оказывается

———

[14]) У Гомера ὠτειλή помѣщается въ стихѣ такъ, что ритмическое удареніе не падаетъ на первый слогъ (15 разъ, большею частью ἐξ ὠτειλῆς въ концѣ стиха, т. е. тамъ, гдѣ скорѣе можно было бы ожидать ⏑ ⏑ — —, чѣмъ — — —). Исключеніе составляетъ лишь τ 455 слѣд. (о вепрѣ, который ранилъ Одиссея, но потомъ былъ убитъ имъ): Τὸν μὲν ἄρ' Αὐτολύκου

происшедшимъ изъ ὀ-Fτ-άζω съ согласнымъ v. сравнимъ-ли мы это F(ε)τ- съ скр. vyat'- [15]) „выходить изъ естественнаго состоянія“ и т. п. (прош. сов. vivyat'e, прич. прош. vyat'ita), какъ предлагаетъ Кристъ, или съ vāta-s „обезсиленный“ (a'bi-vāta- „больной“, pra-vāta- „истомленный“), куда относятся, вѣроятно, и ἀ-ά-(F)ατος (звучавшее у Гомера, судя по долготѣ втораго α. ἀ-αύατος, по-эолійски) „inviolabilis“ и ἀ-Fάτα, атт. ἄτη „умственное ослѣпленіе, бѣда“ при глаголѣ ἀάω „вводить въ бѣду, вредить“, соотвѣтствующемъ по корню скр. vā-, однако съ аор. ἀάσθη, гдѣ σ, может быть, изъ t и d'. Съ другой стороны тоже οὐ- можетъ, повидимому, обозначать и первоначальное u̥o-, напр. οὐρόν, лат. ūrīna—скр. vār и vāri „вода“ (ср. по значенію лат. ūrīnari „нырять“), др.-сканд. vẽr. ср. р. и vör ж. (изъ varu) „море“, ūr „сырость“, прусск. wurs „прудъ“ [16]). Слоговое приращеніе въ ἐούρουν, ἐούρηκα, ἐούρησα не доказываютъ присутствія F: ср. примѣч.; кромѣ того это единственный у Аттиковъ глаголъ съ οὐ- въ началѣ.

Послѣ носовыхъ и плавныхъ v въ обще-греческомъ оставалось и даже перешло въ нарѣчія, изъ которыхъ особенно долго сохранялось въ нѣкоторыхъ говорахъ дорическихъ, а у прочихъ Грековъ пропало довольно рано, и притомъ у нѣкоторыхъ Дорянъ и у Іонянъ съ протяженіемъ (новѣйшимъ: α въ ᾱ, ε въ ει = ē, ο въ ου = ō), у Аттиковъ безслѣдно, у азіатскихъ Эолянъ, какъ говорятъ, съ уподобленіемъ, но, судя по текстамъ, они, какъ и многіе Доряне, утратили v совсѣмъ: ξένFος—ξεῖνος—ξένος, необходимо-предполагаемое множественное γόνFα или γόνFατα—γοῦνα—γόνατα, лезб. γόνα у Алкея 39,7 Bergk, таковое-же μόνFος—μῶνος—μοῦνος—μόνος (μόνα и у Сапфо 52, 4 В.), таковое-же πέρFας или πέρFαρ (скр. parvan „суставъ, отдѣлъ“)—πεῖρας

παῖδες φίλοι ἀμφεπένοντο, Ὠτειλὴν δ' Ὀδυσῆος ἀμύμονος ἀντιθέοιο Δῆσαν ἐπισταμένως. Но здѣсь ἀμφεπένοντο такъ неопредѣленно, а ст. 456 такъ пустъ по содержанію, что самъ собою навязывается вопросъ, не была-ли первоначальная редакція его приблизительно такова: Δέρμα τε F' ἐξενάριζον, Ὀδυσσῆος δ' ὀFατειλήν. Первая гласная этой формы есть приставка, какъ въ ὀ-μίχλη (слав. мьгла), ὀ-Fιστός (отъ vid'- или vyad'- ранить), ὀ-Fίομαι (ср. нѣм. weisen, Weise), ὀ-δούς (ср. скр. danta- и т. д.), ὀ-δύρομαι (при δύρομαι ср. др.-в.-нѣм. quëran „вздыхать“, скр. gur- „кричать“) Коренную часть слова даетъ глосса Гесихія γατάλαι (вѣроятно, γατειλαί, т. е. Fατειλαί)· οὐλαί. Зіяніе въ ἄοστος еще не значитъ, чтобы передъ ὀ- была F: ср. ἄ-οδμος, ἄ-οζος (но и ἄν-οζος), ἄ-απτος, ἀ-όργητος, ἄ-ορνος и др., въ которыхъ F не было не только въ то время, когда они были образованы, но и первоначально.

[15]) Возможно, что было и vat': такъ vyad'- „пронзать“ и vad'- „поражать“, vyāg'ra-s „тигръ“ и vag'a какой-то вредоносный звѣрь.

[16]) Между vā- и vā-ta (изъ vn̥to-), какъ и между ἀ-(F)ά-ω, ὀ-ὐ-τά-ω (ср. лит. votis „болячка“, латыш. wāts „рана“) и ὀ-Fα-τειλή и пр. (гдѣ Fα- изъ vn̥- ср. гот. vunds „раненый“ изъ vn̥to-s) такая-же разница, какъ между скр. vā- „вѣять“, греч. ἄ-(F)η-μι ἀ-Fή-της, α-ὔ-ρα, ο-ὖ-ρος „попутный вѣтеръ“, гот vaian (читай vaan), лит. vėjas „вѣтеръ“ и скр. vāta-s (изъ vn̥to-s) „вѣтеръ“, лат. ventus, гот. vinds или между скр. ud-aka-m „вода“, греч. ὕδ-ωρ, слав. *вод-а* и лат. und-a, лит. vand-ũ.

или πεῖραρ—πέρας (и у Алкея περάτων 33,1, но περράτων 84, 1, по сосѣдству съ δολιχόδειροι—см. примѣч. 1), κόρϝα—κώρα—κούρη—κόρη, лезб. κόρᾱ у Алкея 14, κόραι Сапфо 62, 2 и 65, κόρᾳ 118,3, предполагаемое ὄλϝος (лат. salvus, скр. sarva-, авест. haurva-)—οὖλος—ὅλος. Такъ-же слѣдуетъ объяснять и καλός, хотя этимологія его при ϝ затруднительна: у Іонянъ—и только у Іонянъ, да еще у Солона [17])—κᾱλός, у всѣхъ прочихъ Грековъ κᾰλός, лезб. κᾰλος (κᾰλος Сапфо 101, 1 и 2; κᾰλον 19; 79; Алкей 30, 2; Сапфо κᾰλᾱ 85, 1; κᾰλᾱν 3. 1; κᾰλοι 1, 9; κᾰλων 28, 1; κᾰλως 11 и 104, 1; даже κᾰλιστα, а не κάλλιστα, 104, 2). Между примѣрами сочетаній носовыхъ и r съ v любопытно γόνϝα (γοῦνα и пр.) изъ γόνυα (читай gónu̯a), также δόρϝατα (выводимое изъ дор. δώρατα, іон. δούρατα, атт. δόρατα, а у Лезбійцевъ, вѣроятно, δόρα изъ δόρυα), ἄνϝω (іон. ᾱ̓νω, какъ у Пиндара Ol. 8, 8, атт. ᾰ̓νω) изъ ἀνύω, τίνϝω (іон. τῑ́νω, атт. τῐ́νω) отъ основы τινυ- (τινύ-μεναι), φθίνϝω (іон. φθῑ́νω атт. φθῐ́νω) отъ φθινυ- (φθινύθω), φθάνϝω (φθάνω съ α долгой и краткой), очевидно, отъ φθανυ- и σίνομαι (съ ι долгой и краткой) отъ σινυ- (σίννονται Сапфо 12), хотя аттическое измѣреніе іоты въ этомъ глаголѣ, кажется, неизвѣстно. Звукъ, происшедшій изъ сокращенія u передъ гласной не въ индоевропейскомъ языкѣ, а уже въ обще-греческомъ, есть не u̯, а v (ср. выше πέρροχος изъ πέρ-οχος). Если бы здѣсь мы имѣли дѣло съ u̯, мы нашли бы эпентезу звука u,—по крайней мѣрѣ, послѣ *a* и *o* (такъ же и послѣ *e*), потому что при i и u вліяніе u̯ (какъ и i̯), выражается только въ долготѣ: ἐλαύνω изъ ela-nu̯-ó, κένταυρος (вм. κένθαυρος подъ вліяніемъ словъ κεντεῖν и ταῦρος)—скр. gand'arvá-s „духъ, имѣющій отношеніе къ солнцу и къ женщинамъ, небесный музыкантъ [18]), конь“, παῦρος (а не παυρός, какъ было бы при составѣ παυ-ρός ср. γοη-ρός, ἐχθ-ρός, κυδ-ρός, λαμπ-ρός, λυγ-ρός, μια-ρός и т. п.)—лат. parvus, εὐρ-ίσκω—лат. servo (если оно не отъ sergᵘ, скр. sarj-); кромѣ того εὖρος „юго-восточный вѣтеръ“, если это слово въ родствѣ съ скр. aru-s „солнце“ (а не съ εὔω отъ us-), Ἐπί-δαυρος, если вторая часть его изъ dr̥u̯os (ср. δρῦς, δόρυ, слав. *дрѣво*), νευρή, если сопоставляется съ лат. nervus (а не съ скр. snāva, нѣм. Schnur), ἀμαυρός, если отъ m̥ru- въ μαρ-μα-ρυγή, οὐρά, если изъ orsu̯a (отъ ὄρρος, др.-в.-нѣм. ars, а не родственно съ скр. vāra-s „волосъ изъ хвоста, особенно конскаго“, vāra-

[17]) 13, 24 и 40; въ ст. 21 вмѣсто καλα ἔργα читай κᾰλ' ἔργα (см. Филол. Обозр. VI 33).

[18]) Это значеніе, не ведійское, а эпическое, примыкаетъ къ тому g'end'-, отъ котораго слав. ГЖДЖ и, можетъ быть, греч. κάνθαρος „жукъ“ (κανθαρίς „жужелица“ ср. жужжать) и κάνθων „оселъ“, если только послѣднее слово не есть родъ уменьшительнаго (Kurzname) при κανθήλιος „крупный вьючный оселъ“, которое, повидимому, восходитъ къ восточному названію лошака, извѣстному намъ теперь въ видѣ турецко-татарскаго qatyr (ср. арабское qitar „вереница привязанныхъ другъ къ другу животныхъ“—обыкновенный видъ обоза изъ ословъ или лошаковъ).

vant „долгохвостый", vālin „хвостатый" или „волосатый" отъ vāla-s=vāra-s), ταῦρος, если tar$\underset{\frown}{u}$os, выводимое изъ галльскаго tarbos, ирскаго tarbh „быкъ", представляетъ собою форму болѣе древнюю, чѣмъ слав. *туръ*, прусск. tauris (то и другое=зубръ или-же bos primigenius), обще-семитское θaur (арабское θaur, еврейское šōr, арамейское tōr), что не очень вѣроятно [19]). Примѣровъ l$\underset{\frown}{u}$ по-гречески, кажется, нѣтъ, если не считать αὐλός, которое можно сопоставить какъ съ лат. alvus, такъ и со слав. *улей*; но и аналогія и физіологическое отношеніе l къ u заставляютъ думать, что $\underset{\frown}{u}$ послѣ l отражалось въ предшествующей гласной. Во всякомъ случаѣ πολλοῦ и пр. сюда не относятся, потому что сокращеніе υ въ F было бы въ этомъ случаѣ явленіемъ чисто греческимъ, а въ обще-греческомъ языкѣ, какъ мы видѣли, въ результатѣ такого сокращенія оказывалось не $\underset{\frown}{u}$, а v со своими обычными послѣдствіями по нарѣчіямъ, т. е. у Іонянъ отсюда произошло бы πουλοῦ, у Аттиковъ πολοῦ и т. д. Особое мѣсто занимаютъ причастія βεβαώς и γεγαώς изъ g^{u}eg^{u}m̥$\underset{\frown}{u}$ós и gegn̥$\underset{\frown}{u}$ós, гдѣ, не смотря на звуковую аналогію съ el̥n$\underset{\frown}{u}$ō—ἐλαύνω, эпентезы нѣтъ. Причина тому—или слоговая длительность m̥ и n̥ или то обстоятельство, что эпентеза, можетъ быть, нуждается въ болѣе тѣсной связи звуковъ, чѣмъ та, какая ощущается между корнемъ и наставкой [20]). Послѣ гортанныхъ v и $\underset{\frown}{u}$ въ греческомъ языкѣ едва-ли раз-

[19]) Не сюда-ли слѣдуетъ отнести ἄρουρα? Вѣдь если санскритскому окончанію ж. р. -ī соотвѣтствуетъ въ греческомъ языкѣ- ι̯ᾰ, санскритскому -ū, также ж. р., должно соотвѣтствовать $\underset{\frown}{u}$ᾰ; а такъ какъ прош. соверш. глагола ἀρόω имѣетъ такъ называемое аттическое удвоеніе (ἀρηρομένος, ἀρήροτο), какъ ἐδήδοκα, ἀκαχμένος, ὄπωπα, ἀγήοχα, въ связи съ которыми состоятъ существительныя ἐδωδή, ἀκωκή, ὀπωπή, ἀγωγή, то нѣтъ, кажется, ничего невозможнаго въ предположеніи, что, подобно скр. образованіямъ причастнаго значенія съ удвоеніемъ прош. соверш., какъ ca-kru- „дѣлающій", pa-pu „защитникъ, кормилица", ja-g'nu „убійственный", въ пра-греческомъ языкѣ существовало ar-r̥r̥ū,—правда, въ смыслѣ непереходномъ,- откуда arōr$\underset{\frown}{u}$a—ἄρωυρα—ἄρουρα (съ сокращеніемъ 3-морной долготы). Написаніе АРО.НІ (Inscr. ant. 497 b., 17), гдѣ дополняютъ Р, ничего не доказываетъ противъ двоегласности ου въ этомъ словѣ, такъ какъ 1) встрѣчаются въ надписяхъ ТОТО и т. п. примѣры О вмѣсто ΟΥ, 2) неизвѣстно, какую букву здѣсь пропустилъ рѣзчикъ и какая пропала—Р или Υ; 3) ἄρουρα съ ου въ смыслѣ ō предполагало бы arorva,—образованіе, прямо невозможное, потому что окончанія -vă въ греческомъ языкѣ нѣтъ.

[20]) Примѣромъ нарушенія звуковыхъ законовъ вслѣдствіе сознанія сложности слова могутъ служить лат. divido (изъ dis и vid'- въ скр. vid'ā „часть" и т. п.) и perdo, condo, obdo и прочія сложныя съ d'ē- „дѣвать, помѣщать"=τι-θέ-ναι. Индо-европейское d' переходитъ въ серединѣ латинскихъ словъ въ b, напр. скр. ūd'ar, греч. οὖθαρ, нѣм. Euter „мѣхъ" (для вина и т. п.)—лат. ūber, а при диссимиляціи въ корняхъ съ двумя придыхательными d' въ томъ-же положеніи превращается въ d: b'id'- „уговаривать" (греч. πείθω, алб. bindem „соглашаюсь")—лат. fides, g'ed' - „привязываться, прицѣпляться" (скр. gad'- то-же, греч. κισσός „плющъ" изъ κεθι̯ός ср. κίρνημι при κεράννυμι, κίρκος при κέρκαξ и т. п., гот. gadiliggs „родственникъ")—лат. hedera. Помимо диссимиляціи и нѣкоторыхъ сочетаній съ согласными переходъ d' въ d въ латинскомъ языкѣ свойственъ именно сложнымъ словамъ. Потому пора бы ужъ оставить пресловутое сравненіе aedis съ αἴθουσα.

личимы. Судя по ἵππος изъ ekvos или, что вѣроятнѣе, ekuos (скр. açva-s, лат. equos, др.-в.-нѣм. ehu и т. д.), kv и ku не отличаются также отъ qv и qu, и результатъ всѣхъ этихъ сочетаній одинъ и тотъ-же—ππ, вслѣдствіе чего по аналогіи съ переходомъ простаго q въ π и въ τ, смотря по слѣдующей гласной, изъ kvi, kui и т. д., какъ и изъ kve и пр., мы должны ожидать ττι, ττε [21]). Возможно, что именно такого происхожденія ππ и ττ въ вопросительно-относительныхъ мѣстоименіяхъ и нарѣчіяхъ ὅππως, ὁππόσος, ὅττι и т. п., а потому и простыя π и τ въ вопросительныхъ, т. е. что корень ихъ былъ не qo- и qi-, а quo-, qui- или qvo-, qvi-. На эту мысль наводятъ не только скр. kva, kū (изъ kúa) „гдѣ?“, kúha и kútra „гдѣ? куда?“, kútas „откуда?“, ku- „какой?“ (въ сложеніи), ku-vit „въ самомъ

[21]) Впрочемъ ku- (не qu-), повидимому, развивалось въ цѣлый слогъ, хотя, можетъ быть, лишь иногда. Такъ κύων не только односложно во всѣхъ индоевропейскихъ языкахъ, но въ нѣкоторыхъ изъ нихъ даже утратило свое u, напр. лат canis, а не quanis или cunis, ново-перс. sag (sägi), а не sipag, какъ мы ожидали бы при мид. σπάκα (у Геродота), авест. çpā на основаніи sipеd, теперь säfīd „бѣлый“ (авест. çpaеta-, скр. çveta-), gоspand, теперь gusfand „баранъ“ (авест. gaо çpenta-). Полная вокализація вѣроятна и въ κύαθος, т. е. ku nd'os —слав. ⱄѦДЪ, „посуда“. Та-же слабая форма корня kuа- или kui- (скр. çvа-, çvi-) „вздуваться“, распространенная звукомъ n, лежитъ и въ основѣ глагола κυαίνω изъ kun-iō (ср. g'en-, g'n- въ χαίνω изъ g'n-iō, χάσκω изъ g'n-skō, χάνος при g'i- въ χειή „пещера“, hiare, зіяти). Глаголъ отъ того-же корня, но безъ n, κυέω, также естественнѣе приравнивать по образованію къ δέω, т. е. объяснять его изъ kueio (скр. çvayаmi), чѣмъ видѣть корень его въ одномъ κυ-, при которомъ этотъ глаголъ едва-ли нашелъ бы себѣ аналогію во всемъ греческомъ языкѣ (на -υέω), такъ какъ πυέω есть causativum къ πύω. Κυΐσκω можетъ быть образовано прямо отъ kui- или-же какъ ἀλίσκομαι отъ ἁλο-. Существованіе формы κύω сомнительно, такъ какъ въ древнѣйшихъ текстахъ, писанныхъ безъ удареній, нельзя рѣшить, произносилъ-ли авторъ κύει или κυεῖ, κύουσα или κυοῦσα (κυεῦσα). Причастіе аориста κυσσαμένη или κῦσαμένη, производимое отъ κύω, принадлежитъ, вѣроятно, формѣ κυΐω, правда, не встрѣчаемой, но вполнѣ законной при наличности kui-, и относится къ κυΐω или, можетъ быть, κυίω, какъ ὀπύσσω къ ὀπυίω. Впрочемъ подъ условіемъ существованія позднѣйшаго κυίω мыслимо и самое κύω: κυίω—κύ̊ω—κύ̊ω какъ αἰεί—ἀ̊εί—ἀεί. Объясненію κυ- изъ ku- въ этомъ корнѣ до нѣкоторой степени мѣшаютъ κύος (род. κύεος) и κύαρ. Но первое, извѣстное только изъ словарей, странно потому, что отъ κυ- слѣдовало бы ожидать κέος (kevos), какъ κλέος отъ κλυ-; если же предположимъ κῡ- (ср. скр. çū-na- „пустой“, греч. κῦ-μα „волна“), то древняя долгота сохранилась бы, вѣроятно, такъ-же, какъ въ δῡω, θῡω, φῡω и т. п. Не болѣе естественно и κύαρ: ср. κέαρ, στέαρ, φρέαρ. И такъ κύος и κύαρ, должно быть, скованы по πύος и πύαρ изъ pū-v-os и pū-v-r, которыя произведены совершенно правильно отъ pū- съ неизмѣннымъ ū— ср. скр. pū-yati „смердитъ“, греч. πύ-ω, πῡ-έω, πῡ-θω, лат. pū-teo, pū-s (изъ pū-v-os), гот. fu-ls=ново-в.-нѣм. faul (но отъ pū- или pu- „чистить“, съ измѣнчивымъ u, наст. страд. pav-ate, сущ. pāv-aka-s или pav-āka-s „огонь“ и т. д.). Возможно и то, что κύαρ, означающее не „зародышъ“ или „плодъ чрева“, а „отверстіе“, наприм. иглы, уха, относится къ корню kus- или qus-, отъ котораго скр. çusi-s ж. р. „яма“ (если форма susi-s не древнѣе), лит. kuszý-s=κύσθος и т. д.,—можетъ быть, и κύαμος, иначе, какъ говорятъ, называвшійся πύανος, откуда Πυανεψιών, на Самосѣ Κυανοψιών. Представляетъ-ли и κύανος „вороненая сталь“ расширеніе u въ u, зависитъ отъ рѣшенія вопроса о родствѣ его съ лит. szvinas, латыш. swins и нашимъ *свинецъ*.

дѣлѣ?“, которыя при сравненіи съ ka-s „кто?“, kat'am „какъ?“, káti „сколько?“, katara-s „который изъ двухъ?“ и т. п. представляются стянутыми изъ kva, kvaha и т. д., но и лат. ecquis, ecquid и т. п., первая часть которыхъ, указательное ēn (ср. en-umquam), не уподобила бы своего n слѣдующему q, если бы не было рѣшительнаго преобладанія гортанно-губнаго элемента— qv-, который, какъ можно заключить изъ дальнѣйшей его исторіи (kui какъ kŭi, потомъ какъ ki), звучалъ, чѣмъ дальше въ древность, тѣмъ тверже и рѣзче. Но болѣе всего за происхожденіе этихъ ππ и ττ изъ qu̯ (qv) говоритъ трудность объясненія ихъ инымъ путемъ; по крайней мѣрѣ, предположеніе Бругмана, раздѣляемое теперь чуть-ли не большинствомъ, что ὅττι возникло изъ средняго рода ὅδ(i̯od)+τι или svod(?)+τι, а затѣмъ, уже по аналогіи, ὅππως изъ ὅδ+πως и т. д., грѣшитъ противъ порядка въ преемственности явленій: сильное колебаніе въ передачѣ индоевропейскихъ q и gu по нарѣчіямъ (см. Г. Мейера § 186—194) показываетъ, что процессъ лабіализаціи и палатализаціи еще не вполнѣ опредѣлился, не только не закончился, въ обще-греческомъ языкѣ, почему многія слова въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ или говорахъ сохранили гортанные звуки, утраченные въ тѣхъ-же случаяхъ другими разновидностями греческаго племени, какъ напр. часть Іонянъ говорила не πῶς, а κῶς и т. п., а Θессалійцы—не τίς, а κίς, что сваливать на Rückbildung мудрено [22]); наоборотъ конечное d отпало въ обще-греческомъ языкѣ въ незапамятныя времена или, лучше сказать, въ эпоху до-греческую. Такимъ образомъ эти -d и t- или p- никогда не были во взаимномъ соприкосновеніи, а изъ столкновенія -d съ q- или k- вышлобы, конечно, то-же, что позже происходило изъ -τ+κ- въ гомер. κακ-κείοντες, κακ κόρυθα (вм. κατ—), θессал. ποκ κί (вм. ποτ κί). Къ какой поздней порѣ относится лабіализація гортанныхъ, ясно изъ параллельной съ ἵππος формы ἴκκος, гдѣ индоевропейское сочетаніе kv потерпѣло то-же самое измѣненіе, какому подверглось kv уже спеціально-греческое въ гомер. πελέκκον, πελεκκάω (отъ πέλεκυς), дор. μικκός (отъ μικύς=μικρός) и Гесихіевомъ γλύκκα· γλυκύτης. Послѣднее образованіе особенно ново, такъ какъ оно стоитъ на одной доскѣ съ новогреческимъ πίκρα=πικρία. Та-же ассимиляція, можетъ быть, въ λάκκος (ср. лат. lacu-s), но едва-ли въ заимствованномъ σάκκος ср. еврейское saq, множ. saqqīm, а наше *сакві*, вѣроятно, съ германскаго, какъ *букви*. Въ началѣ слова какъ ππ и ττ, такъ и κκ, разумѣется, упрощались, и уже

[22]) Бругманъ въ статьѣ Zur Geschichte der labiovelaren Verschlusslaute im Griechischen (Berichte der Königl. Sächs. Gesellschaft der Wissenschaften. Sitzung vom 2. Februar 1895) объясняетъ это явленіе, по крайней мѣрѣ, отчасти разницей между формами подъ удареніемъ, сохранявшими губной призвукъ, и энклитическими, терявшими его. Впрочемъ онъ не отличаетъ гортанныхъ съ этимъ призвукомъ, какъ самостоятельнымъ звукомъ, отъ задненебныхъ лебіализованныхъ.

изъ πῶς, τί и т. д. упрощеніе перешло и на ὅπως, ὅκκως (пока только предполагаемое), ὅττι.—Примѣры g и g^u съ v и u̯ въ греческомъ неизвѣстны. но если найдутся, то скорѣе всего среди словъ, содержащихъ въ себѣ μβ, такъ какъ естественной замѣной этихъ сочетаній было бы ββ, а эта группа произносилась какъ μβ, что явствуетъ изъ правописанія κάμβαλε на ряду съ κάββαλε (изъ κάτ-βαλε), καμβάς вмѣсто καββάς (изъ κατ-βάς) и такими иноязычными передачами ββ, какъ σάββατον—слав. *сѫбота* [23]), нѣм. Sambes-tag (теперь Samstag), франц. same-di, перс. šambah (теперь šämbä или šämbe), 'Αββακούμ (и 'Αμβα-κούμ) слав. *Амбакумъ*, лат. Hambacum и т. п., также греческими въ заимствованныхъ словахъ въ родѣ сиро-халд. sabbekā „треугольные цимбалы" (м. б., изъ sabbukā)—σαμβύκη. На g^u и g' съ v или u̯ надежныхъ примѣровъ, кажется, тоже нѣтъ, такъ какъ θήρ или φήρ (слав. *звѣрь*, лит. žwėris)— случай очень сомнительный въ виду слав. *з* (а не *ж*) передъ ѣ=лит. ė, т. е. *e* (а не ѣ=лит. ё, т. е. oi) [24]).

Послѣ зубныхъ, по крайней мѣрѣ, послѣ τ разница между v и u̯ несомнѣнна. Изъ tv, какъ изъ tj, возникало у Грековъ вообще σ (въ началѣ слова, а въ серединѣ, вѣроятно, σσ, упрощаемое у Аттиковъ и другихъ и превращающееся въ ττ у Віотянъ и Критянъ): σάκος „щитъ" (φερε-σσακής „щитоносный" ср. φερέ-οικος, φερέ-ζυγος, φερέ-κακος и т. п., но

[23]) Вѣроятно, изъ множ. σάββατα. Мы не только пишемъ это слово неправильно (съ двумя *б*), но и произносимъ его не такъ, какъ наши первоучители: примѣры, какъ *сотона* изъ σατανᾶς, *олтарь* (польск. ołtarz) изъ altáre, *когань* изъ монголо-турецкаго qaγán, *болвань* изъ татарскаго balván (перс. pahlivān) и т. п. отъ временъ самыхъ отдаленныхъ приблизительно до XIV вѣка несомнѣнно доказываютъ, что славянское *о* соотвѣтствовало чужому *а* только въ слогахъ неударяемыхъ. Если сѫбота произносилось нѣкогда съ удареніемъ на первомъ слогѣ, какъ по-гречески, переносъ его съ такого мѣста, на которомъ въ словѣ на *-а*, по крайней мѣрѣ въ ед. числѣ, оно казалось Славянину неестественнымъ, могъ произойти подъ вліяніемъ словъ, какъ *забота*, *работа*, *охота*, *звѣота*, *лѣота* и т. п. Примѣры μβ, γγ, νδ вм. ββ, κγ, δδ сопоставлены недавно Вильгельмомъ Шульце въ журналѣ Куна XXXIII подъ заглавіемъ Samstag.

[24]) Какъ бы то ни было, сюда не относится τάχα съ краткостью перваго α даже у Гомера; ср. ὦκα (а не ὦππα), ῥίμφα, κρύφα, σάφα, λίπα, ἠρέμα, πύκα, σῖγα, ῥεῖα, ἦκα, ὄχα, μίλα, ἅμα, гдѣ конечное α отнюдь не тождественно съ окончаніемъ средняго рода множ. числа, которому въ санскритѣ соотвѣтствуетъ -i, а, можетъ быть, представляетъ собою слоговое m, ср. скр. aram „быстро", alam „довольно", др.-сканд. fordum „прежде", англ. seldom „рѣдко" и т. п. Впрочемъ въ видѣ вопроса можно выставить слѣдующее сближеніе въ параллель съ κυ- изъ ku̯-: γύαλον „выгнутый предметъ" (напр. передняя и задняя половина латъ), γυάλας „родъ кубка" (въ Мегарѣ), γαυλός „ведро, подойникъ", γαῦλος „родъ корабля", γύλιος или γυλιός „солдатская сума", γωλεός „нора" (она-же φωλεός)—скр. hvar- „уклоняться отъ прямого пути, изгибаться" (прич. прош., кажется, не только hvarita, но и hūrṇa), gáhvara-s или -m „чаща, пещера, потайное убѣжище", hvāri-s „змѣя", hval- „идти косо", huras „тайно", hul- (наст. holati), по индійскому толкованію, himsāsamvaraṇayoḥ, т. е. „о нанесеніи вреда и о сокрытіи", hula-s или huḍa-s „какая-то часть вооруженія" (чуть-ли не ножны). Соотвѣтствіе γ—скр. h извѣстно изъ ἐγώ—aham, μέγας—mahat-, γένυς—hánu-s, ἄ-γοστός—hásta-s и др.

и φερέσ-βιος)—скр. tvacas „кожа“ (въ сложныхъ и въ прилагательномъ tvacas-yá „находящійся въ кожѣ“) [25]), σάττω „навьючиваю, набиваю“—скр. tvánc- „стягивать“, лит. tvènkti, „запружать“, tvànkas „удушливый зной“ (нѣм. zwingen?), σείω „трясу“—скр. tviṣ „возбуждать“, σορός „гробъ, сосудъ для пепла“—лит. tvérti „охватывать“, ap-tvāras „загородь“, „ворокъ“, слав. *за-творъ* [26]). Діалектическое τ засвидѣтельствовано только въ віот. τῦχον—атт. іон. σῦχον „смоква“, съ которымъ сравниваютъ арм. t wouz. И такъ обще-греческая замѣна tv была, вѣроятно, *тц*, откуда, путемъ уподобленія,—σσ- (σ-) и -ττ- (τ-). Замѣна tu̯ также почти совпадаетъ съ замѣной ti̯, часто впрочемъ приближая звукъ слѣдующей гласной къ u̯: у большинства Грековъ σσ, у Аттиковъ и Віотянъ ττ (въ началѣ слова σ, τ): τέσσαρες, іон. τέσσερες, лезб. πέσσυρες или πέσυρες—атт. τέτταρες, віот. πέτταρες изъ qétu̯ores (кромѣ дор. τέτορες, которое указываетъ на доисторическое упрощеніе tu̯ въ t, перенесенное изъ qétr̥tos=τέταρτος и qetr̥=τετρα—въ сложныхъ, какъ и нѣкоторыя изъ формъ другихъ нарѣчій обнаруживаютъ въ своей вокализаціи вліяніе того-же qetr-), σύ дор. τύ (иногда и въ вин.), σέ дор. τέ, σοί дор. τοί (но энклитическое τοι, свойственное также Іонянамъ, восходитъ къ индо-европейской эпохѣ: скр. te, слав. *ти* безъ u̯), σύρβη атт. τύρβη (изъ tu̯r̥bā? ср. лат. turba, turma, также слав. творъ, творити, творогъ, др.-сканд. þvara ж. „мутовка“, греч. τῦρόν „сыръ“, τῦρεῖν или τῦρεύειν „замѣшивать“, напр. молоко для сыра, но и вообще „мутить“=τυρβάζειν и, можетъ быть, τορύνη „мутовка“ безъ F, какъ τέτορες), σηλία атт. τηλία „сито“ при іон. σάω, позднѣйшемъ (въ ἡ κοινή) σή-θω, атт. δια-ττά-ω, -τῶ (прич. прош. сов. ἐ-ττη-μένος) „просѣиваю“ [27]), откуда δία-ττ-ος „сито“ (у Гесихія), ἀλευρό-τη-σις (не съ двумя-ли τ?) „сито для пшеничной муки“ по Полидевку, „мелкая (пшеничная) мука“ по Свидѣ, чтò сравниваютъ съ лит. tvóti „колотить, дубасить“, но можно, кажется, привести въ связь и со знаменитымъ въ санскритской фонетикѣ titau (въ 3 слога) м. и ср. р. „сито“, [28]), если оно образовалось изъ ti-tav-u съ единственнымъ въ санскритѣ

---

[25]) Это сравненіе не годится, если вѣрно замѣчаніе въ Çatapat'abrāhma.am, что tvac „кожа“ произносится въ два слога, такъ какъ въ этомъ случаѣ корень слова былъ бы не tvaq-, а tu̯aq.

[26]) Правдоподобно возведеніе σάος къ первоначальному tvaso-s (ср. гот. ga-þvastjan „укрѣплять“) у Фикка, не смотря на кипр. ΣαϜοκλεϜης.

[27]) Другой аттическій глаголъ того-же значенія—ἠθέω (позже ἤθω) отъ индоевропейскаго sē- „отдѣлять“ (?), отъ котораго въ санскритѣ сохранилось причастіе sita- „бѣлый, чистый“ (послѣднее лишь метафорически); ср. hita- „положенный, помѣщенный“ θετός отъ d'ā- (изъ d'ē-), mita- „измѣренный“ отъ mā- (изъ mē-).

[28]) Такъ объясняетъ это слово и Фиккъ въ рецензіи на Etymologisches Wörterbuch der griechischen Sprache Прелльвица, появившейся въ Göttingische Gelehrte Anzeigen уже послѣ того, какъ эта статья была написана.

сочетаніемъ vu, невозможность котораго и повела къ рѣдкому, но все-же не безпримѣрному зіянію,—хотя бы какъ въ Nala uvaca; по образованію ср. ci-kit-ú „бросающійся въ глаза“ (отъ cit- изъ qit-), ji-gy-ú „побѣдоносный“ (ji-), ji-ga-t-nú „подвижной“ (gam-), ji-g'a-t-nú „стремящійся ударить (han-), хотя всѣ они произведены отъ слабой формы корня, а два послѣднія сверхъ того отъ основы причастія наст. дѣйств. и съ приставкой -nu. Есть еще три слова, начальную σ которыхъ замѣняетъ у Аттиковъ τ: σαργάνη „плетенка“, σεῦτλον „свекла“ (позже σεῦχλον, откуда наше слово) и σίλφη „родъ таракана“, по аттически ταργάνη, τεῦτλον, τίλφη; но начинались-ли они первоначально съ t‿u- или-же съ t‿i,—нельзя рѣшить, потому что этимологія ихъ неизвѣстна. Изъ сказаннаго видно, что, хотя tv и t‿u ведутъ въ греческомъ языкѣ къ различнымъ результатамъ, однако-же, такъ какъ эта разность обнаруживается не во всѣхъ нарѣчіяхъ, судьба вопроса о томъ, которымъ изъ двухъ сочетаній слѣдуетъ объяснять σ- въ данномъ словѣ, въ значительной степени зависитъ отъ случая, который иногда могъ и помѣшать сохраненію аттической формы до нашихъ дней. Остается упомянуть два греческихъ отраженія индоевропейскаго t‿u, противорѣчащихъ выше изложеннымъ наблюденіямъ. Во первыхъ, простая σ въ суффиксѣ -σύνη (μαντοσύνη, παλαιομοσύνη, δικαιοσύνη и т. п.). Не подлежитъ сомнѣнію, что онъ родственъ скр. -tva (ср. р.) и нашему *-с-тво*, т. е. его первоначальный видъ былъ -t‿uo-nā или -t‿ue-nā съ u‿, такъ какъ эти суффиксы состоятъ изъ -tu- и тематической или иной гласной [29]). Но если такъ, это греческое окончаніе должно было бы имѣть въ началѣ σσ или ττ, по нарѣчіямъ, а никакъ не σ, на сколько извѣстно, обще-греческую. На такое-же затрудненіе мы наталкиваемся въ οἶσος „родъ ветлы“ и οἰσύη (то-же или почти то-же), близкихъ по происхожденію къ ἴτυς „ободъ, круглая закраина“ и къ ἰτέα (изъ vi-tev-ā отъ vī- „вить“) „ива“ и потому содержащихъ въ себѣ сочетаніе -t‿uo-, -t‿ue-. И такъ изложенное выше правило о греческой замѣнѣ t‿u слѣдуетъ, повидимому, ограничить, признавъ его дѣйствительнымъ лишь въ примѣненіи къ корнямъ словъ, а для суффиксовъ принявъ обще-греческій переходъ t‿u въ σ. Другую трудность представляетъ мѣстоименіе 2-го л. ед. ч., которое у Іонянъ, Аттиковъ и, по видимому, многихъ другихъ Грековъ является въ видѣ σύ, σεῖο (σέο, σοῦ), σοί, σέ съ притяжательнымъ σός, а у Дорянъ—τύ, τέο и τεῦ (родительный τεοῦς, дат. τεΐν, какъ и притяжательное τεός, извѣстное Іонянамъ, къ дѣлу не относятся), τοί (которое также не йдетъ сюда, если тождественно съ энклитическимъ τοι, такъ какъ послѣднее восходитъ къ индоевропейской энклитиче-

[29]) Любопытно совпаденіе съ пракритомъ, въ которомъ классическое -tva-m осложняется въ -tta-na-m.

ской формѣ безъ ν), τέ или τύ. Что σύ не произошло изъ τύ (віот. τού) доказывается уже прочими формами, гдѣ нельзя объяснять ассибиляцію мягкостью гласной υ (=франц. u), какъ передъ ι въ θέ-σι-ς, δίδω-σι и т. п.; да и гдѣ примѣры такого смягченія? Очевидно, формы съ σ- происходятъ отъ таковыхъ-же съ tu̯+гласная или tv+гласная. Однако-же при первомъ предположеніи странно то, что у Аттиковъ является σ, у Дорянъ τ, а не наоборотъ, при второмъ неожиданна замѣна σ посредствомъ τ у Дорянъ (не у однихъ Критянъ или Віотянъ). Изъ тѣхъ-же соображеній ясно, что нельзя одинъ рядъ формъ отнести къ tv-, а другой—къ tu̯-. Очевидно, здѣсь въ область звука вторглось постороннее начало, психологическое, именно аналогія. Но прежде чѣмъ пустить въ ходъ это опасное по своей легкости средство, примемъ въ расчетъ только что выведенное измѣненіе tu̯ въ σ въ суффиксахъ. Дѣло въ томъ, что энклитика, тѣсно примыкая къ предшествующему слову, близко подходитъ со звуковой стороны къ неударяемому суффиксу, почему иногда подвергается дѣйствію тѣхъ-же законовъ sand'i и вообще раздѣляетъ его участь; напр. denuo изъ dé novo какъ miluus изъ mil-o-vo-s, *надоть* изъ *надо ти* какъ *падать* изъ *пада-ти*. Такъ и tu̯e, tu̯oi въ качествѣ энклитикъ могли принять видъ σε, σοι, къ которымъ потомъ примкнуло уже спеціально-греческое σέο. И такъ нормальная въ фонетическомъ отношеніи парадигма греческаго мѣстоименія 2-го лица приблизительно такова: имен. tú, род. tseío (ts=ц, откуда и τ- и σ-), дат. tsoí, вин. tsé и энклитическія seo, soi (на ряду съ индо-европейскимъ toi), se, вмѣсто котораго, можетъ быть, говорилось и su, какъ отчасти Доряне въ качествѣ энклитической формы вин. пад. употребляли τυ. Аналогія латинскаго tuus (изъ tovos—tevos=лит. távas, какъ и suus изъ sovos—sevós) съ тѣмъ стяженіемъ -óvo- въ -u-, которое мы видѣли въ dé-nuo, позволяетъ думать, что у Грековъ было нѣкогда помимо ударяемаго tevós (τεός) энклитическое sos изъ (tu̯os, какъ и hos изъ hu̯os при ударяемомъ hevós изъ sevós). Что касается род. пад., то разнообразіе его образованій по нарѣчіямъ (σεῖο—σέο—σοῦ, σέθεν, τέος, τεοῦς, τεοῖο и почти столько-же формъ въ 1-мъ и въ 3-мъ л.) свидѣтельствуетъ о томъ, что въ общегреческій языкъ перешла изъ индоевропейскаго такая форма, которая на новой почвѣ не могла удержаться, по крайней мѣрѣ, въ своемъ древнѣйшемъ значеніи. Форма эта оканчивалась, вѣроятно, на -e (ср. скр. mama, tava, слав. *мене*, *тебе*, *себе*, можетъ быть, съ перемѣной *в* на *б* подъ вліяніемъ дательнаго и мѣстнаго), т. е. совпадала съ исторической формой винительнаго. Изъ этого затрудненія Греки, не за долго до раздѣленія на племена, нашли тройкій выходъ: къ mé или emé, tse и hu̯e, принявъ ихъ за такія-же основы, какъ притяжательныя emó-, tevó-, hevó-, указательная to-, относительная ho- и т. п., одни прибавили свойственное послѣд-

нимъ окончаніе род. пад. -i̯o, другіе воспользовались отложительнымъ окончаніемъ нарѣчій -t'en, третьи прибѣгли къ род. пад. соотвѣтствующихъ притяжательныхъ (какъ по-латыни mei, tui, sui, nostri, vestri и даже не то имен., не то вин. nostrum, vestrum), но этотъ способъ принялся, кажется, слабо. Впослѣдствіи, когда -ει- въ формахъ на -εῖο сократилось въ отдѣльныхъ нарѣчіяхъ въ -ε̄-, Доряне снова принялись за подновленія частью изъ 2-го склоненія, частью изъ 3-го. Слѣдовательно форма tseío сравнительно нова и, такъ сказать, внутренняго приготовленія, а потому и легче поддавалась аналогіи: когда въ языкѣ обнаружилось стремленіе къ объединенію формъ ударяемыхъ и энклитическихъ на счетъ первыхъ (а случилось это еще до раздѣленія на племена), энклитика seo навязала свой s ударяемому tseío почти безо всякаго отпора со стороны преданія. Такимъ путемъ s, явившійся первоначально въ формахъ неударяемыхъ, мало по малу распространился по всему склоненію мѣстоименія 2-го л. ед. ч. Но такъ дѣло разрѣшилось только въ юго-восточной вѣтви панэллиновъ; а сѣверо-западная совершила то-же объединеніе иначе: не чувствуя склонности къ ассибиляціи, характеризующей первую вѣтвь, которую да будетъ позволено назвать паніоно-эолійской, оно поставило во главѣ угла преобразованія древній именительный tú и усилило его вліяніе всѣми остатками склоненія съ t-, которые въ ту эпоху уцѣлѣли спорадически: индо-европейская энклитика toi послужила къ превращенію tsoí въ toí; тому-же способствовало и другое образованіе дат. пад. tevín (τεΐν—, вѣроятно, первоначально, мѣстный; ср. скр. a-sm-in, ta-sm-in, ya-sm-in), но своимъ первымъ слогомъ оно могло воздѣйствовать и на вин. tsé, se, на который съ другой стороны вліяло притяж. tevós особенно послѣ того, какъ его род. пад. tevoío (τεοῖο—τεόο—τεῦ) вошелъ въ парадигму склоненія tú, и сверхъ того, можетъ быть, винительный энклитическій tu, если дор. τυ въ этомъ смыслѣ восходитъ къ какой-нибудь индоевропейской формѣ въ родѣ tum,—во всякомъ случаѣ безъ u̯, какъ дѣйствительно находимая слабая основа te- (лат. tibi изъ te-fi, также tē, нѣм. dir, di-ch, слав. тѧ), которой гласная, должно думать, заимствована изъ корней мѣстоименій 1-го л. и возвратнаго. Въ сторонѣ отъ всѣхъ этихъ формъ стоитъ Гесихіево τρέ· σέ. Κρῆτες, въ которой ρ обыкновенно принимаютъ за чью-то описку вмѣсто F. Но, какъ мы видѣли, F противорѣчило бы греческой фонетикѣ. Скорѣе можно было бы предположить ττέ или, пожалуй, τθ; но вѣроятнѣе всего то, что описки здѣсь нѣтъ никакой, а τρ должно выражать особый звукъ, свойственный критскому нарѣчію и неизобразимый точно средствами греческой азбуки,—быть можетъ, такъ называемый церебральный, или язычно-нёбный, подобный англійскому t. Наличность, по крайней мѣрѣ, звонкой такого рода у Критянъ можно вывести изъ сопоставленія πῆριξ· πέρδιξ у Гесихія и πατῆ

δώῃ, πατὴ δώῃ и πατὴρ δωώσιον въ Гортинской надписи, подъ вліяніемъ r, какъ въ санскритѣ и другихъ индійскихъ языкахъ и также въ шведскомъ. И такъ еще въ обще-греческомъ языкѣ, но, вѣроятно, не задолго до его распаденія на нарѣчія, образовались двѣ болѣе или менѣе полныхъ парадигмы мѣстоименія 2-го л. ед. ч.—съ s- и съ t-, изъ которыхъ одна преобладала у одной разновидности Грековъ, другая—у другой. Однако тѣ формы съ t-, которыя искони начинались только этимъ звукомъ, безъ u̯, сохранялись и среди тѣхъ племенъ, которыя предпочли s-: у Гомера, какъ и вообще у Іонянъ, обычно энклитическое τοι (въ противоположность ударяемому σοί), также рядомъ съ σός нерѣдко τεός, да и τεοῖο въ смыслѣ σοῦ встрѣчается у него-же (Θ 37=468), хоть, можетъ быть, подъ вліяніемъ другого нарѣчія. Наоборотъ въ дорическихъ рукописныхъ памятникахъ находимъ и σύ, σοί, σέ; но какіе изъ этихъ примѣровъ были естественнымъ достояніемъ живого языка, какіе относятся къ литературнымъ обычаямъ, какіе должны пасть на совѣсть діаскевастовъ и переписчиковъ,—это, конечно, еще вопросъ.

Сочетаніе d съ v или u̯ находится несомнѣнно въ двухъ слѣдующихъ корняхъ: dvei- „бояться“ (ср. авест. dvaēpa „страхъ“)—ΔϜεινίας (собств. имя отъ dvei-nos=δεινός) въ коринѳской надписи, δείδια, δείδιθι, δείδοιχα, δειδίξομαι „напугаю“ съ ει=ē, ἔδεισα, περίδεισα, ὑποδείσας, θεούδης (гдѣ ου=ō(изъ θεο-δϜέης, также δέος, δειλός, δεῖμα, δεινός,—всѣ съ долготой передъ δ или ἔδδεισα и пр. у Гомера, гдѣ, пожалуй, можно читать δέδϜια и т. д. съ Ϝ послѣ кореннаго δ; dvo- или dvi- „два“ съ производными (только не самое δύο съ полнымъ u, какъ лат. duo, слав. *двва*, лит. du, и не δεύτερος, произведенное, очевидно, не отъ dvo- и не отъ dvi-)—δοιός, δίς, δισσός или διττός, διξός безо всякихъ признаковъ v, сохранившагося однако-же такъ или иначе во всѣхъ родственныхъ языкахъ. Случайна-ли эта разница между двумя корнями, т. е. зависитъ-ли она лишь отъ нашей бѣдности на памятники съ Ϝ, или она обусловлена тѣмъ, что въ первомъ корнѣ v согласное, а во второмъ—полугласное u̯, трудно рѣшить при такомъ ничтожномъ матеріалѣ. Какъ бы то ни было, не слѣдуетъ забывать, что, если бы въ δίς и т. п. слышалась дигамма, въ гомеровскихъ стихахъ, по всей вѣроятности, оказались бы примѣры протяженія предшествующихъ имъ краткихъ гласныхъ, какъ въ οὔτι μάλᾱ δήν, гдѣ δ- вмѣсто δϜ- или иного сочетанія согласныхъ. Кромѣ приведенныхъ двухъ случаевъ съ dv- (du̯-) въ греческомъ языкѣ возможны и другія попытки сближенія на основаніи этой группы, но всѣ онѣ, по малой мѣрѣ, сомнительны, не исключая принятаго Г. Мейеромъ § 285 Бругманова объясненія гом. εἶδαρ „пища, кушанье“, т. е. будто бы ἔδδαρ, посредствомъ скр. advan- „ядущій“: есть суффиксъ -αρ, но суф-

фикса -Fαρ нѣтъ [30]), а потому чуть-ли не безопаснѣе признать въ этомъ словѣ не слабый видъ корня ed-, давшій ἔδ-ομαι, ἐδ-ωδή, ἐσ-θίω и пр., а сильный, который извѣстенъ не только изъ славянскихъ и балтійскихъ языковъ (*ѣд-а, ѣс-ти* или *ясти* и т. д., лит. ė́d-mi, ė́s-ti), но также изъ латинскаго (ēs, ēst и т. д.), изъ германскихъ (др.-сканд. aet-r „съѣдобный"), изъ санскрита (ād-ya то-же) и даже, повидимому, изъ греческаго (ν-ῆσ-τις, δειπν-ησ-τός, δορπ-ησ-τός по Фикку въ Gött. gel. Anz. 1894 стр. 231) [31]), и согласно съ такимъ объясненіемъ выражать долготу перваго слога, какъ индоевропейскую, посредствомъ η.

На d' съ v или u нѣтъ ни одного надежнаго примѣра. Самый вѣроятный изъ нихъ—θαιρός „дверной крюкъ", гдѣ по естественной связи съ θύρα (лат. fores,—должно быть, изъ d'u̯ores—, др.-сакс. dura) слѣдуетъ предполагать u̯: d'u̯r̥i̯ós. Такимъ-же сочетаніемъ объясняютъ θολός „грязь, муть" сближая это слово съ гот. dvals „бѣшеный" (н.-в.-нѣм. toll), англос. gadvelan „блуждать". Но если даже это предположеніе вѣрно, мы все-таки не знаемъ, что̀ здѣсь было въ древнѣйшемъ греческомъ языкѣ: θF- ила просто θ-. Можетъ быть, на d'v- или d'u- основана діалектическая смѣна θ и φ въ корняхъ, начинающихся съ d' (какъ, вѣроятно, и при g'v- и g'u̯-) —конечно, не въ θύω—эпир. φύω, гдѣ съ физіологической точки зрѣнія представляется правдоподобной зависимость этого φ отъ слѣдующей гласной, звучавшей, кажется, у всѣхъ сѣверныхъ Грековъ какъ u. Вѣроятно, сюда относится θοίνη (съ θ передъ ο,—стало быть, не изъ g'-), у Алкмана φοίνα „пиръ", если корень его есть d'u̯en- „звучать, шумѣть" (скр. d'vanati но и d'unayate, др.-сакс. dunjan); также собственное имя Θεόθεστος, віот. Θεόφεσθος, Θιόφεστος или Θιόφειστος (съ ει вмѣсто обще-греч. η), если вторая часть его родственна лит. dvḗsti „дышать", dvásė „духъ", нашимъ *дво-*

[30]) Если-бы такое окончаніе было, оно оказалось-бы скорѣе всего въ словахъ, имѣющихъ передъ -αρ гласную. Но изъ нихъ сейчасъ-же слѣдуетъ отбросить тѣ, въ которыхъ эта гласная—υ, потому что звукъ u можетъ въ зіяніи развивать v изъ себя самого. И такъ остается ε. Изъ словъ съ этой гласной φρέαρ (у Гомера множ. φρείατα, читай φρήατα) заключаетъ въ себѣ v (φρῆFαρ ср. арм. a-lbeur „источникъ", лит. briáu-ti-s „вырываться наружу", гот. brunna=нѣм. Brunnen), но это v принадлежитъ корню; στέαρ изъ stei̯-ar (ср. лат. stī-ria, скр. styāyati „свертывается, сгущается"); ἔαρ изъ ves-ar (ср. наше *вес-на* и пр.), κέαρ чуть-ли не искусственно образовано изъ κῆρ, которое древнѣе (у Гомера только κῆρ), δέλεαρ, если можно довѣрять позднѣйшему τὸ δέλος (тоже „приманка, привада"), произошло изъ deles-ar, и эта основная форма во всякомъ случаѣ вѣроятнѣе, чѣмъ delev-ar, потому что при v Лезбійцы едва-ли позволили-бы себѣ стяженіе въ βλῆρ.

[31]) Но откуда Фиккъ заимствовалъ „лат." inēdia? Ср. напр. ямбическій диметръ въ Catalepton Вергилія:

⏑ — ⏑ ⏑ ⏑ — — ⏑ —

Pedes inedia turgidos.

хать, *двошить*, ср. в.-нѣм. ge-twās „привидѣніе“, въ которыхъ наши-же *дышать* и *духъ*, да и неосложненный видъ корня—d'u̯- (θύ-ω, θύ-ελλα, *ду-ти*) свидѣтельствуютъ объ u̯ [32]).

Ѳ. Коршъ.

---

[32]) Сюда-же Фиккъ относитъ и θεός, эпир. φεός (ср. Δωροφέα въ наксосской надписи лѣтъ за 500 до Р. Х.), но въ такомъ случаѣ fas и пр. придется отдѣлить отъ него по причинамъ семасіологическимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ оставить эти слова безъ удовлетворительнаго объясненія. Сверхъ того вторая часть имени Θεόθεστος должна будетъ отойти къ другому корню, до къ какому-же, особенно если мы дорожимъ объясненіемъ чередованія φ съ θ? Не слѣнуетъ также упускать изъ виду того обстоятельства, что въ віотійскихъ формахъ этого имени θ и φ всегда являются въ этомъ порядкѣ и одинъ звукъ не замѣняется другимъ. Считать смѣну θ и φ явленіемъ случайнымъ, зависящимъ отъ превращенія придыхательныхъ въ дыхательныя, вслѣдствіе котораго напр. въ латыни всѣ индоевропейскія придыхательныя смѣшались въ одномъ дыхательномъ f (см. Г. Мейера § 211), мы не имѣемъ права уже потому, что это такъ называемое смѣшеніе φ съ θ начинается въ такія времена, когда придыхательныя несомнѣнно еще не утратили своего исконнаго характера. Что φήρ при θήρ не случайность, вполнѣ ясно изъ предшествующихъ замѣчаній о гортанныхъ съ v и u̯. Такъ мы должны предположить g'u (но безъ v или u̯) и въ θλάω—φλάω (ср. напр. нѣм. Glas, др., скand. gler „стекло“ и скр. g'ars- „растирать, дробить“) и въ сближаемомъ съ лат. flīgo θλῖβω—φλίβω (м. б., то-же g'ars-, индоевроп. g'ers-+gu, какъ τρίβω отъ ter-s + gu). Что имя горы Ὄθρυς—то-же, что ὀφρύς, не доказано; откуда Θεσσαλός—ѳессал. Πετθαλός (вм. Φετθ.), неизвѣстно. Подъ конецъ еще нѣсколько примѣровъ того распространенія корня которое, можетъ быть, находится въ θλίβω и fligo: λεί-β-ω, λοι-β-ή, λι-β-άς ср. слав. ли-ти; ἀ-μεί-β-ω, ἀ-μοι-β-ή (слав. *ми-г-ливъ* „измѣнчивъ, подвиженъ“) ср. латыш. mi-ju „мѣняю“, лит. mai-na-s=слав. *мѣ на*; στεί-β-ω, στοι-β-ή, στί-β-ος ср. στέαρ въ прим. 27, скр. stī-má „медленно текущій, др.-сканд. stī-m „сутолока“; можетъ быть, τρί-β-ω, ἐ-τρί-β-ην ср. τείρω изъ tér-j-ō, лат. ter-o, trī-vi, слав. *трѣ-ти*, тереть, съ которымъ родственно и гот. þri-s-ku=нѣм. dresche, но точно-ли непосредственно, какъ увѣряютъ, доказать трудно (всѣ съ β=gu).

Очерки изъ исторіи и юридическаго быта старой Малороссіи.

Суды земскіе, гродскіе и подкоморскіе въ XVIII в.

Глава I.

Судоустройство въ лѣвобережной Украинѣ до 1648 г. Судьба шляхетскихъ судовъ. Возникновеніе козацкихъ судовъ. Судъ сельскій. Сотенный судъ. Судъ полковой. Войсковой генеральный судъ. Генеральная войсковая канцелярія и высшіе органы судебной власти въ краѣ. Заключеніе.

До 1648 г. устройство судебной части въ лѣвобережной Малороссіи слагалось по типу другихъ частей Рѣчи Посполитой. Шляхта, коей и принадлежало главное значеніе въ государствѣ, давно уже добилась для себя суда сословнаго. Уголовныя дѣла шляхтичей разбирались въ гродскихъ судахъ, гдѣ урядниками были шляхтичи же даннаго округа, а предсѣдателемъ шляхтичъ воевода или судовой староста, а въ отсутствіе его—его намѣстникъ. Гражданскія дѣла шляхетства разбирались въ земскихъ повѣтовыхъ судахъ, гдѣ обязанности судьи, подсудка, писаря и даже низшихъ агентовъ—возныхъ исправлялись урядниками шляхтичами по выбору шляхты своего повѣта. Дѣла о спорахъ за межи и границы, когда требовался личный осмотръ или измѣреніе судомъ спорной земли на мѣстѣ, направлялись въ подкоморскій судъ, гдѣ урядниками были подкоморый и коморникъ, оба изъ шляхтичей даннаго повѣта; перваго выбирала шляхта, втораго—подкоморый, но непремѣнно изъ числа мѣстныхъ шляхтичей. Апелляція на рѣшенія всѣхъ этихъ шляхетскихъ судовъ шла въ трибуналъ Люблинскій, гдѣ судьями являлись также шляхтичи по выбору отъ каждаго воеводства.

Принципъ сословнаго суда примѣнялся не къ одному шляхетству: въ городахъ, пользовавшихся какъ полнымъ, такъ и не полнымъ Магдебургскимъ правомъ, мѣщанство судилось урядниками, выбиравшимися изъ его же среды, хотя нужно замѣтить, что въ отношеніи мѣщанства принципъ сословнаго суда былъ проведенъ далеко не такъ послѣдовательно, какъ въ отношеніи шляхетства: въ иныхъ городахъ мѣщанскіе суды подвергались сильному давленію старостинской власти, а при апелляціонномъ разборѣ мѣщанскихъ дѣлъ принципъ сословности и вовсе не примѣнялся.

На ряду съ мѣщанствомъ и шляхетствомъ правомъ сословнаго суда пользовалось въ нѣкоторыхъ случаяхъ и городовое козачество. Оффиціальное признаніе за нимъ этого права находимъ уже въ королевской грамотѣ 1582 г., передававшей судъ и расправу надъ козаками въ юрисдикцію козацкаго старшого [1]). Не смотря на многократныя урѣзки козацкихъ привиллегій, право это, какъ видно, удержалось за козаками и въ 17 в. До насъ дошелъ приказъ козацкаго гетмана Дмитрія Барабаша Переяславской полковой старшинѣ съ рѣшеніемъ по жалобѣ козака Колушкевича на козаковъ Савченковъ о захватѣ послѣдними принадлежащей Колушкевичу земли [2]). Изъ этого рѣшенія можно заключить о существованіи самостоятельнаго и независимаго козацкаго суда, состоявшаго подъ предсѣдательствомъ гетмана изъ коллегіи, названной въ документѣ „радою гетманскою зуполною“.

Къ перечисленнымъ общественнымъ группамъ слѣдуетъ, наконецъ, добавить и духовенство, пользовавшееся въ нѣкоторыхъ случаяхъ правомъ сословнаго суда. Въ значительно худшемъ положеніи находились низшіе классы общества. Коронныя имѣнія отдавались въ управленіе старостамъ, которые сами или въ лицѣ своихъ подстаростъ и намѣстниковъ и являлись судьями подвластнаго населенія. Въ панскихъ имѣніяхъ судебная власть принадлежала пану. Панъ или его урядникъ разбиралъ не только дѣла между своими подданными, но и между подданными и лицами посторонними при жалобѣ этихъ послѣднихъ на панскихъ подданныхъ. Отъ владѣльческаго суда дѣло переносилось въ гродскій или земскій судъ только тогда, когда панъ отказывалъ жалобщику въ удовлетвореніи, или когда жалобщикъ находилъ это удовлетвореніе недостаточнымъ [3]). Юрисдикція пана надъ подданнымъ простиралась до права смертной казни. Въ такомъ объемѣ она передавалась и панскимъ управляющимъ и арендаторамъ [4]). Иногда панамъ принадлежали и цѣлые города (мѣстечки). Владѣльцы такихъ городовъ предоставляли своимъ подданнымъ самоуправленіе, жители города назывались мѣщанами, получали Магдебургское право, а стало-быть и право сословнаго суда. Тѣмъ не менѣе судебная власть магистрата во владѣльческихъ городахъ находилась въ полной зависимости и подъ ближайшимъ контролемъ владѣльца [5]).

Таково было положеніе дѣлъ на Украинѣ, когда надъ нею разразилась гроза народной революціи, затѣянной козацкимъ батькомъ. Прошло немного времени, и польскіе порядки оказались окончательно скасован-

---

[1]) А. Ю. З. Р. т. II, № 149.

[2]) „Кіев. Стар.“ 1885, кн. 5, стр. 144—145.

[3]) Статутъ (3 ред.) розд. IV, арт. 48.

[4]) Объ этомъ подробно въ отвѣтѣ Шульгина Корвону въ „Кіев. Стар.“ 1893, кн. 1, стр. 134—137.

[5]) Антоновичъ. Монографіи, стр. 169.

ными козацкой шаблей. Немногочисленная сравнительно на лѣвомъ берегу шляхта принуждена была бѣжать за Днѣпръ, а та часть ея, которая и прежде дружила съ козаками и отличалась отъ хлопства только саблей при боку, примкнула къ козацкому движенію. Панскіе подданные эманципировались отъ власти владѣльцевъ, а обыватели коронныхъ имѣній и мѣщанство—отъ старостинскаго присуда. Шляхетскіе суды закрылись, а документы судовыхъ архивовъ пошли на подпалку ковацкихъ люлекъ да на костры войсковымъ кашеварамъ.

1654 годъ возсоединилъ Русь южную съ Русью восточною. Вмѣстѣ съ войскомъ запорожскимъ и посполъствомъ въ вѣрности Московскому царю присягнуло и 300 шляхтичей, уцѣлѣвшихъ отъ народной мести. Но какъ ни ничтожна была эта горсть бѣлой кости, ея интересы не были оставлены втунѣ. Шляхтичъ Хмельницкій не забылъ своей братіи шляхты и въ заключенномъ имъ съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ договорѣ выговорилъ для нея права, которыми она издавна пользовалась, и, между прочимъ, право сословнаго суда въ его прежнемъ видѣ. По этому договору шляхетскіе гродскіе, земскіе и подкоморскіе суды оставлены на прежнемъ основаніи, выборъ урядниковъ предоставленъ самому шляхетству, а въ судопроизводствѣ дозволено пользоваться прежними правами.

Но никакіе договоры не въ силахъ были возстановить того, что скасовано самой жизнью. Не смотря на приверженность первыхъ гетмановъ и многихъ изъ старшины къ шляхетскимъ порядкамъ, возстановлять шляхетскіе суды никто изъ нихъ не думалъ. Объ одномъ только Выговскомъ имѣемъ неясное указаніе, что онъ „возстановилъ было нѣсколько шляхетскіе польскіе суды“ [1]), но, во первыхъ, это указаніе принадлежитъ автору конца 18 в. и равно ничѣмъ не подкрѣплено, а во вторыхъ, если суды и точно были возстановлены, то существованіе ихъ было слишкомъ непродолжительнымъ, ибо съ проигрышемъ дѣла Выговскаго и его партіи должны были рушиться и заведенные имъ порядки, какъ рушился и самъ Гадячскій договоръ. Столь же мало вѣроятнымъ кажется намъ и увѣреніе Полетики, что шляхетскіе суды существовали въ первые годы гетманщины и „не только при Богданѣ Хмельницкомъ, но и Выговскомъ и Юріи Хмельницкомъ были и должность свою самымъ дѣломъ отправляли“ [2]). Упраздненіе шляхетскихъ судовъ, по взгляду украинскаго патріота, было не слѣдствіемъ условій самой народной жизни по-революціоннаго періода, а результатомъ насилія украинскихъ правителей: „гетманы, будучи подкрѣплены своею воинскою властію, которую они больше, нежели права дозволяютъ, присвоили, богат-

---

[1]) Шафонскій стр. 63.

[2]) Наставленіе выбранному отъ Мал. Колл. депутату Натальину и возраженіе на оное Полетики, стр. 26.

ствомъ, которымъ они, собирая общенародныя подати, пользовались, и помощію сильныхъ своихъ, при дворѣ россійскомъ находящихся, пріятелей, вмѣстѣ съ прочими преимуществами малороссійскаго шляхетства, и сіе отняли, что они между собою судовъ имѣть и судей выбирать перестали, и оставивъ земскіе чины, всѣ стали писаться воинскими и зависѣть отъ единой гетмановъ власти и отъ сихъ безпредѣльныхъ начальниковъ ожидали или своего благополучія и возвышенія, или, въ случаѣ ихъ немилости, своего несчастія, часто же и совершеннаго разоренія и пагубы, а изъ сего ясно видно, каковымъ образомъ земскія и гражданскія дѣла какъ въ судъ генеральный, такъ и въ прочія войсковыя правленія перешли". Тѣмъ не менѣе ни фактъ существованія шляхетскихъ судовъ въ первые годы гетманщины, ни только что приведенная исторія ихъ упраздненія ровно ничѣмъ не доказаны. Хотя Полетика и увѣрялъ, что на этотъ счетъ у него имѣются ясныя доказательства, но каковы эти доказательства—такъ и осталось тайной. Принявъ во вниманіе, что Полетика—ярый защитникъ интересовъ малороссійскаго шляхетства, что самая исторія Малороссіи понималась и истолковывалась имъ съ точки зрѣнія интересовъ своего сословія, мы, думаемъ, имѣемъ нѣкоторое право сомнѣваться въ неопровержимой „ясности" его доказательствъ. Если бы статутовые шляхетскіе суды дѣйствительно существовали въ гетманщинѣ всего за сто и даже менѣе лѣтъ до Полетики, то кому бы, кажется, лучше знать объ этомъ, какъ не самому гетманскому правительству? А между тѣмъ, въ 1763 г., возстановляя земскіе и гродскіе суды, украинскіе правители публично заявили, что о существованіи этихъ судовъ въ Малороссіи послѣ 1654 г. имъ ровно ничего не извѣстно: объ этомъ, „за неимѣніемъ исправныхъ архивъ и давнопрошедшимъ временемъ" уже и тогда доискаться было трудно, точно такъ же, какъ и до сихъ поръ не удалось открыть ни одного документа, подтверждающаго высказанное Полетикой мнѣніе. Послѣднее указаніе на существованіе шляхетскихъ судовъ относится къ 1652 г., когда въ Кіевскомъ гродскомъ судѣ актуется королевская привиллегія Хмельницкому [1]), позже этого ни о гродскихъ, ни о земскихъ судахъ нѣтъ и помину. Отъ второй половины 17 в. до насъ дошло нѣсколько шляхетскихъ документовъ, совершавшихся, однако, не въ гродскихъ или земскихъ судахъ, а на урядѣ мѣйскомъ или войсковомъ, что, конечно, врядъ ли имѣло бы мѣсто при существованіи особыхъ судовъ для шляхты. Равнымъ образомъ нѣтъ ни одного документа отъ того же времени, въ которомъ бы шляхтичъ изъ гетманщины былъ названъ подкоморымъ, земскимъ судьею, подсудкомъ и т. п. Такъ оно, конечно, и должно было быть. Малорусскій народъ въ первые годы пореволюціоннаго періода былъ черезчуръ однороденъ, черезчуръ безсосло-

[1]) А. Ю. З. Р. т. X, № 8, стр. 467.

венъ, чтобы у него могъ найти себѣ мѣсто сословный шляхетскій судъ, и слишкомъ примитивенъ, чтобы нуждаться въ сложныхъ формахъ суда. Не забудемъ при этомъ и его заклятой ненависти ко всему, что напоминало польскіе порядки и пана,—ненависти, въ виду которой 300 уцѣлѣвшихъ шляхтичей должны были молчать о своемъ шляхетствѣ, а вновь нобилитованные въ Москвѣ старшины—публично отрекаться отъ пожалованнаго имъ дворянства. Для шляхетскихъ судовъ на Украйнѣ времена не созрѣли даже къ началу 18 в., и самъ Мазепа, не смотря на все свое доброхотство шляхетнымъ выходцамъ изъ за Днѣпра и нарождающейся новой малорусской шляхтѣ и на полное отсутствіе какого либо противодѣйствія со стороны центральной власти, не осмѣлился сдѣлать ни одного шага въ этомъ направленіи. На Украйнѣ преобладающее значеніе получило козачество, выдвинувшее и свои формы войсковаго суда въ видѣ судовъ сотенныхъ, полковыхъ и генеральнаго, которымъ вмѣстѣ съ козачествомъ должны были подчиниться и старинные шляхтичи, и новопожалованные московскіе дворяне. Но не смотря на рѣшительное возобладаніе козацкаго элемента, процессъ жизни пошелъ въ гетманщинѣ такимъ путемъ, что шляхетское право мало по малу вытѣснило изъ козацкихъ судовъ козацко-народныя нормы права, и въ половинѣ 18 ст. въ козацкихъ судахъ остались однѣ только выработанныя казаччиною формы судоустройства. Но и эти формы, по мѣрѣ осложненія жизни, становились все болѣе и болѣе узкими, и наконецъ должны были рушиться, когда среди самого украинскаго народа окончательно формировалась своя шляхта, которая, усилившись и ставъ командующимъ классомъ, вспомнила наконецъ и о забытыхъ формахъ до-революціоннаго судоустройства и возстановила ихъ. Къ послѣднему году гетманщины изъ всего выработаннаго козаччиной судоустройства уцѣлѣлъ только генеральный судъ, но и въ немъ казацкаго было только одно имя. Вмѣсто сотенныхъ и полковыхъ судовъ по всей Украйнѣ дѣйствовали теперь суды гродскіе, земскіе и подкоморскіе, хотя, конечно, въ значительно иномъ видѣ, нежели во времена наияснѣйшихъ королей польскихъ.

Прежде чѣмъ перейти къ судебной реформѣ, упразднившей выработанный козаччиной порядокъ судоустройства, намъ нужно напомнить, хотя въ общихъ чертахъ, каковъ былъ этотъ порядокъ. Говорить подробно объ этомъ вопросѣ не входитъ въ предѣлы нашей задачи, къ тому же и самъ вопросъ—вопросъ темный и трудный, а потому мы и ограничимся немногимъ. Имѣть въ виду будемъ при этомъ исключительно козацкое—войсковое судоустройство, не касаясь судовъ магистратовыхъ и ратушныхъ.

Договоръ Хмельницкаго предоставилъ гетманщинѣ полную независимость въ отправленіи правосудія. Положеніе дѣлъ на Украйнѣ было таково, что

проявлять сколько нибудь активное вмѣшательство въ ея судебный строй московскому правительству не было удобно. Правда, шатость первыхъ гетмановъ и раздоры украинскихъ политическихъ партій дали было Москвѣ поводъ наслать въ малорусскіе города своихъ воеводъ и приказныхъ; правда, что эти воеводы присвоили себѣ кое какія функціи судебной власти, а заведенныя ими съѣзжія избы стали было до нѣкоторой степени играть роль настоящихъ судебныхъ установленій [1]), но это продолжалось очень не долго. Умудренное опытомъ, московское правительство скоро поняло, что для введенія съѣзжихъ избъ на Украинѣ пора еще не настала, а потому предоставило гетманцамъ судиться, какъ сами знаютъ, вмѣшиваясь въ ихъ суды и расправы только тогда, когда они сами объ этомъ просили. Болѣе активное вмѣшательство центральной власти въ судебный строй гетманщины началось только въ эпоху Петровскихъ преобразованій, и такимъ образомъ въ теченіи перваго полустолѣтія по-революціоннаго періода малорусскому народу предоставлена была полная свобода выработать тотъ или другой порядокъ въ области суда и расправы. Слѣдить за тѣмъ, какъ постепенно вырабатывался этотъ порядокъ, мы не имѣемъ возможности; тѣмъ не менѣе на одномъ, относящемся сюда, вопросѣ намъ, думается, необходимо остановиться въ виду его важности и интереса: это вопросъ о времени возникновенія козацкихъ судовъ въ гетманщинѣ. Тотчасъ ли послѣ революціи возникли козацкіе суды, или было время, когда окозаченное населеніе лѣвобережья судилось какъ нибудь иначе? Здѣсь мы встрѣчаемся съ весьма важнымъ, основаннымъ на знакомствѣ съ архивнымъ матеріаломъ, мнѣніемъ Шафонскаго, относящаго, какъ извѣстно, возникновеніе козацкихъ судовъ къ позднѣйшимъ годамъ пореволюціоннаго періода. По его словамъ, въ первое десятилѣтіе послѣ революціи козацкія дѣла, наряду съ дѣлами мѣщанства и поспольства, вѣдались исключительно ратушными и магистратскими судами безъ всякаго участія козацкихъ урядниковъ. Въ подтвержденіе этого мнѣнія Шафонскій ссылается на книги Гадячской ратуши, съ которыми онъ имѣлъ возможность познакомиться самолично. Какъ ни авторитетнымъ кажется это утвержденіе автора „Статистическаго Описанія", съ нимъ, однако, нельзя согласиться. Мѣшаютъ этому и апріорныя соображенія, и самые факты. Въ самомъ дѣлѣ трудно допустить, чтобы окозаченное мѣщанство и хлопство въ самый разгаръ всеобщаго увлеченія козацкими правами, когда каждый, кто только могъ, голилъ чуприну и надѣвалъ саблю, безъ всякой видимой причины отказалось въ пользу магистратовъ и ратушъ отъ важнѣйшаго козацкаго права,—права, которымъ козачество пользовалось даже при польскихъ порядкахъ, на зависть мѣщанству и хлопству. Не въ пользу мнѣнія Шафонскаго говорятъ и указанія доселѣ извѣстныхъ судебныхъ актовъ

[1]) Обозрѣніе Румянцевской описи, стр. 503.

средины 17 ст. Изъ нихъ мы можемъ заключить, что козацкій судъ водворился на Украйнѣ чуть ли не съ первыхъ дней возстанія, причемъ вліянію козацкаго уряда подчинились не только дѣла козацкія, но и самого мѣщанства. Въ актахъ Бориспольскаго мѣйскаго уряда указаніе на участіе въ ратушномъ судѣ Бориспольскаго сотника встрѣчается уже подъ 1649 г., [1]), а въ 1652 г. мы видимъ того же сотника, купно съ городовымъ атаманомъ и товариствомъ, производящимъ судъ и расправу надъ проявившимися въ Борисполье вѣдьмами. [2]) Съ этихъ поръ участіе козацкаго уряда въ ратушномъ судѣ проявляется очень часто, а съ 60-хъ годовъ 17 ст. не встрѣчается ни одного дѣла, въ разборѣ котораго не принимало бы участія козацкое начальство. Въ Нѣжинѣ, по тамошнимъ магистратскимъ книгамъ, участіе козацкаго элемента въ судѣ констатируется уже въ 1657 г. По переписнымъ книгамъ приведенныхъ къ вѣрѣ жителей малороссійскихъ городовъ полковые судьи встрѣчаются уже въ 1654 г. Генеральный судъ существуетъ уже въ первые годы по революціоннаго періода и къ нему обращаются не только козаки, но и мѣщанство. Въ виду всѣхъ этихъ данныхъ мнѣніе о болѣе позднемъ возникновеніи козацкихъ судовъ должно быть отвергнуто, какъ невѣрное. Утвержденіе Шафонскаго, намъ кажется, возможно объяснить только тѣмъ предположеніемъ, что ему пришлось имѣть дѣло не съ судебными рѣшеніями, а съ такъ называемыми актикаціями—сдѣлками, заявленіями о куплѣ-продажѣ, завѣщаніями и т. д.,—которыя дѣйствительно могли совершаться передъ однимъ ратушнымъ урядомъ, не смотря на принадлежность заявителей къ козачьему сословію, что наблюдается въ актахъ и того времени, о которомъ говоритъ Шафонскій, и болѣе позднихъ годовъ по революціоннаго періода.

Обратимся теперь къ тѣмъ формамъ, въ которыя вылилось малорусское козацкое судоустройство.

Начнемъ съ низшей судебной инстанціи, съ сельскаго суда. Въ козацкихъ селахъ составлялся онъ изъ атамана и 2—3 человѣкъ изъ товариства. Вѣдѣнію его были подсудны мелкія правонарушенія, взаимныя обиды и споры селянъ и вообще дѣла небольшой важности. Въ случаѣ какого либо недоразумѣнія или дѣла поважнѣе, сельскій судъ долженъ былъ спрашивать разъясненій отъ сотеннаго суда, а по его требованію или по свойству самого дѣла передавать на его разсмотрѣніе и все дѣло. Въ сельскомъ судѣ весьма большое вліяніе на ходъ дѣла оказывало само общество—громада. Предварительное слѣдствіе чинила нерѣдко сама громада, она же производила „опытъ" и „пилное ошуканье", она допрашивала купно съ атаманомъ и членами сельскаго суда подсудимаго, она же вмѣстѣ съ судьями

[1]) Акты Бориспольскаго мѣйскаго уряда, стр. 43.

[2]) Ibid. стр 45.

рѣшала вопросъ о наказаніи и приводила въ исполненіе приговоръ. Въ видѣ иллюстраціи сказаннаго приведемъ любопытный примѣръ, взятый изъ „Книги справъ поточныхъ“ Стародубскаго магистрата. Въ 1690 г. нѣкій Васько Пиліокъ разыскивалъ убійцу своего сына. Пришелъ онъ въ село Азаровку и здѣсь узналъ своего коня, на которомъ ѣхалъ его покойный сынъ; оказалось, что конь этотъ попалъ въ Азаровку черезъ нѣкоего Васька Михайлова. Васька стала допрашивать вся сельская громада купно съ атаманомъ и войтомъ. Васько „не моглъ вивестися“, хотя и увѣрялъ, что купилъ коня въ Орлѣ. Тогда громада произвела у Васька обыскъ и нашла у него хомутъ, который отецъ убитаго призналъ за свой собственный. Громада вновь допросила заподозрѣннаго, откуда взялъ хомутъ, и вновь получила сбивчивый отвѣтъ. Къ тому же и раньше за Васькомъ была провинность: нѣсколько времени тому назадъ у него былъ найденъ украденный горѣлочный казанъ и по приговору громады его, „яко злодѣя, по мѣйскому обычаю водили за шию“. Въ виду всего этого громада рѣшила отправить его въ Стародубъ „ку вязеню“; здѣсь то надъ нимъ производился уже окончательный судъ [1]). Въ 18 ст. приведеніе въ исполненіе рѣшенія сельскаго суда лежало на обязанности атамана, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и предсѣдателемъ этого суда.

Для посполитства въ селахъ былъ свой собственный судъ изъ войта и 2—3 „мужей“, тѣмъ не менѣе козацкій сельскій судъ вѣдалъ не только дѣла между козаками, но и между козаками и посполитыми при жалобѣ этихъ послѣднихъ на козаковъ. Вѣдѣнію его подлежали, впрочемъ, не всѣ козаки, а только одни простые рядовики—выборные, помощники и ихъ подсусѣдки: козацкіе урядники подлежали присуду высшихъ инстанцій. Въ случаѣ, если дѣло касалось и козаковъ, и посполитыхъ, разбиралъ его „зуполный урядъ“, т. е. атаманъ съ козаками и войтъ съ посполитыми.

Сельскимъ судамъ принадлежало право актованья всякихъ договоровъ и сдѣлокъ, записыванія въ свои книги протестовъ, совершенія купчихъ и духовницъ на малыя суммы, за подписью священниковъ, дьяковъ, войтовъ, атамановъ и другихъ вѣры годныхъ людей. Опредѣленнаго мѣста засѣданій для сельскаго суда, повидимому, не было: инструкція Даніила Апостола запрещаетъ отправленіе сельскихъ судовъ въ шинковыхъ домахъ [2]).

Слѣдующей инстанціей былъ сотенный судъ. Вѣдѣнію сотеннаго суда были подчинены всякаго рода дѣла—какъ уголовныя, такъ и гражданскія, а вмѣстѣ съ ними и межевыя. Въ сотенный судъ можно было жаловаться на сотенныхъ урядниковъ и козаковъ, принадлежащихъ къ данной сотнѣ. Въ XVII и началѣ XVIII ст. сотенный судъ, повидимому, не отдѣлялся отъ

---

[1]) Стародубскаго магистрата „Книга справъ поточныхъ“, стр. 2—3.

[2]) Инструкція Д. Апостола Малор. судамъ. „Кіев. Стар.“ 1887, I, стр. 139—154.

суда мѣйскаго—мѣщанскаго. Въ „Актахъ“ Бориспольскаго мѣйскаго уряда находимъ случай, когда, напр., дѣло о воровствѣ жупана, украденнаго козакомъ, разбиралось въ мѣйскомъ судѣ, гдѣ председательствовалъ сотникъ Бориспольскій, а присутствующими были городовой атаманъ, войтъ и бурмистры[1]). При существованіи особаго козацкаго сотеннаго суда дѣло это, конечно, слушалось бы безъ участія мѣщанскихъ урядниковъ. Въ одномъ изъ документовъ сборника Лучицкаго сотеннымъ урядомъ названа коллегія изъ сотника, войта и писаря [2]). Происходило это отъ того, что сами сословія козачье и мѣщанское не были еще строго разграничены; въ документахъ того времени одно и то-же лицо нерѣдко именуетъ себя мѣщаниномъ такого-то города и козакомъ такой-то сотни. Къ тому же привычка судиться на урядѣ мѣйскомъ была наслѣдована еще отъ до-революціоннаго періода, когда тѣ обыкновенные элементы, которые вошли потомъ въ составъ козачества, подлежали присуду ратуши; революція внесла только ту перемѣну, что вмѣсто старосты или подстаросты въ составъ ратуши вошелъ сотникъ и городовой атаманъ. Обыкновенно сотенный судъ составлялся въ 17 ст. изъ сотника, городоваго атамана, войта и бурмистровъ. Были, конечно, и исключенія, объясняемыя тѣмъ обстоятельствомъ, что малорусское судоустройство этого времени развивалось не путемъ общей для всего края регламентаціи, а подъ вліяніемъ разнообразныхъ условій жизни той или другой мѣстности. Въ Носовкѣ, напр., въ числѣ членовъ судебной коллегіи документы именуютъ какого-то *судію* носовскаго [3]),—должность совершенно неизвѣстная въ другихъ сотняхъ. Не всегда, какъ видно, отдѣлялся сотенный судъ отъ суда мѣйскаго и въ первыя десятилѣтія 18 в. Такъ, инструкція Даніила Апостола, относящаяся, какъ извѣстно, къ 1730 г., требуетъ, чтобы въ городахъ, гдѣ есть магистратъ, сотенный судъ происходилъ особо, а магистратскій особо, но въ городахъ, гдѣ нѣтъ магистрата, она опредѣляетъ составъ сотеннаго суда въ такомъ видѣ: сотникъ, городовой атаманъ, писарь, хорунжій, войтъ и бурмистры. Въ тѣхъ городахъ, гдѣ нѣтъ городовыхъ атамановъ, они должны быть замѣняемы куренными, а въ дѣлахъ важныхъ ко всѣмъ этимъ членамъ сотеннаго суда предписывалось прибавлять, сколько пристойно, изъ знатнаго сотеннаго товариства. Окончательное отдѣленіе сотеннаго суда отъ суда мѣйскаго, повидимому, произошло не ранѣе 30-хъ годовъ 18 в. Къ этому времени и долженъ быть отнесенъ разсказъ Шафонскаго объ учрежденіи въ сотняхъ особенныхъ сотенныхъ канцелярій или правленій, „въ которыхъ всѣ казенныя, полицейскія, тяжебныя и уголовныя дѣла, какъ дворянскія, такъ козацкія и духовныя—производились, а послѣдніе два

[1]) Акты Бориспольскаго мѣйскаго уряда № 94, стр. 65.

[2]) Сборникъ матеріаловъ для исторіи общины Лучицкаго № X, стр. 9.

[3]) Обозрѣніе Румянцевской описи, 144.

рода въ сихъ правленіяхъ начало свое принимали". „Въ нихъ, повѣствуетъ далѣе Шафонскій: предсѣдалъ сотникъ, а по немъ засѣдала сотенная старшина, т. е. атаманъ, асаулъ, хорунжій и писарь. Съ сего времени бывшія въ мѣстечкахъ ратуши отдѣлились отъ сотенныхъ канцелярій и остались для однихъ мужиковъ, ратушѣ подсудныхъ, но изъ главнаго начальства сотниковъ, однако, не выходили" [1]). Точно въ такомъ же видѣ, какъ указано въ только что приведенномъ описаніи Шафонскаго, опредѣляютъ составъ сотеннаго суда и „Права, по которымъ судится малороссійскій народъ" [2]).

Въ періодъ сліянія сотеннаго суда съ мѣйскимъ обычнымъ мѣстомъ засѣданій сотеннаго суда была ратуша, а дѣлопроизводствомъ его нерѣдко завѣдывалъ мѣйскій писарь, который, при безграмотности и недостаточной свѣдомости въ правахъ судоваго уряда, нерѣдко оказывалъ рѣшающее вліяніе на постановку пригсвора: по приказанію суда онъ „отворялъ Статутъ", подыскивалъ подходящій артикулъ и толковалъ его [3]). Впрочемъ, уже и въ то время кое гдѣ встрѣчаемъ должность сотеннаго писаря, какъ отдѣльнаго козацкаго урядника [4]). Въ 18 ст. сотенный писарь получалъ, кромѣ доходовъ отъ дѣлъ, опредѣленное жалованье. Такъ въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія сотенные писаря въ Гадячскомъ полку получали до 15 руб. жалованья въ годъ, кромѣ того на канцелярскіе расходы выдавалось въ это время сотеннымъ правленіямъ по 4—5 руб. въ годъ [5]).

Компетенція сотеннаго суда въ 17 ст. была очень широка. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ сотенный судъ приговаривалъ даже къ смертной казни. Такъ Гоголевскій сотенный судъ „всказалъ на горло" нѣкоего Грицька, Сиварскаго пасынка, уличеннаго въ третьемъ воровствѣ [6]). Бориспольскій урядъ (городовой атаманъ и нѣсколько козаковъ купно съ войтомъ и бурмистрами), послѣ троекратныхъ пытокъ, приговариваютъ нѣкоего Юська Баюрченка и его зятя Яроша, обвинявшихся въ конокрадствѣ, „ведлугъ права посполитаго, въ статуте земскомъ и порядке права майдебурскаго описаннаго, на муки и на смерть, абы ведлугъ роботы плату взяли и с тимъ на Божій судъ стали" [7]). И въ сотенномъ судѣ, какъ и въ сельскомъ, большое значеніе имѣла въ 17 в. громада. Сотенный урядъ актуетъ различныя сдѣлки и производитъ разборъ дѣлъ очень часто въ присутствіи „зацныхъ и вѣры годныхъ людей" изъ товариства и мѣщанства. Громада участвуетъ и въ „опытѣ" о преступникѣ и въ „пилномъ ошуканьи", и

[1]) Шафонскій, стр. 91—92.
[2]) Права, по которымъ судится малороссійскій народъ, стр. 82.
[3]) Акты Бориспольскаго мѣйскаго уряда № 112.
[4]) Обозрѣніе Румянцевской описи. Полкъ Стародубскій, стр. 575.
[5]) „Кіев. Старина" 1887 г. кн. 8, стр. 780—783.
[6]) Акты Бориспольскаго мѣйскаго уряда № 83.
[7]) Ibid. № 86.

даже въ рѣшеніи вопроса о виновности и наказаніи подсудимаго. Въ Борисполѣ обвинялась баба въ покражѣ „курты“. Когда пришло время произносить приговоръ, потерпѣвшая сторона заявила, что она прощаетъ подсудимую. Тогда урядъ обратился къ громадѣ съ вопросомъ, налагать ли на подсудимую наказаніе. Громада отвѣтила: „якъ той, чіе пропало, не настоить. а намъ на що?“ — и подсудимая была отпущена съ миромъ [1]). Въ другомъ случаѣ громада требуетъ немедленнаго суда надъ подсудимымъ, обвиняя урядъ за напрасную трату громадскихъ денегъ на содержаніе подсудимаго подъ арестомъ, и т. п.

Въ 18 столѣтіи компетенція сотеннаго суда значительно съузилась, Изъ той же инструкціи Даніила Апостола мы узнаемъ, что въ дѣлахъ важныхъ, въ случаяхъ сомнительныхъ или при неподъисканіи подходящихъ законовъ, сотенный судъ долженъ былъ обращаться за разъясненіями къ суду полковому. Компетенціи сотеннаго суда подлежали въ то время только дѣла „маловажныя“, но какія именно дѣла относились къ разряду маловажныхъ,—точно опредѣлить трудно. При Разумовскомъ, когда на очереди стоялъ уже вопросъ объ общей судебной реформѣ, компетенція сотеннаго суда подверглась еще большему съуженію. Двумя ордерами на имя генеральнаго суда—1 апрѣля 1752 г. и 18 апрѣля 1760 г.—былъ точно опредѣленъ кругъ дѣлъ, подлежащихъ разсмотрѣнію сотенныхъ судовъ. Къ сожалѣнію, ни того, ни другаго ордера намъ отыскать не удалось; изъ одного изъ позднѣйшихъ гетманскихъ универсаловъ мы знаемъ только, что этими ордерами сотеннымъ правленіямъ было предоставлено „между рядовыми козаками въ самыхъ маловажныхъ жалобахъ и спорахъ словесную расправу чинить“ [2]).

Помимо чисто судебныхъ функцій сотенные суды исполняли обязанности, въ наше время лежащія на нотаріальныхъ конторахъ и только отчасти на судебныхъ учрежденіяхъ. Обыкновенно всякаго рода договоры, сдѣлки, купчія, завѣщанія и т. п. совершались въ магистратахъ, и не только между мѣщанами и духовенствомъ, но и между козаками и шляхтой [3]). Въ тѣхъ, однако, городахъ, гдѣ не было магистратовъ, купчія записи, протесты, духовницы на большія суммы актовались въ сотенныхъ судахъ. При продажѣ грунтовъ, сотенный судъ, по инструкціи Даніила Апостола, долженъ былъ наблюдать, чтобы не продавались грунта пенные или спорные, чтобы не производились голословной продажи грунтовъ, чтобы мірскія

---

[1]) Акты Бориспольскаго мѣйскаго уряда, № 106.

[2]) Харьковскій Историч. Архивъ. Дѣло Малор. Колл. № 3364.

[3]) Таковы, напр., акты фамиліи Полуботковъ, то же явствуетъ изъ многихъ данныхъ Сулимовскаго и Мотыжинскаго архивовъ и многихъ актовъ въ „Обозрѣніи Румянцевской описи“.

имѣнія не продавались духовнымъ, козацкія мужикамъ, а подданническія козакамъ или кому другому безъ воли державцевъ и, наконецъ, чтобы не совершалась тайная продажа грунтовъ покидающими свое мѣстожительство козаками и посполитыми. Актикація такихъ продажъ совершалась непремѣнно въ присутствіи свидѣтелей, именуемыхъ въ актахъ могарычниками.

Слѣдующей высшей инстанціей нужно считать полковой судъ. Къ 17 ст. полковой судъ не былъ учрежденіемъ постояннымъ. Въ случаѣ накопленія въ той или другой сотнѣ дѣлъ, требующихъ разбора, „по виразной волѣ пана полковника", въ эту сотню являлся полковой судья, судовой писарь и еще кто нибудь изъ полковой старшины, которые, „засѣвши на мѣстѣ судовомъ звыкломъ", обыкновенно въ ратушѣ, купно съ мѣстнымъ сотеннымъ урядомъ, и производили судъ и расправу. Иногда, впрочемъ, вмѣсто судьи, „по росказанью пана полковника", назначался и кто-нибудь другой изъ знатнаго полковаго товариства, обыкновенно по 2 человѣка [1]). Бывало и такъ, что судъ творилъ самъ панъ полковникъ, иногда единолично [2]), иногда купно съ кѣмъ либо изъ товариства [3]), а въ иныхъ случаяхъ присутствіе полковаго суда составлялъ только полковой судья [4]).

Въ 17 ст. полковой судъ, какъ и сотенный, не былъ строго отграниченъ отъ суда мѣйскаго. Въ Нѣжинскихъ магистратскихъ книгахъ находимъ подъ 1657 г. рѣшеніе по жалобѣ селянки Шовкоплясихи на козака Нечипора Яцковича за убійство послѣднимъ мужа Шовкоплясихи. Въ этомъ случаѣ, по званію подсудимаго, дѣло вполнѣ подлежало вѣдѣнію одного полковаго суда, а между тѣмъ въ разборѣ его участвуютъ не только козацкіе урядники (наказной полковникъ и иншихъ козаковъ не мало), но и представители мѣщанства (лендвойтъ, старшій бурмистръ, райцы, лавники) [5]). Еще болѣе рѣзко выраженный случай смѣшенія полковаго суда съ магистратскимъ имѣемъ въ „справѣ Фенки Сидорихи да Гаврила Тарасенка, козака, о сколоте мужа Сидоришиного". Въ данномъ случаѣ и „сколотый Сидоръ", и его убійца Гаврило Тарасенко, и сама „поводовая сторона" Фенка принадлежали къ козачьему сословію, а между тѣмъ рѣшали это дѣло не только одни козацкіе урядники (судья, обозный, городовой атаманъ и иныхъ козаковъ не мало), но и представители магистрата (войтъ, бурмистръ, райцы, лавники) [6]). То же, что было въ пер-

---

[1]) Акты Бориспольскаго мѣйскаго уряда № 135, 114, 89.

[2]) Обозрѣніе Румянцевской описи. Старод. полкъ, стр. 505.

[3]) Обозрѣніе Румянцевской описи. Нѣжинскій полкъ, стр. 143.

[4]) Обозрѣніе Румянцевской описи. Старод. полкъ, стр. 553—555.

[5]) Отрывки изъ Нѣжинскихъ магистратскихъ книгъ, стр. 22.

[6]) Ibid., стр. 65.

вые годы по-революціоннаго періода, наблюдаемъ и въ концѣ 17 в. Передъ нами другой документъ—рѣшеніе по дѣлу между знатнымъ войсковымъ товарищемъ Ив. Сулимою и козакомъ Романенкомъ о заграбленномъ имуществѣ. Дѣло рѣшается въ Переяславской ратушѣ, а разбираетъ его „урядъ обополній"—полковой и магистратовый (обозный, сотникъ, городовой атаманъ, войтъ, бурмистръ, старшій райца и иные райцы и лавники [1]). Точно такъ же въ Прилукахъ въ 1698 г. споръ о нивѣ между войсковымъ товарищемъ Мовчаномъ и козаками Котляренками разбираетъ судъ въ составѣ: полковаго судьи, городоваго атамана, войта и двухъ бурмистровъ [2]). Къ 18 ст. судъ полковой уже отграниченъ отъ мѣйскаго, хотя случаи совмѣстнаго разбора дѣлъ, исключительно подлежащихъ вѣдѣнію полковаго суда, встрѣчаются и теперь [3]). Въ это время полковой судъ состоялъ изъ полковника, полковаго судьи, кого нибудь изъ полковой старшины и 2 или 3 сотниковъ [4]). Инструкція Даніила Апостола непремѣнными членами полковаго суда называетъ полковаго судью и судоваго писаря; кромѣ того, согласно инструкціи, въ составъ полковаго суда должны входить по очереди два человѣка изъ полковой старшины (обозный, два асаула, два хорунжихъ) и одинъ значковый товарищъ съ перемѣною по четвертямъ года. По инструкціи всѣ дѣла въ полковомъ судѣ должны рѣшаться за вѣдомомъ полковника, съ его согласія и за его подписью, а въ дѣлахъ криминальныхъ и вообще важныхъ требовалось присутствіе въ судѣ не только полковника, но и всей полковой старшины. На дѣлѣ, однако, бывало такъ, что полковники уклонялись отъ участія въ судѣ. Въ данномъ случаѣ повторялось то же, что бывало въ дореволюціонный періодъ въ судѣ старостинскомъ, и съ однаковыми результатами. Судъ полковничій или, что то же, судъ полковой канцеляріи сталъ своего рода апелляціонной инстанціей въ отношеніи суда полковаго, къ которой обращались только послѣ рѣшенія дѣла полковымъ судомъ. Такой именно инстанціей и разумѣютъ полковую канцелярію „Права, по которымъ судится малороссійскій народъ", выдѣляющія ее въ высшее въ полку не только административное и военное, но и судебное учрежденіе [5]).

По инструкціи Апостола въ полковомъ судѣ „все дѣло належало на судьѣ да на писару". Въ 17 ст. должность судьи имѣла менѣе важное значеніе, такъ какъ его присутствіе при разборѣ дѣла не было непремѣннымъ условіемъ. Очень часто вмѣсто судьи засѣдалъ полковникъ, кто нибудь отъ полковой старшины или сотниковъ, а то и просто какой нибудь товарищъ, „висланій

[1]) Кіевская Старина 1884, 6, стр. 312—313.

[2]) Кіевская Старина 1885, 1, стр. 74--75.

[3]) Сборникъ Лучицкаго № XIII (стр. 12).

[4]) Дневн. Записки Марковича, стр. 56.

[5]) Права, по которымъ судится малор. народъ стр. 81—82.

отъ раменя его милости“ пана полковника. Это обстоятельство и дало, вѣроятно, Шафонскому основанiе утверждать, что должность полковаго судьи учреждена уже въ болѣе позднее время. На самомъ дѣлѣ это совсѣмъ не вѣрно. Правда, въ „Реестрахъ войска запорожскаго“ полковыхъ судей еще не видно, но въ 1654 г., при составленiи переписныхъ книгъ приведенныхъ къ вѣрѣ жителей малороссiйскихъ городовъ, упоминаются и полковые судьи, хотя, судя по даннымъ переписи, они были, повидимому, не во всѣхъ полкахъ [1]). Что касается судоваго писаря, то учрежденiе этой должности дѣйствительно можно отнести къ нѣсколько болѣе позднему времени: въ первые годы пореволюцiоннаго перiода обязанности его могъ исполнять писарь магистратскiй или ратушный; во всякомъ случаѣ судовые писари были уже въ к. 17 ст. [2]). Должности судьи и судоваго писаря были выборными, какъ и вообще всѣхъ козацкихъ урядниковъ; въ 18 ст. передъ вступленiемъ въ должность они приносили особую присягу по установленнымъ формамъ. Писарь не имѣлъ права вмѣшиваться въ разборъ дѣла и постановленiе приговора, его дѣло исключительно канцелярское: исправно записывать пренiя тяжущихся сторонъ, судебные приговоры, жалобы и заявленiя, докладывать дѣла по номерамъ и числамъ, по порядку ихъ вступленiя, вести реестръ суплѣкамъ и т. д. При писарѣ имѣлась канцелярiя, за которую онъ являлся единственно отвѣтственнымъ лицомъ. Генеральнымъ опредѣленiемъ 1732 г. было точно установлено количество штатныхъ канцеляристовъ при полковыхъ канцелярiяхъ и судахъ. Согласно этому опредѣленiю, въ Гадячскомъ, напр., полковомъ судѣ въ 40-хъ годахъ 18 ст. былъ всего одинъ штатный канцеляристъ [3]), такъ какъ Гадячскiй полкъ принадлежалъ къ полкамъ малымъ и, стало быть, полковой судъ не былъ обремененъ „многодѣльствомъ“. По генеральному мнѣнiю 1745 г. при полковыхъ судахъ въ большихъ полкахъ положено было имѣть по 8 штатныхъ канцеляристовъ, а въ меньшихъ по 5 [4]). Кромѣ штатныхъ при судахъ имѣлись и сверштатные писцы и подписки. Помимо опредѣленнаго жалованья, въ вознагражденiе писарю и подпискамъ шли доходы отъ дѣлъ. Инструкцiя Данiила Апостола разрѣшаетъ взимать съ тяжущихся: за написанiе челобитной 5 коп. съ полуаркушевой страницы, за 2 полуаркушевыя страницы полагалась гривна, а за цѣлый аркушъ 2 гривны, за выдачу сторонамъ копiй съ судебныхъ приговоровъ—по гривнѣ со страницы. Штатное жалованье писарю и его канцелярiи было значительно меньше окладовъ соотвѣтственныхъ долж-

---

[1]) Акт. Ю. З. Р. т. X, стр. 291—306.

[2]) Обозрѣнiе Румянцевской описи.

[3]) Кiевская Старина, 1887, 8, стр. 780—783.

[4]) Харьк. Историч. Архивъ. Дѣло Мал. Коллегiи № 3391.

ностныхъ лицъ полковой канцеляріи. Такъ въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія Гадячскій судовой писарь получалъ только 30 руб. въ годъ, въ то время какъ полковой писарь 80 р.; судовой канцеляристъ—10 руб., а канцеляристы полковой канцеляріи по 20 [1]). При Разумовскомъ жалованье судовыхъ канцеляристовъ равнялось 20 руб. въ годъ [2]).

Несмотря на оклады и доходы, канцелярская часть въ полковыхъ судахъ сильно хромала и дѣла находились „въ безпорядочныхъ производствахъ". По отзыву, напримѣръ, Черниговскаго судоваго писаря, „до бытья полковникомъ въ Черниговѣ Богданова канцеляристы дѣлъ не только производить порядочно, но и допрашивать не умѣли, а протоколовъ не было, коихъ канцеляристовъ допрашивать хотя онъ, полковникъ Богдановъ, самъ информовалъ и протоколы завелъ, токмо отъ того мало послѣдовало успѣха, потому что здѣсь канцеляристы не суть природные и къ таковымъ дѣламъ пристращенные, но вольные и свободные, пристаютъ до канцеляріи изъ студентовъ и разныхъ званій, канцелярскихъ дѣлъ не знающіе, по большей части для пріобученія къ писанію и познанію дѣлъ, но не успѣвъ гораздо писать обучиться, такъ и дѣла ему въ познанье прійти еще не успѣли, вдругъ отъ канцеляріи отдаляются, иные за вѣдомомъ, а иные и безъ вѣдома и отпуску, кто куда знаетъ, всякъ по своей волѣ" [3]).

Въ 17 в., когда полковые суды были еще учрежденіемъ не постояннымъ, опредѣленнаго времени и мѣста для ихъ засѣданій не было. Собирались они по требованію необходимости и отправлялись, гдѣ придется: въ ратушѣ, „на мѣстѣ судовомъ звыкломъ", а то и просто „въ дому судѣномъ". Въ 18 в. полковой судъ засѣдаетъ въ помѣщеніи полковой канцеляріи въ полковомъ городѣ, а для его засѣданій существуютъ опредѣленные сроки. Инструкція Даніила Апостола предписываетъ полковымъ судамъ засѣдать три раза въ недѣлю: по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ, съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы въ промежутки между судебными засѣданіями могла быть своевременно окончена канцелярская работа; по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, а особенно съ 22 декабря до Крещенія, всю Масляницу и первую недѣлю Великаго поста, Страстную и Святую недѣлю, Зеленую недѣлю, въ дни государственныхъ торжествъ и въ каникулы съ 15 іюля по 15 августа судебныя дѣла оставлялись, кромѣ такъ наз. „горячихъ учинковъ". Впослѣдствіи судебныя засѣданія происходили не три раза въ недѣлю, а ежедневно за исключеніемъ выше перечисленныхъ праздниковъ, а къ дѣламъ, не терпящимъ отлагательства, ради которыхъ могли игнорироваться и праздники, прибавлено вписыванье въ судовыя книги протестовъ

---

1) Кіевская Старина, 1887, 8, стр. 781.

2) Архивъ Мал. Колл. № 3391.

3) Архивъ Мал. Колл. 1642.

и тестаментовъ. Въ 1761 г., согласно мнѣнію генеральнаго суда, судебные каникулы были увеличены на полтора мѣсяца, съ 1 іюля по 10 сентября, на все время полевыхъ работъ [1]).

Полковому суду подлежали всѣ уголовныя и гражданскія; а въ томъ числѣ и межевыя, дѣла рядоваго козачества и сотенной старшины, сотниковъ, полковой старшины и значковыхъ товарищей. Для рядоваго козачества полковой судъ являлся такимъ образомъ уже 3-ей инстанціей (считая судъ сельскій), для сотенной старшины — 2-ой, а для сотниковъ и полковыхъ урядниковъ—1-ой. Нужно замѣтить при этомъ, что кромѣ козацкихъ полковому суду подлежали, такъ сказать, во 2-ой инстанціи и дѣла мѣщанъ и посполитыхъ, прошедшія уже черезъ ратуши и магистраты тѣхъ городовъ, которые не были выключены изъ подъ юрисдикціи полковыхъ судовъ. Въ 17 ст. компетенція полковаго суда была гораздо шире, нежели въ послѣдующій періодъ гетманщины. Полковой судъ могъ „сказывать на горло" лицъ ему подсудныхъ, и приводить свой приговоръ въ исполненіе, не докладываясь „вышней командѣ" [2]). Въ 18 в. это право у полковыхъ судовъ было отнято. Инструкція Даніила Апостола опредѣляетъ: если придется кого на судѣ полковомъ приговорить къ смертной казни или къ лишенію чести, особенно знатныхъ людей, о томъ напередъ отписывать къ гетману и генеральному суду, а не получивъ рѣшенія отъ гетмана, смертной казни ни надъ кѣмъ и лишенія знатныхъ людей чести не производить. Впослѣдствіи власть полковыхъ судовъ еще болѣе съузилась. По всѣмъ дѣламъ уголовнымъ „колодничьимъ" полковой судъ не имѣлъ права постановлять окончательныя рѣшенія, онъ могъ только высказывать свое „мнѣніе", которое затѣмъ и отправлялось для конфирмаціи въ генеральный судъ. Постановлять окончательное рѣшеніе и приводить его въ исполненіе, не докладываясь высшей инстанціи, полковые суды, въ силу ордера генеральной канцеляріи отъ 15 октября 1754 г., имѣли право только по маловажнымъ колодничнымъ дѣламъ напр., въ случаѣ мелкаго воровства, совершеннаго въ первый разъ, гдѣ все наказаніе ограничивалось плетьми; но и въ этомъ случаѣ о дѣлѣ приходилось все таки отписывать въ генеральный судъ [3]). По дѣламъ гражданскимъ и вообще „челобитческимъ" полковой судъ постановлялъ окончательное рѣшеніе, которое подлежало пересмотру высшей инстанціи только въ случаѣ апелляціи.

Производство предварительнаго слѣдствія поручалось обыкновенно полковыми судами мѣстному уряду. Въ 17 ст., какъ мы уже видѣли, важную роль играла при этомъ громада; въ то же время наблюдается и тотъ

---

1) Архивъ Малор. Колл. № 16615.

2) Отрывки изъ Нѣжинскихъ магистратскихъ книгъ, стр. 14 и 65.

3) Архивъ Малор. Коллегіи № 444.

интересный фактъ, что потерпѣвшій нерѣдко самъ разыскивалъ („шляковалъ") своего „скривдителя" [1]). Иногда отъ полковника или полковаго суда на мѣсто совершенія преступленія отправлялись для слѣдствія (инквизиціи) нарочитые „розыщики". Практиковалось это и въ дѣлахъ „челобитческихъ". Инструкція Даніила Апостола требуетъ, чтобы въ этомъ послѣднемъ случаѣ „розыщики" не назначались безъ предварительнаго допроса отвѣтчика, и то въ томъ только случаѣ, если одна или обѣ стороны будутъ ссылаться на такихъ свидѣтелей, которыхъ, въ виду ихъ многочисленности или болѣзни, нельзя доставить въ судъ. Розыщики назначались въ большинствѣ случаевъ изъ лицъ, не принадлежащихъ къ составу полковаго суда. Имъ давалась инструкція, о чемъ именно „разыскивать" и спрашивать свидѣтелей. Розыщики должны были записывать, что покажется по розыску, а самое слѣдственное производство, за подписью допрошенныхъ лицъ, присылать для вершенія въ полковой судъ. Содержаніе розыщиковъ инструкціи Д. Апостола относить на счетъ той тяжущейся стороны, которая пожелала ихъ вызвать.

Въ дѣлахъ гражданскихъ посылка розыщиковъ особенно часто примѣнялась въ спорахъ за межи и границы, т. е. тѣхъ дѣлахъ, для разбора которыхъ въ до-революціонный періодъ существовалъ спеціальный институтъ подкоморыхъ. Аграрные споры были въ гетманщинѣ явленіемъ чрезвычайно частымъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда полковой судъ бывалъ поставленъ въ невозможность рѣшить дѣло безъ осмотра границъ, онъ посылалъ на спорную землю кого либо изъ сотенной или полковой старшины, одного или двухъ. „Висланіе" вызывали на спорную землю тяжущіяся стороны съ ихъ свидѣтелями, мѣстный сельскій урядъ и окрестныхъ жителей, допрашивали свидѣтелей и свѣдущихъ лицъ, особенно „старушковъ" (старожиловъ), разсматривали документы и съ помощью окрестныхъ жителей проводили границу, обозначая таковую „копцами" въ землѣ или зарубками на деревьяхъ, разными мѣстными примѣтами (озеро, дорожка) и т. п. Рапортъ о произведенномъ дознаніи и состоявшемся на основаніи его постановленіи „висланіе" отправляли въ полковой судъ, которому только оставалось выдать спорящимъ сторонамъ соотвѣтственный декретъ [2]).

Перейдемъ теперь къ генеральному суду. Въ 17-мъ и въ первые годы 18 ст. генеральный судъ былъ учрежденіемъ еще менѣе постояннымъ, чѣмъ судъ полковой. Собирался онъ обыкновенно тамъ, гдѣ былъ на тотъ часъ гетманъ, который и передавалъ на разсмотрѣніе войсковыхъ судей посту-

---

[1]) Стародубскаго магистрата книга справъ поточныхъ, стр. 2.

[2]) Сборникъ Лучицкаго № XIII. Обозрѣніе Румянцевской описи, стр. 150—152, 505—506, 553—555.

пающія къ нему „скарги“ [1]), а иногда и высылался „отъ раменя“ его ясновельможности въ тотъ или другой полкъ по требованію обстоятельствъ. Доходили, напр., до гетмана свѣдѣнія, что въ такомъ то полку „подъ часъ завихреня“, столь обычнаго въ первыя десятилѣтія по-революціоннаго періода, „много ся шкодъ людямъ стало“, или поступало много суплѣкъ отъ какого нибудь полка, или просто являлось дѣло, требующее разбора на мѣстѣ,—и въ полкъ отправлялся одинъ изъ генеральныхъ судей, въ помощь ему придавался кто нибудь изъ знатнаго войсковаго товариства, вмѣстѣ съ ними ѣхалъ и писарь судовъ генеральныхъ. Засѣвши „на публѣчномъ мѣстцу городовомъ, т. е. въ ратушу“ и усиливъ свой составъ представителями мѣстнаго полковаго начальства, „висланіе“ приступали къ разбору „всякихъ справъ и кривдъ людскихъ“ [2]). Иногда приходилось имъ разбирать дѣла, прошедшія уже черезъ полковой судъ, а иногда исполнять и обязанность первой инстанціи по дѣламъ совсѣмъ маловажнымъ, въ родѣ жалобы за названіе „непочтиваго ложа сыномъ“. Повидимому, чѣмъ важнѣе было дѣло, тѣмъ больше лицъ привлекалось къ разбору его. По извѣстному, напр., дѣлу о „зрадецствѣ“ Дмитрашки Раичи отъ боку его ясновельможности высланы были: Мих. Вуяхевичъ, значный товарищъ войсковой, писарь судовъ войсковыхъ Василіевичъ и судья Нѣжинскій Игуменскій; въ судѣ было приказано принять участіе и переяславскому полковнику, „приспособивши своего знатнѣйшаго товариства“, такъ что засѣданіе 22 января 1683 г. состояло отъ слѣдующихъ лицъ: 3 персонъ отъ боку рейментарскаго, 2 посланцевъ отъ переяславскаго воеводы, переяславскихъ полковыхъ судьи, обознаго, асаула и сотника, 4 войсковыхъ товарищей и наконецъ, даже войта, бурмистровъ и райцевъ [3]). По дѣламъ гражданскимъ для разбора дѣла или актикаціи достаточно бывало и одного генеральнаго судьи да писаря [4]).

Въ 18 ст., со времени Скоропадскаго, генеральный судъ окончательно осѣдаетъ въ Глуховѣ и, подъ вліяніемъ грознаго указа 14 ноября 1721 г., приводится въ „добрый порядокъ“ [5]). Главное малороссійское судилище попадаетъ теперь подъ крѣпкую опеку бригадира Вельяминова и гг. „гварнизонныхъ офицеровъ“. Съ 1727 г. въ составъ его входятъ три великорусскихъ члена, которые, по словамъ Марковича, не должны были вмѣшиваться въ отправленіе дѣлъ, а только присутствовать „для правосудія“ [6]).

---

[1]) Акты Бориспольскаго мѣйскаго уряда, стр. 50.

[2]) Мотыжинскій Архивъ, стр. 1, 2, 3, 123—125. Обозр. Румянц. описи, стр. 132.

[3]) Мотыжинскій Архивъ, стр. 123.

[4]) Обозрѣніе Румянц. описи, стр. 237—243, 247, 249.

[5]) Маркевичъ, Исторія Малороссіи, т. IV, стр. 360.

[6]) Марковичъ, Дневныя Записки, стр. 241.

По рѣшительнымъ пунктамъ Данiила Апостола членами генеральнаго суда назначены три великорусскихъ и три малороссiйскихъ персоны, а президентомъ гетманъ, которые и должны рѣшать дѣла по малороссiйскимъ правамъ. Въ указѣ 31 января 1734 г. и въ „Инструкцiи для правленiя гетманскаго уряду" постановлено: „въ истцевыхъ судебныхъ расправныхъ дѣлахъ быть суду и расправѣ по прежнему обыкновенiю" [1]). „Права, по которымъ судится малороссiйскiй народъ" членами генеральнаго суда называютъ двухъ генеральныхъ судей и нѣсколькихъ человѣкъ изъ генеральной старшины [2]). Почти въ томъ же составѣ функцiонировалъ генеральный судъ и въ первые годы правленiя послѣдняго гетмана. „По вступленiи въ гетманскiй" чинъ графа Разумовскаго, говорится въ рукописномъ „Экстрактѣ изъ указовъ, инструкцiй и учрежденiй": съ 1750 г. имѣли присутствiе въ судѣ генеральномъ изъ генеральной старшины три человѣка, а послѣ по перемѣнамъ были и бунчуковые товарищи, напослѣдокъ два судьи генеральные, и судъ генеральный находился подъ апелляцiей гетмана, а въ 1752 г. велѣно по его же ордеру старшинамъ генеральнымъ дѣла, на которыя апелляцiя должна быть, такъ же и тѣ, которыя при грамотахъ самому ему, гетману, изъ коллегiи иностранныхъ дѣлъ, яко нерѣшенныя, отданы къ разсмотрѣнiю, разсматривать и со мнѣнiемъ ему, гетману, представлять, и то продолжалось до 1760 г. ноября до 16 числа" [3]). Подтвержденiе приведеннаго мѣста „Экстракта" находимъ и въ дѣлахъ генеральнаго суда. Такъ въ 1752 г. членами этого суда были: генеральный подскарый, генеральный хоружiй, генеральный бунчучный и 2 бунчуковыхъ товарища, а при нихъ писарь генеральнаго суда [4]).

Время послѣдняго гетмана было временемъ усиленныхъ заботъ объ улучшенiи малороссiйскаго судоустройства. И самъ графъ, и его совѣтники признавали необходимымъ сдѣлать въ немъ коренныя реформы. Преобразованiе рѣшено было начать сверху, съ суда генеральнаго. „Въ Малой Россiи, писалъ гетманъ, всѣ для процесскихъ дѣлъ суды не въ такомъ состоятъ распорядкѣ, какъ въ правахъ узаконено, а особливо главное въ Малой Россiи судное мѣсто, названное генеральный судъ, куда по апелляцiямъ отъ низшихъ судовъ множайшимъ числомъ дѣла собираются, не въ над-

---

1) Маркевичъ, Исторiя Малороссiи, т. IV, стр. 398.

2) Права, по которымъ судится малороссiйскiй народъ, стр. 82.

3) За предоставленiе мнѣ возможности пользоваться „Экстрактомъ" приношу искреннюю благодарность проф. Д. И. Багалѣю. „Экстрактъ" принадлежалъ покойному проф. Кистяковскому. Онъ содержитъ массу любопытныхъ данныхъ, важныхъ для историка Малороссiи. Полный его титулъ таковъ: „Экстрактъ изъ указовъ, инструкцiй и учрежденiй съ раздѣленiемъ по матерiямъ на 19 частей. Собрано при Правительств. Сенатѣ, по малороссiйской экспедицiи. 1786".

4) Сборникъ Лучицкаго, стр. 91.

лежащемъ въ силу правъ основаніи нынѣ состоитъ, отчего не токмо почти на каждое того генеральнаго суда рѣшеніе апелляціи умножились, но и между рѣшенными на произвожденіе дѣлъ часто къ намъ заходятъ жалобы“ [1]).

Положено было приблизить генеральный судъ къ типу существовавшаго за наияснѣйшихъ королей польскихъ трибунала, гдѣ дѣла рѣшались депутатами, выбранными отъ воеводствъ.

Моментъ этотъ принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ моментовъ въ исторіи малорусскаго судоустройства, какъ и въ исторіи общественнаго сознанія гетманцевъ. Къ сожалѣнію, останавливаться надъ нимъ не входитъ въ предѣлы нашей задачи; будущій историкъ судебнаго строя гетманщины, конечно, по достоинству оцѣнитъ его рѣшающее значеніе. Перейдемъ къ фактамъ.

17 ноября 1760 г. послѣдовалъ гетманскій универсалъ, которымъ генеральный судъ преобразовывался такимъ образомъ: онъ долженъ былъ состоять изъ двухъ генеральныхъ судей и 10 депутатовъ отъ полковъ, выбираемыхъ ежегодно. Гетманъ хотѣлъ, чтобы генеральный судъ въ такомъ составѣ началъ функціонировать уже съ будущаго 1761 г., и потому распорядился назначить выборы во всѣхъ полкахъ не позже 10 декабря 1760 г. Совершаться они должны были въ полковыхъ канцеляріяхъ, а принимать въ нихъ участіе имѣли право наличные полковые старшины, сотники, значковые товарищи, а также бунчуковые и войсковые товарищи, имѣющіе свое жительство и владѣніе на территоріи полка. Выбирать депутатовъ можно было изъ бунчуковыхъ товарищей, полковой старшины и настоящихъ сотниковъ, изъ числа осѣдлыхъ въ данномъ полку; о результатѣ выборовъ требовалось увѣдомить гетмана. Выбранный долженъ былъ явиться къ 16 января въ Глуховъ, гдѣ и присутствовать въ генеральномъ судѣ по 20 іюля 1761 г. Вмѣстѣ съ тѣмъ было постановлено, чтобы на будущее время выборы депутатовъ изъ перечисленныхъ чиновъ производились по полкамъ ежегодно не позже 10 августа, а выбранный являлся въ генеральный судъ не позже 1 сентября и оставался тамъ въ теченіе всего года, до новыхъ выборовъ. О днѣ полковыхъ выборовъ приказано было оповѣщать заблаговременно, а если бы кто изъ избирателей не явился на выборы,—производить выборы безъ него. Выбранный въ депутаты не имѣлъ права ничѣмъ отговариваться „отъ такого всему обществу нужнаго дѣла“; служба его считалась за знатную войсковую службу. Въ случаѣ согласія избирателей, разъ выбранный депутатъ могъ остаться депутатомъ и на слѣдующій срокъ. Если бы выбраннымъ оказался

---

[1]) Акты по управленію Малороссіей гр. Румянцева, изд. Владимірскимъ—Будановымъ въ Чт. Общ. лѣтописца Нестора, кн. V, отд. III, стр. 122.

полковой судья или писарь, то до его возвращенія исполнять его обязанности долженъ былъ другой полковой старшина по назначенію полковника. Если бы выборы въ какомъ нибудь полку не состоялись или выбранное лицо не явилось къ сроку въ Глуховъ, остальные депутаты вмѣстѣ съ генеральными судьями должны были открывать засѣданіе безъ него, непремѣнно въ положенный срокъ, т. е. 1 сентября, а объ отсутствующемъ докладывать гетману. Депутаты передъ открытіемъ засѣданій приводились къ присягѣ по формѣ присяги судей трибунальныхъ. Жалованья депутату полагалось по 15 руб.

Тѣмъ же универсаломъ намѣчены и нѣкоторыя общія правила, коими должны руководствоваться члены генеральнаго суда при рѣшеніи дѣлъ. Дѣла должны слушаться по реестру, чье ранѣе вступило. Если бы случилось дѣло, въ рѣшеніи котораго низшей инстанціей принималъ участіе кто либо изъ депутатовъ генеральнаго суда, то дѣло должны рѣшать другіе члены генеральнаго суда, безъ этого депутата. Сентенціи требовалось объявлять начиная съ младшаго члена, а засѣдать и подписываться сперва генеральнымъ судьямъ, а потомъ депутатамъ по старшинству чиновъ. Если при рѣшеніи дѣла явится въ сентенціяхъ несогласіе, иномыслящіе свои мнѣнія и мотивы должны представлять гетману. Если всѣми членами генеральнаго суда согласно постановленъ приговоръ и обѣ тяжущіяся стороны останутся имъ довольны, приговоръ приводится въ исполненіе, если же одна изъ сторонъ объявитъ недовольство, исполненіе задерживается, а дѣло представляется гетману. Что касается колодничьихъ дѣлъ, то въ отношеніи ихъ универсалъ 17 ноября удерживаетъ прежній порядокъ [1]).

Такова была реформа генеральнаго суда, произведенная послѣднимъ гетманомъ. На практикѣ, однако, гетманскіе планы осуществлялись плохо. „Дѣла свидѣтельствуютъ, писалъ Румянцевъ черезъ 7 лѣтъ послѣ изданія универсала 17 ноября, что во всѣ годы продолженія сего постановленія рѣдко было когда полное собраніе въ судѣ всѣхъ сихъ десяти депутатовъ, а больше могли они въ неприбытіи и отлучкахъ своихъ выговариваться разными причинами“ [2]). Участіе депутатовъ отъ полковъ въ генеральномъ судѣ продолжалось до 1767 г., когда выборные депутаты были замѣнены постоянными *непремѣнными членами*.

И въ генеральномъ судѣ, какъ и въ полковыхъ, рѣшающую роль играли генеральные судьи и писарь генеральнаго суда, какъ наиболѣе „умѣетные и права знающіе“. Должности генеральныхъ судьей были выборными, хотя въ 17 в. гетманы не рѣдко отдавали ихъ своимъ доброхотамъ и безъ выборовъ.

---

[1]) Акты по управленію Малороссіей гр. Румянцева, изд. Владимірскимъ.—Будановымъ въ Чт. Общ. Лѣт. Нестора, кн. V, отд. III, стр. 121—126.

[2]) Ibid. стр. 127.

Въ 18 ст. принципъ вольнаго избранія находитъ себѣ подтвержденіе въ высочайшихъ указахъ, но теперь генеральные судьи, какъ и всѣ полковники и генеральная старшина, утверждаются на своихъ урядахъ уже верховною властью [1]). Писарь генеральнаго суда выбирался генеральной старшиной, которая должна была представить на это мѣсто 2—3 кандидатовъ; окончательный выборъ предоставлялся гетману или правящему въ Малой Россіи урядъ гетманскій [2]). Для испытанія годности къ дѣлу кандидатамъ иногда задавались „казусы", т. е. разныя казусныя, запутанныя дѣла, по которымъ кандидатъ долженъ былъ сочинить приговоръ [3]). При писарѣ генеральнаго суда имѣлась обширная канцелярія. Существовала она и въ 17 в., но въ „добрый порядокъ" приводиться стала со времени грознаго указа 14 ноября 1721 г. [4]). Дѣла въ ней были распредѣлены между канцеляристами и ихъ подначальными по полкамъ. И писарь, и канцелярія содержались на доходы отписанныхъ на генеральный судъ маетностей; въ ихъ же пользу поступали и узаконенные доходы отъ дѣлъ.

Генеральный судъ являлся апелляціонной инстанціей для челобитческихъ дѣлъ, прошедшихъ уже черезъ полковые суды и магистраты тѣхъ городовъ, которые были выключены изъ подъ юрисдикціи полковыхъ канцелярій; въ генеральный же судъ поступали на разсмотрѣніе всѣ „мнѣнія" полковыхъ судовъ по дѣламъ колодничьимъ; наконецъ, генеральный судъ являлся первой инстанціей для дѣлъ по жалобамъ на генеральную старшину, полковниковъ и бунчуковыхъ товарищей. Въ одномъ изъ войсковыхъ компутовъ времени Скоропадскаго, найденномъ нами въ Харьковскомъ историческомъ архивѣ, имѣется указаніе, что на ряду съ бунчуковыми исключительному присуду генеральнаго суда подвѣдомы были и войсковые товарищи. Впослѣдствіи, какъ видно, войсковые товарищи утратили это право и, какъ явствуетъ изъ актовъ, судились въ полковыхъ судахъ. Кромѣ перечисленныхъ чиновъ исключительному присуду генеральнаго суда подлежали въ 17 в. лица, взятыя гетманомъ „въ особливую протекцію и оборону"; право это утверждалось за ними гетманскими универсалами [5]).

Генеральному суду подлежали и межевые споры. Въ 17 в. апелляціонныя жалобы по аграрнымъ дѣламъ, прошедшимъ черезъ низшія инстанціи, заносились обыкновенно гетману; для разбора ихъ по приказанію ясновельможнаго на спорный участокъ посылались особые коммиссары, т. наз. въ актахъ „висланіе", по 2—3 человѣка. Иногда въ составъ ихъ

[1]) Ригельманъ, кн. 5-ая, стр. 125. Дневн. Зап. Марковича II, 132.

[2]) Дневн. Записки Марковича II, стр. 133.

[3]) Словарь малорусской старины Ломиковскаго, изданіе Кіев. Стар. за 1894 г., стр. 10.

[4]) Маркевичъ, Исторія Малороссіи, IV стр. 860.

[5]) Обозрѣніе Румянцевской описи, стр. 519.

входилъ генеральный судья и кто нибудь изъ знатнаго войсковаго товарищества [1]), а иногда и просто лицо или нѣсколько по усмотрѣнію ясновельможнаго. „Висланіе" выѣзжали на спорную землю, иногда приглашали въ свой составъ мѣстное начальство, а иногда и сами производили осмотръ спорной земли и вообще управлялись согласно 9 разд. Статута и выдавали свой декретъ [2]). Рѣшеніе ихъ считалось не подлежащимъ дальнѣйшему пересмотру. Въ 18 в. судъ „висланихъ" именовался судомъ коммиссарскимъ, коммиссарами назначались обыкновенно бунчуковые товарищи или войсковые канцеляристы. Назначались они всякій разъ ad hoc, для разрѣшенія только того дѣла, которое имъ поручали, такъ что и теперь, какъ и 17 в., постояннаго института для разбора аграрныхъ споровъ не существовало. Назначеніе коммисаровъ, повидимому,зависѣло въ это время больше отъ генеральной канцеляріи, чѣмъ отъ генеральнаго суда [3]).

Въ 17 ст. главная судебная власть въ краѣ принадлежала гетману: въ случаѣ утвержденія имъ рѣшенія генеральнаго суда жаловаться можно было только въ Москву. Съ теченіемъ времени между гетманомъ и генеральнымъ судомъ выросла посредствующая судебная инстанція. Это была генеральная войсковая канцелярія, состоявшая изъ генеральныхъ старшинъ по назначенію гетмана и генеральнаго писаря, какъ ея непремѣннаго члена. Генеральная канцелярія являлась апелляціонной инстанціей для челобитческихъ дѣлъ, прошедшихъ черезъ генеральный судъ, къ ней же поступали на ревизію и всѣ опредѣленія генеральнаго суда по колодничнымъ дѣламъ [4])

Петровскія реформы отразились на малорусскомъ судоустройствѣ учрежденіемъ новой судебной инстанціи Въ 1722 г. въ Глуховѣ возникла малороссійская коллегія, которая и стала высшимъ апелляціоннымъ учрежденіемъ для дѣлъ, прошедшихъ черезъ малороссійскіе суды [5]). Существованіе ея, какъ извѣстно, продолжалось до избранія въ гетманы Даніила Апостола. При Апостолѣ возстановляется отчасти существовавшій ранѣе порядокъ. Верховнымъ судебнымъ учрежденіемъ въ краѣ, по рѣшительнымъ пунктамъ 1728 г., признается войсковой генеральный судъ, президентомъ котораго пункты называютъ гетмана, но зато въ составъ генеральнаго суда входятъ 3 великороссійскихъ персоны [6]). По смерти Апостола генеральная канцелярія вновь пріобрѣла утраченное было значеніе въ области

[1]) Обозрѣніе Румянц. описи, стр. 132.

[2]) Обозрѣніе Румянц. описи, стр. 681, 696, 711 и др. Акты по исторіи монастырск. землевладѣнія въ Малороссіи въ Чт. Общ. Лѣт. Нестора, т. V, отд. III стр. 71—79.

[3]) Словарь малорусской старины Ломиковскаго, издан. Кіевской Стар. за 1894 г., стр. 11 и 12. Полн. собраніе законовъ, т. XIV, № 11812.

[4]) Словарь мал. старины Ломиковскаго, стр. 12.

[5]) Полн. собраніе зак., т. VI, №№ 3988 и 4010.

[6]) Ibid, т. VIII, № 5324.

юстиціи: по указу 31 іюля 1734 г. къ ней перешли челобитческія дѣла, вѣдавшіяся прежде министерской канцеляріей, такъ что генеральная канцелярія стала по прежнему верховнымъ въ краѣ судилищемъ.

Съ возстановленіемъ гетманства генеральная канцелярія не потеряла своихъ судебныхъ правъ. Великорусскіе ея члены были замѣнены малороссійскими изъ числа генеральной старшины, которые по прежнему и разсматривали въ апелляціонномъ и ревизіонномъ порядкѣ дѣла, прошедшія черезъ генеральный судъ. Не потеряла генеральная канцелярія значенія высшаго судебнаго учрежденія въ краѣ даже и послѣ реформы генеральнаго суда, произведенной, какъ мы видѣли, въ 1760 г. Какъ ни мало противорѣчилъ такой порядокъ стремленію сдѣлать генеральный судъ верховнымъ трибуналомъ для всей Малороссіи, но онъ продолжалъ твердо держаться до самаго 1763 г., когда наконецъ былъ уничтоженъ гетманскимъ ордеромъ отъ 6 марта. „Изъ многихъ войсковаго генеральнаго суда и войсковой генеральной канцеляріи представленій, сказано въ этомъ ордерѣ: довольно усмотрѣлъ его ясновельможность, яко отъ полковыхъ и отъ прочихъ всѣхъ канцелярій по судебнымъ дѣламъ и отъ челобитчиковъ прошенія и апелляціи заходятъ въ войсковую генеральную канцелярію и тамо пріемлются ненадежно, чѣмъ причиняется тѣмъ самымъ челобитчикамъ въ дѣлахъ ихъ волокита да и его ясновельможности бываетъ черезъ то не малая докука, а суду генеральному и замѣшательство". Указывая далѣе на то, что генеральный судъ существуетъ „къ единственному разсмотрѣнію всѣхъ и всякихъ въ Малой Россіи происходимыхъ судныхъ дѣлъ" и что „по таковымъ суднымъ дѣламъ войсковой генеральной канцеляріи интересоватись невозможно и приличія нѣтъ", гетманъ приказывалъ генеральной войсковой канцеляріи „отъ сего времени ни по какимъ суднымъ дѣламъ отъ полковыхъ и отъ прочихъ канцелярій представленій, а отъ челобитчиковъ никакихъ прошеній отнюдь не принимать, яко до одного генеральнаго суда принадлежащихъ, а генеральному суду надлежащее разсмотрѣніе чинить по силѣ указовъ и правъ и такъ по челобитческимъ дѣламъ рѣшенія по апелляціямъ ихъ, какъ и по колодничьимъ дѣламъ мнѣніе свое представлять собственно къ его ясновельможности аппробаціи". Чтобы, наконецъ, окончательно утвердить независимость генеральнаго суда отъ генеральной канцеляріи, гетманъ распорядился, чтобы самая переписка между ними производилась въ формѣ „сношеній", а не ордеровъ и доношеній, „яко между мѣстами равными и одной его ясновельможности гетманской власти подсудственными" [1]).

Таково было, въ общихъ чертахъ, судоустройство въ гетманщинѣ до судебной реформы 1763 г. Наблюдателя въ немъ прежде всего по-

[1]) Архивъ Мал. Кол. № 12509.

ражаетъ рѣзкое противорѣчіе между закономъ и фактами дѣйствительности. По закону—договору Хмельницкаго и статьямъ первыхъ гетмановъ—въ Малороссіи должны существовать три рода судовъ: шляхетскіе для шляхты, козацкіе—для козаковъ, мѣйскіе—для мѣщанства. Въ дѣйствительности шляхетскіе суды совершенно отсутствуютъ, шляхтичъ низводится до степени козака, а козакъ получаетъ юридическія права шляхтича и оба сословія судятся въ одномъ и томъ же войсковомъ судѣ; въ то же время мѣщанскіе суды въ значительной степени утрачиваютъ свою самостоятельность, завися отъ козацкихъ начальниковъ въ низшихъ инстанціяхъ и совершенно подчиняясь козацкимъ судьямъ въ высшихъ. По закону уголовныя дѣла должны вѣдаться въ гродскихъ судахъ, гражданскія—въ земскихъ, а межевыя—въ подкоморскихъ; въ дѣйствительности гродскія и земскія дѣла „безъ разбору смѣшаны" въ полковыхъ и сотенныхъ судахъ, постояннаго института для межевыхъ дѣлъ не существуетъ, а исполненіе обязанностей подкомораго возлагается на нарочно назначаемыхъ для каждаго отдѣльнаго случая урядниковъ. Любопытнѣе всего, что долгое время такого противорѣчія какъ бы никто не замѣчалъ и пункты Богдана Хмельницкаго, не смотря на все ихъ несоотвѣтствіе съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ, продолжали наивно считаться основными пунктами малороссійскихъ правъ, на которые гетманцы и ссылались обыкновенно въ случаяхъ потребныхъ.

Конечно, противорѣчіе между закономъ и дѣйствительностью ни чуть не служитъ доказательствомъ несовершенства этой дѣйствительности, а скорѣе совсѣмъ наоборотъ. И въ самомъ дѣлѣ, судоустройство въ гетманщинѣ выработалось самою жизнію, естественными потребностями самого народа, безъ всякихъ искусственныхъ, не изъ народа выходящихъ регламентацій; и это судоустройство могло удовлетворять народъ до тѣхъ поръ, пока оно оставалось народнымъ, пока самъ народъ участвовалъ въ его созданіи, пока онъ принималъ активное участіе въ отправленіи правосудія, пока, наконецъ, народъ и его судьи смотрѣли на жизнь одними и тѣми же глазами. Но этотъ счастливый періодъ въ исторіи малорусскаго суда былъ не долгимъ. Эволюція народной жизни отразилась и въ области суда и расправы Скоро сказалась разница между мѣщаниномъ и козакомъ, между козакомъ и козацкой старшиною; рушилось согласіе воззрѣній и интересовъ между народомъ и его судьями; мѣсто народной воли, столь громко высказывавшейся въ области правосудія въ первые годы по-революціоннаго періода, занялъ произволъ командующаго класса, къ тому же и сама жизнь осложнилась. И вотъ, съ удаленіемъ съ судебной арены народа, создавшаго малорусское судоустройство, обнаружились и несовершенства этого судоустройства,—обнаружились тѣ прорѣхи въ су-

дебномъ строѣ, какія необходимо должны были образоваться съ удаленіемъ изъ суда одного изъ главныхъ агентовъ правосудія. Результатомъ этого явились безчисленныя жалобы на отсутствіе справедливости въ судахъ, на „наклады и взятки", на „похлебство" судей своимъ доброхотамъ. Причину этого явленія видятъ обыкновенно въ неопредѣленности и недостаткахъ законодательства, но едва ли меньшую роль играли въ этомъ случаѣ и чисто формальныя условіи—несовершенства въ судоустройствѣ. И въ самомъ дѣлѣ, выработанный казатчиной строй, самъ по себѣ, былъ слишкомъ примитивно простъ и, можно сказать, годился скорѣе для военнаго табора, чѣмъ для сложной гражданской жизни. Онъ былъ совершенно чуждъ разграниченія судебной власти отъ административной и военной. Одинъ и тотъ же урядникъ—и судья и администраторъ, и военачальникъ. Не говоря уже о полковникахъ и сотникахъ, сами полковые и генеральные судьи нерѣдко отрывались отъ своихъ судейскихъ обязанностей то для военныхъ, то для административныхъ порученій. Такое соединеніе несоединимыхъ функцій влекло за собой въ лучшихъ случаяхъ волокиту, а въ худшихъ, принимая во вниманіе полную подчиненность козака своему начальнику,—и явную недобросовѣстность. При отсутствіи общественнаго контроля панъ полковникъ или панъ сотникъ, которымъ всецѣло были подчинены живущіе на территоріи даннаго полка или сотни обыватели, всегда могъ наклонить вѣсы правосудія въ ту или другую, желательную для него сторону. Не нужно забывать при этомъ, что одинъ и тотъ же судъ завѣдывалъ разборомъ и колодничьихъ, и челобитческихъ, и межевыхъ дѣлъ. Возможенъ ли былъ судъ скорый и правый, когда одинъ и тотъ же полковой судья сегодня участвовалъ въ засѣданіи полковой канцеляріи по вопросу о „выстачаньи подводъ" въ таборъ, завтра судилъ убійцу, послѣ завтра дѣлилъ наслѣдство, а на четвертый день ѣхалъ въ степь проводить границу между владѣніями двухъ спорящихъ сосѣдей?.

Жалобы были услышаны, малорусскій судъ обратилъ на себя вниманіе и центральной, и краевой власти, но его недостатки не были поняты какъ слѣдуетъ. Поправить несовершенства судоустройства думали путемъ регламентаціи сверху. Не измѣняя судебнаго строя, съузили компетенцію низшихъ судебныхъ установленій, а судей поставили подъ строгій контроль главнаго краеваго правительства. „Мнѣнія" полковыхъ судовъ по колодничьимъ дѣламъ ревизовалъ генеральный судъ, генеральный судъ ревизовала генеральная канцелярія, генеральную канцелярію ревизовалъ гетманъ или правительство, заступающее его мѣсто. Получался длинный рядъ судебныхъ инстанцій: сельскій судъ, сотенный судъ, полковой, генеральный, генеральная канцелярія и, наконецъ, гетманъ или замѣняющій его урядъ.— итого 6 инстанцій въ одной Малороссіи. Конечно, гражданское дѣло всегда

могло остановиться на который нибудь изъ этихъ инстанцій, но всякое сколько нибудь важное уголовное дѣло неизбѣжно должно было пройти черезъ всѣ эти ступеньки, прежде чѣмъ достигнуть окончательнаго разрѣшенія. Результатъ этого „многодѣльство“ во всѣхъ инстанціяхъ, особенно въ высшихъ, канцелярщина и нескончаемая волокита, благодаря которой дѣла затягивались на долгіе годы.

Стремясь къ централизаціи въ области правосудія, регламентація сверху совсѣмъ не коснулась очень крупнаго недостатка, которымъ страдали малорусскіе суды—неустойчивости судоустройства. Малорусское судоустройство, переставъ быть народнымъ, въ то же время сохранило тотъ характеръ случайности, какимъ оно отличалось въ первые годы по-революціоннаго періода. Постояннаго въ немъ очень мало. Составъ суда измѣнчивъ и непостояненъ; мѣсто отсутствующаго члена иногда заполняется кѣмъ придется—сотникомъ, бунчуковымъ товарищемъ, кѣмъ нибудь изъ старшины,—а иногда и никѣмъ. Слѣдственная часть не имѣетъ опредѣленной организаціи и производство слѣдствій поручается кому придется. Аграрные споры составляютъ едва ли не самый большой процентъ проходящихъ черезъ суды дѣлъ,—дѣлъ, требующихъ, при запутанности и неопредѣленности малорусскаго землевладѣнія, большой опытности и осмотрительности, а между тѣмъ постоянныхъ органовъ для разбора межевыхъ тяжбъ не имѣется и разборъ ихъ поручается опять таки кому придется. Суды мало знакомы съ предѣлами своей компетенціи и сплошь и рядомъ входятъ въ разборъ дѣлъ, не подлежащихъ ихъ вѣдѣнію. Усмотрѣнію „командировъ“ предоставляется широкій просторъ. Челобитчики путаются и не знаютъ, гдѣ имъ искать правосудія. Вотъ, напримѣръ, офицерша, жалующаяся на насиліе, учиненное ей нѣжинскимъ грекомъ. Подаетъ она суплѣки въ греческое братство, въ Нѣжинскій магистратъ, въ Нѣжинскую гарнизонную канцелярію—и вездѣ встрѣчаетъ отказъ. Дѣло, наконецъ, попадаетъ къ гетману и по его распоряженію, несмотря на малороссійскія права, предписывающія разбирать дѣло въ томъ судѣ, коему подсуденъ отвѣтчикъ, жалоба офицерши передается на разсмотрѣніе Нѣжинскаго полковаго суда, „понеже оная челобитчица есть офицерская жена“. Интереснѣе всего, что сверхъ обычныхъ членовъ полковаго суда гетманъ назначаетъ нарочно для даннаго дѣла одного изъ бунчуковыхъ товарищей, какъ бы не довѣряя безпристрастію мѣстнаго судоваго уряда. И это дѣлается во время усиленныхъ заботъ объ упорядоченіи малорусскаго судоустройства и о возведеніи украинскихъ судовъ на степень государственныхъ учрежденій, дѣйствующихъ „по точной силѣ правъ малороссійскихъ“.

Очевидно, что украинскіе суды нуждались въ крупномъ и коренномъ преобразованіи. Очевидно также, что это преобразованіе, разъ оно было

бы поручено мѣстнымъ силамъ, могло состояться только въ соотвѣтствіи съ тѣмъ теченіемъ, какое приняла мѣстная жизнь. А жизнь приняла такое теченіе, что конечною цѣлью его стало возвращеніе къ до-революціоннымъ порядкамъ. Въ гетманщинѣ и въ общественныхъ отношеніяхъ, и въ области суда мало по малу водворялось статутовое право, которое, наконецъ, стало единогласно признаваться „правомъ малороссійскимъ національнымъ". Ясное дѣло, что если при такихъ условіяхъ могла совершиться реформа малорусскаго судоустройства, то она могла совершиться только въ духѣ этого права. Такъ оно и случилось въ дѣйствительности.

Глава II.

Сознаніе необходимости судебной реформы. Процессъ Михайловскаго монастыря. Рѣшеніе сената. Представленіе гетмана. Новое рѣшеніе сената и резолюція государыни. Ордеръ гетмана объ учрежденіи подкоморыхъ. Выборы подкоморыхъ.

Несмотря на видимые недостатки малороссійскаго судоустройства, не смотря на бьющее въ глаза противорѣчіе его съ нормируемымъ Статутомъ порядкомъ, сознаніе необходимости реформировать судебный строй въ гетманщинѣ явилось не скоро. Съ увѣренностью можно сказать, что въ этомъ случаѣ жизнь далеко опередила украинскихъ законодателей. И въ самомъ дѣлѣ, на Украйнѣ давно уже сформировалась своя собственная шляхта, присвоившая себѣ почти всѣ статутовыя права пана надъ подданнымъ; давно между рядовымъ козакомъ и его старшиною—„командиромъ" образовалась „дистанція огромнаго размѣра"; давно уже само козачество утратило свой исключительно военный характеръ; давно, наконецъ, въ самихъ судахъ водарилось шляхетское статутовое право, а между тѣмъ организація этихъ судовъ въ общемъ оставалась такою же, какою была и въ дни „презѣльной брани".

Но какъ ни туго, сознаніе непригодности существующаго судоустройства и необходимости согласовать его съ тѣмъ, что гетманцы называли „правами малороссійскими", все таки проникало въ общество. Въ 30 г.г. прошлаго столѣтія въ Малороссіи учреждена была „коммиссія для перевода и свода книгъ правныхъ". Результатомъ ея дѣятельности явились „Права, по которымъ судится малороссійскій народъ". Составители „Правъ", не смотря на свое полное знакомство со Статутомъ и конституціями шляхетскихъ сеймовъ, не рѣшились, однако, наложить руку на выработанный гетманщиной судебный порядокъ. Въ ихъ трудѣ онъ получилъ новую санкцію. Тѣмъ не менѣе украинскіе юристы все же должны были придти къ сознанію необходимости возстановленія нѣкоторыхъ упраздненныхъ козачиною институтовъ. Въ „Проетахъ" коммиссіи, представленныхъ на высочайшее разсмотрѣніе, коммиссіанты предлагали возстановленіе института подкоморыхъ

и коморниковъ, названныхъ въ „Правахъ“ межовщиками и подмежовщиками. Коммиссіанты высказывались противъ употребленія для разбора межевыхъ споровъ „другихъ чиновъ людей, своими особенными званіями и должностями занятихъ“, какъ это практиковалось на Украйнѣ, и въ возстановленіи института межовщиковъ и подмежовщиковъ видѣли „ползу народную для необходимо нужной въ Малой Россіи такихъ персонъ потреби“. Коммиссіанты высказались за возстановленіе и другаго института, упраздненнаго козаччиною,—института возныхъ, „яко зѣло къ судамъ потребнихъ“ [1]).

„Проети“ коммиссіи не были приведены въ исполненіе, но тѣмъ не менѣе не были и забыты. Съ теченіемъ времени они получили болѣе широкую постановку, и къ 50 г. въ Малороссіи явилась уже мысль не о частичныхъ преобразованіяхъ въ судоустройствѣ, а о коренной реформѣ, вполнѣ соотвѣтствующей „правамъ малороссійскимъ“. Мысль эта ясно высказывается въ „Эксцерптѣ зъ правъ малороссійскихъ“,—книгѣ, предназначенной для употребленія гетмана Разумовскаго. Составитель „Эксцерпта“ выработанный казаччиной судебный порядокъ прямо таки называетъ результатомъ невѣжества и указаніемъ на измѣненіе условій жизни какъ бы рекомендуетъ молодому гетману возстановленіе статутовыхъ судовъ. „Первый антецессоръ вашего сіятельства гетманъ Богданъ Хмельницкій и все тогдашнее войско запорожское, писалъ онъ: вѣдая силу правъ малороссійскихъ, судами земскими и городскими управляемую, били челомъ вел. государю и в. князю Алексѣю Михайловичу, самодержцу всероссійскому, и просили о бытіи въ Малой Россіи судамъ земскимъ и гродскимъ, якое прошеніе ихъ не точію удоволено само рѣшеніемъ: „государь указалъ и бояре приговорили быть по ихъ челобитью“, но и особливою высочайшею грамотою отъ созданія міра 7162 г. марта 28 дня о избраніи между собою судей земскихъ и гродскихъ для расправъ на вѣки утверждено; таковые жъ суды, особо земскіе, а особо гродскіе, въ полковыхъ и сотенныхъ безъ разбору смѣшаны будучи, теченія правильнаго не имѣли, ибо за скудостью грамотныхъ людей были на чинахъ судейскихъ и неграмотные, яко видно изъ подписовъ на статьяхъ по гетманѣ Богданѣ Хлельницкомъ бывшихъ гетмановъ, а именно: 1664 г. на статьяхъ гетм. Ив. Бруховецкій подписался съ 10 персонами грамотныхъ, а неграмотныхъ подписано 55 персонъ, войсковыхъ канцеляристъ 3 человѣка, протопопъ 1, войтовъ 6 да подписчиковъ 16, а всего 92 персоны. 1672 г. на статьяхъ гетманъ Ив. Самойловичъ подписался съ 7 персонами грамотныхъ, писарей полковыхъ 10, а неграмотныхъ подписано 159 чел., всѣхъ 177 персонъ. 1787 г. на статьяхъ гетм. Ив. Мазепы подписалось 32 особы грамотными да канцеляристъ войсковыхъ 10, а неграмотныхъ 68, всего подписалось 110 персонъ. Изъ оного 1664 по 1687 г. въ 23 годахъ находилось во

[1]) Права, стр. 832.

всей Малой Россіи грамотныхъ только 60 персонъ мірскихъ, а нынѣ ваше сіятельство несравненно благосчастливый гетманъ, егда въ региментѣ своемъ многочисленные компуты ученыхъ и грамотныхъ чиновъ и персонъ изволите имѣть" [1]).

Гораздо опредѣленнѣе автора „Эксцерпта" высказывались противъ существующаго судоустройства просвѣщенные представители малороссійскаго шляхетства, преимущественно изъ числа тѣхъ, которые съ особеннымъ удареніемъ подчеркивали свое происхожденіе „не отъ здѣшней простонародной породи, а отъ благороднаго шляхетства полскаго". „Гражданскія у насъ дѣла, разсуждали передовые люди гетманщины: совсѣмъ не на такомъ основаніи состоятъ, какими оныя были во время бытности нашей подъ республикой польской и на какомъ мы приняты подъ державу россійскую. Были у насъ суды земскіе, гродскіе, подкоморскіе и прочіе къ содержанію правосудія и порядка учрежденные мѣста и чины, былъ надъ оными трибуналъ, были у насъ сеймы или генеральныя рады, на которыхъ мы всѣ общія и важнѣйшія дѣла наши рѣшали и новыя учрежденія дѣлали. Но гдѣ оныя нынѣ? Переведены и выглажены изъ памяти нашей, какъ будто ихъ никогда не бывало. Сіе произошло отъ того, что умалилась власть и сила шляхетства нашего, а возросла и почти все себѣ присвоила воинская сила" [2]).

Отъ этихъ меланхолическихъ жалобъ дѣло переходило и къ открытымъ заявленіямъ его ясновельможности о необходимости возстановленія статутовыхъ судовъ. По крайней мѣрѣ въ универсалѣ 19 ноября 1763 г. самъ гетманъ свидѣтельствовалъ, что къ нему „съ нѣкоторыхъ мѣстъ прошенія учинены, дабы по силѣ правъ раздѣленіе судовъ учреждено было" [3]). Сторонникомъ реформы былъ и самъ гетманъ, ясно сознававшій, что „въ Малой Россіи всѣ для процесскихъ дѣлъ суды не въ такомъ состоятъ распорядкѣ, какъ въ правахъ узаконено". Его реформа генеральнаго суда была только первой попыткой къ реорганизаціи всей судебной чисти на статутовыхъ началахъ. За ней, по мысли гетмана, долженъ былъ послѣдовать „въ силѣ правъ распорядокъ и о протчихъ малороссійскихъ судахъ". Что таковы были дѣйствительно планы ясновельможнаго, — въ этомъ легко убѣдиться изъ мотивировки универсала 17 ноября 1760 г.

Реформа, однако, долгое время оставалась въ области предположеній. Гетману, занятому борьбою придворныхъ партій, было въ то время не до малороссійскихъ дѣлъ, и только перемѣна обстоятельствъ и указаніе свыше

---

[1]) Изъ рукописной библіотеки покойнаго Кистяковскаго. Выписка предоставлена въ мое распоряженіе проф. Д. И. Багалѣемъ.

[2]) Рѣчь о направленіи состоянія Малороссіи. Кіевская Старина 1882, окт., стр 120—122.

[3]) Харьковскій Историческій Архивъ. Дѣл. Мал. Кол. № 3364.

заставили его вспомнить о позабытыхъ планахъ реорганизацiи малороссiйскаго судоустройства.

Реформа началась возстановленiемъ суда подкормскаго, а поводомъ къ тому явился одинъ изъ тѣхъ безконечныхъ аграрныхъ процессовъ, которые были столь часты въ старой Малороссiи.

Еще въ началѣ 50-хъ годовъ возникъ судебный процессъ между войск. товарищемъ Орѣховскимъ и гвардiи капитанъ-поручикомъ Тернавiотомъ съ одной стороны и Переяславскимъ Михайловскимъ монастыремъ—съ другой. Орѣховскiй и Тернавiотъ жаловались на отнятiе у нихъ Михайловскимъ монастыремъ земли, принадлежащей къ ихъ хуторамъ. Дѣло поступило для разбора въ полковой Лубенскiй судъ. Кончено оно, однако, здѣсь не было. Вызванный въ качествѣ отвѣтчика, игуменъ Михайловскаго монастыря заявилъ, что дѣло это Лубенскому суду не подсудно, такъ какъ спорныя земли состоятъ положенiемъ не въ Лубенскомъ, а въ Переяславскомъ полку. Дѣло перешло къ гетману, который, руководясь 2 и 12 арт. 9 розд. Статута, опредѣляющими компетенцiю подкоморскаго суда и порядокъ разбора межевыхъ дѣлъ, а также 8 арт. того же роздѣла, въ которомъ указывается, что при спорѣ о земляхъ, лежащихъ на общей границѣ двухъ повѣтовъ, на спорный пунктъ для разбора дѣла долженъ выѣзжать не одинъ подкоморый, а оба изъ своихъ повѣтовъ,—нашелъ необходимымъ учредить для разбора дѣла обычный въ такихъ случаяхъ временный межевой судъ и приказалъ Лубенской и Переяславской полковымъ канцелярiямъ выслать на спорную землю нарочныхъ старшинъ-коммиссаровъ. Старшины явились, по правному порядку вызвали стороны, допросили, разсмотрѣли документы. Оказалось приэтомъ, что въ документахъ Михайловскаго монастыря точной границы монастырскихъ владѣнiй не указано, да и самъ Михайловскiй игуменъ призналъ, что спорная земля—бывшая свободная войсковая, захваченная однимъ изъ его предшественниковъ. Послѣ допроса свидѣтелей, по ихъ указанiямъ была проведена граница, и дѣло такимъ образомъ оказалось рѣшеннымъ не въ пользу монастыря.

Такъ какъ разборъ дѣла коммиссарами состоялся по распоряженiю самого гетмана, то жаловаться на ихъ рѣшенiе можно было только въ коллегiю иностранныхъ дѣлъ, которой были подвѣдомы въ то время малоросiйскiя дѣла. Сюда и обратился монастырь съ своей жалобливой суплѣкой. Изъ коллегiи дѣло по наслѣдству перешло въ сенатъ (при передачѣ въ него всѣхъ малороссiйскихъ дѣлъ), а послѣднiй обратился за разъясненiями къ гетману. Гетманъ отвѣтилъ, что дѣло это уже произведено слѣдственнымъ порядкомъ по силѣ 2 и 12 арт. 9 розд. Статута, а потому и новому судному процессу быть о немъ не надлежитъ. Плохо знакомый со Статутомъ, а еще менѣе съ практиковавшимися на Украйнѣ судебными порядками, сенатъ

часто путался при разборѣ малороссійскихъ дѣлъ. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Выраженіе „слѣдственный порядокъ“ повергло сенатъ въ недоумѣніе. Порывшись въ 11 розд. Статута, въ тѣхъ артикулахъ, гдѣ толкуется о шкрутиніумѣ, сенатскіе юристы разсудили, что примѣнять шкрутиніумъ къ данному дѣлу не слѣдовало, ибо де шкрутиніумъ допускается Статутомъ только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло идетъ „о честь да о голову“, а въ монастырскомъ процессѣ дѣло идетъ всего только „о землѣ, хлѣбѣ и сѣнахъ“. Не удовлетворила сенатъ и ссылка гетмана на 2 и 12 арт. 9 розд. Сенатъ нашелъ, что эти артикулы „гласятъ токмо о должности подкоморыхъ“, разбору которыхъ подлежатъ только тѣ дѣла, которыя „къ нимъ изъ надлежащаго по порядку какого либо суднаго мѣста отосланы будутъ“. По толкованію сената, 12 арт., на который ссылался гетманъ, именно повелѣваетъ обидимой сторонѣ на противную свою сторону бить челомъ въ надлежащемъ по порядку судѣ, а изъ онаго (если бы на томъ судѣ дѣло между ними не окончилось) оно можетъ быть отослано къ подкоморому; изъ обстоятельствъ же даннаго дѣла явствуетъ, что о немъ „въ надлежащемъ по порядку судѣ (т. е. полковомъ или генеральномъ) надлежащаго же по правамъ малороссійскимъ произвожденія суда не было“. Въ виду означенныхъ резоновъ сенатъ и отослалъ дѣло Михайловскаго монастыря обратно къ гетману съ предложеніемъ „по сему дѣлу вновь производить судъ непремѣнно“. Такимъ образомъ рѣшеніе коммиссарскаго суда сенатъ счелъ не судомъ sui generis, а только слѣдствіемъ, совершенно недопускаемымъ закономъ въ аграрныхъ спорахъ. Придавъ такому толкованію принципіальное значеніе, нужно было придти къ заключенію, что всѣ земельные споры должны быть разбираемы не коммиссарами, какъ это практиковалось въ Малороссіи, а обыкновенными судами, т. е. полковыми или генеральнымъ. Этимъ какъ бы совершенно отмѣнялся весь 9 роздѣлъ Статута, по крайней мѣрѣ въ той формѣ, въ какой онъ примѣнялся въ гетманщинѣ. Такъ и поняли сенатское рѣшеніе въ Малороссіи.

Не смотря на всю категоричность сенатскаго указа, гетманъ не рѣшился привести его въ исполненіе. 22 мая 1762 г. онъ обратился въ сенатъ съ обширнымъ представленіемъ, въ которомъ доказывалъ законность рѣшенія монастырскаго дѣла коммиссарами и необходимость удержанія и на будущее время коммиссарскаго суда для разбора земельныхъ споровъ. По Статуту, писалъ гетманъ, установлены три нижнихъ суда — земскій, гродскій и подкоморскій. Въ Малороссіи дѣла, подлежащія вѣдѣнію гродскихъ и земскихъ судовъ, вѣдаютъ полковыя канцеляріи, которыя называются и полковыми судами; что же касается дѣлъ подкоморскихъ, то, въ виду отсутствія въ Малой Россіи особыхъ подкоморскихъ судовъ, для разбора межевыхъ споровъ всякій разъ, когда въ томъ представляется на-

добность, употребляются, по резолюціи гетмана, нарочные старшины-коммиссары, назначаемые полковыми судами или генеральнымъ; рѣшенія коммиссаровъ имѣютъ такую же силу, какъ и рѣшенія подкоморыхъ, такъ что въ рѣшеніи земельныхъ споровъ коммиссарами никакой отмѣны малороссійскому правному порядку нѣтъ. Такимъ именно коммиссарскимъ судомъ и было рѣшено дѣло Михайловскаго монастыря, а потому и новый пересмотръ его судомъ является излишнимъ и незаконнымъ. Далѣе, гетманъ объяснялъ сенату его ошибку, состоявшую въ томъ, что судъ коммиссарскій или, что то же, судъ подкоморскій, сенатъ смѣшалъ съ слѣдствіемъ, примѣняемымъ только къ дѣламъ криминальнымъ, и наконецъ доказывалъ крайнюю необходимость сохраненія и на будущее время коммиссарскаго суда именно для межевыхъ дѣлъ. Необходимость эта, по объясненію гетмана, вытекаетъ изъ хаотическаго состоянія малороссійскаго землевладѣнія. Послѣ возстанія Хмельницкаго, писалъ гетманъ, въ Малой Россіи оказалось большое количество свободныхъ земель, оставленныхъ своими бывшими владѣльцами — шляхтичами; изъ нихъ образовались такъ наз. войсковыя земли. По договорамъ Хмельницкаго и послѣдующихъ гетмановъ было постановлено, что никто въ Малой Россіи не имѣетъ права владѣть ни селомъ, ни деревней, ни мельницей, ни другимъ какимъ угодьемъ безъ гетманской наддачи. а русскіе государи обѣщали давать грамоты на владѣніе землею только по представленію гетмана. Съ тѣхъ поръ въ Малороссіи утвердились два типа владѣній: владѣнія наслѣдственныя и владѣнія временныя. Владѣнія наслѣдственныя давались въ вѣчное и потомственное владѣніе по представленію гетманскому, утвержденному царскою грамотой; отнимать ихъ гетманы права не имѣли. Владѣнія временныя давались одними гетманами, въ видѣ вознагражденія за войсковую службу; такое владѣніе гетманы имѣли право въ любое время отобрать у владѣльца и передать другому. Характеръ владѣній этого послѣдняго рода опредѣлялся въ гетманскихъ универсалахъ выраженіями: „до ласки“, „до розсудку“, „до дальшои ласки“, „ко вспартью дому“, „къ вспомоществованію дому“ и т. п., т. е. такого рода владѣніе давалось или въ видѣ жалованья, пока лицо, получившее владѣніе, несетъ службу, или для поправленія хозяйства, разстроеннаго благодаря службѣ, или, наконецъ, когда кто изъ милости просилъ, чтобы на него деревня временно поработала. На такого рода временныя наддачи гетманы царскихъ грамотъ, конечно, не испрашивали да и сами владѣльцы временныхъ наддачъ не имѣли права испрашивать таковыхъ; они хорошо знали о временномъ характерѣ своихъ владѣній, а потому каждый изъ нихъ при перемѣнѣ гетмана спѣшилъ испросить у новаго гетмана подтвердительный на свои владѣнія универсалъ. Къ сожалѣнію, такіе подтвердительные универсалы давались иногда

очень неосмотрительно, вслѣдствіе чего временныя владѣнія стали превращаться въ наслѣдственныя, а путемъ купли-продажи и разныхъ сдѣлокъ переходить и въ постороннія руки. Не смотря на то, что безъ представленія гетманскаго никто не имѣетъ права ходатайствовать о жалованной на владѣніе грамотѣ, многіе владѣльцы представляли выданные имъ на временное владѣніе универсалы и получали царскія грамоты, дающія имъ право вѣчнаго и потомственнаго владѣнія; приэтомъ бывало и такъ, что въ эти грамоты включалось не только то владѣніе, на которое они имѣли временное по гетманскимъ универсаламъ право, но и всѣ остальныя, бывшія почему либо въ ихъ владѣніи земли и угодья. Универсалы на временныя владѣнія выдавались часто очень неосмотрительно и потому случалось, что гетманы давали универсалы на тѣ владѣнія, кои уже принадлежали другимъ; убѣдившись въ своей ошибкѣ, гетманы отмѣняли свои распоряженія, но выданные ими универсалы оставались въ рукахъ непризнанныхъ владѣльцевъ, которые до времени припрятывали ихъ, а затѣмъ, представляя эти „скасованные“ универсалы, добивались отъ правительства жалованныхъ грамотъ, дающихъ имъ право на наслѣдственное владѣніе никогда имъ не принадлежавшимъ имѣніемъ. Самыя царскія грамоты у многихъ владѣльцевъ очень сомнительны: многія, напр., безъ всякой подписи, съ приложеніемъ одной только печати. Усиленію безпорядковъ въ землевладѣніи много способствовало и присвоенное себѣ полковниками право земельныхъ наддачъ. У многихъ изъ самихъ же полковниковъ, благодаря этому, очутились имѣнія такимъ путемъ: полковникъ, подъ предлогомъ болѣзни, временно удалялся отъ дѣлъ и назначалъ на свое мѣсто наказнаго полковника, а этотъ послѣдній выдавалъ ему универсалъ на владѣніе деревней или имѣніемъ; затѣмъ временно удалившійся отъ дѣлъ полковникъ вновь возвращался на свой постъ, а данное ему наказнымъ полковникомъ имѣніе оставалось въ его владѣніи. Такимъ образомъ, не смотря на то, что пунктами Хмельницкаго и другихъ гетмановъ установленъ только одинъ путь къ полученію имѣній въ потомственное владѣніе, а именно по представленію гетмана, въ рукахъ разныхъ малороссійскихъ владѣльцевъ оказалось множество вѣчныхъ владѣній, пріобрѣтенныхъ посторонними путями. Всѣмъ этимъ, впрочемъ, еще не исчерпываются практиковавшіеся на Украйнѣ способы неправильныхъ пріобрѣтеній. По увѣренію гетмана, были въ ходу и другіе способы, „коими владѣльцы напрасно себѣ привластили великія стопы земли и угодій“. „Привластителямъ“ часто удавалось получать отъ громады, т. е. отъ всѣхъ козаковъ и посполитыхъ даннаго селенія, уступочныя письма на извѣстныя угодья въ знакъ будто бы благодарности за пожертвованіе въ пользу церкви (состоящее иногда, по словамъ гетмана, въ однихъ крашениновыхъ ризахъ). Часто громада о такой уступкѣ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія, а все дѣло ведетъ „привластитель“ съ

однимъ священникомъ, который и составляетъ запись отъ имени безграмотной и беззащитной громады. Къ тому же „привластители“ нерѣдко помогаютъ другъ другу въ такихъ хищеніяхъ войсковой земли то по свойству, то по лихоимству, а иногда и изъ страха. Если попавшее въ руки „привластителя“ имѣніе, считающееся по бумагамъ генеральной канцеляріи свободнымъ войсковымъ, отдавалось гетманомъ кому либо во владѣніе, „привластитель“ заводилъ съ новымъ владѣльцемъ тяжбу. Появлялись на свѣтъ разные скасованные универсалы, которые привластитель или сберегъ, или купилъ у кого-нибудь другого,—иногда на одно и то же владѣніе представлялось два, а то и три,—и „привластитель“ доходитъ своего мнимаго права всяческимъ судомъ, а на судѣ у него всегда оказываются законныя основанія для владѣнія: то ссылка на „обыкновеніе малороссійское“, то десятилѣтняя давность владѣнія, то, наконецъ, незаконно выхлопотанная царская грамота. „Привластитель“ въ концѣ концовъ выигрываетъ дѣло и владѣетъ оттянутымъ имѣніемъ до тѣхъ поръ, пока другой не отниметъ у него совершенно такимъ же способомъ. Такимъ привластительствомъ, по словамъ гетмана, особенно отличаются монастыри и лучшей иллюстраціей этого служитъ дѣло того же Михайловскаго монастыря. Переяславскій полковникъ Тамара, не имѣя ни малѣйшаго законнаго права на раздачу войсковой земли, отдалъ, тѣмъ не менѣе, во владѣніе Михайловскаго монастыря небольшой лоскутъ свободной войсковой земли для устройства мельницы и постройки хатъ для мельниковъ. Однако монастырь, пользуясь тѣмъ, что сосѣдняя съ его мельницей степь принадлежала беззащитной Яготинской громадѣ и не менѣе беззащитнымъ владѣльцамъ Вакуловичамъ (отъ которыхъ перешла къ Орѣховскому и Тернавіоту), захватилъ земли въ окружности болѣе чѣмъ на 100 верстъ, поселилъ на этихъ земляхъ села и слободы и успѣлъ выхлопотать универсалы и даже грамоту не только на землю, неправильно отданную ему Тамарой, но и на всю самовольно захваченную имъ степь. При такомъ хаотическомъ состояніи землевладѣнія аграрные споры въ Малороссіи, по мнѣнію гетмана, *требуютъ разбора не общими судами, а судомъ спеціальнымъ*. Для разрѣшенія спорныхъ вопросовъ о правѣ владѣнія требуется не долголѣтняя тяжба по судамъ, а короткій разборъ дѣла на мѣстѣ высланными отъ гетмана коммиссарами путемъ изученія крѣпостей, разобранія границъ и межъ и опроса старожиловъ, т. е. именно тотъ судъ, который извѣстенъ въ Статутѣ подъ именемъ подкоморскаго. Судъ этотъ, въ виду запутанности малороссійскаго землевладѣнія, и есть, по мнѣнію гетмана, единственный ближайшій и кратчайшій способъ разбора безконечныхъ межевыхъ споровъ.

Для вящшей убѣдительности своихъ доводовъ въ пользу сохраненія суда коммиссарскаго, гетманъ указывалъ сенату на неудобства разбора зе-

мельныхъ споровъ общими судами,—неудобства, вытекающія изъ самаго малороссійскаго права. Прежде всего, Статутъ не велитъ передъ началомъ слѣдствія отбирать спорную землю у того, кто ею владѣлъ, хотя бы и неправильно, до начала процесса, и „такимъ образомъ привластитель, не будучи лишенъ своего неправильнаго владѣнія, можетъ столько волочить истца судною формою, сколько хочетъ: то уклоненіемъ отъ позва, то подозрѣніемъ на судей и разными апелляціями, то разными безчисленными вымыслами, а истецъ, раззоряясь черезъ многіе годы, приходитъ къ истощенію". При разборѣ земельныхъ споровъ въ общихъ судахъ, монастыри и вообще лица сильныя, могущія тратить на тяжбы большія деньги, имѣютъ возможность безконечно терзать своихъ противниковъ. Для всѣхъ такихъ привластителей разборъ дѣла коммиссарскимъ судомъ былъ чрезвычайно невыгоднымъ, а потому и сенатскій указъ, повелѣвающій всякому доходить своего владѣнія судомъ и повидимому вовсе устраняющій судъ коммиссарскій, „привластители" встрѣтили съ величайшимъ удовольствіемъ. Такъ какъ привластителей въ Малороссіи безчисленное множество, а самовольные захваты земель, неправильная скупля и полковничьи наддачи продолжались здѣсь отъ временъ Хмельницкаго до самаго послѣдняго времени, то и дѣлъ такихъ по судамъ малороссійскимъ заводится огромное число. Благодаря судебнымъ уверткамъ привластителей, споры эти тянутся лѣтъ по 10—20, и все таки не получаютъ своего окончанія, а между тѣмъ „обиженный истецъ раззоряется и отъ безсилія своего или принужденную сдѣлку мировую съ крайнимъ убыткомъ своимъ дѣлаетъ, или часто случается, что смертью дѣло къ первому началу своему возвращается", а иногда истецъ и отвѣтчикъ, наскучивъ споромъ за непринадлежащую имъ обоимъ войсковую землю, кончаютъ дѣло тѣмъ, что дѣлятъ ее между собою. При этомъ, конечно, больше всего страдаютъ беззащитныя козацкія и мужицкія громады. По всѣмъ этимъ причинамъ гетманъ просилъ сенатъ отмѣнить свой предъидущій указъ, на который, по его словамъ, опираются теперь всѣ ябедники, поставляя тотъ указъ себѣ въ законъ, который де состоялся въ отмѣну малороссійскихъ правъ и обыкновеній, и повелѣть по прежнему узаконенію высылать на спорныя мѣста и земли слѣдователей, учреждая оныхъ особливыми коммиссіями, которыя въ правахъ малороссійскихъ судомъ подкоморскимъ называются.

На этотъ разъ сенатъ взглянулъ на дѣло совсѣмъ иными глазами. Резоны гетмана его, очевидно, убѣдили. Судъ, произведенный по приказу гетмана нарочитыми старшинами по спору Ольховскаго и Тернавіота съ Михайловскимъ монастыремъ, найденъ былъ теперь вполнѣ законнымъ, а предъидущій сенатскій указъ по этому дѣлу велѣно отмѣнить и „въ законъ онаго, яко по одному партикулярному дѣлу послѣдовавшаго, не по-

читать". Убѣдившись вмѣстѣ съ тѣмъ, что назначаемые отъ гетмана для разбора земельныхъ споровъ коммиссары есть тѣ же подкоморые Литовскаго Статута, сенатъ разсудилъ теперь за благо оставить установившійся въ гетманщинѣ порядокъ разбора межевыхъ споровъ въ старомъ видѣ, т. е. „вмѣсто означенныхъ по правамъ малороссійскимъ подкоморыхъ для разбирательства въ спорахъ за земли и рубежи, какъ между владѣльческими, такъ и между государевыми свободными, быть нарочно опредѣляемымъ отъ гетмана и кавалера старшинамъ, которымъ и поступать во всемъ по должности оныхъ подкоморыхъ такъ, какъ въ правахъ малороссійскихъ въ книгѣ Статутъ въ роздѣлѣ 9 постановлено".

Въ такомъ именно смыслѣ докладъ по дѣлу и былъ представленъ на высочайшую резолюцію.

Екатерина не могла, конечно, не замѣтить нѣкоторой логической несообразности въ мнѣніи сената. Разъ сенатъ признавалъ специальный межевой судъ необходимымъ и довѣрялъ представленію гетмана о „безчисленномъ почти множествѣ привластителей" въ краѣ, благодаря коимъ суды заполнены дѣлами о земельныхъ спорахъ,—ему неизбѣжно слѣдовало бы придти къ заключенію о необходимости для разбора такихъ дѣлъ не временныхъ коммиссій, назначаемыхъ всякій разъ по особому распоряженію, а суда постояннаго, т. е. суда въ томъ именно видѣ, какой установленъ Литовскимъ Статутомъ. Эту ошибку сената исправила Екатерина, по резолюціи которой, состоявшейся 8 мая 1763 г., и было постановлено: опредѣлить настоящихъ подкоморыхъ и поступать по силѣ правъ малороссійскихъ [1]).

Эта резолюція была, такъ сказать, толчкомъ, благодаря которому позабытый было вопросъ о реформѣ низшихъ малороссійскихъ судовъ вновь выдвинутъ былъ на первый планъ.

Воля государыни была сообщена гетману особой грамотой отъ 10 мая, а 12 іюня въ Глуховѣ былъ полученъ ордеръ его ясновельможности, коимъ повелѣвалось: во всѣ малороссійскіе полки послать ордеры и велѣть въ каждомъ полку, назнача срокъ къ собранію въ полковую канцелярію всѣмъ того полку владѣльцамъ, бунчуковымъ и войсковымъ товарищамъ и прочимъ чинамъ, избрать по наставленію въ правахъ книги Статута розд. 9 арт. 1 ко опредѣленію въ полковые того полку подкоморые кандидатовъ изъ бунчуковыхъ товарищей или изъ первѣйшей полковой старшины и тѣ выборы закрѣпя всѣмъ будучимъ въ томъ собраніи чинамъ, представить къ его ясновельможности [2]).

Не смотря на то, что опредѣленіе постоянныхъ межевыхъ судей рѣзко противорѣчило вожделѣніямъ мѣстныхъ „привластителей", привыкшихъ без-

[1]) Полн. Собр. Зак. т. XVI, № 11812.

[2]) Дѣла Малорос. Колл. №№ 568 и 3391.

препятственно ловить рыбу въ мутной водицѣ, вѣсть объ учрежденіи подкоморыхъ, судя по настроенію большинства малороссійскаго шляхетства, была встрѣчена имъ вполнѣ сочувственно. Въ возстановленіи этого статутоваго института украинскіе паны должны были привѣтствовать начало поворота къ вожделѣннымъ для нихъ порядкамъ, бывшимъ за наияснѣйшихъ королей польскихъ, когда въ рукахъ благороднаго сословія была сосредоточена вся власть управленія.

Высокоповелительный ордеръ исполнялся „неупустительно". 1-е іюля было назначено днемъ выборовъ въ Кіевскомъ полку, 4-е—въ Прилукахъ и Переяславѣ, 15 іюля должны были состояться выборы въ Лубнахъ и Полтавѣ, 5-го августа—въ Стародубѣ, 10—въ Черниговѣ и Нѣжинѣ, 20—въ Миргородѣ. По полученіи ордера изъ полковыхъ канцелярій были наряжены особые нарочные, которые съ объявленіемъ о днѣ выборовъ должны были объѣхать всѣхъ владѣльцевъ полка. Такъ, впрочемъ, дѣлалось только въ отношеніи малочиновныхъ персонъ, полковымъ же старшинамъ и бунчуковымъ товарищамъ отъ полковыхъ канцелярій посылались особыя пригласительныя письма, каждому отдѣльно. Въ выборахъ подкоморыхъ по смыслу Статута должна была принимать участіе только шляхта „отъ высшаго до низшаго стану". Не смотря, однако, на это, на выборы были приглашены и духовные владѣльцы. На выборы, напр., подкомораго въ Черниговъ были приглашены: Черниговская каѳедра, Кіево-Печерская Лавра, Троицкій и Елецкій Черниговскіе монастыри, Любецкій Антоніевскій, Домницкій, Макошинскій, дѣвичій Черниговскій, Новгородъ-Сѣверскій Спасскій, Максаковскій и Рыхловскій монастыри. Приглашали и бѣлое духовенство, впрочемъ не все, а только такихъ персонъ, какъ протопопъ, крестовый намѣстникъ и т. п. Не лишнимъ считаемъ отмѣтить и тотъ фактъ, что право участія въ выборахъ признано было и за женщинами. Вдовы вельможныхъ пановъ, какъ Дублянская, Дароганова и др., получили отъ полковыхъ канцелярій особыя приглашенія и прислали въ собранія своихъ уполномоченныхъ. Въ нѣкоторыхъ полкахъ въ избирательныя собранія были допущены даже представители мѣщанскихъ магистратовъ: бурмистры, райцы и др.

. Время для выборовъ было выбрано самое неудачное. Стояла половина лѣта, „зайшли жнива", украинскимъ крупнымъ и мелкимъ владѣльцамъ было дѣла по горло. Неудивительно поэтому, что полковыя собранія были не особенно многолюдны. Многіе изъ рьяныхъ хозяевъ совсѣмъ не явились, кой-кто прислалъ свой „голосъ" письменно, иной передалъ сосѣду. Немного было въ собраніяхъ и духовныхъ владѣльцевъ. Не смотря на старинныя свои притязанія на шляхетскую честь и достоинство, бѣлое духовенство на выборахъ почти совершенно отсутствовало, а монастыри

иногда присылали своихъ депутатовъ, въ большинствѣ же случаевъ ограничивались „голосомъ“, т. е. письмомъ съ указаніемъ лица, которое монастырю желалось бы видѣть подкоморымъ. Въ одномъ только Козельцѣ, гдѣ происходили выборы Кіевскаго подкомораго, духовные избиратели оказались на столько многочисленны и вліятельны, что благодаря имъ собраніе раздѣлилось на 2 партіи, выбравшія каждая особыхъ кандидатовъ.

Выборы велись „по наставленію правному“, согласно 1 арт. 4 розд. Выбирали по 4 кандидата, а выборные листы съ именами выбранныхъ, за подписью, а иногда и печатями [1]) присутствовавшихъ, посылались къ гетману; въ иныхъ полкахъ къ ясновельможному посылались и сами выбранные кандидаты. Участвовали въ выборахъ только тѣ владѣльцы, которые прибыли въ срокъ въ полковую канцелярію, иногда, впрочемъ, принимались въ счетъ и „голоса“ отсутствующихъ. Отступленіе отъ этого правила представляли, какъ мы уже упоминали раньше, выборы въ Кіевскомъ полку. Здѣсь въ назначенный канцеляріей срокъ въ Козелецъ не явилось много владѣльцевъ, преимущественно крупныхъ, какъ монастыри. Согласно 1 арт. 4 розд., собравшіеся не стали ожидать запоздавшихъ и, считая себя законнымъ собраніемъ, произвели выборы. Между тѣмъ, спустя нѣсколько дней, прибыли и запоздавшіе и, считая себя тоже законнымъ собраніемъ, произвели новые выборы. Первое собраніе было законнѣе, ибо произвело выборы въ срокъ, но за то второе было многолюднѣе да и участвовавшіе въ немъ владѣльцы были покрупнѣе. Меньшинство, однако, не хотѣло уступить, полковая канцелярія не знала, что дѣлать, и оба выбора были отправлены на высокоповелительную революцію его ясновельможности.

По бывшимъ въ нашемъ распоряженіи документамъ трудно судить, вполнѣ ли были свободны избиратели отъ посторонняго давленія. Намъ, впрочемъ, извѣстенъ одинъ случай, когда выборы были опротестованы полковникомъ. Такъ было въ Нѣжинѣ. Здѣсь выбраны были, между прочимъ, бунчуковые товарищи Ив. Миклашевскій и Ив. Туранскій. Нѣжинскій полковникъ опротестовалъ эти выборы на томъ основаніи, что Туранскій въ долгахъ, а Миклашевскій еще раньше просилъ увольненія отъ всѣхъ войсковыхъ службъ. Вмѣсто нихъ полковникъ рекомендовалъ гетману бунч. тов. Степ. Кулябку и вакансоваго судью Лазаревича, которыхъ владѣльцы не выбрали даже кандидатами.

Не обходилось безъ протестовъ и со стороны избирателей. Выборы въ Миргородѣ, какъ мы сказали, происходили 20 августа. Въ числѣ миргородскихъ владѣльцевъ находились гадячскій полковникъ Антонъ Крыжа-

---

[1]) Печати эти сохранились на многихъ выборныхъ листахъ въ полной неприкосновенности. Любитель малороссійской геральдики можетъ найти ихъ въ дѣлѣ архива Мал Коллегіи № 3391.

новскій и лубенскій Кулябка. Ими то и было послано къ гетману всепокорнѣйшее доношеніе о томъ, что выборы 20 августа неправильны: имъ де, доносителямъ, равно какъ и прочимъ многимъ владѣльцамъ, извѣщенія о выборахъ не было сдѣлано и помимо ихъ вѣдома и согласія выбранъ между прочими бунч. тов. Родзянко, „который, а наипаче братья и свойственники его, имѣютъ въ Миргородскомъ полку грунта по большей части неправильно завлаженные (о чемъ и дѣлъ въ ген. судѣ довольно имѣется); сверхъ де того, онъ, Родзянко, и по состоянію поступковъ его больше къ изобижденію, а не къ правосудію склонный, къ чину подкоморскому быть не способенъ“. Оба полковника просили вмѣсто Родзянки назначить на должность Миргородскаго подкомораго бунч. тов. Андрея Остроградскаго за его „обходительность“. Протестъ вельможныхъ полковниковъ былъ принятъ „во уваженіе“. Не понравившіеся имъ выборы кассированы, и въ Миргородѣ велѣно было назначить новый избирательный съѣздъ [1]).

Какъ бы то ни было, къ началу сентября выборы были окончены почти во всѣхъ полкахъ, а нѣкоторые уже и утверждены. Оставалось только утвердить запоздавшіе выборы, но въ то время, когда списки кандидатовъ лежали уже въ гетманской канцеляріи, готовые къ аппробаціи его ясновельможности, въ Глуховѣ начались совѣщанія „о поправленіи состоянія“ всего малороссійскаго отечества. Ближайшимъ результатомъ этихъ совѣщаній было возстановленіе земскихъ и гродскихъ судовъ, замедлившее и даже нѣсколько измѣнившее окончательное рѣшеніе вопроса о подкоморыхъ.

Глава III.

Глуховскій съѣздъ 1763 г. Настроеніе собранія. Рѣчь о поправленіи состоянія Малороссія. Начало работъ собранія по вопросу о реформѣ судоустройства. Программа гетмана. Дальнѣйшія работы собранія. Прошеніе царицѣ. Гетманское распоряженіе о подкоморыхъ. Универсалъ 19 ноября 1763 г. Учрежденіе новыхъ судовъ и указъ 10 октября 1764 г.

Поводомъ къ собранію Глуховскаго съѣзда 1763 г. послужилъ давно откладывавшійся вопросъ о кодификаціи малороссійскаго права. Извѣстно, что еще въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія надъ разрѣшеніемъ этого вопроса работала особая коммиссія; извѣстно, что въ 1744 г. составленный коммиссіантами сводъ былъ представленъ на высочайшую аппробацію, а въ 1756 г. возвращенъ гетману для новаго пересмотра и исправленія. Пересмотръ свода гетманомъ былъ порученъ собранію, составленному изъ генеральной старшины, полковниковъ (исключая тѣхъ, кои при дѣлахъ или въ отлучкахъ), 10 бунчуковыхъ товарищей, полковыхъ старшинъ и сотниковъ, по 2 отъ каждаго полка, и 4 войсковыхъ товарищей изъ числа такихъ, которые при дѣлахъ судныхъ или другихъ національныхъ долговременную

[1]) Арх. Мал. Колл. № 3391.

бытность имѣли [1]). Въ 1758 и въ январѣ 1759 г. для разсмотрѣнія свода въ Глуховъ была созываема генеральная старшина, но никакого рѣшенія въ то время по этому вопросу не состоялось. Между тѣмъ мысль о кодификаціи малороссійскаго права продолжала занимать правительство, тѣмъ болѣе, что въ это время само оно пришло къ заключенію о необходимости пересмотра и исправленія дѣйствовавшаго въ имперіи уложенія. 31 августа 1761 г. состоялся сенатскій указъ, которымъ гетману вмѣнялось въ обязанность опредѣлить особую коммиссію для пересмотра и исправленія Литовскаго Статута и результаты работъ коммиссіи представить въ сенатъ. Но сенатскаа грамота была получена гетманомъ только въ октябрѣ, наканунѣ его отъѣзда въ Петербургъ, вызваннаго смертельной болѣзнью императрицы, а потому и никакого разсмотрѣнія по этому вопросу въ то время послѣдовать не могло. Въ Петербургѣ гетманъ пробылъ почти полтора года, въ теченіе которыхъ никакого исполненія по сенатской грамотѣ учинено не было, такъ что вопросъ о кодификаціи малороссійскаго права снова выступилъ на свѣтъ только въ послѣдній пріѣздъ гетмана въ Малороссію, лѣтомъ 1763 г. Въ іюлѣ, въ то самое время, когда въ полковыхъ городахъ шли выборы „настоящихъ“ подкоморыхъ, ясновельможный обратился къ полковникамъ съ циркулярнымъ ордеромъ, которымъ призывалъ ихъ въ Глуховъ для окончательнаго разсмотрѣнія „сочиненнаго з трехъ правнихъ малороссійскихъ книгъ Статута“. Полковники должны были собраться въ Глуховъ къ 10 числу сентября, взявъ съ собою по двое старшинъ и по двое надежнѣйшихъ сотниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ для разрѣшенія того же вопроса въ Глуховъ приглашалось на тотъ же срокъ 56 бунчуковыхъ и 33 войсковыхъ товарища [2]).

Этому съѣзду малороссійскихъ чиновъ и суждено было рѣшить вопросъ о возстановленіи старинныхъ судовъ согласно порядку, установленному 4-мъ и 9-мъ розделами Статута.

Съѣздъ открылся во второй половинѣ сентября. Уже напередъ, по одному составу его членовъ, можно было судить, въ какую сторону должны были быть направлены его симпатіи. Прежде всего, участники съѣзда,—если не всѣ, то большинство,—были люди интеллигентные. Полковники и полковая старшина пеклись въ то время почти исключительно изъ лицъ штудированныхъ; о бунчуковыхъ товарищахъ, этомъ въ своемъ родѣ „знатномъ“ малороссійскомъ дворянствѣ, уже и говорить нечего, даже сотники—и тѣ были выбраны изъ числа „надежнѣйшихъ“, т. е. такихъ, которые имѣли достаточное понятіе о силѣ и важности правъ малороссійскихъ. Всѣ эти лица, уже по одному своему служебному положенію, должны были имѣть

[1]) Архивъ Малор. Колл. № 29761.
[2]) Архивъ Малор. Колл. № 3999.

солидное знакомство съ предметомъ, бывшимъ цѣлью собранія. Многіе изъ нихъ, кромѣ того, хорошо знали и исторію своей родины, не разъ, можетъ быть, сравнивали ея прошлое съ настоящимъ, сравнивали и свои юридическія права съ правами дѣйствительными, и, понятно, приходили, да и могли только прійти къ выводу о полномъ превосходствѣ старины передъ новиною. Старина манила ихъ призракомъ политической независимости, гражданской свободы, широкихъ правъ и привиллегій. Нѣтъ нужды, что эта свобода зиждилась на порабощеніи хлѣбороба-селянина: до понятія объ одинаковой для всѣхъ класовъ общества свободѣ украинскіе интеллигенты еще дошли, да и можно ли было требовать такого понятія отъ людей, жившихъ въ вѣкъ просвѣщеннаго абсолютизма? Не нужно забывать при этомъ и другого важнаго момента: къ созданію общаго для всей Малороссіи уложенія призваны были представители исключительно одного владѣльческаго класса, лица, давно уже даже въ оффиціальныхъ бумагахъ присвоившія себѣ предикаты благородныхъ и высокоблагородныхъ господъ. Отъ рядоваго казачества, мѣщанства, духовенства, а тѣмъ паче посполиства, на этой „генеральной радѣ" не было ни одного человѣка. Удивительно ли поэтому, что собравшіеся въ Глуховѣ чины могли смотрѣть на свою задачу, да и дѣйствительно смотрѣли. преимущественно съ точки зрѣнія своего сословнаго интереса? Предстояло, такъ сказать, установить тотъ или другой общественный порядокъ, и къ созиданію этого порядка призывался классъ владѣльческій,—классъ, въ теченіе 100 лѣтъ бившійся изо всѣхъ силъ, чтобы выдѣлиться изъ сѣрой массы и превратиться въ шляхту. Какой же въ самомъ дѣлѣ порядокъ могъ быть для этого класса желательнѣе того, который установленъ Литовскимъ Статутомъ и позднѣйшими конституціями шляхетскихъ сеймовъ? Литовскій Статутъ передаетъ въ руки шляхетства власть политическую; Литовскій Статутъ предоставляетъ шляхтѣ драгоцѣнное право сословнаго суда по всѣмъ дѣламъ уголовнымъ и гражданскимъ; Литовскій Статутъ закрѣпляетъ за панами ихъ подданныхъ; Литовскій Статутъ утверждаетъ за ними вольное уживанье всѣхъ добръ, маетностей и грунтовъ, право владѣнія которыми и до сихъ поръ для большей части малороссійскихъ владѣльцевъ было болѣе чѣмъ сомнительнымъ. Для многихъ изъ представителей Глуховскаго съѣзда, ведшихъ свой родъ не отъ „здѣшней простонародной породи, а отъ благороднаго шляхетства полскаго", Литовскій Статутъ съ его дополненіями былъ, такъ сказать, правомъ прирожденнымъ и въ упраздненіи многихъ изъ установленныхъ имъ нормъ потомки гербованныхъ шляхтичей видѣли дерзкую узурпацію своихъ исконныхъ правъ. И для другой части чиновъ Глуховскаго съѣзда,—для тѣхъ, которые вели свой родъ отъ козацкой старшины, Литовскій Статутъ былъ законнымъ и неотъемлемымъ правомъ, какъ для представителей мѣстнаго „рицерского стану", во всемъ

равнаго благородному шляхетству. И для нихъ Литовскій Статутъ и сеймовыя конституціи были вожделѣннымъ идеаломъ закона. Ихъ призвали положить новый законъ, но какой же законъ можетъ быть для нихъ лучше Статута, конституцій и тѣхъ гетманскихъ статей, коими подтверждены драгоцѣнныя права, наданныя отъ наияснѣйшихъ королей польскихъ? „Мы такіе имѣемъ законы, восклицалъ одинъ изъ ораторовъ глуховской рады: которые только наилучшіе имѣть можетъ вольный и благородный на свѣтѣ народъ!“ Законы эти не были для собравшихся въ Глуховѣ шляхтичей и рыцарей какимъ то отдаленнымъ, историческимъ правомъ, но правомъ живымъ, въ значительной своей части дѣйствовавшимъ на Украйнѣ. Право на пользованіе ими во всей ихъ широтѣ de jure и теперь оставалось за украинскими панами неприкосновеннымъ. Въ ихъ рукахъ были гетманскія статьи и царскія грамоты, подтверждающія древнія права и вольности, соблюдать которыя давали слово всѣ государи отъ Алексѣя Михайловича и до самой Екатерины. Возстановить эти права во всей ихъ силѣ, казалось, вполнѣ зависѣло отъ воли самого шляхетства. Теперь именно представлялся самый удобный къ тому случай. Само правительство, очевидно, стало на сторону древнихъ правъ и привиллегій. Недавній законъ о возстановленіи подкоморскихъ судовъ служитъ видимымъ доказательствомъ его готовности возстановить статутовый порядокъ во всей его силѣ. „Поступать по силѣ правъ малороссійскихъ“, сказано въ заключеніи резолюціи государыни. Малороссійскія права—Литовскій Статутъ и сеймовыя конституціи. А если такъ, то необходимо возстановить эти права во всей ихъ полнотѣ: необходимо возстановить сеймы, трибуналъ, земскіе и городскіе суды, необходимо прикрѣпить мужика къ панской землѣ, необходимо возвратить шляхетству, а вмѣстѣ съ нимъ и прочимъ сословіямъ узурпированныя у нихъ права и вольности, словомъ, необходимо фактичести осуществить неосуществленный до сихъ поръ порядокъ, проэктированный въ статьяхъ Богдана Хмельницкаго.

Таково было настроеніе большинства участниковъ Глуховскаго съѣзда, собранныхъ для окончательнаго разсмотрѣнія „сочиненнаго з трехъ правнихъ малороссійскихъ книгъ статута“. А что дѣйствительно это было настроеніе большинства,—видно изо всѣхъ послѣдующихъ дѣйствій собранія. Яркимъ выраженіемъ этого настроенія служитъ „рѣчь о поправленіи состоянія Малороссіи“, произнесенная кѣмъ то изъ членовъ собранія [1]). Рѣчь

[1]) Кіев. Стар. 1882 г. 119—125. Рѣчь эту я отношу ко времени Глуховскаго съѣзда: судя по ея содержанію, она могла быть произнесена не ранѣе обнародованія въ Малороссіи указа о возстановленіи подкоморскихъ судовъ (12 іюня) и не позже 26 сентября—времени окончательнаго рѣшенія Глуховскимъ собраніемъ вопроса о возстановленіи земскихъ судовъ, ибо объ учрежденіи подкоморскихъ судовъ въ ней говорится, какъ о фактѣ совершившемся, а возстановленіе земскихъ только предлагается. Другаго съѣзда, кромѣ Глуховскаго, на которомъ могли бы подниматься столь капитальные вопросы, въ то время въ Малороссіи не

эта какъ нельзя лучше очерчиваетъ идеалы тогдашнихъ украинскихъ интеллигентовъ. Эти идеалы—та золотая шляхетская вольность, противъ которой сто лѣтъ назадъ одностайно и однодушно боролся украинскій народъ. Завести у себя дома маленькую Польшу съ полновластнымъ шляхетствомъ, свободнымъ козачествомъ, богатымъ мѣщанствомъ и крѣпостнымъ быдломъ посполъствомъ казалось просвѣщеннымъ украинцамъ 18 ст. столь же заманчивымъ, какъ и обросшимъ польскимъ мясомъ современникамъ Хмельницкаго и его ближайшихъ преемниковъ. И теперь, какъ и сто лѣтъ назадъ, между народомъ и его руководителями лежала цѣлая пропасть взаимнаго непониманія, и можно сказать утвердительно, что за это столѣтіе украинское шляхетство ничему не научилось и ничего не забыло.

Съ точки зрѣнія, автора рѣчи золотой вѣкъ его родины далеко назади: это пора братскаго единенія Руси съ Рѣчью Посполитой. Со времени казацкихъ войнъ, а особенно съ присоединеніемъ края въ подданство россійскихъ самодержцевъ, начался упадокъ правъ и вольностей малороссійскихъ. „Кто бы могъ подумать, восклицалъ ораторъ; что съ самаго того времени, когда мы черезъ сіе подданство думали сыскать наше благополучіе, наше спокойствіе и безопасность, началось наше злосчастіе и нарушеніе нашего покоя и благосостоянія?“ Вину за всѣ эти бѣдствія ораторъ, впрочемъ, складываетъ на самихъ же украинцевъ. „Кому же, говоритъ онъ все сіе приписать должно? Не внутреннимъ ли нашимъ непорядкамъ и замѣшательствомъ? не властолюбію ли приватныхъ людей? не пренебреженію ли всеобщаго добра и исканію своего собственнаго? не злому ли употребленію законовъ?“ Настоящее состояніе его родины видѣлось украинскому патріоту въ самомъ безотрадномъ свѣтѣ. Перевелись тѣ славные мужи, которые нѣкогда разумомъ и перомъ своимъ защищали вольности отечества и благоразумно правили имъ. Перевелись знаменитые воины, передъ которыми нѣкогда дрожали Таврика и Константинополь,—тѣ воины, которыми въ конецъ потрясено нѣкогда славное во всемъ свѣтѣ и сильное государство Польша. Нѣтъ словъ для изъясненія упадка отечества и исчисленія всѣхъ его несчастій. Ораторъ заклиналъ членовъ Глуховскаго собранія именемъ любви къ отечеству, собственной ихъ и ихъ потомковъ пользы собрать всѣ силы ума, подкрѣпить ихъ патріотическимъ усердіемъ и, отложивъ всѣ пристрастія и партикулярныя пользы, подумать о возстановленіи прежнихъ порядковъ и благосостоянія отечества.

было. Предположеніе, что рѣчь эта могла быть произнесена на одномъ изъ полковыхъ съѣздовъ для выбора подкоморыхъ, не выдерживаетъ критики, ибо содержаніе рѣчи вполнѣ отвѣчаетъ содержанію прошенія императрицѣ, составленнаго, какъ извѣстно, чинами Глуховскаго съѣзда. Ergo, рѣчь могла быть произнесена только въ Глуховскомъ собраніи чиновъ въ сентябрѣ 1763 г.

Въ чемъ же должно заключаться это благосостояніе? Отвѣтомъ на это служитъ вся послѣдующая часть рѣчи. Нужно стараться возстановить всѣ тѣ порядки, на которыхъ украинцы приняты подъ державу Россійскую. Гарантіей гражданской свободы и разумнаго законодательства служили сеймы или генеральныя рады,—нужно возстановить сеймы. Гарантіей правильнаго судопроизводства служили шляхетскіе статутовые суды, — стало быть надо возстановить суды земскіе, гродскіе, подкоморскіе и высшую надъ ними апелляціонную инстанцію—трибуналъ. Гарантіей правосудія является объединеніе разрозненныхъ законоположеній и вразумительное для всѣхъ изложеніе ихъ,—значитъ, необходима кодификація малороссійскихъ правъ: не только статута и саксонскаго и холмскаго права, но и конституцій шляхетскихъ сеймовъ, въ которыхъ больше заключается привиллегій и вольностей, чѣмъ въ самомъ Статутѣ. Обезпеченіемъ исправнаго отправленія военной службы были упраздненныя теперь вольности и привиллегіи малороссійскаго козачества,—значитъ, въ видахъ поправленія состоянія отечества, необходимо возстановить эти вольности: освободить казачьи имѣнія отъ нападокъ и раззореній, сложить съ нихъ повинность содержанія великороссійскихъ консистентовъ, положить имъ жалованье, раздѣлить по состоянію въ отношеніи отправленія службы, словомъ, воротиться къ порядку, установленному статьями Хмельницкаго. Древнія права и привиллегіи нарушаются на каждомъ шагу: исконныя малороссійскія земли отошли къ слободскимъ полкамъ (Котельва) и подъ линію, отданы во владѣніе иностранцамъ (великороссы, грузины), захвачены раскольщиками, имѣнія и чины даются иностранцамъ. Все это коренныя нарушенія Статута, а стало быть для возстановленія древней силы мѣстныхъ правъ и вольностей украинцамъ остается только, упавъ передъ престоломъ монаршимъ, просить помилованія и возстановленія статутовыхъ узаконеній. Богъ преизобильно благословилъ Малую Россію всѣми нужными къ содержанію человѣческому произращеніями и вещми, а между тѣмъ ея коммерція находится въ пребѣдномъ состояніи. Произошло это отъ запрещенія свободнаго вывоза продуктовъ, отъ положенія чрезвычайныхъ противу прежняго пошлинъ, отъ презрѣнія тѣхъ людей и ихъ привиллегій, которые коммерцію отправляютъ, словомъ, опять таки отъ нарушенія древнихъ правъ и привиллегіей, а значитъ и единственный способъ поправить дѣло—возстановленіе этихъ правъ и привиллегій. Духовный чинъ также утратилъ много вольностей и правъ, привести его въ надлежащую гармонію съ остальными сословіями края только и можно путемъ возвращенія къ старинѣ. Украинскіе мужики стали самовольны, безпрепятственно бродятъ съ мѣста на мѣсто, вписываются въ козаки, бѣгутъ за границу, а отъ этого происходитъ умаленіе земледѣлія, неисправная уплата податей, раззореніе помѣщиковъ и прочіе

безчисленные безпорядки. Все это—результатъ нарушенія исконныхъ правъ шляхетства, а стало быть и единственный выходъ изъ такого положенія—запрещеніе мужикамъ свободнаго перехода, т. е. опять таки возвращеніе къ стариннымъ порядкамъ, установленнымъ за наияснѣйшихъ королей польскихъ.

Перечисленіе своихъ pia desideria ораторъ заканчиваетъ требованіемъ возмѣщенія убытковъ, претерпѣнныхъ украинцами въ пору наибольшаго нарушенія мѣстныхъ правъ и привиллегій—въ турецкую войну при Аннѣ Ивановнѣ, и указаніемъ на необходимость распространенія наукъ и учрежденія хорошихъ училищъ.

Таковы, съ точки зрѣнія оратора, главнѣйшія мѣры къ поправленію состояніи Малороссіи. Всѣ онѣ сводятся самимъ же ораторомъ къ возстановленію старинныхъ привиллегій, преимуществъ и вольностей края, а для этого рекомендуется просить ясновельможнаго графа гетмана, чтобы онъ сильнымъ своимъ у Е. И. В. предстательствомъ исходатайствовалъ украинцамъ милость и помощь.

Кѣмъ именно была произнесена эта рѣчь,—сказать опредѣленно не можемъ. Во всякомъ случаѣ это не былъ Полетика, котораго, какъ видно изъ списковъ участниковъ собранія, вовсе и не приглашали да и не могли приглашать, ибо его въ то время не было въ Малороссіи. Съ нашей точки зрѣнія вопросъ объ авторѣ—вопросъ не важный. Важно то, что рѣчь эта была выраженіемъ идей большой партіи собранія,—людей, очевидно, еще не старыхъ, судя по языку, тону и той оптимистической увѣренности въ силѣ писанныхъ правъ, которою, несомнѣнно, проникнутъ ораторъ. Иначе относились къ дѣлу люди, извѣдавшие жизнь, побывавшие на урядахъ хотя бы при бригадирѣ Вельяминовѣ, или потомъ, подъ командой россійскаго генералитета. Старики, незабывшие еще всекрайнѣйшаго упослѣженія своихъ чиновъ и ранговъ со стороны консистовавшихъ на Украйнѣ командировъ и хорошо помнившие, что съ точки зрѣнія этихъ командировъ малороссійскія права писаны шельмой, не смотря на полное свое сочувствіе оратору, не могли, конечно, раздѣлять его оптимистическихъ взглядовъ на близкую возможность полнаго возстановленія этихъ правъ. Поэтому и къ вопросамъ, волновавшимъ собраніе, они относились гораздо болѣе сдержанно. „Сентебря отъ 18 дня сего года, по високому его сіятельства графа ясновельможного ордеру, нахожусь я съ товарищи моими господами полковниками и другими чинами, для разнихъ ко общенародной ползѣ совѣтовъ учрежденій въ Глуховѣ, что и дѣлаемъ"—кратко замѣчаетъ старый полковникъ Сулима въ своемъ письмѣ къ дѣтямъ и болѣе не прибавляетъ ни единаго слова для разъясненія важныхъ задачъ

Глуховскаго съѣзда [1]). Даже старикъ Марковичъ, привыкшій аккуратно заносить въ свои дневныя записки все, что видѣлъ и слышалъ, и тотъ говоритъ о Глуховской радѣ только тогда, когда было готово уже самое прошеніе къ государынѣ о возстановленіи малороссійскихъ правъ, да и объ этомъ прошеніи ограничивается одной лаконической замѣткой [2]).

Какъ бы то ни было, рѣчь о поправленіи состояніи Малороссіи сыграла важную роль въ совѣщаніяхъ Глуховскаго съѣзда. Она послужила, такъ сказать, программою будущихъ дѣйствій собранія. Результатомъ ея явилось знаменитое прошеніе царицѣ о возстановленіи древнихъ правъ и привиллегій и коренная реформа дѣйствовавшихъ до сихъ поръ въ краѣ судовыхъ порядковъ.

Насъ интересуетъ только вопросъ о судоустройствѣ. Общаго настроенія собранія и широкихъ плановъ, имъ выдвинутыхъ, мы коснулись лишь настолько, насколько они, по нашему мнѣнію, объясняютъ отношеніе собранія къ судебной реформѣ. Съ этихъ поръ мы будемъ слѣдить только за работами собранія въ области судоустройства.

„Гражданскія дѣла у насъ, говорилъ неизвѣстный ораторъ Глуховскаго съѣзда: совсѣмъ не на такомъ основаніи, какимъ оныя были во время бытности нашей подъ республикою польскою и на какомъ мы приняты подъ державу россійскую. Были у насъ суды земскіе, гродскіе, подкоморскіе и прочіе къ содержанію правосудія и порядка учрежденные мѣста и чины, были у насъ сеймы или генеральныя рады, на которыхъ мы всѣ общія и важнѣйшія дѣла рѣшали, а новыя учрежденія дѣлали. Но гдѣ оныя нынѣ? Переведены и выглажены изъ памяти нашей, какъ будто ихъ никогда не бывало. Сіе произошло оттого, что умалилась власть и сила шляхетства нашего, а возросла и почти все себѣ присвоила воинская сила. Итакъ, надлежитъ намъ стараться, чтобы учредить всѣ тѣ чины и достоинства, которые управляютъ гражданскими дѣлами, на всемъ такомъ основаніи, какъ повелѣваютъ права наши, въ подтвержденіе которыхъ имѣемъ мы привиллегію блаженныя и вѣчно достойныя памяти государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича и высочайшее Е. И. В. повелѣніе объ учрежденіи подкоморыхъ, которое намъ служитъ залогомъ, что Е. И. В. и прочіе нужные къ управленію гражданскіе чины учредить укажетъ“.

Мысль, выраженная въ только что приведенныхъ словахъ, носилась, такъ сказать, въ воздухѣ, болѣе, чѣмъ какая иная, отвѣчала настроенію собранія, и нѣтъ ничего удивительнаго, что собраніе ухватилось за эту мысль обѣими руками. Въ словахъ украинскаго патріота была цѣлая

[1]) Сулимовскій Архивъ, стр. 99.
[2]) Дневн. Записки Марковича, II. стр. 387.

программа; оставалось только развить, разработать эту программу. Вопросъ казался настолько жизненнымъ, настолько назрѣвшимъ, что требовалъ немедленной постановки на очередь. Къ тому же и разрѣшить его казалось несравненно легче, чѣмъ всѣ другіе. Собраніе понимало, что вопросы о возстановленіи всѣхъ прочихъ правъ и привиллегій могутъ быть разрѣшены только верховною властью; понимало, что власть эта можетъ отнестись къ нимъ и не вполнѣ доброжелательно. Иное дѣло суды. Препятствій ихъ реформѣ, какъ указалъ и ораторъ, ожидать было трудно. Собравшимся была извѣстна начертанная на докладѣ о подкоморыхъ многообѣщающая резолюція царицы: „поступать по силѣ правъ малороссійскихъ“ да и самое возстановленіе института подкоморыхъ давало увѣренность, что правительство ничего не будетъ имѣть и противъ судовъ земскихъ и гродскихъ. Къ тому же всего три года назадъ, въ 1760 г., вопросъ о реформѣ генеральнаго суда былъ рѣшенъ одними только домашними средствами, почему же не рѣшить теперь тѣми же домашними средствами и вопроса о реформѣ низшихъ судебныхъ инстанцій?

Сходясь съ ораторомъ въ принципѣ, собраніе расходилось съ нимъ лишь въ частностяхъ. Главнѣйшею изъ этихъ частностей былъ вопросъ о подсудности козаковъ. Ораторъ, какъ мы видѣли, противополагалъ власть шляхты власти военнаго сословія и, требуя возстановленія старинныхъ институтовъ—сеймовъ, трибунала, земскихъ и гродскихъ судовъ, какъ бы исключалъ козачество отъ пользованія ими, предоставляя таковые для одного шляхетства. Съ этимъ узко-шляхетскимъ характеромъ реформы никакъ не могло согласиться собраніе уже потому, что большинство его участниковъ состояло не изъ настоящихъ шляхтичей, а изъ козацкой старшины. Со временъ „козацкаго батька“ козакъ и шляхтичъ судились въ однихъ и тѣхъ же судахъ, пользовались передъ лицомъ суда однимъ и тѣмъ же правомъ. Основаніе для такого порядка, по крайней мѣрѣ въ области гражданскаго права, украинскіе юристы видѣли въ Статутѣ, въ конституціяхъ, въ Зборовскомъ договорѣ, по коему де козаки въ своихъ гражданскихъ дѣлахъ должны быть вѣдомы въ Кіевскомъ земскомъ судѣ. Землевладѣльческія права козака и шляхтича въ сущности своей были совершенно одинаковы, а это давало еще одинъ лишній шансъ за сохраненіе для нихъ однообразной подсудности во всемъ томъ, что „належало до земства“. Наконецъ, за единство суда для обоихъ сословій громко говорила и стародавняя козацкая традиція, согласно которой козакъ былъ человѣкъ „рицерского стану“, „честный рыцарь“, какъ величалъ его Брюховецкій въ своихъ пунктахъ. Исключить козака изъ подъ юрисдикціи шляхетскихъ судовъ—значило исключить изъ подъ нея всю войсковую старшину, плоть отъ плоти козачества и кость отъ кости его,—старшину, пользовавшуюся

шляхетскими правами не по гербу, а по одному рыцарству: это значило исключить изъ шляхетства чуть ли не все шляхетство. Вотъ почему, сходясь въ принципѣ съ воззрѣніями оратора, негербованные чины Глуховской рады, тѣмъ не менѣе, въ противовѣсъ его узко-шляхетскимъ требованіямъ, выставили положеніе о томъ, что козаки по воинскимъ дѣламъ должны судиться отъ своихъ старшинъ, а по земскимъ издревле судятся тѣмъ же правомъ, что и шляхетство. Положеніе это было поддержано большинствомъ собранія и послужило, какъ мы увидимъ далѣе, однимъ изъ основныхъ принциповъ будущаго судоустройства.

Рѣшеніе собранія касательно реформы низшихъ судебныхъ инстанцій необходимо должно было повліять и на порѣшенный было вопросъ о судахъ подкоморскихъ. По Статуту, земскій и подкоморскій суды связаны между собою на столько тѣсно, что второй являлся какъ бы особымъ отдѣленіемъ перваго: прежде чѣмъ перейти къ подкоморому, всякая справа, за исключеніемъ весьма ограниченнаго количества дѣлъ, должна была пройти черезъ земскій судъ; число подкоморскихъ судовъ должно было соотвѣтствовать числу земскихъ; подкоморый являлся въ нѣкоторомъ родѣ главою земскихъ чиновъ своего повѣта и т. д. Словомъ, связь эта была такова, что не касаться подкоморскихъ судовъ при обсужденіи вопроса объ учрежденіи земскихъ возможности не представлялось, а потому и собраніе естественнно должно было придти къ необходимости при обсужденіи общаго плана реформы нижнихъ инстанцій вновь пересмотрѣть и вопросъ о подкоморыхъ. Такимъ образомъ изъ предварительныхъ разсужденій, вызванныхъ толками о поправленіи состоянія отечества, собраніе пришло къ тремъ выводамъ: къ необходимости возстановленія земскихъ и гродскихъ судовъ согласно Статуту, къ необходимости сохраненія единства суда для шляхты и козачества и, наконецъ, къ необходимости новаго пересмотра вопроса о подкоморскихъ судахъ.

Эти три вывода и послужили краеугольными камнями будущей постройки.

Посмотримъ же теперь, какъ производилась эта постройка.

Передъ нами протоколъ засѣданія 26 сентября. Въ засѣданіи участвовало 24 бунчуковыхъ товарища, 16 войсковыхъ, 6 сотниковъ, 2 полковыхъ обозныхъ (полтавскій и прилуцкій), 2 полковыхъ хоружихъ, асаулъ генеральной артиллеріи, одинъ полковой писарь и двое абшитованныхъ полковыхъ старшинъ (судья и обозный). Рѣшался вопросъ „о подкоморскихъ и земскихъ судахъ, въ какомъ количествѣ имъ быть“. Достаточно подготовленное предъидущими дебатами, собраніе высказалось замѣчательно единодушно. Первымъ говорилъ бунчуковый товарищъ Павелъ Ломиковскій, высказавшійся за необходимость „содержанія судовъ земскихъ и гродскихъ по повѣтамъ въ

силу Статута“. Мнѣніе это поддержали Андрей Марковичъ, Михаилъ Ширай, Александръ Мокріевичъ, а за ними и остальные чины собранія. Одинъ только бунчук. тов. Андрей Лишень не согласился съ общимъ мнѣніемъ и представилъ собранію особый докладъ. Въ чемъ состоялъ этотъ докладъ,—мы, къ сожалѣнію, не знаемъ, но Лишень упорно стоялъ на немъ даже и тогда, когла собраніе единогласно признало его несостоятельность. Какъ бы то ни было, окончательное рѣшеніе чиновъ было формулировано въ такомъ видѣ: „понеже въ Малой Россіи полки суть многолюдные и заняли пространныя разстоянія, то къ лучшему и безволокитному полученію обиженными въ судахъ справедливости учредить въ каждомъ полку по 2 суда подкоморскихъ и по 2 земскихъ, въ которыхъ отправляться дѣламъ однимъ тѣмъ, якіе въ правахъ каждому съ нихъ опредѣлены“. [1]).

До сихъ поръ собраніе дѣйствовало, такъ сказать, по собственному почину. Созванное для обсужденій „сочиненнаго з трехъ правнихъ книгъ Статута“, оно занялось сперва проэктомъ общаго поправленія состоянія отечества, а затѣмъ и вопросомъ о судебной реформѣ. Но вопросъ о судебной реформѣ былъ вопросъ, занимавшій Глуховское правительство уже давно,—вопросъ, окончательное разрѣшеніе котораго, и именнно въ томъ духѣ, въ какомъ онъ трактовался теперь собраніемъ, было обѣщано гетманомъ еще три года тому назадъ. Взгляды собранія какъ нельзя болѣе совпадали съ взглядами гетмана. Настоящій моментъ казался ясновельможному самымъ удобнымъ случаемъ для того, чтобы окончательно порѣшить назрѣвшій вопросъ,—вопросъ, разрѣшеніе котораго откладывалось до сихъ поръ главнымъ образомъ по винѣ самого же гетмана. Нужно было только взять въ свои руки руководительство преніями собранія, нужно было дать собранію опредѣленную программу.

И программа не замедлила явиться. 9 октября господамъ генеральнымъ старшинамъ, полковникамъ и прочимъ чинамъ, обрѣтающимся въ Глуховѣ, былъ объявленъ слѣдующій ордеръ его ясновельможности.

„Высочайшею Е. И. В. присланною къ намъ грамотою, состоявшеюся въ силѣ высоч. именнаго указа, собственною Е. И. рукою на поднесенномъ отъ правительствующаго сената докладѣ написанною, повелѣно намъ учредить въ Малой Россіи настоящихъ подкоморыхъ и поступать по силѣ правъ малорсссійскихъ, и во исполненіе оной Е. И. В. грамоты хотя по ордерамъ нашимъ къ произвожденію въ оніе подкоморскіе суды и надлежащіе выборы учинены и отъ полковъ къ намъ представлены, за разсмотрѣніемъ которыхъ и опредѣленіе наше воспослѣдуетъ, но яко при опредѣленіи оныхъ подкоморыхъ необходимо учредить особые суды земскіе, дабы сіе учрежденіе могло произойти въ пользу и удовольствіе всего малороссійскаго

[1]) Архивъ Мал. Колл. № 3391.

общества, того ради приказываемъ вамъ, собрався въ генеральной канцеляріи, поразсудить обще о слѣдующемъ: 1) для безмедлительнаго удовольствія челобитчествующихъ въ своихъ обидахъ по коликому числу въ которомъ полку надобно учредить подкоморыхъ и судовъ земскихъ и, ежели признается за потребное быть ихъ въ каждомъ полку по нѣсколько, то якіе прилично раздѣлить сотни и судамъ земскимъ гдѣ собраніе и засѣданіе свое имѣть: всегда-ль въ одномъ мѣстѣ, или по срокамъ въ разныхъ мѣстахъ? 2) Судей земскихъ, подсудковъ и писарей изъ якихъ нынѣшнихъ чиновъ выбирать прилично и сходственно? 3) Подкоморые суда земскаго чины, т. е. судья, подсудокъ и писарь, за опредѣленіемъ ихъ въ тѣ чины, въ якомъ сравненіи противъ нынѣшнихъ малороссійскихъ чиновъ быть слѣдуютъ? 4) При тѣхъ же подкоморыхъ и земскихъ судахъ возныхъ изъ какихъ чиновъ выбирать пристойно и по коликому числу какому суду ихъ имѣть надобно? 5) Также о судахъ гродскихъ имѣть разсужденіе, въ какомъ порядкѣ имъ быть, и о всемъ томъ представить къ намъ на разсмотрѣніе". [1]).

Обсужденіемъ гетманскихъ вопросовъ и занялось собраніе 10 октября. Собраніе это отличалось отъ предъидущаго не только большею опредѣленностью цѣлей и задачъ, но и составомъ. Отсутствовавшіе на прошломъ засѣданіи, генеральная старшина и полковники были теперь на лицо и ихъ мнѣнія должны были имѣть важное вліяніе на ходъ совѣщаній. Это сказалось въ особенности въ отвѣтѣ на первый пунктъ гетманскаго ордера, на вопросъ о количествѣ новыхъ судовъ въ каждомъ полку. Вопреки единодушному рѣшенію собранія 26 сентября, на этотъ вопросъ отвѣты были на сей разъ далеко не одинаковы. Стародубскій полковникъ князь Хованскій высказался за то, чтобы въ полку Стародубскомъ по обширности того полка быть двумъ подкоморскимъ и двумъ земскимъ судамъ. Прочіе полковники—Нѣжинскій, Переяславскій, Миргородскій, Гадячскій и Кіевская полковая старшина заявили, что въ ихъ полкахъ по необширности ихъ довольно будетъ и по одному подкоморому и суду земскому, а Черниговскій полковникъ соглашался, чтобы въ его полку было 2 земскихъ и 2 подкоморскихъ суда. На второй вопросъ гетмана,—изъ какихъ чиновъ выбирать подкоморыхъ и земскихъ судей,—собраніе согласно отвѣтило, что выбирать слѣдуетъ изъ нынѣшнихъ чиновъ, начавъ съ бунчуковыхъ даже до значковыхъ товарищей по силѣ права. Этимъ отвѣтомъ собраніе только закрѣпило освященную временемъ традицію, по которой всякій козацкій старшина, отъ высшихъ и до низшихъ степеней, равнялся урожденному и гербованному шляхтичу. Собраніе, впрочемъ, ссылалось не на традицію, а на силу права, а право это усматривало въ Статутѣ и, главнымъ образомъ, въ Зборовскомъ договорѣ, которымъ, по толкованію тогдашнихъ знатоковъ малороссійскихъ

[1]) Архивъ Мал. Колл. № 3391.

правъ, козацкой старшинѣ предоставлено по мѣстамъ и повѣтамъ королевства польскаго жить яко шляхтѣ. Это признаніе за козацкой старшиной избирательныхъ правъ на земскія должности, принятое собраніемъ такъ легко и просто, повидимому безъ всякихъ дебатовъ и возраженій, является, тѣмъ не менѣе, моментомъ важнымъ, заслуживающимъ полнаго вниманія историка малорусскаго общества Это еще одинъ лишній шагъ впередъ по пути къ окончательной нобилитаціи, составлявшей завѣтную цѣль столѣтнихъ стремленій козацкихъ урядниковъ. Всю важность этого шага мы оцѣнимъ лишь тогда, если вспомнимъ, что въ пору окончательнаго преобразованія украинскаго командующаго класса въ благородное россійское дворянство, занятіе земскихъ должностей выставлялось какъ одно изъ неопровержимыхъ доказательствъ правъ на дворянское достоинство.

Касательно служебнаго положенія новыхъ урядниковъ собраніе послѣ обсужденія пришло къ заключенію, что подкоморому слѣдуетъ быть первымъ по полковникѣ, подъ нимъ судьѣ земскому, подсудкамъ—въ равенствѣ съ бунчуковыми товарищами, по старшинству считаясь, а писарямъ земскимъ—по старшинству съ полковыми писарями. Вопросъ о возныхъ собраніе рѣшило такимъ образомъ: быть вознымъ изъ значковыхъ товарищей и сотенной старшины и считаться первыми по сотникѣ, а выбирать ихъ въ полкахъ отъ каждой сотни по одному, изъ которыхъ присылать поочередно въ судъ генеральный по одному отъ полка, и сверхъ того числа быть же при каждомъ судѣ вознымъ по одному изъ тѣхъ городовъ, гдѣ суды отправленіе имѣть будутъ. Относительно гродскихъ судовъ собраніе находило, что по исключеніи изъ вѣдѣнія полковыхъ судовъ дѣлъ гражданскихъ и межевыхъ суды эти обратятся какъ разъ въ то, что въ Статутѣ называется судами гродскими, а потому и рѣшило, что гродскому суду надлежитъ быть при полковыхъ канцеляріяхъ, и въ оныхъ присутствовать полковнику, судьѣ и писарю полковымъ, а докладывать дѣла писарю суда нынѣшняго полковаго; а буде изъ тѣхъ чиновниковъ кто умретъ, то выбирать по правамъ вольными голосами изъ шляхетства того полка. Такимъ образомъ, по мнѣнію собранія, реформа въ отношеніи уголовнаго суда должна была сводиться лишь къ переименованію судовъ полковыхъ въ суды гродскіе, съ исключеніемъ, конечно, изъ подъ ихъ юрисдикціи гражданскихъ и межевыхъ дѣлъ.

Отвѣтивъ такимъ образомъ на вопросы гетманскаго ордера, собраніе 10 октября рѣшило уже, такъ сказать, сверхъ программы и еще одинъ вопросъ, поднятый кѣмъ то изъ присутствовавшихъ,--вопросъ о числѣ и служебномъ положеніи положенныхъ по Статуту помощниковъ подкоморыхъ —коморниковъ. „Коморникамъ, сказано въ протоколѣ собранія, быть при

подкоморомъ по 2 и считаться чиномъ противъ асауловъ полковыхъ". [1]).

Постановленіе собранія 10 октября не имѣло, однако, рѣшающаго значенія, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ принятыхъ имъ мнѣній встрѣтили серьезныхъ противниковъ. Наиболѣе спорнымъ являлся вопросъ о количествѣ новыхъ судовъ въ каждомъ полку. На совѣщаніи 10 октября полковниками было признано возможнымъ учредить по 2 земскихъ и по 2 подкоморскихъ суда только въ двухъ полкахъ—Черниговскомъ и Стародубскомъ. Но такое распредѣленіе судовъ было не выгодно во многихъ отношеніяхъ. Не говоря уже о возможности большаго скопленія дѣлъ въ земскихъ и подкоморскихъ судахъ въ случаѣ ихъ учрежденія по одному на полкъ, приходилось считаться съ разстояніемъ и территоріальными размѣрами полковъ. Многія сотни лежали отъ полковыхъ городовъ на большомъ разстояніи; проѣздъ изъ такихъ сотенъ въ полковой городъ для подачи челобитной или для хожденія по дѣлу былъ бы сопряженъ для тяжущихся съ крупными расходами, особенно для простыхъ козаковъ, привыкшихъ для суда по мелкимъ дѣламъ не ѣздить дальше своего сотеннаго города. Съ учрежденіемъ земскихъ судовъ и устраненіемъ изъ вѣдомства сотенныхъ канцелярій гражданскихъ дѣлъ, козаку по самому ничтожному иску о захватѣ какого нибудь мелкаго сѣнокоса, переораньѣ межи и т. п. или для совершенія самаго простаго акта купли-продажи пришлось бы тащиться въ полковой городъ, за десятки верстъ. Возбуждали разногласія и другіе вопросы, обсуждавшіеся въ собраніи 10 октября. Таковы были, напр., вопросы о служебномъ положеніи подсудковъ и писарей земскихъ, о возныхъ; не рѣшенъ, былъ, наконецъ, и вопросъ о томъ, какія и какъ должны быть распредѣлены сотни въ отношеніи подсудности, т. е. вопросъ о судебномъ дѣленіи гетманщины на повѣты. Въ виду такого положенія дѣлъ вопросъ о судебной реформѣ долженъ былъ еще разъ стать предметомъ обсужденія чиновъ Глуховскаго съѣзда.

До насъ не дошелъ протоколъ этого послѣдняго собранія, мы даже не знаемъ, въ какой день происходило засѣданіе, но за то мы знаемъ, каковы были рѣшенія, принятыя собраніемъ. Рѣшенія эти сводились вотъ къ чему:

1) По вопросу о количествѣ земскихъ и подкоморскихъ судовъ и о распредѣленіи повѣтовъ собраніе опредѣлило: понеже въ Малой Россіи полки суть пространствомъ не маліе, многія сотни отъ полковыхъ городовъ суть отдалены, то, во избѣжаніе обиженному, а паче убогимъ людямъ, черезъ дальнее разстояніе переѣздовъ и на то излишнихъ убытковъ, а притомъ и ко избѣжанію черезъ отправленіе всего полку земскихъ дѣлъ въ одномъ судѣ многодѣльства, а жалобщикамъ продолженія,—учредить въ каждомъ полку по два суда подкоморскіе и по два суда земскіе, изъ

[1]) Архивъ Мал. Колл. № 3391.

которыхъ одному земскому суду засѣданіе свое къ отправленію дѣлъ имѣть завсегда надлежитъ въ полковомъ городѣ, а другому же земскому суду гдѣ засѣданіе имѣть, также какія приличнѣе и способнѣе для судовъ раздѣлить въ полкахъ сотни, о томъ, когда отъ его ясновельможности воспослѣдуетъ повелѣніе о учиненіи выборовъ ко опредѣленію въ судьи, подсудьи и писари земскіе, въ то время полковнику со всѣми того полку чинами и шляхетствомъ и распредѣленіе въ полкахъ сотенъ для судовъ земскихъ и въ которомъ мѣстѣ другому земскому суду имѣть отправленіе дѣлъ учинить и представить на аппробацію его ясновельможности. Что касается до Нѣжинскаго полку, то яко господамъ генеральной старшинѣ и другимъ чинамъ извѣстно, что другому земскому и подкоморскому судамъ необходимо надобно быть въ Глуховѣ для всѣхъ засеймскихъ сотенъ, то уже и распредѣленія иного въ полку Нѣжинскомъ быть не для чего.

2) По вопросу о способѣ опредѣленія на новые уряды собраніе высказалось за сохраненіе Статутоваго порядка: „въ судьи земскіе, подсудки и писари слѣдуетъ по силѣ малороссійскихъ правъ всему шляхетству, собрався въ полковыя канцеляріи, выбирать изъ между себя по силѣ оныхъ же малороссійскихъ правъ кандидатовъ“.

3) Въ вопросъ о служебномъ положеніи подкоморыхъ и членовъ земскихъ судовъ собраніемъ была внесена нѣкоторая поправка сравнительно съ мнѣніемъ, изложеннымъ въ протоколѣ засѣданія 10 октября. Было рѣшено, что „подкоморымъ слѣдуетъ имѣть первенство предъ всѣми бунчуковыми товарищами, а за ними земскимъ судьямъ въ равенствѣ съ бунчуковыми товарищами, по старшинству съ ними считаясь, подсудкамъ же считаться съ нынѣшними обозными полковыми, а писарямъ земскимъ считаться противъ асаула полковаго“.

4) О возныхъ собраніе рѣшило: „при судахъ подкоморскомъ, земскомъ и гродскомъ быть вознымъ изъ значковыхъ товарищей и сотенныхъ старшинъ и считаться первымъ по сотникѣ, а выбирать ихъ во всѣхъ полкахъ въ каждой сотнѣ по одному, а сверхъ того числа быть при каждомъ земскомъ и гродскомъ судѣ вознымъ по одному въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ будутъ тѣ суды всегдашнее засѣданіе и отправленіе дѣлъ имѣть“.

5) Наконецъ, относительно гродскихъ судовъ собраніе постановило: „гродскому суду быть по прежнему въ каждомъ полку по одному, въ которомъ касающіяся до того суда, въ правахъ въ книгѣ Статута опредѣленныя, дѣла должны разсматривать и рѣшеніе чинить сами полковники съ полковыми судьями, а сверхъ того по своему усмотрѣнію къ присутствію въ томъ же судѣ гродскомъ и изъ другихъ полковыхъ старшинъ употреблять могутъ, а паче въ отсутствіи ихъ изъ полку, токмо бы черезъ то во оныхъ дѣлахъ ни малѣйшей остановки быть не могло, что полковники принимаютъ

на свой отвѣтъ, дѣла же по суду гродскому имѣютъ докладывать имѣющіеся писари судовые“.

Но и въ такомъ видѣ рѣшенія собранія удостоились гетманской апробаціи только послѣ предварительной поправки: вопреки мнѣнію господъ генеральной старшины и другихъ чиновъ, коимъ, какъ мы уже видѣли, извѣстно было, что въ Нѣжинскомъ полку второму земскому и подкоморскому суду необходимо надобно быть въ Глуховѣ, а потому и распредѣленія инаго въ томъ полку чинить не для чего, гетманомъ было указано открыть въ Нѣжинскомъ полку три земскихъ и три подкоморскихъ суда: въ Нѣжинѣ, Глуховѣ и Батуринѣ. Сверхъ того до окончательнаго выясненія вопроса о томъ, куда надлежитъ апеллировать на рѣшенія гродскихъ, земскихъ и подкоморскихъ судовъ, гетманомъ же было опредѣлено, что апелляція на нихъ, какъ прежде на полковые суды, должна идти въ судъ генеральный. [1]).

Таковы были основныя положенія, выработанныя Глуховскимъ съѣздомъ. Само собою разумѣется, что проэктированные суды не совсѣмъ походили на суды, узаконенные Статутомъ: переименованный полковой судъ былъ не совсѣмъ то, что судъ гродскій, а судъ генеральный—не трибуналъ. Это хорошо сознавали и сами чины Глуховскаго съѣзда, находившіе, что „генеральный судъ учрежденъ не на такомъ основаніи, какъ въ правахъ предписано“, а гродскія дѣла должны имѣть „совсѣмъ другія учрежденія и порядки, нежели воинскія“. Оставленіе въ прежнемъ видѣ судовъ уголовныхъ и генеральнаго было допущено собраніемъ, какъ временный компромиссъ, только до полученія необходимыхъ разъясненій свыше. Придать всему тому, что сдѣлано собраніемъ, обязательную силу могъ гетманскій универсалъ, но окончательно санкціонировать имѣла право только верховная власть. Украинцамъ было крайне важно знать, какъ отнесется эта власть къ ихъ начинаніямъ и проектамъ. Требовалось сперва удостовѣриться, одобритъ-ли высшее правительство сдѣланныя реформы, утвердитъ ли оно генерально всѣ малороссійскія права, касающіяся судоустройства, согласно ли оно на учрежденіе малороссійскаго трибунала и куда укажетъ быть изъ этого трибунала апелляціи, а затѣмъ уже приступить къ окончанію недодѣланнаго и приведенію всего зданія судоустройства въ надлежащую гармонію и порядокъ. Это то соображеніе и заставило чиновъ Глуховскаго съѣзда включить просьбу о судахъ и трибуналѣ въ составлявшееся въ то время всеподданнѣйшее прошеніе о возстановленіи старинныхъ правъ и преимуществъ края. „По правамъ малороссійскимъ, писали гетманъ и чины Глуховскаго собранія: положены подкоморскіе, т. е. межевые, земскіе и гродскіе суда, которыхъ всѣхъ порядокъ, дѣла и должности описаны въ книгѣ Статутѣ и въ установленіяхъ сеймовыхъ; сверхъ того, во время пребыванія

[1]) Архивъ Мал. Колл. № 3364.

Малой Россіи подъ королями польскими для апелляціи на вышеписанные суды имѣла она главнѣйшій свой судъ, называемый трибуналъ, который отправлялся въ городѣ Люблинѣ и на который изъ всѣхъ своихъ воеводствъ земель и повѣтовъ избирала и отправляла депутатовъ изъ шляхетства. Въ пункахъ же гетмана Богдана Хмельницкаго и въ привилегіи, данной малороссійскому шляхетству, хотя тѣ земскіе и гродскіе суда подтверждены, и велѣно имъ остаться на прежнемъ основаніи, а шляхетству вольное межъ себя на уряды земскіе и гродскіе избраніе дозволено, однако нынѣ въ Малой Россіи тѣхъ судовъ нѣтъ, но всѣ межевыя, земскія и гродскія дѣла стали быть вѣдомы въ полковыхъ и сотенныхъ канцеляріяхъ отъ полковниковъ, сотниковъ и прочихъ старшинъ, вмѣсто же трибунала учрежденъ войсковой генеральный судъ не на такомъ основаніи, какъ въ правахъ предписано, и хотя по правамъ нашимъ къ гродскимъ дѣламъ можно опредѣлять и изъ воинскихъ старшинъ, однако сіи дѣла совсѣмъ другія учрежденія и порядки свои имѣютъ, нежели воинскія и, слѣдовательно, съ оными мѣшаться никогда не должны, земскія же дѣла, яко требующія совершеннаго знанія и употребленія правъ, особливыхъ своихъ судей, выбранныхъ изъ шляхетства, имѣть должны; а отъ таковаго вышеупомянутыхъ судовъ уничтоженія произошло и происходитъ въ Малой Россіи не малое въ дѣлахъ и порядкихъ малороссійскаго народа замѣшательство, ибо тѣ войсковые старшины, будучи больше заобыкновенны къ воинскимъ дѣламъ, въ земскихъ дѣлахъ надлежащаго народу удовольствія дѣлать, а при томъ и своей воинской должности по надлежащему исправлять не могутъ, и сіе было причиною, что помянутые старшины въ прежнія времена земскія и гродскія такъ, какъ и воинскія, дѣла на словахъ производили и рѣшали по своему произволенію, а книги, въ которыхъ заключаются малороссійскія права, весьма рѣдко и то развѣ отъ ученыхъ судей употребляемы были. По сей причинѣ принужденъ былъ я, гетманъ, В. И. В. представить объ учрежденіи въ Малой Россіи подкоморыхъ, на что и высочайшее В. И. В. получилъ повелѣніе, въ силу котораго оные подкоморые нынѣ въ Малой Россіи учреждаются; но понеже подкоморскіе суда всегдашній союзъ и сношеніе имѣть должны съ судами земскими и гродскими и быть подъ апелляціей трибунала, того ради объ учрежденіи тѣхъ земскихъ и гродскихъ судовъ нынѣ въ Малой Россіи распоряженія чинятся. Вашего же И. В. всеподданнѣйше просимъ всемилостивѣйше подтвердить, чтобы какъ тѣ земскіе и гродскіе суда, такъ и малороссійскій трибуналъ учреждены были на основаніи правъ и привилегій нашихъ и опредѣляемые въ тѣ суда и трибуналъ чиновники избираемы были вольными голосами изъ шляхетства; но понеже отъ онаго трибунала по силѣ правъ нашихъ никуды апелляція не должна быть, кромѣ къ В. И. В., и то только въ такихъ криминальныхъ дѣлахъ,

гдѣ о потеряніи чести и жизни дѣло идетъ, того ради предаемъ на высочайшее В. И. В. соизволеніе, куда отъ онаго трибунала не токмо по показаннымъ въ правахъ нашихъ дѣламъ, но и по всѣмъ прочимъ имѣть апелляцію указать соизволите“ [1]).

Помимо прошенія гетманомъ. какъ можно полагать,было представлено царицѣ и болѣе подробное описаніе постановленій, принятыхъ Глуховскимъ съѣздомъ. Полагаемъ такъ потому, что въ извѣстномъ указѣ 10 ноября 1764 г., санкціонировавшемъ новый судебный порядокъ, проглядываетъ нѣсколько большее знакомство съ дѣломъ, нежели какое можно получить изъ только что приведеннаго пункта всеподданнѣйшаго прошенія. Государынѣ, напр., было извѣстно принятое собраніемъ и гетманомъ раздѣленіе полковъ въ судебномъ отношеніи, было извѣстно и мнѣніе о служебномъ положеніи новыхъ урядниковъ, т. е. то, съ чѣмъ ее, вѣроятно, познакомило только гетманское представленіе.

Включеніе во всеподданнѣйшее прошеніе пункта о судахъ и трибуналѣ было послѣднимъ актомъ дѣятельности собранія въ вопросѣ о судебной реформѣ. Дальнѣйшія заботы по проведенію ея въ жизнь принадлежали гетману и его канцеляріи.

Первымъ по времени распоряженіемъ гетмана, вызваннымъ „мнѣніемъ“ собранія, было измѣненіе порядка выборовъ въ подкоморые. Въ виду предположеннаго собраніемъ увеличенія числа подкоморскихъ судовъ, выбирать теперь нужно было на каждый полкъ не одного, а уже двухъ подкоморыхъ, а въ Нѣжинскомъ полку даже трехъ. Предстояло или назначить новые, дополнительные выборы, или утвердить въ подкоморской должности не одного, а уже двухъ изъ представленныхъ отъ каждаго полка кандидатовъ. Гетманъ предпочелъ второй способъ. Дополнительные выборы были произведены только въ Кіевскомъ полку по ордеру отъ 14 ноября, и то можетъ быть въ виду разногласія избирателей при первыхъ выборахъ. Тогда же былъ отправленъ ордеръ и въ Гадячскій полкъ, гдѣ до сихъ поръ еще не было произведено выборовъ, съ приказаніемъ немедленно же назначить выборы уже по новой формѣ, т. е. представить на утвержденіе гетмана не четырехъ, а 8 кандидатовъ. Само собою разумѣется, что дополнительные выборы должны были имѣть мѣсто и въ Нѣжинскомъ полку—въ Глуховѣ и Батуринѣ, но распоряженіе о нихъ состоялось уже позднѣе, а самые выборы были произведены одновременно съ выборами урядниковъ въ земскіе суды.

Затѣмъ послѣдовалъ и самый универсалъ объ учрежденіи новыхъ судовъ, подписанный гетманомъ 19 ноября. Универсалъ былъ разосланъ по всѣмъ 10 полкамъ и адресованъ къ „духовнымъ и мірскимъ владѣльцамъ, въ полку (такомъ то) жительствующимъ и владѣніе свое имѣющимъ, а особливо

[1]) Кіевская Старина. 1883 г., кн. 6, стр. 326—327.

полковнику съ полковою старшиною, сотникамъ и другимъ того полку чинамъ и кому о семъ вѣдать надлежитъ". Копіи съ него за подписью ясновельможнаго посланы въ Софійскую катедру, архіереямъ Черниговскому и Переяславскому и архимандритамъ Кіево-Печерскаго и Межигорскаго монастырей.

Универсалъ начинался разъясненіемъ необходимости реформы. „Въ бытность Малой Россіи еще при коронѣ польской, говорилось въ универсалѣ: данною отъ короля польскаго Сигизмунда Августа и напечатанною 1569 г. іюня 6 дня привилегіею между иными вольностями и преимуществами утверждено шляхтѣ и всему рицерству земли и княжества Кіевскаго употреблять въ судахъ право книгу Статутъ Литовскій, а исъ принятія Малой Россіи подъ державу россійскую отъ Е. В. блаженныя и вѣчно достойныя памяти государя царя и в. князя Алексія Михайловича, самодержца всероссійскаго, по испрошенію гетмана Богдана Хмельницкаго со всѣми малороссійскими чинами и войскомъ договорено въ пунктахъ—1-мъ войску запорожскому, а въ 3-мъ шляхтѣ—своими правами судиться и вольность свою имѣть въ правахъ и судахъ и межъ себя старшинъ на уряды судовые выбирать и черезъ тѣхъ же урядниковъ суды земскіе и гродскіе отправлять, что и особливыми высоч. Е. Ц. В. грамотами утверждено какъ всему войску запорожскому, такъ шляхтѣ, которые пребываютъ въ Е. Ц. В. вотчинѣ въ Малой Россіи, быть подъ Е. Ц. В. высокою рукою по прежнимъ ихъ правамъ и привилегіямъ, каковы даны имъ права и привилегіи и вольности отъ королей польскихъ, а вольностей ихъ шляхетскихъ ни въ чемъ не нарушивать и старшинъ имъ себѣ на уряды судовые земскіе и гродскіе выбирать межъ себя самимъ и маетностьми своими владѣть, а судиться имъ межъ себя по своимъ правамъ. И то все многими высоч. грамотами, какъ отъ Е. В. безсмертно славныя памяти государя императора Петра Великаго, такъ и по немъ царствовавшихъ всероссійскихъ государей всемилостивѣйше подтверждено и укрѣплено, особливо же высочайшею блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государыни Елисаветы Петровны 1751 г. мая 22 на утвержденіе намъ гетманскаго достоинства данною грамотою между инымъ повелѣно воинскія и гражданскія всякія въ Малой Россіи дѣла управлять намъ по войсковымъ правамъ, по прежнимъ обычаямъ и постановленнымъ пунктамъ, на которыхъ приступилъ подъ державу блаженныя памяти великаго государя и вел. князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, Е. Ц. В. гетманъ Богданъ Хмельницкій со всѣмъ войскомъ запорожскимъ и народомъ малороссійскимъ, и наконецъ отъ Е. И. В. нынѣ всеблагополучно царствующей государыни императрицы, самодержицы всероссійской, высочайшимъ именнымъ указомъ за подписаніемъ собственныя Е. В. руки велѣно въ Малой Россіи опредѣлить настоящихъ подкоморыхъ и поступать по силѣ правъ малороссійскихъ. Въ правахъ же книги Статута для разныхъ дѣлъ и раздѣленіе

судовъ постановлено, какъ о томъ явствуетъ въ розд. 4 и 9 изъ разныхъ артикуловъ, въ которыхъ учреждено быть въ каждомъ повѣтѣ судамъ земскимъ, гродскимъ и подкоморскимъ и какія которому дѣла отправлять—во онной книгѣ Статутъ на разныхъ мѣстахъ узаконено. И хотя таковые суды со времени Малой Россіи принятія подъ всероссійскую державу заведены были ль,—за неимѣніемъ исправныхъ архивъ и за много прошедшимъ временемъ доискаться трудно, да и ежели тогда упущено по причинѣ бывшихъ частыхъ въ то время военныхъ замѣшательствъ и другихъ препятствій, то когда теперь всѣмъ извѣстно, что оное запущеніе не токмо есть противно утвержденнымъ малороссійскимъ правамъ, но и всему обществу вредно чрезъ то, яко полковыя нынѣшнія канцеляріи, будучи обтяжены всѣми въ каждомъ полку дѣлами тѣми, кои по правамъ раздѣлены на три уряда, а сверхъ того оныя полковыя канцеляріи по долгу, собственно до нихъ принадлежащему, и всѣ дѣла воинскія отправляютъ, и такимъ многодѣльствомъ будучи заняты, не могутъ имѣть столько времени, чтобы тѣ дѣла, кои касаются до земскаго суда, могли съ успѣхомъ производить и кончать, и отъ того истцамъ не малое продолженіе чинится, а къ намъ почти ежедневно отъ разныхъ просителей умножаются жалобы, съ нѣкоторыхъ же мѣстъ и прошенія къ намъ учинены, дабы по силѣ правъ раздѣленіе судовъ учреждено было,—того ради, пріемля мы во уваженіе таковыя обстоятельства, обязана себе видимъ во исполненіе вышеизображенныхъ высочайшихъ грамотъ и привилегіевъ и нынѣ Е. И. Величества всемилостивѣйше даннаго именнаго указа о учрежденіи настоящихъ по малороссійскимъ правамъ подкоморыхъ приводить малороссійскія судныя мѣста въ порядокъ, согласный утвержденному въ Малой Россіи праву, къ скорѣйшему доставленію каждому обижденному правосудія, а къ тому-жъ яко за учрежденіемъ особыхъ по правамъ малороссійскимъ подкоморыхъ слѣдуютъ быть и особые суды земскіе, отъ которыхъ подлежащія до подкоморскаго разбора дѣла къ нимъ, подкоморымъ, отсыланы быть должны, вслѣдствіе чего велѣли мы ордеромъ нашимъ собраннымъ нынѣ въ Глуховѣ господамъ генеральнымъ старшинамъ, полковникамъ, бунчуковымъ товарищамъ и прочимъ чинамъ подать намъ мнѣніе, по коликому числу для беззамедлительнаго удовольствія челобитчествующихъ въ которомъ полку надобно учредить подкоморыхъ и судовъ земскихъ и о прочемъ, до того принадлежащемъ, распоряженіи“.

Мы не будемъ передавать того пункта универсала, въ которомъ излагается мнѣніе, предложеное чинами Глуховскаго съѣзда. Пунктъ этотъ есть дословная передача извѣстнаго уже читателю постановленія послѣдняго засѣданія малороссійскихъ чиновъ съ присоединеніемъ той поправки, какая была сдѣлана гетманомъ по вопросу о количествѣ судовъ въ Нѣжинскомъ полку и порядкѣ апелляціи. Перейдемъ прямо къ распоряженіямъ гетмана

по реформѣ судоустройства въ полкахъ. Распоряженія эти состояли въ слѣдующемъ:

1) Съ полученіемъ универсала полковникъ съ полковою старшиною должны назначить срокъ по порядку, на такія собранія въ правахъ опредѣленному, и чтобъ на тотъ назначенный срокъ всѣ въ данномъ полку имѣющіе свои владѣнія духовные и мірскіе владѣльцы и прочее всякихъ чиновъ обрѣтающееся шляхетство въ полковую канцелярію собрались,—о томъ имъ отъ полковой канцеляріи чрезъ сотенные уряды заблаговременно оповѣстить, учиня на то письменную повѣстку, на которой каждый изъ всѣхъ тѣхъ чиновъ, кои къ такому собранію должны быть призваны, долженъ подписаться въ знакъ того, что ему оповѣщено завременно, дабы впредь споровъ не было. А за собраніемъ въ полковую канцелярію приглашенные должны сначала съ общаго согласія раздѣлить полкъ на двѣ равныя части, изъ которыхъ одна часть, ближайшая, должна принадлежать къ тому земскому суду, который будетъ отправленіе дѣлъ имѣть въ полковомъ городѣ; затѣмъ собраніе должно назначить мѣсто въ другой части полка, гдѣ земскому суду способнѣе имѣть отправленіе дѣлъ, и согласно постановя это раздѣленіе и учиня опредѣленіе, подписать, наименовавъ тѣ раздѣленныя для земскихъ судовъ части полка повѣтами; при этомъ собраніе должно также опредѣлить, которому изъ назначенныхъ гетманомъ подкоморыхъ въ какомъ повѣтѣ должно имѣть пребываніе. Затѣмъ собраніе должно выбрать по установленію правному для опредѣленія въ земскіе судьи и подсудки и писари кандидатовъ по опредѣленному числу персонъ изъ такихъ людей, какъ въ правахъ довольно изъяснено, и подписавъ на каждой чинъ порознь выборы, прислать къ гетману при доношеніи отъ полковой канцеляріи для разсмотрѣнія и опредѣленія изъ тѣхъ кандидатовъ судей, подсудковъ и писарей; полковая канцелярія должна также прислать къ гетману вѣрную копію съ опредѣленія собранія о раздѣленіи полка на два повѣта; оригиналъ этого опредѣленія долженъ храниться въ полковой канцеляріи, „яко гродскомъ судѣ"; въ отсылаемыхъ къ гетману выборныхъ листахъ съ именами кандидатовъ необходимо точно обозначать, кто въ какой повѣтъ выбранъ, дабы по тому и точное опредѣленіе быть могло.

2) Когда вышеписанные чины, судья, подсудокъ и писарь, за присылкою выборовъ будутъ опредѣлены гетманомъ, они должны тотчасъ же вступить въ отправленіе своихъ должностей, но такъ какъ нынѣ еще къ засѣданію и отправленію дѣлъ особыхъ помѣщеній нѣтъ, то впредь до устроенія для судовъ земскихъ особыхъ аппартаментовъ, для нихъ должны быть отведены пристойные дома; въ виду же того, что для сихъ судовъ необходимо надобны особыя строенія, полковыя собранія въ силу права розд. 4 арт. 13 должны сообща разсудить и положить, какую сумму собрать для

этого и откуда и какіе гдѣ устроить дома со всѣми принадлежностями, и опредѣленіе свое по этому вопросу представить гетману. Суды земскіе въ принятіи, производствѣ, разсмотрѣніи и рѣшеніи всѣхъ тѣхъ дѣлъ, кои до нихъ принадлежатъ, должны поступать во всемъ по наставленію въ правахъ малороссійскихъ безъ всякой отмѣны, а полковыя канцеляріи въ такія земскому суду принадлежащія дѣла вмѣшиваться не имѣютъ права. Полковыя канцеляріи должны сдѣлать въ каждомъ полку публикацію о томъ, чтобы челобитчики подавали доношенія, касающіяся до земства, въ земскіе суды, а до гродскаго суда—въ полковую канцелярію, а если бы кто явился въ полковую канцелярію съ доношеніемъ, не подлежащимъ вѣдѣнію гродскаго суда, то канцелярія, не принимая доношенія, должна дать наставленіе о подачѣ его въ надлежащій земскій судъ; какія въ полковыхъ канцеляріяхъ и въ сотенныхъ правленіяхъ имѣются исковыя доношенія и нерѣшенныя дѣла, надлежащія до земскаго суда,—всѣ они за учрежденіемъ земскихъ судовъ должны быть отосланы съ реестромъ и описью каждому дѣлу для производства и рѣшенія вь земскіе суды, смотря по тому, какое дѣло какому земскому суду подлежитъ по положенію земли; какія имѣются нынѣ въ судѣ генеральномъ исковыя доношенія и дѣла, никакимъ нижнимъ урядомъ, ни генеральнымъ судомъ не рѣшенныя, тѣ должны быть разосланы изъ суда генеральнаго, куда какія принадлежатъ,—въ земскіе или гродскіе суды—для разсмотрѣнія и рѣшенія, а какія дѣла особыми гетманскими ордерами велѣно разсмотрѣть и рѣшить въ генеральномъ судѣ,—о тѣхъ представить гетману. Полковыя канцеляріи должны сноситься съ земскими и подкоморскими судами „промеморіями", а сотенныя правленія сносятся съ ними при посредствѣ „доношеній".

3) По правамъ книги Статута розд. 4 и 9 показаны какъ подкоморымъ, такъ и земскимъ судьямъ, подсудкамъ и писарю особыя на чины ихъ присяги, которыя они при вступленіи въ должности чиновъ своихъ долженствуютъ учинить, а потому гетманскимъ универсаломъ предписывалось за опредѣленіемъ означенныхъ чиновъ приводить ихъ къ указной генеральной съ вѣрной Е. И. Величеству службѣ присягѣ отъ генеральной канцеляріи, а къ тѣмъ правнымъ присягамъ должны приводить неупустительно полковыя канцеляріи, яко гродскіе суды, въ присутствіи полковника и тѣхъ чиновъ, кои случатся въ то время въ канцеляріи либо и нарочно изъ другихъ чиновъ и владѣльцевъ того полка призваны быть могутъ; присяжные листы за подписомъ бывшихъ у присяги должны храниться въ гродскомъ судѣ; правныя роты присягъ подкоморымъ, судьямъ, подсудкамъ и писарямъ земскимъ по переводѣ и гетманской аппробаціи будутъ разосланы въ полковыя канцеляріи.

4) Всѣ духовные и мірскіе владѣльцы и шляхетство и прочіе всякаго

званія чины, отъ высшаго до низшаго, во всѣхъ спорахъ за земли и всякія недвижимыя имѣнія и въ прочихъ принадлежащихъ до суда земскаго дѣлахъ должны расправою вѣдомы и судимы быть въ томъ земскомъ судѣ, до вѣдомства котораго то спорное имѣніе принадлежитъ, а въ прочихъ случаяхъ и претензіяхъ, до расправы гродскаго суда принадлежащихъ, такъ же всѣ владѣльцы, шляхетство и прочіе чины безъ изъятія судимы должны быть въ полковыхъ канцеляріяхъ, почитаемыхъ нынѣ за гродскіе суды, а чтобы извѣстно было всѣмъ объ этомъ,—необходимо публиковать въ каждомъ полку, чтобы каждый искалъ о своей обидѣ въ томъ судномъ мѣстѣ, до расправы коего его дѣло принадлежитъ, а другихъ никакихъ урядовыхъ мѣстъ въ томъ не затруднялъ, ибо таковыхъ исковъ нигдѣ кромѣ того самаго суда, которому въ разсмотрѣніе и рѣшеніе того дѣла по принадлежности вступить должно, отнюдь не слѣдуетъ принимать и какого либо дѣйствія по онымъ производить, но токмо незнающему челобитчику на всякомъ урядѣ, гдѣ-бъ онъ съ жалобою своею имѣлъ явиться, давать наставленіе, въ какомъ судѣ онъ подать то доношеніе свое по силѣ правъ малороссійскихъ долженъ. Суды земскіе и гродскіе должны прилагать всевозможное стараніе, чтобы въ нихъ все по точности малороссійскихъ правъ происходило и дѣла не оставались безъ разрѣшенія болѣе узаконеннаго въ правахъ времени, ибо раздѣленіе судовъ по правамъ учреждается единственно къ пользѣ, дабы обиженные отнюдь никакого медлительства въ полученіи справедливой въ своихъ искахъ сатисфакціи не дознавали.

5) Въ полковыхъ канцеляріяхъ отправляются всѣ дѣла, подлежащія разсмотрѣнію и рѣшенію гродскаго суда, ибо въ учрежденіи особыхъ гродскихъ судовъ нужды еще не усмотрѣно, а такъ какъ представленнымъ гетману мнѣніемъ малороссійскихъ чиновъ положено у таковыхъ гродскихъ дѣлъ присутствіе имѣть полковникамъ да судьямъ полковымъ и еще одному или двумъ изъ старшинъ полковыхъ по разсмотрѣнію полковничьему, то гетманъ, аппробуя это мнѣніе, приказывалъ, чтобы полковники и судьи полковые по установленію правному учинили немедленно присягу по той ротѣ присяги, какая будетъ установлена и прислана для земскихъ судей; присягу они должны принесть въ полковой канцеляріи въ присутствіи подкоморыхъ, судей и подсудковъ земскихъ, да и писарь судовой долженъ быть приведенъ къ присягѣ по формѣ, земскому писарю сочиненной; точно такъ-же и тѣ изъ старшинъ полковыхъ, кои къ разсмотрѣнію и рѣшенію въ гродскомъ судѣ дѣлъ отъ полковниковъ опредѣлены будутъ, должны быть приведены безупустительно къ судейской присягѣ.

6) Согласно мнѣнію, представленному гетману чинами, возныхъ слѣдуетъ выбрать и опредѣлить во всякой сотнѣ по одному и сверхъ того по одному въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ суды земскіе и подкоморскіе будутъ отправ-

леніе имѣть, и тѣхъ возныхъ по установленной въ правахъ формѣ привесть къ присягѣ въ полковой канцеляріи, яко гродскомъ урядѣ, и въ прочемъ поступать, какъ въ правахъ установлено; а чтобы оные возные знали, какъ должность свою порядочно и безупустительно отправлять, о томъ гетманъ велѣлъ, въ судѣ генеральномъ въ сходство правъ малороссійскихъ сочинивъ инструкцію, представить вскорости къ нему на аппробацію; эта инструкція имѣетъ быть разослана для исполненія, однако-жъ и до полученія инструкціи возные должны отправлять свою должность.

7) Сотенныя правленія за учрежденіемъ земскихъ и гродскихъ судовъ не имѣютъ ни въ какія земскія, гродскія и подкоморскія дѣла и расправы вступать между духовными и мірскими владѣльцами и чиновными всякаго званія людьми; этимъ, однако же, не отмѣняются гетманскіе ордеры, данные генеральному суду 1 апрѣля 1752 и 18 апрѣля 1760 г., въ силу коихъ сотеннымъ правленіемъ предоставлено между рядовыми казаками въ самыхъ маловажныхъ жалобахъ и спорахъ словесную расправу чинить, что и теперь оные сотенные уряды токмо между одними казаками отправлять могутъ, не вступая, впрочемъ, въ другія и между казаками случающіяся спорныя дѣла, требующія настоящихъ въ земскомъ или гродскомъ судахъ расправъ, гдѣ и рядовые казаки должны судимы быть по дѣламъ важнѣйшимъ земскимъ и гродскимъ.

8) Что касается чиновъ подкомораго, судей, подсудковъ и писарей земскихъ, а также и возныхъ, то, согласно представленному чинами мнѣнію, гетманъ опредѣлилъ подкоморымъ мѣсто имѣть первое по полковникѣ малороссійскомъ городовомъ, судьѣ земскому, въ разсужденіе важности и силы чина его,—первое послѣ подкомораго, подсудкамъ же быть въ равенствѣ съ бунчуковыми товарищами, считаясь между ними по старшинству, писарямъ земскимъ—въ равенствѣ съ асаулами полковыми малороссійскихъ городовыхъ полковъ, вознымъ опредѣляется чинъ и мѣсто первое по сотникѣ городовомъ передъ всѣми значковыми товарищами и сотенными старшинами.

9) Какъ для извѣстія обо всѣмъ вышеповелѣнномъ, такъ и, въ чемъ надлежитъ, ко исполненію, гетманъ приказывалъ разослать съ настоящаго универсала точныя копіи изъ полковыхъ канцелярій къ подкоморымъ и судамъ земскимъ, а также во всѣ сотенныя правленія и магистраты, гдѣ таковые есть, а чтобъ суду генеральному, яко главному надъ всѣми тѣми судами, извѣстно было, о томъ такой же универсалъ данъ съ предложеніемъ, чтобы судъ генеральный, если что изобрѣтетъ полезное въ пополненіе сего учрежденія въ согласіе правъ малороссійскихъ, представилъ о томъ къ гетману на разсмотрѣніе. О содержаніи универсала дано знать преосвященному митрополиту Кіевскому, епископамъ Черниговскому и Переяславскому

и архимандритамъ Кіево-Печерской Лавры и Межигорскому. Въ полковой генеральной канцеляріи оставленъ универсалъ за подписью гетмана [1]).

Универсалъ 19 ноября не обнималъ, конечно, всѣхъ частностей реформы, —и послѣ его изданія потребовались многочисленныя дополненія, разъясненія и т. д.,—тѣмъ не менѣе этотъ универсалъ сталъ краеугольнымъ камнемъ новаго судоустройства. Порядокъ созданный имъ, за немногими отступленіями и перемѣнами, держался въ краѣ вплоть до введенія въ немъ общерусскихъ судовъ. Какъ устраивались новые суды, какимъ измѣненіямъ подвергались судовые порядки въ теченіе своего 19 лѣтняго существованія, какъ относилось къ нимъ высшее правительство и мѣстное общество, — обо всемъ этомъ мы будемъ говорить впослѣдствіи. Теперь упомянемъ только, что между временемъ установленія новыхъ порядковъ—19 ноября 1763 г.,— и временемъ дѣйствительнаго открытія судовъ прошелъ не малый промежутокъ. Отсутствіе необходимыхъ средствъ и неизбѣжная канцелярщина значительно оттянули время дѣйствительнаго осуществленія универсала 19 ноября. Послѣ выборовъ требовалась гетманская аппробація выбранныхъ кандидатовъ, предшествуемая тщательной оцѣнкой ихъ способностей со стороны ближайшихъ совѣтниковъ ясновельможнаго. Такъ погарскіе и стародубскіе чины утверждены были въ январѣ 1764 г., 13 марта утверждены подкоморый и судьи Глуховскаго повѣта, 16 марта—Прилуцкаго, Иваницкаго, Миргородскаго и Остаповскаго, 7 апрѣля—Батуринскаго, Переяславскаго, Остерскаго, Козелецкаго и Золотоношскаго, 10—Роменскаго, Лубенскаго и Нѣжинскаго, 22 апрѣля—Зеньковскаго и Гадячскаго, 22 мая—Менскаго и Черниговскаго [2]). Затѣмъ новые урядники должны были самолично являться въ Глуховъ за полученіемъ универсаловъ на чины. Затѣмъ долгое время пришлось прождать присяжныхъ листовъ, заготовлявшихся въ генеральной канцеляріи. На подъисканіе помѣщеній и снабженіе новыхъ судовъ всѣмъ необходимымъ понадобилось тоже не мало времени. Ближайшій къ центру мѣстнаго управленія, Глуховскій земскій судъ открылся 26 мая 1864 г., Батуринскій 3 іюля, нѣкоторые начали свои засѣданія уже наканунѣ 1765 г., а Черниговскій и Менскій только 24 января и 11 марта 1765 г.

Но какъ ни запоздали на Украйнѣ съ открытіемъ новыхъ судовъ, все же они начали функціонировать раньше ихъ утвержденія со стороны центральной власти. Утвержденіе это послѣдовало только одновременно съ уничтоженіемъ гетманства. Тотъ же самый указъ 10 ноября 1764 г., коимъ гетманская власть замѣнялась властью коллегіи, принесъ въ Малороссію и вѣсть объ окончательной аппробаціи новыхъ судебныхъ порядковъ. Аппробація эта выражена въ слѣдующей, нѣсколько странной формѣ: „а какъ въ

1) Харьк. Ист. Арх. Дѣла Малор. Колл. № 3364.

2) Архивъ Малор. Коллегіи № 2646.

прошломъ 1763 г. по именному указу нашему учреждены въ Малой Россіи суды подкоморскіе и суды земскіе, въ каждомъ полку по 2, а въ Нѣжинскомъ три, въ которые и опредѣляются подкоморые, судьи и подсудки и писари выборомъ къ тому повсягодно, яко временные, то повелѣваемъ имъ, пока они въ такихъ званіяхъ будутъ, считаться за урядъ, а именно: подкоморымъ—первымъ по полковникѣ малороссійскомъ, судьямъ земскимъ—съ первостатейными бунчуковыми товарищами по старшинству, подсудкамъ—съ второстатейными и писарямъ земскимъ—противъ асауловъ полковыхъ, а вознымъ быть первымъ подъ сотникомъ малороссійскимъ" [1]).

Какъ видно, малороссійскія права все еще оставались для Петербурга тарабарской грамотой. Иначе чѣмъ объяснить упомянутое въ указѣ „повсягодное" избраніе земскихъ урядниковъ, должность коихъ по Статуту была должностью „доживотною"? Ошибку эту поняли, однако, въ Глуховѣ. Когда нѣкоторые чины, обезпокоенные перспективой повсягодныхъ выборовъ, обратились, куда слѣдуетъ, за разъясненіемъ монаршаго указа, глуховскіе правители благоразумно рѣшили отъ такихъ разъясненій „воздержаться" [2]). Какъ бы то ни было, монаршій указъ окончательно санкціонировалъ новый судебный порядокъ, державшійся затѣмъ на Украйнѣ вплоть до совершеннаго упраздненія послѣднихъ признаковъ ея былой автономіи.

Глава IV.

Повѣты и земскіе суды. Полтавскій з. судъ. Гадячскій з. судъ. Квартиры земскихъ судовъ. Матеріальная обстановка. Канцеляріи. Устройство подкоморскихъ судовъ.

Посмотримъ теперь, въ какія формы вылилось судоустройство нижнихъ инстанцій благодаря реформѣ 1763 г. Согласно универсалу 19 ноября, полковыя собранія владѣльцевъ должны были установить новое, судебное дѣленіе Малороссіи на повѣты. Повѣтомъ назывался округъ, состоящій изъ большаго или меньшаго числа сотенъ, подсудныхъ повѣтовому земскому суду, имѣвшему свое пребываніе въ повѣтовомъ городѣ. Такъ какъ по гетманскому универсалу одинъ земскій судъ долженъ былы непремѣнно находиться въ полковомъ городѣ, то всякій полковой городъ и являлся повѣтовымъ для ближайшихъ къ нему сотенъ. Сотни далекія отъ полковаго города составляли другой повѣтъ, средоточіемъ котораго являлся тотъ изъ сотенныхъ городовъ, въ которомъ пребывалъ второй земскій судъ. Такимъ образомъ, вся гетманщина раздѣлилась на 20 повѣтовъ. Въ Кіевскомъ полку первымъ повѣтовымъ городомъ былъ Козелецъ, такъ какъ Козелецъ служилъ средоточіемъ полковаго управленія, а вторымъ Остеръ. Черниговскій полкъ раздѣлился на повѣты Черниговскій и Менскій, Стародубовскій—на Старо-

[1]) Полн. Собр. зак. т. XVI, № 12277.
[2]) Арх. Мал. Колл. № 10515.

дубовскій и Погарскій. Нѣжинскій полкъ въ силу гетманскаго универсала раздѣленъ на три повѣта: Нѣжинскій, Глуховскій (сотни Глуховская, Кролевецкая, Коропская, Воронежская и Ямпольская) и Батуринскій (сотни Батуринская, Новомлинская, Шаповаловская, Борзенская, двѣ Бахмацкихъ, Конотопская и Поповская). Въ Переяславскомъ полку первымъ повѣтовымъ городомъ былъ Переяславъ, а вторымъ Золотоноша. Прилуцкіе владѣльцы раздѣляли свой полкъ на повѣты Прилуцкій и Иваницкій. Лубенскій полкъ заключалъ въ себѣ Лубенскій и Роменскій повѣты, Гадячскій раздѣлялся на повѣты Гадячскій и Зеньковскій, а Миргородскій—на Миргородскій и Остаповскій (сотенное мѣстечко Остапье). Одинъ только Полтавскій полкъ не подвергся дѣленію и составилъ одинъ повѣтъ Полтавскій. Вышло такъ вѣроятно отъ того, что передъ тѣмъ Полтавскій полкъ подвергся значительной урѣзкѣ, а въ 1764 г. еще болѣе сократился въ размѣрѣ, такъ что и дѣлить его на части стало не для чего [1]).

Таково было судебное дѣленіе, установленное на полковыхъ съѣздахъ. Видоизмѣнить его не было найдено нужнымъ, хотя и предлагались проекты въ этомъ родѣ. Такъ Менскій земскій судья Ломиковскій представилъ 24 сентября 1764 г. въ генеральную канцелярію заявленіе о томъ, что мѣстечко Мена не годится для помѣщенія въ немъ земскаго суда. По словамъ Ломиковскаго, Мена не можетъ быть признана центральнымъ пунктомъ для своего повѣта; лица, имѣющія дѣло до земскаго суда, испытываютъ при поѣздкахъ въ Мену затрудненіе по части харчей и попаса скота; зданіе сотеннаго правленія, гдѣ временно помѣстился земскій судъ, ветхо и ненадежно. Какъ на удобный пунктъ для пребыванія суда, Ломиковскій указывалъ на Сосницу: она и центральнѣе, и челобитчикамъ удобнѣе, и помѣщеніе тамъ новое. Кромѣ того, по мнѣнію Ломиковскаго, принятое собраніемъ дѣленіе Черниговскаго полка неправильно потому, что сотня Березинская отнесена къ Черниговскому повѣту, а Седневская—къ Менскому; между тѣмъ рѣка Сновь дѣлитъ черниговскій полкъ какъ разъ на двѣ равныя части, по 8 сотенъ въ каждой, а потому пребываніе земскаго суда въ Сосницѣ было бы вполнѣ удобнымъ, тѣмъ паче, что такое дѣленіе территоріи Черниговскаго полка существовало и въ старину. Не знаемъ, какое объясненіе на счетъ проекта Ломиковскаго дала Черниговская полковая канцелярія, къ которой обратилось по этому вопросу глуховское начальство, но Мена такъ и осталась повѣтовымъ городомъ [2]),

Въ повѣтовомъ городѣ имѣлъ, какъ мы сказали, мѣстопребываніе земскій

---

[1]) Арх. Мал. Колл. № 5115; тоже у Шафонскаго, стр. 95—96. У Васильчикова („Семейство Разумовскихъ". I, 312) при перечисленіи повѣтовъ упомянуты вмѣсто Менскаго—Млинскій, а вмѣсто Иваницкаго—Винницкій. Такихъ повѣтовъ вовсе не существовало и въ книгу Васильчикова попали они, очевидно, по ошибкѣ.

[2]) Архивъ Мал. Колл. № 7382.

судъ. Единственнымъ въ этомъ случаѣ исключеніемъ была Полтава. Судебная реформа почему то коснулась Полтавскаго полка только отчасти. Здѣсь былъ учрежденъ судъ подкоморскій, а суда земскаго не было до самаго 1773 г., такъ что и уголовныя, и гражданскія дѣла оставались по прежнему въ вѣдѣніи полковой канцеляріи. Только въ 1772 г. владѣльцы Полтавскаго полка надумались подать Румянцеву доношеніе, въ коемъ объясняли, что у нихъ „съ выборомъ земскихъ чиновъ по разнымъ причинамъ умедлено"; что хотя многія сотни Полтавскаго полка отошли подъ Новороссійскую губернію, но и въ оставшихся не мало владѣльцевъ, тяжбы которыхъ разрѣшаются полковой канцеляріей очень медленно, а бываетъ такъ, что полтавскія дѣла переносятся въ другіе земскіе суды и здѣсь, какъ не свои, рѣшаются тоже очень не скоро; полтавцы просили поэтому позволенія выбрать свой собственный земскій судъ. Румянцевъ согласился съ доводами просителей и ордеромъ отъ 1 декабря 1772 г. рекомендовалъ Малороссійской коллегіи учредить земскій судъ въ Полтавѣ, а 7 января 1773 г. состоялся коллежскій указъ, повелѣвавшій полтавскому подкоморому Кочубею собрать полтавскихъ владѣльцевъ и произвесть выборы земскихъ чиновниковъ [1]).

Въ Полтавѣ, какъ мы видѣли, съ открытіемъ земскаго суда „по разнымъ причинамъ было умедлено" цѣлыя 10 лѣтъ, а въ Гадячѣ хотя судъ и открылся, но не рѣшивъ ни одного дѣла, былъ вскорѣ закрытъ и Гадячскій повѣтъ оставался безъ повѣтоваго суда до самаго 1772 г. Причиною этому явились повидимому какіе то личные счеты земскихъ урядниковъ съ мѣстнымъ полковымъ начальствомъ. Вообще ни полковникъ, ни полковая старшина, какъ видно, не было расположены выпускать изъ своихъ рукъ доходныя челобитческія дѣла. Мы видѣли уже, что гадячское полковое начальство назначило выборы подкомораго только послѣ вторичнаго ордера генеральной канцеляріи; то же нерасположеніе проглядываетъ и въ отношеніяхъ гадячскаго начальства къ земскому суду. Земскій судъ здѣсь былъ учрежденъ въ 1764 г., но уже къ декабрю этого года между нимъ и полковой канцеляріей произошла крупная ссора и взаимныя другъ на друга жалобы въ коллегію: земскій судъ жаловался на полковую канцелярію за то, что она по прежнему разбираетъ земскія дѣла, а полковая канцелярія ссылалась на болѣзнь земскаго судьи Родзянко и въ свою очередь обвиняла земскій судъ въ присылкѣ промеморіи „съ прописаніемъ досадительныхъ терминовъ". Споръ былъ поконченъ указомъ коллегіи, повелѣвавшимъ полковой канцеляріи передать земскія дѣла въ земскій судъ [2]). Но уже 15 іюня 1765 г. полковая канцелярія рапортовала въ коллегію, что „земскій

[1]) Полтавск. Отдѣл. Харьк. Истор. Арх., св. 11, № 1429.

[2]) Арх. Мал. Колл. № 10170.

Гадячскій судья Ив. Родзянко съ опредѣленія его въ то званіе сказался больнымъ и потому въ отправленіе дѣлъ не вступалъ, а нынѣ хотя и здоровъ находится и бытіе его въ недавнемъ времени въ Гадячомъ недѣль зо двѣ продолжалъ, однако и теперь въ отправленіе должности не вступаетъ, а подсудокъ Навроцкій 26 мая умре", такъ что дѣла земскаго суда остаются безъ дѣйствія, а челобитчики безъ удовольствія [1]). Результатомъ репорта было назначеніе новыхъ выборовъ, которые и состоялись 19 августа. Но и на сей разъ было не лучше: выбранные кандидаты всѣ оказались изъ военно-служащихъ, а такихъ коллегія, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, выбирать на земскія должности не позволяла; кромѣ того, коллегіи, вѣроятно изъ донесеній Гадячскаго полковника, стало „не безъизвѣстно, что въ полку Гадячскомъ не излишне владѣльческихъ деревень, о коихъ иногда умножаются дѣла", въ виду чего коллегія и порѣшила, что за малоимѣніемъ дѣлъ на весь полкъ можетъ управиться одинъ Зеньковскій земскій судъ, а по тому (20 сентября 1765 г.) приказала оставить впредь до разсмотрѣнія въ Гадячскомъ полку одинъ Зеньковскій земскій судъ, въ который передать и всѣ дѣла Гадячскаго суда [2]).

Справедливость требуетъ, однако, добавить, что въ закрытіи Гадячскаго суда играли роль не одни только личные счеты, но и принципіальное, такъ сказать, недоразумѣніе, возникшее въ средѣ высшаго малорусскаго правительства со времени введенія въ его составъ великорусскихъ членовъ. Дѣло въ томъ, что въ это время недоумѣннымъ представлялся вопросъ: для кого открыты земскіе суды—для однихъ-ли владѣльцевъ-шляхтичей, или и для козаковъ? Хотя издавна козакъ и шляхтичъ судились въ гетманщинѣ однимъ и тѣмъ же судомъ и правомъ, хотя универсаломъ 19 ноября 1763 г. козацкія дѣла наравнѣ съ владѣльческими были подчинены вѣдѣнію земскихъ судовъ, но относительно правильности такого подчиненія въ коллегіи существовало сильное сомнѣніе. И самъ Румянцевъ, и великорусскіе чины коллегіи были совершенно незнакомы съ малорусской практикой. Они знали одно только право—договорные пункты да Литовскій Статутъ, причемъ даже относительно этого послѣдняго смущались, какъ можетъ Статутъ, писанный для великаго княженія Литовскаго, служить закономъ для лѣвобережной Украйны. Великорусскіе юристы, засѣдавшіе въ коллегіи, находили, что на точномъ основаніи Статута земскій судъ—судъ шляхетскій, а потому и подчиненіе его юрисдикціи козаковъ, которые, по договорнымъ грамотамъ, должны имѣть свой особенный судъ, считали нарушеніемъ малороссійскихъ правъ [3]).

---

[1]) Арх. Мал. Колл. № 11969.

[2]) Арх. Мал. Колл. № 7255.

[3]) Наказъ Мал. Колл. депутату Натальину, въ Сборн. И. Р. И. Общ., т. XLIII, стр. 218—219.

Недоразумѣніе это было разрѣшено только указомъ 20 декабря 1768 г., которымъ узаконено, что козацкія войска, яко поселяне, должны быть судимы во всѣхъ своихъ земскихъ дѣлахъ съ прочими малороссіянами по точной силѣ малороссійскихъ правъ и статутовъ. Вопросъ о Гадячскомъ судѣ былъ поднятъ за три года до изданія указа 20 декабря 1768 г., и неудивительно поэтому, что незначительное количество владѣльческихъ имѣній въ Гадячскомъ повѣтѣ могло показаться членамъ коллегіи вполнѣ убѣдительнымъ мотивомъ для закрытія земскаго суда въ Гадячѣ: нѣтъ шляхетства—не нуженъ и земскій судъ.

Но безсудной землей Гадячскій повѣтъ оставался не долго. Указъ 20 декабря 1768 г., разрѣшавшій сомнѣніе о подсудности козачьихъ дѣлъ, настежъ раскрылъ для гадячскихъ казаковъ двери Зеньковскаго земскаго суда, да и само зеньковское казачество не скупилось на тяжбы. Зеньковскій судъ оказался обремененнымъ „многодѣльствомъ". 14 февраля 1772 г. зеньковскіе земскіе урядники представили въ коллегію, что со времени указа 20 декабря 1768 г. количество казачьихъ дѣлъ въ земскомъ судѣ умножилось на столько, что судящіе не въ состояніи выполнить требованія 54 арт. 4 розд., повелѣвающаго удовольствовать стороны рѣшеніемъ не позже третьяго дня послѣ производства дѣла, а также арт. 18 того же розд., въ силу котораго всѣ вошедшія на роки дѣла должны быть рѣшены въ десять дней. „Того ради, просили зеньковскіе урядники: не повелѣно-ль будетъ въ облеченіе здѣшнему суду опредѣлить въ повѣтъ Гадячскій земскій судъ и въ оный выбрать судью, подсудка и писаря по силѣ правъ малороссійскихъ". Съ такою же точно просьбою обратились въ коллегію и гадячскіе владѣльцы, для которыхъ поѣздки въ Зеньковъ и тамошняя волокита были очень обременительны [1]). Обѣ просьбы отосланы были въ Яссы, гдѣ въ то время была квартира Румянцева, а оттуда 5 іюля того же года послѣдовалъ ордеръ, въ которомъ генералъ-губернаторъ заявлялъ о своемъ согласіи на возстановленіе земскаго суда въ Гадячѣ и рекомендовалъ коллегіи дать, куда слѣдуетъ, повелѣніе о выборѣ для этого суда судьи, подсудка и писаря [2]).

По второму пункту универсала 19 ноября 1763 г. полковымъ собраніямъ было поручено представить свои заключенія по вопросу о постройкѣ помѣщеній для новыхъ судовъ, какую сумму слѣдуетъ собрать для этого и откуда, какіе строить дома и гдѣ строить. И полковыя собранія не замедлили представить свои соображенія по этому вопросу. Переяславское шляхетство находило необходимымъ „выстроить дома въ Переяславѣ и Золотоношѣ о 4 покояхъ пространныхъ и по одной караульной избѣ да

---

1) Архивъ Мал. Колл. № 16823.

2) Архивъ Мал. Колл. № 15782.

при каждомъ судѣ на первый случай подъ крышу земляную по архивѣ изъ дубоваго лѣсу, полагая число денегъ съ покупкою и земли 900 руб., кои употреблять съ суммы общенародной, остаючойся отъ продовольствованія консистентовъ". Въ Нѣжинѣ рѣшено было устроить 4 покоя деревянныхъ внутри города Нѣжина на свободной землѣ и для охраненія дѣлъ каменную палату, а расходъ на это произвести изъ суммъ скарбу войсковаго. Батуринскій повѣтъ желалъ устроить свой судъ покомфортнѣе: па одной половинѣ дома предполагалось сдѣлать двѣ комнаты для подкомораго, а напротивъ двѣ для суда земскаго, затѣмъ контору со всѣми принадлежностями, въ которую изъ своихъ комнатъ сдѣланными дверьми подкоморный и судьи земскіе входить къ засѣданію имѣютъ, затѣмъ двѣ комнаты для служащихъ, да для архива каменный небольшой „гардиропъ"; вся эта постройка вмѣстѣ съ сундуками для храненія дѣлъ была оцѣнена въ 660 руб.; взять эту сумму предположено изъ денегъ, „кои особливымъ постановленіемъ учреждены", а отводъ мѣста для помѣщенія суда въ Батуринѣ, какъ въ мѣстечкѣ владѣльческомъ, предоставить на усмотрѣніе вышней команды. Въ Глуховѣ для суда предположено было купить внутри города мѣсто и на немъ построить домъ въ три избы съ сѣнями и чуланомъ, да для караульныхъ особую избу, а издержки на это покрыть остатками отъ консистентскихъ дачъ. Въ Черниговѣ новаго зданія для суда рѣшили не строить, а починить имѣющіеся при полковой канцеляріи каменные покои, для чего взять денегъ изъ скарбу войсковаго. Въ Менѣ на устройство помѣщеній въ 4 комнаты съ каменнымъ архивомъ и двумя „вежами" для колодниковъ опредѣлено было 1214 руб. 40 коп. изъ скарба войсковаго. Въ Козельцѣ и Острѣ при судахъ также рѣшено устроить „вежи земляныя и верховыя", а расходы въ суммѣ 1200 руб. произвести изъ остаточныхъ консистентскихъ денегъ. Прилуцкіе и иваницкіе владѣльцы для устройства своихъ судовъ требовали изъ скарбу 1000 руб., а лубенскіе и роменскіе великодушно жертвовали для этого деньги, имѣвшіяся въ долгу за главной Новороссійскаго корпуса канцеляріей за выстачанье въ Македонскій полкъ фуража и за продовольство гусаръ пищею и прочимъ. Въ Погарѣ предположено устроить на остатки отъ консистентскихъ денегъ домъ въ 4 покоя съ сѣньми, да для архивы небольшую каменицу, а въ Стародубѣ рѣшили взять подъ земскій судъ усадьбу, занимаемую магистратомъ, а магистратъ перегнать въ Гостинный домъ, стоящій за городомъ на самомъ базарномъ мѣстѣ [1]). Словомъ, вездѣ и всюду владѣльцы изъявили желаніе устроить суды какъ можно лучше съ однимъ лишь условіемъ,—чтобы это устройство ничего имъ не стоило: указывалось при этомъ или на войсковой скарбъ,

[1]) Архивъ Мал. Колл. № 3391.

или на такія суммы, про которыя съ увѣренностью можно было сказать: „пиши—пропало“.

Предположеніямъ полковыхъ собраній не суждено было, однако, осуществиться. Глуховское правительство, очевидно, собиралось учинить общее распоряженіе о постройкѣ судовыхъ домовъ, но такъ и не собралось. Новымъ судамъ пришлось устраиваться мѣстными средствами, какъ и гдѣ Богъ приведетъ. Оттого и квартирный вопросъ во все время существованія судовъ былъ однимъ изъ самыхъ больныхъ мѣстъ новаго судоустройства. Вотъ нѣсколько примѣровъ квартирныхъ мытарствъ земскихъ судовъ. На общемъ собраніи въ Черниговѣ было рѣшено, какъ мы видѣли, отвесть для земскаго суда каменныя избы въ томъ же дворѣ, въ которомъ помѣщалась полковая канцелярія. Но это помѣщеніе нуждалось въ починкѣ, между тѣмъ изъ генеральной канцеляріи денегъ для этого не выдавали, къ тому же наступила зима, и за ремонтъ, стало быть, приходилось-бы приняться только весною. А между тѣмъ члены земскаго суда вступили въ должность и потребовали отъ полковой канцеляріи отвода для суда пристойныхъ избъ съ конторою, караульнею и каменнымъ погребомъ для храненія дѣлъ. Полковая канцелярія отвѣтила, что о починкѣ отведеннаго земскому суду помѣщенія распоряженія еще не получено, но въ старомъ городѣ имѣется магистратъ, состоящій въ двухъ каменныхъ аппартаментахъ съ каменными погребами, въ немъ только въ нижнемъ этажѣ отправляются магистратскія дѣла, а верхъ пустуетъ, а такъ какъ магистратскія дѣла отправляются большею частью словесно, то и можно отдать нижній этажъ земскому суду, а магистратъ можетъ помѣститься на верху или въ другомъ своемъ деревянномъ домѣ. По надлежащемъ сношеніи съ Глуховомъ велѣно было Черниговскому городовому атаману произвести освидѣтельствованіе верхняго этажа магистратскаго дома, который оказался безъ печей, оконъ и лѣстницы. Пришлось помѣститься въ частномъ домѣ у мѣщанина Поддубика. Но и здѣсь не оказалось нужныхъ удобствъ. Въ виду новыхъ жалобъ земскаго суда, Малороссійская коллегія уже въ іюнѣ 1765 г. велѣла Черниговскому магистрату „въ квартеру для земскаго суда отвесть пристойной домъ, чтобъ утѣсненія и суду, и хозяину быть не могло, а въ магистратской избѣ починку стараться исправить, что и самому магистрату выгоднѣе будетъ, а ежели можно за починкою того магистрата вмѣститься въ томъ домѣ и магистрату, и суду земскому, то въ томъ оный магистратъ, во избѣжаніе отводу по мѣщанскимъ домамъ, для земскаго суда и отвесть въ тѣхъ избахъ съ согласія обоихъ сторонъ квартеру впредь до построенія для судовъ особыхъ избъ можетъ“ [1]). Магистратъ еще разъ попытался было отстоять свои хозяйскія права. Въ отвѣтномъ доношеніи онъ просилъ

[1]) Арх. Мал. Колл. №№ 3364 и 7275.

коллегію не отнимать у него верхняго этажа, а оставить земскій судъ по прежнему въ домѣ Поддубика. Указывалось при этомъ, что магистратъ построенъ на общественныя деньги; что верхній этажъ необходимъ ему для общихъ собраній мѣщанъ, для нѣкоторыхъ городскихъ клажъ и для храненія дѣлъ; на то, что уже все магистратское строеніе отнято подъ казенныя клажи „съ немалою для мѣщанства обѣдою": въ магистратскихъ погребахъ— денежная казна Сѣвской дивизіи и казенная смола, въ другихъ погребахъ при магистратѣ — денежная казна коменданта, магистратская деревянная изба и другая каменная—взяты подъ гарнизонную аммуницію. Коллегія, однако, не вняла всѣмъ этимъ жалобамъ и пенямъ, и новымъ указомъ приказала поступать по силѣ прежняго своего повелѣнія, „не дѣлая болѣе о семъ излишнихъ представленій" [1]).

Не лучше было и въ другихъ мѣстахъ. Менскому земскому суду пришлось помѣститься въ старой сотенной канцеляріи, вмѣстѣ съ сотеннымъ правленіемъ [2]). Въ Погарѣ подъ земскій судъ отдали помѣщеніе сотеннаго правленія, а сотенное правленіе перешло въ домъ, занимаемый до тѣхъ поръ магистратомъ [3]). Въ Прилукахъ домъ, отведенный магистратомъ для земскаго суда, былъ „непристойный", а зимою совсѣмъ никуда не годился [4]). При открытіи земскаго суда въ Батуринѣ тамошній сотникъ отвелъ для него квартиру въ незанятомъ домѣ значковаго тов. Вятковскаго, для судьи отвелъ квартиру въ домѣ вдовы козачки Навроцкой, подсудка помѣстилъ у козака Башуцкаго, а писарь безъ отводу занялъ квартиру въ домѣ вознаго. Хозяинъ дома, занятаго земскимъ судомъ, чтобы избавиться отъ незваннаго постояльца, зимою 1765 г. повыбивалъ въ немъ окна, а такъ какъ другой квартиры для суда отведено не было, то онъ поневолѣ перемѣстился въ квартиру судьи, гдѣ и оставался по іюнь 1767 г. За трехлѣтній періодъ своего существованія, судъ нѣсколько разъ обращался и въ ген. канцелярію, и въ Малороссійскую коллегію съ просьбою разрѣшить построить для помѣщенія суда собственный домъ, но отвѣта изъ Глухова не получалъ, а безъ этого батуринскіе владѣльцы не смѣли начать постройку. Наконецъ Новроцкая, хозяйка дома, въ которомъ помѣщалась квартира судьи и суда, пожаловалась на утѣсненіе Румянцеву. Тогда судъ перевели въ домъ цыгана Василія Мины, а затѣмъ черезъ возныхъ собрали шляхетство и порѣшили выстроить для суда собственный домъ, для чего и собрать съ владѣльцевъ Батуринскаго повѣта и козаковъ выборныхъ и подпомощниковъ 500 руб. Отъ вознагражденія вдовы Навроцкой за 3-лѣтнее занятіе ея дома судъ отказался, находя,

---

[1]) Архивъ Мал. Колл. № 7279.

[2]) Архивъ Мал. Колл. № 7382.

[3]) Архивъ Мал. Колл. № 3391.

[4]) Архивъ Мал. Колл. №№ 1453 и 10560.

что онъ ей ничѣмъ не мѣшалъ, да и право на квартиру имѣетъ онъ по 52 арт. 4 разд. Статута [1]). Иваницкій земскій судъ отправлялся въ разныхъ домахъ „съ невыгодою“; объ этомъ, и судъ и шляхетство представляли въ коллегію, а въ 1768 г. владѣльцы согласились даже собрать на устройство суда по 4 коп. съ хаты, но на представленіе объ этомъ никакого отвѣта отъ коллегіи не получили. Между тѣмъ квартира земскаго суда приходила въ обветшаніе, трубы развалились и отправлять въ немъ дѣла зимою стало невозможно. Тогда судъ обратился къ мѣстному коммиссару съ просьбой уступить для него часть коммиссарскаго правленія, но получилъ отказъ. Оставалось опять обратиться въ коллегію съ просьбою или о помѣщеніи суда въ коммиссарскомъ правленіи, или объ отпускѣ денегъ на постройку особаго дома, или, наконецъ, о дозволеніи построить домъ на счетъ владѣльцевъ. Но и на этотъ разъ судъ отъ коллегіи отвѣта не дождался. Наконецъ въ іюнѣ 1772 г. онъ дѣлаетъ новое представленіе въ коллегію съ объясненіемъ, что въ судѣ оказались „обветшаніе и пустошь и присутствіе имѣть въ немъ весьма невозможно, ибо кромѣ того, что подъ зимнее время никакимъ образомъ обогрѣть его за пустошію невозможно, но и нынѣшняго весенняго времени всѣ дѣла подъ время дождей вовся перемоченныя и оттого иныя и перегноенныя оказались, ибо во всемъ томъ строеніи такого мѣста, гдѣ бы ихъ можно отъ мочи дождевой сохранить, не сискуется“. На этотъ разъ коллегія смиловалась надъ судомъ и позволила выстроить для него собственный домъ на счетъ владѣльцевъ. 1 сентября 1772 г. въ судъ собрались шляхетство и разночинцы и порѣшили собрать по 4 коп. съ хаты и выстроить для суда деревянный домъ с 3 покояхъ и особо архиву деревянную дубовую и особую избу для караульныхъ, причемъ усадебное мѣсто купить у частнаго лица [2]).

Не въ лучшемъ положеніи находился и вопросъ о матеріальной обстановкѣ новыхъ судовъ. Какъ мы видѣли, универсалъ 19 ноября совсѣмъ не коснулся этой стороны дѣла, и новымъ земскимъ чиновникамъ на первыхъ же порахъ пришлось просить обо всемъ этомъ особыхъ разъясненій, а потому и генеральная канцелярія, и генеральный судъ скоро оказались заваленными всякаго рода требованіями по части снабженія земскихъ судовъ всѣмъ необходимымъ. Погарскій земскій судъ, какъ мы видѣли, былъ утвержденъ однимъ изъ первыхъ, а потому однимъ изъ первыхъ и обратился въ генеральную канцелярію съ запросомъ: откуда получать дрова, свѣчи, гдѣ взять книгу Статутъ, какую печать имѣть, откуда взять сундуки для храненія дѣлъ, бумагу, сургучъ и т. д. Кромѣ того, по мнѣнію суда, по характерамъ земскихъ судей потребно опредѣлить въ домы ихъ и особливо къ

[1]) Архивъ Мал. Колл. № 9658

[2]) Архивъ Мал. Колл. № 16624.

суду земскому для караулу козаковъ. Генер. канцелярія полагала, что на первый случай слѣдуетъ отпустить во всѣ земскіе суды по 20 рублей на покупку дровъ, свѣчей, бумаги, Статута и сундуковъ съ замками; что же касается печатей, то ихъ слѣдуетъ заказать на счетъ войсковаго скарбу: для земскихъ судовъ, находящихся въ полковыхъ городахъ,—такія же, какъ и полковыя печати, съ соотвѣтствующей, конечно, надписью, а для другихъ—съ гербомъ города, въ которомъ находится земскій судъ, по образцу сотенныхъ печатей; для караулу слѣдуетъ опредѣлить изъ состоящихъ при сотенныхъ и полковыхъ канцеляріяхъ козаковъ надежныхъ оружейныхъ по 4 человѣка съ перемѣною. Почти того же мнѣнія былъ и генеральный судъ, который въ виду запросовъ, поступившихъ отъ Стародубскаго, Погарскаго и Глуховскаго судовъ, представилъ гетману, что деньги на обзаведеніе земскихъ судовъ всѣмъ необходимымъ слѣдуетъ отпустить изъ скарбу; печать должна быть одинакова для всѣхъ земскихъ судовъ подъ гербомъ національнымъ, около котораго должно быть обозначено названіе повѣта; для караулу при всякомъ земскомъ судѣ слѣдуетъ быть 6 козакамъ подпомощникамъ, добрымъ и рослымъ, опредѣляемымъ отъ сотенныхъ командъ помѣсячно, изъ которыхъ одинъ долженъ находиться при канцеляріи, другой при архивѣ, а прочіе онымъ на перемѣну, а сверхъ того и для караула надъ арестантами; одинъ изъ караульныхъ долженъ быть за атамана для надзиранія за другими и рапортованія.

8 сентября 1764 г. на эти представленія воспослѣдовала гетманская резолюція: „поступать по силѣ правъ малороссійскихъ".

Въ виду крайней неопредѣленности распоряженія гетмана глуховскимъ правителямъ пришлось обратиться къ Статуту, но и въ Статутѣ они не нашли, чего было нужно. Въ 4 розд. Статута 6 арт. трактовалъ только о томъ, что пергаменъ, шнуръ и воскъ обязанъ покупать тотъ, чье будетъ дѣло. Въ 12 арт. говорилось, что печать для земскаго суда должна быть подъ гербомъ Великаго Княжества Литовскаго, печатать ею слѣдуетъ только позвы, а хранить ее долженъ земскій писарь. Въ 13 арт. указывалось, что воеводы и старосты должны позаботиться о надежномъ храненіи земскихъ дѣлъ и указать мѣста для постройки судовыхъ домовъ, а арт. 31 трактовалъ объ устройствѣ тюремъ и порученія надзора за ними людямъ добрымъ, вѣры достойнымъ, породы шляхетской. Такимъ образомъ, „права малороссійскія", на которыя ссылался гетманъ, рѣшительно не давали никакого отвѣта на жизненный вопросъ, откуда взять денегъ на покупку для судовъ мебели и прочаго обзаведенія. А между тѣмъ въ генеральную канцелярію съ каждымъ днемъ поступали о томъ же новые и новые запросы. За представленіемъ Глуховскаго суда послѣдовало представленіе

Нѣжинскаго, потомъ Батуринскаго, далѣе Роменскаго, Остерскаго, Козелецкаго, Лубенскаго и т. д., и т. д. При такихъ условіяхъ глуховскимъ правителямъ оставалось одно—отмалчиваться въ надеждѣ на сообразительность мѣстныхъ полковыхъ властей [1]). Съ ними-то и пришлось новымъ судамъ вести переговоры. Но и полковое начальство отдѣлывалось обыкновенно ссылкой на неполученіе повелѣній отъ вышней команды. Снова приходилось обращаться въ Глуховъ, и только тогда генеральная канцелярія дѣлала какое нибудь распоряженіе, чтобы только, какъ говорится, заткнуть ротъ докучливымъ вопрошателямъ, обѣщая со временемъ сдѣлать общее по сему предмету распоряженіе. Для иллюстраціи сказаннаго возьмемъ тотъ же Черниговскій земскій судъ, которому, какъ мы знаемъ, было такъ много хлопотъ съ квартирнымъ вопросомъ. Послѣ безплоднаго обращенія въ Глуховъ, черниговскіе земскіе урядники рѣшили прибѣгнуть къ мѣстному полковому начальству и просили его послать въ ген. канцелярію значковаго товарища или другаго надежнаго человѣка съ требованіемъ денегъ на первоначальное обзаведеніе и дать для караула при земскомъ судѣ 6 пѣшихъ козаковъ и 4 конныхъ при куренномъ атаманѣ. Не добившись и здѣсь никакого толку, земскій судъ снова представилъ въ генер. канцелярію просьбу объ отпускѣ ему 4 конныхъ козаковъ для посылокъ и 4 пѣшихъ для караулу, 4 руб. на покупку Статута да на прочіе расходы по первоначальному обзаведенію, а всего 72 р. 70 к. На сей разъ представленіе земскаго суда имѣло наконецъ успѣхъ. Въ Черниговъ былъ присланъ изъ ген. канцеляріи экземпляръ Статута, а полковому начальству было приказано отпустить въ земскій судъ дровъ, 6 дестей бумаги и 3 пачки сургучу и давать для караулу по 3 оружейныхъ козака. Въ Черниговѣ это приказаніе исполнили только весною 1765 г., причемъ вмѣсто 3 козаковъ прислали только 2, изъ которыхъ одинъ малолѣтній, а другой престарѣлый и оба безъ оружія [2]). Вообще въ дѣлѣ снабженія новыхъ судовъ необходимымъ все предоставлялось личнымъ силамъ самихъ земскихъ чиновниковъ. Въ Лубнахъ, напр., все обзаведеніе суда было обязано стараніямъ земскаго подсудка [3]). Глуховское начальство не позаботилось даже о снабженіи всѣхъ земскихъ судовъ однообразными редакціями Статута и печатями. Въ Ромнахъ напр., употреблялся Статутъ, „списанный нѣякимсь служникомъ сотеннаго правленія“, а позвы печатались печатью сотенной канцеляріи[4]). Если со стороны начальства и дѣлалась какая либо помощь на устройство и обзаведеніе судовъ, то только въ началѣ и притомъ случайно. Въ Глуховѣ собирались было

---

[1]) Арх. Мал. Колл. №№ 8497, 12151 и 3391.

[2]) Арх. Мал. Колл. №№ 3364 и 10560.

[3]) Арх. Мал. Колл. № 6413.

[4]) Арх. Мал. Колл. № 10527.

сдѣлать общее по сему предмету распоряженіе, да такъ и не собрались, а въ 1765 г. коллегія разослала по судамъ распоряженіе, въ коемъ указывалось, что суды имѣютъ право требовать отъ челобитчиковъ бумаги и прочихъ канцелярскихъ принадлежностей, а стало быть и содержать себя на доходы отъ дѣлъ, и послѣ этого всѣ представленія земскихъ судовъ объ ихъ матеріальныхъ нуждахъ признавала „затѣечными“ [1]). Въ результатѣ получалось то, что земскіе суды, въ большинствѣ, въ матеріальномъ отношеніи были устроены прескверно. Даже въ Глуховѣ, подъ бокомъ у центральнаго начальства, земскій судъ зимою 1781 г. три недѣли стоялъ нетопленнымъ [2]).

Точно такъ же индифферентно отнеслось глуховское начальство и къ дѣлу устройства канцелярій при земскихъ судахъ. 5 пун. 4 арт. 4 розд. Статута установлено: „писарь земскій канцеляриста одного или двухъ, или сколько ему надобно будетъ, можетъ имѣть, прилежно же того досматривая, чтобъ дѣла безволокитно, вѣрно, праведно тотчасъ въ книги были вписаны, а если-бы въ дѣлахъ каковая помилка черезъ нихъ учинилась, то шляхта не на тѣхъ канцеляристахъ, но на самомъ писару черезъ оное погрѣшеніе сдѣлавшихся убытковъ своихъ искать имѣетъ“ [3]). Въ 6 арт. того же розд. указаны доходы писаря и, между прочимъ, упомянуто, что пергаментъ, шнуръ и воскъ покупать слѣдуетъ тому, чье будетъ дѣло. Такимъ образомъ, по Статуту устройство и содержаніе канцелярій всецѣло возлагается на земскаго писаря и государство на содержаніе земскихъ канцеляристовъ, какъ и на все вообще содержаніе земскихъ судовъ, не несетъ никакихъ расходовъ. Но выработавшійся въ гетманщинѣ порядокъ ставилъ дѣло нѣсколько иначе. Канцеляристъ въ Малороссіи былъ не вольнонаемный писецъ, а настоящій чиновникъ, которому иногда поручались довольно важныя судебныя обязанности. При судахъ полагалось имѣть опредѣленное, выражаясь теперешнимъ языкомъ, штатное число канцеляристовъ. По генеральному опредѣленію 1745 г. въ полковыхъ канцеляріяхъ въ большихъ полкахъ полагалось имѣть по 16 человѣкъ штатныхъ канцеляристовъ, а въ малыхъ по 10, изъ нихъ половина назначалась къ дѣламъ собственно полковой канцеляріи, а другая—къ полковому суду. Помимо законныхъ доходовъ съ челобитчиковъ эти канцеляристы получали и опредѣленное жалованье изъ войсковаго скарбу [4]). Затѣмъ при канцеляріяхъ имѣлись и сверхштатные канцеляристы и подписки, служившіе въ ожиданіи штатнаго мѣста или уряда. Вполнѣ естественно поэтому, что и вопросъ о числѣ и содержаніи канцеляристовъ земскихъ судовъ, не

---

[1]) Арх. Мал. Колл. № 20640.

[2]) Арх. Мал. Колл. № 929.

[3]) Цитируемъ по выпискамъ изъ Статута генеральной канцеляріи въ дѣлѣ Архива Мал. Колл. № 3391.

[4]) Кіев. Стар. 1883, 6, стр. 381 и дѣло Арх. Мал. Колл. № 3364.

смотря на прямое указаніе закона, долженъ былъ непремѣнно возникнуть. И дѣйствительно новые суды не замедлили обратиться въ Глуховъ съ просьбами о присылкѣ канцеляристовъ и ихъ содержаніи. Вначалѣ глуховское начальство отнеслось было къ такимъ просьбамъ вполнѣ милостиво. Принимая въ соображеніе, что „сами опредѣленные писари земскіе никакого не имѣютъ на чины свои опредѣленія (т. е. жалованья или маетностей), такъ что собрать канцеляристовъ и содержать ихъ писарямъ не изъ чего", а также и то, что „канцеляристы полковыхъ канцелярій, за вынятьемъ въ суды земскіе изъ тѣхъ канцелярій множайшимъ числомъ дѣлъ, остаются излишни", генеральный судъ находилъ возможнымъ предоставить въ распоряженіе земскихъ судовъ половину канцеляристовъ полковыхъ концелярій, оставивъ имъ то же жалованье, какое они получали и раньше изъ скарбу войсковаго. Мнѣніе это было представлено гетману одновременно съ мнѣніемъ о снабженіи новыхъ судовъ необходимой обстановкой, такъ что извѣстная уже намъ лаконическая резолюція „поступать по силѣ правъ малороссійскихъ" касалась вмѣстѣ съ тѣмъ и вопроса о земскихъ канцеляріяхъ. Глуховское начальство замолчало, и земскимъ судамъ пришлось по прежнему имѣть дѣло съ мѣстными властями и по прежнему же терпѣть неудачи. Менскому земскому суду на просьбу о присылкѣ писцовъ изъ сотенныхъ правленій Черниговская полковая канцелярія отвѣтила, что при каждой сотнѣ полагается одинъ писецъ, который заваленъ работой и разными командираціями, а потому командировать кого нибудь изъ нихъ въ земскій судъ даже на время, до полученія резолюціи изъ генеральнаго суда, невозможно. Черниговскому земскому суду на ходатайство о присылкѣ 4 канцеляристовъ изъ полковой канцеляріи было отвѣчено, что канцеляристовъ не хватаетъ и въ самой канцеляріи: изъ 16 человѣкъ 6 находятся въ полковомъ судѣ для колодничьихъ дѣлъ, 10 въ полковой канцеляріи для военныхъ и другихъ дѣлъ, изъ нихъ 4 протоколиста; изъ этого числа два опредѣлены къ Черниговскому и Менскому подкоморымъ, три въ счетную коммиссію, два въ городницкую, одинъ—въ коммиссію исправленія мостовъ и гатей, такъ что командировать въ земскій судъ рѣшительно некого [1]). Впрочемъ, далеко не всѣ полковыя канцеляріи были такъ бѣдны наличными силами. Въ Нѣжинѣ, напр., въ декабрѣ 1764 г. при полковой канцеляріи состояло 15 канцеляристовъ и 14 подканцеляристовъ, да при полковомъ судѣ 10 канцеляристовъ и 4 подканцеляриста; сверхъ того при счетной коммиссіи имѣлось 2 канцеляриста и одинъ при дѣлахъ мостовой эспедиціи. Тѣмъ не менѣе и Нѣжинскому земскому суду было отказано въ просьбѣ [2]). Приходилось снова обращаться въ Глуховъ, и опять таки безъ успѣха. Черниговскій, напр., земскій судъ, послѣ безплоднаго

[1]) Архивъ Мал. Колл. № 3364.
[2]) Архивъ Мал. Колл. № 9076.

обращенія въ центральной власти и неудачныхъ переговоровъ съ мѣстнымъ начальствомъ, еще разъ рѣшился прибѣгнуть къ генеральной канцеляріи съ просьбой объ отпускѣ ему изъ полковой канцеляріи пяти канцеляристовъ и пяти писцовъ, но получилъ категорическій отвѣтъ, что касательно содержанія присутствующихъ земскій судъ долженъ поступать по точной силѣ малороссійскихъ правъ [1]). Оставалось, значитъ, заводить канцеляріи на счетъ доходовъ, поступающихъ по закону въ пользу земскихъ писарей. Такъ и дѣлали. Тѣмъ не менѣе вопросъ о содержаніи канцелярій долгое время занималъ земскіе суды и служилъ для нихъ удобной отговоркой при упрекахъ въ медленности дѣлопроизводства. Въ 1765 г. Черниговскій судъ, когда отъ него потребовали свѣдѣній о рѣшенныхъ и нерѣшенныхъ дѣлахъ, отказался доставлять такія свѣдѣнія, указывая, что въ земскомъ судѣ писцовъ способныхъ къ такой работѣ „не сискуется" [2]). Вопросъ о канцеляристахъ и вообще содержаніи новыхъ судовъ былъ генерально рѣшенъ коллегіей въ 1765 г. на точномъ основаніи Статута. Велѣно было бумагу и проч. канцелярскія принадлежности относить на счетъ челобитчиковъ, „каковымъ доходомъ не сумнительно и все содержаніе суда отправляться можетъ". Но и послѣ этого земскіе суды не переставали надѣяться на болѣе удобную для нихъ постановку дѣла и не пропускали случаевъ напоминать объ этомъ. Особенно, конечно, не нравился такой порядокъ земскимъ писарямъ, принужденнымъ удѣлять писцамъ и подпискамъ часть своихъ доходовъ. Въ своихъ представленіяхъ въ коллегію они постоянно жаловались на бѣдность челобитчиковъ, отъ которыхъ де не поступаетъ на канцелярію слѣдуемыхъ доходовъ, и просили казенныхъ окладовъ. Такъ, въ 1768 г. Иваницкій судъ жаловался, что вслѣдствіе бѣдности челобитчиковъ судъ нуждается во всемъ, такъ что теченіе дѣлъ происходитъ съ крайнею трудностію, канцелярскихъ служителей приходилось до сихъ поръ собирать единымъ обнадеживаніемъ о жалованіи ихъ опредѣленія, а содержать ихъ нужно было самимъ присутствующимъ, нынѣ же (сообщаютъ земскіе урядники) канцеляристы отъ суда земскаго отказались [3]). Подобныя же ламентаціи на отсутствіе казенныхъ окладовъ шли и отъ другихъ земскихъ судовъ, объяснявшихъ отсутствіемъ окладовъ „малой успѣхъ" въ теченіи судовыхъ дѣлъ [4]). Вышняя команда, впрочемъ, мало преклоняла ухо къ такимъ жалобамъ и, памятуя, что „въ силу правъ малороссійскихъ въ исправленіи дѣлъ земскаго суда слѣдуетъ быть одному писарю, коему по правамъ и денежный доходъ установленъ, съ коего дохода ему въ помощь себѣ писцовъ со-

[1]) Архивъ Мал. Колл. № 10560.
[2]) Архивъ Мал. Колл. № 16389.
[3]) Архивъ Мал. Колл. № 20640.
[4]) Архивъ Мал. Колл. № 929

держать вольно", признавала такія доношенія „затѣечными", а назойливымъ просителямъ дѣлала выговоры [1]). Нельзя не признать, что въ данномъ случаѣ коллегія поступала вполнѣ законно, что же касается жалостныхъ доношеній земскихъ судовъ о неимѣніи канцеляристовъ, то они врядъ ли правдоподобны. Имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи указанія свидѣтельствуютъ какъ разъ обратное: съ учрежденіемъ земскихъ судовъ оказался большой наплывъ желающихъ занять въ нихъ канцелярскія должности. Если вѣрить донесенію Черниговскаго писаря, въ Черниговскомъ гродскомъ судѣ въ 1765 году осталось всего 4 канцеляриста, всѣ же остальные устремились „къ съисканію способнѣйшихъ къ своему пропитанію мѣстъ" въ земскіе суды [2]). И это вполнѣ понятно: въ земскіе суды перешли самыя выгодныя для канцеляристовъ челобитческія дѣла, доходъ отъ колодничьихъ или, по новому, гродскихъ дѣлъ былъ совсѣмъ не великъ, и вполнѣ естественно поэтому, что бывшіе канцеляристы полковыхъ судовъ, особенно изъ тѣхъ, которые не состояли въ штатѣ, а кормились отъ дѣлъ, предпочитали доходныя должности по земству довольно тощему, хотя, можетъ быть, и болѣе почетному, положенію канцеляриста гродскаго суда. Не нужно забывать и того, что кромѣ бывшихъ канцеляристовъ подъ гостепріимный кровъ земскихъ судовъ бѣжала масса лицъ разнаго званія, умѣвшихъ владѣть перомъ: въ земскомъ судѣ ихъ соблазняли не только доходы, но и возможость укрыться отъ всякой другой службы. „Въ Менскомъ земскомъ судѣ, жаловался въ 1770 г. Менскій подкоморый: по челобитческимъ дѣламъ нахватано канцеляристовъ, подканцеляристовъ и писцовъ изъ козацкихъ, старшинскихъ и поповскихъ дѣтей, укрывающихся отъ службы, не имѣя предѣла въ штатѣ, со излишествомъ, на одну тяжесть челобитчикамъ" [3]). Изъ всего этого слѣдуетъ, что жалобы земскихъ судовъ на недостатокъ канцелярскаго персонала врядъ ли заслуживаютъ довѣрія. Какъ бы тамъ ни было, для насъ важенъ главнымъ образомъ тотъ фактъ, что земскимъ судамъ приходилось устраиваться и существовать на свой счетъ. Такое или иное состояніе земскаго суда объяснялось поэтому какъ количествомъ и доходностью земскихъ дѣлъ, такъ и щедростью земскаго писаря, отъ котораго вполнѣ зависѣло устроить свою канцелярію и всю вообще обстановку суда такъ или иначе. Какова была эта обстановка во всѣхъ 20 повѣтовыхъ судахъ Малороссіи, сказать не можемъ, но вотъ какую картинку вполнѣ благоустроеннаго земскаго суда рисуетъ въ своемъ доношеніи въ коллегію подсудокъ Роменскаго суда Лукьяновичъ: въ земскомъ Роменскомъ судѣ имѣется судебная изба съ камерой для канцеляріи и помѣще-

1) Арх. Мал. Кол. № 20640.
2) Арх. Мал. Кол. № 1642.
3) Арх. Мал. Кол. № 1788.

ніемъ для писцовъ. Въ присутствіи стоитъ столъ, покрытый краснымъ сукномъ, на столѣ зерцало, чернильница, песочница съ принадлежностями и колокольчикъ; въ канцеляріи ослоны для сидѣнья канцеляристовъ, столы, сундуки съ замками для храненія дѣлъ, книга протокольная, книга разнаго сознанья, книга для вписыванья позвовъ, книга выписей, книга крѣпостей и другихъ записей, книга правная Статутъ и печать урядовая. Подъ начальствомъ писаря состояли канцеляристы, раздѣленные на повытья по сотнямъ, подсуднымъ суду, у всякаго повытья повытчикъ съ писцомъ, а надъ ними для смотрѣнія и содержанія протокольной записи протоколистъ; въ распоряженіи этого послѣдняго находились 3 человѣка козаковъ, наряжаемыхъ полковымъ начальствомъ въ земскій судъ для караула.

Несравненно проще улаженъ былъ вопросъ объ устройствѣ покоморскихъ судовъ. Хотя владѣльцы въ иныхъ повѣтахъ и предполагали было при постройкѣ судовыхъ помѣщеній для земскихъ судовъ устроить особыя камеры для подкоморыхъ, но въ этомъ не представилось надобности. Дѣло въ томъ, что разборъ дѣла подкоморыми производился на самомъ спорномъ мѣстѣ, такъ что и въ особыхъ для нихъ присутствіяхъ нужды не было. Подкоморый жилъ обыкновенно въ своемъ имѣніи, куда и присылались къ нему дѣла изъ земскаго и гродскаго судовъ и хранились у него же впредь до рѣшенія, послѣ чего вновь отсылались въ тотъ судъ, изъ котораго поступили. Что же касается устройства канцелярій и прочаго, то и этотъ вопросъ былъ рѣшенъ для подкоморыхъ, не въ примѣръ земскимъ судамъ, вполнѣ благопріятно. Еще осенью 1763 г., ранѣе учрежденія земскихъ судовъ, подкоморый Прилуцкій Марковичъ, Стародубскій Ширай, Черниговскій Борковскій и Полтавскій Левенецъ подали доношеніе гетману, въ которомъ представляли, что имъ „для писанья позвовъ, записыванія явокъ, снятія съ крѣпостей копій, описи границъ съ копцами спорныхъ и всякаго имущества и для записыванія показанныхъ отъ сторонъ споровъ и рѣчей свидѣтелей и для дачи со всего того по рѣшеніямъ увязчихъ писемъ, тако-жъ и во время апелляцій до суда генеральнаго съ отпискою дѣлъ и при томъ надлежащихъ по тому дѣлу представленій и иныхъ разныхъ по получаемымъ отъ войсковаго генеральнаго суда отрапортованій и для содержанія протоколовъ и пр. необходимыя надобности должно имѣть писаря съ писцомъ, бумагу, сургучъ и потребное число для караулу при дѣлахъ и поѣздокъ съ повѣстками къ исковымъ сторонамъ, когда выѣзды на границы, пѣшихъ и конныхъ козаковъ“. Результатомъ этихъ представленій была милостивая резолюція его ясновельможности отъ 19 декабря того же 1763 г., которой и опредѣлился окончательно порядокъ устройства подкоморскихъ судовъ: „что надлежитъ до писарей для отправленія по судамъ подкоморскимъ случающихся дѣлъ, то яко въ полкахъ малорос-

сійскихъ при полковыхъ канцеляріяхъ и судахъ положено быть въ нѣкоторыхъ большихъ полкахъ по 16, а въ меньшихъ по 10 человѣкъ съ опредѣленнымъ имъ 20 руб. жалованьемъ, нынѣ же въ оныхъ полковыхъ судахъ за силу универсаловъ нашихъ одни гродскія дѣла отправляемы будутъ, а всѣ дѣла до земскихъ судовъ принадлежащія разосланы должны быть, слѣдовательно въ судахъ гродскихъ меньшимъ числомъ канцеляристовъ управиться можно, для того приказываемъ изъ канцеляристовъ полковыхъ или при судѣ полковомъ состоящахъ по одному надежному опредлить къ каждому подкоморому для отправленія при немъ касающихся до уряду подкоморскаго дѣлъ и, какъ тѣ подкоморскія расправы имѣютъ отправляться только въ лѣтнее время, для того оные опредѣленные къ подкоморымъ канцеляристы для писарской должности въ тое только время находиться при нихъ должны, когда отправленіе подкоморскихъ дѣлъ будетъ происходить, а прочее время тотъ же канцеляристъ долженъ будетъ находиться у дѣлъ гродскаго суда, то для того тѣ канцеляристы и денежное жалованье по учиненному генеральному окладу получать должны. Бумаги и сургучу подкоморые должны требовать за силу правъ малороссійскихъ отъ челобитчиковъ, съ которыхъ всякъ на свое дѣло и приносить долженъ. Для береженія дѣлъ, отправляемыхъ подкоморымъ, яковые будутъ содержаны въ собственныхъ домахъ ихъ же, подкоморыхъ, впредь до общаго о семъ разсмотрѣнія и учрежденія, опредѣлять изъ ближайшихъ мѣстъ по два человѣка козаковъ оружейныхъ, пѣшихъ, перемѣнно черезъ недѣлю“ [1]).

Такимъ образомъ подкоморые устроились очень удобно: жили они у себя въ имѣніяхъ, дѣлами занимались только лѣтомъ, когда для веденія переписки къ нимъ присылался изъ гродскаго суда канцеляристъ, содержаніе котораго подкоморому не стоило ни копѣйки, а для посылокъ и карауловъ имѣлось два оружейныхъ козака, которые и охраняли домъ подкомораго въ теченіи всего лѣта. Послѣдняя повинность была, впрочемъ, для караульщиковъ не такъ то легка, особенно если подкоморый жилъ не близко. Иваницкій, напр., подкоморый Горленко жилъ постоянно въ Прилукахъ, куда и приходилось тащиться каждую недѣлю двумъ очереднымъ козакамъ изъ сотенъ Иваницкаго повѣта [2]). Понятно, въ такихъ случаяхъ и караульная служба отправлялась далеко не всегда аккуратно. Тотъ же Иваницкій подкоморый жаловался, что козаковъ ему назначаютъ изъ далекихъ сотенъ, являются они неисправно, а иногда и совсѣмъ не являются, у оныхъ ни ружья, ни сабель и никакой исправности не бываетъ и въ такомъ гнусномъ одѣяніи, что имъ на караулѣ быть весьма не прилично [3]).

---

[1]) Арх. Мал. Колл. № 3391.
[2]) Арх. Мал. Колл. № 18547.
[3]) Арх. Мал. Колл. № 10557.

Какъ ни удобно и почетно было положеніе подкоморыхъ, но все же они не прочь были поднять престижъ своего суда еще выше. Нѣкоторымъ изъ нихъ хотѣлось создать при подкоморскомъ судѣ должность постояннаго писаря, такого же, какъ и въ земскомъ судѣ. Въ этомъ именно смыслѣ и было сдѣлано представленіе гетману Глуховскимъ подкоморымъ Кочубеемъ, доказывавшимъ, что практикующійся способъ посылки къ подкоморому на лѣтнее время канцеляристовъ изъ гродскаго суда неудобенъ; что бываютъ случаи, когда подкоморому приходится разбирать дѣла и зимою, напр. въ случаяхъ разграниченія топкихъ мѣстъ, и что поэтому при подкоморскомъ судѣ долженъ быть постоянный писарь, служебное положеніе котораго должно быть сравнено съ положеніемъ земскаго писаря; къ тому же и въ самомъ Статутѣ (розд. 1 арт. 16) имѣется указаніе, что при подкоморомъ долженъ быть настоящій писарь, а не канцеляристъ или писецъ. Хотя указаніе Статута, на которое ссылался Кочубей, было очень неопредѣленнымъ и допускало разныя толкованія, тѣмъ не менѣе генеральный судъ склонился на сторону Глуховскаго подкомораго и полагалъ возможнымъ учрежденіе должности постояннаго подкоморскаго писаря, сравнивъ его служебное положеніе съ положеніемъ коморника. Ходатайство, Кочубея, однако, успѣха не имѣло, и по резолюціи гетмана было повелѣно поступать по силѣ прежняго о семъ ордера [1]).

Претензіи подкоморыхъ, однако, не прекращались, а возложенная на гродскіе суды обязанность откомандировывать каждое лѣто къ подкоморымъ двухъ, а въ Нѣжинскомъ судѣ даже трехъ канцеляристовъ, какъ видно, была для нихъ очень стѣснительна. Къ тому же и сами подкоморые нерѣдко жаловались, что канцеляристы къ нимъ присылаются плохо знакомые съ дѣлопроизводствомъ. Въ такихъ случаяхъ гродскимъ судамъ приходилось прибѣгать иногда къ чрезвычайнымъ мѣрамъ. Такъ въ 1770 г. въ виду требованій Менскаго подкомораго о присылкѣ къ нему настоящаго писаря, знающаго права, Черниговскій гродскій судъ распорядился послать къ подкоморому казачьяго сына Мѣрнаго, служившаго архиваріусомъ въ Менскомъ земскомъ судѣ. До поступленія на службу Мѣрный былъ повѣреннымъ по дѣламъ, стало быть, дока въ указахъ и правахъ. Отъ командировки къ подкоморому Мѣрный, конечно, отказался. Тогда полковое начальство рѣшило забрать его силою и съ этою цѣлью послало къ нему на домъ казаковъ. Мѣрный, однако, нашелъ заступничество въ земскомъ судѣ, и между земскимъ судомъ и подкоморымъ возгорѣлась по этому поводу чернильная война. Дѣло дошло до коллегіи, которая и порѣшила, въ силу уже извѣстнаго намъ ордера Разумовскаго, откомандировать къ подкоморому кого либо изъ опытныхъ канцеляристовъ гродскаго суда

[1]) Арх. Мал. Колл. № 2646.

или полковой канцеляріи. Полковая канцелярія послала канцеляриста Нѣговскаго. Но подкоморый, какъ видно, рѣшилъ настоять на своемъ. Онъ отослалъ отъ себя Нѣговскаго и потребовалъ *выбраннаго и присяжнаго* писаря, ссылаясь на указъ генеральнаго суда отъ 28 іюля 1770 г., коимъ повелѣно давать челоботчикамъ копіи съ рѣшеній не за руками канцеляристовъ, а за подписомъ присяжнаго писаря. Полковая канцелярія ехидно отвѣтила, что указа о выборахъ и опредѣленіи въ Менскій подкоморскій судъ присяжнаго писаря она отъ коллегіи не получала, да и по правамъ малороссійскимъ розд. 4 арт. 1 и 37 установлено имѣть токмо присяжныхъ писарей судамъ земскому и гродскому, а подкоморскому суду имѣть не предписано, а по розд. 9 арт. 9 узаконено всѣ справы, позвы и выписи всякія самому подкоморому подписывать рукою своею. Переписка по этому дѣлу тянулась и дальше, пока наконецъ полковая канцелярія, чтобы какъ нибудь развязаться съ требовательнымъ подкоморымъ, не послала ему своего канцеляриста съ отпискою, что онъ выборный и присяжный, а что не приведенъ къ спеціальной присягѣ на должность подкоморскаго писаря, такъ это потому, что въ канцеляріи не имѣется даже формы такой присяги [1]).

Глава V.

Выборы. Право участія въ выборахъ. Безпорядки и злоупотребленія при выборахъ. Право на занятіе должностей по земству. Утвержденіе въ должности. Земскій судья, подсудокъ и писарь. Подкоморый и коморники. Составъ гродскихъ судовъ. Возные и ихъ ассистенція.

Согласно первымъ артикуламъ 4 и 9 роздѣловъ Статута, должности членовъ земскаго суда и подкоморыхъ были должностями выборными. Выборными они были и въ Малороссіи во все время существованія судоустройства, введеннаго универсаломъ 19 ноября 1763 г. Въ случаѣ смерти, перехода на другую должность или же совершеннаго увольненія отъ службы кого либо изъ указанныхъ чиновъ должность его замѣщалась однимъ изъ кандидатовъ, выбранныхъ владѣльцами даннаго повѣта. Выборы производились по особому всякій разъ распоряженію войсковой генеральной канцеляріи, а потомъ заступившей ея мѣсто Малороссійской коллегіи, которой соотвѣтствующій судъ долженъ былъ рапортовать объ открывшейся вакансіи. Въ первые годы существованія статутовыхъ судовъ обязанность назначать день выборовъ и созывать на нихъ владѣльцевъ лежала на полковой канцеляріи, какъ на гродскомъ судѣ, впослѣдствіи она поручалась предводителямъ шляхетства [2]). За четыре недѣли до дня, назначеннаго для выборовъ, генеральной и полковой старшинѣ, а также бунчуковымъ и войсковымъ товарищамъ, разсылались особыя именныя приглашенія, прочіе, менѣе чиновные владѣльцы извѣща-

[1]) Архивъ Мал. Колл. № 1788.

[2]) Архивъ Малор. Коллегіи № 3933.

лись о днѣ выборовъ общими повѣстками. Приглашеніе получали и женщины, владѣвшія имѣніями на территоріи даннаго повѣта; онѣ присылали въ собраніе своихъ повѣренныхъ. Въ случаѣ отсутствія изъ имѣній владѣльцевъ приглашались ихъ управляющіе. Несоблюденіе этихъ правилъ могло влечь за собой кассацію выборовъ. Такъ въ 1765 г. по случаю увольненія отъ должности роменскаго земскаго писаря, чины Роменскаго земскаго суда, получивъ приказъ коллегіи о назначеніи выборовъ, публикаціи о днѣ выборовъ не чинили, а собравшись сами вмѣстѣ съ своими благопріятелями въ земскомъ судѣ, выбрали на писарство сына земскаго судьи Мартоса, служившаго канцеляристомъ въ генеральномъ судѣ и въ то время бывшаго въ отпуску у отца. Молодой Мартосъ тотчасъ же, безъ доклада коллегіи, былъ допущенъ къ исправленію должности. Это постановленіе было опротестовано нѣсколькими владѣльцами Роменскаго повѣта, находившими выборы неправильными, потому что 1) не было сдѣлано публикаціи о днѣ выборовъ, 2) выборы происходили въ земскомъ, а не въ гродскомъ судѣ, 3) не былъ соблюденъ правный порядокъ относительно выбора 4 кандидатовъ и 4) не было сдѣлано соотвѣтствующаго представленія коллегіи о результатахъ выборовъ. Въ свое оправданіе роменскіе земскіе чины представили, что помимо молодаго Мартоса во всемъ Роменскомъ повѣтѣ лицъ, годныхъ къ избранію въ земскіе писари, не оказывается, а свои неправильныя дѣйствія извиняли тѣмъ, что въ ордерѣ коллегіи о производствѣ выборовъ на мѣсто писаря вовсе не было упомянуто ни о публикаціи, ни о необходимости произвесть выборы въ гродскомъ судѣ. Резоны земскихъ роменскихъ урядниковъ показались, однако, коллегіи не основательными и новымъ ея ордеромъ было приказано юнаго Мартоса выслать въ генеральный судъ, а на мѣсто уволеннаго писаря произвести выборы съ соблюденіемъ требуемыхъ закономъ правилъ [1]). Насколько мы знаемъ, самымъ несущественнымъ изъ этихъ правилъ было правило о выборѣ земскихъ чиновъ въ гродскомъ судѣ: впослѣдствіи, когда предсѣдательство въ выборахъ стало поручаться предводителямъ, выборы нерѣдко производились и въ земскихъ судахъ, и не считались незаконными [2]).

Принимать участіе въ выборахъ, по мнѣнію Глуховскаго собранія, имѣли право всѣ малороссійскіе чины, отъ бунчуковаго товарища до значковаго. Въ дѣйствительности избирательныя права распространялись и на лицъ, стоящихъ въ служебной іерархіи далеко ниже значковыхъ товарищей. Въ избирательныхъ собраніяхъ участвуютъ атаманы, сотенные писари, сотенная старшина [3]), такъ что изъ всего казачьяго сословія избиратель-

[1]) Архивъ Малор. Колл. № 6413.
[2]) Архивъ Малор. Колл. № 3933.
[3]) Архивъ Мал. Колл. № 24496.

наго права на практикѣ были лишены только рядовые выборные козаки и ихъ подпомощники. Право участвовать въ выборахъ, по Статуту, имѣлъ всякій осѣдлый на территоріи даннаго повѣта шляхтичъ, отъ высшихъ степеней до низшихъ, а такъ какъ шляхтичемъ почитался въ гетманщинѣ всякій козацкій урядникъ, какъ бы ни былъ малъ его рангъ, то и участіе этихъ мелкихъ чиновъ въ выборахъ признавалось совершенно законнымъ и никакихъ протестовъ не вызывало. Въ избирательныхъ собраніяхъ иногда принимали участіе даже лица, не имѣющія никакого отношенія къ земскимъ судамъ и не принадлежащія ни къ шляхтѣ, ни къ козацкому сословію: таковы представители отъ городскихъ магистратовъ, которымъ, какъ и козацкимъ урядникамъ, посылались иной разъ приглашенія на выборы. Избирательныя права признавались и за духовенствомъ: универсалъ 19 февраля имѣлъ въ виду одинаково какъ мірскихъ, такъ и „духовныхъ" владѣльцевъ. Впрочемъ, „духовные владѣльцы" рѣдко пользовались своими правами: обыкновенно на выборы являлись только представители отъ архіерейскихъ домовъ и монастырей, а изъ бѣлаго духовенства протопопы и намѣстники, но и то не всегда [1]). Со временемъ участіе въ выборахъ нижнихъ чиновъ духовенства — поповъ и діаконовъ стало вызывать протесты со стороны высшаго краеваго правительства—Малороссійской коллегіи. Такъ при выборахъ въ 1775 г. подкомораго въ Роменскій повѣтъ на мѣсто уволеннаго въ отставку Новицкаго на съѣздъ противъ обыкновенія почему то явилось очень много духовныхъ, не только простыхъ поповъ, но даже и дьяконовъ. Малороссійская коллегія признала выборы не правильными: „по 1 арт. 4 розд. Статута, разсуждала она, предписано собирать шляхетство къ выбору урядниковъ черезъ судъ гродскій только такимъ порядкомъ, какъ и при другихъ собраніяхъ, на сеймъ бываемыхъ, и какъ положено въ розд. 3 арт. 6, по которому на сеймъ съѣзжаться и бывать должны таковы особы: бискупы, воеводы, каштеляны и урядники земскіе, князья, владѣльцы и шляхта, слѣдственно тѣ отъ духовныхъ нижнихъ чиновъ голоса послѣдовали и приняты не въ согласіе правъ" [2]). Не смотря, однако, на такія разсужденія высшаго краеваго правительства, и монашествующее, и бѣлое духовенство, владѣвшее имѣніями, продолжало пользоваться избирательными правами, такъ что даже при введеніи положенія о губерніяхъ вопросъ о правѣ духовенства участвовать въ выборахъ былъ для Румянцева вопросомъ недоумѣннымъ, какъ это явствуетъ изъ его доклада государынѣ въ 1781 г. [3]).

Характеризуя малороссійскія избирательныя собранія начала текущаго

---

[1]) Архивъ Мал. Колл. № 13007.

[2]) Архивъ Мал. Колл. № 3932.

[3]) Кіевская Старина 1884 г., кн 12, стр. 693.

столѣтія, по возстановленіи при Павлѣ I статутовыхъ порядковъ, неизвѣстный авторъ „Замѣчаній, до Малой Россіи принадлежащихъ“, говоритъ: „тутъ происходятъ грубости, личныя ссоры, разныя въ приватныхъ своихъ дѣлахъ укоризны и такія неустройства и неблагопристойности, какія рѣдко и въ сельскихъ собраніяхъ бываютъ“. Почти то же самое приходится сказать и объ избирательныхъ собраніяхъ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Выборы подкоморыхъ и земскихъ урядниковъ рѣдко обходились безъ ссоръ, брани, криковъ и вообще нарушенія благопристойности, такъ что по окончаніи выборовъ Глуховское правительство заваливалось жалобами на неправильности и безпорядки во время избирательныхъ собраній. Въ виду этого съ 1767 г. присутствовать при выборахъ и удерживать въ порядкѣ шляхту было поручено предводителямъ, а гдѣ таковыхъ не оказывалось, —самимъ полковникамъ съ полковою старшиною. Въ указѣ коллегіи отъ 21 іюня 1767 г. читаемъ: „какъ Малороссійской коллегіи изъ представленій разныхъ мѣстъ..., къ сожалѣнію, вѣдомо учинилось, что при выборахъ земскихъ чиновъ несогласія однихъ съ другими разно на кандидатовъ происходятъ ссоры и другіе непристойные поступки, во отвращеніе которыхъ при выборѣ чиновъ земскихъ быть учрежденнымъ нынѣ предводителямъ, а гдѣ оныхъ нѣтъ, самимъ господамъ полковникамъ и старшинамъ, наблюдая высочайшіе указы, ни къ камимъ ссорамъ съѣхавшихся къ выбору чиновъ не допущать; ежели же гдѣ оказался-бъ кто-бъ при тѣхъ выборахъ въ ненаблюденіи сего и дѣлалъ каковыя либо непристойности съ шумомъ и крикомъ и противъ всего собранія, о такомъ тотчасъ представить въ коллегію для поступленія съ нимъ по строгости законовъ“ [1]).

Ссоры и безпорядки происходили не только изъ за несогласія при выборѣ кандидатовъ, но и по другимъ причинамъ. Всероссійская муштра эпохи преобразованія оказала свое вліяніе и на украинскихъ урядниковъ. Воспитываемая долгое время въ школѣ строгой субординаціи, подъ менторствомъ россійскаго генералитета и офицерства, малороссійская старшина твердо усвоила себѣ правило: „чинъ чина почитай“ и, по примѣру своихъ учителей, ревниво охраняла честь и достоинство своихъ служебныхъ ранговъ. „Чинъ чина почитай“ примѣнялось не только по службѣ и при „разныхъ оказіяхъ“, но въ дѣлахъ чисто партикулярнаго характера, въ родѣ привѣтствій, поздравленій съ праздникомъ и т. п. При выборахъ, собраніяхъ и тому подобныхъ случаяхъ это вело къ мѣстничеству. Мѣстничались между собой не только высшіе съ низшими, но и лица равныя по своему служебному положенію, но получившія утвержденіе на чины въ разное время. Обыкновенно дѣло не ограничивалось спорами изъ за мѣстъ и подписей въ самомъ собраніи, а переносилось въ Глуховъ, и глуховскому правительству прихо-

[1]) Архивъ Мал. Колл. № 3364.

дилось класть резолюціи по такимъ жалобамъ и издавать общія распоряженія. Иллюстраціей сказаннаго можетъ служить споръ изъ за первенства двухъ подкоморыхъ—Фридрикевича и Дунина-Борковскаго. „Подкоморымъ,—представляла гетману по этому дѣлу генеральная канцелярія,—въ данныхъ на ихъ чины универсалахъ повелѣно считаться первымъ по полковникѣ, но нѣкоторые, опредѣленные изъ бунчуковыхъ товарищей, состояли старѣйшими въ прежнемъ ихъ чинѣ, а при опредѣленіи ихъ въ чины подкоморскіе подписаны универсалы нѣкоторымъ одного числа, а прочимъ послѣ и потому нѣкоторые съ опредѣленія въ подкоморые считаютъ себѣ первенство противъ другихъ, какъ въ прежнемъ чинѣ бунчуковыхъ товарищей старѣйшіе были“. Канцелярія просила нарочитаго о семъ повелѣнія его ясновельможности, который и распорядился, „дабы между подкоморыми при засѣданіяхъ спора не было, считаться первенствомъ съ опредѣленія въ нынѣшніе подкоморскіе чины, яко они изъ прежнихъ своихъ чиновъ уже выбыли“ [1]).

Мѣстничались не только старшіе, но и маленькіе чины: войсковые товарищи, возные, сотники и т. д. „При случаѣ бываемыхъ о разныхъ дѣлахъ и выборахъ шляхетства собраній, доносилъ въ 1774 г. предводитель Нѣжинскаго и Батуринскаго повѣтовъ: происходятъ между чинами споры въ подписяхъ: сотники занимаютъ первое мѣсто надъ войсковыми товарищами, а они не хотятъ дать мѣста сотникамъ и наводятъ резонъ сей, какъ де они въ вѣдомствѣ собственно Малороссійской коллегіи, а сотники—подвластные полковымъ канцеляріямъ, слѣдственно имѣть должны первенство надъ сотниками, да и возные спорятъ несогласіемъ уступать мѣсто свое подъ сотникомъ войсковымъ товарищамъ, ибо де по Ея Императорскаго Величества объ учрежденіи въ Малой Россіи земскихъ и гродскихъ судовъ и о опредѣленіи въ оные чиновниковъ и кому съ оными имѣть равенство послѣдовавшей конфирмаціи велѣно вознымъ имѣть первое мѣсто по сотникамъ. По таковымъ происходимымъ спорамъ чинится болѣе иногда отъ несогласія въ подписяхъ въ совершеніи случающихся отъ общаго разсужденія дѣлъ и выборовъ остановка, а прочіе чины и отъ подписей отказываются, иные же, видно отъ избѣжанія такихъ споровъ или по собственной прихоти своей, по повѣсткамъ на сроки въ собраніе не являются и голосовъ не присылаютъ“. Вслѣдствіе этого не только происходила остановка въ необходимыхъ выборахъ, но часто выборы становились и совершенно невозможными, за неявкой избирателей. Въ предупрежденіе всѣхъ этихъ споровъ и непорядковъ Малороссійская коллегія приказывала предводителямъ, чтобы „при выборахъ поступано было по изданному о выборѣ отъ дворянъ депутата и предводителя обряду, въ коемъ, между прочимъ, по 12 пункту

[1]) Архивъ Мал. Колл. №№ 23688 и 2646.

предписано занимать мѣста не по преимуществу, но какъ кто прежде прибылъ и въ спискѣ отмѣченъ“ [1]).

Должности земскихъ чиновниковъ были не только должностями выгодными, но и почетными, особенно съ тѣхъ поръ какъ, съ легкой руки Румянцева, прекратилось прежнее „въ однихъ и тѣхъ же чинахъ коснѣніе“ и земскіе судьи стали превращаться въ коллежскихъ ассесоровъ, а подкоморые—въ полковниковъ. Неудивительно поэтому, что уряды по земству были предметомъ честолюбивыхъ вожделѣній и что для ихъ полученія пускались въ ходъ всевозможныя средства. Однимъ изъ такихъ средствъ было выпрашиваніе голосовъ. Лицо, имѣвшее притязаніе на должность по земству, объѣзжало сосѣдей, знакомыхъ и вообще владѣльцевъ даннаго повѣта, имѣющихъ право участія въ выборахъ, и просило ихъ подписаться на заранѣе заготовленномъ заявленіи объ ихъ желаніи избрать претендента на такую то должность, а затѣмъ это заявленіе подавалось при выборахъ. Дѣло велось иногда на столько наивно, что въ заявленіи, сдѣланномъ якобы владѣльцами на общемъ собраніи и съ общаго согласія, красовались рядомъ подписи лицъ, жившихъ въ разныхъ концахъ повѣта [2]). Иногда для полученія желаемаго большинства, особенно въ тѣхъ случаяхъ, если претендентъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ предсѣдателемъ избирательнаго собранія, на выборы приглашались даже такія лица, шляхетскія права которыхъ были сомнительны. Такъ, при упомянутомъ уже нами выборѣ подкомомораго въ Роменскій повѣтъ (въ 1775 г.) были приглашены духовныя особы „нижняго чина“. Въ Ромнахъ въ 1768 г. въ выборахъ участвовалъ козакъ Рымаренко. котораго и выбрали въ возные, между тѣмъ какъ всѣ его шляхетскія права основывались только на томъ, что онъ раньше, будто бы, служилъ канцеляристомъ въ сотенномъ правленіи [3]).

По 1 арт. 4 розд. выборы земскихъ чиновъ должны быть производимы наличными голосами собравшейся къ назначенному сроку шляхты, не ожидая опоздавшихъ. На практикѣ, однако, это не всегда исполнялось: принимались во вниманіе не только голоса присутствующихъ, но и отсутствующихъ владѣльцевъ, приславшихъ свои заявленія, отъ чего не рѣдко происходила путаница въ счетѣ голосовъ и жалобы. Не малое значеніе имѣло при этомъ и лицо, руководившее выборами. Такъ, при тѣхъ же выборахъ подкомораго въ Ромнахъ собравшіеся владѣльцы единогласно избрали первымъ кандидатомъ Іосифа Марковича. Предстояло избрать еще 3 кандидатовъ, но такъ какъ при избраніи ихъ произошло разногласіе, то руководившій выборами предводитель предложилъ баллотировать всѣхъ тѣхъ, за

---

[1]) Архивъ Малор. Колл. № 18492.

[2]) Архивъ Мал. Колл. № 3932.

[3]) Архивъ Малор. Коллегіи № 20639.

кого были поданы голоса присутствующими и отсутствующими владѣльцами. По баллотировкѣ избраннымъ оказался, конечно, тотъ же Марковичъ, но когда предводитель къ голосамъ присутствующихъ владѣльцевъ прибавилъ голоса отсутствующихъ, то кандидатомъ въ подкоморые попалъ уже не Марковичъ, а совсѣмъ другія лица. Предводитель оправдывалъ свое поведеніе заявленіемъ, что онъ поступилъ такъ, якобы, на основаніи печатнаго обряда о выборѣ депутатовъ. Коллегія, которой приносились въ такихъ случаяхъ жалобы, находила такого рода дѣйствія противными малороссійскимъ правамъ, повелѣвающимъ производить выборы согласно всѣмъ, не совѣтуясь прежде того объ оныхъ другъ съ другомъ, наличнымъ числомъ собравшагося шляхетства.

„На врады, яко на судъство, на подъсудъство и на писарство, гласитъ 2 артикулъ 4 розд. Статута: не маютъ быть выбираны духовные особы, а ни каштелянове, маръшалки и старостове судовые, а ни подкоморые, войскіе, а ни хоружіе дворъные и повѣтовые и нихто таковый, который бы инъшимъ врадникомъ земъскимъ былъ", а по 1 арт. того-же роздѣла выбранные кандидаты должны быть шляхтичами, людьми добрыми, побожными, цнотливыми, годными, въ правѣ умѣетными, мѣстными уроженцами и не ново, незмышленне осѣлыми въ данномъ повѣтѣ. Въ извѣстномъ уже намъ ордерѣ о выборѣ подкоморыхъ велѣно выбирать въ эти должности изъ бунчуковыхъ товарищей или первѣйшихъ полковыхъ старшинъ, а въ универсалѣ 19 ноября 1863 г. земскихъ урядниковъ приказано выбирать „изъ таковыхъ людей, какъ въ правахъ довольно изъяснено". Этими правилами обыкновенно и руководились при выборахъ. Въ подкоморые и земскіе судьи выбирались по большей части бунчуковые товарищи, въ подсудки и писари—второстепенные чины полковой іерархіи до сотниковъ включительно, а въ возные—сотенная старшина, значковые товарищи, канцеляристы земскихъ судовъ или сотенныхъ правленій, нерѣдко даже изъ простыхъ козаковъ, понаторѣвшихъ въ правахъ за канцелярскимъ столомъ. Выбирали не только присутствующихъ, но и отсутствующихъ, иногда даже безъ согласія выбираемыхъ. Если выбранному кандидату не нравился предлагаемый ему урядъ, то онъ тутъ же, въ собраніи, „приносилъ всенижайшее благодареніе за многочестніе выборы и опредѣленіе", и отказывался; если же его не было на лицо,—то выборные листы отсылались въ Глуховъ, и выбранный кандидатъ рисковалъ попасть нежданно-негаданно въ ту должность, занять которую не имѣлъ ни малѣйшаго желанія. Въ результатѣ получались недоразумѣнія и замедленія въ исправномъ теченіи судебныхъ дѣлъ. На всѣ эти непорядки обратила вниманіе Малороссійская коллегія почти тотчасъ же послѣ своего вступленія въ управленіе краемъ. Но главный непорядокъ, который особенно поражалъ коллегію, — это выборы въ земскія долж-

ности военно-служащихъ. Великорусскіе чины коллегіи трактовали козацкихъ урядниковъ, какъ лицъ обязанныхъ государству исключительно военной, а не какой либо иной службой. Съ ихъ точки зрѣнія, состоящій на службѣ козацкій урядникъ, а тѣмъ паче простой козакъ, столь же мало имѣлъ правъ на занятіе должностей по земству, какъ и армейскій офицеръ или солдатъ. Уничтожить установившійся порядокъ, въ виду особенныхъ условій жизни края, коллегія, конечно не могла, тѣмъ не менѣе она желала по крайней мѣрѣ пріурочить земскія должности къ тѣмъ чинамъ, которые не обязаны были постояною военною службою, а опредѣленіе на земскіе уряды дѣйствительно военно-служащихъ допускала только съ ихъ согласія послѣ увольненія изъ военной службы. „Входя въ разсужденіе, читаемъ въ указѣ коллегіи отъ 19 сентября 1765 г: что выборы въ земскія должности чинятся изъ военно-служащихъ полковыхъ старшинъ, яко то обозныхъ, асауловъ и хоружихъ, такожъ и сотниковъ, не желающихъ въ тѣ чины, а понеже оные земскіе чины должны быть выбраны по силѣ малороссійскихъ правъ изъ жительствующаго въ тѣхъ повѣтахъ шляхетства, того ради приказали: велѣть, въ случаѣ вакансіи земскихъ чиновъ, выбирать въ тѣ мѣста изъ бунчуковыхъ и войсковыхъ товарищей и уволенныхъ отъ полковой службы чиновниковъ, а которые дѣйствительно на службѣ находятся полковые старшины и прочіе чины, таковыхъ безъ желанія ихъ не выбирать, ибо изъ военно-служащихъ желающіе въ земскіе чины должны просить увольненія“ [1]). Таково было требованіе Глуховскаго правительства, но выполнялось оно плохо, не смотря на то, что коллегія тщательно слѣдила за выборами и не разъ подтверждала распоряженіе о невыборѣ военнослужащихъ. Не смотря на коллежскіе указы, военнослужащіе не только не отказывались отъ избранія въ земскія должности, но и допускали нерѣдко совмѣщеніе военнаго и судейскаго урядовъ. Въ томъ же 1765 г., въ которомъ состоялся вышеприведенный коллежскій указъ, въ Черниговѣ былъ выбранъ временнымъ земскимъ судьею бунчуковый товарищъ Каневскій, которому предъ тѣмъ назначена была командировка на форпосты [2]). Въ томъ же году въ Менѣ былъ выбранъ въ подсудки сотникъ, а затѣмъ полковой асаулъ Павловскій, раньше назначенный въ Засѣчскую команду для охраны границъ. Павловскій, продолжая считаться въ военной службѣ, занялъ урядъ подсудка и судилъ, а команда оставалась безъ командира [3]). Требованіе коллегіи о невыборѣ военно-служащихъ было требованіемъ невыполнимымъ. Въ то время въ Малороссіи еще не было другой шляхты, кромѣ военно-служащей, и замѣщать земскіе

---

1) Архивъ Мал. Колл. № 3364.

2) Архивъ Мал. Колл. № 26178.

3) Ibid

уряды лицами, „никакими должностями не обязанными", было невозможно. Никакими должностями не были обязаны только „абшитованные", но, во-первыхъ, такихъ было не много, а во-вторыхъ, это были старики, не годные ни къ какой службѣ. „Абшитованные" въ большинствѣ случаевъ сами отказывались отъ избранія, „за увольненіемъ отъ всѣхъ службъ", а если и принимали урядъ, то за медленность и неаккуратное веденіе дѣлъ получали нагоняи изъ Глухова, ибо, по свидѣтельству самой же коллегіи, „по дряхлости своихъ лѣтъ и по болѣзнямъ удалялись отъ дѣлъ" [1]). Что касается бунчуковыхъ и войсковыхъ товарищей, которыхъ коллегія рекомендовала выбирать въ земскія должности, то признать ихъ лицами „никакими должностями не обязанными" можно было только условно. Правда, ни тѣ, ни другіе не несли постоянныхъ обязанностей, но за то въ любое время могли быть назначаемы то для административныхъ порученій, то для военныхъ командировокъ. Бывали примѣры, что бунчуковый товарищъ выбирался въ земскій урядъ, но вмѣсто земскаго суда попадалъ на форпосты или въ другое мѣсто, смотря по тому, куда выходила ему командирація отъ вышней команды. „Не обязанные никакими должностями" бунчуковые товарищи отказывались иной разъ отъ земской службы не только по случаю командираціи, но и въ ожиданіи таковой. При выборахъ, напр., въ Стародубѣ въ 1769 г. бунчуковый товарущъ Корсакъ отказался отъ судейства, потому что „будучи употребляемъ отъ его сіятельства по секретной экспедиціи, ожидаетъ особыхъ повелѣній и безъ разрѣшенія принять дожности не смѣетъ" [2]). Въ виду всего сказаннаго, коллежскіе указы о невыборѣ военно-служащихъ оставались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, какъ объ этомъ свидѣтельствовалъ и самъ Румянцевъ въ извѣстномъ докладѣ 1781 г. По его словамъ, послѣ реформы 1763 г. „выборъ и опредѣленіе въ земскіе чины не могъ соотвѣтствовать Статутовому праву, по содержанію коего должны выбираемы быть въ тѣ чины шляхетство, никакими должностями не обязанное, а въ Малой Россіи по давнимъ обыкновеніямъ всѣ безъ изъятія находятся въ воинскихъ чинахъ и должностяхъ, слѣдовательно, изъ тѣхъ же служащихъ по способностямъ всегда выбирались и опредѣлялись въ чины земскіе" [3]). Вопросъ о томъ, кто въ Малороссіи имѣетъ право быть выбраннымъ въ земскую должность, даже наканунѣ введенія намѣстничествъ, когда на Украйнѣ развелось уже не мало отставныхъ прапорщиковъ и регистраторовъ и когда, повидимому, можно было свободно обойтись безъ военно-служащихъ, оставался вопросомъ не рѣшеннымъ.

---

[1]) Арх. Мал. Колл. № 3364.

[2]) Архивъ Мал. Кол. № 12759.

[3]) Кіевская Старина. 1884, кн. 12, стр. 693.

Мы уже упоминали, что при выборахъ на низшіе земскіе уряды подъ видомъ шляхты проскальзывали иногда и лица, не имѣющія шляхетскихъ правъ. Происходило это оттого, что на Украйнѣ, не смотря на вѣковой процессъ дифференціаціи, шляхетство, особенно въ низшихъ своихъ слояхъ, не успѣло еще окончательно отдѣлиться отъ козачества. Землевладѣльческія и вообще юридическія права козака и шляхтича были одни и тѣ же, разница между ними заключалась лишь въ томъ, что козакъ, по установившемуся къ концу гетманщины взгляду, не имѣлъ права на занятіе урядовъ. Конечно, между простымъ козакомъ и „высокоблагороднымъ" бунчуковымъ товарищемъ лежала цѣлая бездна, но между панкомъ, въ родѣ сотеннаго канцеляриста, и „пидпанкомъ" изъ разбогатѣвшихъ козаковъ — разницы совсѣмъ не чувствовалось. Не удивительно поэтому, что на ряду съ сотеннымъ канцеляристомъ въ члены избирательнаго собранія могъ попасть и „пидпанокъ", которому такимъ образомъ открывалась дорога къ низшимъ земскимъ урядамъ, въ родѣ возничества. Такой переходъ былъ особенно легокъ для лицъ, прикосновенныхъ къ администраціи или суду, какъ „писчики" сотенныхъ правленій, земскіе подканцеляристы и т. п. Что явленіе это было далеко не рѣдкимъ, свидѣтельствуетъ наказъ Малороссійской коллегіи, жаловавшейся, что въ Малороссіи, „вовсе въ противность арт. I розд. 4 Статута, выбираются въ земскіе уряды и изъ людей козачьей и поселянской породы" [1]). Дѣло, впрочемъ, не ограничивалось одними жалобами. 18 іюня 1768 г., можетъ быть подъ вліяніемъ ядовитаго возраженія Полетики [2]), появился коллежскій указъ, „коимъ повелѣно, чтобы въ земскіе уряды отнюдь изъ козаковъ никого не принимать, и которые въ возные и прочіе должности опредѣлены, отъ оныхъ уволить" [3]). Коллегія тщательно слѣдила за исполненіемъ своего указа, но добиться желаемаго все таки не могла. И послѣ 18 іюня 1768 г. на возническіе уряды продолжали попадать „люди козачьей породы" [4]), а такъ называемая „сторона", понятые при возномъ, и во все время существованія статутовыхъ судовъ продолжала комплектоваться, какъ увидимъ ниже, исключительно изъ козаковъ.

Согласно I арт. 4 розд. Статута, шляхетство обязано было выбрать на каждый вакантный урядъ четырехъ кандидатовъ. Протоколы избирательныхъ собраній, съ точнымъ обозначеніемъ числа полученныхъ каждымъ кандидатомъ голосовъ и за подписями и печатями избирателей, отправлялись на разсмотрѣніе Малороссійской коллегіи и генералъ-губернатора, ко-

---

1) Сборникъ И. Р. Истор. Общ., т. XLIII, стр. 218.

2) Наставленіе выбранному отъ Мал. Колл. депутату Натальину и возраженіе на оное Гр. Полетики, стр. 26—28.

3) Архивъ Мал. Колл. № 20639.

4) Ibid.

торымъ принадлежалъ окончательный выборъ. Особенное вниманіе при этомъ обращалось на то, чтобы въ протоколахъ избирательныхъ собраній имена кандидатовъ записывались въ порядкѣ, соотвѣтствующемъ количеству полученныхъ каждымъ голосовъ; неисполненіе этого правила и перечисленіе именъ кандидатовъ въ иномъ порядкѣ (по старшинству службы) давало поводъ къ жалобамъ [1]). Бывало и такъ, что сами кандидаты, въ добавокъ къ протоколамъ избирательныхъ собраній, посылали въ коллегію отъ своего имени прошенія съ присовокупленіемъ тѣхъ или иныхъ доказательствъ годности претендента занять привлекавшій его урядъ. При выборахъ, напр., подкомораго въ Роменскомъ повѣтѣ въ 1775 г. бунчуковый товарищъ Столповскій, выбранный первымъ кандидатомъ, представилъ отъ себя въ коллегію прошеніе съ присовокупленіемъ свидѣтельства генеральнаго суда о своей юридической опытности и рекомондаціи многихъ шляхтичей своего повѣта [2]). Иногда, въ видахъ болѣе успѣшнаго осуществленія своихъ ходатайствъ, кандидаты и сами являлись въ коллегію.

Чѣмъ руководилось Глуховское начальство при назначеніи того или инаго изъ выбранныхъ кандидатовъ? Если выборы были правильны, принималось въ разсчетъ число голосовъ, старшинство службы и „умѣетность въ правахъ". Это послѣднее качество особенно цѣнилось. Въ земскіе чины, особенно въ судьи и писари, коллегіею обыкновенно назначались лица, юридическія познанія которыхъ ей были извѣстны [3]). Въ тѣхъ случаяхъ, когда „умѣетность" кандидатовъ была сомнительной, ихъ подвергали экзамену. Такъ въ ноябрѣ 1765 г. двое изъ числа выбранныхъ на писарство въ Роменскомъ повѣтѣ кандидатовъ явились въ Глуховъ ходатайствовать о назначеніи на урядъ. Такъ какъ Малороссійской коллегіи потребно было вѣдать о искусствѣ ихъ къ тому чину, то оные кандидаты отправлены были въ генеральный судъ для экзамену. Кандидатамъ поручены были не малымъ числомъ разныя и не мало трудныя челобитческія и колодническія дѣла, которыя они какъ докладомъ, выписками приличныхъ къ тѣмъ дѣламъ правъ, такъ и къ сочиненію опредѣленій и рѣшительныхъ приговоровъ отправляли съ должнымъ разсмотрѣніемъ, прилежностью и въ правахъ малороссійскихъ искусствомъ. Въ виду такого отзыва, равно одобрительнаго для обоихъ, писаремъ былъ назначенъ старѣйшій по службѣ [4]).

Право окончательнаго утвержденія выбраннаго лица въ должности принадлежало генералъ-губернатору, по приказанію котораго коллегія вы-

---

1) Архивъ Мал. Колл. № 3932.

2) Ibid.

3) Распоряженія графа Румянцева по управленію Малороссіей, изд. Лазаревскимъ, стр. 3.

4) Архивъ Малор. Колл. № 7258.

давала новому уряднику патентъ на чинъ и дѣлала распоряженіе о приводѣ его къ присягѣ и допущеніи къ должности. Присяга происходила обыкновенно въ полковой канцеляріи, яко гродскомъ судѣ, въ присутствіи полковника и прочаго начальства. Присягали по особымъ на каждый чинъ присяжнымъ лицамъ, нарочно по приказу Разумовскаго изготовленнымъ въ 1764 г. генеральнымъ судомъ (переводъ съ польскаго изданія Статута). Присяжные листы хранились въ полковыхъ канцеляріяхъ. Такому порядку въ первые годы по введеніи реформы подчинялись всѣ земскіе чины, впослѣдствіи для возныхъ было сдѣлано исключеніе: утвержденіе ихъ въ должности производилось самимъ же земскимъ или гродскимъ судомъ, и только при разногласіи присутствующихъ дѣло рѣшалось коллегіею [1]).

Присутствіе земскаго суда составляли судья, подсудокъ и писарь. Уряды ихъ, какъ и всѣ вообще уряды въ Малороссіи, были „доживотными“: земскій урядникъ выбирался не на тотъ или другой срокъ, а впредь до „абшида“, смерти или перехода на другую должность. Это было совершенно согласно и со Статутомъ. Такой порядокъ держался на Украйнѣ въ теченіи всего времени существованія статутовыхъ судовъ. Правда, однажды возникъ было вопросъ о временномъ характерѣ урядовъ по земству, но дальнѣйшаго хода не получилъ. Вопросъ вызванъ былъ высочайшимъ указомъ 10 ноября 1764 г., въ которомъ должности земскихъ чиновъ были названы „временными“, замѣщаемыми по выбору „повсягодно“ [2]). Эти выраженія указа, объясняемыя малымъ знакомствомъ съ сущностью статутоваго судоустройства, вызвали было у служащихъ по земству тревогу и опасенія. Кое кто изъ земскихъ урядниковъ обратился въ Глуховъ за разъясненіями. Въ Глуховѣ, конечно, сообразили, въ чемъ дѣло, а такъ какъ давать какія либо объясненія по сему предмету было неловко то и рѣшили обойти щекотливый вопросъ молчаніемъ [3]). Тревога мало по малу улеглась сама собою.

Судья и подсудокъ разбирали дѣла и постановляли по нимъ рѣшенія, за которыя и были отвѣтственны передъ судомъ генеральнымъ. Въ случаяхъ, указанныхъ 40 и 95 артикулами 4 розд. Статута, сторона, недовольная рѣшеніемъ, могла звать судей „на очевистую рѣчь“, въ генеральный судъ, но отвѣчать по такому позву обязаны были только судья и подсудокъ, а не писарь, такъ какъ онъ не имѣлъ права вмѣшиваться въ судебныя рѣшенія. Земскій подсудокъ былъ чѣмъ то въ родѣ дореформеннаго засѣдателя. Во время отсутствія судьи подсудокъ не имѣлъ права „финально резольвовать дѣла“, но могъ посылать позвы и вести переписку съ ге-

[1]) Архивъ Малор. Колл. № 3933.
[2]) Кіевская Старина, 1883, кн. 7, стр. 739. и Полн. Собр. Зак. т. XVI, № 12277.
[3]) Архивъ Мал. Колл. № 10515.

неральнымъ судомъ и другими мѣстами [1]). Земскій писарь былъ докладчикомъ и исполнялъ, такъ сказать, секретарскія обязанности. На его плечахъ лежала вся канцелярская работа, за которую по Статуту онъ и являлся единственно-отвѣтственнымъ лицомъ. Подъ его начальствомъ находилась канцелярія, составъ которой вполнѣ зависѣлъ отъ его воли; отъ отъ него же зависѣло и распредѣленіе вознагражденія между канцеляристами. Положеніе его было весьма видное, особенно въ сравненіи съ писарями гродскихъ судовъ. Любопытной иллюстраціей этого положенія и того взгляда, какой имѣли земскіе писари на свой урядъ, является доношеніе, поданное въ генеральный судъ прилуцкимъ писаремъ Каневскимъ, въ которомъ онъ жалуется, что судья и подсудокъ прилуцкіе, а особливо судья Яковъ Величко, не токмо мѣста въ засѣданіи и подписѣ ему, Каневскому, не даютъ, но и требуютъ еще, чтобы онъ, по примѣру гродскихъ судовъ писаря, доклады чинилъ имъ стоя передъ ними. Посему онъ, Каневскій, отъ начатія суда земскаго Прилуцкаго будучи ими, судьею и подсудкомъ, отъ надлежащаго ему по силѣ правнаго велѣнія въ засѣданіи обще съ ними мѣста исключенъ, читать доклады стоя передъ ними находитъ не по чину его и съ крайнею его противъ прочихъ писарей земскихъ обидою и поруганіемъ" [2]).

Ни судья, ни подсудокъ, ни писарь опредѣленнаго жалованья изъ скарбу не получали; въ ихъ пользу шли доходы, установленные 5 и 6 артикулами 4 розд. Статута. Какъ велики были при этомъ расходы тяжущихся сторонъ, мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ возможности судить за отсутствіемъ данныхъ.

Что касается служебнаго положенія земскихъ урядниковъ, то оно опредѣлялось высочайшимъ указомъ 10 ноября 1764 г., по которому судьи земскіе были поставлены на равнѣ съ первостатейными бунчуковыми товарищами, считаясь съ ними по старшинству, подсудки — съ бунчуковыми второстатейными, а писари земскіе сравнены были съ полковыми асаулами, считаясь по старшинству. Благодаря обрусительнымъ мѣрамъ Румянцева, земскіе урядники стали получать табельные чины, и не рѣдко бывало, что по представленію „г. шефа" земскій судья или подсудокъ превращался въ коллежскаго ассессора [3]). Съ учрежденіемъ шляхетскихъ предводителей допускалось иногда совмѣщеніе этой послѣдней должности съ должностью земскаго судьи, хотя, можетъ быть, и не совсѣмъ согласно Статуту. И на

---

[1]) Архивъ Мал. Колл. № 6413.

[2]) Архивъ Малор. Коллегіи № 10539.

[3]) Распоряженія Румянцева по управленію Малороссіей, изд. Лазаревскимъ, стр. 12—13, „Книга о дворянахъ и старыхъ малороссійскихъ чинахъ", изъ рукописей библіотеки Харьковскаго университета.

судей, и на подсудковъ возлагались иногда порученія, не относящіяся къ ихъ судейскимъ обязанностямъ. Погарскій, напр., подсудокъ Лобисевичъ въ 1766 и 1767 гг. состоялъ депутатомъ въ коммиссіи для сочиненія малороссійскихъ правъ [1]).

Въ случаѣ отсутствія кого либо изъ членовъ земскаго суда, остальные земскіе чины вмѣстѣ съ случившимся въ то время въ судѣ шляхетствомъ выбирали на его мѣсто другаго, который и исправлялъ обязанности отсутствующаго члена въ теченіи всѣхъ данныхъ судовыхъ роковъ, пользуясь въ то же время и всѣми доходами по занимаемой должности. Въ первые годы существованія земскихъ судовъ такіе временные урядники исправляли свою должность безъ утвержденія коллегіи, но такъ какъ при этомъ случалось, что въ члены земскихъ судовъ, хотя бы и временно, выбирались лица, состоящія на дѣйствительной военной службѣ, а возможность замѣнить себя во всякое время временными урядниками давала земскимъ чинамъ полную свободу уклоняться отъ принятыхъ на себя обязанностей, то впослѣдствіи (въ іюлѣ 1767 г.) коллегія распорядилась, чтобы о всѣхъ такихъ временныхъ выборахъ земскіе суды немедленно же рапортовали въ Глуховъ [2]). Временные отпуски земскимъ урядникамъ, иногда довольно продолжительные—на цѣлый годъ, допускались не иначе, какъ съ разрѣшенія генералъ-губернатора, по приказу котораго коллегія дѣлала распоряженіе о производствѣ выборовъ временнаго замѣстителя [3]).

Къ составу подкоморскаго суда принадлежали подкоморый и коморникъ. Извѣстный уже намъ указъ 10 ноября о повсягодномъ выборѣ подкоморыхъ и земскихъ урядниковъ такъ же мало примѣнялся къ подкоморымъ и коморникамъ, какъ и къ членамъ земскихъ судовъ. Должности ихъ были безсмѣнными, „доживотными", какъ и уряды земскихъ судей. Впрочемъ, за время существованія подкоморскихъ судовъ мы знаемъ два случая, когда подкоморые были отрѣшены отъ должностей по указу сената. (Нѣжинскій и Батуринскій въ 1766 г.) [4]). Подкоморый и коморникъ, какъ и земскіе урядники, не получали жалованья, а пользовались узаконенными доходами отъ дѣлъ. Должности ихъ, въ виду небольшаго числа поступавшихъ къ нимъ дѣлъ, были не столько выгодны, какъ почетны, особенно подкомораго. Подкоморый считался первой особой послѣ полковника, впереди всей полковой старшины. Бывали случаи, когда ему поручалось исправленіе полковничьей должности. Такъ подкоморый Остерскій Маркевичъ въ 1770 г. за отсутствіемъ полковника правилъ Кіевскимъ полкомъ [5]). Не-

[1]) Арх. Мал. Колл. № 15300.

[2]) Архивъ Мал. Колл. № 16822.

[3]) Архивъ Мал. Колл. №№ 15283, 15414. Распоряж. Румянц., изд. Лазаревскимъ, стр. 9.

[4]) Архивъ Мал. Колл. № 20943.

[5]) Архивъ Малор. Колл. № 23104.

удивительно поэтому, что сами подкоморые высоко ставили свой рангъ и сильно оскорблялись малѣйшимъ къ нему неуваженіемъ. Лубенскій, напр., подкоморый очень оскорбился, когда полковая канцелярія въ 1772 году обратилась къ нему не съ „промеморіей", а съ указомъ, и хотя дѣло, по которому былъ присланъ указъ, не относилось къ его подкоморской должности, обратился съ жалобой въ коллегію [1]). При Румянцевѣ подкоморые стали производиться въ табельные штабъ-офицерскіе чины. Роменскій подкоморый Новицкій при отставкѣ попалъ даже въ полковники. Это еще болѣе возвышало рангъ подкомораго и дѣлало его предметомъ усиленныхъ домогательствъ первостатейнаго украинскаго шляхетства. Подкоморые нерѣдко бывали одновременно и предводителями повѣтоваго шляхетства. Такъ какъ судейскія занятія отнимали у подкоморыхъ очень мало времени, то на нихъ иногда возлагались и другія обязанности: ихъ дѣлали попечителями по принятію мѣръ противъ заразительныхъ болѣзней и т. п.

Коморникъ былъ помощникомъ подкомораго. Мы видали, что ни въ ордерѣ о выборѣ подкоморыхъ, ни въ универсалѣ 19 ноября 1763 г. о коморникахъ не было упомянуто ни слова. Только при предварительномъ совѣщаніи чиновъ, происходившемъ 10 октября, было высказано желаніе, чтобы коморниковъ было при каждомъ подкоморомъ по двое, а чинами считались бы они противъ асауловъ полковыхъ, но желаніе это было почему-то оставлено безъ вниманія. Вопросъ о коморникахъ возбудили уже сами подкоморые. Побудительной причиной къ этому послужила не столько настоятельная необходимость, сколько желаніе усилить престижъ своего ранга, а основаніемъ—10 арт. 9 розд. Статута, въ которомъ сказано: „дабы въ отправленіи всякихъ дѣлъ, до уряду подкоморскаго надлежащихъ, никакого промедленія и затрудненія не было, но къ скорѣйшему окончанію справедливость приходила, для того въ каждомъ повѣтѣ подкоморый ради помощи своей имѣетъ собрать едного или двухъ коморниковъ, шляхтичовъ въ повѣтѣ осѣдлыхъ, людей достойныхъ и права знающихъ, который на рокахъ судовыхъ предъ каштеляномъ или маршалкомъ и предъ урядомъ повѣтовымъ земскимъ и другими чинами, на рокъ призванными, имѣетъ присягу учинить такъ, какъ самъ подкоморый на урядъ свой подкоморскій; а всѣ таковые каморники имѣютъ быть отъ подкомораго за недосугомъ его самого посылаемы къ расправѣ и граниченью и другимъ дѣламъ, до уряду подкоморскаго надлежащимъ, за позвомъ самого подкомораго, только въ рѣчахъ малыхъ, не важныхъ, когда бы шло о влокѣ грунту или меньше, и въ томъ силу имѣютъ, какъ самъ подкоморый, и доходъ коморниковъ отъ границъ, копцовъ и межъ имѣетъ быть таковъ, какъ подкоморому, а въ большихъ дѣлахъ самъ подкоморый ѣздить и расправлять имѣетъ; а кто бы судомъ

[1]) Арх. Мал. Колл. № 6147.

коморника не былъ доволенъ, о томъ апелляція должна быть, какъ и на подкомораго, до суда главнаго“ [1]). Ссылаясь на этотъ артикулъ, подкоморые Марковичъ (Прилуцкій), Ширай (Стародубскій) и Дунинъ-Борковскій (Черниговскій) 10 ноября 1763 г., можетъ быть подъ вліяніемъ недавнихъ разсужденій въ совѣщательномъ собраніи 10 октября, сдѣлали представленіе о дозволеніи имъ выбрать коморниковъ изъ шляхетства по одному или по два въ каждомъ повѣтѣ, а также просили учинить безобидное распоряженіе, противу кого таковымъ чинамъ имѣть равенство, съ сихъ резоновъ, что оные коморники по ихъ чину не въ примѣръ писарямъ земскимъ долгомъ обязаны, потому что и присягу ту же должны выконать, что и подкоморые, да и въ случаѣ отъ которой либо стороны неудовольствія, на коморниковъ, какъ и на подкоморыхъ, жалоба подается въ главный судъ [2]). Результатомъ этого ходатайства былъ циркулярный ордеръ его ясновельможности отъ 19 декабря того же 1763 г., которымъ разрѣшалось подкоморымъ выбрать за силою малороссійскихъ правъ одного или двухъ коморниковъ на повѣтъ изъ людей такихъ, какъ въ тѣхъ же правахъ повелѣно, и за выборомъ и согласіемъ къ тому выбранныхъ представить о томъ для опредѣленія прямо къ гетману. Такимъ образомъ ходатайство подкоморыхъ было разрѣшено въ желательномъ для нихъ смыслѣ, но при этомъ обойденъ существенный для тогдашняго малороссійскаго шляхетства вопросъ о томъ, „противу кого таковымъ чинамъ имѣть равенство“. Это умолчаніе имѣло свои послѣдствія. Лѣтомъ 1764 г. Глуховскій подкоморый Кочубей донесъ генеральному суду, что хотя онъ и находитъ ко опредѣленію къ себѣ надежныхъ людей въ коморники между сотниками и войсковыми товарищами, однако не точію изъ тѣхъ чиновъ, но и изъ значковыхъ товарищей никто быть коморникомъ не похотѣлъ, отказуясь тѣмъ, что коморнику противу кого считаться, не показано, и значитъ ли тотъ урядъ каковъ чинъ,— неизвѣстно. По мнѣнію Кочубея, надлежало онымъ коморникамъ дать чинъ судіи полковаго, генеральный же судъ находилъ, что коморникамъ довольно будетъ считаться по старшинству съ возными, ибо де по 10 арт. 9 розд. Статута коморники имѣютъ быть избираемы и опредѣляемы отъ однихъ подкоморыхъ и исправлять дѣла, подкоморому принадлежащія, малыя и не важныя, объ одну влоку грунту, да и о поступкахъ ихъ судимы подкоморыми. Дѣло перешло на разсмотрѣніе гетмана, который согласился съ мнѣніемъ генеральнаго суда. Усмотрѣвъ, что въ Малой Россіи повѣты не велики, а слѣдовательно нѣкоторымъ подкоморымъ даже однимъ, безъ коморниковъ, управиться можно, гетманъ приказалъ опредѣлить во всякомъ повѣтѣ

---

[1]) Цитирую этотъ артикулъ по выпискамъ изъ Статута генеральной канцеляріи, имѣющимся въ дѣлѣ Мал. Колл. № 3391.

[2]) Архивъ Малор. Колл. № 3391.

по одному коморнику, а гдѣ опредѣлено уже по два, тамъ одного отставить, что же касается служебнаго положенія коморниковъ, то имъ слѣдуетъ быть въ равенствѣ съ возными, считаясь по старшинству [1]).

Такимъ образомъ претензіи подкоморыхъ не увѣнчались успѣхомъ, и урядъ коморника остался очень незначительнымъ урядомъ. Въ виду этого подкоморымъ приходилось выбирать себѣ помощниковъ изъ самыхъ низшихъ чиновъ украинскаго шляхетства,—изъ тѣхъ же, изъ которыхъ пополнялся и институтъ возныхъ. Охотниковъ на эту должность было немного: служебное положеніе коморника было одинаково съ положеніемъ вознаго, но доходы по этому уряду ни въ какомъ случаѣ не могли идти въ сравненіе съ доходами отъ возничества. Со времени извѣстнаго уже намъ указа коллегіи отъ 19 іюня 1768 г., запретившаго выбирать въ земскія должности козаковъ, число лицъ, которыхъ могъ прельщать коморницкій урядъ, еще болѣе сократилось, такъ какъ указъ лишалъ права выбора въ земскія должности всѣхъ значковыхъ товарищей. Коморницкій урядъ принимался на столько не охотно, что въ 1769 г., при замѣщеніи вакансіи коморника при Лубенскомъ подкоморомъ Максимовичѣ, коллегіи пришлось распорядиться, чтобы абшитованные чиновники, на которыхъ падетъ выборъ подкомораго, не отказывались отъ коморницкаго уряда. [2]). Не смотря на извѣстное уже намъ распоряженіе гетмана, чтобы при каждомъ подкоморомъ было по одному коморнику, число коморниковъ въ разныхъ повѣтахъ было не одинаково: въ Зеньковѣ, напр., въ Менѣ, Острѣ, Иваницѣ было по одному коморнику, а въ Погарѣ—два [3]). Положеніе коморника при подкоморомъ было совсѣмъ не то, что подсудка при земскомъ судьѣ: коморникъ не участвовалъ совмѣстно съ подкоморымъ въ разборѣ дѣлъ и не имѣлъ совѣщательнаго голоса; только иногда, за недосугомъ подкомораго, ему поручалось разсмотрѣніе земельныхъ споровъ, но и то самыхъ маловажныхъ. Если коморниковъ было при подкоморомъ двое, то они обыкновенно и посылались въ парѣ для проведенія межи между участками двухъ спорящихъ козаковъ или для разрѣшенія вопроса, кому принадлежитъ захваченная однимъ изъ тяжущихся „копыця" сѣна. Въ случаѣ „поблуженья" (ошибки) коморниковъ, исправлялъ его самъ подкоморый [4]). Должность коморника была не изъ доходныхъ, и потому они искали иногда себѣ постороннихъ заработковъ въ качествѣ писцовъ судовыхъ канцелярій. Исполнять обязанности своего уряда коморникамъ, вообще говоря, приходилось такъ рѣдко, что нужно только удивляться, затѣмъ былъ возстановленъ этотъ

---

[1]) Архивъ Мал. Колл. № 2646.

[2]) Архивъ Мал. Колл. № 23224.

[3]) Архивъ Мал. Колл. №№ 27322, 30085, 3941, 21191 и Шафонскій, 1, стр. 111.

[4]) Архивъ Мал. Колл. № 21191.

безполезный институтъ. Нѣкоторыя полковыя канцеляріи думали было воспользоваться вѣчнымъ досугомъ коморниковъ и употреблять ихъ, яко людей грамотныхъ и способныхъ, для разныхъ командирацій, но встрѣтили воспящевіе не только со стороны подкоморыхъ, но и самой коллегіи [1]).

Съ учрежденіемъ земскихъ и подкоморскихъ судовъ въ вѣдѣніи полковыхъ судовъ остались одни дѣла гродскія, но ни въ организаціи этихъ судовъ, ни въ ихъ внутреннемъ строѣ особыхъ перемѣнъ не произошло. Судъ гродскій остался тѣмъ же, чѣмъ былъ и судъ полковой, да такъ въ большинствѣ случаевъ и назывался по старой памяти. Предсѣдателемъ его былъ полковникъ, а членами гродскій судья и еще 2—3 человѣка изъ полковой старшины по назначенію полковника, дѣлопроизводствомъ, по прежнему, завѣдывалъ судовой писарь. Въ отношеніи выбора гродскихъ урядниковъ продолжали считаться руководящими началами постановленія „рѣшительныхъ пунктовъ“ 1728 г. На вакантный урядъ судьи или писаря выбиралось обыкновенно по 2—3 кандидата, а окончательный выборъ одного изъ нихъ дѣлался генералъ-губернаторомъ. Бывали, впрочемъ, случаи, когда вопреки рѣшительнымъ пунктамъ на вакансовый урядъ выбирали не двухъ или 3 кандидатовъ, а однаго. Такъ въ 1773 г. Черниговскій гродскій судъ выбралъ на писарство одного только кандидата—архиваріуса Фесуна, который и былъ утвержденъ Румянцевымъ. [2]). При окончательномъ рѣшеніи вопроса, кому изъ кандидатовъ отдать пальму первенства, имѣло не маловажное значеніе удостовѣреніе генеральнаго суда о юридической опытности того или другого кандидата. Выборный порядокъ, при которомъ старшинство по службѣ не играло никакой роли, а стало быть и вполнѣ возможно было долголѣтнее „въ однихъ и тѣхъ же чинахъ коснѣніе“, былъ, впрочемъ, не совсѣмъ согласенъ со взглядами Румянцева, воспитанными на табели о рангахъ. Своего рода табель о рангахъ пытался онъ ввести и въ выборы полковыхъ урядниковъ, изъ которыхъ составлялось присутствіе гродскаго суда. Въ ордерѣ отъ 12 января 1779 г. читаемъ: „изъ доходящихъ ко мнѣ представленій видя, что на открывшіяся въ малороссійскихъ полкахъ старшинъ полковыхъ и сотниковъ вакансовыя мѣста, минуя дѣйствительно при полку службу продолжающихъ и въ воздаяніе оной имѣющихъ право по старшинству получать повышеніе, выбираются ко опредѣленію разные чиновники и канцелярскіе служители, рекомендую коллегіи предписать во всѣ полковыя канцеляріи, дабы впредь на убылыя старшинъ полковыхъ и сотниковъ мѣста удостоенія вносимы были о таковыхъ, коимъ за безпорочную и усердную службу слѣдуетъ заступить оныя, а въ случаѣ встрѣтившихся противныхъ сему обстоятельствъ дѣлать во

[1]) Архивъ Мал. Колл. № 22684.

[2]) Арх. Мал. Колл. № 15286.

удостоеніяхъ объясненія" [1]). Впрочемъ, и ранѣе 1779 г. принципъ вольнаго избранія примѣнялся съ большими ограниченіями, ибо и въ то время старшинскія мѣста не рѣдко замѣщались исключительно по усмотрѣнію Глуховскаго начальства: не даромъ же еще въ 1767 г. коллегія въ своемъ проэктѣ реформы дѣйствовавшаго въ краѣ судоустройства предлагала оставить выборное начало только для замѣщенія должностей по земству.

Постоянными урядниками гродскаго суда, выбираемыми исключительно для гродскихъ дѣлъ, были судья и гродскій писарь. Ихъ служебное положеніе осталось такимъ же, какъ и до реформы, съ тою лишь разницею, что теперь гродскіе судьи стали нерѣдко получать табельные штабъ-офицерскіе чины [2]). Полковникъ былъ предсѣдателемъ гродскаго суда въ силу своего положенія, а остальные члены присутствовали въ судѣ по назначенію полковника. Обыкновенно это были полковые старшины, а въ случаѣ ихъ недостатка—сотники. Всѣ они при вступленіи въ должность обязаны были „выконать" присягу, какъ и гродскій судья, по формѣ, установленной для гродскихъ судей, а писарь гродскаго суда присягалъ по присяжному листу земскаго писаря. Если не хватало ни полковыхъ старшинъ, ни сотниковъ—а это бывало очень нерѣдко,—въ члены гродскаго суда попадали бунчуковые или войсковые товарищи, иногда по избранію суда, иногда по назначенію коллегіи. Вообще, составъ гродскаго суда былъ измѣнчивъ и не постояненъ. Въ Черниговѣ, напр., согласно 5 пункту универсала 19 ноября, полковникъ Милорадовичъ опредѣлилъ къ присутствію въ гродскомъ судѣ, кромѣ судьи Сенюты, обозного Сахновскаго и полковаго писаря. Но черезъ нѣсколько времени Сенюта и Сахновскій были уволены Румянцевымъ за старостью, и въ гродскомъ судѣ остался одинъ полковой писарь. Однако скоро и онъ попросилъ увольненія отъ гродскихъ дѣлъ, ссылаясь на многосложныя обязанности по полковой канцеляріи. Такъ какъ остальныхъ полковыхъ старшинъ по случаю разныхъ раскомандированій на лицо не было, то Милорадовичъ назначилъ въ гродскій судъ трехъ сотниковъ. Но и этимъ нужно было находиться „при командѣ". Тогда Милорадовичъ обратился въ коллегію съ просьбой о назначеніи къ гродскимъ дѣламъ кого либо изъ бунчуковыхъ или войсковыхъ товарищей, двухъ человѣкъ, впредь до опредѣленія на должности асаула и судьи новыхъ урядниковъ, и по его просьбѣ коллегія назначила въ гродскій судъ бунчуковыхъ товарищей, Вас. Булавина и Ив. Стаховича, владѣльцевъ Черниговскаго полка. Но уже черезъ 2 мѣсяца послѣ своего назначенія Стаховичъ подалъ заявленіе, что онъ опредѣленъ скарбовой канцеляріей для осмотра мостовъ и гатей, послѣ чего обязанъ явиться въ Глуховъ для отчета, а потому и присутствовать

---

[1]) Распоряженія Румянцева по управленію Малороссіей, изд. Лазаревскимъ, стр. 4.

[2]) Ibid., стр. 56.

въ гродскомъ судѣ не можетъ. Тогда коллегія предписала присутствующимъ въ гродскомъ судѣ на мѣсто Стаховича выбрать изъ бунчуковыхъ или войсковыхъ товарищей, въ полку Черниговскомъ жительствующихъ, ничѣмъ не занятыхъ, одного права знающаго человѣка, котораго явки въ судъ гродскій требовать, а когда явится, привесть къ присягѣ и допустить къ присутствію. Выбранъ былъ бунчук. товарищъ Іосифъ Рашевскій, но не на долго: черезъ мѣсяцъ онъ купно съ Булавинымъ просилъ увольненія и по распоряженію коллегіи къ гродскимъ дѣламъ были опредѣлены бунчук. товар. Григорій Лизогубъ и войсковой товарищъ Бакуринскій. Прошло 6 мѣсяцевъ, и вотъ въ апрѣлѣ 1769 года мы видимъ вновь въ гродскомъ судѣ старика Сенюту и полковаго писаря. Но Сенюта и на этотъ разъ пробылъ не долго и былъ замѣненъ бунчук. тов. Мокріевичемъ, а черезъ полтора мѣсяца коллегіи вновь пришлось дѣлать распоряженіе, чтобы въ Черниговскомъ гродскомъ судѣ присутствовалъ полковой хоружій Петрашкевичъ съ прочими тамошними полковыми старшинами, „якожъ гродскія и полковія дѣла отправляются не сторонно, но въ одной полковой канцеляріи“ [1]).

Такова исторія перемѣнъ въ личномъ составѣ Чериговскаго гродскаго суда за первыя пять лѣтъ послѣ реформы. Не лучше было и въ послѣдующее время. Гродскія и полковыя дѣла дѣйствительно „отправлялись не сторонно, но въ одной полковой канцеляріи“, и въ составъ присутствія гродскаго суда попадали тѣ изъ полковыхъ старшинъ, кто въ данный моментъ былъ свободенъ отъ прямыхъ обязанностей. Передъ нами „Книга для записи рѣшеній суда гродскаго Черниговскаго по челобитческимъ дѣламъ и мнѣній по колодничьимъ“ за 1777, и вотъ что мы въ ней находимъ: 8 февраля въ судѣ гродскомъ присутствуютъ полковой писарь Рашевскій, полковой асаулъ Бакуринскій и войсковой товарищъ Ѳедоръ Якубинскій; 31 марта въ гродскомъ судѣ засѣдаютъ судья и полковой писарь; 30 апрѣля дѣла разбираютъ полковникъ Милорадовичъ, судья и полковой писарь, 27 мая—полковникъ, судья и хоружій, а 27 іюня только судья и хоружій и т. п. [2]).

Все это происходило потому, что реформа 1763 г. въ отношеніи гродскихъ судовъ не была доведена до конца. Старому полковому суду была дана только новая кличка, но само правосудіе оставлено по прежнему въ рукахъ военныхъ „командировъ“, занятыхъ къ тому же и дѣлами чисто административнаго характера. Отъ военныхъ и административныхъ командирацій не были свободны даже тѣ члены суда, которые, повидимому, только и избирались для гродскихъ дѣлъ. Писарь гродскаго Гадячскаго суда въ январѣ 1773 г. не былъ въ присутствіи 5 дней за отъѣздомъ для осмотра кордоновъ и соляныхъ вѣсовъ въ м. Опошнѣ. Въ этомъ же мѣсяцѣ гродскій судья по

---

[1]) Архивъ Мал. Колл. № 3364.

[2]) Архивъ Малор. Коллегіи № 20107.

случаю командираціи совсѣмъ не являлся въ судъ и засѣдали только обозный да писарь. Въ мартѣ судья не былъ въ присутствіи 4 дня за объѣздомъ для осмотру карауловъ, а обозный три дня по той же причинѣ. Въ теченіи апрѣля и мая въ судѣ сидѣли только судья да писарь, ибо обозный ѣздилъ въ первую армію, но и судья долженъ былъ пропустить недѣлю за отъѣздомъ для осмотра отправляемыхъ во вторую армію воловъ съ фуражемъ и погонщиковъ и т. д. и т. д. [1]).

Низшими агентами правосудія при земскихъ, гродскихъ и подкоморскихъ судахъ были возные. Обыкновенно бывало такъ, что на каждую сотню приходился свой возный, который и жилъ въ этой сотнѣ, исполняя порученія судовъ по своему району. Кромѣ этихъ, при земскихъ и гродскихъ судахъ было по одному или по нѣсколько возныхъ (при Нѣжинскомъ, напр., гродскомъ судѣ ихъ было трое) [2]). Собственно говоря, возные должны были состоять, такъ сказать, въ общемъ пользованіи всѣхъ трехъ судовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и суда генеральнаго, но на практикѣ бывало такъ, что у каждаго суда были свои возные, на которыхъ и возлагались порученія того суда, при которомъ они состояли. [3]). Дѣло доходило до того, что сотенные возные, считая себя подвѣдомственными одному только земскому суду, совсѣмъ отказызались исполнять распоряженія другихъ судовъ. Такъ было, напр., въ Батуринскомъ повѣтѣ въ 1768, когда тамошніе возные отказались исполнять порученія Нѣжинскаго гродскаго суда и даже нашли было себѣ поддержку въ членахъ земскаго суда. Гродскому суду пришлось обращатся по этому поводу въ коллегію, и только та заставила сотенныхъ возныхъ въ точности исполнять 9 арт. 4 розд. Что касается покоморскихъ судовъ, то въ отношеніи ихъ обязанности возныхъ были опредѣлены извѣстнымъ уже намъ циркуляромъ отъ 19 декабря 1763 г. „Случающіеся по судамъ подкоморскимъ посылки съ позвами къ исковымъ сторонамъ и съ другими дѣлами, сказано въ 3 пунктѣ этого циркуляра: отправляемы должны быть черезъ имѣющихъ быть для сего во всякой сотнѣ возныхъ, которые возные тѣ посылки по званію своему исправлять какъ по земскому и гродскому, такъ и по подкоморскому судамъ имѣютъ, и для того вамъ (подкоморымъ) по своему уряду въ подлежащія урядовыя посылки тѣхъ возныхъ употреблять.“ [4]) Тѣмъ не менѣе и подкоморые считали необходимымъ имѣть своихъ собственныхъ возныхъ, [5]) которые назначались для нихъ земскими судами и употреблялись исключительно для подкоморскихъ дѣлъ, не смотря на то,что здѣсь ихъ урядовыя посылки

[1]) Арх. Мал. Колл. № 27993.

[2]) Архивъ Мал. Колл. № 24767.

[3]) Арх. Мал. Колл. № 16630.

[4]) Арх. Мал. Колл. № 3391.

[5]) Арх. Мал. Колл. №№ 16330 и 15307.

ограничивались почти исключительно врученіемъ позвовъ, такъ какъ приведеніе рѣшенія подкомораго въ исполненіе лежало на обязанности того суда, изъ котораго дѣло поступало къ подкоморому.

„Справа и урядъ“ возныхъ опредѣлялись 9 артикуломъ 4 розд. Статута, по которому возный обязанъ былъ: доставлять позвы и всякіе вообще документы отъ суда, производить взысканія и увязывать въ имѣнія (вводъ во владѣніе), приводить къ присягѣ, выкликать стороны къ разбору дѣла (воланье ку праву), по требованію суда и сторонъ производить освидѣтельствованіе мертвыхъ тѣлъ, ранъ, боевъ, гвалтовъ, спашей, воровскихъ порубокъ лѣса, забранья збожья и т. п., выдавать сторонамъ „квиты“ и чинить „сознанье“ передъ судомъ. Такимъ образомъ, возный совмѣщалъ въ своей особѣ судебнаго пристава и полицейскаго чиновника, а иногда даже и врача, ибо его „квиты“ и „сознанья“ касательно ранъ и всякихъ вообще поврежденій здоровья имѣли такое же значеніе, какъ и нынѣшнія медицинскія свидѣтельства. Кромѣ того бывали случаи, когда судъ поручалъ вознымъ даже производство слѣдствія (шкутиніумъ). Должность вознаго была поэтому хлопотливой и многосложной, тѣмъ болѣе, что сверхъ прямыхъ своихъ обязанностей они иногда принуждались исполнять и порученія полковыхъ канцелярій, въ виду якобы недостатка грамотныхъ и способныхъ людей [1]). Впрочемъ, въ этомъ послѣднемъ случаѣ возные находили себѣ заступниковъ и въ судахъ, и въ самой коллегіи, которая нѣсколько разъ дѣлала запрещенія употреблять возныхъ для постороннихъ надобностей. Съ своей стороны, и возные не прочь были переложить часть своихъ хлопотливыхъ обязанностей на чужія плечи. Въ бумагахъ Черниговскаго гродскаго суда намъ попалось доношеніе трехъ возныхъ, жаловавшихся на то, что сотенныя канцеляріи не даютъ имъ нарочныхъ козаковъ для разсылки позвовъ и другихъ надобностей. Жалоба, конечно, успѣха не имѣла [2]).

И возные, какъ и прочіе земскіе чины, не получали опредѣленнаго жалованья, а пользовались доходами по должности, такъ какъ всякая „урядовая посылка“ оплачивалась въ ихъ пользу опредѣленнымъ сборомъ. Среди возныхъ въ наихудшемъ положеніи были возные подкоморскіе, такъ какъ дѣлъ къ подкоморому поступало всегда не много, а потому и „урядовыя посылки“ не могли быть частыми. Служебное положеніе возныхъ опредѣлялось указомъ 10 ноября 1764 г., по которому рангъ ихъ признавался первымъ по сотникѣ. Въ отправленіи своихъ обязанностей возные руководились Статутомъ. Въ универсалѣ 19 ноября было обѣщано, что для возныхъ будетъ выработана генеральнымъ судомъ особая инструкція, но обѣщаніе это не было исполнено. Черезъ годъ послѣ

[1]) Арх. Мал. Колл. №№ 22684 и 14307.

[2]) Архивъ Мал. Колл. № 3364.

изданія универсала 19 ноября Нѣжинскій земскій и Черниговскій гродскій суды напомнили было генеральной канцеляріи объ инструкціи для возныхъ. Генеральная канцелярія передала дѣло въ генеральный судъ, тамъ оно и застряло. Вмѣсто инструкціи земскіе и гродскіе суды получили лаконическое повелѣніе, чтобы возные въ отношеніи своихъ обязанностей" „поступали и чинили по указамъ и правамъ" [1]).

По Статуту возный не имѣлъ права ни вручать позвовъ, ни производить освидѣтельствованій, кромѣ дѣлъ маловажныхъ, безъ „стороны шляхты": при всѣхъ его урядовыхъ посылкахъ должны были находиться два человѣка шляхтичей годныхъ и вѣры достойныхъ. Они должны были гарантировать лицъ, имѣвшихъ дѣло съ вознымъ, отъ возможнаго съ его стороны произвола и злоупотребленій, удостовѣрять правильность его „сознаній" передъ судовымъ урядомъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и замѣнять его на судѣ. Словомъ, „сторона шляхта" исполняла въ нѣкоторомъ родѣ обязанности теперешнихъ понятыхъ. Изъ какихъ чиновъ должна была избираться эта ассистенція markaнаго,—объ этомъ при учрежденіи новыхъ судовъ не было сдѣлано распоряженія. Вопросъ былъ рѣшенъ только впослѣдствіи. Возбудили его сами возные, а черезъ нихъ уже гродскіе и земскіе суды. Въ ноябрѣ 1764 г. въ генеральную канцелярію поступили запросы объ этомъ изъ Чернигова, Нѣжина, Роменъ и Прилукъ. Суды требовали разъясненій: изъ какихъ чиновъ выбирать возническихъ ассистентовъ и кому именно выбирать—судамъ, самимъ вознымъ, или сотеннымъ правленіямъ? [2]). Отвѣтомъ на эти вопросы была уже извѣстная намъ резолюція: „поступать и чинить по указамъ и правамъ", предоставлявшая мѣстнымъ начальствамъ распоряжаться, какъ сами знаютъ. Такъ и дѣлали. Черниговская, напр., полковая канцелярія распорядилась, чтобы сотенныя правленія давали вознымъ въ потребныхъ случаяхъ „двухъ человѣкъ шляхтичей—козаковъ добрыхъ и вѣры достойныхъ" [3]). Но не вездѣ вопросъ рѣшался такъ просто. Не получая никакихъ на сей счетъ точныхъ повелѣній, сотенныя и полковыя начальства шляхтичей для возныхъ не назначали, а козаковъ отказывались давать въ силу запрещенія употреблять военно-служащихъ на партикулярныя надобности. Дѣло по неволѣ пришлось вновь перенесть на разсмотрѣніе высшаго начальства, которое наконецъ и рѣшило его въ томъ смыслѣ, что ассистенція при возныхъ должна быть изъ козаковъ, по назначеніи сотенныхъ правленій, а назначать ихъ нужно всякій разъ по требованію возныхъ [4]). Такимъ то образомъ „люди

[1]) Арх. Мал. Колл. № 3364.
[2]) Архивъ Мал. Колл. №№ 3364 и 10532.
[3]) Архивъ Мал. Колл. № 3364.
[4]) Арх. Мал. Колл. № 8821.

козачьей и поселянской породы“ попали въ число низшихъ агентовъ шляхетскихъ судовъ. Несмотря на все несоотвѣтствіе такого порядка съ требованіемъ закона, онъ удержался вплоть до отмѣны статутоваго судоустройства: по свидѣтельству самого же Румянцева, козаки „всегда употреблялись въ иныя земскія дѣла, особливо при возныхъ, по Статуту на нихъ возложенныя, вмѣсто шляхты“ [1]).

„Сторона шляхта“ при возномъ имѣла право на извѣстную часть вознагражденія, поступающаго возному, но получали ли его „шляхтичи-козаки“—неизвѣстно. Мы имѣли въ своемъ распоряженіи одну жалобу, свидѣтельствующую, что возные вознагражденія своимъ ассистентамъ не платили. Такъ, вѣроятно, было и въ другихъ мѣстахъ, ибо коллегія на такія мелочи вниманія не обращала [2]).

Глава VI.

Время отправленія земскихъ, гродскихъ и подкоморскихъ судовъ. Борьба между новыми судами и сотенными и полковыми урядниками. Кто былъ подсуденъ земскимъ и гродскимъ судамъ. Дѣла, подсудныя каждому изъ нихъ.

Вторымъ пунктомъ универсала 19 ноября 1763 г. было установлено, что земскіе суды въ принятіи, производженіи, разсмотрѣніи и рѣшеніи всѣхъ тѣхъ дѣлъ, кои до нихъ принадлежатъ, должны поступать во всемъ по наставленію въ правахъ малороссійскихъ безъ всякой отмѣны. Какъ мы уже не разъ видѣли, неопредѣленная ссылка на малороссійскія права на практикѣ вела къ постояннымъ недоумѣніямъ и „нерѣшимостямъ“. Такъ было и съ вопросомъ о времени отправленія статутовыхъ судовъ. Какъ извѣстно, Статутомъ узаконено, что засѣданія въ земскихъ судахъ должны происходить не постоянно, а въ опредѣленные „роки“ (сессіи). Малорусская практика выработала другой порядокъ, по которому отправленіе судовыхъ дѣлъ прерывалось только праздниками и каникулярными днями. Къ 1761 г. по ордеру гетмана судебные каникулы были установлены съ 1 іюля по 10 сентября. Такой порядокъ былъ привыченъ, а главное вполнѣ удобенъ и для судей, и для судящихся. О судовыхъ рокахъ въ гетманщинѣ забыли,—забыли на столько, что въ 1764 г. при обсужденіи вопроса о времени засѣданій земскихъ судовъ генеральный судъ, вопреки Статуту, высказалъ мнѣніе въ пользу сохраненія statu quo: „всякому суду земскому слѣдуетъ имѣть засѣданіе и отправленіе, какъ и пріостановленіе дѣлъ чинить, по всѣмъ тѣмъ временамъ, какъ до сего времени по суду генеральному продолжалось“ [3]). Такъ оно и происходило въ дѣйствительности въ большинствѣ земскихъ

[1]) Кіевск. Старина, 1884, кн. 12, стр. 694.

[2]) Архивъ Малор. Колл. № 8821.

[3]) Архивъ Мал. Колл. № 3391.

судовъ въ первый годъ ихъ существованія; не смотря на то, что гетманъ не согласился съ мнѣніемъ генеральнаго суда, а приказалъ „поступать по правамъ малороссійскимъ", о земскихъ рокахъ въ 1764 г. не было еще и помину. Вступившая затѣмъ во власть Малороссійская коллегія, не обращая вниманія ни на статутовыя узаконенія, ни на малороссійскую практику въ отношеніи отправленія судовыхъ дѣлъ, сразу же рѣшила подтянуть на общерусскій манеръ и малорусскіе земскіе и гродскіе суды. 18 апрѣля 1765 г. появился коллежскій указъ, въ силу коего какъ въ судѣ генеральномъ, такъ и во всѣхъ прочихъ судебныхъ учрежденіяхъ края присутствующіе „долженствовали для скорѣйшаго отправленія дѣлъ пріѣздъ свой и сидѣнье въ судѣ, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, имѣть по генеральному регламенту" [1]). Понятно, новый порядокъ былъ для малорусскихъ судей очень непріятенъ: и статутовые „роки", и обычная практика были много легче „сидѣнья въ судѣ по генеральному регламенту". Вполнѣ естественно поэтому ихъ желаніе или удержать старый, практиковавшійся до 1765 г., порядокъ, или же установить новый, согласный со Статутомъ. Начинаются попытки и въ томъ, и въ другомъ направленіи. 23 іюня 1765 г. Черниговскій земскій судъ представилъ въ коллегію репортъ съ запросомъ о времени каникулъ для земскихъ судовъ. Указывалось при этомъ на старый, практиковавшійся до 1765 г., порядокъ, какъ на вполнѣ удобный и для судей, и для челобитчиковъ, дающій имъ возможность безпрепятственно заняться сельскимъ хозяйствомъ въ самое горячее для него время. Попытка удалась, и хотя генеральнаго разсмотрѣнія этого вопроса въ то время въ коллегіи не состоялось, тѣмъ не менѣе земскимъ судамъ позволено впредь до особаго распоряженія отправлять каникулы по прежнему обыкновенію, т. е. отъ 1 іюля до 10 сентября [2]).

Съ другой стороны, идутъ попытки установить новый порядокъ, согласный со Статутомъ. Такую попытку дѣлаетъ, между прочимъ, Менскій земскій судъ, хотя и неудачно. Вотъ что доносилъ онъ въ коллегію 4 іюня того же 1776 г.: „Обыватели Менскаго повѣту, поступая по прежнему непорядку, коимъ они въ сотняхъ судиться привыкли, не являясь передъ правными роками завременно для вписанія своихъ справъ и позвовъ въ реестръ, передъ которыми роками право розд. 4 арт. 16 за три дни повелѣваетъ судьѣ, подсудку и писарю пріѣздить на мѣсто, гдѣ суду земскому засѣдать въ которомъ городѣ означено, для одного того, чтобъ имѣющіе нужды и жалобы въ обидахъ отъ кого вписывали оныя въ реестръ за три дня передъ засѣданіемъ судей на судъ, и оные обыватели не привыкли еще къ правному порядку и не знаютъ, что то есть роки, и не вѣдаютъ,

[1]) Архивъ Мал. Колл. № 1642.

[2]) Арх. Мал. Колл. № 16615.

въ какія времена имъ для запису своихъ жалобъ и позвовъ являться право установило, по засѣданіи уже въ мѣсяцъ и болѣе и непрестанно приходятъ съ доношеніями о разныхъ обидахъ, до суда земскаго принадлежащихъ, и такъ умножаются съ просьбами въ своихъ обидахъ, что и уговорить ихъ никакимъ способомъ невозможно, и хотя имъ въ судѣ земскомъ и толкуется, что пока вписанныя жалобы въ року генварскомъ и позвы отсужены не будутъ, потолѣ новыхъ жалобъ до окончанія того року принимать не должно, однакъ оные по нетерпѣливости своихъ обидъ не унимаются съ подачами своихъ прошеній и безпрестанно оныя, не смотря правныхъ роковъ, подаютъ, якихъ, за неимѣніемъ при судѣ земскомъ канцелярскихъ служителей, по праву на каждомъ року подаваемыхъ жалобъ надъ право непрестанно обсудить никакими мѣрами невозможно". Менскій судъ находилъ необходимымъ во всѣхъ сотняхъ, подсудныхъ земскому суду, „учинить публикацію съ протолкованіемъ народу таковымъ, чтобы оные въ силу вышеписаннаго права три раза въ годъ по распредѣленнымъ срокамъ являлись въ судъ земскій для подачи своихъ жалобъ и доношеній".

Представленіе Менскаго суда было первымъ напоминаніемъ о статутовыхъ рокахъ. Оно было вполнѣ согласно съ „правами малороссійскими", и коллегія не могла не отнестись къ нему съ должнымъ вниманіемъ. Не дѣлая, пока, никакого по этому вопросу общаго распоряженія, Глуховское правительство предложило Менскому суду „учинить мнѣніе свое, на какомъ основаніи оный земскій судъ разсуждаетъ учинить роки таковые, чтобы съ положеніемъ здѣшней земли и съ пользою народу быть могли, и оное мнѣніе представить въ Малороссійскую коллегію, а нынѣ стараться оному суду по поданнымъ и подаваемымъ жалобамъ произвожденіе чинить съ возможною скоростью" [1]).

Менскій судъ не замедлилъ „учинить мнѣніе", которое и представилъ на благовоззрѣніе коллегіи. По мнѣнію суда, слѣдуетъ учредить роки по Статуту: „розд. 4 арт. 16 повелѣно судьѣ, подсудку и писарю съѣздиться за три дня для открытія книгъ и вписыванія позвовъ въ реестръ, а кто напередъ до реестру вписанъ будетъ, тотъ напередъ и сужденъ быть долженъ; да въ розд. 4 арт. 46 напечатано, яко суды земскіе трижды до року имѣютъ быть, т. е. три роки, на которые повинны будутъ судья, подсудокъ и писарь съѣздиться и тамъ такъ долго жить, пока всѣ справы судовыя отсужены и окончены будутъ, роки же для съѣзду судящихъ и для явки позывающихся назначены нижеписанные: 1) отъ дня Богоявленія, 2) въ осень отъ дня Михаила, 6 сентября, 3) о Святой Тройцѣ, а позвы судить порядочно съ реестру, и кто напередъ вписанъ въ реестръ, тотъ напередъ и суженъ быть имѣетъ; да подъ тѣмъ же артикуломъ въ консти-

[1]) Архивъ Мал. Кол. № 8805.

туціи 1607 года на листу 834-мъ подъ надписомъ „о судахъ“ напечатано: въ реестръ имѣетъ всякъ справу свою вписать въ три дни такъ на гродскомъ, яко и на земскихъ судахъ подъ виною уничтоженія таковой жалобы, съ которою въ три дни передъ засѣданіемъ судей кто явиться не могъ“ Таковы указазанія малороссійскихъ правъ относительно роковъ и порядка разбора дѣлъ. Чтобы челобитчики могли избавиться отъ волокиты и скорѣйшую получали расправу, для этого, по мнѣнію Менскаго суда, необходимо „черезъ публикацію учинить истолкованіе, дабы они передъ вышеписанными роками въ опредѣленныя выше сего времена являлись съ своими жалобами для вписанія тѣхъ и по тѣмъ позвовъ въ реестръ и по разсужденію каждаго року, т. е. въ Крещенскомъ, въ коемъ 5 мѣсяцевъ заключается къ сидѣнію въ судѣ, въ Михайловскомъ же сентября съ 6 числа—4 мѣсяца, въ Троичномъ же року—3 мѣсяца, то противъ великости всякаго рока толикое число и жалобницъ принять, покладая уваженіе на внезапныя въ случаяхъ просьбы, чтобы всѣ вшедшія на одномъ року въ судъ дѣла того жъ року и кончены быть могли“. Чтобы еще болѣе нодкрѣпить свое мнѣніе, Менскій судъ ссылался на тѣ неудобства, какія проистекали до сихъ поръ отъ ненаблюденія правнаго порядка: „народъ простой, не обвыкшій правному постановленію, подавая свои жабобы не на рокахъ, но непрестанно, какъ скоро подастъ доношеніе, хотя бы передъ его подачею 100 переднѣйшихъ было подано, не разсуждая, что до его дѣла по реестру не скоро дойдетъ, однако тотчасъ кучитъ (докучаетъ) о скорѣйшей расправѣ и рѣшеніи, и не отходя по жадности скораго окончанія и упрямству надъ истолкованіе, имъ чинимое, лишается хозяйства и самоупорно волочится, а хотя и отойдетъ дней на два или болѣе, токмо паки возвращается, разсуждая, что уже всѣ дѣла рѣшены, дойшло и до его, и такъ и себе экономіи лишаетъ, и другимъ помѣшать хочетъ; развѣ по наговору истецъ и отвѣтчикъ, явясь и по истолкованію ихъ дѣла разсудившись, что дѣло о 50 копѣйкахъ или о двухъ копахъ не стоитъ волокиты, едва наговориться дадутъ къ помѣркованію, но и таковыхъ мало является, но безъ позву и въ судъ идти не хотятъ, а какъ скоро до позва дойдетъ, то, слѣдовательно, безъ процессу, сыску свидѣтелей, присягъ, выписки правъ, а потомъ и рѣшенія не обойдется, въ каковомъ произвожденіи до двухъ недѣль и до мѣсяца продолжится по одному дѣлу, а по подаваемымъ непрестанно—не только на одномъ року, но и черезъ цѣлый круговой годъ окончить тѣхъ поданныхъ жалобъ не возможно; къ тому же не имѣючи ни одного канцеляриста, который бы способствовалъ производить дѣла, яко же и сверхъ челобитческихъ дѣлъ разныя требуются отъ коллегіи табели, отъ суда генеральнаго репорты, много челобитчикамъ въ ихъ дѣлахъ дѣлается помѣшательства, ибо и за то кромѣ судьи и писаря приняться некому: къ

тому приступивши, другія дѣла челобитческія и пріостанавливаются. Ежели бы народъ привыкъ черезъ публикаціи къ явкѣ по рокамъ, и судъ, разсуждая по великости рока, столько черезъ три дни или болѣе передъ роками принять могъ и жалобъ, дабы тѣ въ одномъ року всѣ и кончены быть могли, и такъ бы лишне бродящіе надъ реестръ избавились волокиты, но смотрѣли своей экономіи, а вошедшіе съ жалобами и въ реестръ вписавшіеся черезъ рокъ могли быть отсужены, и такъ одни избавились бы волокиты, а другіе приняли бъ своихъ дѣлъ окончаніе, а черезъ то бъ всѣ не безъ пользы остались" [1]).

Представленіе Менскаго суда не имѣло, однако, никакихъ ближайшихъ послѣдствій. Коллегія оставила вопросъ открытымъ „впредь до генеральнаго разсмотрѣнія" а пока оно состоялось, въ земскихъ судахъ въ отношеніи времени засѣданій происходила невообразимая путаница: въ иныхъ держались Статута, въ другихъ—ордера 1761 года, въ третьихъ—генеральнаго регламента, сообразно желанію и крайнему разумѣнію присутствующихъ. Только въ концѣ 1767 г. послѣдовалъ наконецъ коллежскій указъ, коимъ повелѣвалось „въ содержаніи правныхъ роковъ для судовыхъ расправъ поступать во всемъ на основаніи правъ малороссійскихъ" [2]). Съ этого времени „сидѣнье" присутствующихъ въ земскихъ судахъ получило болѣе или менѣе единообразный характеръ. Съ 7 января въ земскихъ судахъ начинались Богоявленскіе или январскіе роки, которые и продолжались до наступленія Пасхи. Отъ Пасхи до окончанія Троицы—время полевыхъ весеннихъ работъ—засѣданій въ земскихъ судахъ не бывало. По окончаніи Зеленыхъ святокъ начинались Троицкіе роки, которые оканчивались около 1 іюля. Наступали каникулы, продолжавшіеся вплоть до 8 сентября, послѣ чего начинались Михайловскіе роки, тянувшіеся до Рождественскихъ святокъ [3]). Во время роковъ присутствующіе должны были находиться въ засѣданіи во всѣ дни, положенные по генеральному регламенту. По субботамъ, воскреснымъ, табельнымъ и викторіальнымъ днямъ засѣданій не бывало [4]). За три дня передъ началомъ каждыхъ роковъ въ судъ съѣзжались судья, подсудокъ и писарь, и въ это время подавались

---

[1]) Архивъ Мал. Колл. № 25817.

[2]) Архивъ Мал. Колл. № 2759.

[3]) Сравни: Шафонскій 1,96 и Успенскій—„Опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ", 2 изд. Харьковъ, 1818 г., ч. I, стр. 735. Ни въ одномъ журналѣ или отчетѣ о засѣданіяхъ земскихъ судовъ мы не нашли указанія, чтобы Михайловскіе роки начинались 1 октября (Шафонскій), а утвержденіе Успенскаго, будто осенніе роки начинались съ октября, опровергается отчетомъ о засѣданіяхъ Менскаго суда *въ сентябрѣ* 1768 г. (Архивъ Мал. Кол. № 6302).

[4]) Вѣдомость о засѣданіяхъ Роменскаго земск. суда за 1772 г., въ дѣлѣ Мал. Кол. № 29082.

доношенія челобитчиковъ и вписывались позвы въ реестръ [1]). Передъ окончаніемъ роковъ въ земскомъ судѣ выставлялся билетъ съ объявленіемъ о времени закрытія суда, чтобы челобитчики никакихъ доношеній больше не подавали впредь до новыхъ роковъ [2]). Впрочемъ, и послѣ 1767 г. порядокъ засѣданій не былъ вездѣ одинаковъ и постояненъ; въ практикѣ земскихъ судовъ встрѣчалось не мало отступленій отъ „малороссійскихъ правъ", объясняемыхъ разными условіями ихъ внутренняго распорядка и количествомъ дѣлъ. Судебные роки иногда оканчивались ранѣе обычнаго времени, а иногда затягивались гораздо долѣе положеннаго срока, особенно если изъ Глухова слѣдовали энергичныя настоянія о непремѣнномъ рѣшеніи челобитческихъ дѣлъ въ установленные закономъ сроки.

Что касается гродскихъ судовъ, то статутовыя правила о времени ихъ засѣданій къ нимъ совсѣмъ не примѣнялись. Извѣстно, что для гродскихъ судовъ 33 артикуломъ 4 розд. установлены такъ называемые „рочки", имѣющіе продолжаться ежемѣсячно по двѣ недѣли, считая съ 1 числа каждаго мѣсяца, но на практикѣ такихъ рочковъ въ полковыхъ канцеляріяхъ, исполнявшихъ обязанности гродскихъ судовъ, никогда не бывало. Засѣданія въ нихъ происходили въ теченіи всего мѣсяца, за исключеніемъ праздничныхъ по генеральному регламенту дней, и прерывались только обычными судовыми каникулами, но въ виду важности или обилія дѣлъ и каникулы иногда сокращались.

Въ наиболѣе льготномъ положеніи и относительно „сидѣнья въ судѣ" были подкоморые. Никакихъ правныхъ роковъ и регламентовъ для нихъ не существовало. Подкоморый, въ виду исключительнаго характера поступавшихъ къ нему дѣлъ, чинилъ судъ только лѣтомъ; зимою разбирались только такіе аграрные споры, при рѣшеніи коихъ необходимъ былъ осмотръ топкихъ мѣстъ, недоступныхъ въ лѣтнюю пору. Дѣлъ у подкомораго всегда было очень немного и срокъ для разбора ихъ онъ назначалъ, когда могъ и хотѣлъ.

Вопросъ о времени судебныхъ засѣданій является любопытной иллюстраціей вѣяній „новаго духа", внесеннаго въ жизнь старой гетманщины Малороссійской коллегіей: съ одной стороны—глубокая вѣра въ силу казеннаго бумажнаго контроля и пользу регламента, съ другой—бюрократическая рутина и мертвящая канцелярщина. Сама два года собиравшаяся „учинить генеральное разсмотрѣніе" вопроса о времени судебныхъ засѣданій, коллегія, тѣмъ не менѣе, считала необходимымъ подтянуть именно въ этомъ отношеніи старую хохлацкую распущеность подвѣдомственныхъ ей

[1]) Вѣдомость о засѣданіяхъ Зеньковскаго земск. суда, въ дѣлѣ Мал. Кол. № 25998.
[2]) Архивъ Мал. Колл. № 4155.

судебныхъ учрежденій. Цѣлымъ рядомъ указовъ она старалась регламентировать „сидѣнье въ судахъ“ по Петровскому регламенту. Съ 1765 г. всѣ малорусскіе суды обязаны были представлять въ коллегію не только отчеты о рѣшенныхъ и нерѣшенныхъ въ теченіи каждаго мѣсяца дѣлахъ, но и вѣдомости о наличномъ составѣ чиновниковъ и о засѣданіяхъ съ обозначеніемъ дней засѣданій и часовъ, въ которые являлся въ судъ и уходилъ оттуда каждый изъ присутствующихъ. Въ коллегіи накоплялись цѣлые вороха такихъ вѣдомостей и отчетовъ. Просматривалъ ли ихъ тамъ кто нибудь и достигли ли они иной цѣли кромѣ развитія канцелярской переписки,— не знаемъ, но правды въ нихъ было не много. Всѣ они составлены на одинъ манеръ, и любопытствующій можетъ убѣдиться, что всегда и во всѣхъ земскихъ и гродскихъ судахъ судьи и члены являлись аккуратно въ присутствіе къ 8 часамъ утра и сидѣли тамъ „до нешпорной годины“, т. е. до 1 часу дня, а писари, яко обремененные множайшими дѣлами по своей писарской должности, имѣли сидѣніе въ судѣ на 2 часа дольше гг. судей, т. е. отъ 7 часовъ утра и до 2-хъ дня, и что вообще присутствующіе касательно судоваго сидѣнья неукоснительно держались предписаній генеральнаго регламента. Ото всѣхъ этихъ полуистлѣвшихъ листовъ вѣетъ той же мертвенной и лживой формалистикой, что и отъ пресловутыхъ отчетовъ дореформенныхъ судовъ Николаевскаго времени, аккуратно сообщавшихъ прокурорамъ, что даже въ свободное отъ дѣлъ время гг. члены находились въ судѣ въ присутственные часы и „по непоступленію дѣлъ занимались чтеніемъ законовъ“.

30 артикуломъ 4 розд. Статута точно разграничены сферы вѣдомства гродскихъ и земскихъ судовъ. Въ гетманщинѣ земскія дѣла не отдѣлялись отъ гродскихъ: и тѣ, и другія одинаково вѣдались въ полковыхъ и сотенныхъ судахъ. Съ введеніемъ реформы приходилось поэтому изъять изъ вѣдѣнія сотенныхъ и полковыхъ канцелярій дѣла подсудныя земскимъ судамъ, т. е. значительно сократить и власть, и доходы полковаго и сотеннаго начальства. Универсалъ 19 ноября 1763 г. запрещалъ полковымъ канцеляріямъ вступаться въ земскія дѣла и требовалъ передачи въ земскіе суды подлежащихъ ихъ вѣдѣнію дѣлъ изъ полковыхъ судовъ и сотенныхъ правленій. Вмѣстѣ съ тѣмъ полковыя и сотенныя канцеляріи лишались и доходнаго права актованья, т. е. права вписывать въ свои книги всякаго рода акты и сдѣлки. Нововведеніе это, конечно, не могло быть пріятнымъ для полковыхъ и сотенныхъ начальниковъ. Съ ихъ стороны новые суды встрѣтили сильное противодѣйствіе и, прежде чѣмъ добиться принадлежавшихъ имъ по закону правъ, должны были выдержать упорную борьбу,— борьбу, такъ сказать, за юрисдикцію. Объ этой борьбѣ свидѣтельствуетъ множество жалобъ и доношеній, сохранившихся въ архивѣ Малороссійской

коллегіи. Въ сентябрѣ 1764 г. изъ генеральнаго суда гетману была представлена жалоба Погарскаго земскаго суда на Погарскаго сотника Соболевскаго, который подъ видомъ маловажныхъ дѣлъ, предоставленныхъ его вѣдѣнію универсаломъ 19 ноября, производилъ разборъ козачьихъ дѣлъ, подлежащихъ гродскимъ и земскимъ судамъ, принималъ и выдавалъ отъ себя записи о продажѣ и другихъ сдѣлкахъ; сотникъ не допускалъ казаковъ судиться въ земскомъ судѣ и велѣлъ нещадно бить кіями козака за то, что тотъ подалъ на него жалобу въ земскій судъ; тотъ же сотникъ не принялъ отъ вознаго позва по иску къ нему, сотнику, двухъ погарскихъ мѣщанъ за гвалтовное забранье имъ, сотникомъ, сѣна, который позовъ онъ, сотникъ, прочитавши, бросилъ въ глаза возному и устрашалъ его, вознаго, боемъ. Генеральный судъ для отобранія отъ Соболевскаго земскихъ дѣлъ и актовыхъ книгъ принужденъ былъ отправить нарочнаго съ приказаніемъ, въ случаѣ надобности, употребить „пристойную команду". Соболевскій нашелъ, впрочемъ, заступниковъ у его ясновельможности и вышелъ сухъ изъ воды [1]). Роменскій сотникъ Гайдукъ отнялъ у суда земскаго сторожа, вслѣдствіи чего „письменныя дѣла и другія препараціи, бывшія подъ наблюденіемъ того сторожа, остались безпорядочно, что увидя, и присутствующіе суда земскаго присутствіе свое оставить принуждены и тѣмъ суду нанесена конфузія и немалая обѣда" [2]). Гадячскій земскій судъ въ декабрѣ 1764 г. жаловался въ генеральную канцелярію, что 1) полковая канцелярія не присылаетъ по требованію земскаго суда копіи присяги подсудка; 2) не присылаетъ вѣдомости, сколько причислено къ Гадячскому повѣту сотенъ и въ тѣхъ сотняхъ сколько именно городовъ, мѣстечекъ, селъ, деревень, хуторовъ и въ оныхъ чье именно есть владѣніе и тѣ владѣльцы какого достоинства; 3) не дѣлаетъ публикаціи объ учрежденіи земскаго суда; 4) не присылаетъ потребованныхъ земскимъ судомъ копій съ ордеровъ отъ 1 апрѣля 1752 и 18 апрѣля 1760 г., въ коихъ пояснено, какія именно маловажныя дѣла подлежатъ словесному разботу сотенныхъ правленій, и, наконецъ, 6) выдаетъ позвы и принимаетъ челобитныя по дѣламъ подлежащимъ вѣдѣнію земскаго суда. На запросъ генеральной канцеляріи Гадячскій полковникъ объяснилъ, что такъ какъ земскій судья Родзянко въ судѣ не присутствуетъ, то онъ, полковникъ, и не можетъ считать земскій судъ законно-функціонирующимъ учрежденіемъ,а дѣла, подлежащія вѣдѣнію земскаго суда, разбираетъ для удовольствія челобитчиковъ, о чемъ уже три раза рапортовалъ въ Глуховъ, но не получилъ отвѣта. Къ тому же отъ земскаго суда 3 декабря прислана въ полковую канцелярію промеморія „съ прописаніемъ надъ всякое честное уваженіе непочтительныхъ, презрительныхъ и надъ

[1]) **Архивъ Мал. Колл. № 2646.**

[2]) **Арх. Мал. Колл. № 18549.**

всѣ благопристойныя мѣры досадительныхъ терминовъ, въ разныхъ поношеніяхъ и издѣвочныхъ нареканіяхъ, въ оказаніе тѣмъ крайне несноснаго присутствующимъ въ полковой канцеляріи полковымъ старшинамъ упослѣженія, ибо что подписавшіесь на промеморіи не въ полности состоящаго суда земскаго урядники, между прочимъ, критикуютъ полковую канцелярію, якобы оная, по нѣякомусь видимому ихъ признанію, какъ бы умышленно силится удержать власть, до сего надъ земскими дѣлами имѣвшуюсь, подъ претекстомъ, будто, отговорки, къ неудовлетворенію требованій онаго земскаго суда, въ промеморіяхъ полковой канцеляріи написанной, то тѣмъ на оную полковую канцелярію отъ тѣхъ земскаго суда урядниковъ порокъ и зазрѣніе наводится самомнительное и измышленное". Распря полковой канцеляріи и земскаго суда была покончена ордеромъ генеральной канцеляріи, предписавшей передать земскія дѣла земскому суду [1]). Однако полковой канцеляріи все же въ концѣ концовъ удалось одержать побѣду, и Гадячскій земскій судъ былъ закрытъ. Возстановили его, какъ мы знаемъ, уже только въ 1772 г.

Изъ донесенія Батуринскаго земскаго суда отъ 9 декабря того же 1764 г. узнаемъ, что Шаповаловское сотенное правленіе отказывалось передать въ земскій судъ подлежащія его вѣдѣнію дѣла. Когда земскій возный, Антоновскій вручилъ сотнику Саханскому указъ о передачѣ дѣлъ, сотникъ сказалъ, что хотя и, имѣются въ сотнѣ Шаповаловской на бумагѣ дѣла подлежащія до суда земскаго, но токмо оныя не пошлются и перебору дѣлъ онъ, сотникъ, дѣлать не велитъ, а писарь сотенный Иванъ Гонтаревскій объявилъ: намъ де судъ земскій не команда и мы его не слушаемъ и дѣлъ не отправимъ и пересылать не станемъ: хочабъ и были какія касающіяся до земскаго суда,—то не отошлются. Съ повелѣнія сотника Шаповаловскій атаманъ Силичъ и писарь Гонтаревскій, призвавъ сельскихъ и куренныхъ атамановъ, жестоко бранили и грозили боемъ и штрафомъ за то, что они, атаманы, собирали по требованію вознаго Антоновскаго козаковъ и попольство для выслушиванія о судѣ земскомъ публикаціи, а 7 ноября, въ воскресный день, въ церкви св. Николая при окончаніи божественной литургіи, когда пропѣли на клиросѣ дважды „буде имя Господне", то ставъ близь амвона, сотенный писецъ Терентій Гонтаревскій челъ (читалъ) при сотнику Шаповаловскому Антону Саханскому и при всей той сотни старшинѣ, особливо же при всѣхъ будучихъ въ то время въ церкви разнаго званія людяхъ, нижеслѣдующее: извѣстно де имъ учинилось, что ѣздя по селамъ сотни Шаповаловской, бывшій атаманъ Иванъ Антоновскій (возный), нѣякійсь присланный отъ суда земскаго повѣта Батуринскаго, разсѣваетъ ереси; онъ же, Антоновскій, воръ и разбойникъ, всей сотни обидитель и разоритель

[1]) Арх. Мал. Колл. № 10170.

людскій и ни къ чему потребенъ; для того де во всей сотнѣ козакамъ и попольству приказываютъ оный сотникъ и старшина, чтобъ отъ того дни и время никакихъ присланныхъ изъ суда земскаго писемъ черезъ онаго Антоновскаго не слушали и, что до уряду вознаго надлежитъ, не ходилибъ къ нему, возному Антоновскому, якобы они объ емъ представили о воровствѣ его нѣякомсь и о прочемъ, а ежели бы кто въ противномъ случаѣ былъ изъ козаковъ въ томъ изобличенъ, то за то они такихъ презрителей того объявленія штрафовать денежно и наказывать жестоко на тѣлѣ будутъ. Въ виду строгаго запрета сотника, никто изъ сотни въ земскій судъ по дѣламъ не являлся. Сотенные старшины разбирали земскія дѣла по прежнему, а когда къ возному по дѣлу, касающемуся земскаго суда, явились двое козаковъ, то сотенная старшина, увѣдавши тое, сыскавъ оныхъ козаковъ въ сотенное Шаловаловское правленіе, содержали подъ карауломъ одни сутки, а одного изъ нихъ и били плетьми въ страхъ другимъ немилосердно, а потомъ безочередно, чтобъ они за то на нихъ не искали, выслали ихъ на указныя засѣки, почему и другіе опасались обращаться въ земскій судъ. Сотникъ говорилъ: „отколь въ чорта тѣ суда земскіе взялись, туда они и пойдутъ“ [1]).

То-же противодѣйствіе со стороны сотенныхъ и полковыхъ начальниковъ, какое наблюдалось въ первые мѣсяцы существованія новыхъ судовъ, замѣтно и въ послѣдующее время, хотя и въ болѣе слабой формѣ. Въ мартѣ 1765 г. Менскій судъ жаловался, что полковое и сотенное начальство ни въ чемъ не оказываютъ ему содѣйствія. Между тѣмъ челобитчики, обрадовавшись прекращенію прежней волокиты, во множествѣ стали обращаться въ земскій судъ. Земскій писарь и одинъ писецъ, упрошенный быть при судѣ, не могутъ управиться съ дѣлопроизводствомъ и имъ должны помогать судья и подсудокъ. Многіе представили въ земскій судъ деньги за заложенные грунта до отдачи, кому нужно, но хранить ихъ негдѣ. Судъ просилъ сотника Менскаго опредѣлить для храненія дѣлъ особаго человѣка и дать сторожей для суда, но сотникъ ничего изъ этого не исполнилъ, и земскій сундукъ съ деньгами и дѣлами принужденъ караулить тотъ же писецъ; сотникъ не высылаетъ свидѣтелей, требуемухъ по разнымъ дѣламъ, забираетъ на себя дѣла, подлежащія земскому суду, удерживаетъ актовыя книги, выдаетъ отъ своего имени выписи. За ослушаніе праву иныя изъ подсудныхъ земскому суду лицъ должны быть содержаны „на вежѣ“ (въ тюрьмѣ) за разныя противности и фальши, но ни мѣста, ни караулу для этого сотникъ не опредѣляетъ. Сотникъ не принимаетъ при разъѣздахъ судей на праздники дѣлъ земскаго суда подъ тотъ караулъ,

---

[1]) Архивъ Малор. Колл. № 10590.

подъ которымъ содержатся дѣла сотеннаго правленія, и вообще „содержитъ земскій судъ въ крайнемъ презрѣніи, видно по страсти, яко тотъ судъ отъ его чина отойшелъ“ [1]). Зеньковскій земскій судъ въ іюнѣ того же 1765 г. жаловался, что не смотря на гетманскій универсалъ, книги крѣпостей и сдѣлокъ все еще не присланы изъ сотенныхъ канцелярій, въ которыхъ и до сихъ поръ свидѣтельствуются по прежнему всякія сдѣлки и тестаменты, иногда не законные [2]).

Взаимныя жалобы и споры между земскими судами и сотенными и полковыми урядниками заставили наконецъ коллегію сдѣлать рѣшительное по этому вопросу распоряженіе. Находя, что по розд. 4 арт. 13 книги урядовыя хранены должны быть въ судахъ земскихъ и изъ оныхъ выписи должно дѣлать по требованію сторонъ, а по арт. 1, 2 и 3 розд. 7 записи всякія записывать должно на урядахъ судовъ земскихъ по наставленію правному, слѣдственно за нынѣшнимъ учрежденіемъ земскихъ судовъ сотенныя правленія не имѣютъ права вступаться въ земскія дѣла, коллегія приказала, чтобы урядовыя книги были немедленно отосланы въ земскіе суды, которые, разсмотрѣвъ, какія крѣпости записаны послѣ ихъ учрежденія, всѣ такія должны признать недѣйствительными, чьи же крѣпости окажутся законными,—утвердить, за исключеніемъ, конечно, крѣпостей на грунта козачьи [3]).

Но и послѣ коллежскаго указа замѣтны еще кое гдѣ отголоски борьбы между старыми судебными учрежденіями и земскими судами. Въ Нѣжинскомъ напр., гродскомъ судѣ и послѣ указа свидѣтельствовались всякаго рода сдѣлки; Нѣжинскій магистратъ по старому продолжалъ вносить въ свои актовыя книги заявленія людей разнаго званія, несмотря на то, что по закону имѣлъ право актовать только сдѣлки между мѣщанами [4]). Не желалъ отсылать урядовыхъ книгъ и Гадячскій гродскій судъ, ссылаясь на то, что въ силу правныхъ узаконеній въ книги эти надлежитъ вписывать разныя сдѣлки и крѣпости во время неотправленія дѣлъ въ земскихъ судахъ [5]).

Какъ бы то ни было, борьба за юрисдикцію окончилась въ пользу новыхъ судовъ. Разбору сотенныхъ правленій были предоставлены только маловажныя словесныя расправы между простыми козаками, урядовыя книги у нихъ отобраны и право актованья всецѣло перешло къ земскимъ судамъ. Что касается судовъ гродскихъ, то и по прекращеніи борьбы можно замѣтить, какъ это мы увидимъ ниже, очень не рѣдкое съ ихъ стороны вмѣ-

---

1) Архивъ Мал. Колл. № 3364 и 29688.

2) Архивъ Мал. Колл. № 7548.

3) Архивъ Мал. Колл. № 3364

4) Архивъ Мал. Кол. № 7548.

5) Ibid.

шательство въ земскія дѣла, не прекращавшееся во время существованія статутовыхъ судовъ. Уже въ 1776 г., т. е. спустя 13 лѣтъ послѣ реформы 1763 г., встрѣчаемъ указы коллегіи о томъ, чтобы гродскіе суды не вступали въ разборъ тѣхъ дѣлъ, кои надлежатъ по правамъ до земскихъ судовъ [1]. Зависѣло это, впрочемъ, уже не отъ взаимнаго антагонизма земскихъ и полковыхъ урядниковъ, а отъ недостаточнаго знакомства съ своими правами и обязанностями.

Какія общественныя группы были подсудны новымъ судомъ? По Статуту земскій судъ—судъ шляхетскій. Въ гетманщинѣ однимъ и тѣмъ же судомъ и однимъ и тѣмъ же шляхетскимъ правомъ пользовались и „урожоный" шляхтичъ, и козацкій старшина, и простой козакъ, и попъ, и даже поповскій сынъ. Порядокъ этотъ настолько укоренился, что при обсужденіи вопроса объ учрежденіи судовъ по Статуту никто изъ членовъ Глуховскаго собранія, за исключеніемъ, можетъ быть, автора рѣчи „о поправленіи состоянія Малороссіи", не предлагалъ дѣлать земскихъ судовъ судами шляхетскими. 4 пунктомъ универсала 19 ноября было постановлено, что земскимъ судамъ подсудны „всѣ духовніе и мирскіе владѣльцы и шляхетство и прочіе всякаго званія чины отъ вышшого до нижшого", а въ 7 пунктѣ точно обозначено, что и рядовые козаки должны судимы быть по дѣламъ важнѣйшимъ земскимъ и гродскимъ въ земскихъ и гродскихъ судахъ. Такъ оно и было въ дѣйствительности: земскому суду подлежали дѣла шляхетскія на ряду съ дѣлами духовенства и рядоваго козачества. Мысль о ненормальности такого порядка, о томъ, что земскіе суды должны быть судами исключительно шляхетскими, появилась только въ 1767 г. Высказана она была людьми мало знакомыми съ краемъ—членами Малороссійской коллегіи и Румянцевымъ. Въ Малороссіи поддержало ее только Черниговское шляхетство, но и то по вдохновенію Безбородька. „По малороссійскимъ правамъ,—писалъ Румянцевъ коллегіи въ 1767 г.—право польское, въ Статутѣ и конституціяхъ изданное, для шляхетства токмо испрошено, право Магдебургское предоставлено мѣщанству, а козаки себѣ судъ выговорили въ статьяхъ. Однако жъ на сіе раздѣленіе никоторая здѣсь власть не имѣла примѣчаній и дошло до того, что суды земскіе, судя всѣ дѣла по книгѣ Статуту, привлекаютъ къ тому и козаковъ, о которыхъ нигдѣ въ той книгѣ не упомянуто" [2]. Мнѣніе своего „шефа" раздѣляла и коллегія. Еще ранѣе, въ 1765 г., она согласилась закрыть Гадячскій земскій судъ, потому что считала его судомъ шляхетскимъ, а шляхетства въ Гадячѣ было немного. Существующій въ Малороссіи порядокъ коллегія находила совершенно ненормальнымъ. „Здѣсь

---

[1]) Арх. Мал. Колл. № 22311.

[2]) Акты управленія Малороссіей гр. Румянцева, въ Чт. Общ. Лѣт. Нестора, V, отд. III, стр. 131.

козаки,—жаловалась она въ своемъ наказѣ,—не исключая и тѣхъ, кои изъ мужиковъ по пріобрѣтенному женитьбой или инымъ способомъ грунту въ козаки выходятъ, въ дворянскомъ достоинствѣ почитаются, пользуясь въ судахъ однимъ правомъ и дворянамъ только свойственными преимуществами, будучи вездѣ по судамъ именуемы такъ, какъ и сами себя называя, шляхтичами". Коллегія указывала на то, что козакамъ по пунктамъ Богдана Хмельницкаго позволено судиться по своимъ правамъ, но какія это права,—узнать ни откуда нельзя: второй роздѣлъ Статута, трактующій о службѣ воинской, отмѣненъ конституціей 1569 г., и хотя въ конституціи 1609 г. упоминается особенное военное право, но оно въ Малороссіи неизвѣстно. При учрежденіи земскихъ и гродскихъ судовъ въ Малороссіи причислены къ разбору въ оныхъ и дѣла козачьи. Все это, по словамъ коллежскаго наказа, ведетъ къ затрудненіямъ и часто къ нерѣшимостямъ [1]). Противъ дозволенія козакамъ судиться въ однихъ судахъ и однимъ правомъ съ шляхетствомъ было и Черниговское шляхетство: „роздѣлъ 4-й (Статута),—заявляло оно въ своемъ наказѣ,—заключающій въ себѣ законы о судахъ земскихъ и гродскихъ и объ образѣ разбора тяжебъ, отечеству нашему служить не можетъ, понеже по привилегіямъ тѣ суды предоставлены одному шляхетству, которое, сперва обязанное службою въ войскѣ запорожскомъ, подвергнуло себя съ имѣніемъ начальникамъ козачьимъ, но послѣ того недавно, возстановляя земскіе суды, примѣшали къ нимъ и козаковъ" [2]). Черниговское шляхетство просило объ установленіи земскихъ судовъ для одного шляхетства [3]).

Въ коммиссіи, куда поступилъ наказъ коллегіи, вопросъ о правѣ козаковъ судиться на ряду съ шляхетствомъ въ земскихъ судахъ нашелъ себѣ заступника въ лицѣ Полетики, доказывавшаго, что такой порядокъ вполнѣ законенъ и что „сему инако и быть было нельзя". По объясненію Полетики, „отъ самаго учрежденія своего козаки, получивъ отъ королей польскихъ многія изъ тѣхъ вольностей и выгодъ, которыми пользуется шляхетство, и судомъ были вѣдомы въ тѣхъ же мѣстахъ, что и шляхетство". Украинскій патріотъ доказывалъ это положеніе ссылками на 1 арт. 1 розд. и 2 арт. 3 розд. Статута, на конституціи 1601, 1633, 1635, 1642 и 1652 гг. и на Зборовскій договоръ Хмельницкаго, по которому „договоренось, чтоб козаки судимы были въ въ гражданскомъ Кіевскомъ судѣ" [4]).

---

[1]) Сб. Имп. Русск. Историч. Общ. т. XXIII, стр. 218.

[2]) Наказы малор. депутатамъ, стр. 15.

[3]) Ibid, стр 11.

[4]) Наставленіе выборному отъ Мал. Кол. въ коммиссію о сочиненіи проэкта новаго уложенія г. коллежскому совѣтнику и члену той коллегіи Дмитрію Натальину и возраженіе депутата Григорія Полетики на оное наставленіе, стр. 27 и 28.

Недоразумѣнія относительно „существа суда и расправы малороссійскихъ козацкихъ полковъ" разрѣшены были наконецъ извѣстнымъ указомъ 20 декабря 1768 г., установившимъ, что подчиненныя Малороссійской коллегіи козацкія войска, яко поселяне, судимы должны быть во всѣхъ своихъ земскихъ дѣлахъ съ прочими малороссіянами по точной силѣ малороссійскихъ правъ и статутовъ, а въ исправляемой ими по званію ихъ воинской службѣ руководствуемы и судимы, не завися отъ оныхъ, по содержанію воинскаго устава и военнаго артикула [1]). Высочайшій указъ такимъ образомъ санкціонировалъ выработанный жизнью порядокъ и устранилъ поводы къ дальнѣйшимъ недоразумѣніямъ. Подъ его эгидой украинское козачество продолжало пользоваться тѣмъ же судомъ и правомъ, что и шляхетство, вплоть до полной отмѣны статутовыхъ судовъ. Raison d'être такого порядка въ концѣ концовъ долженъ былъ признать и главный его противникъ—Румянцевъ: въ 1781 г., наканунѣ введенія общерусскаго судоустройства, мы видимъ его уже сторонникомъ подсудности козаковъ проэктируемымъ уѣзднымъ судамъ, предназначавшимся, какъ извѣстно, для одного дворянства [2]).

Если могли быть споры относительно подсудности шляхетскимъ судомъ рядовыхъ козаковъ, то повидимому не могло быть и рѣчи о правѣ земскихъ судовъ привлекать къ своему присуду мѣщанство. А между тѣмъ такіе случаи бывали, и притомъ очень не рѣдко. Въ 1764 г. мы видимъ споръ между Стародубовскимъ магистратомъ и тамошнимъ земскимъ судомъ изъ за того, что послѣдній привлекалъ къ своему присуду лицъ, подсудныхъ магистрату. Дѣло доходило до генеральнаго суда, и было рѣшено въ пользу магистрата [3]). Въ Погарскій земскій судъ лицами разныхъ званій подавались жалобы на мѣщанъ, которые и привлекались къ отвѣту: въ іюнѣ 1765 года изъ 16 дѣлъ, вступившихъ въ земскій судъ, по 5 въ качествѣ отвѣтчиковъ были вызваны мѣщане [4]). Въ томъ же году Черниговскій земскій судъ требовалъ отъ магистрата передачи ему всѣхъ гражданскихъ дѣлъ, находя, что съ учрежденіемъ земскихъ судовъ магистраты не имѣютъ уже права разбирать тяжебныхъ дѣлъ между мѣщанствомъ. Земскій судъ ссылался при этомъ, между прочимъ, на гетманскій ордеръ отъ 30 іюля 1763 г., коимъ повелѣно магистратамъ не быть въ вѣдѣніи и командѣ полковыхъ канцелярій, кромѣ нарядовъ, общенародныхъ повинностей и *земскихъ дѣлъ*, а такъ какъ земскіе суды въ области гражданскаго судопроизводства за-

---

[1]) Архивъ Мал. Колл. № 28205.

[2]) Докладъ Румянцева Екатеринѣ II въ 1781 г., въ Кіевской Старинѣ 1884, кн. 12 стр. 694.

[3]) Арх. Мал. Колл. № 1654.

[4]) Арх. Мал. Колл. № 21192.

ступили мѣсто полковыхъ канцелярій, то стало-быть имъ и принадлежитъ разборъ мѣщанскихъ тяжебныхъ дѣлъ. Магистрату пришлось защищать свои права передъ коллегіей, ссылаясь на стародавнія привилегіи, подтвержденныя гетманами и государями, а гетманскій ордеръ толковать въ томъ смыслѣ, что онъ „касается до самого токмо магистрата, а не подсудственныхъ магистратскихъ, т. е. ежели бъ кто за что по земству на магистратѣ искалъ“. Протестъ магистрата былъ уваженъ и земскимъ судамъ приказано, дабы они „въ расправу между мѣщанами и прочими магистратскаго вѣдомства людьми не вступали, такожъ и по искамъ чьимъ либо на нихъ мимо магистратъ въ судъ свой земскій къ отвѣту не привлекали“ [1]).

Распоряженіе коллегіи исполнялось, однако, плохо. Въ 1767 г. Румянцевъ обращалъ вниманіе коллегіи на то, что земскіе суды какъ козаковъ, такъ и „гражданъ, подлежащихъ въ магистратахъ праву Магдебургскому, призываютъ и такъ въ тѣхъ, яко и въ другихъ отсуживаютъ имѣнія во многихъ случаяхъ, гдѣ бы имъ не только въ размотрѣніе вступать, но и просьбы принять не слѣдовало“. „Я имѣлъ не одно доношеніе отъ мѣщанъ и козаковъ и видѣлъ, сколь первыхъ имѣнія въ городахъ, магистраты имѣющихъ, суды земскіе отказуютъ за другихъ, минуя магистратскій судъ, гдѣ право гражданское безъ употребленія остается“. Дабы устранить въ будущемъ возможность подобныхъ явленій, Румянцевъ предлагалъ коллегіи на первый случай, выписавъ изъ правъ, какія дѣла судамъ земскимъ на разсмотрѣніе опредѣлены, „запретить онымъ, чтобы они въ гражданскія дѣла не вступали и мѣщанъ, коимъ судимымъ должно быть въ магистратѣхъ, къ суду земскому не привлекали“ [2]).

Мы не знаемъ, какія мѣры приняла коллегія къ огражденію правъ мѣщанскаго суда, но только жалобы на вмѣшательство земскихъ судовъ въ дѣла, подлежащія вѣдѣнію магистратовъ, не прекращались. Разница была лишь въ томъ, что прежде земскіе суды привлекали къ своей юрисдикціи мѣщанъ въ качествѣ отвѣтчиковъ по возбуждаемымъ противъ нихъ искамъ, а послѣ 1767 г. хотя этого и не дѣлали, но допускали мѣщанъ безпрепятственно актовать всякаго рода сдѣлки и продажи въ земскія книги, вслѣдствіе чего мѣщанскія имѣнія выходили изъ подъ юрисдикціи магистрата. Такъ, напр., очень не рѣдко бывало въ Нѣжинѣ, какъ это видно изъ жалобы магистратскихъ урядниковъ, представленной ими въ коллегію въ 1773 г. [3]). Нужно, впрочемъ, замѣтить, что въ такихъ случаяхъ магистраты всегда встрѣчали полную поддержку со стороны высшаго краеваго правительства.

---

[1]) Архивъ Мал. Колл. № 1654.

[2]) Чт. Общ, Лѣт. Нестора, V, отд. III, стр. 131.

[3]) Архивъ Мал. Колл. № 2343.

Привлеченіе мѣщанъ къ юрисдикціи земскихъ судовъ было нарушеніемъ закона, ибо по своимъ привилегіямъ мѣщанство присуду земскихъ судовъ не подлежало; что же касается посполитства, то, насколько позволяетъ судить имѣвшійся въ нашемъ распоряженіи матеріалъ, можно думать, что въ земскихъ судахъ оно никогда не судилось. Гражданскія дѣла свободнаго посполитства вѣдались въ ратушахъ, а имущественные интересы панскихъ подданныхъ защищалъ ихъ владѣлецъ: если нарушителемъ этихъ интересовъ являлся козакъ, панъ или попъ,—дѣло разбиралось по иску владѣльца въ земскомъ судѣ, если мѣщанинъ или коронный посполитый,—въ магистратѣ или ратушѣ, если же подданный другаго пана,—искъ вчинался не противъ этого подданнаго, а противъ его пана и дѣло разбиралось въ земскомъ судѣ.

Такимъ образомъ вѣдѣнію земскаго суда подлежали только шляхетство, козаки и духовенство, а такъ какъ всѣ эти сословія издавна пользовались на Украйнѣ одними и тѣми же шляхетскими правами, то суды земскіе можно было назвать до извѣстной степени судами шляхетскими. Иначе было дѣло въ гродскихъ судахъ. Здѣсь на ряду съ шляхетствомъ и козаками судилось и посполитство и всѣ вообще разночинцы. Свободный посполитый, совершившій уголовное преступленіе, подлежащее вѣдѣнію гродскаго суда, обыкновенно арестовывался и допрашивался въ своей ратушѣ, а затѣмъ вмѣстѣ съ снятымъ съ него допросомъ препровождался въ гродскій судъ; панскій подданный или представлялся самимъ владѣльцамъ, или высылался по требованію гродскаго суда.

Лица, подсудныя статутовымъ судамъ, были подсудны имъ безъ всякихъ ограниченій какимъ либо чиномъ или рангомъ. И рядовой козакъ, и бунчуковый товарищъ, и любой изъ чиновъ генеральныхъ были одинаково обязаны отвѣчать по позву земскаго суда. Въ этомъ отношеніи реформа внесла крупный переворотъ въ юридическія воззрѣнія украинцевъ, привыкшихъ къ порядку, при которомъ сотникъ могъ быть судимъ только полковымъ судомъ, а полковникъ или бунчуковый товарищъ—генеральнымъ. Новый порядокъ, конечно, не могъ быть усвоенъ сразу, и случалось, что гродскіе и земскіе суды не рѣшались принимать просьбъ и посылать позвы, когда дѣло касалось лицъ, до реформы нижнимъ судамъ не подсудственныхъ. Такъ въ 1767 г. войсковые товарищи Бутовичи подали въ Сенатъ прошеніе на бывшаго гетмана Разумовскаго, къ которому они имѣли претензію за имѣніе, „неналежно" перешедшее въ собственность графа, т. е. поступили такъ, какъ оно и слѣдовало по старому порядку, когда жалоба могла подаваться только „по командѣ". Сенатъ возвратилъ просьбу съ приказомъ просить сперва въ нижнемъ судѣ. Слѣдовало подать жалобу по мѣсту нахожденія имѣнія въ земскій судъ Глуховскаго повѣта, но земскій судъ исковаго доношенія

не принялъ безъ особливаго отъ Малороссійской коллегіи повелѣнія. Та же исторія повторилась и съ женою надворнаго совѣтника Фридрикевича, которой предстояло подавать исковое прошеніе въ Батуринскій судъ; узнавши, однако, о судьбѣ иска Бутовичей, Фридрикевичева обратилась предварительно къ Румянцеву, и тотъ уже приказалъ, чтобы просьбы на бывшаго гетмана земскими судами принимались безпрепятственно [1]).

Какія дѣла подлежали разбору гродскихъ и земскихъ судовъ? Если мы скажемъ, что земскій судъ вѣдалъ дѣла гражданскія, а гродскій уголовныя, то получимъ опредѣленіе далеко не точное. Такъ наз. „выбитье изъ дому или изъ спокойнаго владѣнія“, „похвалка на здоровье“, „безправный грабежъ“, не соединенный съ насиліемъ надъ личностью, оскорбленіе чести— все это уголовныя преступленія, а между тѣмъ сплошь и рядомъ вѣдались они судами земскими. Малороссійскіе суды не знали раздѣленія дѣлъ на уголовныя и гражданскія; въ 18 ст. ихъ дѣлили обыкновенно на колодничьи и челобитчиковы. Но и это дѣленіе не можетъ служить основаніемъ для разграниченія компетенціи гродскихъ и земскихъ судовъ, ибо тотъ же гродскій судъ, который вѣдалъ дѣла колодничьи, разбиралъ и постановлялъ свои рѣшенія и по дѣламъ челобитческимъ. Гораздо вѣрнѣе опредѣлится кругъ вѣдомства каждаго суда, если мы примемъ дѣленіе „справъ“ по степени наказуемости. Литовскій Статутъ, служившій главнымъ основаніемъ малороссійскихъ правъ, различаетъ „речи крвавые, за што горломъ караютъ“ и „речи меньшие некрвавые где о горло нейдетъ“, и вотъ, если мы выдѣлимъ въ особую группу „речи крвавые“, то и получимъ какъ разъ тотъ кругъ дѣлъ, который подлежалъ исключительно вѣдѣнію гродскихъ судовъ. Сюда относятся: преступленія противъ жизни и здоровья, (убійство, раны, увѣчье и т. п.), противъ нравственности („кгвалтованье девки и невесты“, непотребство, сводничество), противъ семейственнаго права (насильственное вступленіе въ бракъ, двоеженство, преступленія противъ родителей, похищеніе замужней женщины и т. д.), всякаго рода „фальшъ“, гвалтовный наѣздъ на домъ и всякія помѣщенія, гдѣ находится имущество, разбой, поджегъ двора или гумна, кража, пристанодержательство. Если къ перечисленнымъ преступленіямъ прибавимъ еще кое какія полицейскія правонарушенія (безпаспортность, несоблюденіе правилъ общественной безопасности и т. п.), то этимъ и опредѣлимъ кругъ дѣлъ, всецѣло подлежавшихъ вѣдѣнію гродскихъ судовъ [2]). Затѣмъ былъ цѣлый рядъ дѣлъ одинаково подсудныхъ

---

[1]) Чт. Общ. Лѣт. Нестора, V, отд. III, стр. 128—129.

[2]) Преступленія противъ вѣры, военныя и политическія вѣдѣнію гродскихъ судовъ не подлежали: первыя вѣдались духовными судами, для вторыхъ, согласно указу 20 декабря 1768 г., существовалъ въ Глуховѣ особый судъ, а политическія преступленія разсматривались генеральнымъ судомъ и коллегіей. (Арх. Мал. Колл. № 12910.).

какъ гродскимъ, такъ земскимъ судамъ, смотря по тому, гдѣ начиналось дѣло. Таковы дѣла объ уходѣ слугъ или подданныхъ, о похвалкахъ на жизнь и здоровье, гвалтовое выбитье изъ дому или изъ спокойнаго владѣнія, отнятіе имѣній, грунтовъ, подданныхъ, оскорбленіе частнаго лица словами или дѣйствіемъ, оскорбленіе суда и вознаго, нарушеніе постановленій о судебныхъ пошлинахъ и т. п.,—всѣ эти дѣла могли вѣдаться и гродскими, и земскими судами, судя по времени подачи жалобы и другимъ, опредѣленнымъ въ Статутѣ, условіямъ. Всѣ остальныя дѣла были всецѣло подсудны судамъ земскимъ. Исключеніемъ въ этой послѣдней группѣ являлись, повидимому, только дѣла объ имѣніяхъ выморочныхъ и коронныхъ (такъ наз. государевыхъ), которыя по силѣ указа 10 сентября 1763 г. [1]) должны было рѣшаться не общими судами, а слѣдственнымъ порядкомъ въ особыхъ коммиссіяхъ при депутатѣ отъ генеральнаго суда. Съ учрежденіемъ земскихъ судовъ эти послѣдніе начали было привлекать къ своему разбору и такого рода дѣла, но скоро были остановлены распоряженіемъ гетмана съ напоминаніемъ о неуклонномъ исполненіи указа 10 сентября 1763 г. Благодаря этому, изъ вѣдѣнія земскихъ судовъ былъ изъятъ цѣлый рядъ дѣлъ по спорамъ о такъ наз. ранговыхъ маетностяхъ [2]).

Въ такомъ видѣ представляется нашъ вопросъ касательно разграниченія сферъ вѣдомства земскихъ и гродскихъ судовъ. Мнѣніе свое мы основывали на сравненіи указаній Статута съ данными малороссійской судебной практики, памятниками которой остались дѣла Харьковскаго историческаго архива [3]). Очень можетъ быть, что въ нашихъ выводахъ много неточностей, произшедшихъ какъ отъ недостаточнаго знакомства съ матеріаломъ, такъ и отъ поспѣшнаго признанія единичныхъ исключеній за общія правила. А что такія исключенія были возможны, что малорусскіе суды могли путаться въ вопросѣ о подсудности и привлекать къ своему присуду такія дѣла, какія ихъ вѣдѣнію не подлежали,—видно уже изъ того, что ни при возстановленіи статутоваго судоустройства, ни позже не было сдѣлано никакихъ болѣе или менѣе точныхъ разъясненій касательно компетенціи гродскихъ или земскихъ судовъ. „Всѣ духовные и мірскіе владѣльцы и шляхетство и прочіе всякаго званія чины отъ высшаго до низшаго во всѣхъ спорахъ за земли и всякія недвижимыя имѣнія и въ прочихъ, принадлежащихъ до суда земскаго, дѣлахъ должны расправою вѣдомы и судимы быть въ томъ земскомъ судѣ, до вѣдомства котораго то имѣніе принадлежитъ, а въ прочихъ слу-

---

[1]) П. С. З. т. XVI, № 11915.

[2]) Арх. Мал. Колл. 2646.

[3]) Арх. Мал. Колл. №№ 20107, 25059, 13535, 13286, 12913, 21322‘ 30816, 5055, 5054, 1507, 20630, 28006, 10629, 12910, 335, 6302, 6301, 446, 441, 444, 431, 438, 439, 436, 435, 432, 431, 443, 445, 285, 705, 643, 640, 370, 929, 12455, 21192, 17469.

чаяхъ и претензіяхъ, до расправы гродскаго суда принадлежащихъ, такъ же всѣ владѣльцы, шляхетство и прочіе чины безъ изъятія судимы должны быть въ полковыхъ канцеляріяхъ, почитаемыхъ нынѣ за гродскіе суды"—таково самое подробное изъ дошедшихъ до насъ указаній касательно компетенціи земскихъ и гродскихъ судовъ. Всѣ дальнѣйшія ограничивались обыкновенно лаконической фразой: „поступать по силѣ правъ малороссійскихъ". При такихъ условіяхъ ошибки въ пониманіи своихъ правъ и обязанностей со стороны судовъ были вполнѣ возможны, а стало быть возможны ошибки и въ выводахъ, основанныхъ на данныхъ судебной практики.

Мы только что сказали, что „речи крвавые" подлежали исключительному и непремѣнному вѣдѣнію гродскихъ судовъ, но тутъ же должны указать и на исключеніе изъ этого общаго правила. Такимъ исключеніемъ былъ Глуховскій земскій судъ: въ немъ на ряду съ земскими дѣлами вѣдались и гродскія. Въ дѣлахъ Глуховскаго земскаго суда за 1765 г. находимъ „мнѣнія" о святотатцахъ, о ворахъ, о безпаспортныхъ. Въ Глуховской земской тюрьмѣ въ декабрѣ того же года сидѣлъ одинъ смертоубійца, 10 воровъ, 3 безпаспортныхъ [1]). Тоже видимъ и въ слѣдующіе годы. Почему было такъ,—не знаемъ. Можно думать, что такой порядокъ вызывался какъ исключительнымъ положеніемъ Глухова, такъ и величиною территоріи Нѣжинскаго полка, для котораго одинъ гродскій судъ былъ во всякомъ случаѣ недостаточенъ. На сколько знаемъ, Глуховскій судъ очень тяготился своимъ исключительнымъ положеніемъ и желалъ избавиться отъ колодничьихъ дѣлъ. Въ февралѣ 1781 г. онъ представлялъ коллегіи, что для колодничьихъ дѣлъ ему приходится расходовать свою бумагу и сургучъ и отапливать на свои средства тюрьму, гдѣ содержатся колодники; что средствъ больше у него нѣтъ и потому „присутственная изба и тюрьмы уже 3-ью недѣлю не топятся и по зимнему времени присутствіе продолжается съ крайнею нуждою, черезъ что въ производствѣ и рѣшеніи дѣлъ колодничьихъ, такъ равно и въ отправленіи о колодникахъ мѣсячныхъ вѣдомостей и другихъ узаконенныхъ отписокъ слѣдуетъ не малая остановка, да и впредь присылаемые колодники по неимѣнію бумаги и по невозможности писать могутъ остаться въ холодныхъ избахъ безъ допроса". Далѣе земскій судъ жаловался, что, „хотя въ судѣ имѣются и челобитческія дѣла, требующія окончанія по рокамъ ихъ, но за колодничьими и криминальными дѣлами малой успѣхъ въ рѣшеніи оныхъ имѣютъ", а потому, опасаясь, „дабы иногда за показанную по упомянутымъ колодничьимъ дѣламъ черезъ вышеписанное слѣдуемую остановку не могло быть на суду взысканіе", просилъ коллегію, „не повелѣно ль будетъ отъ оныхъ колодничьихъ дѣлъ

[1]) Архивъ Малор. Колл. № 6301.

земскій судъ освободить и таковыя сложить на Нѣжинскій гродскій судъ, къ разбору коего по правамъ принадлежатъ оныя". Попытка эта, однако, не удалась: коллегія снабдила земскій судъ бумагою и сургучемъ, а колодничьи дѣла оставила на его обязанности по прежнему [1]). Такъ продолжалось до введенія общерусскихъ судовъ.

Предѣлы компетенціи гродскихъ судовъ были различны, смотря по характеру подлежавшихъ ихъ разсмотрѣнію дѣлъ. Въ „речахъ крвавыхъ" (дѣлахъ колодничьихъ) гродскій судъ не имѣлъ права „финально резольвовать", а могъ только постановлять свои „мнѣнія", которыя затѣмъ отсылались на разсмотрѣніе генеральнаго суда и, наконецъ, поступали на конфирмацію Малороссійской коллегіи; до резолюціи коллегіи „мнѣніе" гродскаго суда въ исполненіе не приводилось. Въ „речахъ не крвавыхъ" (челобитческихъ) гродскій судъ постановлялъ уже не „мнѣнія", а рѣшенія, которыя и подлежали исполненію, если стороны не заявляли о желаніи апеллировать въ генеральный судъ. Земскій судъ постановлялъ рѣшенія, которыя, какъ и рѣшенія гродскаго суда, подлежали пересмотру только въ апелляціонномъ порядкѣ.

Чтобы покончить съ вопросомъ о компетенціи статутовыхъ судовъ, намъ остается добавить два слова о судахъ подкоморскихъ. Подкоморскій судъ вѣдалъ только аргарные споры въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло можно было рѣшить только путемъ осмотра спорнаго участка по мѣстѣ. Къ разбору дѣла подкоморый приступалъ обыкновенно по предложенію земскаго суда, которому онъ и обязанъ былъ послѣ разбора возвратить дѣло вмѣстѣ съ своимъ рѣшеніемъ. Хотя гродскіе суды и не касались земскихъ дѣлъ, но и имъ иногда приходилось обращаться къ подкоморымъ: подана, напр., жалоба на „выбитье изъ спокойнаго владѣнія", а между тѣмъ безъ осмотра нельзя рѣшить, кто былъ фактическимъ хозяиномъ этого владѣнія; найденъ трупъ убитаго человѣка въ лѣсу и нужно знать, кому именно принадлежитъ данный участокъ лѣса, и т. п. Иногда, наконецъ, подкоморому приходилось разбирать дѣла и по просьбѣ самихъ челобитчиковъ,—это въ тѣхъ случаяхъ, когда подкомораго просили провести границу или обмежевать данный участокъ. Рѣшенія подкоморыхъ, какъ и рѣшенія земскихъ судовъ, подлежали пересмотру только въ апелляціонномъ порядкѣ.

Глава VII.

Законы, коими руководились гродскіе, земскіе и подкоморскіе суды. Литовскій Статутъ. Порядокъ. Права Цесарскія и Магдебургскія. Саксонъ. Общерусскія узаконенія 18 ст. Судебныя рѣшенія въ „речахъ некрвавыхъ" и дѣлахъ земскихъ.

Какими законами судились въ земскихъ, гродскихъ и подкоморскихъ судахъ? Возстановляя земскіе суды, реформаторы 1763 г. вездѣ указывали

[1]) Архивъ Мал. Колл. № 929

на то, что они возстановляютъ старый статутовый порядокъ. „Суды земскіе въ принятіи, произвожденіи, разсмотрѣніи и рѣшеніи всѣхъ тѣхъ дѣлъ, кои до нихъ принадлежатъ, должны поступать во всемъ по наставленію въ правахъ малороссійскихъ безъ всякой отмѣны“, сказано въ гетманскомъ универсалѣ 19 ноября, а „малороссійскія права“ въ то время значили прежде всего Литовскій Статутъ. Такъ именно разумѣло ихъ и гетманское правительство, и его замѣстители, и челобитчики, и сами суды. Когда зашла рѣчь о снабженіи земскихъ судовъ всѣмъ необходимымъ, единственная „правная книга“, которую требовали суды для своего руководства, была Статутъ. Статутъ же былъ и единственнымъ кодексомъ, которымъ считало необходимымъ снабдить новые суды и само Глуховское правительство.

Если Статутъ имѣлъ такое преимущественное значеніе въ практикѣ малорусскихъ судовъ, то позволительно спросить, что такое былъ этотъ Статутъ, точнѣе: какова была редакція Статута, употреблявшагося въ это время въ судахъ гродскихъ и земскихъ? Была ли въ употребленіи одна опредѣленная редакція Статута или разныя? Какъ извѣстно, по этому вопросу существуютъ два мнѣнія. По мнѣнію В. И. Баршевскаго, „судебныя мѣста Малороссіи до появленія печатнаго Статута 1811 г. при Правительствующемъ Сенатѣ на польскомъ языкѣ съ переводомъ на русскій руководствовались списками Мамончевскаго изданія“, ибо де познѣйшіе переводы съ польскаго, какъ неоффиціальные, „не могли бы служить текстомъ для разрѣшенія дѣлъ судебныхъ“. По мнѣнію А. Ѳ. Кистяковскаго, Мамоничевскій Статутъ вышелъ въ Малороссіи изъ употребленія и съ половины XVIII въ малорусскихъ судахъ употреблялся Статутъ, переведенный съ польскаго, при чемъ самой распространенной редакціей былъ переводъ, сдѣланный коммиссіей для перевода и свода малороссійскихъ правныхъ книгъ [1]).

Чтобы разобраться въ этихъ двухъ мнѣніяхъ, приведемъ нѣсколько выписокъ.

Въ 1764 г. 16 артикулъ 1 розд. Статута, имѣвшагося въ генеральной канцеляріи, читался такъ: „если бы хто писмамъ или печатямъ нашимъ какой подлогъ здѣлалъ, или противъ руки нашей, также канцлера, подканцлера, писаровъ нашихъ дворныхъ земских гродских и подкоморскихъ великаго княжества литовского писма или привилею которую замисливши таковый за обличеніемъ огнемъ зженъ быть имѣетъ“.

12 арт. 4 розд. читался такъ: „во всякую провинцію печати давать подъ гербом великого княжества литовского подъ погономъ, вкругъ же того

---

[1]) Мнѣніе И. В. Теличенко („Очеркъ кодификаціи малороссійскаго права до введенія Свода законовъ“) въ значительной степени совпадаетъ со взглядами г. Баршевскаго, а потому мы не останавливаемся на немъ отдѣльно, хотя и пользовались этой прекрасной работой.

герба прописивать имя той провинціи, в которую та печать будетъ давана, и ту печать писаръ земскій присяглій самъ у себе, а не хто иной хранить имѣетъ которою печатью подъ титлою Государственною печатать толко едны позвы, а другихъ никакихъ писемъ тою печатью непечатать а судовіе выписы и признатья увѣщателные опредѣлителные на владѣнія и прочіе всякіе писма печатать печатьми судіи и подсудка за подписомъ толко писаревымъ".

Того же розд. арт. 13 въ пунктѣ 1 установлено: „дабы во всякой такой провинціи гдѣ есть судъ земскій в крѣпости или в дворѣ Государевомъ судія, подсудія и писарь земскіе купно зъ шляхтою и всѣми иными чинами усмотря зъдѣлали таковые мѣста гдѣ бы всегда книги земскіе въ безопаствѣ отъ всякихъ случаевъ хранимы были того для воеводы и старосты судовые во всякой провинціи в крѣпости или во дворѣ Государевомъ судовую кладовую такую добрую и безъопасною попустить имъ на то должны; а гдѣ бы таковыхъ кладовыхъ небыло тамъ для устроенія оной кладовой ради содержанія въ ней книгъ самихъ, воеводи и старости судовые мѣста приличные в крѣпостехъ и дворѣхъ нащихъ указать и дать и оное содержаніе книгъ земскихъ доброю сторожею всегда оберегать имѣютъ".

2 пунктъ того же арт.: „тѣмъ же порядкомъ воеводи и старости судовые во всякой провынціи мѣста приличные для устроенія домовъ на отъправленія судовъ земскихъ недалече отъ крѣпости и домовъ нашихъ судовыхъ суду земскому и шляктѣ показать и опредѣлить имѣютъ, а чиновники земскіе всякаго званія зъ людьми той провынціи должны будутъ какъ кладовые для книгъ судовыхъ в крѣпости или во дворѣ нашемъ мѣсто такъ и тотъ домъ судовый устроить зъ тѣхъ же денегъ какъ особливымъ установленіемъ тое учреждено есть и то накрѣпко содержано быть имѣетъ".

Розд. 4 арт. 4 пунктъ 5: „писаръ земскій канцеляриста одного или двухъ или сколко ему надобно будетъ можетъ имѣтъ, прилѣжно же того досматривая чтобъ дѣла безъволокитно вѣрно праведно тотчасъ в книги были вписаны, а естли бы въ дѣлахъ каковая помилка чрезъ нихъ учинилась то шляхта не на тѣхъ канцеляристахъ но на самомъ писару чрезъ оное погрѣшеніе здѣлавшихся убытковъ своихъ искать имѣетъ".

Розд. 9 арт. 10: „дабы вотправленіи всяких дѣлъ до уряду подкоморого надлежащихъ никакого промедлѣнія и затруднѣнія небыло но къ скорѣйшому окончанію справедливость приходила, для того въ каждомъ повѣтѣ подкоморый рады помощи своей имѣетъ собрать едного или двухъ коморнѣковъ шляхтичовъ в повѣтѣ осѣдлихъ людей достойныхъ и права знающыхъ которій на рокахъ судових предъ кастеляномъ или маршаломъ

и предъ урядомъ повѣтовим земскимъ, а въ небытность кастеляновъ и маршалковъ предъ урядомъ судовым земскимъ и другими чинами на срокъ призванними имѣетъ присягу учинить такъ какъ самъ подкоморый на урядъ свой подкоморскій; а всѣ таковые коморнѣки имѣютъ быть от подкоморого за недосугами его самаго посилани къ расправѣ и граниченью и другимъ дѣламъ до уряду подкоморского надлежащимъ за позвами самого подкоморого толко в рѣчахъ малихъ не важныхъ когда бы шло о влокѣ грунту или менше и въ томъ силу имѣетъ какъ самъ подкоморій и доходъ коморнѣковъ от границъ, копцовъ и меж имѣетъ быть такой какъ подкоморому; а въ болшихъ дѣлахъ самъ подкоморый ездитъ и расправлять имѣетъ, а хто бы судомъ коморнѣка небылъ доволенъ, о томъ апелляція должна быть какъ и на подкоморого до суду главного“ [1]).

Таковъ былъ Статутъ, употреблявшійся въ высшемъ учрежденіи края. А вотъ выписки и изъ другихъ Статутовъ, бывшихъ въ пользованіи низшихъ судовъ.

7 артикулъ 4 розд. по Статуту, имѣвшемуся въ Лубенскомъ земскомъ судѣ читался такъ: „если бы хто колвекъ пришедши до суду замкового або земского и тамъ на судѣ або хотя и на улицѣ такожъ въ домѣ или где нибудь вто время когда роки земскіе або рочки гродскіе по порадку статутовому отправлятся будутъ судію, подъсудка и писаря земскихъ или кого зъ урядниковъ гродскихъ словами доткливими славѣ и чести его обругалъ таковій имѣетъ за нашу государеву вину сидѣтъ шестъ неделъ въ замку или дворѣ нашемъ а оного обруганого урядника навязать по чести его шляхетской а если бы ранилъ то смертію казненъ быть имѣетъ, а раненому навязка совито на имѣніи виноватого взискана быть имѣетъ, а дѣтямъ или сродникамъ убитого головщизна на имѣніи выноватого взискана быть имѣетъ вдвое“ [2]).

По Статуту Лубенскаго гродскаго суда 6 арт. 11 розд. читался такъ: „когда би з ненависти и немилости з обохъ сторонъ такъ мужъ яко и жена зъ каких причинъ одинъ другова приправилъ о горло замордовалъ или отруилъ, а то би явно і ясно показалось таковъ обвиненній имѣет быть горломъ казненній“ [3]).

3 пунктъ 10 арт. 11 розд. по Статуту Черниговскаго гродскаго суда читался такъ: „естли съ едной сторони рани будутъ, а зъ другой сторони убитій тогда при ономъ убитомъ тотъ хто права доходить ближшій будетъ доводъ чинить нежели при раненомъ а когда будетъ правомъ поконанъ то есть при освидѣтелствованіи урядовомъ самотретъ съ дѣтми или ближ-

[1]) Архивъ Мал. Колл. № 3391.
[2]) Архивъ Малор. Коллегіи № 25059.
[3]) Архивъ Мал. Колл. № 28106.

ними убитого или с людми общими шляхтою, а не будетъ иметь общихъ людей тогда изъ слугами убитого или з своими также шляхтою а в недостатку шляхти, слугъ тогда и простого стану слугами поприсягнеть такій убійца горломъ каранъ а поголовщина съ имѣнія его имѣетъ быть плачена".

39 арт. того же роздѣла: „естли би люде простого стану убили шляхтича или шляхтянку, тогда сколко ихъ будетъ от сторони исковой предъ правом объвинено и поступкомъ правнимъ ведлугъ артикулу предъписаного 10 то на нихъ доведено имѣютъ въсѣ горломъ карани бытъ; однакожъ такихъ людей простих болѣе трех человѣковъ за едну голову шляхетскую не имѣетъ бытъ карано, а сее имѣетъ розумѣтся о убійствѣ въ сори учиненомъ" [1]).

60 арт. 11 розд. по Статуту того же суда читался такъ: „когда бы которая жена неживучи в станѣ малженскомъ, но вшетечно и непорядочно обходячись и такъ плоду набивши а потом для встиду или по боязни наказанія тотъ плод сама или черезъ кого инного тратила и къ смерти приправила и на таком учинку била сама или тотъ хто от ней дѣлать то будет поймани или же бы то каким слушним и певним знаніемъ и явнимъ доводомъ доказано было таковы какъ тотъ хто то чинит и плодъ такій губить поднялся, такъ и та которая плод свой стратить дала сама имѣютъ горлом казнени быть" [2]).

4 пунктъ 2 арт. того же розд. читался такъ: „если би на гвалтѣ въ домѣ нѣкого незабито ниже раненно толко една шкода учинена таков гвалтъ имѣетъ битъ освѣдѣтелствованъ а при томъ доводѣ у права на гвалтовника имѣетъ на гвалтѣ и шкодахъ самотретъ присягти, а не будет ли имѣтъ шляхти з собою для присяги тогда з домовими своими самочвартъ тоже присягти хотя и не з шляхтою а когда присягнетъ имѣетъ бить гвалту плачено 12 рублей грошей, шкоди ж за доводомъ с навязкою награждени и за вину гвалту в вязенню 12 недель сидѣть имѣетъ" [3]).

Мы не станемъ приводить дальнѣйшихъ выписокъ, а укажемъ еще кой на какіе, имѣющіе отношеніе къ данному вопросу, факты:

1) Цитируя приведенныя выше выписки изъ Статута, генеральная канцелярія ссылалась на печатный Статутъ: „въ Статутѣ напечатано". То же дѣлали Черниговскій и Лубенскій гродскіе суды.

2) На имѣвшихся въ нашемъ распоряженіи присяжныхъ листахъ, изготовленныхъ въ генеральной канцеляріи въ 1764 г. для подкоморыхъ и земскихъ чиновъ, указано, что они переведены съ польскаго Статута.

---

1) Архивъ Малор. Колл. № 5053.

2) Архивъ Малор. Колл. № 20107.

3) Ibid.

3) При обсужденіи вопроса о снабженіи земскихъ судовъ необходимыми принадлежностями генеральная канцелярія предполагала отпустить судамъ деньги на покупку Статута, а Черниговскій земскій судъ просилъ на покупку Статута 4 руб.

4) Въ Роменскомъ земскомъ судѣ употреблялся, съ согласія Глуховскаго начальства, Статутъ, взятый изъ дома Роменскаго сотника, о происхожденіи котораго извѣстно было лишь то, что онъ былъ „списанъ нѣякимсь служникомъ сотеннаго правленія".

Сравнивая выписки изъ Статута генеральной канцеляріи и Статутовъ Лубенскаго гродскаго и земскаго и Черниговскаго гродскаго судовъ, нельзя не замѣтить существенной между ними разницы. Черниговскій и оба Лубенскіе Статута, несомнѣнно, значительно старѣе Статута генеральной канцеляріи: въ ихъ языкѣ находимъ множество элементовъ, свойственныхъ западно-русскому книжному языку XVI и XVII столѣтій. Такія слова и выраженія, какъ „приправилъ о горло", „замордовалъ", „слова дотливыя славѣ и чести", „навязать", „совито", „вшетечно", „плоду набивши" и т. п., какъ и весь строй рѣчи, сразу приводятъ къ предположенію о близкомъ родствѣ этихъ Статутовъ съ Статутомъ Мамоничей, а если сравнить выписки изъ Черниговскаго и обоихъ Лубенскихъ Статутовъ съ соотвѣтственными мѣстами Мамоничевскаго текста, то нельзя не придти къ заключенію, что это тотъ же Мамоничевскій Статутъ, только съ подновленіемъ нѣкоторыхъ обветшалыхъ словъ и формъ. Что именно Мамоничевская, а не какая иная редакція послужила для нихъ прототипомъ, видно и изъ частыхъ ссылокъ на печатый Статутъ: „въ Статутѣ напечатано", а такъ или почти такъ, какъ значилось въ рукописномъ Черниговскомъ или Лубенскомъ Статутѣ, могло быть напечатано только въ Статутѣ Мамоничей, ибо иной печатной западно-русской редакціи не было.

Что касается предположенія о возможности перевода съ польскаго, то оно въ данномъ случаѣ должно быть совершенно устранено, какъ явно невѣроятное. Если бы Черниговскій или оба Лубенскій Статута были, какъ предполагалъ проф. Кистяковскій, переведены съ польскаго и притомъ уже въ концѣ 1-ой половины 18 ст., то несомнѣнно, что западно-русскихъ элементовъ въ нихъ было бы очень не много и ихъ языкъ былъ бы тотъ-же „штацкій" (государственный) языкъ, коимъ написаны и „Права, по которымъ судится малороссійскій народъ": тогда бы вмѣсто „вшетечно обходячись" въ 60 арт. 11 розд. Черниговскаго Статута должно было стоять: „беззаконно обходясь", вмѣсто „плоду набивши"—„прижила дитя", вмѣсто „плодъ тратила и къ смерти приправила",—„нарочно умертвила", и т. д., какъ и въ „Правахъ" [1]). Единственнымъ признакомъ родства Лубенскихъ и Черни-

[1]) „Права, по которымъ судится малороссійскій народъ" гл. 23, арт. 10, пунк. 1-й (стр. 690).

говскаго Статутовъ съ польскими редакціями служитъ развѣ только дѣленіе артикуловъ на пункты, но, во первыхъ, такое дѣленіе выдержано далеко не вездѣ, а, во вторыхъ, легко можетъ быть объяснено не переводомъ, а лишь *вліяніемъ*, которое, при маломъ распространеніи печатныхъ экземпляровъ Мамоничевскаго Статута, несомнѣнно, долженъ былъ оказывать на малорусскихъ юристовъ польскій Статутъ, какъ печатный, а потому и болѣе надежный и вѣрный. [1]).

Что касается Статута генеральной канцеляріи, то его рѣзкое отличіе отъ Лубенскихъ и Черниговскаго Статутовъ намъ, повторяемъ, кажется несомнѣннымъ. Западно-русскихъ элементовъ здѣсь почти не встрѣчаемъ; это настоящій оффиціальный языкъ второй половины 18 ст.,—тотъ языкъ, на которомъ велось тогдашнее дѣлопроизводство въ малороссійскихъ присутственныхъ мѣстахъ. Такія слова, какъ „провинція", „персонально", „пожилое", „пожитки", „накрѣпко", служатъ очевиднымъ доказательствомъ его недавняго происхожденія, а разстановка предложеній и весь строй рѣчи напоминаютъ Мамоничевскій Статутъ развѣ „въ вольномъ переводѣ" Если же принять во вниманіе указаніе о переводѣ присяжныхъ листовъ съ польскаго Статута и ссылки на печатный пунктированный Статутъ, то не совсѣмъ неправдоподобнымъ, думается намъ, будетъ предположеніе, что приведенныя нами выписки изъ Статута генеральной канцеляріи являются современнымъ переводомъ съ польскаго печатнаго Статута, экземпляры котораго, какъ извѣстно, всегда имѣлись въ генеральной канцеляріи. Этотъ блестящій по правильности оффиціальнаго языка переводъ могъ быть результатомъ трудовъ коммиссіи для сочиненія малороссійскихъ правъ, учрежденной при послѣднемъ гетманѣ.

Такъ ли было въ дѣйствительности, или нѣтъ, но въ данномъ случаѣ для насъ важенъ тотъ, повидимому несомнѣнный, фактъ, что Статутъ генеральной канцеляріи разнился отъ Статутовъ Лубенскаго гродскаго и земскаго и Черниговскаго гродскаго судовъ, и что, стало быть, въ этихъ четырехъ присутственныхъ мѣстахъ употреблялись одновременно по крайней мѣрѣ двѣ разныхъ редакціи Статута. А если припомнимъ къ тому же, что въ Ромнахъ судъ употреблялъ Статутъ, Богъ знаетъ кѣмъ и откуда списанный; что само высшее краевое правительство признавало возможнымъ пользоваться въ судебной практикѣ Статутомъ, купленнымъ изъ частныхъ рукъ,—то и мнѣніе о единой оффиціальной редакціи, прототипомъ коей, будто бы, послужилъ Мамоничевскій Статутъ, и мнѣніе о преимущественномъ значеніи Статута, переведеннаго „коммиссіей перевода и свода правъ малороссійскихъ", должны потерять значительную долю своей правдопо-

[1]) См. статью Теличенка „Очеркъ кодификаціи малороссійскаго права до изданія Свода законовъ", Кіев. Стар. 1888, кн. 9, стр. 465—466.

добности. Намъ думается, что въ правительственныхъ учрежденіяхъ Малороссіи были въ ходу самыя разнообразныя редакціи Статута: въ иныхъ попадался печатный польскій, въ другихъ —можетъ быть и печатный Мамоничевскій, а во всѣхъ вообще рукописный въ разныхъ редакціяхъ, прототипомъ коихъ служили, конечно, редакціи Мамоничевская и польская.

Статутъ, какъ мы сказали, имѣлъ преимущественное значеніе въ судебной практикѣ, но это не значитъ, чтобы правосудіе въ малороссійскихъ судахъ отправлялось только по Статуту. На ряду со Статутомъ въ судебныхъ дѣлахъ того времени встрѣчаются ссылки на Порядокъ, Саксонъ, Права Цесарскія и Магдебургскія и на высочайшіе указы 18 ст. Насколько мы могли прослѣдить по имѣвшемуся въ нашемъ распоряженіи матеріалу, роль Порядка была роль вспомогательная. Приговоры суда на немъ одномъ никогда не основывались: артикулы Порядка приводились или въ подкрѣпленіе подходящихъ артикуловъ Статута, или какъ общія юридическія положенія, какъ руководящіе принципы для соображеній суда. Порядокъ, можно сказать, служилъ для судей послѣ Статута важнѣйшимъ руководствомъ, но не въ постановкѣ приговоровъ, а только въ судопроизводствѣ. Чтобы нагляднѣе показать относительное значеніе Порядка и Статута, приведемъ въ видѣ примѣра дѣло казаковъ Руденковъ съ Черниговскимъ Елецкимъ монастыремъ. 1 августа 1766 г. трое казаковъ Выбельской сотни—Омелько, Игнатъ и Иванъ Руденки съ тремя товарищами напали во время оранки на подданнаго Елецкаго монастыря Повжика, прогнали его со вспаханной имъ полосы и засѣяли ее своими сѣменами, при чемъ причинили Повжику и его товарищу „тиранскій бой и увѣчье“. На помощь Повжику подоспѣли его братья, которые захватили у Руденковъ воловъ и сбрую и представили, въ качествѣ уликъ, въ монастырь. Монастырь, какъ владѣлецъ, принесъ жалобу Черниговскому гродскому суду, а послѣдній послалъ для освидѣтельствованія ранъ и побоевъ вознаго и одного изъ своихъ канцеляристовъ, которые и удостовѣрили боевые знаки у Повжика и его товарища. Руденкамъ посланы были позвы. При разборѣ дѣла повѣренный отвѣтчиковъ утверждалъ, что полоса, изъ за которой произошла ссора, искони принадлежала его довѣрителямъ; что побои Повжикомъ и его товарищемъ получены въ обоюдной дракѣ; что сами Руденки получили побои, но по незнанію правъ протестовали объ этомъ не въ гродскомъ судѣ, а въ сотенномъ правленіи; что свидѣтели, выставленные монастыремъ, не должны быть допущены, такъ какъ они находятся съ Повжикомъ въ свойствѣ. Повѣренный истца, ссылаясь на свидѣтелей, доказывалъ, что спорная полоса принадлежитъ монастырю; что уликою отвѣтчиковъ служатъ захваченный у нихъ скотъ и упряжь; что свидѣтели отвѣтчиковъ подкуплены и напоены; что гвалтовнымъ нападеніемъ отвѣтчики нарушили право книги Порядка, въ Придаткахъ

Права Магдебургскаго на листу 102 напечатанное: „жаденъ самъ собѣ справедливости не можетъ чинить, а ни гвалтомъ брать, хотя бы что и свое въ кого найшолъ“. Обсуждая показанія сторонъ, гродскій судъ нашелъ, что Руденки сами не отрицали гвалтовнаго нападенія, а потому, согласно праву Порядковому, въ части 3-й на листу 145 напечатанному, должны быть признаны переконанными правамъ гвалтовниками. Въ виду указаній Порядка (въ Придаткахъ Права Магдебургскаго на листѣ 33), что „доводъ никакій не есть достаточнѣйшій и певнѣйшій надъ той, который есть судовій, бо въ такомъ случаи присяга уже не надобна зъ такова обстоятельства, что здѣлается передъ судомъ, того уже нихто запиратися не можетъ“, судъ нашелъ, что ни сами отвѣтчики въ отмѣну права статутоваго розд. 4 арт. 92 къ отводу припущены быть не должны, яко и исковой сторонѣ надъ ихъ признатье доводить по тому же праву нечего, а потому и постановилъ: ниву съ родившимся на ней хлѣбомъ, согласно 22 арт. 9 розд. Статута, отдать Повжику; съ отвѣтчиковъ по 92 арт. 4 розд. взыскать за гвалтъ въ пользу истца 20 копъ грошей; такъ какъ показаніе Повжика и его товарища, что боевые знаки причинены имъ именно Руденками, требуетъ подтвержденія, то привести Повжика и его товарища къ присягѣ, а за той присягой, какъ за слушнымъ по 77 арт. 4 розд. доводомъ, взыскать съ отвѣтчиковъ въ пользу потерпѣвшихъ, какъ за людей простаго стану (арт. 3 разд. 12), двѣ копы грошей; для приведенія рѣшенія суда въ исполненіе послать вознаго; въ правѣ апелляціи Руденкамъ по 88 арт. 4 розд. отказать, такъ какъ данный искъ есть искъ о выбитьѣ изъ спокойнаго владѣнія, въ чемъ Руденки на судѣ признались; предоставить отвѣтчикамъ, буде пожелаютъ, доказывать въ подлежащемъ судѣ право собственности на спорную землю, согласно 92 арт. 4 розд.

Мы привели случай, когда Порядокъ оказалъ существенное вліяніе на ходъ дѣла, ибо имъ опредѣлилось отношеніе суда къ сторонамъ, но въ постановленіи приговора судъ, какъ мы видѣли, руководился Статутомъ. Подобно этому бывало и въ другихъ случаяхъ. Изъ Порядка малорусскіе судьи заимствовали такія положенія, какъ: „въ жалобахъ по криминальнымъ дѣламъ великую осторожность и уваженіе судъ долженъ имѣть: лучше времѣнемъ есть изъ меньшимъ грѣхомъ виноватого освободить, нежели невинного истязать и казнить“ [1]), или „всякъ зъ сознаття своего почитается за переконаного“ [2]), или „синѣе рани хто отведетъ урадомъ и окаже ихъ, ближшій уже на оніе довести, нежели тотъ, кого винитъ, когда би запирался и хотѣлъ отводится“ и т. п. [3]). Что касается приговоровъ, то ссылки на

[1]) Архивъ Мал. Колл. № 13256.
[2]) Архивъ Мал. Колл. № 20107.
[3]) Ibid.

Порядокъ встрѣчаются въ нихъ очень рѣдко, а если и встрѣчаются, то въ параллель съ соотвѣтственными артикулами Статута, какъ, напр., въ дѣлахъ „объ умерщвленіи блудно прижитой дитини“ [1]).

Еще менѣе, чѣмъ Порядокъ, имѣли значенія Саксонъ и Права Магдебургскія и Цесарскія. Примѣненіе послѣднихъ въ практикѣ низшихъ судовъ намъ встрѣтилось всего одинъ разъ, но и въ этомъ случаѣ ссылка на Права Цесарскія явилась лишь подкрѣпленіемъ соотвѣтствующаго артикула Статута. Вотъ этотъ случай. Въ 1766 г. въ Кролевцѣ взяты были ратушею подъ караулъ посполитые Кузьма Жабченко, Иванъ Багарабъ и Иванъ Илечниченко „по сумнительству на нихъ отъ посполитаго Петра Кота въ убійствѣ и обѣшеніи ими сына его Андрея Котенка“. При „добровольномъ“ допросѣ въ ратушѣ подсудимые винились, яко онаго Котенка во дворѣ шинковомъ въ хатѣ били, а Илечниченко, по показанію Жабченка, билъ и въ сѣняхъ. Въ ратушѣ же былъ произведенъ и допросъ свидѣтелей, а затѣмъ подсудимые отосланы въ Глуховскій земскій судъ, вѣдавшій, какъ извѣстно, и дѣла колодничьи. Здѣсь они были вновь допрошены и послѣ священническаго увѣщеванія переспрошены, но къ прежнему показанію новаго ничего не прибавили: бить—били, а кто онаго Котенка завѣсилъ,— не вѣдають. Впрочемъ, послѣ очной ставки съ Илечниченкомъ Жабченко взялъ назадъ свое прежнее показаніе о томъ, будто бы Илечиченко билъ Котенка въ сѣняхъ, заявивъ, что это было показано имъ „въ горячомъ случаи зъ боязни“. 30 мая дѣло было рѣшено и приговорено: Жабченка, яко главнаго зачинщика, за силу розд. 11 арт. 29 и права Цесарскаго, подъ № 11 напечатаннаго, казнить смертью, а вмѣсто оной сослать въ ссылку, а Багараба и Илечниченка по силѣ права содержать въ Глуховскомъ острогѣ 1 годъ и 6 недѣль. Приговоръ земскаго суда былъ утвержденъ генеральнымъ судомъ и коллегіей.

Не знаемъ, чаще ли бывало въ практикѣ малорусскихъ судовъ примѣненіе Правъ Магдебургскихъ, но роль ихъ была, повидимому, столь же третьестепенной, какъ и роль Правъ Цесарскихъ. Цитаты изъ Магдебургскихъ Правъ мы встрѣтили всего два раза, оба раза въ рѣшеніяхъ Гадячскаго гродскаго суда по двумъ однороднымъ дѣламъ и два раза рядомъ съ соотвѣтственными цитатами изъ Статута и высочайшихъ указовъ, какъ бы для большей полноты и доказательства эрудиціи судей въ правахъ. Рѣдкое цитированіе Магдебургскихъ и Цесарскихъ Правъ даетъ намъ основаніе предполагать, что права эти были знакомы далеко не всѣмъ судьямъ, да врядъ ли и имѣлись во всѣхъ судахъ.

Что касается Саксона, то ссылки на него намъ встрѣчались только въ дѣлахъ о святотатствѣ, и то потому, что Статутъ не выдѣляетъ свято-

[1]) Архивъ Мал. Колл. № 12919.

татства, какъ особаго вида „злодѣйства“. Вотъ для примѣра приговоръ, основанный на Саксонѣ. Козакъ сотни Хорольской Ив. Лещенко пойманъ шептаковскими жителями въ церкви и присланъ въ сотенное Хорольское правленіе въ качествѣ „церковнаго злодія“. Въ Миргородскомъ гродскомъ судѣ Лещенко послѣ допроса повинился въ кражѣ денегъ изъ церковной скрыни; то-же подтвердилъ онъ и послѣ священническаго увѣщанія и розыска. Гродскій судъ, согласно наставленію книги Порядка части 3 стр. 145, призналъ Лещенка переконаннымъ правомъ злодѣемъ и на основаніи Саксона (часть I подъ словомъ „каранье“) приговорилъ его къ 2 годамъ городовой работы. При пересмотрѣ дѣла въ генеральномъ судѣ къ Лещенку были примѣнены 87 арт. Порядка и тотъ же Саксонъ (часть I подъ словомъ „каранье“): онъ былъ присужденъ къ смертой казни, а възамѣну ея—къ ссылкѣ [1]). Тѣмъ же постановленіемъ Саксона руководился и Черниговскій гродскій судъ, осудившій нѣкоего Строевскаго, служившаго въ друкарнѣ Троицкаго Черниговскаго монастыря и совершившаго покражу 1500 руб. изъ церковной скрыни, „на вѣчную ссылку въ Сибѣръ на производимую тамо при Нерчинскихъ срѣбныхъ заводахъ работу“ [2]). Къ святотатству же приравнивалась и какъ святотатство каралась и кража изъ церкви денегъ, принадлежащихъ не церкви, а частному лицу. Таково дѣло Мирона Барабаша и Пантелѣя и Силы Туменковъ, обвинявшихся въ кражѣ изъ церковной скрыни 200 руб., принадлежавшихъ попу Яблонскому. Не смотря на то, что воровство ими было совершено впервые, да и самъ попъ Яблонскій простилъ ихъ, преступники, въ виду того, что „оное воровство послѣдовало въ церкви и въ такой не малой суммѣ, которая гораздо превосходитъ выше того, за что по арт. 7 розд. 14 Статута смертію казнить опредѣлено“, были присуждены, на основаніи Статута и книги Саксона (подъ словомъ „каранье“ на листу 175), къ смертной казни съ замѣной таковой вѣчной ссылкой.

Приведенные случаи примѣненія Порядка, Саксона, Правъ Магдебургскихъ и Цесарскихъ всѣ относятся къ уголовному судопроизводству. Въ области гражданскаго права случаи примѣненія иныхъ законовъ, кромѣ статутовыхъ, очень рѣдки. Такимъ образомъ роль „нѣмецкихъ правъ“ въ разсматриваемое нами время было далеко не столь важной, какъ можно бы заключить по извѣстному докладу Теплова. „Метанья изъ права въ право“ въ судебныхъ рѣшеніяхъ совсѣмъ не замѣтно. Къ тому же и само высшее малороссійское правительство въ лицѣ Румянцева и коллегіи стояло на стражѣ статутовыхъ узаконеній и къ употребленію въ земскихъ и гродскихъ судахъ Порядка, Саксона, Правъ Цесарскихъ и Магдебургскихъ относилось очень неодобрительно. Объ этомъ свидѣтельствуетъ хотя бы ордеръ

[1]) Архивъ Мал. Колл. № 21910.

[2]) Архивъ Мал. Колл. № 438.

Румянцева отъ 1 декабря 1777 г., въ которомъ генералъ-губернаторъ обращалъ вниманіе коллегіи на то обстоятельство, что по правамъ малороссійскимъ магистраты должны руководиться Магдебургскимъ правомъ, земскіе и гродскіе суды—Статутомъ, а полковыя канцеляріи—воинскимъ уставомъ, между тѣмъ изъ доходящихъ къ нему дѣлъ видно, что магистраты рѣшаютъ иногда дѣла по Статуту, а земскіе и гродскіе суды—по Магдебургскому праву, не слѣдуя праву Статутовому, отчего происходитъ замѣшательство и неправосудіе. Румянцевъ поручалъ коллегіи слѣдить за такими нарушеніями малороссійскихъ правъ и взыскивать съ виновныхъ, а также сдѣлать распоряженіе, чтобы присутственныя мѣста судили каждое по законамъ, ему опредѣленнымъ, а изъ другихъ законовъ заимствованія дѣлали только въ случаѣ недостатка точныхъ указаній въ соотвѣтственномъ правѣ [1]).

Уклоненія отъ Статута въ пользу Саксона, Порядка, Правъ Магдебургскихъ и Цесарскихъ были, какъ мы сказали, не слишкомъ часты, и „нѣмецкія права“, за немногими исключеніями, не оказывали никакого вліянія на самый приговоръ; но зато очень часто встрѣчались отступленія отъ Статута въ пользу россійскихъ узаконеній, преимущественно указовъ 18 ст. Высочайшіе указы разныхъ годовъ 18 ст. играли главную роль при опредѣленіи степени наказанія во всѣхъ болѣе или менѣе важныхъ уголовныхъ преступленіяхъ, и можно сказать, что ими еще задолго до формальной отмѣны Статута были сведены на нѣтъ всѣ тѣ его узаконенія, коими опредѣлялась личная кара въ „справахъ криминальныхъ“. Какъ извѣстно, въ этихъ случаяхъ Статутъ, кромѣ наказанія самого преступника, устанавливаетъ еще извѣстное вознагражденіе въ пользу потерпѣвшаго или его наслѣдниковъ, и вотъ мы видимъ, что благодаря вліянію русскихъ узаконеній, степень наказанія преступнику опредѣляется по высочайшимъ указамъ. а вознагражденіе потерпѣвшему и весь вообще порядокъ производства дѣла—по Статуту. Чтобы показать, какъ комбинировались между собою русскія узаконенія и Статутъ, приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ практики малорусскихъ уголовныхъ судовъ того времени. Начнемъ съ наиболѣе тяжелаго уголовнаго преступленія—убійства. Здѣсь съ примѣненіемъ русскихъ узаконеній встрѣчаемся буквально во всякомъ дѣлѣ.

22 апрѣля 1777 г. къ городницкому возному явился подданный переяславскаго сотника Дарогана Илья Кондратовъ изъ села Переписа съ заявленіемъ, что 18 апрѣля подсусѣдокъ стрѣльца Михайленка, Мина Моторный, будучи въ гостяхъ у Якова Грищенка, избилъ его, Кондратова, мачиху Ефимью Глухенькую, отчего она на 4-й день и умерла. Такъ какъ священникъ отказывался хоронить умершую, то Кондратовъ просилъ воз-

[1]) Архивъ Мал. Колл. № 5115.

наго освидѣтельствовать трупъ. Возный нашелъ на покойной боевые знаки, о чемъ и „созналъ“ Черниговскому гродскому суду. Началось дѣло. Такъ какъ Моторный своей осѣдлости не имѣлъ, то по требованію суда его прислали за карауломъ „ку вязенню“. На судѣ Моторный заявилъ, что онъ былъ въ гостяхъ у Грищенка, тамъ поссорился съ одной бабой и хотѣлъ ее бить, но его „выпхали“ изъ хаты; онъ началъ ругаться, а когда его хотѣли прогнать со двора кочергою, онъ схватилъ кочергу и началъ ею бить въ окна, но не знаетъ, ранилъ ли онъ кого, ибо былъ пьянъ, а потомъ жена увела его спать. Опредѣлено было сыскать въ указный поверстный срокъ 5 чел. свидѣтелей, бывшихъ въ компаніи съ Моторнымъ. Всѣ они подъ присягою показали, какъ и подсудимый, за исключеніемъ того обстоятельства, что подсудимый выбилъ окна не кочергою, а дрюкомъ и этимъ же дрюкомъ выбилъ Глухенькой глазъ и пробилъ лобъ до мозгу, отчего она тутъ же и упала, а на 4-й день умерла. Свидѣтели думали, что подсудимый сдѣлалъ это неумышленно. Судъ нашелъ убійство доказаннымъ и по 2 арт. 12 розд. Статута (о мужебойстве межи людьми простого стану) „приложилъ мнѣніе“: Моторнаго казнить смертью, а вмѣсто оной смертной казни сослать въ вѣчную ссылку, поголовныя жъ деньги за убитую жену Глухенькую взыскать по стану ея съ движимаго имущества Моторнаго и отдать, кому по правамъ надлежитъ. Смертная казнь въ данномъ случаѣ была замѣнена вѣчной ссылкой по извѣстному Елизаветинскому указу объ отмѣнѣ смертной казни.

Какъ извѣстно, Литовскій Статутъ выдѣляетъ супругоубійство въ квалифицированный видъ преступленій противъ жизни. Смертная казнь для супругоубійцъ, какъ и для родителеубійцъ, была позорная казнь: преступника возили по рынку, „клещами тело торгали“, а затѣмъ зашивали въ мѣшокъ вмѣстѣ съ собакой, курицей, ужемъ и кошкой и топили въ самомъ глубокомъ мѣстѣ рѣки. Во 2-й половинѣ 18 в. всѣ эти чрезвычайныя карательныя мѣры уже не имѣли мѣста. Наказаніе супругоубійцъ опредѣлялось не 6 арт. 11 розд., а высочайшей грамотой 19 октября 1760 г. 23 августа 1771 г. въ мѣстечкѣ Смѣломъ была найдена убитой женщина Анна Горкунова. На Аннѣ удостовѣрены были вознымъ боевые знаки, а изъ показанія, даннаго мужемъ покойной Горкуномъ въ Смѣлянскомъ сотенномъ правленіи, оказалось, что побои эти нанесъ самъ Горкунъ, поссорившись съ женою по дорогѣ: по его словамъ, онъ ее побилъ и отослалъ къ знакомому козаку Говору за кисетомъ, а черезъ нѣсколько времени ее нашли на дорогѣ мертвой; отчего она умерла,—онъ, Горкунъ, не знаетъ. Въ Лубенскомъ гродскомъ судѣ Горкунъ измѣнилъ показаніе и заявилъ, что Анну побилъ не онъ, а попъ Чудновскій Дуброва за 3—4 дня до смерти. Въ виду разницы въ показаніяхъ судъ, согласно 61 арт. 11 розд., назначилъ

шкрутиніумъ, къ которому опредѣлилъ вознаго съ порученіемъ узнать: не видѣлъ ли кто, чтобы Горкунъ билъ жену на дорогѣ; была ли она за кисетомъ у Говора, какъ ушла отъ него, и жаловалась ли на побои, не видалъ ли Говоръ или его домашніе у нея боевыхъ знаковъ; въ какомъ мѣстѣ нашли трупъ; не билъ ли ее попъ, или кто другой. Возный допросилъ свидѣтелей подъ присягой. Козакъ Говоръ показалъ, что 22 августа Горкунъ съ женой ночевали у него, а на другой день утромъ ушли; Анна за кисетомъ не возвращалась, а о смерти ея онъ узналъ случайно. Зять Говора Ярема Благай показалъ, что ночью на 23 августа во дворѣ Говора Горкунъ билъ жену, а утромъ они оба ушли безъ ссоры. Посполитый Тимко Силенко показалъ, что 23 августа рано утромъ видѣлъ въ окошко Горкуна и его жену, проходившихъ мимо его хаты; Анна просила мужа не бить ее, а тотъ обѣщалъ убить до смерти, но пока Тимко могъ видѣть, Горкунъ не ударилъ ея ни разу. Посполитый Евтушенко слышалъ два удара, а послѣ застонала женщина и стала просить: „не бый мене, даруй душу“; онъ видѣлъ Горкуна и Анну идущими вмѣстѣ, причемъ Анна продолжала просить не бить ея. Чудновскій попъ отвѣтилъ, что никогда не билъ покойной. Не смотря на свидѣтельскія показанія, Горкунъ стоялъ на своемъ даже послѣ священническаго увѣщанія. Гродскій судъ призналъ Горкуна виновнымъ и по 6 арт. 11 розд. „приложилъ мнѣніе“: Горкуна казнить, а вмѣсто смертной казни по высочайшей грамотѣ 19 октября 1760 г. сослать въ вѣчную ссылку въ Сибирь на Нерчинскіе рудники [1]). Точно такъ же поступали съ супругоубійцами и въ другихъ случаяхъ. Подданный Печерской Лавры Евтухъ Бокаченко взятъ былъ подъ караулъ правителемъ іеромонахомъ за умервщленіе жены ядомъ и утопленіемъ. Въ Кіевскомъ гродскомъ судѣ колодникъ добровольно винился и былъ приговоренъ по 6 арт. 11 розд. къ смерти, а вмѣсто нея къ ссылкѣ [2]). Подданная Каменскаго монастыря Домна Баркова представлена въ сотенкое Топальское правленіе, а оттуда въ Стародубскій гродскій судъ за убійство мужа. На судѣ и при „добровольномъ“ допросѣ, и подъ плетьми Домна не винилась, но свидѣтели показали подъ присягой, что когда мужъ ея былъ найденъ убитымъ, она, Домна, „до того убійства винилась, показуя, яко оное учинила купно съ жителемъ Шумиловскимъ Ив. Кривошіемъ, кой бѣжалъ“. Послѣ этого подсудимой оставалось только признаться въ убійствѣ, что она и сдѣлала. И на этотъ разъ былъ процитированъ тотъ же 6 арт. 11 розд., смертная казнь замѣнена ссылкой, а о сыскѣ согласника Домны велѣно во всѣ полки публиковать [3]).

---

1) Арх. Мал. Колл. № 28106.

2) Арх. Мал. Колл. № 12910.

3) Ibid.

Какъ извѣстно, по Статуту убійство шляхтича людьми „простого стану“ каралось смертью, причемъ, если это убійство было умышленнымъ, смертной казни подвергались всѣ участники преступленія, а если въ „звадѣ“,—не болѣе трехъ. Мы приведемъ здѣсь случай убійства въ „звадѣ“ козака (козакъ=шляхтичу) посполитыми, любопытный и по примѣненію къ одному изъ участниковъ гуманнаго указа 1765 г. о несовершеннолѣтнихъ преступникахъ, и по принятой судомъ мѣрѣ приведенія приговора въ исполненіе, заимствованной изъ русскихъ узаконеній 18 ст. Подданные бунч. тов. Лизогуба, Антонъ Байдаченко и Михайло и Григорій Кухари съ товарищами въ дракѣ убили козака Павла Теремца. Не смотря на требованіе гродскаго суда, Лизогубъ долго отказывался выдать подсудимыхъ, ссылаясь на то, что на него, пана, иска отъ родичей убитаго не заявлено; только послѣ вмѣшательства коллегіи Лизогубъ доставилъ подданныхъ въ судъ. Ихъ допрашивали, дѣлали очную ставку. Показанія расходились въ одномъ: кто первый вступилъ въ драку. Дядя и двое племянниковъ убитаго утверждали, что въ драку вступили первыми подданные Лизогуба. Судъ, принимая во вниманіе 10 арт. 11 розд. (о звадахъ) и 39 арт. того же розд. (о каранью людей стану простого за забитье шляхтича), приложилъ мнѣніе: козаку Теремцу (дядя) самотреть съ двумя его сынами дать присягу, что раны его племяннику, отъ которыхъ тотъ умеръ, причинены дѣйствительно подсудимыми и что они первые начали драку, а за тою присягою хотя и подлежатъ подсудимые смертной казни, а вмѣсто оной вѣчной сылкѣ, но такъ какъ Миронъ умеръ уже раньше окончанія дѣла, а Григорій Кухарь не имѣетъ еще полныхъ 17 лѣтъ, то отправить въ вѣчную ссылку только Антона Байдаченка, а о Григоріи Кухарѣ въ силу секретнаго указа 26 іюня 1765 г. представить на благоусмотрѣніе высшаго правительства, поголовныя жъ за убитаго деньги—100 копъ (27 арт. 11 розд.) взыскать по равной части съ имѣній всѣхъ трехъ преступниковъ и отдать наслѣдникамъ убитаго; всѣхъ остальныхъ участниковъ освободить за исключеніемъ Василія Байдаченка, который билъ, ругалъ и прогналъ съ караула козака Побѣдаша: если Побѣдашъ подтвердитъ все это присягою, то Байдаченка отдать на годъ на Глуховскую городовую работу. О Григоріи Кухарѣ было сдѣлано представленіе въ сенатъ, который и рѣшилъ высѣчь его розгами и предать церковному покаянію, а потомъ отдать родичамъ съ обязательствомъ, что будутъ его воздерживать отъ всякихъ противныхъ закону поступковъ. Привести этотъ приговоръ въ исполненіе оказалось, однако, трудно. Еще раньше сенатскаго указа Кухарь былъ взятъ на поруки паномъ его Лизогубомъ, когда же по полученіи сенатскаго указа судъ предложилъ Лизогубу прислать Кухаря для наказанія, Лизогубъ сперва объявилъ, что Кухарь боленъ горячкой, а на вторичное черезъ нѣсколько времени требованіе и

совсѣмъ не далъ никакого отвѣта. Судъ пожаловался коллегіи, а коллегія отвѣтила, что гродскій судъ имѣетъ законы, по коимъ и долженъ поступать, не дѣлая излишней переписки. Тогда судъ рѣшилъ руководствоваться 14 пунктомъ губернаторской и воеводской инструкціи 1728 г. и предписалъ сотенному правленію взять Кухаря, а буде его у Лизогуба не окажется, то Лизогубовскихъ прикащиковъ, старостъ и выборныхъ и съ нарочнымъ прислать въ гродскій судъ. Черниговская консисторія, куда наконецъ былъ доставленъ для духовнаго наказанія Кухарь, потребовала обстоятельныхъ свѣдѣній о дѣлѣ для представленій въ синодъ, а пока сносились съ синодомъ, Кухарь бѣжалъ изъ Елецкаго монастыря, гдѣ онъ содержался по распоряженію духовнаго начальства. Всѣ публикаціи о немъ и розыски не дали никакихъ результатовъ [1]).

Дѣла „объ умерщвленіи блудно прижитой дитини" рѣшались обычно по 60 арт. 11 розд. съ замѣной смертной казни вѣчной ссылкой [2]), но если преступница была несовершеннолѣтнею, наказаніе значительно смягчалось: вмѣсто 60 арт. судъ ссылался обыкновенно на 7 арт., по которому родители за умерщвленіе своего ребенка присуждались къ тюремному заключенію на годъ и 6 недѣль и церковному покаянію, или же руководствовался уже извѣстнымъ намъ сенатскимъ указомъ 26 іюня 1765 г. о несовершеннолѣтнихъ преступникахъ. Посполитая Марья Воликовна обвинялась въ убійствѣ блудно прижитаго ребенка. Въ сотенномъ правленіи она во всемъ созналась, а въ гродскомъ Миргородскомъ судѣ подтвердила признаніе. Судъ примѣнилъ къ подсудимой 7 арт. 11 розд. и сенатскій указъ 26 іюня 1765 г. и присудилъ ее къ отсылкѣ на покаяніе въ Велико-Будищскій дѣвичій монастырь на 1 годъ и 6 недѣль [3]). Въ данномъ случаѣ заключеніе въ монастырѣ явилось замѣною тюремнаго заключенія, но если этого не было, то сверхъ церковнаго покаянія назначалось и тѣлесное наказаніе, а затѣмъ преступница отдавалась на поруки. 15-лѣтняя дѣвушка посполитаго званія Анна Субботова за умерщвленіе блудно прижитаго младенца была приговорена Гадячскимъ гродскимъ судомъ къ смертной казни, а взамѣнъ ея къ вѣчной ссылкѣ. По сенатскому указу было велѣно оную колодницу, наказавъ розгами, поручить священнику на покаяніе, а потомъ отдать родителямъ или родственникамъ съ тѣмъ, чтобы они, имѣя смотрѣніе за нею, старались отъ всякихъ божескимъ и гражданскимъ законамъ противныхъ поступковъ воздерживать [4]). Точно такъ же встрѣчаемъ примѣненіе указа о несовершенно-

[1]) Архивъ Малор. Колл. № 5054.

[2]) Архивъ Малор. Коллегіи №№ 20107, 12910.

[3]) Архивъ Мал. Колл. № 12910.

[4]) Архивъ Мал. Колл. № 335.

лѣтнихъ и въ другихъ случаяхъ: въ дѣлахъ о воровствѣ, поджегѣ и т. п.

До сихъ поръ мы видѣли примѣненіе обще-русскихъ узаконеній при опредѣленіи степени наказанія преступника, но если судъ находилъ преступленіе недоказаннымъ или сами преступники по Статуту наказанію не подлежали, въ такихъ случаяхъ рѣшенія суда основывались только на Статутѣ. Черниговскій земскій судья Дунинъ-Борковскій жаловался на убійство его подданнаго Ив. Кошуры подданными полк. Битяговскаго Кириченками. Кошура былъ въ гостяхъ у Кириченковъ, здѣсь пилъ, подрался, а потомъ въ ту же ночь найденъ былъ утонувшимъ въ рѣкѣ. По производствѣ шкрутиніума прямыхъ уликъ на Кириченкахъ не оказалось, а такъ какъ 3 арт. 14 розд. узаконено „суду подобенства всякіе имѣетъ на добромъ уваженіи и въ рѣчахъ сумнительныхъ склоннѣйшому быть ко освобожденію, нежели къ казни“, то и приговорено: Кириченку дать въ очищеніе его присягу, что онъ къ убійству Кошуры не причастенъ и, кто его въ воду утопилъ—не знаетъ, а за присягою учинить свободнымъ [1]).

Козакъ Рувникъ подалъ жалобу на священника Григорія Морочевскаго, будто бы тотъ невѣдомо за что посадилъ его мать на цѣпь въ церковную куню, а затѣмъ избилъ немилосердно, отчего она на другой день умерла. При этомъ Рувникъ представилъ свидѣтельство о боевыхъ знакахъ, выданное за отсутствіемъ вознаго атаманомъ съ тремя козаками. Священнику, яко обжалованному въ криминалѣ смертнаго убійства, былъ посланъ позовъ „на рокъ завитый“ (4 нед.). Насталъ дѣло разбора дѣла. Возный произвелъ выкличку сторонъ ку праву. Отвѣтчикъ явился, а истца на лицо не оказалось. Выкличка была повторена на второй день и на третій, но истца все таки не было. Судъ нашелъ, что по 42 арт. 4 розд. сторона при неявкѣ по позву на завитый рокъ „упадаетъ въ речи на позве описаной“, что законныя причины неявки— хороба, государева служба и позовъ въ другой судъ въ рѣчахъ крвавыхъ, но и то только на однихъ рокахъ или рочкахъ, за исключеніемъ случаевъ, если неявившаяся сторона отослана на службу изъ границъ панства здѣшняго, а потому постановилъ послать запросъ сотенному правленію, не былъ ли истецъ въ дни выклички боленъ обложною хоробою, или не находился ли онъ на службѣ государевой внѣ границъ государства. Сотенное правленіе отвѣтило, что Рувникъ дома и здоровъ, а потому гродской судъ на основаніи 42 и 16 арт. 4 розд. Статута приговорилъ: истца за неявку его и недоказательство его иску обвинить и отъ онаго ему отказать [2]).

По Статуту срокъ уголовной давности полагался трехлѣтній: если кто о преступленіи не заявилъ суду въ теченіи 3 лѣтъ, „таковый вжо вечнѣ о то молчати маетъ“. Этотъ законъ примѣнялся и въ практикѣ малорусскихъ

[1]) Архивъ Малор. Колл. № 5055.
[2]) Арх. Мал. Колл. № 20107.

городскихъ судовъ. Бунч. товарищъ Конст. Лизогубъ призванъ былъ въ Черниговскій гродскій судъ по доносу жительки черниговской Елены Коломійчихи объ убійствѣ и обѣшеніи дочери ея подданными Лизогуба. Судъ постановилъ отказать Коломійчихѣ за промолчаніемъ давности [1]).

По 1 арт. 11 розд. Статута, въ „рѣчахъ крвавыхъ“ „слуги пановъ своихъ за помочники розумени быти не могуть“. Подданные войсковаго товарища Марковича Кондратъ Цекало и Вас. Рубанъ взяты были въ Лубенскій гродскій судъ по убійству пасѣчника, отъ Марковича послѣдовавшему, яко въ томъ показаны помощниками. На судѣ Цекало и Рубанъ были допрошены, точію добровольно и по даннымъ очнымъ ставкамъ къ тому винились, что они съ повелѣнія Марковича пасѣчника убили, при чемъ и самъ Марковичъ его своими руками билъ арапникомъ и жегъ литки раскаленнымъ желѣзомъ. Марковичъ, однако, бѣжалъ, а Рубанъ и Цекало остались въ Лубенскомъ острогѣ. Послѣ безплодныхъ поисковъ бѣжавшаго рѣшено было кончить дѣло безъ него. Рубанъ и Цекало были вновь распрашиваны плетьми и утвердились на прежнихъ своихъ показаніяхъ. Гродскій судъ, согласно 16 арт. 11 розд., приговорилъ Марковича за убійство пасѣчника, яко за природнаго казака, казнить смертью, а въ силу высочайшей грамоты сослать въ вѣчную ссылку въ Сибирь, людей же его Рубана и Цекала, яко они за помощниковъ въ убійствѣ почитаны быть не должны въ силу розд. 11 арт. 1,—свободить [2]).

Въ дѣлахъ о разбоѣ встрѣчаемъ постоянную замѣну статутовыхъ постановленій общерусскими узаконеніями. Полку Миргородскаго мужичій сынъ Илья Яриненко и Василій Сліота представлены въ Гадячскій гродскій судъ по обвиненію ихъ въ разбоѣ. При добровольномъ допросѣ Яриненко повинился въ 5 разбояхъ и 6 воровствахъ, а Сліота винился въ предпріятіи намѣренія съ ворами къ разбою и ограбленію дому протопопы Щербацкаго и выдачѣ ворамъ изъ того двора лошадей и хомутовъ. Послѣ переспроса преступниковъ подъ батогами судъ приговорилъ: Яриненка и Сліоту въ силу именныхъ 1721 г. ноября 12 и апрѣля 16 инструкцій правит. сенату, по именнымъ же 1744 и 1723 г. февраля 10 состоявшимся указамъ и малороссійскимъ правамъ розд. 11 арт. 31 и розд. 14 арт. 7, такожъ и Магдебургскаго, на страницахъ 72 и 73 въ арт. 87 напечатаннаго, права, учиня имъ наказаніе, вырѣзавъ ноздри, сослать на каторгу въ вѣчную работу [3]).

То же примѣненіе высочайшихъ указовъ находимъ и въ дѣлахъ о грабительствѣ. Посполитый Лубенскаго полку Герасимъ Щербина и козакъ Грицько

---

1) Архивъ Малор. Колл. № 12910.

2) Ibid.

3) Ibid.

Шишацкій взяты въ сотенное правленіе по доносу жителя польской области Чигиринской губерніи Королька за ограбленіе ими у жида арендаря Герцена Берковича разнаго имущества. Преступники повинились и подтвердили свое признаніе послѣ увѣщанія священическаго и разспроса. По рѣшенію гродскаго Лубенскаго суда постановлено: по указу 1721 г. ноября 12 предать преступниковъ смертной казни, а вмѣсто оной по указу 1763 г. февраля 10—сослать въ вѣчную ссылку. Въ данномъ случаѣ судъ даже не сдѣлалъ обычной ссылки на соотвѣтственные артикулы Статута [1]).

Въ дѣлахъ о кражѣ встрѣчаемъ тѣ же ссылки на указъ 12-го ноября 1721 г. Нѣкто Гречинъ обвинялся въ покражѣ жита изъ клуни. На судѣ оказалось, что это первая кража, въ которой къ тому же Гречинъ самъ сознался и даже вознаградилъ потерпѣвшаго деньгами. Черниговскій гродскій судъ нашелъ возможнымъ примѣнить къ нему указъ 12 ноября 1721 г., коимъ повелѣно татей за первую и вторую татьбу наказывать и по наказаніи отпускать съ поруками, и ордеръ генеральной канцеляріи 1754 г. 15 октября, предоставлявшій полковымъ судамъ колодниковъ по маловажнымъ дѣламъ наказывать и отпускать свободно. Приговоромъ суда было постановлено: „Гречина, ко исправленію житія его и чтобы онъ впредь не воровалъ, въ страхъ другимъ плетьми наказавъ, отпустить на поруки, что онъ будетъ жить постоянно, въ непоставленіи же порукъ обовязать подпискою" [2]). Но не всегда, однако, не представившій порукъ отдѣлывался подпискою. Такъ по однородному дѣлу о воровствѣ лошади, поступившему на конфирмацію генеральнаго суда, было постановлено преступника по силѣ указа 12 ноября 1721 г. наказать плетьми публично и отпустить на поруки, а въ случаѣ отсутствія порукъ примѣнить къ нему 3 пунктъ указа 10 февраля 1763 г., т. е. ссылку въ Сибирь на житье [3]). Третье воровство на сумму 4 копъ грошей или хотя и первое воровство, но свыше 20 копъ по Статуту наказывались смертью. Въ такихъ случаяхъ малорусскіе суды замѣняли смертную казнь ссылкой, согласно извѣстному Елизаветинскому указу.

Что касается вознагражденія потерпѣвшаго отъ воровства, то въ этомъ случаѣ судъ руководился только Статутомъ. Впрочемъ, вознагражденіе взыскивалось только въ томъ случаѣ, если потерпѣвшій доходилъ своего права судомъ. По жалобѣ нѣкоего Шубы на сына сотеннаго Выбельскаго хоружаго Борщенка за покражу вола у его подданнаго Борщенко былъ обвиненъ и наказанъ, но такъ какъ ни Шуба, ни его подданный въ судъ къ разбору дѣла не явились, то за вола съ Борщенка вознагражденія взыскано не было [4]).

---

[1]) Архивъ Мал. Колл. № 12910.

[2]) Архивъ Мал. Колл. № 444.

[3]) Архивъ Мал. Колл. № 437.

[4]) Арх. Мал. Колл. № 435.

Въ случаѣ несостоятельности вора послѣдній, согласно Статуту, отдавался потерпѣвшему въ услуженіе. Такъ Хоменко, подданный бунч. товарища Лизогуба, попался въ кражѣ лошади, которую онъ продалъ жиду за 2 р. 30 коп. Рѣшеніемъ Черниговскаго гродскаго суда постановлено было, согласно указу 1721 г., наказать Хоменка плетьми и отдать на поруки пану, обязавъ послѣдняго уплатить хозяину лошади стоимость послѣдней „совито“ (вдвойнѣ), т. е. 4 р. 60 к., а буде Лизогубъ взять своего подданнаго не пожелаетъ, то отдать Хоменка потерпѣвшему на отработокъ, считая по копѣ грошей въ годъ (1 р. 20 коп.) [1]). Если въ отработокъ за воровство отдавалась женщина, рабочій годъ считался по 50 грошей [2]).

„Запалячамъ мѣстъ и домовъ“ Литовскій Статутъ грозилъ сожженіемъ. Въ малорусскихъ судахъ, благодаря вліянію русскаго права, обычное наказаніе поджигателей—ссылка. Грицько Кравченко за зажигательство былъ въ 1768 г. приговоренъ Нѣжинскимъ гродскимъ судомъ вмѣсто смертной казни къ ссылкѣ [3]). Евдокія Онищенкова, дочь подданнаго абшитованнаго полковаго асаула Кулаковскаго, прислана была въ Кіевскій гродскій судъ за сожженіе хаты. По рѣшенію суда Онищенкова по 18 арт. 11 розд. и по указу 26 іюля 1737 г. была присуждена къ смертной казни, а вмѣсто нея къ вѣчной ссылкѣ [4]).

„Фальшованье монеты“, составленіе подложныхъ грамотъ, подделка подписи должностныхъ лицъ, подделка и незаконное пользованіе печатями государственныхъ учрежденій по Статуту карались сожженіемъ. Практика малорусскихъ судовъ подъ вліяніемъ законодательства 18 в. въ видѣ наивысшей карательной мѣры примѣняла въ такихъ случаяхъ ссылку. Дмитрій Поповъ и Матвѣй Ивановъ за дѣланье фальшивой монеты въ 1768 г присуждаются: первый—къ ссылкѣ, а второй къ двумъ годамъ городовой работы въ Глуховѣ [5]). Бывшій сотенный писарь Лукьянъ Гвоздевичъ за дачу ворамъ фальшиваго паспорта присужденъ Прилуцкимъ гродскимъ судомъ, согласно указу 12 ноября 1721 г. и 16 арт. 1 розд., къ смертной казни съ замѣной ея вѣчной ссылкой [6]). Растрига (бывшій монахъ) Георгій Ивановъ за составленіе себѣ 2 подложныхъ паспортовъ (кромѣ того за составленіе лекарствъ и леченіе оными людей) Глуховскимъ земскимъ судомъ, по силѣ указовъ 1754 г. мая 13 и 1729 г. іюля 25, присужденъ къ жестокому на тѣлѣ наказанію и отправкѣ въ монастырь для употребленія

---

1) Архивъ Мал. Колл. № 445.
2) Архивъ Мал. Колл. № 20107.
3) Арх. Мал. Колл. № 10629.
4) Архивъ Мал. Колл. № 12910.
5) Архивъ Малор. Коллегіи № 10629.
6) Архивъ Мал. Колл. № 12910.

тамо безспускно по силѣ духовнаго регламента 52 пункта, а генеральнымъ судомъ, согласно тому же указу 1754 г.,—къ наказанію и отсылкѣ на службу въ солдаты [1]).

Дѣла о контрабандѣ, о тайномъ переходѣ черезъ границу и т. п. рѣшались обыкновенно только на основаніи общерусскихъ узаконеній. Въ этихъ случаяхъ при опредѣленіи наказанія виновнымъ Статутъ не игралъ никакой роли. Въ 1667 г. (25 января) нѣсколько лицъ, виновныхъ въ тайномъ провозѣ табака черезъ польскую границу, приговорены Черниговскимъ гродскимъ судомъ по силѣ 13 пункта 2 главы таможеннаго устава, указа 25 января 1760 г. и ордера генеральной канцеляріи отъ 24 іюля 1759 г. къ наказанію плетьми, а ихъ укрыватели были приговорены къ двойному штрафу [2]). Козакъ Турчановскій взялъ деньги съ нѣкоего вора Козина за пріисканіе проводника для перевода за границу, а козакъ Школовесь перевелъ Козина черезъ границу. Глуховскій земскій судъ, куда попало это дѣло, въ „малороссійскихъ правахъ" для даннаго случая подъискалъ только 13 и 23 арт. 14 розд. (о передержаніи завѣдомыхъ воровъ и о жонахъ и детехъ, которые вжывали речей краденыхъ) да 38 арт. 11 розд. (абы до злого нихто никому не помогалъ), и дѣло было рѣшено по указу 1736 г.: оба преступника были „жестоко наказаны публѣчно", а подлежащія взысканію съ нихъ деньги должны были отработать на казенной работѣ по усмотрѣнію Малороссійской коллегіи [3]). За тайный переходъ черезъ границу для свиданія съ родными Василій Панчошенко Черниговскимъ гродскимъ судомъ, на основаніи ордера генеральной канцеляріи отъ 24 іюля 1759 г., былъ наказанъ плетьми [4]).

Примѣненіе общерусскихъ узаконеній 18 в. сплошь и рядомъ встрѣчаемъ въ дѣлахъ о полицейскихъ правонарушеніяхъ, каковы безпаспортность, бродяжничество и т. п. Иногда наказаніе опредѣлялось только согласно распоряженіямъ мѣстныхъ властей. Таково дѣло козака Кочана, обвиненнаго въ стрѣльбѣ въ непоказанныхъ мѣстахъ. Кочанъ справлялъ свою свадьбу. Когда молодыхъ отвели въ комору, дружко напомнилъ Кочану, что послѣ „брака малженства" онъ долженъ, по обычаю, выстрѣлить изъ ружья. Пришло время стрѣлять, а между тѣмъ двери коморы оказались запертыми. Тогда Кочанъ схватилъ ружье и выстрѣлилъ тутъ же въ коморѣ. Къ его ужасу, оказалось, что выстрѣлъ попалъ въ другаго дружка, козака Турбилу, притаившагося, или же просто уснувшаго въ коморѣ. Кочанъ самъ явился въ судъ заявить о приключившемся съ нимъ грѣхѣ,

[1]) Архивъ Мал. Колл. № 12910.
[2]) Архивъ Мал. Колл. № 432.
[3]) Архивъ Мал. Колл. № 12910.
[4]) Архивъ Мал. Колл. № 443.

а братья убитаго отказались отъ права за полученіе головщизны. Черниговскій гродскій судъ, не находя возможнымъ признать Кочана виновнымъ въ убійствѣ, усмотрѣлъ, однако, въ его поступкѣ нарушеніе правилъ общественной безопасности, а потому и опредѣлилъ: „Кочана, что касается до послѣдовавшей отъ него въ неизвѣстности и нечаянно Науму Турбилѣ смерти, отъ винности и отъ взысканія за умершаго поголовныхъ денегъ учинить свободнымъ, что-жъ принадлежитъ до произведенія имъ между жильями стрѣльбы, то яко сей послѣдовавшій отъ него, по самого его признанью, поступокъ есть противъ благоучрежденія, надъ послѣдовавшій отъ суда гродскаго прошлаго 1773 г. указъ его сіятельства (Румянцева) съ строгимъ запрещеніемъ, во отвращеніе пожарныхъ случаевъ, дабы никто какъ въ самыхъ городахъ, такъ и на форштадтахъ и въ селахъ и въ деревняхъ внутрь жилищъ и на улицахъ никогда ни изъ какихъ ружьевъ не стрѣлялъ подъ штрафомъ, въ томъ указѣ изображеннымъ, для того сотенному Роискому правленію послать указъ козака Кузьму Кочана за учиненный имъ запрещенный поступокъ въ томъ же селѣ при собраніи всѣхъ тамошнихъ жителей въ страхъ другимъ жестоко плетьми наказать“ [1]).

Столь же мало примѣнялся Статутъ и въ дѣлахъ объ оскорбленіи судей и безпорядкахъ въ судебной камерѣ. Не смотря на совершенную ненужность, при существованіи въ Статутѣ постановленій, ограждающихъ „безпечность“ судейскаго персонала, „прихиляться до другихъ правъ христіанскихъ“, малороссійскимъ судамъ приходилось „прихиляться“ въ такихъ случаяхъ къ высочайшему указу 27 января 1724 г. о продерзостяхъ передъ зерцаломъ. Въ декабрѣ 1767 г. въ Лубенскомъ земскомъ судѣ попъ Андрей Бабичъ, послѣ объявленія ему рѣшенія суда вшедъ въ судебную контору, предъ зерцало, не почитая ни мѣста, ни присутствующихъ, чинилъ не малые шумы и урядникамъ того суда досады. Земскій судъ могъ сдѣлать надлежащее постановленіе, но удержался, яко онъ, Бабичъ, персона духовная. Коллегія, узнавъ объ этомъ, распорядилась по всѣмъ малороссійскимъ судамъ, чтобы въ такихъ случаяхъ на будущее время вмѣсто Статута примѣняли указъ 27 января 1724 г. [2]). Такъ и поступали. 26 іюня 1775 г. въ земскій Нѣжинскій судъ вошелъ пьяный капитанъ Павловскій и потребовалъ какую то справку. Такъ какъ капитанъ велъ себя не благопристойно, то и получилъ отъ судьи предложеніе выйти изъ присутственной комнаты. Капитанъ отвѣтилъ дерзостью, а выведенный изъ присутствія козаками въ переднюю, сталъ ругаться „въ конфузныхъ и досадительныхъ терминахъ“. Судья выбѣжалъ изъ присутствія въ сосѣднее помѣщеніе гродскаго суда, чтобы заявить протестъ, но за судьей въ гродскій судъ влетѣлъ и капитанъ и здѣсь вновь обозвалъ

[1]) Арх. Мал. Колл. № 12913.
[2]) Арх. Мал. Колл. № 25059.

судью дуракомъ и другими бранными словами. Согласно извѣстному уже намъ распоряженію коллегіи, дѣло кончилось тѣмъ, что съ капитана въ силу указа 27 января 1724 г. присуждено было взыскать 10 руб. штрафу [1]).

По Статуту неявка въ судъ по обвиненію въ важномъ уголовномъ преступленіи (въ „речахъ крвавыхъ") влекла за собою „выволанье". Непослушный судовому позву объявлялся изгнанникомъ, лишеннымъ покровительства законовъ. Въ малорусскихъ судахъ 4 арт. 11 розд., трактующій о выволаньѣ, благодаря вліянію русскихъ законовъ, можно сказать, совсѣмъ не примѣнялся. Если подсудимый не являлся по позву, его приводили подъ стражею, а въ случаѣ бѣгства разыскивали, дѣлая о немъ публикаціи по всей Малороссіи, буде же розыски не приводили къ цѣли, постановлялось заочное рѣшеніе. Какъ на очень рѣдкое исключеніе изъ этого правила, укажемъ на два случая, въ которыхъ статутовый законъ былъ примѣненъ со всею точностью. Въ 1766 г. нѣкій войсковой товарищъ Иванъ Ковалевскій обвинялся въ убійствѣ козака, и такъ какъ по требованію Прилуцкаго гродскаго суда на правный рокъ не явился, то и былъ по силѣ права розд. 11 арт. 4 приговоренъ къ выволанью изъ государства Россійскаго. Выволать Ковалевскаго, однако, не пришлось. Онъ принесъ жалобу въ генеральный судъ, и прилуцкимъ судьямъ въ концѣ концовъ самимъ пришлось ѣхать въ Глуховъ по вызову „къ очевистому мовенью" съ выволаннымъ ими подсудимымъ [2]). Въ другомъ случаѣ (и, кажется, единственнымъ) выволанье дѣйствительно состоялось. Войсковой товарищъ Иванъ Марковичъ обвинялся въ убійствѣ козака-пасѣчника и лукомскаго жителя Павла Романенка. Марковичъ по позву гродскаго суда не явился къ отвѣту. По распоряженію суда велѣно было Марковича сыскать въ срокъ, но посланный отъ суда нарочный Марковича въ его имѣніи не засталъ, а староста тамошній заявилъ, что его панъ уѣхалъ въ Глуховъ; но такъ какъ въ Глуховѣ его тоже не оказалось, то сдѣлана была публикація о его сылкѣ и приводѣ къ суду уже за карауломъ. Публикаціи повторялись нѣсколько разъ въ теченіи 2 лѣтъ, жители и владѣльцы сосѣднихъ съ имѣніемъ Марковича деревень обязывались подписками не давать ему пріюта. Поиски оказались безрезультатными. Марковичъ заочно былъ осужденъ гродскимъ судомъ на вѣчную ссылку [3]), а затѣмъ, согласно малороссійскимъ правамъ, о выволаньѣ его было представлено государынѣ и по особому высочайшему указу онъ былъ объявленъ безчестнымъ и изгнаннымъ изъ Россійской имперіи.

---

[1]) Арх. Мал. Колл. № 17469.
[2]) Арх. Мал. Колл. № 30816.
[3]) Архивъ Мал. Колл. № 643.

Это, кажется, и былъ единственный случай настоящаго правнаго выволанья въ 18 ст. [1]).

Общерусскія узаконенія, какъ мы уже указывали, примѣнялись въ малороссійскихъ судахъ только при постановкѣ приговоровъ и опредѣленіи степени уголовной кары преступнику. Что же касается всего предварительнаго хода дѣла—слѣдствія, допроса и т. п.,—то главными руководителями во всемъ этомъ были для судей Статутъ и Порядокъ. Встрѣчались, однако, и здѣсь кое какія исключенія въ пользу русскихъ законовъ. Таково, напр., обычное во второй половинѣ 18 ст. примѣненіе священническаго увѣщеванія при допросѣ преступниковъ, установленное русскимъ законодательствомъ „для уменьшенія кровопролитія" (1763 г.). Нужно, впрочемъ, сознаться, что гуманныя идеи центральнаго правительства малорусскими судьями не всегда понимались, какъ слѣдуетъ, и одновременно съ судебнымъ постановленіемъ объ увѣщеваніи преступника священникомъ не рѣдко можно было встрѣтить распоряженіе суда о его распросѣ кнутомъ или плетьми, какъ это засвидѣтельствовано журналомъ Малороссійской коллегіи отъ 11 марта 1768 г. [2]). Бывали случаи, когда пытали не только въ гродскихъ судахъ, гдѣ все таки на это имѣли право, но и въ сотенныхъ правленіяхъ передъ отправкой преступника въ судъ [3]). Чрезвычайно важное въ этомъ отношеніи значеніе получилъ указъ 30-го ноября 1776 г., отнявшій наконецъ у низшихъ судовъ право пытать преступниковъ безъ разрѣшеніи высшаго краеваго правительства [4]). Съ этихъ поръ распросы кнутомъ и плетьми производились въ уголовныхъ судахъ только послѣ особаго на каждый случай распоряженія Малороссійской коллегіи.

Если въ „речахъ крвавыхъ" кромѣ Статута находили себѣ примѣненіе и другіе законы, то въ менѣе важныхъ уголовныхъ дѣлахъ, гдѣ все наказаніе ограничивалось „виною" или „вязеннемъ", и въ дѣлахъ гражданскихъ,

---

1) Полн. Собр. Зак. т. XVII № 13020. Мы знаемъ и еще одинъ случай выволанья, но это уже не изъ практики низшихъ судовъ, а суда генеральнаго и по политическому преступленію. Войсковой товарищъ Ив. Покасъ за силу ордера гр. Руменцева присланъ былъ коллегіею въ генеральный судъ къ производженію надъ нимъ суда. Покасъ оказался „недоброжелательнымъ обществу, покушаясь всѣми образы препятствовать къ веденію добраго порядка" какъ доказывала переписка его съ полковымъ писаремъ Косачемъ. Злополучное письмо Покаса было препровождено въ генеральный судъ въ качествѣ вещественной улики. Покаса подвергли допросу и 21 ноября 1768 г. дѣло о немъ было рѣшено и приговорено въ силу Порядковаго права, въ артикулахъ Правъ Цесарскихъ на страницѣ 65 напечатаннаго, изгнать Покаса изъ государства. Приговоръ былъ представленъ на конфирмацію Румянцева, но былъ ли онъ утвержденъ,—не знаемъ. (Архивъ Мал. Колл. № 12910).

2) Архивъ Мал. Колл. № 10629.

3) Архивъ Мал. Кол. № 440.

4) П. С. Зак. т. XX, № 14542.

подсудныхъ земскимъ и подкоморскимъ судамъ, Статутъ почти не имѣлъ соперниковъ. Отступленія отъ него встрѣчаются только въ тѣхъ случаяхъ, когда въ Статутѣ рѣшительно нельзя уже было найти подходящихъ для даннаго дѣла указаній. Таковы, напр., дѣла о процентахъ и рекамбіяхъ, рѣшавшіяся на основаніи указа 1764 г. [1]), дѣла по вексельнымъ претензіямъ, производившіяся на основаніи вексельнаго устава, и т. п. Замѣчательно, что даже въ этомъ послѣднемъ случаѣ земскіе суды находили возможнымъ примѣнять статутовыя узаконенія, если не по существу дѣла, то въ отношеніи уплаты судебныхъ пошлинъ. Въ дѣлахъ, напр., по вексельнымъ претензіямъ взыскивались пересудныя деньги по Статуту. Отсюда недоразумѣнія и жалобы, такъ какъ уплачивать пересудъ, о коемъ въ вексельномъ уставѣ не упомянуто, стороны не желали [2]).

Въ вопросахъ, гдѣ были замѣшаны имущественные интересы сторонъ, отступленія отъ Статута не допускялись даже въ тѣхъ случаяхъ, въ коихъ по прежнимъ порядкамъ, „за гетманщины“, они не только разрѣшались, но и считались необходимыми. Въ 1771 г. Кіевскій гродскій судья Барановскій вошелъ въ коллегію съ представленіемъ, что по дѣламъ козачьимъ за рѣшеніемъ дѣлъ доходитъ иногда съ козака въ удовольство другому по правамъ весьма большое взысканіе, а потому просилъ разъясненія, не повелѣно ль будетъ въ жалобахъ козачьихъ производить дѣла по гетманскому ордеру, 1760 г. апрѣля 24 дня послѣдовавшему, и вмѣсто навязокъ, уберегая ихъ отъ раззоренія, чинить имъ наказаніе Коллегія нашла мнѣніе Кіевскаго судьи „не дѣльнымъ“ и приказала „послать къ нему указъ, что онъ таково представленіе дерзнулъ учинить вовся беззаконно, вѣдая публикованные въ 1765 г. отъ Малороссійской коллегіи указы о чиненіи разсмотрѣнія и рѣшенія по подаваемымъ жалобамъ всѣмъ и всякаго достоинства людямъ по правамъ малороссійскимъ, такожъ и высочайшій именной указъ 1768 г. декабря 20, повелѣвающій, дабы подчиненныя Малоросійской коллегіи козачьи войска судимы были во всѣхъ своихъ земскихъ дѣлахъ съ прочими малороссіянами по точной силѣ малороссійскихъ правъ и статутовъ, и хотя за то недѣльное представленіе и подвергаетъ онъ себя взысканію штрафа по законамъ, однако, въ надеждѣ его впредь исправленіи и осторожности, оставить ему на первый случай, а впредь запретить съ такими неосновательными мнѣніями, нарушающими законъ, входить въ коллегію“ [3]).

---

[1]) **Архивъ Мал. Колл. № 21322.**
[2]) **Архивъ Мал. Колл. № 12455.**
[3]) **Архивъ Мал. Колл. № 28103.**

Глава VIII.

Мнѣніе о статутовыхъ судахъ малороссійскаго общества и начальства. Медленіе и волокита, какъ результаты недоконченности судоустройства, халатности судящихъ, несовершенства законодательства и „нехожденія“ самихъ челобитчиковъ. Злоупотребленія судейскаго персонала и жалобы низшихъ классовъ общества. Упраздненіе статутовыхъ судовъ и замѣна ихъ общерусскими.

Были ли украинцы довольны новыми судами? На этотъ вопросъ, кажется намъ, можно дать отвѣтъ только положительный. За исключеніемъ небольшаго числа обиженныхъ реформою урядниковъ въ родѣ Шаповаловскаго сотника Саханскаго, искренно желавшихъ, чтобы „отколь въ чорта сіи суда земскіе взялись, туда они и пошли“, все остальное населеніе встрѣтило новые порядки вполнѣ сочувственно. Челобитчики надѣялись на прекращеніе дореформенной волокиты, радовались возможности „скорѣйшаго полученія справедливости“ и тотчасъ по открытіи новыхъ судовъ стали „являться множайшимъ числомъ съ жалобами и доношеніями“.

Такъ было на первыхъ порахъ, но и потомъ, когда малорусское общество достаточно успѣло ознакомиться съ новыми порядками, статутовые суды не потеряли довѣрія къ себѣ. Черезъ 4 года послѣ универсала 19 ноября малороссійскимъ сословіямъ дана была возможность высказать свое мнѣніе какъ о всѣхъ прочихъ сторонахъ управленія краемъ, такъ и о порядкахъ въ области судоустройства и судопроизводства. О судахъ, впрочемъ, высказалось одно шляхетство (козаки, яко военные люди, мнѣнія объ этомъ не представили, а поспольства совсѣмъ не спрашивали), но зато шляхетскіе озтывы были для новыхъ судовъ вполнѣ одобрительны. Въ наказахъ своимъ депутатамъ въ коммиссію для сочиненія новаго уложенія почти все шляхетство высказалось за неприкосновенное соблюденіе стародавнихъ правъ и привилегій края, eo ipso и за сохраненіе того судебнаго порядка, который держался на этихъ правахъ и привилегіяхъ [1]). Еще опредѣленнѣе былъ наказъ шляхетства Прилуцкаго, которое просило, дабы по правамъ книги Статута ему и на будущее время во учрежденныхъ по именному Ея Императорскаго Величества указу судахъ на то по тѣмъ же правамъ отъ выбираемыхъ судей судиться всемилостивѣйше подтверждено было [2]). Переяславское шляхетство просило на суда и расправы, исправляемые по точной силѣ малороссійскихъ правъ, матерняго благопризрѣнія [3]), а лубенцы въ прошеніи, поданномъ Румянцеву, ходатайствовали о подтвержденіи шляхетству древняго права выбора въ гродскіе и земскіе чины и сохраненіи Статута, заявляя, что они таковой употребляютъ черезъ 113

[1]) Наказы малороссійскимъ депутатамъ, стр. 4.

[2]) Ibid, стр. 26.

[3]) Ibid, стр. 37.

лѣтъ къ своему удовольству [1]). Нѣсколько иначе отнеслось къ этому вопросу только Черниговское шляхетство: оно жаловалось, что реформа 1763 г. была проведена не совсѣмъ такъ, какъ бы слѣдовало по точному смыслу Статута. Шляхетство хотѣло, чтобы земскіе суды были судами только шляхетскими, и возставало противъ привлеченія подъ ихъ юрисдикцію дѣлъ козачьихъ. По мнѣнію Черниговскаго шляхетства, земскій судъ долженъ быть судомъ шляхетскимъ, судьями въ немъ шляхтичи, а дѣла разбираться безъ лишнихъ формальностей и канцелярщины, иной разъ даже словесно [2]). Гораздо болѣе критически отнеслось Черниговское шляхетство къ законамъ, по коимъ производились судъ и расправа въ малорусскихъ судахъ. Въ то время, какъ все остальное шляхетство обѣими руками держалось за отечественное законодательство и не видѣло въ немъ другихъ недостатковъ, кромѣ непримѣнимости 1 и 2 роздѣловъ Статута (впрочемъ, на это указывалъ только одинъ Переяславскій наказъ), Черниговское шляхетство отнеслось къ „малороссійскимъ правамъ" весьма неодобрительно. Многія изъ положеній Статута, по мнѣнію черниговцевъ, были противны естественному праву, на которомъ всякій гражданскій законъ основанъ быть долженствуетъ: таковъ 16 арт. 11 розд., гдѣ кровь простаго человѣка, шляхтичемъ пролитую, отсѣченіемъ токмо руки отмстить повелѣно; таковы положенія Статута о денежныхъ взысканіяхъ за разныя уголовныя преступленія, недостаточныя для искорененія своевольства, неистовства, неправосудія и иныхъ злодѣяній и наносящія поэтому великій вредъ обществу. Жаловалось шляхетство и на неполноту „малороссійскихъ правъ": послѣ соединенія Литвы съ Польшей многія изъ узаконеній Статута подверглись отмѣнѣ или дополненіямъ, а между тѣмъ въ Малороссіи сеймовыя конституціи, въ коихъ изложены эти перемѣны и дополненія, въ разсчетъ не принимались; точно также требовалъ Статутъ дополненія и позднѣйшими узаконеніями русскаго правительства: въ 18 в. издавались указы, изъ которыхъ нѣкоторые велѣно было предпочитать Статуту, а о другихъ сказано, что они къ Малороссіи отношенія не имѣютъ. Недовольно было шляхетство и темнотою правъ, трудною къ понятію прямому, а особливо людямъ въ наукѣ правъ неискуснымъ, и употребленіемъ правъ, по причинѣ неимѣнія на природномъ, на польскомъ языкѣ. Неудобнымъ, наконецъ, находило шляхетство и то, что въ малороссійскихъ судахъ по недостатку въ Статутѣ многихъ положеній, нужныхъ обществу, пріемлютъ и другихъ христіанскихъ областей и городовъ права, не только самому шляхетству, но и почти всему краю мало служащія, а отъ разнообразія и не-

[1]) Наказы стр. 57.
[2]) Ibid., стр. 11 и 15.

сходства между собою законовъ рождается вражда и зависть, произращающая взаимныя насильства и озлобленія [1]).

Черниговскій наказъ, какъ извѣстно, составленъ подъ сильнымъ давленіемъ Безбородька, и можетъ быть именно поэтому мнѣніе Черниговскаго шляхетства звучитъ столь рѣзкихъ диссонансомъ въ общемъ хорѣ похвальныхъ отзывовъ малорусскаго командующаго класса о своихъ судахъ и законахъ.

Что касается самихъ депутатовъ, этихъ излюбленныхъ и, полагать надо, наиболѣе интеллигентныхъ людей края, то ихъ желанія въ области судоустройства сводились къ учрежденію въ Малой Россіи правленій, сходственныхъ съ ея правами и привилегіями: 1) чтобы гражданскія и земскія дѣла управляемы и судимы были по своимъ, воинскія по своимъ, а мѣщанскія но своимъ же давнимъ правамъ и обыкновеніямъ особливыми изъ тамошнихъ шляхтичей, мѣщанъ и козаковъ въ силу тѣхъ же правъ выбранными людьми и никогда бы одни дѣла съ другими смѣшиваемы не были, и 2) чтобы главное въ Малой Россіи правительство дѣйствовало на такомъ же основаніи и по тѣмъ же правамъ, какъ и возстановленные въ 1763 г. земскіе и подкоморскіе суды [2]).

Сводя во едино мнѣнія и требованія шляхетства въ области судебной, мы видимъ, что всѣ они сходятся въ желаніи сохранить судъ на началахъ, преподанныхъ Статутомъ, при чемъ большая часть шляхетства мирится съ существующимъ судебнымъ строемъ, а меньшая желаетъ видѣть судебную реформу 1763 г. довершенной на точномъ основаніи Статута, какъ было за наияснѣйшихъ королей польскихъ: исключенія изъ подсудности шляхетскихъ судовъ дѣлъ козачьихъ, устройства особаго трибунала для шляхетскихъ дѣлъ и, наконецъ, кодификаціи дѣйствовавшихъ въ краѣ законоположеній со смягченіемъ карательной системы Статута.

Совершенно иначе смотрѣло на дѣло высшее краевое правительство — Малороссійская коллегія. Подобно Черниговскому шляхетству, коллегія находила противозаконной подсудность козаковъ статутовымъ судамъ, да и само право шляхетства судиться по Статуту считала сомнительнымъ; жаловалась на выборъ людей козачьей и поселянской породы въ земскіе уряды; указывала на неправильное распредѣленіе существующихъ судовъ, кои не по обширности земли, ниже по числу судящихся, но по полкамъ расположены, въ Полтавскомъ же и вовсе не учреждены. Далѣе коллегія указывала на употребленіе въ малорусскихъ судахъ, помимо Статута, другихъ узаконеній, а самый Статутъ находила по многимъ матеріямъ, яко по самодержавному обладательству и по свойствамъ всѣхъ народныхъ кондицій, не удобнымъ.

[1]) Наказы, стр. 11—12.
[2]) Ibid, стр. 181—182.

Взамѣнъ существующаго судоустройства коллегія предлагала свой проэктъ, къ сожалѣнію, довольно неразумительный и темный. На сколько можно понять, коллегія считала нужнымъ устроить 10 земскихъ судовъ, въ кои передать и дѣла подкоморскія, а для уголовныхъ дѣлъ имѣть 5 провинціальныхъ судовъ. Высшею судебной инстанціей въ краѣ, по проэкту коллегіи, долженъ быть надворный судъ, какъ особый департаментъ коллегіи. Земскіе судьи выбираются шляхетствомъ и утверждаются генералъ-губернаторомъ, а въ уголовныхъ судахъ—судьи коронные. Козачьи дѣла исключаются изъ подсудности дворянскихъ судовъ: дѣла козаковъ, живущихъ въ городахъ, по проэкту коллегіи, передаются въ вѣдѣніе градскаго начальства, козаки-селяне по земскимъ дѣламъ вѣдаются у земскихъ коммиссаровъ, а для словесныхъ судовъ имѣютъ погодно выбираемыхъ ими старшихъ. Наконецъ, для правильности и законности совершаемыхъ украинцами договоровъ и сдѣлокъ коллегія находила необходимымъ учрежденіе нотаріусовъ, а для удобства и пользы тяжущихся—присяжныхъ адвокатовъ [1])

Ближайшимъ послѣдствіемъ представленій шляхетства и коллегіи былъ законъ 1768 г., коимъ, вопреки желанію коллегіи и Черниговскаго шляхетства, было признано за козаками право судиться въ земскихъ дѣлахъ вмѣстѣ съ прочими малороссіянами по точной силѣ малороссійскихъ правъ и статутовъ. Что касается трибунала, кодификаціи малороссійскихъ правъ, болѣе сообразнаго съ мѣстными нуждами распредѣленія судовъ, то всѣ эти желанія такъ и остались желаніями, такъ что въ области судебной Екатерининская коммиссія, можно сказать, ни на волосъ не измѣнила того порядка, какой установленъ былъ въ Малороссіи универсаломъ 19 ноября 1763 г.

Большая часть малороссійскаго шляхетства находила этотъ порядокъ вполнѣ удовлетворительнымъ и ничего не желала, какъ только сохраненія statu quo. Въ самомъ ли дѣлѣ, однако, былъ такъ хорошъ этотъ порядокъ, какъ казался шляхетству? Присматриваясь поближе къ малороссійскимъ судамъ, реформированнымъ по универсалу 19 ноября 1763 г., нельзя не замѣтить существенныхъ недостатковъ въ ихъ устройствѣ и дѣятельности.

Трактуя о задачахъ своего правительства въ Малороссіи, императрица Екатерина II находила необходимымъ прежде всего „раздѣлить le gouvernement militaire d'avec le civil, souverainement confondus dans cette province"— и была совершенно права, какъ были правы и тѣ малороссійскіе депутаты, которые доказывали, что отъ смѣшенія воинскихъ и гражданскихъ дѣлъ произошли всѣ непорядки и нестроенія въ Малой Россіи. Смѣшеніе воинскихъ и гражданскихъ дѣлъ особенно замѣтно проявлялось въ дѣятельности гродскихъ, вѣрнѣе старыхъ полковыхъ судовъ, которыхъ реформа 1763 г. почти не коснулась. Гродскій судъ находился всецѣло въ рукахъ военныхъ

[1]) Сборникъ И. Р. Историческаго Общества, т. 43, стр. 220—222 и 232.

козачьихъ начальниковъ, на которыхъ къ тому же лежало завѣдываніе и всѣми административными дѣлами своего полка. Мы уже указывали, что изъ членовъ гродскаго суда болѣе или менѣе правильное участіе въ судебныхъ засѣданіяхъ могли принимать только судья да писарь, но и тѣ, какъ и прочіе члены суда, нерѣдко отрывались то для военныхъ, то для административныхъ порученій. По распоряженію начальства, гродскій судья, какъ военный урядникъ, въ любое время могъ быть откомандированъ для осмотра карауловъ, для освидѣтельствованія военнаго обоза, для распоряженія наряженными въ Крымскую степь косарями, а гродскій писарь, какъ лицо, находящееся въ войсковой службѣ, могъ получить „командирацію" для осмотра какихъ нибудь кордоновъ, для освидѣтельствованія соляныхъ вѣсовъ и т. п. [1]). Что же касается остальныхъ членовъ гродскаго суда,—полковыхъ старшинъ, бунчуковыхъ товарищей, сотниковъ,—то ихъ судейскія обязанности сплошь и рядомъ приносились въ жертву интересамъ военнымъ и административнымъ. Благодаря этому составъ гродскаго суда постоянно мѣнялся, и не рѣдко можно было встрѣтить примѣры, что уголовное дѣло начиналось при одномъ составѣ суда, допросъ преступника производился при другомъ, а приговоръ постановлялся третьимъ, а какъ это могло отражаться на интересахъ правосудія,—понятно само собою.

„Командираціи" судейскаго персонала по разнымъ порученіямъ находимъ и въ судахъ земскихъ. Въ Стародубѣ земскій судья Чернолузскій въ 1768 г. былъ откомандированъ зачѣмъ то въ распоряженіе коллегіи и его мѣсто занимали разные бунчуковые товарищи вплоть до Михайловскихъ роковъ 1769 г., когда на судейство вмѣсто Чернолузскаго былъ наконенъ выбранъ настоящій судья [2]). Погарскій подсудокъ Лобисевичъ въ январѣ 1766 г. былъ назначенъ депутатомъ для сочиненія малороссійскихъ правъ, а его должность исправлялъ временно выбранный въ подсудки б. тов. Соболевскій [3]). Со дня учрежденія Роменскаго земскаго суда и по осень 1765 г. въ немъ не присутствовалъ земскій судья Шкляревичъ, ибо былъ назначенъ гетманомъ къ переводу правныхъ книгъ. До апрѣля 1765 г. въ земскомъ судѣ судьи совсѣмъ не дѣло, и только въ апрѣлѣ на судейскую должность временно былъ выбранъ бунч. товарищъ Ив. Мартосъ, но и тотъ „за старостью его въ присутствіе не пріѣзжалъ и часто въ домъ свой отлучался". Роменскій повѣтъ сталъ безсудной землей, а каковы результаты этого,—видно изъ прошенія, поданнаго въ Малороссійскую коллегію владѣльцами Роменскаго повѣта въ іюнѣ 1765 г.: „въ другихъ судахъ,—писали роменскіе владѣльцы,— судьи заняли свои мѣста и происходитъ дѣйствительное отправ-

---

[1]) Архивъ Мал. Кол. №№ 29082 и 27993.

[2]) Архивъ Малор. Коллегіи № 12759.

[3]) Архивъ Мал. Кол. № 15300.

леніе дѣлъ и скорыя рѣшенія, въ повѣтѣ же Роменскомъ съ начала учрежденія онаго, тому уже болѣе года, по искамъ насъ, нижайшихъ, такожъ козаковъ и прочихъ всѣхъ людей простаго стану не только надлежащаго удовольства не получаемъ, но чтобъ правный порядокъ по оному суду былъ заведенъ, и до нынѣ не предвидится, ибо до сего времени въ ономъ судѣ земскомъ едно токмо дѣло козака Макс. Трута, состоящее въ 2 рублевой претензіи, рѣшеніе приняло, а прочія, знатнѣйшія, которыхъ будетъ болѣе 1000, но токмо суднаго процесса не имѣютъ, но дѣйствительно не начаты". Что роменскіе владѣльцы не клеветали на земскій судъ,—видно изъ объясненій подсудка, утверждавшаго, что за упомянутый періодъ рѣшено не одно дѣло, какъ пишутъ жалобщики, а девять [1]).

Помимо „командирацій", правильному и успѣшному теченію судебныхъ дѣлъ въ земскихъ судахъ мѣшало и чрезвычайно халатное отношеніе судейскаго персонала къ своимъ обязанностямъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ постоянныя самовольныя отлучки урядниковъ и замѣну ихъ временными замѣстителями. Болѣзнь, служба государева или какое либо собственное дѣло въ гродскомъ или въ земскомъ судѣ другаго повѣта давали, по Статуту, земскому уряднику право не являться на роки для отправленія своихъ обязанностей, и шляхта на его мѣсто должна была выбрать кого нибудь другаго, который и исполнялъ обязанности отсутствующаго въ теченіи всей данной сессіи. Правомъ этимъ малороссійскіе земскіе чины пользовались черезчуръ широко. Самовольно и безъ всякихъ объясненій членъ земскаго суда оставлялъ свою должность, на мѣсто его выбирался другой, который въ свою очередь подъ разными предлогами черезъ нѣсколько времени отказывался отъ службы, выбирали третьяго, который опять таки поступалъ такъ, какъ и его предмѣстники, и т. д. А въ это время настоящій земскій урядникъ жилъ у себя въ деревнѣ и къ исполненію обязанностей являлся только тогда, когда ему надоѣдало dolce far niente. Это отсутствіе настоящихъ судей и постоянные выборы на ихъ мѣста временныхъ, конечно, очень дурно отражались на интересахъ правосудія и вели за собой неизбѣжную волокиту, остановившую наконецъ по себѣ вниманіе Глуховскаго правительства. Отъ 1767 г. до насъ дошелъ указъ коллегіи такого содержанія: Малороссійская коллегія усмотрѣла изъ рапортовъ нѣкоторыхъ судовъ земскихъ о происходимыхъ въ тѣмъ судахъ медленіяхъ, а челобитствующимъ волокитахъ за неприбытіемъ настоящихъ судей, подсудковъ и писарей, изъ коихъ иные по дряхлости своихъ лѣтъ и по болѣзнямъ, а другіе по собственной своей надобности, удаляяся отъ мѣстъ своихъ, созываютъ шляхту къ выбору на мѣсто ихъ для присутствія въ оныхъ судахъ другихъ чиновниковъ, которые,

---

[1]) Архивъ Мал. Колл. № 6413.

будучи на время въ томъ присутствіи, такъ же отлучаясь по своей волѣ за нуждами ихъ, принуждаютъ шляхту другихъ выбирать, а тѣ, не повинуяся праву, отъ присутствія отказываются; что за таковыми почти всегдашними настоящихъ урядниковъ отлучками, а временныхъ ежечасными выборами произвожденіе по тѣмъ судамъ дѣлъ пріостанавливается и въ непорядокъ приходятъ тѣ дѣла, а челобитчествующіе, будучи долговременною волокитою обиждены, подаютъ въ Малороссійскую коллегію и въ генеральный судъ на тѣ суды жалобы, по которымъ хотя подтвержденіе дѣлается о скорѣйшемъ рѣшеніи дѣлъ на указные сроки, но и по тѣмъ подтвержденіямъ никотораго успѣху не предвидится. И понеже таковъ выборъ присутствующихъ на мѣсто земскихъ урядниковъ изъ шляхты происходитъ прямо противъ правъ, по которымъ установлено: урядовымъ особамъ самимъ судить, а другимъ никому на ихъ мѣсто не быть, кромѣ если бы кто изъ нихъ заболѣлъ или свою собственную имѣлъ надобность, въ таковомъ случаѣ должны два урядника судовые съ шляхтою на мѣсто онаго третьяго урядника выбрать и засадить на тотъ рокъ до выздоровленія больного или до явки его изъ отлучки, а буде бы кто изъ тѣхъ урядниковъ земскихъ безъ справедливой обложной болѣзни или кромѣ нужной своей каковой надобности умедлилъ въ другомъ повѣтѣ и то бы оказалось на него до трехъ разъ, таковый урядъ свой теряетъ,—того ради Малороссійская коллегія приказали: во всѣ суда земскіе послать указы и велѣть настоящимъ судьямъ, подсудкамъ и писарямъ земскимъ тотчасъ, хотя бы на ихъ мѣсто другіе присутствовали, нынѣ въ свою должность вступить и впредь отъ присутствія самимъ собою не удаляться безъ указу Малороссійской коллегіи, а буде кто изъ нихъ обложною болѣзнію заболѣлъ или законную причину имѣлъ къ отлучкѣ отъ уряду, въ такомъ случаѣ по силѣ вышеписанныхъ правъ другіе урядники по сношеніи съ предводителемъ того повѣту и съ шляхтою, на тотъ часъ съѣхавшеюся, имѣютъ на мѣсто онаго третьяго урядника кого другаго, въ правахъ искуснаго и добропорядочнаго, выбрать и засадить по тое только время, покуда тотъ третій урядникъ отъ болѣзни свободится или изъ отлучки явится, и кто выбранъ будетъ,—въ коллегію репортовать; если же нынѣ изъ тѣхъ настоящихъ судей, подсудковъ и писарей кто имѣетъ повышеніе или по какимъ либо правильнымъ причинамъ отъ урядовъ своихъ уволенъ, то на мѣсто ихъ по силѣ правъ по созву съѣхавшихся того полку шляхетства въ полковой канцеляріи выборъ на четырехъ кандидатовъ дѣлать должны и тѣ выборы представлять въ Малороссійскую коллегію къ надлежащему опредѣленію, а до полученія на то опредѣленія прежнимъ урядникамъ присутствовать, ничѣмъ не отговариваясь; а сколько въ какомъ судѣ земскомъ съ начала учрежденія онаго изъ настоящихъ судей, подсудковъ и писарей отъ присутствія въ ономъ отказы-

вались и по какимъ правильнымъ причинамъ и кто вмѣсто ихъ изъ другихъ чиновниковъ и кѣмъ именно избраны, или на мѣсто ихъ выбирались другіе и кто черезъ какое время въ присутствіи именно находился и нынѣ обрѣтается,—о томъ, сочиня обстоятельныя вѣдомости, прислать въ Малороссійскую коллегію [1]).

Распоряженіе это, однако, мало поправило дѣло. Судовые урядники продолжали подъ разными предлогами уклонятся отъ дѣлъ, а ихъ замѣстители считали для себя неудобнымъ оставлять „экономію" для исполненія чужой должности. Въ теченіи 1768 г. и первой половины 1769 г. должность Стародубскаго земскаго судьи исправляли разные бунчуковые товарищи. Въ Михайловскіе роки 1769 г. шляхетство выбрало временнымъ судьей бунч. тов. Корсака,—отказался. Выбрали Борозду,—отказался за болѣзнью. Выбрали на мѣсто судьи подсудка Завадовскаго, а на его мѣсто абшитованнаго асаула Занковскаго,—объявился больнымъ. Выбрали отставнаго сотника Рубца,—отказался и этотъ за увольненіемъ отъ всѣхъ службъ, и только по особому указу Малороссійской коллегіи былъ временно водворенъ въ должности подсудка [2]). Иногда для замѣщенія отсутствующихъ къ выборамъ и не прибѣгали. Въ земскомъ, напр., Роменскомъ судѣ въ Богоявленскіе роки 1773 г. подсудокъ отсутствовалъ, за него правилъ писарь, а за писаря возный. Въ Троицкіе роки того же года за судью засѣдалъ подсудокъ, за подсудка писарь, за писаря возный [3]). Самый указъ коллегіи, коимъ требовалось рапортовать о всякомъ случаѣ замѣны постояннаго урядника временнымъ, служилъ только къ усиленію волокиты, такъ какъ отвѣчать на такіе рапорты коллегія не торопилась, а безъ ея утвержденія временные урядники не занимали должностей. Въ самомъ началѣ 1776 г. въ Стародубскомъ земскомъ судѣ нужно было слушать дѣло козаковъ Кустянскихъ, тягавшихся за землю съ полковымъ асауломъ Скорупой и генеральнымъ асауломъ Журавкой. Такъ какъ судья и писарь находились въ родствѣ со Скорупой, то нужно было выбрать на ихъ мѣсто другихъ, что и сдѣлали. Но одинъ изъ выбранныхъ отказался, объ этомъ рапортовали въ коллегію, а она ничего не отвѣчала до 29 ноября, когда наконецъ земскій судъ, наскучивъ пріостановкой дѣла, выбралъ самовольно на мѣсто отказавшагося другое лицо [4]). Болѣе 6 мѣсяцевъ пропало даромъ.

Однимъ изъ излюбленныхъ способовъ оправданія въ медленности судопроизводства были для гродскихъ и земскихъ судей ссылки на неполученіе надлежащихъ справокъ и неявку необходимыхъ свидѣтелей. Въ этомъ

---

[1]) Архивъ Мал. Колл. № 3364.
[2]) Архивъ Мал. Колл. № 2759.
[3]) Архивъ Мал. Колл. № 29082.
[4]) Архивъ Мал. Колл. № 16908.

случаѣ, впрочемъ, съ судейскаго персонала должна быть снята значительная доля отвѣтственности. Въ уголовныхъ дѣлахъ „медленіе и волокита“ часто зависѣли отъ самихъ подсудимыхъ, которые ради продолженія дѣла нерѣдко оговаривали постороннихъ лицъ и особенно владѣльческихъ подданныхъ, а владѣльцы сплошь и рядомъ затягивали или и совсѣмъ не исполняли требованій суда о высылкѣ свидѣтелей или о выдачѣ оговоренныхъ лицъ. Въ Черниговскомъ, напр., полку бунч. тов. Василій Мокріевичъ, какъ видно изъ дѣлъ Черниговскаго гродскаго суда за 1765 г., не выдавалъ въ теченіи $2^1/_2$ лѣтъ своего подданнаго, оговореннаго въ воровствѣ, не смотря на требованія гродскаго и генеральнаго судовъ. Полковой хоружій Петръ Григоровичъ взялъ еще въ 1763 г. на поруки своего подданнаго, причастнаго къ „воровскому дѣлу“, и не представилъ по требованію суда. Войск. товарищъ Яковъ Красовскій взялъ на поруки своего шинкаря, обвинявшагося въ воровствѣ, но представить его по требованію суда не хотѣлъ. Точно такъ же поступилъ и Павелъ Мокріевичъ. Бунч. тов. Павелъ Забережный не выслалъ въ судъ по его требованію жены вора съ находящимися у нея воровскими вещами и не выдавалъ подданныхъ, обжалованныхъ въ смертоубійствѣ. Не больше вниманія обращали на требованія гродскаго суда бунч. тов. Константинъ Лизогубъ, абшитованный войск. тов. Осипъ Бакуринскій и многіе другіе [1]).

Существовали и въ самомъ Статутѣ условія, служившія немалымъ препятствіемъ правильному теченію судебныхъ дѣлъ. Въ засѣданіяхъ гродскихъ и земскихъ судовъ часто случались довольно продолжительные перерывы вслѣдствіе вызова судей „для очнаго мовенья“ или „на очевистую рѣчь“. Въ случаяхъ, указанныхъ въ 40 арт. 4 розд., лицо, недовольное рѣшеніемъ гродскаго или земскаго суда, имѣло право звать самихъ судей къ отвѣту въ генеральный судъ. Практиковалось это обыкновенно въ тѣхъ случаяхъ, когда судъ постановлялъ рѣшеніе въ отсутствіе одной изъ сторонъ или не дозволялъ апелляціи на свое рѣшеніе. По позву генеральнаго суда вызывались „на очевистую рѣчь“ земскій судья и подсудокъ или присутствующіе гродскаго суда, что же касается писарей, то они привлекались къ отвѣту только въ тѣхъ случаяхъ, когда, по мнѣнію недовольной стороны, неправильное рѣшеніе состоялось благодаря ихъ „помилкѣ“ или злоупотребленію. Въ Глуховѣ вызванные урядники обязаны были оставаться впредь до окончанія разсмотрѣніемъ дѣла; это обстоятельство, разумѣется, тотчасъ же отражалось на ходѣ дѣлъ того суда, въ коемъ они несли судейскія обязанности: приходилось либо выбирать временныхъ замѣстителей, либо совсѣмъ прекращать теченіе судовыхъ дѣлъ, что обыкновенно и дѣ-

[1]) Архивъ Мал. Колл. № 1642.

лалось. Вызовъ судей „на очевистую рѣчь“ и связанныя съ нимъ неудобства обратили было на себя вниманіе Румянцева, который желалъ совсѣмъ уничтожить этотъ своеобразный родъ апелляціи. Въ предложеніи коллегіи отъ 3 марта 1767 г. онъ указывалъ, что 40 арт. 4 розд. примѣнимъ только въ Польшѣ, гдѣ трибуналы и нижніе суды отправляютъ свои дѣла въ опредѣленные сроки, а въ Малороссіи выполненіе 40 арт. неудобно въ виду того, что и въ генеральномъ, и въ низшихъ судахъ теченіе дѣлъ продолжается безъ перерыва. Мнѣніе генералъ-губернатора не могло, однако, измѣнить установленнаго закономъ порядка, и вызовъ судей для „очнаго мовенья“ продолжалъ практиковаться и послѣ 1767 г. Такъ въ іюнѣ 1773 г. мы видимъ вызовъ въ генеральный судъ Нѣжинскаго гродскаго судьи къ очному мовенью по жалобѣ Софійскаго монастыря [1]), а въ декабрѣ 1776 г. встрѣчаемъ разсужденіе Малороссійской коллегіи о срокахъ подачи жалобъ по дѣламъ о вызовахъ судей на очевистую рѣчь [2]), изъ чего съ полныхъ основаніемъ можемъ заключить, что такіе вызовы существовали вплоть до реформы 1782 г., а вмѣстѣ съ тѣмъ существовали и перерывы въ правильномъ теченіи судовыхъ дѣлъ съ ихъ неизбѣжными результатами—„медленіемъ и волокитой“. Въ данномъ случаѣ вся вина, по видимому, была на сторонѣ Статута, но это только по видимому. Статутовый законъ былъ удобенъ и примѣнимъ въ Польшѣ, и оказался неудобнымъ и „наводимымъ съ трудомъ“ въ Малоросіи по винѣ самихъ же реформаторовъ 1763 г., не позаботившихся о полномъ согласованіи малорусскаго судоустройства съ порядкомъ, указаннымъ въ „малороссійскихъ правахъ“. Реформа 1763 года остановилась на полъ-пути, и это являлось ея существеннымъ недостаткомъ. Нужно было реформировать по Статуту судъ гродскій, нужно было превратить генеральный судъ въ настоящій трибуналъ, и только тогда могло получиться болѣе или менѣе стройное, согласованное во всѣхъ частяхъ, зданіе судоустройства, при которомъ не были бы возможны явленія, подобныя только что указанному.

Значительно вліяли на медленность судопроизводства и многочисленныя формальности, установленныя Статутомъ, дававшія людямъ „съ оборотомъ“ возможность уклоняться отъ суда за свои проступки и преступленія. Таково, напр., предоставленное лицу, вызванному въ судъ, право „збиванья позву“ и „буренья року“. Въ этихъ случаяхъ для пріостановки дѣла требовалось доказать неправильность посылки позва данному лицу, невѣрное написаніе позва, или, наконецъ, невѣрное обозначеніе срока явки въ судъ и т. п. Этимъ правомъ широко пользовались крючкотворцы, если не для совершеннаго прекращенія дѣла

---

[1]) Чт. Общ. Лѣт. Нестора за 1891 г., отд. III, стр. 121—126.

[2]) Арх. Мал. Колл. № 29082.

[3]) Арх. Мал. Колл. № 30817.

то для затягиванія его на возможно долгій срокъ. Какъ на обращикъ „оборотовъ", къ какимъ прибѣгали въ такихъ случаяхъ украинскіе сутяги, укажемъ на любопытное дѣло сына войсковаго товарища Райпольскаго. Райпольскій жаловался на сына бунч. тов. Григоровича, обвиняя послѣдняго въ разбоѣ, учиненномъ ему, Райпольскому, по дорогѣ въ Седневъ. Въ прошеніи своемъ Райпольскій указывалъ, что хотя по правамъ ему слѣдовало бы обратиться сперва не въ судъ, а къ отцу молодаго Григоровича, но такъ какъ со старикомъ Григоровичемъ у него судное дѣло и, сверхъ того, и самый разбой учиненъ, какъ онъ подозрѣваетъ, не безъ вѣдома того же Григоровича, то и просилъ судъ выдать заруку на обоихъ Григоровичей, что ни отецъ, ни его сынъ-разбойникъ не сдѣлаютъ ему вреда. „Шкоды" и побои Райпольскаго были освидѣтельствованы вознымъ, а старику Григоровичу посланъ позовъ на завитый (крайній) рокъ съ зарукою въ 10 тыс. грошей. Срокъ явки въ судъ былъ назначенъ на 5 сентября 1766 г. Обвиненіе было, какъ видно, вполнѣ справедливымъ, но Григоровичъ рѣшилъ отдѣлаться отъ него „збиваньемъ позву". Противъ позва онъ выставилъ цѣлый рядъ возраженій: онъ доказывалъ, что позовъ неправиленъ, ибо 5 сентября приходится на время судейскихъ каникулъ; выдавъ позовъ Райпольскому, судъ поступилъ незаконно, ибо въ позвѣ опороченъ его, Григоровича, сынъ, названный разбойникомъ; такъ какъ ничѣмъ не доказано, что нападеніе на Райпольскаго сдѣлано съ вѣдома его, Григоровича, то судъ не имѣлъ права привлекать его, Григоровича, къ отвѣту; пославъ ему, Григоровичу, позовъ, судъ поступилъ вопреки 48 и 49 арт. 4 розд., по которымъ управы на сына слѣдуетъ искать у отца, а на подданныхъ у пана; сверхъ того, въ посылкѣ къ нему позва Григоровичъ усматривалъ нарушеніе 44 арт. 4 розд., запрещающаго вызовъ на судъ къ ненадлежащему уряду, нарушеніе 3 пункта 58 арт. того же розд. и 1-й части Порядка и, наконецъ, выставлялъ на видъ, что принадлежность Райпольскаго къ шляхетству болѣе чѣмъ сомнительна и требуетъ правныхъ по Статуту доказательствъ, а посланный къ нему, Григоровичу, позовъ уже потому не дѣйствителенъ, что полная фамилія его не Григоровичъ, а Григоровичъ-Фурсовичъ. Хотя все это „збиванье позву" было явно не добросовѣстнымъ, тѣмъ не менѣе Григоровичу удалось достигнуть своей цѣли. За разборомъ представляемыхъ имъ возраженій прошло два года, а въ 1768 г. судъ изъ всѣхъ отводовъ Григоровича призналъ убѣдительнымъ только одинъ, а именно, что позовъ слѣдовало адресовать не Григоровичу, а Григоровичу-Фурсовичу, и на этомъ основаніи прекратилъ производство дѣла, предоставивъ челобитчику „поправиться", т. е. вновь начать искъ [1]). „Поправился"

---

[1]) Архивъ Мал. Колл. № 870.

ли Райпольскій, или двухлѣтняя волокита отбила у него охоту тягаться по судамъ,—не знаемъ.

Формальности давали сутягамъ возможность на долго затягивать дѣла въ низшихъ инстанціяхъ, но не меньше удобствъ представлялъ для нихъ и переносъ процесса въ генеральный судъ. Какъ на примѣръ, укажемъ на такъ называемый вызовъ судей „къ очному мовенью“, о вліяніи коего на интересы правосудія намъ уже приходилось упоминать. Мы уже говорили о перерывахъ въ правильномъ теченіи судебныхъ дѣлъ, причиняемомъ вызовомъ судей въ Глуховъ, теперь укажемъ на другую вредную сторону этого порядка. При подачѣ жалобы на судей, какъ и при обыкновенной апелляціи, рѣшеніе нижней инстанціи не приводилось въ исполненіе до окончательнаго разсмотрѣнія дѣла генеральнымъ судомъ. Со времени заявленія стороны передъ судомъ о желаніи звать судей на „очевистую рѣчь“ (если она присутствовала во время объявленія рѣшенія) или передъ вознымъ, при его явкѣ для исполненія рѣшенія (если сторона на судѣ не присутствовала), судебное рѣшеніе теряло свое значеніе. Недовольная сторона въ теченіи 6 недѣль должна была подать челобитную въ генеральный судъ, который и дѣлалъ опредѣленіе о посылкѣ позва къ обжалованнымъ судьямъ. За полученіемъ позва долженъ былъ явиться самъ жалобщикъ или его повѣренный и передать этотъ позовъ возному, а затѣмъ въ срокъ, назначенный вознымъ, какъ челобитчикъ, такъ и обжалованные судьи должны были явиться къ разбору дѣла. Повидимому, порядокъ простой, но въ Малороссіи онъ давалъ поводъ къ частымъ злоупотребленіямъ. Дѣло въ томъ, что срокъ для взятія позва послѣ опредѣленія генеральнаго суда о выдачѣ таковаго въ „правахъ малороссійскихъ“ точно опредѣленъ не былъ, а это то обстоятельство и давало сутягамъ возможность сколько угодно волочить своихъ противниковъ. Крючкотворцу, неправильно владѣющему чужимъ достояніемъ, въ случаѣ неблагопріятнаго для него рѣшенія нижней инстанціи, стоило только подать въ генеральный судъ просьбу о вызовѣ судей на очевистую рѣчь, чтобы непріятное ему рѣшеніе утратило всякую силу. Ему нужно было только не пропустить 6-ти недѣльнаго срока да дождаться опредѣленія генеральнаго суда о вызовѣ судей въ Глуховъ, а затѣмъ онъ могъ быть совершенно покоенъ: за полученіемъ позва онъ могъ явиться, когда ему заблагоразсудится, а безъ этого, какъ и безъ врученія позва возному, дѣло не могло имѣть никакого хода. Сутяга могъ сколько угодно корыстоваться чужимъ имѣніемъ или отдалять уплату присужденнаго съ него долга, посмѣиваясь надъ рѣшеніемъ нижней инстанціи и мучая волокитой своего противника. А противникъ, „видя продолжаемую челобитчикомъ такимъ способомъ нарочитую волокиту, слѣдуемую къ его обидѣ неполученіемъ черезъ долгое время присужденнаго, подавалъ наконецъ просьбу за отступъ

его отъ суда и непильность своего дѣла“. Сутяга торжествовалъ, а противникъ его былъ очень доволенъ, если ему удавалось получить хоть сколько нибудь отступнаго. Высшее краевое правительство вообще какъ то мало обращало вниманія на подобные случаи. Въ 1770 г., въ виду многочисленныхъ жалобъ на волокоту при вызовѣ судей къ очному мовенью, Малороссійская коллегія поручила было генеральному суду высказать свое мнѣніе по этому предмету. Генеральный судъ нашелъ необходимымъ положить срокъ для бранья челобитчиками позвовъ и врученья ихъ вознымъ, такъ какъ иначе „дѣла окончанія своего въ скоромъ времени принимать не могутъ, а по задержанію въ силу права исполненія (рѣшенія низшей инстанціи) исковыя стороны, не получая присужденнаго, оставатимутся въ обидѣ“, такъ что, „ежели не положить законнаго предѣла, то не оставатимется суду никакого способа приступить къ удовольствію обиженныхъ сторонъ, а отвѣтчики, тѣмъ случаемъ пользуясь, свободно отъ присужденнаго, могутъ завсегда продолжать таковыя дѣла къ волокитѣ противныхъ себѣ сторонъ“. Въ виду этого генеральный судъ полагалъ, что если апеллянты со времени опредѣленія генеральнаго суда о призывѣ судей къ очному мовенью не выправляютъ позвовъ въ теченіи 6 недѣль, то имъ слѣдуетъ отказывать, какъ и за просрочку апелляціи, а рѣшеніе нижней инстанціи приводить въ исполненіе.

Мнѣніе генеральнаго суда не получило, однако, своевременно правъ гражданства. Вспомнили о немъ только спустя 6 лѣтъ, въ декабрѣ 1776 г., подъ вліяніемъ новыхъ жалобъ на несносную волокиту и обиды со стороны крючкотворцевъ. Малороссійская коллегія, обсуждавшая теперь этотъ вопросъ, нашла мнѣніе генеральнаго суда правильнымъ и, принимая во вниманіе 95, 42 и 89 арт. 4 розд. Статута и указаніе „Способовъ правъ трибунальныхъ“, установила на будущее время такой порядокъ въ дѣлахъ о вызовѣ судей къ очному мовенью: 1) лица, недовольныя рѣшеніемъ земскихъ или гродскимъ судовъ и по 40 арт. 4 розд. имѣющія право звать судей на очевистую рѣчь, должны брать позвы на судей изъ того же земскаго или гродскаго суда, гдѣ производилось ихъ дѣло, и не удерживая ихъ у себя ни мало, тотчасъ передавать возному для врученія обжалованнымъ судьямъ; возный же назначаетъ и срокъ для явки въ генеральный судъ къ разбору дѣла; 2) въ позвахъ должны быть изъяснены всѣ законныя обстоятельства, по которымъ жалобщикъ признаетъ рѣшеніе низшей инстанціи неправильнымъ, такъ что оные позвы должны быть признаваемы за формальную апелляцію, слѣдовательно, кромѣ тѣхъ позвовъ особой апелляціи въ генеральный судъ подавать уже не нужно и не надлежитъ; 3) судьи и жалобщикъ должны въ срокъ, назначенный вознымъ, явиться въ генеральный судъ, если же кто не явится безъ законныхъ причинъ, съ тѣмъ поступлено

будетъ по 42 арт. 4 розд.; а чтобы генеральный судъ могъ имѣть свѣдѣнія о срокѣ по такимъ позвамъ, то возные, которые позвы вручать и срокъ назначать будутъ, немедленно по врученіи позвовъ обязаны прямо отъ себя представлять рапортомъ генеральному суду, по чьему дѣлу, съ кѣмъ и на какое число назначенъ ими срокъ къ явкѣ къ очному мовенью; 5) дабы иногда въ судахъ нижнихъ въ выдачѣ такихъ позвовъ сторонамъ никакого препятствія и помѣшательства, а тѣми, на коихъ та выдача позвовъ по правамъ возложена, въ томъ продолженія чинено не было, о томъ въ указахъ изъ коллегіи притвердить онымъ судамъ съ такимъ предписаніемъ, что за жалобою о томъ и за изслѣдованіемъ виновные будутъ штрафованы по силѣ указовъ безъ опущенія; 6) если кто отъ объявленія ему въ судѣ рѣшенія или отъ врученія увязчаго листа (черезъ вознаго, когда онъ явится приводить рѣшеніе суда въ исполненіе) не возьметъ позвовъ, или и взявъ, удержитъ у себя тѣ позвы и ихъ судьямъ не дастъ черезъ 6 недѣль, то за жалобою о томъ оправданной стороны въ генеральный судъ и за надлежащею выправкой поступать съ нимъ, какъ съ упустившимъ срокъ, положенный на апелляцію, оставляя уже недѣйствительнымъ и позовъ его, хотя бы послѣ истеченія срока онъ и былъ врученъ судьямъ [1]).

При первомъ знакомствѣ съ отчетами малороссійскихъ земскихъ и гродскихъ судовъ наблюдателя поражаетъ въ нихъ чрезмѣрно большое число нерѣшенныхъ дѣлъ, тянущихся годами, и эти крупныя сотенныя цифры способны внушить самое нелестное понятіе о скорости рѣшеній украинской Ѳемиды. Однако, если присмотрѣться поближе къ дѣлу, то нельзя не убѣдиться, что Ѳемида тутъ часто бывала совсѣмъ ни причемъ. Накопленіе нерѣшенныхъ дѣлъ зависѣло очень часто отъ самихъ же челобитчиковъ. Дѣло въ томъ, что по Статуту всякій искъ по гражданскому или уголовному дѣлу, вчинаемому въ порядкѣ частнаго обвиненія, могъ получить ходъ лишь въ томъ случаѣ, если истецъ, послѣ опредѣленія суда о выдачѣ позва, являлся самъ или черезъ повѣреннаго въ судъ, давалъ свою бумагу и сургучъ для написанія позва, уплачивалъ положенные судебные расходы и передавалъ позовъ возному. Безъ этого опредѣленіе суда о выдачѣ позва не имѣло никакого значенія и позовъ отвѣтчику совсѣмъ не посылался. Между тѣмъ, подавъ просьбу въ судъ, истцы зачастую совершенно прекращали „хожденіе по дѣлу“. Дѣло поэтому считалось не рѣшеннымъ и изъ года въ годъ фигурировало въ качествѣ таковаго въ судебныхъ отчетахъ и реестрахъ. Въ Черниговскомъ, напр., гродскомъ судѣ въ 1765 г. имѣлись дѣла „множественныя такъ застарѣлыя, что по нимъ ни истцы, ни отвѣтчики уже давно не ходятъ, и въ живыхъ ли понынѣ имѣются,—неизвѣстно“; кромѣ того

---

[1]) Архивъ Мал. Колл. № 30817.

„и нынѣ, по словамъ гродскаго писаря, таковыхъ много имѣется истцовъ, что только начнетъ дѣло и затѣетъ жалобу, но по оному хожденія не имѣетъ и произвожденія чинить не требуетъ и оставляетъ безъ дѣйствія, и тѣмъ токмо едино умноженіе дѣлъ чинится и происходитъ помѣшательство“ [1]). Въ Погарскомъ земскомъ судѣ судѣ въ іюнѣ 1765 г. оставались нерѣшенными: одно дѣло отъ 1733 г., два отъ 1734, одно отъ 1738 и по нѣсколько отъ 1740, 1745, 1751, 1754, 1761, 1763 годовъ; всѣ эти дѣла были не рѣшены за неявкой истцовъ и недачей бумаги и сургучу на позовъ, а то и по неявкѣ обѣихъ сторонъ къ слушанію дѣла [2]). Въ то же время въ Глуховскомъ земскомъ судѣ всѣхъ дѣлъ числилось 697, а изъ этого числа по 410 не было хожденія [3]). Въ сентябрѣ 1768 г. въ Менскій повѣтовый судъ подано было 26 челобитныхъ, изъ нихъ по семи дѣламъ позовъ не былъ посланъ за неявкой истцовъ и непредставленіемъ бумаги; къ 1 октября въ томъ же судѣ всѣхъ дѣлъ нерѣшенныхъ за нехожденіемъ челобитчиковъ было 567, въ іюнѣ такихъ дѣлъ было 564, а въ ноябрѣ 690; къ концу 1767 г. въ томъ же судѣ дѣлъ, по коимъ хожденія нѣтъ, состояло 457 и, кромѣ того, отъ трехъ предъидущихъ лѣтъ осталось безъ дѣйствія 130 доношеній, по которымъ позвы не посыланы за нехоженіемъ просителей [4]). Въ Батуринскомъ земскомъ судѣ къ 1 февраля 1768 г. дѣлъ нерѣшенныхъ за нехожденіемъ челобитчиковъ было 514, а въ ноябрѣ того же года такихъ дѣлъ было уже 625 [5]). Цыфры, конечно, очень большія, но чтобы понять ихъ какъ слѣдуетъ, нужно прибавить, что то же явленіе наблюдалось и въ Великой Россіи. Благодаря накопленію „застарѣлыхъ“ нерѣшенныхъ дѣлъ суды обращались въ своего рода Авгіеву конюшню, вычистить которую могъ только рѣшительный указъ отъ 12 марта 1781 г., коимъ повелѣвалось о всѣхъ такихъ дѣлахъ публиковать и, буде въ теченіи годичнаго срока челобитчики не явятся, сдать въ архивъ и передать вѣчному забвенію [6]).

Желая „скорѣйшаго полученія справедливости“, тяжущіяся стороны очень часто сами же способствовали медленію и волокитѣ. Обходя низшія судебныя мѣста, челобитчики нерѣдко подавали свои прошенія и доношенія въ генеральный судъ, въ коллегію, а то и самому Румянцеву. Разъясненія мѣстныхъ властей и даже указы Сената о томъ, чтобы, не бивъ челомъ въ низшихъ мѣстахъ по порядку, не обращаться въ высшія, не при-

---

1) Архивъ Мал. Колл. № 1642.
2) Архивъ Мал. Колл. № 21192.
3) Архивъ Малор. Коллегіи № 22020.
4) Арх. Мал. Колл. № 6302.
5) Арх. Мал. Колл. № 6031.
6) Арх. Мал. Колл. № 13466.

носили пользы. „Безпрестанно—жаловался Румянцевъ въ ордерѣ коллегіи отъ 1 ноября 1777 г.,—являются у меня просители, многіе не искавшіе въ нижнихъ судахъ, не меньше жъ, кои оставили начатыя и производимыя дѣла свои, а всѣ ихъ просьбы, приносимыя мнѣ, слѣдуютъ по законамъ разсмотрѣнію и рѣшенію судовъ, на то здѣсь учрежденныхъ; и такъ не совмѣстно мнѣ, хотя и всемѣрно стараюся, удовлетворить каждаго просьбу, а всегда принужденнымъ себя нахожу отсылать оныя въ тѣ суда, куда надлежатъ, просители же переѣздами своими только теряютъ напрасно время и несутъ убытки. Если бы кто въ судахъ угнетенъ былъ неправосудіемъ черезъ нарушеніе законовъ или продолженіемъ по какимъ-либо причинамъ дѣла, я собственно обязанъ всякому обидимому доставлять справедливость, подтвердить, куда надлежитъ, взыскать и приводить къ должности; о семъ предписано уже отъ меня коллегіи отъ 9 марта 1766 г. истолковать всѣмъ и каждому, но или не внушаютъ того, или ищущіе не понимаютъ собственной своей пользы съ одной стороны, что они безотлучно бытностью своею въ надлежащемъ судѣ скорѣе могутъ доискаться въ своихъ искахъ удовольствія по законамъ, а съ другой стороны избѣгнуть убытковъ, причиняемыхъ имъ самимъ себѣ напрасными переѣздами. Я рекомендую Малороссійской коллегіи подтвердить еще указами полковымъ канцеляріямъ, чтобы всѣмъ и каждому о вышеписанномъ внушено было внятно, дабы никто, наипаче изъ простолюдиновъ, не оставался въ невѣдѣніи“ [1]). Жалоба въ высшую инстанцію не всегда, однако, была результатомъ невѣдѣнія. Люди опытные пользовались ею, какъ средствомъ хоть сколько-нибудь затянуть дѣло. Часто истцы или отвѣтчики, не надѣясь на выгодное для себя рѣшеніе дѣла нижнимъ судомъ и желая выиграть хоть во времени, подавали, не ожидая окончанія дѣла, жалобу въ генеральный судъ или въ коллегію, о чемъ и заявляли нижнему суду. Въ такихъ случаяхъ судъ обыкновенно пріостанавливалъ разсмотрѣніе дѣла до полученія надлежащаго повелѣнія изъ Глухова, а пока глуховское начальство собирало необходимыя справки да готовило указъ о разборѣ дѣла на мѣстѣ, времени уходило не мало.

Все нами сказанное даетъ основаніе полагать, что малорусскіе земскіе и гродскіе суды были болѣе чѣмъ далеки отъ идеала суда скораго, и если съ этой стороны пореформенное судопроизводство не вызвало въ 1767 г. жалобъ, то только потому, что дореформенный судъ, память о которомъ была еще такъ свѣжа, былъ еще медленнѣе. И генералъ-губернаторъ, и коллегія, и генеральный судъ всѣми мѣрами подгоняли земскихъ и гродскихъ судей, нѣсколько разъ на годъ слали имъ указы о скорѣйшемъ про-

[1]) Архивъ Мал. Колл. № 5789.

извожденіи и рѣшеніи дѣлъ, грозили штрафами, „поступленіемъ со всею строгостью по силѣ указовъ и регламентовъ“ и т. д., но при существованіи перечисленныхъ нами условій требованіе высшаго краеваго правительства, чтобы въ нижнихъ судахъ дѣла рѣшались въ срокъ, опредѣленный по указамъ и правамъ, являлось требованіемъ трудно выполнимымъ. Обыкновенно дѣла о завладѣніи какимъ нибудь дворомъ или грунтомъ тянулись года по 2—3. Чѣмъ юридически развитѣе были тяжущіяся стороны, тѣмъ дольше тянулись такіе процессы, оттого и наблюдается тотъ фактъ, что долголѣтними дѣлами бывали по преимуществу дѣла панскія, монастырскія и вообще владѣльческія. Чтобы нагляднѣе иллюстрировать медленіе и волокиту въ земскихъ и гродскихъ судахъ того времени, сошлемся опять таки на цифры: Менскій, напр., земскій судъ за весь 1767 г. рѣшилъ въ срокъ, положенный по генеральному регламенту, всего 71 дѣло, сверхъ того въ теченіи того же года было рѣшено 7 дѣлъ, тянувшихся по 2—3 года, между тѣмъ, какъ дѣлъ нерѣшенныхъ къ концу года оставалось 645 [1]). Въ Стародубскомъ земскомъ судѣ изъ 160 дѣлъ, поступившихъ въ 1764 г., было рѣшено 55 [2]). Въ Глуховскомъ земскомъ судѣ съ 1 іюня 1764 г. по 1 іюня 1765 г. изъ 697 дѣлъ рѣшено только 65, 38 покончены миромъ, а девять отосланы въ другія судебныя установленія [3]). Изъ 351 дѣла, поступившаго въ Батуринскій земскій судъ съ 3 іюля 1764 г. по 1 іюня 1765 г., рѣшено только 91, не смотря на то, что въ теченіи этого періода судъ засѣдалъ безъ каникулъ [4]). Въ Погарскомъ земскомъ судѣ въ ноябрѣ 1768 г. рѣшено 2 дѣла, то-же и въ маѣ, а за весь 1767 г. въ указный срокъ рѣшено 53 дѣла, да старыхъ 18 дѣлъ, итого 71 дѣло за годъ [5]). Цифры рѣшенныхъ дѣлъ поражаютъ своей незначительностью, которая выступаетъ особенно рельефно, если сравнить дѣятельность тогдашнихъ гродскихъ и земскихъ судовъ съ дѣятельностью современныхъ судебныхъ установленій, хотя бы Харьковскаго съѣзда мировыхъ судей, гдѣ ежегодно, при двухъ засѣданіяхъ въ недѣлю, рѣшается около 1200 дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ.

Несравненно успѣшнѣе шелъ разборъ дѣлъ въ судахъ подкоморскихъ. Этого, конечно, и можно было ожидать уже потому, что кромѣ подкомораго могли разбирать иногда дѣла и коморники, а затѣмъ и вообще дѣлъ въ подкоморскіе суды поступало очень не много. Къ Менскому, напр., подкоморому со времени его утвержденія въ должности и по сентябрь 1765 г.

---

1) Архивъ Мал. Колл. № 21192.
2) Арх. Мал. Колл. 6302.
3) Архивъ Мал. Колл. № 21600
4) Архивъ Мал. Колл. № 22020.
5) Архивъ Мал. Колл. № 22951.

прислано было на разсмотрѣніе всего 2 дѣла [1]). Въ 1768 г. Глуховскому подкоморому пришлось рѣшить только три дѣла [2]). Въ іюнѣ 1765 г. Погарскому подкоморому было прислано изъ земскаго суда два дѣла, въ іюлѣ ему пришлось посылать комориниковъ для поновленія границъ между двумя козаками согласно ихъ просьбѣ, въ октябрѣ изъ земскаго суда къ нему поступило 2 дѣла, а въ ноябрѣ 3, итого девять дѣлъ за полъ-года [3]). Въ 1764 г. Стародубскимъ земскимъ судомъ было отослано къ подкоморому 12 дѣлъ [4]), а Глуховскій земскій судъ за тотъ же годъ передалъ въ подкоморскій судъ 8 дѣлъ [5]). При такомъ незначительномъ количествѣ работы подкоморымъ, конечно, нельзя было затруднять челобитчиковъ долговременной волокитой, и единственной причиной замедленія въ разборѣ являлось развѣ время года: если дѣло поступало въ позднюю осень или зимою, то разборъ его откладывался до весны, ибо „по правамъ рѣшать дѣлъ въ судѣ подкоморскомъ до збѣжанія снѣга не возможно [6]).“

Давали ли украинскіе суды обществу судъ правый? Рѣшить этотъ вопросъ на основаніи однихъ архивныхъ *казенныхъ* бумагъ, конечно, трудно. Оффиціальныхъ указаній на недобросовѣстность судей у насъ не имѣется, но что такая недобросовѣстность была возможна,—явствуетъ уже изъ одного того факта, что малороссійскіе судьи, особенно въ земскихъ судахъ, кормились отъ дѣлъ, будучи лишены „надлежащаго на чины свои опредѣленія“. Интереснымъ въ этомъ отношеніи документомъ является письмо бунчуковаго товарища Сандурскаго къ Менскому подкоморому Ломиковскому, писанное въ 1771 г. „Менскій земскій судъ—писалъ Сандурскій—забывъ страхъ Божій и присяжную должность, взявши отъ Шатилы достаточные окупы, не точію по законамъ обидимымъ учинилъ справедливость, но рѣшенныя ими (судьями) дѣла криводушіе ихъ доказать могутъ, и для того васъ, моего высокомилостиваго государя, покорне прошу дать совѣтъ, ибо обидимыхъ насъ сискивается болѣе 50 человѣкъ... и ежели всякъ съ обидимыхъ порознь по пунктамъ всѣ причиненніе нападки Шатилинскіе напишетъ, то челобитной и на десяти аркушахъ вмѣстить невозможно будетъ“. [7]) „Окупы“ были болѣе чѣмъ возможны и въ пользу писарей, ибо на ихъ плечахъ лежало все содержаніе земскихъ судовъ. Въ 1767 г. стародубскіе козаки Высоцкіе жаловались, что Погарскій земскій судъ, рѣшивъ неправильно ихъ дѣло о землѣ, тотчасъ же привелъ свое рѣшеніе въ исполненіе, а послѣ подачи

[1]) Архивъ Мал. Колл. № 3178
[2]) Архивъ Мал. Кол. № 6303.
[3]) Арх. Мал. Колл. 21191.
[4]) Арх. Мал. Колл. 21322.
[5]) Арх. Мал. Колл. 21191.
[6]) Арх. Мал. Колл. 31600.
[7]) Арх. Мал. Колл. № 29020.

Высоцкими апелляціонной жалобы не захотѣлъ отослать ихъ дѣло въ генеральный судъ, не смотря на двукратныя требованія изъ Глухова. Малороссійской коллегіей для отобранія дѣла былъ посланъ въ Погаръ особый нарочный на счетъ виновныхъ, исполненіе рѣшенія велѣно было пріостановить, а судей оштрафовать, но деньги за нарочнаго въ концѣ концовъ пришлось уплатить не судьямъ, а Высоцкимъ, а спорная земля, вопреки распоряженію коллегіи, оставлена во владѣніе противника Высоцкихъ, согласно рѣшенію земскаго суда. Земскій судья и подсудокъ „грозили Высоцкимъ за подачу апелляціи лишеніемъ головъ, разнымъ мученіемъ и ссылкой“. Произошло все это, по словамъ жалобщиковъ, отъ того, что земскій писарь взялъ съ ихъ противника знатную взятку [1]). Характеризуя малорусскіе суды своего времени, авторъ „Замѣчаній, до Малой Россіи принадлежащихъ“, говоритъ: „...никакая бумага не выйдетъ изъ суда, за которую бы проситель, кромѣ печатныхъ пошлинъ, судьѣ и писарю не платилъ, умалчивая то, что не подаря ихъ и канцеляристовъ и не давъ на производство дѣла бумаги, никакого успѣха не будетъ. Напр., совершеніе купчей въ 10 руб. стоитъ пріобрѣтателю, кромѣ 6 коп. гербовой бумаги, 4 руб. 82½ коп.... а сіи для судьи, подсудка и писаря по Статуту собираемыя деньги не равно со всякаго взыскиваются: простолюдины тутъ лишнее платятъ“. Принимая во вниманіе, что условія существованія земскихъ судовъ въ началѣ 19-го вѣка мало разнились отъ условій 18-го, можно предполагать, что тѣ же явленія повторялись и въ разсматриваемое нами время. При необходимости кормленія отъ дѣлъ, очень возможно, что и возный, этотъ, по выраженію Екатерины, maître Jacques qui est partout exepté là où il doit être, старался заохочивать козаковъ и посполитыхъ къ жалобамъ и тяжбамъ, дававшимъ ему хлѣбъ насущный. Такъ ли все это было въ дѣйствительности, утверждать не беремся: точныхъ, провѣренныхъ, данныхъ по этому вопросу у насъ, повторяемъ, не имѣется.

Существовала ли недобросовѣстность, или нѣтъ, во всякомъ случаѣ малороссійскіе суды далеко не могли похвалиться правосудіемъ своихъ рѣшеній. Особенно страдали отъ этого низшіе классы общества—посполитые, мѣщане, козаки, которые, по словамъ Румянцева, вездѣ съ воплями приносили ему жалобы о своихъ обидахъ [2]). Распоряженія коллегіи и генералъ губернатора и заходившіе и въ Малороссію увѣщательные указы центральнаго правительства о правосудіи и нелихоиманіи, подкрѣпленные разсужденіями о государственной пользѣ и долгѣ служащихъ, въ родѣ извѣстнаго указа 31 декабря 1765 г., [3]), оказывали столь же мало вліянія, какъ и въ

[1]) Архивъ Мал. Колл. № 21509.

[2]) Чт. Общ. Лѣт. Нестора, 1891 г., отд. III, стр. 132.

[3]) Арх. Мал. Колл. № 29392.

Великой Россіи. Иллюстраціей безсилія высшей власти въ борьбѣ съ неправосудіемъ можетъ служить хотя бы слѣдующій ордеръ Румянцева, данный имъ 18 іюля 1781 г., почти наканунѣ упраздненія статутовыхъ судовъ. „За *многими* моими предписаніями о наблюденіи въ судахъ должнаго порядка, о дѣланіи въ судахъ справедливости, изъ доходящихъ ко мнѣ жалобъ усматриваю, что обидимые и по просьбамъ въ гвалтахъ, грабежахъ и насиліяхъ, къ разсмотрѣнію и удовольствію отъ меня къ разнымъ присутственнымъ мѣстамъ отсылаемые, являются *у меня съ пріумноженіемъ токмо и на тѣ мѣста своихъ жалобъ*, и долгомъ узнаю коллегіи сдѣлать симъ новое напоминаніе, дабы оная, подтвердя ей подчиненнымъ судамъ о неотложномъ и сходственномъ съ законами дѣлъ производствѣ и рѣшеніи, наистрожайше того наблюдала, чтобъ за усмотрѣніемъ ихъ небраженія законовъ или во образѣ производства дѣлъ предписаннаго порядка съ судящими было поступаемо по точности сдѣланныхъ на то узаконеній“ [1]).

Реформаторовъ 1763 г. обыкновенно хвалятъ за то, что, возстановляя статутовые суды, они не сдѣлали ихъ судами сословными. Но и это прекрасное свойство малорусскаго суда на практикѣ имѣло свою дурную сторону. Дѣло въ томъ, что гродскіе и земскіе суды, болѣе или менѣе удобные для шляхетства, мало соотвѣтствовали юридическому развитію козачества и посполитства. Всѣ эти роки простые и завитые, очевистыя мовенья, квиты, сознанья, какъ до реформы, такъ и теперь, были мало понятны сѣрой массѣ козачества и посполитства, и защищать свои интересы передъ украинской Ѳемидой для низшихъ классовъ общества было очень не легко. „Во всякое время—писалъ Румянцевъ въ мартѣ 1767 г.—обращаюсь я между бѣдствующими просителями, изъ которыхъ, паче козаки, приносятъ чувствительныя жалобы, что многіе по своей простотѣ, не вѣдая силы законовъ, подпадаютъ своими поступками строгимъ взысканіямъ, что иной за нестанье по позву на срокъ, ему неизвѣстный, или отлучку отъ суда, будучи командированъ, лишается всего иску и имѣнія, противныя жъ стороны, стараясь уловить ихъ незнаніе, по своему свѣдѣнію правныхъ обрядовъ, одерживаютъ больше симъ образомъ надъ ними право“... [2]). Для защиты козаковъ и коронныхъ посполитыхъ Румянцевымъ еще раньше были опредѣлены 4 адвоката на казенномъ жалованьѣ при генеральномъ судѣ и коллегіи, но оказалось, что и эти защитники обиженныхъ и угнетенныхъ находили болѣе выгоднымъ давать юридическіе совѣты противникамъ своихъ кліентовъ, какъ это засвидѣтельствовано самимъ же Румянцевымъ въ ордерѣ коллегіи отъ 3 марта 1767 г. Тѣмъ не менѣе гене-

[1]) Архивъ. Мал. Колл. № 5398.
[2]) Чт. Общ, Лѣт. Нестора, 1891, отд. III, стр. 130.

ралъ-губернаторъ находилъ необходимымъ учредить казенныхъ адвокатовъ и при низшихъ судахъ, а пока, ордерамъ отъ 20 марта 1767 г., приказалъ коллегіи сдѣлать распоряженіе, чтобы отъ полковыхъ канцелярій „было опредѣлено по одному изъ людей исправныхъ, которые-бъ всякое дѣло (козаковъ и коронныхъ посполитыхъ) по закону производили въ земскихъ и гродскихъ судахъ и за справедливость оныхъ обстоявали на основаніи закона, не требуя, въ уваженіе ихъ бѣдности и службы, ничего себѣ въ заплату, чтобы симъ пособіемъ, по крайней возможности, успокоить козачьяго званія просителей, которые вездѣ съ воплемъ приносятъ жалобы о своихъ обидахъ“ [1]). Такой же смыслъ имѣетъ и предложеніе Румянцева коллегія отъ 20 іюля 1781 г., изъ котораго оказывается, что „въ нѣкоторыхъ судахъ чинились по дѣламъ производства и рѣшенія по одному только дохожденію одной исковой или отвѣтчиковой стороны и за неявку другой по незнанію, въ которое время, кончали съ обвиненіемъ и уничтоженіемъ претензіи“. Румянцевъ приказалъ коллегіи предписать во всѣ суды, „чтобы по каждому дѣлу, кое токмо къ разсмотрѣнію и рѣшенію слѣдовало-бы, въ случаѣ небытности котораго лица, давали знать или черезъ уряды, или оповѣстки, назначая срокъ къ явкѣ, а въ отдаленности живущимъ и черезъ опубликованіе въ газетахъ, дабы участвовавшіе въ дѣлахъ черезъ незнатье не могли терять своихъ исковъ и въ неявкѣ не были-бы обвиняемы“ [2]).

Земскіе, гродскіе и подкоморскіе суды просуществовали до 1782 г., когда въ Малороссіи было введено Екатерининское учрежденіе о губерніяхъ. Ихъ упраздненіе прошло незамѣтно, не вызвавъ ни жалобъ, ни протестовъ. Правда, при Павлѣ статутовые суды были вновь возстановлены, но не въ силу необходимости или расположенія къ нимъ населенія, а только вслѣдствіе антипатіи государя къ реформамъ своей великой матери. Въ 1782 г., какъ и въ началѣ текущаго столѣтія, за статутовые суды стояли только немногіе, завзятые „патріоты“, „напоенные, по выраженію автора „Замѣчаній, до Малой Россіи принадлежащихъ“, козацкимъ запорожскимъ духомъ“. А между тѣмъ всего 19 лѣтъ назадъ авторъ рѣчи „о поправленіи состоянія Малороссіи“ восклицалъ на шляхетскомъ собраніи въ Глуховѣ: „мы такіе имѣемъ законы, которые только вольный и благородный на свѣтѣ народъ имѣть можетъ!“, а 1767 г. украинское шляхетство только о томъ и хлопотало, чтобы ему въ статутовыхъ судахъ судиться всемилостивѣйше подтверждено было. Причину поворота въ общественномъ мнѣніи нужно, кажется намъ, искать въ тѣхъ же условіяхъ, коими было вызвано и быстрое сліяніе малорусскаго шляхетства съ русскимъ дворянствомъ при Екатеринѣ. До Екатерины между тѣмъ и другимъ была „разность немалая“.

[1]) Чт. Общ Лѣт. Нестора 1891, отд. III, стр. 132.

[2]) Архивъ Малор. Колл. № 5040.

„Когда малороссійскому шляхетству сказали о сочиненныхъ новыхъ законахъ, изъ нихъ стародубовскіе и нѣжинскіе, опасаясь, по видимому неосновательно, подвергнуться состоянію русскихъ дворянъ, сочли за лучшее быть въ оковахъ, чѣмъ согласиться на оные. Но когда поступили съ ними по разуму и изданъ указъ государя Петра III о вольностяхъ дворянъ и высочайшая грамота о дворянствѣ, когда (эти) двѣ эпохи поравняли русскихъ дворянъ въ преимуществахъ съ малороссійскимъ шляхетствомъ, тогда малороссіяне начали смѣло вступать въ россійскую службу, скинули татарскія и польскія платья, начали говорить, пѣть и плясать по русски" [1]). Такъ объясняетъ ходъ сліянія А. И. Чепа въ письмѣ къ В. Г. Полетикѣ, и намъ кажется, что это объясненіе приложимо и къ затронутому нами вопросу. До Екатерины разность между великорусскими и малорусскими судами была тоже не малая. Одно право выбора урядниковъ вольными голосами, а тѣмъ болѣе свобода отъ пытокъ и тѣлесныхъ наказаній, были вполнѣ достаточны, чтобы заставить шляхетство держаться за свой „національный" судъ обѣими руками. Но когда всѣ тѣ права и преимущества, коими пользовалось въ области суда малороссійское шляхетство, начали мало по малу становиться достояніемъ и русскаго дворянства, стоять упорно за свой судъ не было уже смысла. Къ тому же преобразованіе касалось только формы, а не содержанія: законы, достойные „вольнаго и благороднаго на свѣтѣ народа", и при новомъ судоустройствѣ остались въ полной неприкосновенности. Противъ формы возражать было тоже нечего: новый Екатерининскій судъ для дворянъ былъ даже болѣе „судомъ благородныхъ", чѣмъ украинскій повѣтовый, ибо въ немъ не было мѣста „людямъ козачьей и поселянской породы", а этого уже давно добивалась наиболѣе проникнутая шляхетскими идеалами часть шляхетства. Дворянская грамота не было еще подписана, но и наканунѣ ея русское дворянство стало уже сословіемъ надѣленнымъ не маловажными правами и привилегіями, а Екатерининская судебная реформа если не равняла, то значительно сближала съ нимъ шляхетскій классъ, и противиться ей не было уже реальныхъ основаній.

Д. Миллеръ.

---

[1]) Кіев. Стар. 1893, кн. 1, стр. 54.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1) Ордеръ объ избраніи подкоморыхъ [1]).

Графъ Кириллъ Разумовскій Гетманъ и Кавалеръ нашей генералной войсковой канцеляріи.

Въ 19 день сего маіа прислана къ намъ высочайшая Ея Императорскаго Величества изъ Правителствующаго Сената грамота съ изображеніемъ яко по поднесенному Ея Императорскому Величеству з Правителствующаго Сената докладу съ прописаніем листа нашего от 22 мая прошлого 762 г. отправленного по дѣлу Переяславскаго Михайловскаго монастыря о бытіи въ Малой России въ мѣсто положенныхъ в правахъ малороссійскихъ подкоморыхъ (т. е. межевщиковъ коихъ не учреждено) для разбирателства въ спорахъ за земли и рубежи какъ между владѣлческими такъ и между государевыми свободными нарочно опредѣляемимъ от насъ старшинамъ какъ и до нинѣ опредѣлялись, и о поступленіи во всемъ по должности оних подкоморыхъ такъ какъ в правахъ малороссійскихъ въ книгѣ Статутѣ въ роздѣлѣ 9 постановлено. На ономъ докладѣ въ 8 день сего жъ мѣсяца имяннымъ Ея Императорскаго Величества указомъ писаннымъ собственною Ея Императорскаго Величества рукою повелѣно опредѣлить настоящихъ подкоморыхъ и поступать по силѣ правъ малороссійскихъ; какою высочайшею Ея Императорскаго Величества грамотою повелѣно намъ о опредѣленіи означенныхъ настоящихъ подкоморыхъ исполненіе чинить какъ оной высочайшій Ея Императорскаго Величества указъ повелѣваетъ. И сего ради съ оной высочайшей Ея Императорскаго Величества грамоты прилагая у сего справочную копію, генералной войсковой канцеляріи приказываемъ во исполненіе выше изображенного высочайшаго именного Ея Императорскаго Величества указа во всѣ малороссійскіе полки къ полковникамъ съ полковыми старшинами послать ордеры и велѣть отъ полковыхъ канцелярій въ каждомъ полку назнача срокъ къ собранію въ полковую канцелярію всѣмъ жителствующимъ в томъ полку владѣлцамъ бунчуковымъ и войсковым товарищамъ и протчимъ чинамъ, и за собраніем в полковой канцеляріи из-

[1]) Изъ протокольной книги походной гетманской канцеляріи за 1763 г. (Архивъ Малор. Колл. № 568).

брать по наставленію въ правахъ книги Статута розд. 9 артикулъ 1 ко опредѣленію въ полковые того полку подкоморые кандидатовъ изъ бунчуковыхъ товарищей или изъ первѣйшихъ полковыхъ старшинъ и тѣ выборы закрепя всѣмъ будущимъ при томъ собраніи чинамъ представить намъ, о чемъ генералной войсковой канцеляріи и суду войсковому генералному для свѣдѣнія дать знать.

Іюля 2 дня 1763 г.

На подлинном тако
Гетманъ Графъ К. Разумовскій.

2) Ордеръ полковникамъ о съѣздѣ въ Глуховъ [1]).

Господину полковнику NN зъ полковою старшиною.

Въ прошедшихъ годѣхъ для разсмотрѣнія въ силѣ высочайшихъ повелений сочиненного изъ трехъ малороссійскихъ правнихъ книгъ статута неоднократно призиваны были въ генералную канцелярію малороссійскіе полковники зъ протчими чинами, но за разнимы препятствіямы то къ дѣйствителному окончанію не приведено доселѣ, а яко в 761 году в октябрѣ мѣсяцѣ при самомъ нашемъ тогда въ Санктъ-Пѣтербургъ отъѣздѣ изъ правителствующаго сената къ намъ присланною грамотою подтверждено и велѣно опредѣля особихъ людей къ тому способнихъ помянутий статутъ разсмотрѣть, и какіе являтся въ немъ недостатки оніе пополнить напротиву того излишки исключить и то все сочиня съ надлежащимъ обясненіемъ какъ чему быть и оное все з депутатом которой бы могъ дать о всем потребное изясненіе прислать въ правителствующій сенатъ: но и потомъ за отбытіемъ нашимъ изъ Малой Россіи разсмотрѣнія не было. Сего ради приказиваемъ вамъ взять зъ собою двухъ полковыхъ N полку старшинъ ежели от раскомандированій суть свободніе и сотниковъ двухъ же надежнѣйшыхъ пріездить в Глуховъ и явится въ генералной канцеляріи слѣдующаго сентября къ 10 числу непремѣнно для докончанія разсмотреніемъ оного статута, правленіе ж полковое до возвращенія своего къ полку поручить одному изъ старшинъ полковыхъ добавя къ нему за откомандированіем других старшинъ полковыхъ изъ сотниковъ, а о таковом на тоже 10-е число сентября для того же пріездѣ и явки в генералной канцеляріи и въ протчіе малороссійскіе полки къ господамъ полковникамъ ордери нашы посланы, а при томъ прилагая при семъ реестръ о жителствующыхъ въ вашем полку бунчукових и войсковиx товарищахъ къ сему же дѣлу назначенних приказиваем дать оним от полковой N канцеляріи повѣстку дабы оны на тоже число сехалис в Глуховъ и явилис въ генералной канцеляріи. 1763 году іюля — дня.

---

[1]) Архивъ Малор. Колл. № 3999.

3) Универсалъ объ учрежденіи земскихъ и гродскихъ судовъ [1]).

(По полномъ титулѣ гетмана).

Духовнымъ и мирскимъ владѣлцамъ въ полку N жителствующимъ и владѣніе свое имѣющимъ, а особливо господину полковнику N съ полковою старшиною, сотниками и другими того полку чинами и кому о семъ вѣдать надлежитъ.

Въ бытность Малой Россіи еще при коронѣ полской данною от короля полского Сигизмунда Августа и напечатанною въ 1569 году іюня 6 дня привилегіею между иными волностями и преимуществами утверждено, шляхтѣ и всему рицерству земли и княжества Кіевского употреблять въ судахъ право книгу Статутъ Литовскій: да изъ принятія Малой Россіи подъ державу всероссійскую отъ Его Величества блаженныя и вѣчнодостойнія памяти Государя, Царя и великаго князя Алексѣя Михайловыча самодержца всероссійскаго по испрошенію гетмана Богдана Хмелницкого со всѣми малороссійскими чинами и войскомъ договорено и постановлено въ пунктахъ въ 1-мъ войску запорожскому, а въ 3-мъ шляхтѣ—своими правами судитъся и волность свою имѣть въ доброхъ и судахъ и межъ себя старшихъ на уряды судовые вибирать и чрезъ тѣхъ же урядниковъ суды земскіе и гродскіе отправлять что и особливыми высочайшими Его Царского Величества грамотами утверждено, какъ всему войску запорожскому, такъ и шляхтѣ, которые пребываютъ въ Его Царского Величества отчинѣ, въ Малой Россіи, быть подъ Его Царского Величества высокою рукою по прежнымъ ихъ правамъ и привилегіямъ, каковы даны імъ права и волности отъ королей полскихъ, а волностей ихъ шляхетскихъ ни въ чемъ не нарушивать и старшинъ імъ себѣ на уряды судовые земскіе и гродскіе вибирати межъ себя самимъ и маетностьми своими владѣть, и судитися имъ межъ себя по своимъ правамъ, и то все многыми высочайшими грамотами и указами какъ отъ Его Величества безъсмертнославія памяти Государя Імператора Петра Великаго, такъ и по немъ царствовавшихъ всероссійскихъ государей всемилостивѣйше подтверждено и укрѣплено, особливо же высочайшею блаженныя и вѣчнодостойнія памяти Государыни Императрицы Елисаветы Петровны 751 году мая 22 на утвержденіе намъ гетманского достоинства данною грамотою между иннымъ повелѣно, воинскія и гражданскія всякія въ Малой Россіи дѣла управлять намъ по войсковымъ правамъ, по прежнымъ обычаямъ и постановленнымъ пунктамъ на которых приступилъ подъ державу блаженныя памяти великого государя царя и великого князя Алексѣя Михайловича всея Великія Малія и Бѣлія Россіи самодержца Его Царского Величества гетманъ Богданъ Хмелницкій со всемъ войскомъ запорожскимъ

[1]) Арх. Мал. Колл. № 3391.

и народомъ малороссійскимъ, и наконецъ от Ея Імператорскаго Величества нынѣ всеблагополучно царствующей Государыни Императрицы Самодержици всероссійской высочайшимъ имяннымъ указомъ за подписаніемъ собственныя Ея Величества руки велѣно въ Малой Россіи определит настоящихъ подкоморихъ и поступать по силѣ правъ малороссійскихъ. Въ правахъ же книги Статута для разныхъ дѣлъ и роздѣленіе судовъ постановлено какъ о томъ явствуетъ въ розд. 4, 9 из разных артикуловъ, въ которых учреждено быть въ каждомъ повѣтѣ судамъ земскому, гродскому и подкоморскому и какіе которому дѣла отправлять во оной книгѣ Статутѣ на разных мѣстах узаконено, и хотя таковіе суды со времены Малой Россіи принятія подъ всероссійскую державу заведены были ль? за неімѣніемъ исправных архивъ и за многопрошедшимъ временемъ доіскаться трудно да і ежели тогда упущено по причинѣ бывшихъ в то время частих военных замѣшателствъ и другихъ препятствій, то когда теперъ всѣмъ извѣстно что оное запущеніе не токмо есть противно утвержденнымъ малороссійскимъ правамъ, но і всему обществу вредно чрез то яко полковія нынѣшнія канцеляріи будучи обтяжены всѣми в каждомъ полку дѣлами тѣми кои по правам роздѣлены на 3 уряда, а сверхъ того оніе-ж полковіе канцеляріи по долгу собственно до ных принадлежащему і всѣ дѣла воинскіе отправляютъ и такимъ многодѣлствомъ будучи заняти не могут имѣть столко времени чтобы тѣ дѣла кои касаються до земского суда могли съ успѣхомъ производить и кончить и от того истцамъ не малое продолженіе чинится а к намъ почти ежедневно от разных просителей умножаютъся жалобы, съ нѣкоторыхъ же мѣстъ и прошенія къ намъ учинены дабы по силѣ правъ роздѣленіе судовъ учреждено было. Того рады пріемля мы во уваженіе таковые обстоятелства обязана себе видимъ во исполненіе вышеізображенных высочайшихъ грамотъ и привилегіевъ і нинѣ от Е. И. В. всемилостивѣйше данного имянного указа о учрежденіи настоящихъ по малороссійскимъ правамъ подкоморыхъ приводить малороссійскіе судніе мѣста въ порядокъ согласной утвержденному въ Малой Россіи праву къ скорѣйшому доставленію каждому обижденному правосудія. А к тому ж якоъ за учрежденіем особыхъ по правамъ малороссійскимъ подкоморыхъ слѣдуютъ быть и особые суда земскіе, от которыхъ подлежащіе до подкоморского разбору дѣла к нымъ подкоморымъ отсиланы быть должны, вслѣдствіе чего велѣли мы ордеромъ нашимъ собраннымъ нинѣ въ Глуховѣ г-дамъ генералнымъ старшинамъ полковникамъ бунч. тов. и прочимъ чинамъ подать намъ мнѣніе, по коликому числу для безъзамедлителного удоволствія челобитствующихъ въ которомъ полку надобно учредить подкоморыхъ и судовъ земскихъ? и о прочемъ до того принадлежащем распоряженіи, а на тотъ нашъ ордеръ они г-да ген. старшины и полковники съ протчими собравшимись въ Глу-

хов‍ѣ чинами, поданнымъ намъ доношеніемъ представили свое мнѣніе въ слѣдующей силѣ.

1) Понеже въ Малой Россіи полки суть пространствомъ не малы, а многія сотни отъ полковых городовъ суть отдалены, то во убѣжаніе обиженному а паче убогимъ людям чрезъ далное разстояніе переездовъ и на то ивлышныхъ убытковъ а притомъ и ко избѣжанію черезъ отправленіе всего полку земскихъ дѣлъ во одномъ судѣ многодѣлства а жалобщикамъ продолженія, за потребно признаютъ учредить въ каждомъ полку по два суда подкоморскіе и по два земскіе, изъ которыхъ одному земскому суду засѣданіе свое къ отправленію дѣлъ імѣть завсегда надлежитъ въ полковомъ городѣ, другому же земскому суду гдѣ засѣданіе имѣть, такъ же какія приличнѣе и способнѣе для судовъ роздѣлить въ полкахъ сотни?— о томъ по мнѣнію ихъ когда отъ насъ воспослѣдуетъ повелѣніе о учиненіи виборовъ ко опредѣленію въ судьи, подъсудки и писари земскіе, въ то время полковнику со всѣми того полку чинами и шляхетствомъ и роспредѣленіе въ полкахъ сотен для судовъ земскихъ и въ которомъ мѣстѣ другому земскому имѣть отправленіе дѣлъ учинить и на апробацію нашу представить. Что-жъ касается до Нѣжинского полку то яко имъ г-дамъ ген. старшинамъ и другимъ чинамъ извѣстно, что другому земскому и подкоморскому судамъ необходимо надобно быть въ Глуховѣ для всѣхъ засеймских сотень, то уже и роспредѣленія иного въ полку Нѣжинскомъ чинить нѣ для чего.

2) Въ судьи земскіе подъсудки и писарѣ слѣдуетъ по силѣ малороссійскихъ правъ всему шляхетству собравъся въ полковіе канцеляріи—выбирать изъ между себя по силѣ онихъ же малор. правъ кандидатовъ.

3) Подкоморымъ по мнѣнію ихъ слѣдуетъ имѣть первенство перед всѣми бунчуковыми товарищами, а за ними судьямъ земскимъ въ равенствѣ зъ бунчуковыми тов., по старѣйшинству съ ними щитаясь, подъсудкамъ-же щитатся съ нынѣшными обозными полковыми а писарамъ земскимъ щитаться противъ асаула полкового.

4) При судахъ подкоморскомъ—земскомъ и гродскомъ быть вознымъ изъ значковыхъ товарищей и сотенныхъ старшинъ, и щитаться чиномъ первыми по сотнику, а вибирать ихъ во всѣхъ полкахъ въ каждой сотнѣ по одному, а сверхъ того числа быть же при каждомъ земскомъ и гродскомъ судѣ вознымъ по одному жъ въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ будутъ тѣ суды всегдашнее засѣданіе и отправленіе дѣлъ имѣть.

5) Гродскому суду быть по прежнему въ каждомъ полку по одному въ которомъ касаючіесъ до того суда дѣла въ правахъ въ книге Статутѣ опредѣленные должны разсматривать и рѣшенія чинить сами полковники съ полковыми судъями, а сверхъ того по своему усмотрѣнію къ присутствію въ томъ судѣ гродскомъ и изъ другихъ полковыхъ старшинъ одного или

двухъ употреблять могутъ, а паче во отсутствіе свое отъ полку токмо бы чрезъ то во оныхъ дѣлахъ ни малѣйшей остановки быть не могло, что полковники принимаютъ на свой отвѣтъ дѣла же по суду гродскому имѣютъ докладывать имѣючіесъ писарѣ судовые.

Мы по вышеписанному поданному намъ мнѣнію наипаче ж въ сходство правъ малороссійских опредѣляемъ отъ нынѣ быть въ Малой Россіи въ каждомъ малороссійскомъ полку по два подкоморскіе и по 2 земскіе суда подъ апеляціей генералного суда, а въ Нѣжинскомъ полку по обширности и величинѣ сего полку должно быть тремъ судамъ земскимъ, роздѣля на тры повѣты какъ то нѣжинской, батуринской и глуховской, и по приведенію сего въ надлежащей порядокъ и дѣйствителное отправленіе, симъ универсаломъ нашимъ приказиваемъ въ полку N учинитъ слѣдующое.

1.

Изъ полученія сего нашего универсала полковнику съ полковою старшиною назначить срокъ по порядку на такіе собранія въ правахъ опредѣленному, и чтобъ на тотъ назначенной срокъ въ полку N, имѣющіе свои владѣнія духовные и мірскіе владѣлцы и прочіе во всякихъ чинахъ обрѣтаючіесь шляхетство въ полковую N канцелярію собрались о томъ имъ от полковой канцеляріи чрезъ сотенные уряды завременно оповѣстить учиня на то письменную повѣстку съ означеніемъ во оной дабы каждой со всѣхъ тѣхъ чиновъ, кои къ такому собранію должны быть призваны, увидя подписалъся, в знакъ того что ему оповѣщено завременно дабы впредъ споровъ не было. А за собраніемъ съ общого согласія первѣе роздѣлить полкъ N на двѣ равніе части, съ которыхъ одна часть полку ближайшая должна принадлежать къ тому земскому суду которой будетъ отправленіе дѣлъ имѣть въ полковомъ городѣ а въ другой части гдѣ земскому суду способнѣе имѣть таковожъ отправленіе дѣлъ означить мѣсто, и тое роздѣленіе согласно постановя, и учиня опредѣленіе подписать наіменовавъ тѣ роздѣленные для земскихъ судовъ полку N части повѣтамы, при чемъ і из опредѣленныхъ отъ насъ подкоморыхъ которому въ какомъ повѣтѣ быть ассигновать же, а затѣм по установленію правному для опредѣленія въ земскіе судьи подсудки и писари кандидатовъ по опредѣленному числу персонъ съ таковыхъ людей какъ въ правахъ же доволно изяснено, вибрать и подписавъ на каждой чинъ порознъ виборы прислать оные къ намъ при доношеніи от полковой канцеляріи для разсмотренія и опредѣленія из тѣхъ кандидатовъ, да и ізъ помянутого о роздѣленіи полку на два повѣты опредѣленія прислать къ намъ вѣрную копію, а оригиналное хранить въ полковой канцеляріи, яко гродскомъ судѣ, во оныхъ же учиненныхъ о судъяхъ подъсудкахъ и писарахъ земскихъ выборахъ означать имянно

въ какой того полку повѣтъ которые выбраны кандидаты, дабы по тому и точное определеніе быть могло.

2.

Когда вышеписанные чины, судія, подъсудокъ и писаръ земскіе, за присылкою выборовъ отъ насъ опредѣлены будутъ то должны они тотъ часъ же въ отправленіе своихъ должностей въступить но какъ нынѣ еще къ засѣданію и отправленію дѣлъ особыхъ строеній нѣтъ то впредъ до устроенія для судовъ земскихъ особыхъ апартаментов отвести пристойные домы, и яко для сыхъ судовъ необходимо надобны особіе строенія для того при нынѣшнемъ же собраніи въ силѣ права роздѣлу 4 артикула 13 обще разсудить и положить должно какую сумму на то и откуду собрать и какіе гдѣ устроить домы со всѣми къ тому принадлежностьми, і о всемъ томъ къ намъ представить. Тѣ-ж суды земскіе въ принятіи, произведеніи, разсмотреніи и рѣшеніи всѣхъ тѣхъ дѣлъ, кои до ныхъ принадлежатъ должны поступать во всемъ по наставленію въ правахъ малороссійскихъ безъ всякой отмѣны а полковіе канцеляріи въ такіе земскому суду принадлежащіе дѣла отнюдъ вступать не імѣютъ, для чего о подачѣ доношеній касаючихъся до земства въ земскихъ судахъ, а до гродского въ полковой канцеляріи вездѣ въ N полку отъ полковой канцеляріи публиковать, а ежели бы кто въ оной полковой канцеляріи съ подачею ненадлежащого до гродского суда доношенія явилъся, то оного не принимая дать наставленіе о подачѣ въ надлежащом земскомъ судѣ, да и каковы в полковой канцеляріи и в сотенныхъ правленіяхъ исковіе доношеніи и нерѣшенные дѣла надлежащіе до земского суда имѣются оніе всѣ отослать за учрежденіемъ во оніе зем. суды съ реестромъ и описъю каждому дѣлу къ произвожденію и рѣшенію до котораго по положенію земли какое принадлежитъ, списываясъ исъ полковых канцелярій зъ земским і подкоморским судами промеморіями, а сотенные канцеляріи імѣютъ писать во оніе суда доношеніями да і которые имѣются нынѣ въ судѣ генералномъ исковіе доношенія и дѣла ни какимъ нижнимъ урядомъ и онымъ судомъ генералнимъ нерѣшенныя таковы из суда генералного разослать же куда которыя принадлежатъ въ земскіе или гродскіе суда для разсмотренія и рѣшенія какіе ж между тѣмъ дѣла являтся которые особыми нашими ордерами досего повелѣно въ судѣ генералномъ разсмотрѣть и рѣшить, о таковыхъ представить намъ.

3.

По правамъ книги Статута роздѣловъ 4 і 9 показаны какъ подкоморымъ такъ і земскимъ судъямъ подсудкамъ и писару особія на чины ихъ присяги которыя они при вступленіи в должности чиновъ своихъ должен-

ствуютъ учинить, и для того приказиваемъ за опредѣленіемъ означенныхъ чиновъ къ указной генералной въ вѣрной Е. И. В. службѣ присяги приводить от нашей генералной канцеляріи, а къ тѣмъ правнимъ присягамъ полковой N канцеляріи яко гродскомъ судѣ въ присутствіи того полку полковника и кои случатся либо и нарочно на то время и з других чиновъ и владѣлцовъ того полку призваны быть могутъ приводить неупустително и оные присяжные за подписомъ будучих у тѣх присягъ листы содержать во охраненіи въ томъ же гродскомъ судѣ, тѣ же правнія роти присягъ подкоморымъ судъямъ, подсудкамъ и писарамъ земскимъ по переводѣ и апробаціи нашей разосланы будутъ въ полковые канцеляріи.

4.

Всѣ духовніе и мирскіе владѣлци и шляхетство и прочіе всякого званія чины отъ вишшого до низшого, во всѣхъ спорахъ за землѣ и всякіе недвижимыя имѣнія и в протчихъ принадлежащихъ до суда земского дѣлахъ должны росправою вѣдомы и судими быть въ томъ земскомъ судѣ до вѣдомства которого то спорное імѣніе принадлежитъ а в прочихъ случаяхъ и протензіяхъ до росправы гродского суда принадлежащихъ, такъ же всѣ владѣлци шляхетство и прочіе чины безъ изъятья судими должни быть въ полковыхъ канцеляріяхъ почитаемыхъ нынѣ за гродскіе суди, и чтобъ о семъ извѣстно было всѣмъ то публиковать о семъ во всемъ полку дабы каждой вѣдая о своей обидѣ іскалъ въ томъ судномъ мѣстѣ до росправы которого тое дѣло его принадлежитъ, а другихъ никакихъ урядовыхъ мѣстъ въ томъ не затруднялъ, ибо таковых исковъ ни гдѣ кромѣ того самого суда которому въ разсмотреніе и рѣшеніе того дѣла по принадлежности въступить должно отнюдъ не принимать и никакого дѣйства по онымъ не производить, но токмо незнающему челобитчику во всякомъ урядѣ гдѣ бъ онъ зъ жалобою своею имѣлъ явитъся давать наставленіе въ какомъ судѣ онъ подать тое доношеніе свое, по силѣ сего нинѣ устраиваемого на основаніи правъ маллороссійскихъ порядка долженъ? суды же какъ земскіе такъ гродскіе всевозможного старанія прилагать долженствуютъ, дабы во оныхъ все по точности малороссійскихъ правъ происходило и дѣла болѣе узаконенного въ правахъ времени безъ рѣшенія отнюдъ не замедливали, ибо единственно къ ползѣ сіе по правамъ роздѣленіе судовъ учреждаетъся дабы обиженые отнюдъ никакого медлителства въ полученіи справедливой въ своихъ искахъ сатисфакціи не дознавали.

5.

Въ полковыхъ канцеляріяхъ въ том числѣ и въ N всѣ до гродского суда надлежащія дѣла въ полку N случаючіесъ къ разсмотренію и рѣшенію оставляются нынѣ яко о учрежденіи особыхъ гродскихъ судовъ

нужди еще не усмотрено и какъ вышепомянутымъ представленнымъ намъ мнѣніемъ положено у таковыхъ гродскихъ дѣлъ присутствіе имѣть полковникамъ да судьямъ полковымъ и еще одному или двумъ изъ старшинъ полковыхъ по разсмотренію полковничъему, то и мы нынѣ сіе аппробуя опредѣляемъ дабы они полковники и судьи полковые по установленію правному учинили заразъ присягу по той ротѣ присяги которая для земскихъ судей постановлена, и от насъ отправлена будетъ, а оную присягу должны исполнить при присутствіи въ полковой канцеляріи подкоморыхъ судей и подсудковъ земскихъ того полку. да и писаръ судовый приведенъ быть долженъ къ присягѣ по формѣ земскому писарю сочиненной, також и тѣ из старшинъ полковыхъ кои къ разсмотренію и рѣшенію въ гродскомъ судѣ дѣлъ отъ полковниковъ опредѣляемы будутъ, къ оной судейской присягѣ приводимы быть должны безъупустительно.

6.

При нынѣшнемъ въ полковой канцеляріи собраніи по вышепомянутому представленному намъ мнѣнію и возных во всякой сотнѣ по одному и сверхъ того въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ суди подкоморскіе і земскіе засѣданіе имѣть по одному выбрать и опредѣлить тѣхъ опредѣленныхъ возними по установленной въ правахъ формѣ къ присяги привесть въ полковой же канцеляріи яко гродскомъ урядѣ и в прочемъ поступать какъ о семъ въ правахъ узаконенно, а чтобъ оные возніе знали какъ должность свою порядочно и безъупустительно отправлять о томъ велѣли мы въ судѣ генералномъ въ сходство правъ малор. сочинить инструкцію и представить намъ въ скорости на апробацію, которая въпредъ и розослана будетъ ддя исполненія, однакожъ и до полученія той инструкціи тѣ возніе должность свою отправлять імѣютъ.

7.

Сотенніе правленія за учрежденіем сихъ земскихъ и гродскихъ судовъ не имѣютъ ни въ какіе земскія и гродскія и подкоморскія дѣла и росправы вступать между духовными и мирскими владѣлцами и чиновними всякаго званія людми, однакожъ не отрѣшается сіе что въ силѣ ордеровъ нашихъ 752 апрѣля 1 и 760 годовъ апрѣля 18 суду генералному данныхъ между рядовыми козаками въ самых маловажныхъ жалобахъ и спорахъ словесную росправу чинить что и теперь оніе сотенные уряды токмо между одними рядовими козакамы отправлять могутъ не вступая впрочемъ въ другіе и между рядовыми козаками случаючіеся спорніе дѣла требующія настоящихъ въ земскомъ іли гродскомъ судахъ росправъ гдѣ и рядовіе козаки должни судими быть по дѣламъ важнѣйшимъ земскимъ и гродскимъ.

8

Что принадлежитъ до чиновъ подкоморого судей подсудковъ и писарей земскихъ, такъ же и возныхъ, то по вышеизображенному представленному намъ мнѣнію, опредѣляемъ подкоморымъ мѣсто имѣть первое по полковникѣ малор. городовомъ, судѣ же земскому въ разсужденіи важности сили чина его первое ж послѣ подкоморого, подъсудкамъ же быть въ равенствѣ зъ бунчуковыми товарищами, щитаясъ между імы по старѣйшинству писарамъ земским зъ асаулами полковыми малор. городовыхъ полковъ, вознимъ такожде опредѣляется чинъ і мѣсто первое по сотнику городовомъ предъ всѣми значковыми товарищами и сотенными старшинами.

9.

Какъ для извѣстія о всемъ выше повелѣнномъ, такъ и в чемъ надлежитъ ко ісполненію из сего нашего универсала разослать точніе копіи из полковой N канцеляріи къ подкоморымъ и судамъ земскимъ, такъ же во всѣ сотенныя правленія и въ магистрати гдѣ онныя суть, а чтобъ суду генералному яко главному надъ тѣми всѣми судами о семъ же извѣстно было, о томъ такой же нашъ универсалъ данъ съ предложеніемъ дабы ежели что оной судъ генералной въ пополненіе сего учрежденія полезное въ согласіе правъ малороссійскихъ изобрѣтетъ, представилъ бы о томъ намъ на разсмотреніе а ікъ преосвященному митрополиту Кіевскому, епископамъ Черніговскому, Переяславскому, такъ и къ архимандритамъ Кіево-Печерскія Лавры і Межигорскому зъ сообщеніемъ сего нашего универсала писано і въ нашей генералной канцеляріи таковъ универсалъ за подписомъ нашимъ оставленъ. Данъ въ Глуховѣ ноября 19 дня 1763 году.

Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Переяславскаго полка.

„Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ“ составлено было въ Малороссіи въ 1729—31 гг., причемъ поводомъ для его составленія послужили данные гетману Апостолу „рѣшительные пункты“. По восьмому изъ этихъ пунктовъ всякое законное имѣніе, какъ козаковъ, такъ и крестьянъ, по смерти отца должно было оставаться за вдовой и дѣтьми мужескаго пола; по девятому—имѣнія, принадлежавшія раньше на гетманскую булаву и розданныя гетманомъ Скоропадскимъ въ частное владѣніе, предписывалось возвратить въ число гетманскихъ имѣній; по десятому—ранговыя имѣнія, розданныя гетманомъ Скоропадскимъ же въ частное владѣніе, должны были быть возвращены въ ранговое владѣніе генеральной старшины. Съ цѣлями приведенія въ извѣстность имѣній частно-владѣльческихъ, ранговыхъ и свободныхъ, никому еще не отданныхъ во владѣніе, и было произведено, по распоряженію гетмана Апостола, во всѣхъ десяти полкахъ Малороссіи слѣдствіе о маетностяхъ. Разосланные по селамъ канцеляристы опрашивали старожиловъ и отбирали у нихъ „сказки“ о времени поселенія каждаго села, объ его владѣльцахъ и о правахъ, въ силу которыхъ послѣднимъ принадлежало данное имѣніе. Къ этимъ „сказкамъ“ присоединялись разнаго рода документы на право владѣнія, которые владѣльцы обязывались представить въ полковыя канцеляріи, гдѣ съ такихъ документовъ снимались копіи [1]). Собранный такимъ образомъ матеріалъ обрабатывался затѣмъ полковой старшиной и сотниками, которые на основаніи сказокъ старожиловъ и представленныхъ владѣльцами документовъ составляли своего рода исторію каждаго отдѣльнаго села и опредѣляли положеніе его въ моментъ составленія слѣдствія. При этомъ, такъ какъ нѣчто подобное „слѣдствію о маетностяхъ“ было произведено въ лѣвобережной Малороссіи уже въ 1726 г., когда разосланные по полкамъ великорусскіе офицеры ревизовали имѣнія малорусскихъ владѣльцевъ и ихъ права, то гетманомъ была возложена на

---

[1]) Черновикъ слѣдствія съ подлинными „сказками“ старожиловъ сохранился, насколько намъ извѣстно, только для Стародубовскаго полка; эта драгоцѣнная рукопись составляетъ собственность библіотеки А. М. Лазаревскаго.

полковую старшину задача провѣрки данныхъ ревизіи 1726 года, для чего въ полки были препровождены извлеченія или „экстракты" изъ послѣдней. Данныя офицерской ревизіи, замѣтимъ въ скобкахъ, оказались послѣ такой провѣрки не выдерживающими никакой критики. Къ осени 1730 г. составленіе книгъ генеральнаго слѣдствія въ полкахъ было закончено, а въ январѣ 1731 года онѣ были вновь пересмотрѣны и окончательно провѣрены съѣхавшейся въ Глуховѣ генеральной и полковой старшиной, причемъ маетности были распредѣлены на 6 разрядовъ или „статей": 1) частновладѣльческія, оставленныя въ наслѣдственномъ владѣніи державцевъ на основаніи 8-го пункта, 2) монастырскія, 3) ратушныя или городскія, 4) ранговыя, 5) свободныя и 6) спорныя или „сомнительныя", окончательное рѣшеніе вопроса о судьбѣ которыхъ предоставлялось гетману, что въ текстѣ слѣдствія обозначалось терминомъ „въ докладъ". Такимъ образомъ генеральное слѣдствіе для каждаго полка слагалось изъ трехъ частей: въ первую входили экстрактъ изъ ревизіи 1726 г. и параллельно съ нимъ помѣщавшіяся свѣдѣнія о селахъ и ихъ владѣльцахъ, собранныя полковой старшиной; вторая заключала въ себѣ постановленный на основаніи этихъ свѣдѣній генеральной и полковой старщиной приговоръ о маетностяхъ; наконецъ въ третьей части помѣщались въ качествѣ приложенія копіи съ представленныхъ владѣльцами документовъ.

Составленныя по такому плану, книги генеральнаго слѣдствія являются драгоцѣннымъ памятникомъ, представляя собою, по справедливому выраженію А. М. Лазаревскаго, „источникъ первостепеннаго значенія для исторіи землевладѣнія въ Малороссіи". Опредѣлять здѣсь ближе это значеніе врядъ ли необходимо, тѣмъ болѣе, что изданныя въ недавнее время А. М. Лазаревскимъ и Н. П. Василенкомъ слѣдствія трехъ полковъ—черниговскаго, кіевскаго и гадяцкаго [1])—доставили возможность лицамъ, занимающимся исторіей Малороссіи, познакомиться съ даннымъ памятникомъ въ подлинникѣ и оцѣнить степень его важности. Мы ограничимся въ виду этого лишь указаніемъ нѣкоторыхъ особенностей печатаемаго нами теперь слѣдствія по Переяславскому полку.

Крупною особенностью его является полное отсутствіе свѣдѣній ревизіи 1726 г. Объ этой ревизіи и о производившемъ ее на территоріи Пере-

---

[1]) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Черниговскаго полка. Черниговъ. 1892 (издано А. М. Лазаревскимъ). Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Кіевскаго полка. Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора лѣтописца, кн. VII, Кіевъ. 1893, и Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Гадяцкаго полка. Полтава. 1893 (изданы Н. П. Василенкомъ). Кромѣ нихъ и издающагося нынѣ Переяславскаго слѣдствія извѣстны еще рукописи слѣдствій Стародубскаго, Нѣжинскаго и Прилуцкаго полковъ. Изъ нихъ слѣдствіе о маетностяхъ Прилуцкаго полка приготовлено нами къ печати и мы надѣемся въ непродолжительномъ времени издать его.

яславскаго полка офицерѣ Жадановѣ встрѣчается упоминаніе въ слѣдствіи, но данныя ея не приводятся параллельно тексту самаго „слѣдствія", какъ это имѣетъ мѣсто въ книгахъ всѣхъ другихъ полковъ, за исключеніемъ одного Нѣжинскаго, для котораго сохранилось лишь окончательное распредѣленіе маетностей по статьямъ. Что касается текста собственно слѣдствія, то онъ не представляетъ существенныхъ отличій отъ подобнаго же текста въ книгахъ другихъ полковъ. Какъ и послѣднія, Переяславское слѣдствіе содержитъ въ себѣ массу цѣнныхъ указаній на первоначальный строй землевладѣнія гетманской Малороссіи и характеръ постепеннаго его развитія. Не пытаясь собрать всѣхъ такихъ указаній, что можетъ составить задачу особаго изслѣдованія, мы ограничимся лишь двумя примѣрами, достаточными для нашей цѣли характеристики источника. Такъ, въ данномъ слѣдствіи находится нѣсколько опредѣленій свободныхъ войсковыхъ маетностей, позволяющихъ ближе подойти къ пониманію этого не вполнѣ еще разъясненнаго явленія въ области малорусскаго землевладѣнія. Смотри напр. м. Воронковъ, сс. Рудяковъ, Койловъ, Самковъ, Зофіевка, Жеребятинъ, м. Борисполь и др. Другой примѣръ: въ текстѣ слѣдствія встрѣчается цѣлый рядъ вполнѣ ясныхъ упоминаній о надачѣ полковниками маетностей во владѣніе разнымъ лицамъ, а между документами, приложенными къ слѣдствію, имѣется и нѣсколько полковничьихъ универсаловъ, содержащихъ въ себѣ такія пожалованія,—фактъ, рѣзко противорѣчащій мнѣнію такого авторитетнаго изслѣдователя, какъ А. М. Лазаревскій, согласно утвержденію котораго правомъ раздачи имѣній пользовались лишь весьма немногіе полковники, и то въ силу особой милости гетмана [1]). Но если для опредѣленія различныхъ формъ землевладѣнія въ гетманской Малороссіи Переяславское слѣдствіе даетъ матеріалъ, совершенно аналогичный представляемому слѣдствіями другихъ полковъ, то исторія этихъ формъ на территоріи Переяславскаго полка, какъ она вырисовывается изъ данныхъ слѣдствія, заключаетъ въ себѣ и оригинальныя черты. Для оправданія сказаннаго остановимся лишь на общей картинѣ землевладѣнія въ Переяславскомъ полку къ 1731 году. Въ эту пору въ полку числилось: ранговыхъ маетностей 11 и въ нихъ 153 посполитскихъ двора, ратушныхъ—6 маетностей съ 336 дв. и 1 маетность (с. Пристромы), число дворовъ въ которой не означено; спорныхъ— 20 маетн. съ 449 дв.; частно-владѣльческихъ— 56 маетн. съ 937 дв. и 2 маетности, въ которыхъ число дворовъ неизвѣстно (слободки надъ рр. Трубежемъ и Чумгакомъ); монастырскихъ—30 маетн. съ 1052 дв. и свободныхъ—42 маетн. съ 1203 дв. и 6 маетностей, для которыхъ число дворовъ не указано; всего въ полку 165 маетн. съ 4130 посп. дв. и 9 маетностей, число дворовъ въ которыхъ неизвѣстно. Выбрасывая

[1]) Кіевская Старина, 1892, № 9, с. 411.

изъ счета послѣднія, мы получимъ, что число дворовъ въ свободныхъ маетностяхъ равнялось 29,1 % общаго числа посполитскихъ дворовъ въ полку, ранговые дворы составляли 3,7 % общаго числа, ратушные—8,1 % и, наконецъ, владѣльческіе, къ которымъ можно безъ большаго преувеличенія присоединить и спорныя имѣнія, такъ какъ послѣднія въ громадномъ большинствѣ находились въ рукахъ частныхъ же владѣльцевъ,—59,1 %. Если сравнить эти отношенія съ таковыми же въ полкахъ черниговскомъ или кіевскомъ, изъ которыхъ въ первомъ свободные дворы составляли 7 % общаго числа посполитскихъ дворовъ въ полку, а во второмъ—7,7 %, то мы увидимъ, что свободныя маетности сохранились въ Переяславщинѣ въ значительно большихъ размѣрахъ, нежели въ сѣверныхъ полкахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ владѣльческія имѣнія не успѣли еще разростись здѣсь до такой степени, какъ на сѣверѣ. Въ черниговскомъ полку напр. владѣльческіе дворы составляли 67,8 % общаго числа, въ кіевскомъ—63,2 %. Даже и этихъ бѣглыхъ замѣчаній, думается намъ, достаточно, чтобы видѣть, насколько свѣжій и важный матеріалъ заключается въ данномъ источникѣ.

Слѣдствіе печатается нами съ рукописи, хранящейся въ рукописномъ отдѣленіи Московскаго Румянцевскаго Музея, подъ № 1159. Въ этой рукописи одного листа недостаетъ, у другаго оборванъ уголъ, благодаря чему получились пробѣлы, означенные въ нашемъ изданіи точками. Такимъ образомъ въ первой части слѣдствія совершенно отсутствуютъ свѣдѣнія о сс. Мацковцахъ, Гайшинѣ, Гланишовѣ, Сотниковѣ и Дѣвичкахъ. и лишь въ крайне неполномъ видѣ имѣются свѣдѣнія о сс. Борщовѣ, Ковалинѣ и Любарцахъ. При печатаніи мы старались вполнѣ сохранить орѳографію подлинника, раскрывая лишь имѣвшіеся въ подлинномъ текстѣ титлы. Издавая пока первыя двѣ части слѣдствія, мы надѣемся въ ближайшемъ будущемъ издать и третью часть, т. е. приложенные къ слѣдствію документы, къ которымъ будетъ присоединенъ и указатель.

В. Мякотинъ.

I.

Вѣдомость о маетностяхъ полку Переясловского, коликое число вономъ полку селъ, деревень и слободокъ, и якіе здавна (во ?) владѣніи зоставали, и по якимъ крѣпостямъ, и почему-жъ нынѣ хто владѣетъ и отъ якого времени, по указу ясне велможного его милости пана гетмана сего 1730 году іюня мѣсяца справленная.

1. Городъ Переясловль.

Мѣщане и цеховіе люде, в немъ живучіе, до ратуши тамошней Переясловской прислушаютъ.

Загородніе люде, на подваркахъ жіючіе за Великимъ мостомъ и за Гейшинскою брамою, по свѣдителству старожиловъ, якъ они запомнятъ, з прежнихъ лѣтъ прислушали к ратуши, ажъ до полковнитства Мировичового, которій, ставши полковникомъ, а по немъ Томара полковникъ онихъ людей употребляли до своего двору, а нынѣ тими подварками опять владѣетъ ратушъ Переясловская по унѣверсаламъ гетманскимъ.

По 10 пункту к ратуши.

Сотнѣ первой полковой Переясловской.

2. *Демянцями* селомъ, по свѣдителству старожиловъ, якъ они запомнятъ, владѣли перво гетманъ Сомко, а послѣ полковники Переясловскіе Войця и Полуботокъ, потомъ Семенъ Шепеленко, сотникъ полковій, напослѣдокъ досталося монастиревѣ Межигорскому, которого законники и нынѣ владѣютъ, а крѣпостей не обявили.

3. Селомъ *Харковцями*, якъ старожили запомнятъ, за гетмана Самойловича владѣлъ атаманъ городовій Переясловскій Максимъ Святій, а по чему, неізвестно; а послѣ того монастиревѣ Межигорскому отдано во владѣніе, а почему, не обявили крѣпостей.

4. Селомъ *Войтовцями*, якъ старожиліе запомнятъ, за гетмана Самойловича владѣлъ полковникъ Полуботокъ, по нему сотникъ полковій Переясловскій Берло владѣлъ, а послѣ Сулимѣ судіи дано во владѣніе, а по чему тіе владѣли, неизвестно, а нынѣ владѣютъ монастира катедралного Переясловского законники по унѣверсалу гетмана Скоропадского, в року 1710 данномъ по грамотѣ монаршой в зуполное и вѣчное владѣніе.

5. Селомъ *Мацковцями*, по свѣдителству старо... [1]) ... Харко Романенко, сотники полковіе, а потомъ отдалъ на монастиръ катедралній Переясловскій Мазепа, которое и Скоропадского унѣверсаломъ по жалованной грамотѣ оному монастиревѣ во вѣчное владѣніе ствержено.

10. Селомъ *Вовчковомъ*, по свѣдителству старожиловъ тамошнихъ, якъ они запамятаютъ, за гетмана Самойловича владѣлъ Зуй, подъасаулій полковій, а потомъ было оное подъ видѣніемъ дозорци гетмана Мазепи, Гриневича, а послѣ оного ж Мазепи отдано было свойственному его протопопѣ Переясловскому Моснѣцкому, а потомъ за полковника Томари владѣлъ тѣмъ селомъ полковій сотникъ Іванъ Илляшенко, а почему владѣли, неізвестно, а по Ілляшенку от Томары дано асаулу полковому Івану Кирпичу на урядъ асаулства, а теперъ онимъ владѣетъ жена его асаули Кирпича по даннному унѣверсалу гетмана Скоропадского в 1717 году.

По 10 пункту на урядъ асаулства.

---

[1]) Слѣдующаго листа [2-го, по др. нумераціи 5-го] въ рукописи недостаетъ.

11. Селомъ *Пристромами*, по свѣдителству старожиловъ тамошнихъ, якъ они запамятають, за гетмана Самойловича владѣлъ хоружій полковій Забара по дачи полковника Войцѣ, а потомъ владѣлъ полковникъ Полуботокъ по унѣверсалу того ж гетмана Самойловича, а послѣ до Мазепи належало и было подъ видѣніемъ дозорци его Гриневича, а от того Василій Томара сотникъ полковій Переясловскій владѣли (sic), а послѣ дано на ратушу Переясловскую от гетмана Скоропадского и унѣверсаломъ в 1715 году ствержено для вспоможення ратуши Переясловской в дачахъ и наиздахъ.

По 10 пункту на ратушъ.

12. Селомъ *Скопиями*, по свѣдителству старожиловъ тамошнихъ, якъ они упомнятъ, владѣлъ Гулакъ обозній полковій за гетманства Самойловича, по немъ сынъ старого Гулака, Юско, сотникъ полковій, послѣ того за гетмана Мазепи и полковника Лисенка отдано тое село на урядъ писарства полкового и владѣли онимъ писары полковіе Стефановичъ, потомъ писарь же полковій Петровскій за полковника Мировича, а за Томари полковника писарь же Рустановичъ держалъ, а послѣ, якъ свободился з неволѣ шведской Петровскій, опять онъ тимъ селомъ владѣлъ, сотникомъ полковимъ будучи, а по смерти его отдано хоружему енералному Сулимѣ от гетмана Скоропадского в 1721 году и унѣверсаломъ ствержено в зуполное владѣніе, а нынѣ владѣютъ тимъ селомъ сыни его по тому ж унѣверсалу.

По 8 пункту.

13 [1]). Селомъ *Любарциями* . . . . жиловъ тамошнихъ . . . . . . за гетмана Самой . . . . писарѣ полковіе п . . . . по немъ Стефанов . . . . ули полковіе Семе . . . . . . Стефанъ Томара . . . . но во владѣніе чернц . . . . черскаго за ігуменст. . . . . матеры, по якой дачи . . . . того ж монастира обрет. . . . . стей на оное село жаднихъ . . . .

14. Село *Ерковцѣ*, по сказкамъ старожиловъ, якъ они запомнятъ, надано на церковь Пречистой Богородици от пановъ полскихъ, а послѣ за гетмана Самойловича владѣлъ онимъ селомъ протопопъ Бутовичъ и грамотою утвердилъ монаршою, по немъ сынъ его держалъ, а потомъ, когда отдано тое село от гетмана Мазепи на церковь соборную Пресвятой Богородицы, в крѣпости Переясловской будучую, то завладѣлъ тимъ селомъ тамошній протопопъ Григорій Максимовичъ, а по смерти его нынѣ владѣетъ сынъ его протопопи, Владимеръ, житель Переясловскій, по унѣверсалу гет-

[1]) Сверху листа уголъ его въ рукописи оборванъ, благодаря чему рядъ словъ отсутствуетъ. Недостающія слова замѣнены у насъ точками.

мана Скоропадского, в року 1711 данному отцу его протопопѣ за праци и услуги церковніе.

Надлежитъ на церковную оправу.

15. Селомъ *Дѣвичками*, по свѣдителству старожиловъ [1]. . . . . старожиловъ . . . Хмелницкого владѣлъ оденъ державця . . . скій панъ, от которого тіе села достались помянутому нинѣ оному монастиру, но крѣпостей жаднихъ на тое не обявили.

Сотнѣ второй полковой.

17. Селомъ *Великою Каратулею*, по свѣдителству старожиловъ тамошнихъ, якъ они упомнятъ, владѣлъ перве полковникъ Мировичъ, а послѣ козакъ значковій Дмитро Пирогъ по дачи оного полковника, а по тому Парѳенъ Томара, по немъ братъ его Стефанъ, тотъ отдалъ былъ Юркевичу, значковому козаку, а по смерти оного знову полковникъ Томара владѣлъ, а по умертвіи оного войтъ Переясловскій з урядниками своими у гетмана Скоропадского оное село випросилъ на ратушъ, которое имъ и унѣверсаломъ своимъ гетманскимъ ствердилъ в року 1716 для вспоможенія на наизди.

В докладъ.

18. Селомъ *Козловомъ*, по свѣдителству старожиловъ тамошнихъ, якъ они запамятаютъ, владѣли прежде Марко Дмитращенко, послѣ судія полковій Кулга, по немъ ратушъ Переясловская, потомъ писаръ полковій Стефановичъ, а потомъ полковникъ Томара, давши оному Стефановичу в замѣну село Шабелники в сотнѣ Пѣщанской, отдалъ оное нынѣшному владѣлцу Ѳедору Марковичу, бунчуковому товаришу, которому в року 1712 и унѣверсаломъ гетмана Скоропадского ствержено, а в 1718 году і грамота жалованная дана за вѣрніе его службы в спокойное владѣніе.

По 8 пункту.

19. Селомъ *Делякaми*, по сказкамъ старожиловъ тамошнихъ, якъ они упомнятъ, владѣли Логвинъ Рокитній сотникъ Яготинскій, по немъ Сомусь, по тому полковникъ Головко, послѣ судія полковій Леонтій Станкевичъ, а по немъ полковникъ Томара, а по чему оніе владѣли, неізвестно, а по умертвіи Томари от гетмана Скоропадского отдано на ратушу Переясловскую и унѣверсаломъ ствержено в року 1715 для вспартя росходовъ на наезди.

В докладъ.

20. Селомъ *Студениками*, по сказцѣ старожиловъ, якъ они запомнятъ, прежде было свободное войсковое, а потомъ владѣли за полковнитства Полуботка сотникъ полковій Семенъ Кулженко, по немъ значковій товарішъ Марко

---

[1]) Далѣе слѣдуетъ оборванный уголъ.

Дмитращенко, послѣ Петро Лисенко, потомъ Дмитро Пирогъ, а послѣ Лука Василіевичъ, будучи хоружимъ полковимъ, потомъ и асауломъ полковимъ же за полковнитства Томаріного, а почему прежніе державци владѣли, неізвестно, а нынѣ владѣетъ полковій писаръ Павелъ Черняховскій по унѣверсалу гетмана Скоропадского, в року 1715 данномъ за службу и праци канцеляристскіе и за бытіе при боку гетманскомъ в спокойное владѣніе, а на врядъ оное село нѣ на якій не бывало.

По 8 пункту.

21. Селомъ *Строковою*, по свѣдителству старожиловъ тамошнихъ, якъ они запомнятъ, было прежде войсковое свободное, а потомъ владѣли за полковнитства Полуботкового асаулъ полковій Кулжа, а послѣ Александеръ Сулима, хоружимъ и судіею полковимъ будучи, по унѣверсалу гетмана Скоропадского, в року 1711 данномъ за службы его войсковіе в зуполное владѣніе, а по смерти оного Сулими досталося во владѣніе дочерѣ его Пелагіи и из енералной канцеляріи, между гетманствомъ, указомъ ствержено, по чому нынѣ владѣетъ Яковъ Рустановичъ, сотникъ Трехтемировскій.

По 8-му пункту.

22. Селомъ *Помоклями*, по свѣдителству старожиловъ тамошнихъ, якъ они запомнятъ, владѣли преждніе полковники Переясловскіе, Дмитрашко, Войця, Лисенко, Полуботокъ, Головченко и Мировичъ, потомъ протопопъ Переясловскій Василій, а по немъ сотникъ полковій Соколничій, а по тому знову полковникъ Томара, которій и отдалъ оное село на монастиръ Михайловскій Переясловскій, и потому и унѣверсаломъ гетмана Скоропадского в року 1714 ствержено в спокойное владѣніе.

В докладъ, понеже ближшее до уряду.

23. Деревнею *Виповзками*, по свѣдителству старожиловъ, якъ они запамятаютъ, владѣли прежде за полковника Полуботка писаръ его дворовій Андрей Слѣпій по дачи полковника оного жъ, потомъ писаръ судовій Константій Яковлевичъ, а нынѣ владѣетъ сотникъ Трехтемировскій Яковъ Рустановичъ по писму полковника Томари, в року 178 данномъ за вѣрніе и многіе прислуги в працахъ на писарствѣ полковомъ роненніе.

Урядовое.

24. Село *Малая Каратуль*, по свѣдителству старожиловъ тамошнихъ, якъ они запамятаютъ, было прежде войсковое свободное, а потомъ владѣли за полковника Войцѣ сотникъ полковій Мойсѣй Саченко, по немъ за полковнитства Полуботкового значковій товаришъ Василь Максимовичъ, а послѣ Дмитрашко полковникъ, а по чому оніе владѣлци владѣли, неизвестно. А от тихъ досталось во владѣніе Ивану Гулаку, а по смерти его нынѣ владѣетъ сынъ его Евстратій Гулакъ, полковій сотникъ, но на тое унѣверсалу

подленного не імѣетъ, токмо явилъ копію унѣверсалу гетмана Скоропадского, а подленній де оѳицеръ Жадановъ, которій чинилъ слѣдствіе о маетностехъ, узявши, затратилъ.

По 8 пункту.

25. Селомъ *Войнинцями*, по свѣдителству сторожиловъ тамошнихъ, якъ они запамятаютъ, владѣли перве полковникъ Полуботокъ, по немъ розніе державци, а якіе, нихто не упомнитъ, а послѣ полковникъ Томара, которій отдалъ Івану Гулаку, обозному полковому Переясловскому, а нынѣ владѣетъ сынъ его Еvстратій Гулакъ, а унѣверсалу на тое не імеетъ, тотъ же аѳицеръ Жадановъ затратилъ.

По 8 пункту.

26. Село *Лецки*, по свѣдителству старожиловъ тамошнихъ, якъ они запамятаютъ, было прежде войсковое свободное, а потомъ владѣли прежде полковники Переясловскіе, Полуботокъ, Лисенко и Мировичъ, а послѣ Мировичъ отдалъ оное село тогдашнему асаулу полковому Стефану Томарѣ, которій за полковнитства своего отдалъ обозному полковому Ивану Гулаку, а по немъ владѣлъ сынъ его Еvстратій Гулакъ, будучи сотникомъ полковымъ, а почему прежніе державци владѣли, неізвестно, а нынѣ владѣетъ асаулъ полковій Лука Василіевичъ по унѣверсалу гетмана Скоропадского, в року 1716 данному на урядъ асаулства.

По 10-му пункту на урядъ.

27. Села *Пологи* и *Цимлъ*, по свѣдителству старожиловъ тамошнихъ, якъ они упомнятъ, надлежали на врядъ полковнитства Переясловского, и владѣли оними прежніе полковники, Войця, Лисенко, Полуботокъ, Головченко и Мировичъ, а по Мировичу досталось теперъ во владѣніе генералу Кантакузину, а по смерти его владѣетъ нынѣ жена его генералша Кантакузинова, но крѣпостей на владѣніе того не обявила.

28. Селомъ *Хоцками*, по свѣдителству старожиловъ тамошнихъ, якъ они запамятаютъ, владѣли первіе полковники Переясловскіе, Войця и Полуботокъ, потомъ обозній полковій Дейнека, по немъ судія полковій Леонтій Станкевичъ, а потомъ опять полковникъ Переясловскій Томара, а почему оніе владѣли, неізвестно. А по смерти Томари полковника отдано бывшому полковому Переясловскому сотнику Івану Ілляшенку, а нынѣ владѣетъ жена его по унѣверсалу гетмана Скоропадского, в року 1716 данному до далшой волѣ и ласки гетманской мужу ея.

По 8 пункту.

29. Село *Комаровка*, по свѣдителству старожиловъ тамошнихъ, якъ они упомнятъ, з давнихъ временъ до ратуши Переясловской надлежало

и нынѣ оная жъ ратушъ тимъ селомъ владѣетъ, по унѣверсаламъ Мазепи и Скоропадского.

По 10-му на ратушъ.

Сотнѣ Терехтемировской.

30. Село *Стовпяги*, по свѣдителству старожиловъ тамошнихъ, якъ они упомнятъ, было волное войсковое в диспозиціи гетманской, и владѣли онимъ полковники от Войцѣ до Томары, а по Томарѣ отдано на ратушъ Переясловскую и унѣверсаломъ гетмана Скоропадского ствержено в року 1716 для вспоможення в отбуванню дачей на наизди.

В докладъ, понеже ближше надлежитъ к полковнику.

31. Село *Ячники*, по свѣдителству старожиловъ тамошнихъ, якъ они запамятаютъ, было прежде волное войсковое, а потомъ владѣли онимъ селомъ прежніе полковники Переясловскіе, Дмитрашко, Войця, Лисенко. Полуботокъ, а по Полуботку отдалъ Мазепа гетманъ на монастиръ Кириловскій Кіевскій, но до того монастира крѣпостей жаднихъ не явили.

32. Село *Подсѣнное*, по свѣдителству старожиловъ тамошнихъ, якъ они упомнятъ, прежде было свободное и к диспозиціи гетманской надлежало, а потомъ владѣли онимъ селомъ сотники Терехтемировскіе, іменно Сергѣй, по немъ Трушъ, Лесенко, Драґанъ, а по тому отдано ігумену Дубинѣ на монастиръ нынѣшній катедралній Переясловскій, якое в року 1710 за епископства Захарія Корниловича, по жалованной грамотѣ, от гетмана Скоропадского унѣверсаломъ ствержено в зуполное и вѣчное владѣніе.

33. Село *Андрушъ*, по свѣдителству старожиловъ тамошнихъ, прежде было свободное войсковое, а потомъ владѣлъ перве полковникъ Полуботокъ, а потомъ онъ же отдалъ Дубинѣ, игумену нынѣшнего катедралного Переясловского монастира, якое в року 1710 за епископства Захарія Корниловича, по жалованной грамотѣ, от гетмана Скоропадского унѣверсаломъ ствержено в зуполное и вѣчное владѣніе.

34. Селомъ *Кодинцями*, по свѣдителству старожиловъ тамошнихъ, владѣли прежніе полковники Переясловскіе, Войця, Лисенко, Полуботокъ и Мировичъ, потомъ Дараґанъ, сотникъ Трехтемировскій, по немъ Петро Максимовичъ, а по чому и по якимъ дачамъ оніе владѣли, неізвестно, а по Максимовичу владѣли ратуша Переясловского урядники по унѣверсаламъ (sic) гетмана Скоропадского, въ року 1715 данномъ; а нынѣ владѣетъ значковій товарішъ Стефанъ Максимовичъ, по писму полковника Стеѳана Томари, в которомъ писмѣ и унѣверсалъ гетманскій упоминается, что былъ, токмо нынѣ оного не імеется, понеже затраченъ, такожъ и по другому писму хоружого енералного Суліми.

По 10-му пункту в докладъ.

35. Селомъ *Городищемъ*, по свѣдителству старожиловъ тамошнихъ, якъ они запамятаютъ, владѣли прежніе полковники Переясловскіе, іменно Войця, Лисенко, Полуботокъ и Мировичъ, а послѣ полковниковъ за Мировича отдано было попу Спаскому Доброницкому, а послѣ подписку Григорію Горѣздрѣ, а потомъ владѣлъ хоружій бывшій полковій Искра по унѣверсаламъ гетмановъ Мазепи и Скоропадского, ему даннимъ за услуги войсковіе, а нынѣ владѣетъ потому-жъ жена его за вторимъ мужемъ капитаномъ гварнизону Переясловского Фонъ-Валдекомъ.

По 8 пункту.

36. Селомъ *Увюнищами*, якъ старожили запамятаютъ, владѣли прежніе полковники Переясловскіе, іменно Войця, Лисенко, Полуботокъ и Мировичъ, а потомъ отдано Григорію, атаману городовому Переясловскому, по немъ владѣлъ Драганъ, сотникъ Трехтемировскій, потомъ шафаръ гетманскій Гриневичъ, послѣ Стефанъ Томара, полковникъ Переясловскій, а по немъ Климъ Іскра, хоружій полковій, по унѣверсалу гетмана Скоропадского, в року 1717 данномъ за услуги войсковіе, а нынѣ потому жъ владѣетъ жена его з вторимъ мужемъ капитаномъ гварнизону Переясловского Ѳонъ-Валдекомъ.

По 8 пункту.

37. Слободкою, надъ рѣчкою Трубежемъ при мелницяхъ Полуботковихъ на его жъ купленной землѣ Полуботковой населенной, владѣетъ Яковъ Полуботокъ, бунчуковій товарішъ, по унѣверсалу Мазепиномъ, дѣду его Леонтію Полуботку в року 1699 данному на осаженне тамошней слободки.

По 8 пункту.

Сотнѣ Воронковской.

38. Мѣстечко *Воронковъ* здавна свободное найдуется войсковое, к диспозиции гетманской належитъ и в вѣдомствѣ сотниковъ зоставало, по тому жъ и нынѣ в сотничомъ же завѣдованню найдуется.

Свободное.

39. Село *Глубокое*, по свѣдителству старожиловъ тамошнихъ, якъ оніе запамятаютъ, з давнихъ временъ надлежало до ратуши Бориспольской, а за гетмана Самойловича владѣлъ Іванъ Сулима, а по немъ за Мазепи Константій Мокіевскій, а послѣ сотникъ Воронковскій Іванъ Берло, а за гетмана Скоропадского Гаврило Бурляй, полковникъ сердюцкій, а по чему и по якимъ дачамъ прежніе владѣлци владѣли, неізвестно; а нынѣ владѣетъ господинъ генералъ Вейзбахъ, но крѣпостей не обявлено.

40. Село *Рудяковъ*, по свѣдителству старожиловъ, якъ они упомнятъ, здавна было свободное войсковое, козаки к сотнѣ Воронковской, а посполитіе до города Воронкова надлежали, а за гетмана Самойловича владѣлъ

онимъ селомъ сотникъ Воронковскій Кирило Бройко, а по немъ Василій Кочубей, будучи писаремъ генералнимъ, а нынѣ владѣетъ сынъ его Василій Кочубей, полковникъ Полтавскій, по жалованной грамотѣ, в 1710 году данной во вѣчное владѣніе.

По 8 пункту.

41. Село *Куиловъ*, по свѣдителству старожиловъ, з давнихъ временъ было войсковое свободное, и до города Воронкова надлежало, и в вѣдомствѣ сотничомъ найдовалося; а послѣ, невѣдомо, по якому указу, завладѣли онимъ законники монастира Кіевского Соѳійского, а почему владѣютъ, крѣпостей не явили.

42. Деревня *Ревное*, по свѣдителству старожиловъ тамошнихъ, якъ они упомнятъ, прежде тамъ людей не бывало, а земля тая была жителя Воронковского Стояна Бондара, а за гетмана Мазепи и за полковника Переясловского Лисенка, неізвестно, по якой дачѣ, Кіевского Печерского монастира законники построили хуторъ, а потомъ коло хутора и слободку людми осадили, и нынѣ тимы владѣютъ, а крѣпостей жаднихъ не явили.

43. Деревня *Процевъ*, по свѣдителству старожиловъ, якъ оніе запомнятъ, з давнихъ временъ до ратуши Воронковской, а козаки до сотнѣ надлежали, а за гетмана Скоропадского владѣлъ оною протопопъ Борисполскій Петро Рустановичъ, а по чому, старожили неізвестни, а от того отняли Печерскіе черцѣ, и нынѣ владѣютъ, а по чему, крѣпостей не явили.

44. Села *Вишенки* и *Гнѣдинъ*, по свѣдителству старожиловъ, якъ они запомнять, на тихъ мѣстахъ з давнихъ временъ селъ не бывало, но толко сѣнокосніе луки были, на которихъ Кіево-Печерского монастира законники осадили людей и назвали села Вишенки и Гнѣдинъ, а по чому и по якимъ дачамъ тими луками завладѣли, и по якому указу села тіе осадили, неізвестни старожили, и почему тіе жъ владѣютъ Печерскіе черницѣ, крѣпостей не обявили.

45. Село *Рогозовъ*, по свѣдителству старожиловъ, якъ они запамятаютъ, здавна за гетмановъ Многогрѣшного и Самойловича надлежало до сотнѣ Воронковской, и было подъ видѣніемъ сотничимъ и во всякихъ общенароднихъ даткахъ помоществовали городу, а послѣ, болше сорока уже тому лѣтъ, завладѣлъ Іванъ Берло, будучи сотникомъ Воронковскимъ, и потомъ и судіею полковимъ владѣлъ же по унѣверсалу гетмана Скоропадского, в року 1712 данному за услуги войсковіе в зуполное владѣніе; а по смерти оного и женѣ его того ж гетмана Скоропадского ствержено унѣверсаломъ в року 1721, почему она и нынѣ владѣетъ.

По 8 пункту.

46. В мѣстечку Воронковѣ слободка, по свѣдителству старожиловъ тамошнихъ, якъ они запомнятъ, дана Сомку в 1655 року за гетмана Хмел-

ницкого, от которого досталася во владѣніе Івану Берлу, зятю его Сомковому. сотнику тогда Воронковскому, а нынѣ оного Берла владѣетъ унукъ Иванъ Берло, но крѣпостей на тое теперъ не явилъ.

Справится с крѣпостми.

47. Села *Старое* и *Калное*, по свѣдителству старожиловъ тамошнихъ, якъ они запамятаютъ, за гетмана Самойловича до сотнѣ надлежали, а послѣ оними владѣли полковники Переясловскіе, Войця и Лисенко, Полуботокъ и Головченко и Томара, а за полковнитства Томари завладѣлъ хоружій енералній Сулима, а почему, старожили неізвѣстни, а потомъ отдалъ сыну своему Самуйлу, а по смерти оного, понявши жену его Самуйлову, Николай Афендикъ, сотникъ Воронковскій, тими селами владѣетъ и нынѣ, а почему, крѣпостей не показалъ. При слѣдствіи явлени на тіе села унѣверсали гетмановъ Мазепи и Скоропадского, в которихъ написано, что тіе села дани за услуги войсковіе хоружему енералному бывшому Сулимѣ.

Справится с крѣпостми.

48. Мѣстечко *Воронковъ* и села *Самковъ*, *Зофѣевка* и *Жеребятинъ*, по сказкамъ старожиловъ, з давнихъ временъ к диспозиціи гетманской надлежатъ, и в вѣдомствѣ сотниковъ обрѣтаются, а во владѣніи в другихъ ни в кого не были, но суть войсковіе свободніе, токмо в общенароднихъ повинностяхъ до города помоществуютъ, но на тое в городѣ жадного указу не імеется.

Свободное.

Сотнѣ Борысполской.

49. Мѣстечко *Борысполь*, по свѣдителству старожиловъ тамошнихъ с'прежде к диспозиціи гетманской надлежитъ и подъ видѣніемъ сотницкимъ найдуется, токмо в общенароднихъ повинностяхъ, у подводахъ и в протчемъ до города помоществуетъ, но на тое в городѣ жадного указу не імѣется.

Свободное.

50. В мѣстечку *Бориспомъ* 25 дворовъ владѣетъ сотникъ Бориспольскій Стеѳанъ Аѳендикъ безъ жадного указу; по свѣдителству старожила тамошного жителя Германа Проскурнѣ, оніе люде живутъ на собственнихъ своихъ грунтахъ и надлежали к ратуши, и прежніе сотники оними не владѣли.

Свободное.

51. Деревня *Несторовка*, по свѣдителству старожиловъ Борысполскихъ, здавна было войсковое и до города Борысполя надлежало, а потомъ сотники Борысполскіе, первей Іванъ Перехристъ Магировскій, Шорсткій, Грицко Гордѣенко и Семенъ Новаковичъ владѣли, по якимъ дачамъ, они

неізвестни, токмо Семену Новаковичу, когда от сотничества отставлено, оная деревня стверженa унѣверсаломъ бывшаго гетмана Скоропадского, а нынѣ сотникъ теперешній Стеѳанъ Аѳендикъ оною противъ прежнего владѣетъ, но указу жадного не явилъ.

По 10-му пункту на урядъ сотничества, на что
и указъ показалъ, з енералной канцеляріи данній.

52. Село *Иванковъ*, по свѣдителству старожиловъ тамошнихъ, здавна, якъ они запамятают, за Бруховецкого и протчіихъ гетмановъ ажъ до Мазепи, надлежало до города Борисполя, а потомъ гетманъ Мазепа за игуменства матеры своей в дѣвичомъ Кіевскомъ Печерскомъ монастирѣ будучой отдалъ на оній монастиръ, которимъ и по нынѣ они жъ законници владѣютъ, а крѣпостей жаднихъ не показали.

Справится с крѣпостми.

53. Село *Сенковка*, по свѣдителству старожиловъ, якъ они запамятаютъ, прежде тамъ села не було, но токмо гребля з млинами, и при оной хатъ нѣсколко імѣлося, а потомъ мати Мазепина, будучи игуменіею в дѣвичомъ Печерскомъ монастирѣ, купивши оную греблю з млинами у Сулими, населила село, а на якой землѣ, на войсковой ли или на купленной, неізвѣстни старожили, почему и нынѣ законници жъ оного монастира дѣвичого тимъ селомъ Сенкувкою владѣютъ, а крѣпостей нѣякихъ не явили.

Справится с крѣпостми.

54. Село *Требуховъ* и село *Дудорковъ*, по свѣдителству старожиловъ, якъ они запамятаютъ, здавна до ратуши Борысполской належали, а в другого ни в кого во владѣніи не были до гетмана Бруховецкого, а потомъ Бруховецкій за своего гетманства оніе села отдалъ на монастиръ Печерскій Троицкій Болницкій, почему того монастиря законники и нынѣ тимы селамы владѣютъ, но крѣпостей нѣякихъ не показали.

55. Селами *Княжичами*, *Бортничами*, по свѣдителству старожиловъ, якъ они запамятаютъ, еще за державы полской Кіевского Пустинно-Николского монастира законники владѣли, и Княжичи от королей надани, а Бортничи по писменному свѣдителству бывшого покойного ігумена Христофора Чарнуцкого от салтана Албѣева, толмача короля Жиґмонта, купленное за 400 копъ от созданія мира 7016 году, и оніе ни в чіемъ владѣніи не были никогда по нынѣ. Крѣпостей зъ оного монастира жаднихъ не явили.

56. Село *Кучановъ*, по свѣдителству старожиловъ, якъ они запамятаютъ, населено на войсковой землѣ, и до гетмана Самойловича было толко нѣсколко хатокъ тамъ, и оніе люде чрезъ немалое время всегда до ратуши Борысполской прислушали; а за гетмана того ж Самойловича Ѳедоръ Сулима, не вѣдомо, по якому указу, завладѣвши тими людми и землею голою, населилъ болшъ уже людей тамъ и владѣлъ оними помянутій Сулима и

сынъ его Іванъ, хоружій енералній, по жалованной грамотѣ, от созданія ира 7198 году данной, и по унѣверсаламъ гетманскимъ за службы войсковіе во вѣчное владѣніе в роди. По якимъ крѣпостямъ и нынѣ сыни его Сулими хоружого енералного владѣютъ; а что оніе люде Кучановскіе до ратуша прежде надлежали, о томъ імѣется и нынѣ в ратуши Бориспольской гетмана Мазепи унѣверсалъ.

По 8 пункту.

Сотня Барышовская.

57. Городъ *Барышевка*, села *Селичевка*, *Дернувка*, *Селища*, *Коржъ*, *Рудницкое*, *Сезенковъ*, *Власовка*, по свѣдителству старожиловъ, якъ они запамятаютъ, з давнихъ временъ суть войсковіе свободніе, и к диспозиціи гетманской надлежатъ, и в вѣдомствѣ сотничомъ обрѣтаются, токмо в общенародних повинностехъ до города помоществуютъ, но на тое в городѣ ономъ жадного указу не імеется, кромѣ на деревню Селичовку в оной ратуши бывшого гетмана Скоропадского унѣверсалъ імеется.

Свободніе, кромѣ села Селичовки, которая по 10 пункту належитъ на ратушъ.

58. Село *Ядлувка*, по свѣдителству старожиловъ тамошнихъ, якъ они запамятаютъ, здавна до сотнѣ надлежало, подъ видѣніемъ сотничимъ найдовалося и до города в общенароднихъ повинностехъ и подъводахъ помоществовали; а за гетмана Самойловича владѣли писаръ полковій Переясловскій Сава, а по немъ Войця, полковникъ Переясловскій, а за Мазепи владѣла его мати ігуменія; и почему тіе владѣлци владѣлы, неізвѣстно. А по змѣнѣ Мазепиной надлежало до двору гетмана Скоропадского, которій на монастиръ Братскій Кіевскій тое село Ядлувку отдалъ, но зъ оного монастира унѣверсалу не обявлено.

Справится с крѣпостми

59. Село *Остролучче*, по свѣдителству старожиловъ тамошнихъ, якъ они запамятаютъ, за гетмана Самойловича владѣлъ бывшій полковникъ Переясловскій Войця, а потомъ за гетманства Мазепи мати его, а послѣ самъ Мазепа, а по ізмѣнѣ его Мазепи бывшій гетманъ Скоропадскій, а нынѣ владѣетъ полковникъ Іваненко, а крѣпостей жаднихъ не явилъ.

Справится с крѣпостми.

60. Село *Сулиминцъ* и село *Лебединъ*, по свѣдителству старожиловъ тамошнихъ, якъ они запамятаютъ, мало что на тихъ мѣстахъ людей было, а за гетмана Самойловича Өедоръ Сулима населилъ болше, а чи на купленной или на войсковой землѣ, и по якому указу, того отнюдь старожили неізвестни, и от того времени тими людми владѣлъ оній Сулима, а по немъ сынъ его Иванъ, бувшій хоружій енералній, владѣлъ же по жалованной грамотѣ, от созданія мира в року 7198 данной оному Сулимѣ за службы

войсковіе во вѣчное владѣніе ему и дѣтямъ, и нынѣ владѣютъ тими сели сыни его хоружого енералного Сулими по той же грамотѣ и по унѣверсаломъ гетманскимъ.

По 8 пункту.

61. Деревня *Волошиновка*, по свѣдителству старожиловъ, з давнихъ временъ было войсковое свободное, до сотнѣ надлежало и подъ видѣніемъ сотниковъ найдовалось, и до города Барышевки в общенароднихъ повинностехъ помоществовали, а в року 1710 оное село полковникъ Переясловскій Томара отдалъ сотниковѣ Барышевскому Исаю Динисовичу, на що и писмо полковничое у его імѣется, по якому и унѣверсаломъ гетмана Скоропадского в року 1721 оному сотнику ствержено до ласки войсковой и гетманской, почему и нынѣ жена его сотника бывшого владѣетъ з дѣтми, на якое владѣніе и нынѣшнего гетмана господина Апостола унѣверсалъ ей в потвержденіе данъ 1730 году.

До указу при ней быть.

62. Село *Малая Старица*, по свѣдителству старожиловъ Барышевскихъ, здавна до городка Баришевки надлежало и было подъ видѣніемъ сотничимъ и во всякихъ повинностехъ и подачкахъ, якъ козаки, такъ и мужики, помоществовали, а за гетмана Скоропадского завладѣлъ онимъ селомъ Антонъ Максимовичъ, бунчуковій товаришъ, по листу открытому гетмана Скоропадского, в року 1711 до войта з посполитими людми того села Старицѣ писанному, чтобъ оному Максимовичу отдавали належитое послушенство во всякихъ потребахъ, почему и нынѣ сынъ оного Максимовича Григорій тимъ селомъ Старицею владѣетъ.

По осмомъ пункту.

63. Село *Бзувъ*, по свѣдителству старожиловъ тамошнихъ, прежде тамъ було пустое мѣсто, а за гетманства ізмѣнника Мазепи мати его, будучи гуменіею в Печерскомъ Дѣвичомъ монастѣрѣ, населила тамъ людей, а чи на войсковой землѣ, или на купленной, или от кого данной и почему, неізвѣстни старожили, и от того времени и нынѣ законници того ж монастира владѣютъ, а крѣпостей жаднихъ не явили.

Справится с крѣпостми.

64. Село *Морозовка*, по свѣдителству старожиловъ Баришевскихъ, здавна было свободное войсковое, и до сотни Баришевской належало, и под видѣніемъ сотницкимъ найдовалося, а за гетманства ізмѣнника Мазепи владѣла его мати ігуменія, а послѣ владѣлъ Бориспольскій сотникъ Өедоръ Мадировскій за гетмана Скоропадского, а почему оніе владѣли, неізвестно, а по смерти Мадировского отдано от гетмана Скоропадского на ратушъ Баришевскую и унѣверсаломъ его гетманскимъ стверженo, по которомъ

оная ратушъ владѣла тимъ селомъ, а нынѣ владѣетъ бывшаго канцеляристи войскового Димитрія Володковского жена, а по чему, крѣпостей не обявила.

В докладъ

Сотнѣ Басанской.

65. Местечко *Басань* з футорами и село *Пѣски*, по свѣдителству старожиловъ тамошнихъ, здавна к диспозиціи гетманской надлежали, и под видѣніемъ сотницкимъ обрѣтается, токмо в общенароднихъ повинностяхъ, у подводахъ и в протчемъ до города помоществуютъ; а на тое в городѣ жадного указу не імѣетъся.

Свободное.

66. Деревня *Брагинцѣ*, по свѣдителству старожиловъ тамошнихъ, якъ они запамятаютъ, здавна до сотнѣ належала и была подъ видѣніемъ сотницкимъ и в общенароднихъ повинностяхъ до города помоществовала, но в ономъ городку на тое указу не имеется, а послѣ завладѣлъ тимъ селомъ судія полковій Чернѣговскій Василій Томара, а по смерти оного владѣетъ нынѣ жена его судина, а по чему, крѣпости не обявила.

Справится с крѣпостми.

67. Село *Крупполе* (sic). По свѣдителству старожиловъ тамошнихъ, здавна не было тамъ села, а за Мазепи бывшій полковникъ Переясловскій Дмитрашко оное село осадилъ на войсковой землѣ и онимъ владѣлъ по жалованной грамотѣ до смерти своей, а по смерти его от жени его отобрано и отдано Кіево-губернской канцеляріи переводчику Ѳедору Корбѣ которымъ нынѣ владѣетъ жена его Корбы з синами, по жалованной грамотѣ 1719 году, данной мужу ея, помянутому Ѳедору.

По 8 пункту.

68. Село *Озерянс*, по свѣдителству старожиловъ тамошнихъ, здавна до города Басанѣ надлежало, а за гетманства Мазепиного бывшій сотникъ Басанскій Карпъ Ющенко тимъ селомъ владѣлъ, а нынѣ владѣетъ полковникъ Василій Танскій, а по чему, крѣпостей не явилъ.

Справится с крѣпостми.

Волость Быковская.

69. Села *Усовка*, *Красное*, *Быковъ*, *Козацкое*, *Бѣлоцерковка* и *Веприкъ*, по свѣдителству старожиловъ Басанской сотнѣ Быковскихъ и протчіихъ, полковникъ Переясловскій Леонтій Полуботокъ тотъ Быковъ з присѣлками тими населилъ на войсковой землѣ и владѣлъ оними, а по немъ і протчіи полковники владѣли, а за Мировича хочай гетманъ Мазепа по своей силѣ и завладѣлъ былъ, но по змѣнѣ оного Быковскою волостю Томара полков-

никъ такъ, якъ и прежніе полковники, даже до умертвія своего владѣлъ, а по умертвіи его покойній гетманъ Скоропадскій во свое владѣніе взялъ, почему и нынѣ во владѣніи двору гетманского зостаетъ.

70. Село *Старая Басань* и деревня *Куляжинцѣ*, по свѣдителству старожиловъ Басанскихъ, здавна до города Басанѣ к ратуши належали, а в року 1712 гетманъ Скоропадскій отдалъ деревню Кулажинцѣ Семену Афендику, бывшому перкалабу Сорочинскому, и унѣверсаломъ своимъ ствердилъ в послушенство, а Старой Басанѣ людей посполитихъ полковникъ Переясловскій Томара оному ж Афендику отвористимъ своимъ писмомъ попустилъ в послушенство, по которому и гетманъ Скоропадскій тихъ Старобасанскихъ посполитихъ людей у послушенство ж своимъ унѣверсаломъ ему Афендику ствердилъ до ласки войсковой, почему и нынѣ жена оного Афендика з синами тими сели владѣетъ.

По 8 пункту.

71. Село *Осовецъ*, по свѣдителству старожиловъ Басанскихъ, з давнихъ временъ до города и ратуши належало, а потомъ стали владѣть сотники Басанскіе за гетмана Скоропадского Климъ Грищенко, по немъ Ѳедоръ Рудковскій, почому и нынѣшній сотникъ Басанскій Семенъ Климовичъ владѣетъ, и яко прежніе сотники, такъ и теперешній на владѣніе того села жадного указу не імѣетъ.

На урядъ сотнитства.

72. Село *Щасновка*, по свѣдителству старожиловъ тамошнихъ, якъ запамятаютъ, здавна до города и ратуши належало, а за гетмана Самойловича завладѣлъ сотникъ Басанскій Карпецъ, а нынѣ владѣетъ значкового товаріша полку Переясловского Михайла Забѣли, внука Карпцевого з дочки, жена его по смерти его, а по чему, крѣпости не явила.

С крѣпостми справится.

Сотнѣ Березанской.

73. Мѣстечко *Березань*, село *Семеновка*, деревня *Лехновцѣ*, по свѣдителству старожиловъ козаковъ Березанскихъ, здавна на булаву за прежнихъ гетмановъ надлежали, а за гетмана ізмѣнника Мазепи полковникъ Переясловскій бувшій Дмитрашко завладѣлъ по жалованной грамотѣ, от созданія мира 7182 данной оному Дмитрашку за службы его, по которой грамотѣ и по унѣверсаламъ гетмана Скоропадского владѣетъ нынѣ племенника оного Дмитрашка, Алексѣя Марковича, жена, Анастасія Забѣловна з синами, в 1713 году оной данному в спокойное владѣніе.

По 8 пункту.

74. Село *Недра*, по свѣдителству старожиловъ тамошнихъ, з давнихъ временъ до мѣстечка Березанѣ, а Березань и вся сотня Березанская на

булаву гетманскую належала и владѣли прежніе гетмани до Мазепи, а за Мазепи завладѣлъ полковникъ Переясловскій Дмитрашко, а по немъ владѣла Алексѣева Дмитрашкова наслѣдно по грамотѣ, Дмитрашку оному данной, а въ 1718 году бывшій гетманъ Скоропадскій отдалъ былъ канцеляристѣ Володковскому, почему тое село и жалованною грамотою ствержено, в 1729 году по челобытю сына ей Алексѣевой Василія Дмитрашка по указу блаженнія памяти Его Імператорскаго Величества, до господина гетмана Апостола присланному, опять отдано во владѣніе помянутой Алексѣевой, почему она и нынѣ владѣетъ.

По 8 пункту.

75. Села *Паришковъ*, *Лукашъ*, *Войтово село* и *Яресхи*, по свѣдителству старожиловъ Березанскихъ козаковъ, з давнихъ временъ до мѣстечка Березанѣ належали, а Березань и вся сотня со оними селами на булаву за прежнихъ гетмановъ надлежала, а за Мазепи владѣлъ бувшій полковникъ Переясловскій Дмитрашко, по вишепомянутой жалованной грамотѣ, по которой и нынѣ внуки его Андрей и Петро Дмитрашко владѣютъ, на якіе села и унѣверсали гетмановъ Мазепи и Скоропадского бабѣ ихъ в потверженя імѣютъ, а в тихъ унѣверсалахъ написано помянутими сели владѣть до далшей волѣ монаршей, за услуги войсковіе.

По 8 пункту.

76. Село *Лукяновка*, по свѣдителству старожиловъ Березанскихъ козаковъ, з' прежде до мѣстечка Березанѣ надлежало, а потомъ владѣлъ помянутій бывшій же полковникъ Переясловскій Дмитрашко за ізмѣнника Мазепи, а по смерти оного и унукъ его Дмитро Марченко владѣлъ же по вишеписанним крѣпостямъ, а нынѣ владѣетъ Кіевогубернской канцеляріи переводчика Корбы Хведора жена з синами по жалованной грамотѣ, в 1719 году данной мужу ея, помянутому Өедору Корбѣ.

По 8 пункту.

Сотнѣ Яготинской.

77. Мѣстечко *Яготинъ* с подварками, по свѣдителству старожиловъ тамошнихъ, здавна волное, к диспозиціи гетманской належить и под видѣніемъ сотеннимъ зостаеть.

Свободное.

78. Слободка надъ рѣчкою Супоемъ; по свѣдителству старожиловъ Яготинскихъ, людей тамъ не бывало, а в нынѣшнихъ недавнихъ годахъ купивши Семенъ Лизогубъ, бунчуковій товаришъ, тамъ лѣсъ, прозиваемій Черкасувщину, подля оного осадилъ слободку на купленной землѣ, а по якому указу, неізвѣстни оніе старожили, однакожъ онъ Лизогубъ на тое купчую обявилъ.

По 8 пункту.

78. (sic). Село *Войтовцѣ*, по свѣдителству старожиловъ Войтовецкихъ, прежде до сотнѣ належало и подъ видѣніемъ сотниковъ найдовалось, а послѣ владѣли Грицко Момотъ и Логгинъ Рокитній, сотники Яготинскіе, а по нихъ Томара, полковникъ Переясловскій, который отдалъ былъ такожъ сотниковѣ Яготинскому Іосифу Павловичу, а нынѣ владѣетъ бунчуковій товарышъ и наказній полковникъ Переясловскій Василій Томара по унѣверсалу гетмана Скоропадского, в року 1715 данномъ, и по унѣверсалу нынѣшнего гетмана господина Апостола за вѣрніе и знатніе отца его войсковіе службы в спокойное владѣніе.

По 8 пункту.

79. Село *Капустинцѣ*. Онимъ селомъ, по свѣдителству старожиловъ тамошнихъ, якъ они запомнять, прежде владѣлъ за гетмана Самойловича Давидъ, полковникъ Каневскій, по немъ Андрей, писаръ полковій Переясловскій, по тому полковникъ Переясловскій Лисенко, а нынѣ во владѣніи генералши Кантакузиновой зостаетъ, а по чему оная владѣетъ, не обявлено крѣпостей.

80. Село *Коломійцѣ*, по свѣдителству старожиловъ тамошнихъ, прежде было волное войсковое, а потомъ владѣлъ Левко Полуботокъ, полковникъ Переясловскій, за гетмана Самойловича, а по немъ пасинокъ его Павелъ Полуботокъ, а нынѣ Якова Полуботка во владѣніи зостаетъ, а по чему владѣетъ, крѣпости не явилъ.

Справится с крѣпостми.

81. Село *Лѣсняки*, по свѣдителству старожиловъ тамошнихъ, прежде было волное и до города Яготіна надлежало, а потомъ владѣли Дмитрашко, полковникъ Переясловскій, а потомъ унукъ его Марко, а послѣ Матюшенко, судія полковій Переясловскій, а потомъ знову полковники Переясловскіе Мировичъ и Томара, а по смерти Томариной владѣлъ тимъ селомъ сотникъ Яготинскій Іосифъ Павловичъ и нынѣ онимъ владѣетъ безъ жадного указу, а на урядъ сотницкій оного села не показано.

По 10 пункту на урядъ.

82. Село *Ничипоровка*, по свѣдителству старожиловъ тамошнихъ, здавна было свободное и надлежало до мѣстечка Яготина, а потомъ владѣли Иванъ Золотуха, а по немъ Логгинъ Рокитній, а нынѣ сынъ его Іванъ Рокитній, значковій товаришъ, владѣетъ, но крѣпости жадной не явилъ.

Свободное.

83. Деревня *Плужники*, по свѣдителству старожиловъ тамошнихъ, з давнихъ временъ до ратуши Переясловской надлежатъ и нынѣ оная ж ратушъ тимъ селомъ владѣетъ по унѣверсаламъ гетманскимъ, в которихъ написано, что дано тое село на ратушъ для отбування наездовъ до ласки войсковой гетманской.

По 10 пункту на ратушъ.

84. Село *Полежаи*, по свѣдителству старожиловъ тамошнихъ, якъ они запомнятъ, прежде было до ратушѣ Переясловской, а потомъ владѣли полковники Переясловскіе Полуботокъ и Момотъ, а по нихъ сотникъ Яготинскій Рокитній, а послѣ знову до ратуши оной Переясловской отдано и унѣверсаломъ гетмана Скоропадского ствержено в року 1709 для вспоможенія респектомъ росходовъ на наезды.

По 10 пункту на ратушъ.

85. Село *Дениси*, по свѣдителству старожиловъ тамошнихъ, прежде было войсковое свободное, а за гетмана Самойловича владѣлъ наказній полковникъ Переясловскій Момотъ, по немъ Левко Матюшенко, писаръ полковій, по нему ж Лисенко, полковникъ Переясловскій, а потомъ отдано на ратушъ Переясловскую от Мазепи, и унѣверсаломъ ствержено для отбування наездовъ же до ласки войсковой.

По 10 пункту на ратушъ.

86. Село *Панфили*, по свѣдителству старожиловъ, прежде войсковое волное было и надлежало до города Яготина, а послѣ за гетмана Самойловича владѣлъ полковникъ Переясловскій Полуботокъ, а по немъ наказній полковникъ Момотъ, а послѣ сынъ его Григорій, сотникъ Яготинскій, послѣ Матюшенко, а по немъ Александеръ Сулима, хоружій полковій, послѣ же его Іванъ Берло, судія полковій Переясловскій, а нынѣ по смерти оного владѣетъ жена его тимъ селомъ, а по чему, крѣпости не явили.

По 10 пункту на урядъ.

87. Село *Соснова* и деревня *Ташанъ*, по свѣдителству старожиловъ, якъ они запамятаютъ, прежде были свободніе войсковіе, а потомъ владѣли прежніе полковники Переясловскіе, Лисенко, Іванъ Момотъ, Іванъ Мировичъ, Стеѳанъ Томара, а потомъ Сосновою владѣлъ Логвинъ Рокитній, сотникъ Яготинскій, а Ташанню Павелъ Доброницкій. А нынѣ владѣетъ Сосновою Бурляй, полковникъ сердюцкій, по унѣверсалу гетмана Скоропадского, в року 1715 данномъ за услуги войсковіе в спокойное владѣніе; а Ташанню деревнею владѣеть генералша Кантакузиновая, а по чему, крѣпостей не обявлено.

Соснова по 8 пункту, а Ташань по 10 пункту на чинъ полковничества.

88. Село *Березанка*, по свѣдителству старожиловъ тамошнихъ, прежде было волное, а за гетмана Самойловича надлежало до города Яготина, а потомъ владѣлъ сотникъ Березанскій Будунарскій, а по немъ знову до городка Яготина надлежало, а нынѣ владѣетъ бунчуковій товаришъ Андрей Дмитріевъ сынъ по унѣверсаламъ гетмана Скоропадского, за услуги отца его до ласки войсковой даннимъ.

По 8 пункту.

89. Село *Черевки*, по свѣдителству старожиловъ тамошнихъ, прежде належало до сотнѣ Яготинской, и подъ видѣніемъ сотницкимъ найдовалося, а послѣ владѣлъ сотникъ Березанскій Михайло Пилипенко за Мазепи, а за гетмана Скоропадского отдано Стефану Бутовичу, асаулу енералному, а по смерти оного владѣетъ жена з синами его по унѣверсалу гетмана Скоропадского, в року 1717 данномъ, и по жалованной грамотѣ, в 1718 году данной за вѣрніе службы мужа еи в зуполное владѣніе.

По 8 пункту.

90. Слободка *Безъугловка*; по свѣдителству старожиловъ тамошнихъ, здавна было тамъ волное мѣстце, и на ономъ не было людей, толко хуторъ Алоевъ и Лупуловъ, якимъ хуторомъ потомъ владѣлъ Згура, а за владѣнія Згури тамъ люде осѣли. А когда оній Згура з Мазепою пошолъ в ізмѣну, тотъ хуторъ з тамошними людьми достался во владѣніе полковнику Переясловскому Стефану Томарѣ куплею, и нынѣ купчіе ему данніе обретаются, а по смерти его досталось во владѣніе Ѳедору Марковичу куплею ж, почому онъ, Марковичъ, и нынѣ владѣетъ оною слободкою на купленной же его землѣ.

По 8 пункту.

91. Тамъ же, у *Безъугловцѣ*, по свѣдителству старожиловъ, обозній полковій Переясловскій Юско Гулакъ самъ собою первей построилъ хуторъ, а потомъ слободку населилъ на войсковой землѣ, а по якому указу онъ хуторъ тамъ устроилъ и людей осадилъ, неізвѣстни, а нынѣ оною слободкою сынъ его Гулаковъ, Еvстратій Гулакъ, сотникъ полковій Переясловскій, владѣетъ, а почему, крѣпостей не явилъ.

По осмому пункту.

(Подленній афицеръ Жадановъ затратилъ унѣверсалъ, на Безугловку данній, а копію оного з'аттестатомъ при семъ слѣдствіи сообщено).

92. Село *Годоновка*; по свѣдителству старожиловъ, было тамъ давное селище, на которомъ по куплѣ своей судія полковій Переясловскій Папкевичъ первей хуторъ построилъ, потомъ и людей оселивши, владѣлъ по смерть свою. А по немъ жена его владѣла, послѣ которой значковій товаришъ Гриневичъ, невѣдомо почему, нѣсколко временемъ владѣлъ. А по немъ досталося во владѣніе монастиревѣ катедралному Переясловскому, которого законники и нынѣ владѣютъ тимъ селомъ, а по чему, крѣпостей не явили.

В докладъ спорная.

93. Деревня *Журовка* в степу войсковомъ. По свѣдителству старожиловъ, прежде тамъ ничего не было, и в недавнихъ годахъ, а в которомъ іменно, не упомнятъ, монастира Михайловского Переясловского игуменъ первей тамъ футоръ построилъ, а потомъ и людей населилъ, на войсковой землѣ,

до сотнѣ Яготинской належной, по унѣверсалу гетмана Скоропадского, в року 1714 данному.

В докладъ спорная.

94. Деревня *Семеновка* в степу надъ Чоргакомъ рѣчкою. По свѣдителству старожиловъ Лѣснянскихъ, прежде тамъ людей не бывало, но за полковничества своего Стеѳанъ Томара на купленной землѣ населилъ, и нынѣ тимъ селомъ владѣетъ сынъ его Василій Томара, бунчуковій товаришъ, по унѣверсалу гетманскомъ.

По 8 пункту.

95. Слободка *Кантакузовка* и *Фарбована* в волномъ степу. По свѣдителству старожиловъ Лѣснянскихъ, прежде людей тамъ не бывало, но Мировичъ, полковникъ Переясловскій, за своего полковничества устроилъ токмо на тѣхъ мѣстахъ хуторѣ, которими завладѣвши, генералъ-маэоръ Кантакузинъ и слободки тамъ населилъ на войсковой волной землѣ, а по якимъ указамъ, неізвѣстни старожили. И нынѣ владѣетъ тими слободками генерала оного Кантакузина жена, а по чему, крѣпостей не обявила.

96. Слободка надъ рѣчкою Супоемъ. По свѣдителству старожиловъ Лѣснянскихъ, лѣтъ тому з десять, якъ адютантъ Вишневскій купилъ тамъ грунтъ у жителя Сосновского и, устроивши тамъ футоръ, край оного населилъ людей, а прежде того оная земля была войсковая волная. По якому указу онъ тамъ людей населилъ, о томъ неізвѣстни старожили, а нынѣ крѣпостей на тое нѣякихъ не обявилъ.

По 8 пункту.

97. Слободка у Лозового Яру на волномъ войсковомъ степу. По свѣдителству многихъ Яготинской сотнѣ людей, на ономъ мѣсцу ничего не было, и земля тая войсковая належитъ до сотнѣ Яготинской, а в нынѣшнихъ временахъ, годовъ тому з чотири, бывшій епископъ Переясловскій Шумлянскій самъ собою построилъ хуторъ и людей осадилъ, и нынѣ тоею слободкою законники монастира Катедралного Переясловского владѣютъ, а по чему, жаднихъ крѣпостей не обявили.

Спорная в докладъ.

98. Слободка надъ рѣчкою Ржавцемъ в волномъ же степу. По свѣдителству старожиловъ Яготинскихъ, на томъ мѣстцу прежде не бывало людей, но когда Яготинскій сотникъ Іосифъ Павловичъ тамъ гребелку пересипалъ и ведля оной построилъ футоръ, тогда и людей тамъ населилъ на войсковой волной землѣ, а по чіему позволенію и по чіему указу греблю занявъ и людей осадилъ, не вѣдаютъ старожили, а владѣлца явилъ писмо, от сотнянъ своихъ ему данное на землю, где тая слободка, на что ему екстрактъ з ратуши Переясловской виданъ в потверженне.

По 8 пункту.

99. Слободка надъ рѣчкою Ржавцемъ в степу. По свѣдителству старожиловъ, была земля волная, а в недавнихъ годахъ Василь Томара, бунчуковій товаришъ, занявши тамъ гребелку, людей населилъ, которіе люде ему и унѣверсаломъ нынѣшнего гетмана господина Апостола ствержени.

По 8 пункту.

100. Слободка—20 дворовъ—в степу волномъ надъ рѣчкою Чумгакомъ, по свѣдителству старожиловъ сотнѣ Яготинской, лѣтъ тому з' осмъ, якъ полку Лубенского сотнѣ Пѣратинской от козака Кохна населена, а по якому указу, старожили неизвѣстни, токмо знаютъ, что оній степъ, где тая слободка есть, войсковій, до полку Переясловского належацій, а по чему оній Кохно владѣетъ тоею слободкою, жадной крѣпости не явилъ.

С крѣпостми справится.

101. Другая слободка надъ тоею же рѣчкою Чумгакомъ, в волномъ же степу, по свѣдителству старожиловъ сотнѣ Яготинской, лѣтъ тому з чотири, якъ осажена, а по якому указу, нѣхто не знаетъ, токмо, где оная поселена, то тотъ степъ и земля войсковая, до полку Переясловского надлежащая, а владѣетъ оною слободкою генералши Кантакузиновой братъ Матѳей, а по чему, крѣпостей не обявилъ.

Спорная в докладъ.

102. Слободка *Пирловка*, в степу надъ рѣчкою Чумгакомъ. По сказкамъ старожиловъ, прежде тамъ людей не было, а в недавнихъ годахъ человѣкъ з села Капустинецъ, прозиваемій Пирло, пересипавши гребелку на той рѣчцѣ, футоръ устроивши, и самъ тамъ жилъ, и людей к себѣ напріймалъ, а по якому указу, нихто не вѣдаетъ. А в нынѣшнихъ недавнихъ годахъ купилъ оную слободку обозній генералній Яковъ Лизогубъ и потому владѣетъ, якая Пирловка з футоромъ, тамъ же будучимъ, и унѣверсаломъ гетмана Скоропадского в 1720 году ему пану обозному ствержена в зуполное владѣніе.

По 8 пункту.

103. Слободка *Новая* в прошедшомъ 1729 году в степу волномъ Переясловскомъ надъ рѣчкою Чумгакомъ полку Чернѣговского бунчуковій товарышъ Яковъ Полуботокъ населилъ на волной войсковой землѣ, до сотнѣ Яготинской належащой, а по якому указу онъ, Полуботокъ, тую слободку осадилъ и оною владѣетъ, крѣпости нѣякой не явилъ.

По 8 пункту.

Сотнѣ Гелмязовской.

104. Мѣстечко *Гелмязовъ* и села *Богдани, Плешканъ, Чопилки, Горбанъ* и *Жорноклови*, по свѣдителству старожиловъ, з давнихъ временъ свободніе войсковіе и в вѣдомствѣ сотника тамошнего Гелмязовского найдовалися, з

которихъ селъ всегда до города ж Гелмязова до общенароднихъ повинностей употреблювано посполитихъ людей, и временемъ и до дворовъ полковничихъ в малихъ работизнахъ потягано, з вѣдома сотницкого, и нынѣ ж по прежнему тотъ городъ и села в сотничомъ же ведомствѣ имѣются безъ жаднихъ крѣпостей, а на уряди нѣ на якіе не надлежали и в подданствѣ нѣ у кого не были.

Свободное.

105. Село *Нехайки* и село *Каврай* и село *Подставки* здавна были свободніе войсковіе, а належали до сотнѣ Гелмязовской, а за Самойловича гетмана владѣли Подставками Іванъ Сулима, тогдашній сотникъ Гелмязовскій, а Нехайками Леонтій Папкевичъ, бывшій судія полковій Переясловскій, а по нихъ по унѣверсалу и жалованной грамотѣ владѣлъ Стеѳанъ Томара, полковникъ Переясловскій, а селомъ Кавраемъ нихто прежде не владѣлъ, понеже оное населено на купленной землѣ его Томариной; а нынѣ владѣетъ сынъ его Томаринъ Василь по грамотѣ жалованной и по унѣверсаломъ гетманскимъ, даннимъ за вѣрніе и знатніе службы отца его в зуполное владѣніе.

По 8 пункту.

106. Село *Каленики*, по свѣдителству старожиловъ тамошнихъ, от давнихъ временъ свободное войсковое и в вѣдомствѣ сотничомъ безъ жаднихъ крѣпостей найдовалося, а въ року 1716 отдалъ гетманъ Скоропадскій вдовствующой Евдокіи Томаровнѣ и унѣверсаломъ своимъ ствердилъ в спокойное владѣніе. А нынѣ тимъ селомъ по тому ж гетманскому унѣверсалу и по указу блаженнія памяти Ея Императорскаго Величества, з Коллегіи Малороссійской до наказного полковника Афендика писанномъ, владѣетъ писаръ полковій Павелъ Черняховскій, а на урядъ тое село нѣкогда нѣ на якій не бывало.

По 8 пункту.

107. Село *Безъпалчое*, по свѣдителству старожиловъ тамошнихъ, здавна было свободное войсковое, а за гетмана Самойловича владѣлъ перве онимъ Прокопъ Кулга, бывшій асаулъ полковій Переясловскій, а послѣ того судія полковій же Леонтій Папкевичъ, а послѣ тихъ отдано попу Доброницкому и унѣверсаломъ гетмана Скоропадского в 1709 году ствержено за прежніе канцелярскіе и протчіе войсковіе услуги в зуполное владѣніе, а нынѣ по смерти его по тому ж владѣетъ жена оного священника Доброницкого.

По 8 пункту.

Сотнѣ Пѣщанской.

108. Мѣстечко *Пѣщана*, по свѣдителству старожиловъ тамошнихъ, з давнихъ временъ войсковое свободное и подъ видѣніемъ сотниковъ всегда

найдуется, и тамошніе люде употребляютъся до общенароднихъ повинностей в подъводахъ и в даткахъ на компанѣйцѣ мѣсячномъ, а прежде и для наездовъ, но в ономъ мѣстечку на тое указу никакого не імеется.

Свободное.

109. В томъ же мѣстечку *Пѣщаной* 8 дворовъ, по свѣдителству старожиловъ, на свободной войсковой землѣ и до мѣстечка Пѣщаной належной люде поселились, и оніе люде до оного мѣстечка Пѣщаной принадлежали, а послѣ госпожа генералша Кантакузинова завладѣла, и нынѣ владѣетъ безъ жадного указу.

Свободное.

110. Село *Шабелники*, по свѣдителству старожиловъ тамошнихъ, з давнихъ временъ было войсковое свободное и надлежало до города Пѣщаной, а потомъ владѣлъ Іванъ Каневецъ, бывшій сотникъ Бубновскій, по унѣверсалу полковника Войци, а послѣ владѣлъ товаришъ войсковій Алексѣй Стеѳановичъ, по писму полковника Переясловского Стеѳана Томары, а по смерти Стеѳановичевой владѣла жена его, а послѣ, понявши еи за себе, Стеѳанъ Танскій владѣлъ тимъ селомъ безъ жадной крѣпости. А нынѣ владѣетъ сотникъ Пѣщанскій Семенъ Кандиба по унѣверсалу нынѣшнего гетмана господина Апостола, 1730 году данному на урядъ сотнитства.

По 10-му пункту на урядъ сотнитства.
По спорной челобытной в докладъ.

111. Деревня *Новая Гребля* на купленной землѣ бунчукового товариша Василія Томары за гетмана Скоропадского осажована, и нынѣ во владѣніи его ж. Василія Томари, найдуетъся, по купчимъ и по унѣверсалу гетмана Скоропадского.

Сотнѣ Золотоношской.

112. Городъ *Золотоноша*, по свѣдителству старожиловъ тамошнихъ, з давнихъ временъ подъ видѣніемъ сотничимъ найдуетъся и люде тамошніе в помощь к ратуши во всякихъ даткахъ и протчіихъ повинностяхъ надлежатъ. А села *Антиповка* и *Липовое* з' прежде суть войсковіе, и к диспозиціи гетманской надлежатъ, и суть подъ видѣніемъ сотницкимъ, однако ж во всякихъ даткахъ на компанѣйци мѣсячного и протчіихъ до города Золотоноши употребляются, но в ономъ городѣ на тіе села указу нѣтъ никакова.

Свободное.

113. Село *Богославецъ*, по свѣдителству старожиловъ тамошнихъ, здавна есть войсковое, к диспозиціи гетманской надлежитъ, а в вѣдомствѣ сотничомъ найдуется, однако ж в общенароднихъ повинностяхъ к городу Золотоношѣ прислушаетъ и нынѣ есть оное свободное.

Свободное.

114. Села *Драбовцы*, *Сенковцы* и по *Ковтуни*, свѣдителству старожиловъ тамошнихъ, здавна были войсковіе и надлежали до сотнѣ Золотоноской, а в року 1676 бывшій полковникъ Переясловскій Войця, а по немъ и Мировичъ полковникъ владѣли; а нынѣ владѣетъ енерала-маэора Кантакузина жена, а по чему, крѣпостей не обявлено.

115. Селомъ *Олхами*, по свѣдителству старожиловъ, якъ запомнять, з давнихъ временъ владѣлъ полковникъ Іванъ Мировичъ, а нынѣ владѣетъ генералша Кантакузинова, а по чему, крѣпостей не обявлено.

116. Слободка надъ рѣчкою Згарю. По свѣдителству старожиловъ Золотоноскихъ, прежде тамъ людей не бывало, но генералъ-квартермистръ Штофель иноземецъ в 1724 году, купивши тамъ землю, населилъ людми. а по якому указу, не обявилъ.

По 8 пункту.

117. Слободка надъ рѣчкой Згарю. По свѣдителству старожиловъ Золотоношскихъ, оную землю, где тая осѣла слободка, купивъ Яковъ панъ Лизогубъ, обозній енералній, послѣ Мировича в 1717 году. а люде осѣли 1726 году, а по якому указу оная генералша завладѣла тоею землею и людей населила, неізвестни старожилы, и указу на тое не обявлено.

118. Село *Мицаловка*, по свѣдителству старожиловъ тамошнихъ, прежде было войсковое свободное и надлежало до города, а потомъ владѣлъ онимъ значковій товаришъ Мирунъ Гавришенко, а по немъ знову до сотнѣ прислушало, а послѣ владѣлъ Александеръ Сулима, судія полковій Переясловскій, а по немъ сынъ его Михайло по писму полковника Томары, а по смерти тихъ досталось во владѣніе дочери судьи Сулими, и указомъ з енералной войсковой канцеляріи в року 1720 во владѣніе определено до указу, и потому и нынѣ владѣетъ сотникъ Трехтемировскій, мужъ оной Сулимовни, тимъ селомъ Мицаловкою.

По 8 пункту.

119. Село *Слободка Слюжчина*, по свѣдителству старожиловъ тамошнихъ было нѣякогось ляха Слюзки прежнихъ временъ, а послѣ Дмитрашко, полковникъ Переясловскій, отдалъ на Золотоноскій Красногорскій монастиръ в 1680 году, якое в року 1709 унѣверсаломъ гетмана Скоропадского на тотъ монастиръ стверженo, почему и нынѣ тимъ селомъ законники тамошніе владѣють

По 8 пункту.

Сотнѣ Кропивянской.

120. Мѣстечко *Кропивная*, по свѣдителству старожиловъ тамошнихъ, з давнихъ временъ к диспозиціи гетманской надлежало, и подъ видѣніемъ сотницкимъ найдуется, и люде тамошніе в помочъ к городу во всякихъ даткахъ и протчіихъ повинностяхъ надлежатъ.

Свободное

121.

Села *Дени* и *Панское*, якъ старожили запомнять, с' прежде суть войсковіе свободніе, и к диспозиціи гетманской надлежатъ, и подъ видѣніемъ сотницкимъ обретаются, токмо во всякихъ даткахъ на компанѣйци мѣсячного и протчіихъ до города Кропивной употребляются, но в ономъ городѣ на тіе села указу нѣтъ никакова, и оніе никогда во владѣніи ни в кого не бували.

Село *Чеховка* и село *Крутки* на булаву гетманскую, по свѣдителству старожиловъ, належать, и називается волость Чеховская, с протчіими сели, в сотнѣ Ірклѣевской найдуючимися, якіе именно в той же сотнѣ означени, и нынѣ во владѣніи гетманскомъ обрѣтаются.

Свободное.

122. Село *Богушкова Слободка*, по свѣдителству старожиловъ тамошнихъ, прежде было свободное войсковое и надлежало до сотнѣ Кропивянской, а потомъ надлежало до двору гетманского за Мазепи, а послѣ гетманъ Скоропадскій полковнику Переясловскому Стефану Томарѣ отдалъ и нынѣ по смерти его владѣетъ сынъ его Василій, по унѣверсалу гетмана Скоропадского в року 1715 и по унѣверсалу нынѣшнего гетмана господина Апостола, даннимъ за знатніе услуги войсковіе отца его в спокойное владѣніе.

По 8 пункту.

123. В мѣстечку *Кропивной*, в селахъ *Панскомъ*, *Денгахъ*, *Чорнобаяхъ*, в *Богушковой Слободцѣ* Печерского монастира законники населили немалое число людей на войсковой землѣ сами собою, и владѣютъ оними людми безъ жадного указу.

124. Село *Желѣзки*, по свѣдителству старожиловъ, здавна к сотнѣ Кропивянской надлежало и суть свободное войсковое и во владѣніи ни в кого не бувало.

Свободное.

Сотнѣ Ірклѣевской.

125. Мѣстечко *Ирклѣевъ*, по свѣдителству старожиловъ, здавна к диспозиціи гетманской надлежить и подъ видѣніемъ сотницкимъ найдуется.

Свободное.

126. Села *Ревбинцѣ* и *Лихолѣтки*, *Котловъ*, *Крутки*, *Красносхижинцѣ*, *Бѣлки*, *Сомовиця*, *Мотишинцѣ*, *Скородистикъ*, *Мойсѣнцѣ*, *Бузки*, *Пищики* и *Демки*, по свѣдителству старожиловъ, з древнихъ временъ суть свободніе войсковіе, к диспозиціи гетманской надлежатъ, и в вѣдомствѣ сотниковъ

найдуются, и токмо во всяких приключаючихся повинностех общенародних люде тамошніе употребляются, а во владѣніи ни в кого никогда не бывали.

Свободніе.

А село Котловъ по 8 пункту, поневе при слѣдствію явилъ унѣверсалъ и копія оного при семъ сообщена.

127.

Село *Каневцъ*, по свѣдителству старожиловъ тамошнихъ, з давнихъ временъ было свободное войсковое, надлежало до сотнѣ Ірклѣевской, а потомъ Стеѳанъ Томара за своего полковничества отдалъ былъ во владѣніе оное намѣснику Ірклѣевскому Івану Потапенку, а после оного досталось Костантію Яковлеву, сотниковѣ Кропивянскому, и унѣверсаломъ гетмана Скоропадского стверджено за услуги войсковіе, почему и нынѣ по смерти оного жена его вдовствующая владѣетъ.

По 8 пункту.

Села *Чорнобаи, Васютинцъ, Воронинцъ, Старое* до волости Чеховской надлежатъ, а оная волость, по свѣдителству старожиловъ, на булаву гетманскую прислушаетъ, и нынѣ во владѣніи двору гетманского обретаются.

128. Село *Митки*, по свѣдителству старожиловъ тамошнихъ, было прежде войсковое свободное, и надлежало до сотнѣ, и было подъ видѣніемъ сотницкимъ, а послѣ от полковника Переясловского Івана Лисенка отдано Василю Завойку, а по немъ владѣлъ сотникъ Ирклѣевскій Славуй Требынскій по тому, что на урядъ надлежить, а крѣпости на оное ниякой не імеетъ.

По 10 пункту на урядъ сотництва.

129. Село *Мелники*, по свѣдителству старожиловъ тамошнихъ, прежде до сотнѣ надлежало и было подъ видѣніемъ сотницкимъ, а потомъ владѣли тимъ селомъ Андрей Кореновскій и Павелъ Черняховскій, писарѣ полковіе Переясловскіе, а нынѣ владѣетъ Карпъ Бурляй, бывшій писаръ полковій наказній, безъ жадного указу.

По 10 пункту на урядъ писарства по указу.

Сотнѣ Домонтовской.

130. Мѣстечко *Домонтовъ* и село *Дмитровка*, по свѣдителству старожиловъ тамошнихъ, з давнихъ временъ свободніе войсковіе, и в вѣдомствѣ сотниковъ всегда найдуются, и люде тамошніе употребляются до общена-

роднихъ повинностей в подводахъ и въ даткахъ на компанѣйцовъ, а прежде и для наездовъ, а во владѣніи ничіемъ не бывали.

Свободніе.

131. Село *Коробовка*, по свѣдителству старожиловъ тамошнихъ, з давнихъ временъ свободное было войсковое, и надлежало до мѣстечка Домонтова, а в 1721 году отдано Андрею Ковбасѣ, бывшому полковниковѣ компанѣйскому, которымъ жена его владѣетъ, по жалованной грамотѣ, в року 1721 данной, и по унѣверсаламъ гетманскимъ мужу ея во владѣніе до ласки войсковой.

По 8 пункту.

Сотнѣ Бубновской.

132. Мѣстечко *Бубновъ* и село *Прохоровка*, по свѣдителству старожиловъ тамошнихъ, з давнихъ временъ войсковіе свободніе, к диспозиціи гетманской надлежатъ и подъ видѣніемъ сотниковъ Бубновскихъ обретаютъся, и люде тамошніе посполитіе употребляются до общенароднихъ повинностей в подводахъ и в даткахъ на компанѣйцы мѣсячного, а прежде и для наездовъ, но в ономъ мѣстечку Бубновѣ на тое указу ниякого не імеется, и во владѣніи ничіемъ не бывалы.

Свободніе.

133. Село *Слободка*, по свѣдителству старожиловъ тамошнихъ, было свободное войсковое, а за гетмана Самойловича владѣлъ онимъ селомъ Іванъ Ѳурскій, бывшій полковникъ Каневскій, а по немъ Момотъ, а послѣ Пирогъ, а потомъ Александеръ Сулима, хоружій полковій Переясловскій, а нынѣ владѣетъ бунчуковій товарышъ Василій Томара по жалованной грамотѣ, от созданія мира 7200 году данной, и по унѣверсалу гетманскому, отцу его даннимъ за вѣрніе и знатніе войсковіе службы во вѣчное владѣніе.

По 8 пункту.

134. Село *Сушки*, по свѣдителству старожиловъ тамошнихъ, з давнихъ временъ было войсковое и надлежало до сотнѣ Бубновской, а послѣ за гетмана Самойловича отдано во владѣніе Івану Ѳурскому, бывшому полковниковѣ Каневскому, а по нему от гетмана Мазепи в 1708 году отдано Денису Деркачу, бывшому сотнику Бубновскому, и унѣверсаломъ Мазепи гетмана ствержено за услуги войсковіе в спокойное владѣніе. А по смерти его владѣетъ нынѣ жена оного Деркача з' синами по тому ж унѣверсалу и по другому гетмана Скоропадского, в року 1716 данному ей самой Деркачевой у потвержденне до ласки войсковой.

По 8 пункту.

Сотнѣ Лѣплявской.

135. Мѣстечко *Лѣплявое* и села *Келеберда* и *Решутки*, по свѣдителству старожиловъ, якъ они запамятаютъ, здавна свободніе войсковіе и всегда

суть в вѣдомствѣ сотника тамошнего; толко временемъ было для кошення сѣна и привозу дровъ до двору полковничого тамошніе посполитіе люде употребляются, а во владѣніи ничіемъ никогда не бывалы.

Свободніе.

136. Слободка надъ рѣкою Циблею. По свѣдителству старожиловъ Лѣплявскихъ, бывшій сотникъ Лѣплявскій Іванъ Гладскій за два роки передъ Чигриномъ перве занялъ гребелку на рѣчцѣ Циблѣ на войсковомъ грунтѣ, до полку належномъ, а потомъ в 1721 году населилися тамъ люде на войсковой же землѣ. А нынѣ владѣетъ тоею слободкою полку Чернѣговского Седневскій попъ Василій Гладскій по унѣверсалу гетманскомъ.

По 8 пункту.

В подленной ведомости подписъ таковъ: Василь Томара, полковникъ наказній Переясловскій. Полку Переясловского асаулъ Лука Василіевичъ. Сотникъ полковій Переясловскій Евстратій Гулакъ. Стефанъ Афендикъ, сотныкъ Баришполскій. Николай Афендикъ, сотникъ Воронковскій. Полку Переясловского сотнѣ Басанской сотникъ Семенъ Климовичъ. Григорій Зубченко, наказній сотникъ Лѣплявскій. А вмѣсто Михайла Прохоровича, сотника Бубновского, по прошенію его, Петро Карповичъ руку приложилъ. Во мѣсто Іосифа Павловича, сотника Яготинского, по его велѣнію, я, Петро Карповичъ, братаничъ его, руку приложилъ. Во мѣсто Кондрата Івановича, сотника Домонтовского, по его прошенію, я, Андрѣй Стефановичъ, канцеляріст полковой Переясловской канцеляріи, руку приложилъ. Во мѣсто Зѣновія Василіевича, наказного сотника Золотоноского, по его велѣнію, я, Павло Кучма, писаръ ратушній Золотоноскій, подписался. Вмѣсто Павла Поповича, наказного сотника Кропивянского, писати неумѣлого, по его велѣнію, сотнѣ Кропивянской писаръ Кононъ Петрашевичъ подъписался. Вмѣсто Сави Тоцкого, сотника Гелмязовского, писати неумѣючого, по его прошенію, Григорій Зубченко, товарышъ значковій полку Переясловского, подъписался. Вмѣсто Семена Кандибы, сотника Пѣщанского, по его прошенію, сотенній писаръ Кропивянскій Кононъ Петрашевичъ подъписалъся

По листамъ подписалъся писаръ полковой Переясловскій

Павелъ Черняховскій.

Канцеляристъ *Θедоръ Данилевскій.*

II.

1731 году генвара 16 дня. По указу Ея I. В-ва мы, нижей подписавшіеся, старшина енералная и полковники, слушавъ, приговорили согласно, которіе маетности приналежитости мѣютъ на чины полковниковъ, старшини полковой и сотниковъ, а которіе по заслугахъ и которіе въ вѣдомствѣ ра-

тушей найдуются и якіе сумнителніе суть и в докладъ приналежать, сымъ нижеслѣдующимъ образомъ:

1 статя.

Маетности, которіе надлежатъ на нѣкоторые чини:

Сотнѣ полковой первой.

10. Село *Вовчковъ*—30 дворовъ—на урядъ асаулства полкового, а теперъ владѣетъ нимъ значковій товарищъ Андрей Драбовецкій по женѣ, которая прежде была за асауломъ полковимъ Кирпичемъ, якому тое село унѣверсаломъ гетмана Скоропадского въ 1717 году определено было на урядъ асаулства полкового.

Сотнѣ второй полковой.

23. Село *Виповзки*—6 дворовъ—владѣетъ нимъ сотникъ Трехтемировскій Яковъ Рустановичъ, а дано ему оное отъ полковника Томары за працы писарскіе, якъ въ писмѣ его полковничомъ ізображено.

26. Село *Лецки*—15 дворовъ—на урядъ асаулства полкового, которымъ нынѣ асаулъ полковій Лука Василіевичъ и владѣетъ по унѣверсалу Скоропадского, на урядъ же данному.

Сотнѣ Борыспольской.

51. Деревня *Нестеровка*—11 дворовъ—владѣетъ сотникъ Борыспольскій Стефанъ Афендикъ по тому, что оная деревня на урядъ сотнитства надлежитъ.

Сотнѣ Басанской.

71. Село *Осовець*—24 двора, которымъ владѣетъ сотникъ Басанскій Семенъ Климовичъ по тому, что оное село на урядъ сотнитства надлежить,

Сотнѣ Яготинской.

81. Село *Лѣсняки*—15 дворовъ—на урядъ сотнитства тамошнего надлежить.

86. Село *Панфилы*—10 дворовъ—на урядъ, потому что многіе урядники прежде онимъ владѣлы.

87. Село *Ташань*—9 дворовъ—на урядъ полковничества, потому что многіе полковники прежде онымъ владелы.

Сотнѣ Ірклѣевской.

128. Село *Митки*—11 дворовъ, которымъ владѣетъ Славуй Требынскій, сотникъ Ірклѣевскій, по тому, что оное надлежитъ на урядъ сотничества.

129. Село *Мелники* —14 дворовъ—владѣть писару полковому, потому что оное надлежить на урядъ писарства по указу.

Сотнѣ Пѣщанской.

110. Село *Шабелники*—8 дворовъ—владѣетъ онымъ Семенъ Кандиба, сотникъ Пѣщанскій, потому что оное на урядъ сотнитства надлежить, якое ему нынѣ и унѣверсаломъ гетмана господина Апостола стверженo, а по спорной челобытной надлежить въ докладъ.

2. стат'я.

Маетности, которіе при владѣлцахъ мѣютъ найдоватися по монаршимъ жалованнымъ грамотамъ и по унѣверсаламъ гетманскимъ, за службы даннымъ.

Сотнѣ первой полковой.

12. Село *Скопинъ*—33 двора—владѣютъ онымъ бывшого хоружого енералного Сулими сыни по унѣверсалу гетмана Скоропадского, въ 1721 году данномъ отцу ихъ за услуги войсковіе.

Сотнѣ второй полковой.

18. Село *Козловъ*—12 дворовъ—владѣетъ онымъ полку Прилуцкого бунчуковій товаришъ Ѳедоръ Марковичъ по жалованной грамотѣ в 1718 году и по унѣверсалу гетмана Скоропадского в року 1712 даннимъ за службу.

20. Село *Студенки*—3 двора, которимъ владѣетъ Павелъ Черняховскій, писарь полковій, по унѣверсалу гетмана Скоропадского, в 1715 году данному за службу.

21. Село *Строкова*—9 дворовъ, которимъ владѣетъ Яковъ Рустановичъ, сотникъ Трехтемировскій, по унѣверсалу гетмана Скоропадского, тестевѣ его, судіи полковому, Александру Сулимѣ в року 1711 данному за службы его Сулимини.

28. Село *Хоцки*—12 дворовъ, которимъ владѣетъ бывшого полкового Переясловского сотника Івана Ілляшенка жена з сыномъ по унѣверсалу гетмана Скоропадского, в року 1716 мужу ея данномъ за услуги до далшой волѣ и ласки.

Сотнѣ Терехтемировской.

35. Село *Городище*—5 дворовъ, которимъ владѣетъ бывшого полкового хоружого Клима Іскри жена з вторимъ мужемъ своимъ, капитаномъ гварнизону Переясловского, фон-Валдекомъ, по унѣверсаламъ гетмановъ Мазепи и Скоропадского, первому мужу оной, Іскрѣ, даннимъ за услуги войсковіе.

36. Село *Увюнищи*—8 дворовъ, которимъ владѣетъ бывшого полкового хоружого Клима Іскри жена з синомъ, за вторимъ мужемъ, капитаномъ гварнизону Переясловского, фонъ-Валдекомъ, будучи, по унѣверсалу гетмана Скоропадского, в 1717 году данномъ первому мужу оной, Іскрѣ, за услуги войсковіе.

37. Слободка надъ рѣчкою Трубежемъ подъ Переясловлемъ, которою владѣетъ бунчуковій товаришъ Яковъ Полуботокъ, по унѣверсалу Мазепиномъ, дѣду его Леонтію Полуботку в 1699 году данному на осажение тоей слободки на купленной землѣ.

Сотнѣ Воронковской.

40. Село *Рудяковъ*—70 дворовъ, которимъ владѣетъ полковникъ Переясловскій Василій Кочубей по жалованной грамотѣ, в 1710 году данной во вѣчное владѣніе.

45. Село *Рогозувъ*—13 дворовъ—владѣетъ бувшого судіи полкового Переясловского Івана Берла жена з синомъ своимъ, священникомъ Андреемъ, по унѣверсаламъ гетмана Скоропадского, в 1712 и в 1721 годахъ даннимъ за услуги мужа еи.

Сотнѣ Борыспольской.

56. Село *Кучаковъ*—22 двори, которимъ владѣютъ бывшого енералного хоружого Івана Сулими сини по жалованной грамотѣ, отъ мира созданія 7198 году данной, и по унѣверсаламъ гетманскимъ за службы отца ихъ во вѣчное владѣніе.

Сотнѣ Барышовской.

60. Села *Сулиминцѣ*—14 и *Лебединъ*—22 двори, которимъ владѣють бувшого енералного хоружого Івана Сулими сыни по жалованной грамотѣ, отъ мира созданія 7198 году данной за службы отца ихъ во вѣчное владѣніе.

62. Село *Малая Старица*—12 дворовъ, которимъ владѣетъ бунчуковій товаришъ Григорій Максимовичъ по отвористому листу, в року 1711 до войта того села с посполитими отъ гетмана Скоропадского писанному, чтобъ отца его слушали во всякихъ потребахъ.

Сотнѣ Басанской.

67. Село *Крупполе*—30 дворовъ, владѣетъ онимъ Кіево-губернской канцеляріи переводчика Ѳедора Корбы жена з сынами по жалованной грамотѣ, в 1719 году данной мужу ея.

70. Село *Старая Басань*—15 и деревня *Кулажинцѣ*—8 дворовъ, которими владѣетъ бувшого пиркалаба Сороцкого жена з сынами по унѣвер-

саламъ гетмана Скоропадского, мужу ея даннимъ в 1712 и 1716 годахъ до ласки войсковой.

Сотнѣ Березанской.

73. Мѣстечко *Березань*—37, село *Семеновка*—7, деревня *Лехновиць*—5 дворовъ, которими владѣетъ бунчукового товариша Алексѣя Марковича жена Анастасія Забѣловна з сыномъ Василіемъ по жалованной грамотѣ и по унѣверсаломъ гетманскимъ.

74. Село *Недра*—33 двори, которимъ владѣетъ вишепомянутая жъ Алексѣева жена з сыномъ по жалованной грамотѣ и по унѣверсаломъ гетманскимъ.

75. Село *Паришковъ*—19, *Лукаши*—16, *Войтово село* з *Яресками*—17 дворовъ, которими владѣютъ бунчуковіе товарищи Андрей и Петро Дмитрашки по жалованной грамотѣ и по унѣверсаломъ гетманскимъ.

76. Село *Лукяновка*—18 дворовъ—владѣетъ онимъ Кіевогубернской канцеляріи бывшого переводчика Корбы жена з синами по жалованной грамотѣ

Сотнѣ Яготинской.

78. Слободка надъ рѣчкою Супоемъ—8 дворовъ—владѣетъ оною бунчуковій товаришъ Семенъ Лизогубъ по купчой.

79. Село *Войтовиць*—20 дворовъ, которимъ владѣетъ бунчуковій товаришъ Василь Томара по унѣверсаломъ гетманскимъ.

87. Село *Соснова*—18 дворовъ—владѣетъ бывшій полковникъ сердюцкій Гаврило Бурляй по унѣверсалу гетмана Скоропадского в 1715 году.

88. Село *Березовка*—9 дворовъ—владѣетъ бунчуковій товаришъ Андрѣй Думитрашко по унѣверсалу гетманскому.

89. Село *Черевки*—17 дворовъ—владѣетъ бывшого енералного асаула Бутовича жена з сынами по жалованной грамотѣ, в року 1718 данной.

90. Слободка *Безъуглювка*—25 дворовъ—владѣетъ оною бунчуковій товаришъ Ѳедоръ Марковичъ по купчой.

91. Тамъ же в *Безъугловиць*—16 дворовъ владѣетъ полковій Переясловскій сотникъ Eустратій Гулакъ по унѣверсалу, при семъ экстрактѣ сообщенномъ.

94. Деревня *Семеновка*—20 дворовъ—владѣетъ бунчуковій товаришъ Василь Томара по купчимъ и по унѣверсалу гетманскому.

96. Слободка надъ рѣчкою Супоемъ—10 дворовъ—владѣетъ адютантъ Ѳедоръ Вишневскій, а крѣпостей не явилъ.

98. Слободка надъ рѣчкою Иржавцемъ—8 дворовъ—владѣетъ сотникъ Яготинскій Іосифъ Павловичъ по писму своихъ сотнянъ, ему данному на тую землю, где тая слободка.

99. Слободка над рѣчкою Иржавцемъ—8 дворовъ—владѣетъ нею бунчуковій товаришъ Василь Томара по купчой.

102. Слободка *Пирловка*—15 дворовъ—владѣеть оною обозній енералній Яковъ Лизогубъ по куплѣ и по унѣверсалу гетмана Скоропадского.

103. Слободка надъ Чумъгакомъ, владѣеть оною Яковъ Полуботокъ, а крѣпостей не явилъ.

Сотнѣ Гелмязовской.

105. Село *Подставки*—15, *Нехайки*—8, *Каврай*—35 дворовъ, владѣеть бунчуковій товаришъ Василь Томара по жалованной грамотѣ и по унѣверсаломъ гетманскимъ во вѣчное владѣніе.

107. Село *Каленики*—6 дворовъ—владѣеть писаръ полковій Переяславскій Павелъ Черняховскій по унѣверсалу гетмана Скоропадского, року 1715 данному.

Сотнѣ Золотоноской.

116. Слободка надъ рѣчкою Згарю—15 дворовъ—владѣетъ иноземецъ енералъ-квартермистръ Штоѳель по купчой.

118. Село *Мицаловка*—6 дворовъ—владѣетъ сотникъ Терехтемировскій Яковъ Рустановичъ по женѣ по указу, з енералной войсковой канцеляріи данному до указу жъ.

Сотнѣ Кропивянской.

122. Село *Богушкова Слободка*—30 дворовъ—владѣетъ бунчуковій товарышъ Василь Томара по унѣверсалу гетмана Скоропадского, в 1715 году данному.

Сотнѣ Ірклѣевской.

127. Село *Каневцѣ*—7 дворовъ, которимъ владѣетъ бывшого Кропивянского сотника Константія Яковлевичова жена з дѣтми по унѣверсалу гетманскому.

Сотнѣ Домонтовской.

131. Село *Коробувка*—22 двора—владѣеть бувшого полковника компанѣйского Андрея Ковбаси жена Марія Максимовна по жалованной грамотѣ, в 1721 году данной.

Сотнѣ Бубновской.

133. Село *Слободка Бубновская*—30 дворовъ, которимъ владѣетъ бунчуковій товаришъ Василь Томара по жалованной грамотѣ и по унѣверсаломъ гетманскимъ во вѣчное владѣніе.

134. Село *Сушки*—37 дворовъ—владѣеть онимъ бывшого асаули полкового Деркача жена з сынами по унѣверсаломъ гетманскимъ до ласки.

66. Село *Волошиновка сотнѣ Барышовской*—7 дворовъ, которымъ владѣеть бывшого сотника Барышовского Ісаия Денисовича жена з дѣтми по унѣверсаломъ гетманскимъ до указу.

Сотнѣ 2 полковой.

24. Село *Малая Каратуль*—9 дворовъ, которими владѣетъ сотникъ полковій Переясловскій Еустратій Гулакъ по унѣверсалу гетманскому, которого копія з атестатомъ при семъ слѣдствіи сообщена.

25. Село *Вуйнинцѣ*—6 дворовъ—владѣетъ сотникъ полковій Переясловскій Еустратій Гулакъ по унѣверсалу гетманскому вышеписанному.

Сотнѣ Ірклѣевской.

Село *Котловъ*—8 дворовъ—з давнихъ временъ свободное; а при читанню слѣдствія в Глуховѣ 1731 году генвара 10 дня Дмитро Щербакъ, житель нынѣшній Прилуцкій, на оное село Котловъ явилъ унѣверсалъ гетмана Скоропадского, в 1714 году данній, до ласки, но оній Щербакъ тимъ селомъ по сее число не владѣлъ [1]).

3 стат'я.

Маетности, в вѣдомствѣ ратушей найдуючіеся по унѣверсаломъ гетманскимъ.

1. В городѣ *Переясловлѣ* мѣщане и цеховіе люде, таложъ загородніе подварскіе, за Гайшинскою брамою и за Великимъ мостомъ, найдуються во владѣніи ратуша Переясловского по унѣверсаламъ гетманскимъ, и людей тихъ всѣхъ 261 дворъ.

Сотнѣ первой полковой.

11. Село *Пристроми*, которымъ владѣетъ ратушъ Переясловская по унѣверсалу гетмана Скоропадского, в 1715 году данному.

Сотнѣ второй полковой.

29. Село *Комарувка*—6 дворовъ, которимъ владѣетъ ратушъ Переясловская по унѣверсаломъ гетманскимъ Мазепи и Скоропадского.

---

[1]) Въ подлинникѣ слѣдують два документа—прошеніе полковаго сотника, Евстратія Гулака, о возвращеніи ему селъ М. Каратули, Лецокъ и Войнинецъ, неправильно отъ него отошедшихъ, и копія универсала г. Скоропадскаго, даннаго ему 20 ноября 1715 г. на эти села. Мы помѣщаемъ эти документы во второй части.

Сотнѣ Барышовской.

57. Село *Селичовка*—34 двора, владѣетъ онимъ ратушъ Барышовская по унѣверсалу гетмана Скоропадского.

Сотнѣ Яготинской.

83. Деревня *Плужники*—3 двора, владѣетъ онимъ ратушъ Переясловская по унѣверсаломъ гетманскимъ.

84. Село *Полежаи*—10 дворовъ, владѣетъ онимъ ратушъ Переясловская по унѣверсаломъ гетманскимъ.

85. Село *Дениси*—22 двора, которимъ владѣетъ ратушъ Переясловская по унѣверсаломъ гетманскимъ.

4 стат'я.

Маетности сумнителніе и в докладъ надлежащіе.

Сотнѣ первой полковой.

6. Село *Борщовъ*—14 дворовъ, сотнѣ 1 полковой, владѣютъ онимъ монастира Переясловского Катедралного законники по унѣверсалу гетмана Скоропадского, в року 1716 данному в свободное владѣніе, а в докладъ надлежитъ потому, что прежде урядники многіе владѣлы.

7. Село *Гайшинъ*—13 дворовъ, которимъ владѣютъ монастира Катедралного Переясловского законники по унѣверсалу гетмана Скоропадского, в року 1716 данному, а в докладъ надлежитъ потому, что прежде онимъ всѣ полковники владѣлы.

8. Село *Гланишовъ*—10 дворовъ, которимъ владѣетъ значковій товаришъ Андрей Ѳрабовецкій по женѣ, якая прежде была за асауломъ полковимъ Кирпичемъ, которому тое унѣверсаломъ Скоропадского в 1720 году опредѣлено за услуги войсковіе: а в докладъ надлежитъ по спорной челобытной хоружого енералного, пана Якима Горленка.

Сотнѣ второй полковой.

17. Село *Великая Каратуль*—8 дворовъ, которымъ владѣетъ ратушъ Переясловская по унѣверсалу гетмана Скоропадского, в року 1716 данному, а в докладъ надлежитъ потому, что прежде онимъ полковники владѣли.

19. Село *Леляки*—7 дворовъ, которымъ владѣетъ ратушъ Переясловская по унѣверсалу гетмана Скоропадского, данному в 1715 году, а в докладъ надлежитъ потому, что многіе урядники, такъ и полковники Переясловскіе онимъ владѣлы прежде владѣнія ратушнего.

22. Село *Помоклѣ*—25 дворовъ, которимъ владѣютъ монастира Переясловского Михайловского законники по унѣверсалу гетмана Скоропадского, в 1714 году данномъ; а в докладъ надлежить потому, что прежде онимъ многіе полковники Переясловскіе владѣли.

Сотнѣ Трехтемировской.

30. Село *Стовпяги*—9 дворовъ, которимъ владѣетъ ратушъ Переясловская по унѣверсалу гетмана Скоропадского, в року 1716 данномъ, а в докладъ надлежитъ потому, что прежде многіе полковники Переясловскіе владѣли.

34. Село *Козинцѣ*—3 двора, которимъ владѣетъ значковій товарішъ Стеѳанъ Максимовичъ по писмамъ полковничимъ, а в докладъ надлежитъ потому, что прежде многіе полковники владѣли онимъ, а что в ратушу Переясловскомъ на оное імеетъся унѣверсалъ гетмана Скоропадского, в 1715 году данній.

Воронковской сотнѣ.

46. В местечку *Воронковѣ* слободка—40 дворовъ, владѣетъ значковій товаришъ Іванъ Берло, а в докладъ надлежить потому, что крѣпостей не явилъ; послѣ сей виписки явлени унѣверсали гетманскіе на оную слободку, что она на купленнихъ грунтахъ, и копіи з онихъ унѣверсаловъ взяти.

Сотнѣ Барышовской.

59. Село *Остромучче*—160 дворовъ, владѣетъ полковникъ Григорій Іваненко, а въ докладъ надлежить до справки с крѣпостми, понеже теперъ онихъ не явилъ.

Сотнѣ Басанской.

66. Деревня *Брагинцѣ*—8 дворовъ, владѣетъ бывшого судіи Чернѣговского Василія Томари жена; а в докладъ надлежитъ до справки с крѣпостми, понеже теперь онихъ не явила.

68. Село *Озеряне*—25 дворовъ, владѣетъ онимъ полковникъ Переясловскій Василій Танскій, а в докладъ надлежить до справки с крѣпостми, понеже теперь онихъ не явилъ.

72. Село *Щасновка*—19 дворовъ, которимъ владѣетъ значкового товариша Михайла Забѣли жена, а въ докладъ надлежитъ потому, что крѣпостей не явила.

Яготинской сотнѣ.

80. Село *Коломійцѣ*—8 дворовъ, владѣетъ онимъ бунчуковій товаришъ Яковъ Полуботокъ, а в докладъ надлежит потому, что крѣпостей не явилъ.

62. Село *Годуновка*—18 дворовъ, владѣють онимъ монастира Катедралного Переясловского законники, а в докладъ надлежитъ потому, что самы собою населили, а крѣпостей не обявили.

95. Деревня *Журавка*—23 двора, которою владѣютъ законники монастира Михайловского Переясловского; а в докладъ надлежить потому, что на войсковой землѣ осажено.

97. Слободка в Лозовомъ Яру новонаселенная—8 дворовъ, которою владѣютъ законники монастира Катедралного Переясловского, а в докладъ надлежитъ, что сами собою на волной землѣ поселили и крѣпостей не явили.

100. Слободка надъ рѣчкою Чумгакомъ—20 дворовъ, владѣетъ Лубенского полку сотнѣ Пиратинской козакъ Ѳедоръ Кохно, а в докладъ надлежитъ потому, что крѣпостей не явилъ.

101. Слободка надъ тоею жъ рѣчкою Чумгакомъ—15 дворовъ, владѣетъ енералши Кантакузиной братъ Матвей Андреевъ, а в докладъ надлежитъ потому, что на волной полковой землѣ населилъ и крѣпостей не явилъ.

14. Село *Ерковцы*, первой сотнѣ полковой,—30 дворовъ, которимъ владѣетъ бывшаго протопопи Максимовича сынъ Володимеръ; а в докладъ надлежитъ потому, что оное дано на церковь соборную Успенія Пресвятой Богородицы, в гварнизонѣ Переясловскомъ будучую.

Сотнѣ Воронковской.

47. Село *Старое*—30, *Калное*—12 дворовъ, которими владѣетъ сотникъ Воронковскій Николай Аѳендикъ по женѣ, якая прежде за Самуйломъ Сулимою была, а в докладъ надлежитъ до справки с крѣпостми, понеже онихъ не явилъ. По написанню сего на вишъ означенніе села оній Аѳендикъ явилъ крѣпости, а именно два унѣверсали гетманскіе, единъ Мазепинъ, другій Скоропадского, которіе бывшому хоружому енералному Сулимѣ, свекру жени Аѳендиковой, дани за знатніе службы войсковіе в спокойное владѣніе.

Сотнѣ Барышовской.

64. Село *Морозовка*—26 дворовъ, которимы владѣетъ войсковой енералной канцеляріи бывшего канцеляристи жена; а в докладъ надлежить потому, что и в ратушу Барышовскомъ на оное село імеется унѣверсалъ гетмана Скоропадского, 1709 году данній, и что она Володковская нынѣ крѣпостей не явила.

5 стат'я.

Монастирскіе маетности.

Сотнѣ первой полковой.

2. Село *Демянцъ*—18 дворовъ, владѣютъ Кіевского Межигорского монастира законники, а в докладъ надлежитъ потому, что прежніе полковники Переясловскіе владѣли и что крѣпостей не явили.

3. Село *Харковцъ*—10 дворовъ—владѣютъ того жъ монастира законники Межигорскіе.

4. Село *Войтовцъ*—14 дворовъ, владѣютъ онимъ монастира Катедралного Переясловского законники по унѣверсалу гетмана Скоропадского, в року 1710 данномъ.

5. Село *Мацковцъ*—25 дворовъ—владѣютъ того жъ монастира Катедралного законники по унѣверсалу гетмана Скоропадского.

9. Село *Сошниковъ*—53 двори—владѣютъ того жъ Переясловского монастира Катедралного законники по жалованной грамотѣ и по унѣверсалу гетмана Скоропадского.

13. Село *Любарцъ*—50 дворовъ, которимъ владѣютъ Дивичого Печерского монастира законницы, но крѣпостей не явили, а прежде онимъ владѣлы многіе урядники, писарѣ полковіе и асаулы.

15. Село *Дѣвички*—27 дворовъ, которимъ владѣютъ Кіевского Пустинного Николского монастира законники, но крѣпостей не явилы.

16. Село *Ковалинъ*—17 дворовъ, которимъ владѣютъ Кіевского Пустинного Николского монастира законники, но крѣпостей не явили.

Сотнѣ Трехтемировской.

31. Село *Ячники*—35 дворовъ, которымъ владѣютъ Кіевского Кирилского монастира законники, но крѣпостей не явили, а прежде оное во владѣніи нѣсколко полковниковъ Переясловскихъ найдовалося.

32. Село *Подъсѣнное*—9 дворовъ, которимъ владѣютъ Переясловского Катедралного монастира законники по жалованной грамотѣ и по унѣверсалу гетманскому.

33. Село *Андрушъ*—11 дворовъ, которимъ владѣютъ того жъ Катедралного монастира Переясловского законники по жалованной грамотѣ и по унѣверсалу гетманскому.

Воронковской сотнѣ.

41. Село *Койловъ*—36 дворовъ, которымъ владѣютъ Кіевского Софійского монастира законники, но крѣпостей не явилы.

44. Село *Вишенки*—86, *Гнѣдинъ*—48, *Ревное*—10, *Процевъ*—26 дворовъ, которыми владеютъ Кіевского Печерского монастира законникы, но крѣпостей не явилы.

Бо-ысполской сотнѣ.

52. Село *Іванковъ*—71 дворъ, которымъ владѣютъ Кіевского Флоровтского монастира Дѣвичого законницы, но крѣпостей не явилы.

53. Село *Сенкувка*—35 дворовъ, которымъ владѣютъ того жъ Дѣвичого монастира законницы, но крѣпостей не явилы.

54. Село *Требуховъ*—74, село *Дудурьковъ*—72 дворы, владѣютъ Кіевопечерского Троецкого монастира законники, но крѣпостей не явилы.

55. Село *Княжичи*—63, *Бортничи*—60 дворовъ, которымы владѣютъ Кіевского Пустинного Николского монастира законники, но крѣпостей не явилы.

Сотнѣ Барышовской.

58. Село *Ядлувка*—50 дворовъ, которимъ владеютъ Кіевского Братского монастира законники, но крѣпостей не явилы.

63. Село *Бзувъ*—34 дворы, которымъ владеютъ Кіевского Флоровского Дѣвичого монастира законницы, но крѣпостей не явилы.

Золотонуской сотнѣ.

119. Село *Слюжчина Слободка*—13 дворовъ, которимъ владѣютъ монастира Красногорского Золотоноского законники по унѣверсалу гетмана Скоропадского, 1709 году данному.

Кропивянской сотнѣ.

123. В мѣстечку *Кропивной*—34, в селѣ *Денгахъ*—9, в селѣ *Панскомъ*—12, в *Чорнобаяхъ*—21, в *Богушковой Слободцѣ*—29 дворовъ, владѣютъ Кіевского Печерского монастира законники, а населили тихъ людей на войсковой землѣ безъ жадного указу.

6 статʼя.

Маетности свободніе.

Сотнѣ Воронковской.

38. Мѣстечко *Воронковъ* з древнихъ временъ свободное войсковое, в диспозицѣи гетманской обретается, а во владѣніи подданическомъ ни в кого не бывало, а дворовъ в немъ 49.

48. Села *Саковъ* и *Зофіевка*—8 дворовъ, *Жеребятинъ*—7 дворовъ, свободніе войсковіе и во владѣніи ни в кого не бывали.

Сотнѣ Барисполской.

49. Мѣстечко *Борысполь*—67 дворовъ, войсковое свободное, в диспозиціи гетманской обретается, а во владѣніи ничіемъ не бывало.

50. В томъ же мѣстечку *Борысполь*—20 дворовъ, якими завладѣлъ былъ Бориспольскій сотникъ Стеѳанъ Аѳендикъ безъ указу, суть свободніе войсковіе и во владѣніи ничіемъ не бывали.

Сотнѣ Барышевской.

57. Городъ *Баришевка*—177 дворовъ, войсковое свободное, в диспозиціи гетманской обретаетъся, а во владѣніи ничіемъ не бывали.

57 (sic). Села *Дернувка*—24, *Селище*—35, *Коржъ*—7, *Рудницкое*—10, *Сезенковъ*—7, *Уласовка*—10 дворовъ, з древнихъ временъ суть свободніе войсковіе, к диспозиціи гетманской надлежащіе, а в подданствѣ ни в кого не бывали.

Сотнѣ Басанской.

65. Местечко *Басань* з футорами—229 дворовъ, з древнихъ временъ к диспозиціи гетманской надлежитъ, а во владѣніи ни в кого не бывало.

65. Село *Пѣски*—25 дворовъ, в подданствѣ ни в кого не было.

Сотнѣ Яготинской.

77. Мѣстечко *Яготинъ*—40 дворовъ з подварками, з древнихъ временъ в диспозиціи гетманской обретаетъся и во владѣніи ничіемъ не бывало.

82. Село *Ничипоровка*—12 дворовъ, свободное войсковое, до мѣстечка Яготина належитъ.

Сотнѣ Гелмязовской.

104. Мѣстечко *Гелмязовъ*—79 дворовъ, села *Богдани*—14, *Плешканъ*—14, *Чопилки*—6, *Горбанъ*—8, *Жорнокліови*—9 дворовъ, з древнихъ временъ к диспозиціи гетманской прислушаютъ, а во владѣніи подданическомъ ни в кого не бывалы.

Сотнѣ Пѣщанской.

108. Мѣстечко *Пѣщаная*—22 двора, з давнихъ временъ свободное, к диспозиціи гетманской прислушаетъ и в подданствѣ ничіемъ не было.

109. В томъ же мѣстечку *Пѣщаной*—8 дворовъ, которими завладѣла генералша Кантакузинова, а они суть свободніе и до мѣстечка надлежащіе.

Сотнѣ Золотоношской.

112. Мѣстечко *Золотоноша*—52 двора, села *Антиповка*—11, *Липовое*—17 дворовъ, з древнихъ временъ свободніе, к диспозиціи гетманской надлежащіе, а во владѣніи ни в кого не бывали.

113. Село *Богуславець*—13 дворовъ, в подданичествѣ ни в кого не бывало.

Сотнѣ Кропивянской.

120. Мѣстечко *Кропивная*—38 дворовъ, к диспозиціи гетманской прислушаетъ, а во владѣніи ни в кого не бывало.

121. Села *Дени*—10, *Панское*—1, *Желѣзки*—5 дворовъ, з давнихъ временъ свободніе, а в поданствѣ ни в кого не бывали.

Сотнѣ Іркліевской.

125. Мѣстечко *Иркліевъ*—34 двори, к диспозиціи гетманской надлежить и в подданствѣ ни в кого не бывало.

126. Село *Ревбинцѣ* и *Лихолѣтки*—10, *Крутки*—10, *Краснохижинцѣ*, *Бѣлки*, *Сомовиця*, *Моришинцѣ*—25 дворовъ, *Скородистикъ*—12, *Мойсѣнцѣ*—2 двори, з давнихъ временъ суть свободніе и в подданичествѣ ни в кого не бывалы.

Сотнѣ Домонтовской.

130. Мѣстечко *Домонтовъ*—59 дворовъ, село *Дмитровка*—8 дворовъ, з древнихъ временъ к диспозиціи гетманской надлежатъ и в подданствѣ ни в кого не бывалы.

Сотнѣ Бубновской.

132. Мѣстечко *Бубновъ*—33 двора, село *Прохоровка*—25 дворовъ, з древнихъ временъ свободніе. к диспозиціи гетманской прислушаючіе, и в подданствѣ ни в кого не бывалы.

Сотнѣ Лѣплявской.

135. Мѣстечко *Лѣплявое*, села *Келеберда* и *Решотки* з давнихъ временъ свободніе, к диспозиціи гетманской надлежащіе и въ подданствѣ ни в кого не бывалы.

Въ подленномъ екстрактѣ подписъ таковъ: Сей экстрактъ о маетностяхъ полку Переясловского, по свѣдителству старожиловъ и по крѣпостямъ, отъ владѣлцовъ взятимъ, сочиненній, старшина енералная и полковники слушалы и подписалися: Яковъ Лизогубъ, енералній обозній. За енералного писара правящій Михайло Турковскій. Асаулъ войсковій ене-

ралній Іванъ Мануйловичъ. Хоружій енералній Якимъ Горленко. Бунчучній енералній Іванъ Бороздна. Ігнатій Gалаgанъ, полковникъ Прилуцкій, во мѣсто его полковій Прилуцкій писаръ Өедоръ Галенковскій по его велѣнію подписался. Михайло Богдановъ, полковникъ Чернѣговскій. Антоній Танскій, полковникъ Кіевскій. Григорій Грабянка, полковникъ Гадяцкій. В место полковника полку Миргородского, Павла Апостола, того жъ Миргородского полку полковій обозній Василій Родзянка по его велѣнію подписался, для того, что онъ указомъ посланъ с полкомъ въ пограничніе места рады осторожносты отъ непріятелского нападенія, а за его, обозного, яко неграмотного, подканцеляристъ полковой Миргородской канцеляріи Петро Филиповъ руку приложилъ. В небытности господина полковника Стародубовскаго Александра Дурова обозній полковій Стародубовскій Афанасъ Есимонтовскій подписался. Во место полковника Полтавского Василія Кочубея, по его веленію, обозній полку Полтавского Лаврентій Никитинъ подписался, для того, что онъ по указу с полкомъ отправленъ въ пограничніе места для осторожносты отъ непріятелского нападенія, а за его, обозного, яко неграмотного, Дмитро Васілевъ Щербакъ, товаришъ полку Прилуцкого значковій, по его прошенію, руку приложилъ. Во мѣсто полковника Нѣжинского Івана Семеновича Хрущова, по его веленію, судія полковій Нѣжинскій Семенъ Чуйкевичъ подписался, для того, что онъ полковникъ для необходимой нужди от'ехалъ сего часу зъ Глухова в Нѣжинъ, купно и за себе подписался жъ. Ігнатій Сахновскій, обозній полку Чернѣговского. Обозній полковій Прилуцкій Михайло Огроновичъ. Во место обозного полкового Миргородского Василія Родзянки, по эго прошенію, Семенъ Климовичъ, полку Переясловского сотникъ Басанскій, подписался. Обозній полку Кіевского Өедоръ Ханенко. Полковій судія Гадяцкій Мартинъ Штишевскій. Судія полковій Стародубовскій Николай Ханенко. Судія полковій Прилуцкій Михайло Ягелнѣцкій.

Вышписанной подленной екстрактъ по листамъ скрепилы: Василь Томара, полковникъ наказній Переясловскій. Писаръ полковій Переясловскій Павелъ Черняховскій.

Свидѣтелствовалъ войсковій канцеляристъ Өедоръ Данилевскій.

Путешествіе іеромонаха Тарасія Коплонскаго въ Италію въ концѣ XVII столѣтія.

Извѣстій о путешествіи малороссіянъ въ „святыя мѣста“ мы почти не имѣемъ, хотя нужно сказать паломничество въ старой Малороссіи было очень распространено. Въ Малороссіи была своя святыня—Кіевъ, колыбель образованности и христіанства Русской земли. Къ нему со всѣхъ сторонъ шли цѣлыми толпами богомольцы. Мы, напримѣръ, имѣемъ сравнительно подробныя свѣдѣнія за апрѣль и май мѣсяцы 1744 года о богомольцахъ, идущихъ въ Кіевъ изъ Польши [1]). Свѣдѣнія эти сохранились случайно, попавъ въ вѣдомости проходящихъ черезъ форпосты; вѣдомостей этихъ, заключающихъ въ себѣ цѣнный матеріалъ для исторіи народной жизни XVIII столѣтія не только малорусской, но и великорусской, уцѣлѣло очень ограниченное количество. Чрезъ Безрадицкій форпостъ въ маѣ 1744 г. были пропущены идущіе въ Кіевъ для богомолья: 3 мая м. Канева и другихъ мѣстечекъ и селъ жители Калина Кахновъ съ товарищи мужеска и женска полу 163 душ.; 4 мая с. Играева и др. жители попъ Максимъ Ивановъ съ товарищи мужеска и женска полу 206 душ.; 5 мая м. Ходарова и др. жители попъ Михайла Терпиловскій съ товарищи 130 душ.; 7-го—м. Богославля жители Андрей Демченко съ товарищи 53 душ.; 8-го того же мѣстечка священникъ Филиппъ Романовъ съ товарищи 51 душ.; чрезъ Копачевскій форпостъ въ томъ же мѣсяцѣ пропущены: 1 мая по выдержаніи 7 дней въ карантинѣ с. Пинчуковъ жители Григорій Васильевъ съ 3 товарищами; 5-го—по выдержаніи 10 дней карантина Днѣстровскаго манастыря іеромонахъ Варсоноѳей, іеродіаконъ Венедиктъ и монахъ Сильвестръ; 6-го—м. Бѣлой Церкви жители Власъ Пономаренко съ 6 товарищи (по выдержаніи 10 дней карантина). Чрезъ Мало-Салтановскій форпостъ: 1 мая пограничнаго с. Антонова и др. жители Мойсей Игнатовъ съ товарищи 43 душ.; 2-го—пограничнаго с. Жукова и др. жители Ѳедоръ Ѳедоровъ съ товарищи 40 душ., 4 того же села и др. Иванъ Васильевъ съ товарищи 90 душ.; 5-го—пограничнаго с. Селезенецъ и др. Ѳедоръ Васильевъ съ товарищи 143 душ.; 6-го—пограничнаго с. Сквиры и др. Василій Діонисовъ съ товарищи 17 душ.; 11-го—м. Погребищъ Михаилъ Свистуновъ съ товарищи 12 душ. Чрезъ Ханбенковскій форпостъ по выдержаніи 10 дней карантина пропущены въ Кіевъ для богомолья: 1 мая м. Бѣлой Церкви и др. жители въ числѣ 87 душъ; 2-го—с. Лабачева жителька

[1]) Свѣдѣнія эти почерпнуты мной изъ Кіевскаго Центральнаго Архива. Старыя дѣла Кіевскаго Губернскаго Правленія. Отдѣлъ о колонизаціи и переселеніяхъ.

Настя Чопиха съ товарищи 7 чел.; 2-го мая м. Турчина и др. жители Тимоѳей Зубъ съ 64 товарищами; того же числа м. Томашполя жители Андрей Яценты (?) съ 9 товарищами; 3 мая м. Бѣлой Церкви и др. жители Василій Ястребенко съ 184 челов.; 4-го—м. Тетіева и др. жители попъ Іосифъ Аѳанасьевъ съ товарищи 75 челов.; 5-го—м. Бѣлой Церкви жители Моисей Трофимовъ съ товарищи 11 челов.; того же числа м. Дашева и др. жители попъ Антоній Ѳедоровъ съ товарищи 24 чел.; 6-го— с. Соколовки и др. Яковъ Васильевъ съ 23 товарищами; 7-го—м. Антонова жители Иванъ Хоменко съ 17 товарищами; 8-го—м. Торчицы Иванъ Бѣлищенко съ товарищи 11 душ.; 12-го—м. Щурова жители Матѳей Павловъ съ 4 товарищами. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ того же 1744 года пропущены въ Кіевъ для богомолья: чрезъ Васильковскій форпостъ 26 Апрѣля изъ пограничнаго села Барахтъ жители Антонъ Степановъ съ 4 товарищами по выдержаніи 7 дней карантина; и чрезъ Безрадницкій форпостъ апр. 6-го с. Яцекъ житель Илья Ивановъ съ товарищемъ и 27 апр. м. Богуслава жители Яковъ Кравецъ съ 29 товарищами. 1744 годъ не отличался ни чѣмъ отъ другихъ годовъ: такія путешествія въ Кіевъ для богомолья совершались ежегодно [1]). Разбросанныя въ дѣлахъ бывшей Малороссійской Коллегіи [2]) свидѣтельства указываютъ, что въ ревности посѣщенія Кіева съ религіозной цѣлью населеніе сегобочной Украины врядъ ли уступало населенію тогобочной.

О паломничествѣ малороссіянъ въ отдаленныя мѣста, мѣста, находящіяся далеко за предѣлами своей родины, всѣ свѣдѣнія пока, какъ мы знаемъ, исчерпываются только однимъ извѣстіемъ о классическомъ путешествіи Кіевлянина Барскаго [3]). Во время своихъ занятій въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ я встрѣтилъ описаніе путешествія малороссійскаго священника Тарасія Коплонскаго въ Баръ для поклоненія мощамъ Святителя Христова Николая Чудотворца [4]) Памятникъ, заключающій въ себѣ это описаніе, является интереснымъ во многихъ отношеніяхъ, почему я счелъ нужнымъ привести его цѣликомъ тѣмъ болѣе, что въ то время, какъ имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи свѣдѣнія относятся къ XVIII столѣтія, печатаемый мною памятникъ сообщаетъ факты болѣе ранняго времени, конца XVII столѣтія. Издавая этотъ важный памятникъ, мы можемъ пожалѣть только о томъ, что это—не путевыя записки, куда туристъ заноситъ свои личныя впечатлѣнія и всѣ подробности путешествія, а оффиціальный отчетъ, заключающій въ себѣ сухой перечень фактовъ и именъ.

М. Плохинскій.

---

[1]) Кіевскій Центральный Архивъ ibid.

[2]) Въ Харьковскомъ Историческомъ Архивѣ.

[3]) Издано при Академіи Наукъ 1778 года.

[4]) Московскій Главный Архивъ Министерства Иностр. Дѣлъ. Дѣла Малороссійскія 1698 года мая 22 д. № 27.

Роспросъ присланному отъ Патриарха въ Малороссійской Приказъ іеромонаху Тарасію Коплонскому, бывшему для поклоненія въ Италіанскомъ городѣ Барѣ и отпускъ его въ Черниговъ.

26 г. Маия въ 22 день въ приказе малыя росиі школной учитель Николай Семеновъ сказалъ, что прислалъ съ нимъ въ приказъ Малыя росиі святѣйшиі Киръ Адрианъ архиепископъ московскиі і всеа росиі і всѣхъ сѣверныхъ странъ патриархъ чернца, чтобъ ево роспросить, которого онъ города уроженецъ и гдѣ былъ.

И по указу великого Государя, а по приказу думного дьяка Емельяна Игнатьевича Украинцова съ товарыщи тотъ чернецъ въ приказъ малыя росиі принятъ и роспрашиванъ, а въ роспросе сказался.

Зовутъ ево Тарасиемъ, а в бѣлцахъ імя ему было Тимоѳѣй Івановъ сынъ по прозвищу Поклонскиі, родился в малоросиіскомъ городе Конотопе, отецъ ево въ томъ городе былъ у церкви Успения Пресвятыя Богородицы священникомъ, а ныне въ Батуринскомъ Крупицкомъ монастырѣ чернымъ священникомъ, и какъ онъ пришелъ въ возрастъ, і слыша, что въ Киеве въ школахъ благочестивые вѣры люди многие въ науке пребываютъ, и онъ, того ж желая, принявъ благословение от отца своего, пошелъ въ Киевъ і былъ въ школахъ въ науке: учился грамматики, синтаксису, поэтики у казнадѣя киевскихъ школъ у Митроѳана Прокоповича три года, а іс Киева былъ за польскимъ рубежемъ в городе в Нѣсвиже три ж года, и учился в школе ж реторики у езувита у Юдейка три ж года, аттуду былъ во Львовѣ і учился реторики ж і ѳилосоѳиі у езувитовъ три ж года; а оттуду приѣхал по прежнему в малоросиіской городъ въ Конотопъ ко отцу своему; и тому ныне лѣтъ с шеснатцать отшел онъ Тарасиі отъ отца своего и по обѣщанію своему постриженъ въ Чернигове въ Елецкомъ монастырѣ отъ преосвященного епископа Черниговского Лазаря Барановича и поставленъ во священники; і въ прошломъ въ 205 м году въ ыюне мѣсяце, взявъ благословение того монастыря отъ священника отъ отца своего духовного Іосиѳа, потому что въ томъ монастырѣ тогда архиепископа не было, по обѣщанію своему намѣрилъ итти святителя Христова Николая чюдотворца мощамъ поклонитца въ Баръ градъ. И іс того монастыря вышедъ, былъ въ монастырѣ Макошинскомъ, которой отъ Батурина въ четырехъ миляхъ, при митрополите Батуринскомъ Никодиме з год, и оттуду приѣхалъ въ Киевъ въ печерскую лавру и жилъ въ томъ монастырѣ три дни і, взявъ у архимандрита Іоасаѳа Кроковского листъ, поѣхалъ за полской рубежъ, і ѣхалъ на Подлѣсье, на Жолковъ, на Краковъ; і въ канцеляриі мѣской взяв проѣзжей листъ, ѣхалъ ис Полши на ческую землю на Прагу, а в Праге взявъ іс канцеляриі проѣзжей же листъ у арцыпискупа пражского, ѣхалъ цесарскою землею на городы владѣния Баварского князя на городъ Ми-

нихенъ, а із Минихена на Авшпуркъ, на Теролю, на Іншпрукъ, а оттуду ѣхалъ до Венецкого княжества. И былъ въ Венецыи недѣли з две, а із Венецыи ѣхалъ на Падву, на Ѳерары, а іс Ѳерары ѣхалъ на городы владѣнія папы римского на Бононию, на Анконию, что стоітъ при бѣломъ море. И подъ тѣмъ городомъ у пристани карабелной былъ онъ на карабле у столниковъ у Михайла Хилкова з братями, а із Онконіи был в Лорете, гдѣ домъ праведныхъ богоотецъ Іоакима и Анны и прикладывался къ блюду пресвятыя Богородицы, на которомъ она кушала; іс того блюда взялъ воды; і в Лорете былъ на іcповѣди у ксенза римские вѣры для того, что бес того свидѣтелственныхъ листовъ о бытиі ево не даютъ. А оттуду приѣхалъ в Римъ; і в Римѣ на іcповѣди былъ же у ксенза ж румские ж вѣры; и сказывался онъ въ Римѣ, что онъ римские вѣры законникъ, а потомъ былъ въ костеле, гдѣ лежатъ мощи святыхъ верховныхъ апостолъ Петра и Павла. И побывъ въ Риме три дни, ѣхалъ владѣния гишпанскаго короля на городы на Ниаполь, а із Ниаполя в Баръ градъ. И не доѣзжая того города, въ дороге видѣлся с столники съ князь Дмитрѣемъ да съ Петром Голицыными, съ Васильемъ да съ Володимеромъ Шереметевыми, съ Аврамомъ Лопухинымъ, съ Михайломъ Ртищевымъ, съ князь Яковомъ Лобановым. И въ Баре граде будучи, видѣлъ мощи святителя Христова Николая: лежатъ въ костеле великомъ; кругомъ гробницы лампады серебреные золочены, на гробнице вылитъ із серебра образъ святителя Христова Николая; і въ томъ городе Баре іcповѣдывался жъ отъ езувита, тамо началствующаго, і былъ въ томъ городе три дни; і взявъ отъ мощей святителя Николая мира, возвратился назадъ тѣмъ же путемъ. І въ цесарской землѣ будучи въ городе Ашпурке въ монастыре ѳранцыжканскомъ, слышалъ отъ законниковъ, что цесар съ ѳранцузскимъ королемъ помирился, і французъ хочетъ итит войною на турковъ, і многие карабли къ тои воинѣ изготовлены, і пойдутъ под городы Ерусалимъ і Виѳлиемъ моремъ, такъ же і венецыяне идутъ же войною моремъ же, а цесарь и гишпанской король сухимъ путемъ, а великиі Государь со многими силами пойдетъ подъ Царь град; а із Ашпурка былъ въ цесарскомъ столномъ городе Вѣне и при ево въ томъ городе бытности цесар и с цесаревою былъ въ костелѣ и молебствовали о примирениі съ ѳранцузомъ, а із Вѣны ѣхалъ на полские городы—на Варшаву, на Гродню; і въ то время въ Гродне гетманъ Сапѣга збиралъ на сеймикъ шляхту, чтоб воевать Огинского, которому нынешней король приказалъ воевать Сапѣгу; и шляхта Сапѣгины воевать Огинского не поволили; а при Сапѣге было войска съ четыре тысячи человѣкъ, а із Гродни ѣхалъ онъ на Минскъ, на Могилевъ, а із Могилева въ Смоленескъ; і въ Смоленску явился боярину і воеводе Петру Самойловичю Салтыкову, і взявъ проѣзжей листъ, приѣхалъ къ Москвѣ

Маия въ 16 день самъ другъ съ челядникомъ, которой пристал къ нему въ Полше и явился святѣйшему патриарху и поднесъ ему отъ мощей святителя Христова Николая мира скляночку, которой взялъ въ Барѣ граде, да ему жъ обявлялъ три листа, одинъ изъ Баръ-града, другой із Риму отъ папы, третей із города Лорета із дому святых и праведныхъ Бога отецъ Іоакима и Анны.

Да он же къ Великому Государю привезъ святини святителя Христова Николая мира скляночку.

Да онъ же Тарасиі обявилъ писма латинского і белоруского писма.

И тѣ листы у него въ приказъ малыя Росиі приняты и переведены. а в переводе написано:

В листу преосвященнаго Никодима митрополита Батуринского.

Всякому, кому о томъ вѣдати належитъ, объявляемъ симъ нашим писаниемъ, что честныи братъ иеромонах Тарасиі каплонскиі оказатель сего свидѣтелства за благословениемъ нашимъ архиерейскимъ в киевъ преподобным и богоносным отцемъ печерскимъ поклонитися ѣдетъ, за которымъ до ваших милостеи дабы былъ честно безо всякой шкоды препятия вездѣ пропущенъ, прошение наше покорное приносимъ. Данъ в монастирѣ макошинскомъ 1697-го года апрѣля въ 27 день.

Внизу подписано архиерейскою рукою Вышеімянованный архиерей рукою

В листу Киевопечерския лавры архимандрита Іоасава Кроковского.

Благодатию пресвятыя живоначалныя троицы и молитвами преблагословенныя владичицы нашея Богородицы і приснодѣвы Mapiі и преподобных отецъ наших Антония и Ѳеодосия и прочих святых печерских росиіскихъ чюдотворцевъ сподобившися указатель сего свидѣтелства нашего честныи іеромонахъ Тарасиі Коплонскиі достигнути святыя великія чюдотворныя лавры киево печерския і в ней посѣтити святыя пещеры і святыхъ преподобныхъ отецъ чюдотворцовъ и мироточивым мощамъ святымъ же исповѣданием по обычаю восточнаго благочестия совѣсть свою очистити и Христу Спасителю причащением пресвятаго тѣла и крове его соединитися всвояси з благословением от святыя великія чудотворныя нашея лавры отходитъ; онѣмъ же мы ізвѣстно творяще сие ему благословения знамение, аки даръ пречистенъ отъ святыхъ мѣстъ дати изволихом и да с нимъ божественная благодать всегда неотемлема пребываетъ Господа молитствуем, ему же того і вручаемъ. Данъ в святой великой чюдотворной лавре Киевопечерской в лѣто от созданія мира 7200-го, а от воплощенія же Господа Бога і Спаса нашего Иісуса Христа 1697-го мѣсяца маия 30-го дня.

В листу, каков данъ в Кракове в канцелярiи мѣской.

Бурмистръ і совѣтники города Кракова престолнаго Королевства полского всѣмъ обще і всякому особо, кому о томъ вѣдати належитъ, и кто ни есть сей пасъ честь будетъ объявивъ наше доброходство вѣдомо чинимъ, что объявитель сего листа честныи отецъ Тарасиі Каплонскиі іеромонах закона святаго Василия Великого по своему намѣрению путешествует в Римъ к порогамъ святыхъ апостолъ Петра и Павла і для посѣщения иныхъ святыхъ мѣстъ и чюдотворныхъ, которому дали есмы сей пасъ во свидѣтелство того, что слава Богу у насъ воздухъ здравый и чистой от всякого морового повѣтрия и для того, того монаха восхотѣли б безопасно пропущать и ему пособие и милостиню подавать, за что возмѣздие от Господа Бога восприімете и для лутшеи вѣры сей пасъ припечатать и подписать восхотѣли есмы. Данъ в Кракове іюля въ 9 день 1697-го году.

В низу печать градцкая.

Ѳронцѣшокъ Смолюковскиі города Кракова секретарь і писарь.

В листу Бурмистра Пражского.

Мы бурмистръ і сенат древняго города королевства ческаго города началного вѣдомо чинимъ всѣмъ обще, что объявитель сего паса братъ Тарасиі Коплонскиі закона святаго Василия Великого полякъ, пришед пред нас і просил проѣзжаго себѣ паса для подозрѣнія морового повѣтрия и мы поволили ему дат сей пасъ свидѣтелствуя, что у насъ Божиею милостию нѣтъ накакова злаго воздуха; в Праге августа въ 12 день 1697 году.

У того паса печать городовая.

В листу арцыбискупа Пражского.

Яганъ Іосифъ Божиею і престола Апостолскаго милостию архиепископ Пражскиі священного Цесарского престола князь і граѳъ Бревнеръ Посолъ природный нарочитаго Государства ческаго примас короля Ѳердинанда Общества Празкаго вѣковѣчный канцлѣръ.

Предложил намъ братъ Тарасиі Каплонскиі закона святаго Василия Великаго полякъ, что он хощет пороги святыхъ апостол Петра і Павла і дом Пресвятыя Богородицы Лавретанскои посетити и іные мѣста святыя, по Италиі обретающіеся, посетити просил насъ, дабы есмы ему пасъ для свидѣтелства подозрѣния морового повѣтрия дали и мы, его прошению склоняся, сеи пас дати велѣли. Данъ в архиепископскомъ собраниі духовном пражскомъ лѣта 1697-го Августа въ 9 день. У того паса печат и руки приписаны Винцеславъ Билексъ Збилемъ Берку началникъ.

Іосиѳъ архиепискупъ и канцлѣръ.

Въ листу римскомъ.

Образ печатныи святыхъ апостол Петра і Павла.

Всѣмъ обще сие писмо чтущимъ здравие о Господѣ мы нижеподписанные братства Исусова духовный святѣишаго Господина нашего папы в городе престолном первѣишаго апостолского началника Петра того ж города досмотрител честныи брат нашъ Тарасиі Каплонскиі священникъ и монахъ закона святаго Василия Великого полякъ перехожиі пороги святых Петра і Павла и престолъ апостолскиі очевидно посещалъ и пришедшаго смиренно его съ покаяниемъ къ таиному исповѣданию слушали есмы и отъ грѣховъ его апостолскою властию возложивъ на него спасительное покаяние разрѣшили есмы, чесо ради сей настоящиі листъ печатью собора апостолскаго кающихся припечатали и руками прямыми подписали. По его склонному прошению безмездно данъ в Риме у святаго Петра лѣта Господня 1697-го Ноября въ 3 день во время папежства святѣишаго о Христе отца нашего и господина господина Инокентия Божиім призрѣнием папы двенатцатаго лѣта 7-го.

У того листа печать папежская.

Отецъ Томашъ Игнатеи Дунинъ Шпот рукою.

Отецъ Базилиі Карбь Мольбь рукою.

В листу із Баръ града.

Образъ святителя Христова Николая внизу напечатанаго. Посещалъ святыя мощи преславного Чюдотворнаго ісповѣдника і папы отца нашего Николая, которой въ семъ престолномъ городе королевскомъ Баре опочиваетъ и чюдесными эвхаристиі таинами подкрепився причастился и нѣсколко сосудовъ мира іс тѣхъ же святѣйшихъ мощей его беспрестанно исходящих для богобоязства взял Христовъ раб Тарасиі Каплонскиі священник и монах закона святаго Василия, а для вѣры сей листъ ему дали есмы с подписью рукъ і с печатию мы законники тѣхъ же святѣйших мощей оберегатели, в Баре въ 29 день ноября 1697-го году. У того паса печат и рука приписана.

Архимандрихъ Исакиі Пукцыи каноник і оберегатель.

В листу Лавретанском

Образ Пресвятыя Богородицы лявретинские, а внизу у того образа напечатано:

Посещал сей домъ лявретинскои питателныи і прощеніе кающееся получилъ честныі отецъ Тарасиі Каплонскиі полякъ священникъ монахъ закона святаго Василия. Декабря въ 28 день 1697-го в том свидѣтелствую я Яганъ Цивинскиі езуитъ и при томъ ж дому духовныи.

В листу Неополитанском

Пасъ города Неаполи, а в нем написано по італиански о том, чтоб его вездѣ пропущать безопасно, не опасаясь морового повѣтрия. Ноября въ 18 день 1697 году.

(Отпускная грамота, данная Коплонскому въ Москвѣ).

Божіею милостію пресветлѣишаго и державнѣишаго Великого Государя Царя і великого князя Петра Алексѣевича всеа великия и малыя и бѣлыя Росиі Самодержца и многих Государствъ и земел восточныхъ и западныхъ і сѣверныхъ отчича і дѣдича і наслѣдника і Государя і обладателя нашего царского величества от царствующаго великого града Москвы по городомъ до Колугі, до Лихвина, до Белева, і до Болхова, до Карачева і до Сѣвска і до наших царского величества малоросійскихъ городовъ і до Чернигова воеводамъ нашимъ і приказнымъ людемъ, гдѣ кому о том вѣдати належитъ в нынешнемъ въ 206-мъ году июня въ—день по нашему великого Государя нашего царского величества указу отпущенъ с Москвы въ Черниговъ въ Елецкоі в монастырь иеромонахъ Тарасиі Поклонскиі и, какъ он в котороі городъ приѣдет і воеводамъ нашимъ і приказнымъ людемъ велѣть ево до Чернигова пропускать беззадержания и дават ему по московской подорожной по подводе, а какъ он приѣдетъ в Сѣвскъ і столнику нашему і воеводе князю Лукѣ Өедоровичю Долгоруково с товарищи давъ ему изъ Сѣвска до Чернигова подводу, какую пристойно, отпустит ево, Тарасия, із Сѣвска беззадержания на Новъ городокъ Сѣверской, не заимуя Глухова и Королевца и Батурина; а какъ он будет в наших царского величества малоросиіскихъ городѣх і нашего царскаго величества подданному воиска запорожского обоих сторон днепра гетману Івану Степановичю Мазепе полковником, сотникомъ, атаманомъ и всяким урядникомъ, гдѣ кому о том вѣдати належит, ево Тарасия до Чернигова по тому пропускать без задержания ж, а в малоросиіских городѣх подводы ему не давать для того, что велено ему подвода дат до Чернигова в Сѣвску. Писанъ въ нашем царствующем велицемъ граде Москвѣ лѣта 7206-го мѣсяца июня 3 дня.

(На оборотѣ 1-го листа написано: 206-го Мая въ 25 день чтено, взятъ въ столпъ).

Сказанія о провалившихся городахъ.

Сказанія о затонувшихъ городахъ, селахъ или монастыряхъ встрѣчаются во многихъ мѣстахъ Малороссіи и въ разныхъ другихъ странахъ въ пріуроченіи къ озерамъ, болотамъ и рѣкамъ. Во французской этнографической литературѣ давно уже обращено вниманіе на эти сказанія, и въ фольклорныхъ изданіяхъ, въ особенности въ *Revue d. traditions populaires* съ 1888 г., собрано много сказаній этого рода. Кромѣ того въ нѣмецкой литературѣ есть спеціальная монографія *Ахеллиса* о потопахъ, гдѣ собраны близкія народныя преданія о всемірныхъ потопахъ.

Не приводя обширной литературы о затонувшихъ городахъ и отсылая читателя по этому поводу къ Revue, мы остановимся на малорусскихъ сказаніяхъ этого рода и освѣтимъ ихъ небольшимъ числомъ сравненій съ сходными иноплеменными сказаніями, изъ наиболѣе полныхъ и художественныхъ.

Въ Ровенскомъ у. Волынской губ. вблизи села Высоцкаго въ лѣсу находится Почаевское озеро. По народнымъ разсказамъ здѣсь было нѣкогда село Почаево, которое провалилось въ землю. Въ ночь подъ Свѣтлое Воскресенье изъ глубины озера несется звонъ колоколовъ (*Rulikowski*, въ Zbiór wiadomosci III 73).

О находящемся вблизи Харькова Донецкомъ городищѣ недавно я слышалъ слѣдующее сказаніе: Давно на этомъ мѣстѣ былъ городъ, который пропалъ. Въ настоящее время кто плыветъ по р. Удамъ и всмотрится въ воду, то видитъ на днѣ рѣки остатки домовъ. Иногда лодка зацѣпляется за кресты церквей.

Подобнаго рода народную сказку Г. П. Данилевскій изложилъ стихами—„Озеро-слободка". Въ селѣ никто не далъ страннику воды, и вода залила село, которое превратилось въ озеро.

Легендарный характеръ сказаній этого разряда состоитъ въ основной морали—наказаніи злыхъ людей, и въ такихъ подробностяхъ, часто входящихъ въ варіанты, какъ замѣна села монастыремъ, появленіе святаго въ видѣ странника и т. п.

Нѣсколько своеобразнымъ характеромъ отличается слѣдующая галицко-русская сказка: злое чудовище Буняка преслѣдуетъ царицу Елену; на защиту ея выступаетъ царевичъ съ войскомъ. Буняка заклялъ царицу, и она съ дворцомъ, казною и людьми провалились; разъ только въ годъ въ ночь передъ пасхой и то на минуту она выходитъ на верхъ земли. Королевичъ, по заклятію Буняка, также провалился со всѣмъ войскомъ и выйдетъ онъ только впослѣдствіи для освобожденія Польши (*Sadok Baracz*, Bajki, podania ec. na Rusi, 2wyd. 1886, 76—80).

Великорусское сказаніе о сокрытіи отъ Батыя города Китежа отмѣчено въ Сборникѣ пѣсенъ *Кирѣевскаго* IV 2 отд. CXVIII и въ ст. *Гацискаго* въ Древней и Новой Россіи 1877 XI. Мѣсто Китежа пріурочено къ одному озеру въ 40 верстахъ отъ г. Семенова Нижегородской губ. Избранные люди, какъ гласитъ народная молва, могутъ слышать колокольный звонъ въ церквахъ исчезнувшаго города. Подобнаго рода великорусскія сказанія см. еще у *Аѳанасьева* Рус. народ. сказки II 630 и *Садовникова*, Сказки и пред. Самарск. края § 117.

Преданіе о городѣ Китежѣ объяснялось или какъ преданіе о свайныхъ постройкахъ (*Знаніе* 1876 III 16) или какъ проявленіе древняго культа озера Свѣтлояра, съ добавочными предположеніями, что преданіе было измѣнено раскольницкими книжниками и приложено къ нашествію Батыя. Проще будетъ объясненіе психологическое и литературное, съ примѣсью легкой исторической окраски. „Не говоримъ, замѣчаетъ *С. Максимовъ* въ „Крылатыхъ словахъ" (42), о чрезвычайномъ множествѣ провалившихся городовъ съ церквами, которыя не перестаютъ въ извѣстные дни слышно звонить и подъ землей, и подъ водами въ рѣкѣ нижегородскаго города Большаго Китежа. Въ одной Бѣлоруссіи я знаю такихъ мѣстъ болѣе десяти".

Въ литовскую сказку на распространенную тему о божіемъ правосудіи и неизбѣжности наказанія за убійство вошла сказка объ утонувшемъ домѣ. Парень убилъ купца, женился, жилъ въ довольствѣ сто лѣтъ, а затѣмъ дворъ его правалился; на мѣстѣ двора появилось озеро, на которомъ плавалъ только столикъ съ книгами свящ. писанія (*Karlowicz*, въ Zbiór Wiadomosci XI 277).

Въ Литвѣ роль Китежа въ сказаніяхъ играетъ городъ, нынѣ озеро Свитезь (см. *Минскій Листокъ* 1892 № 55). Сказаніе о Свитезѣ хорошо было извѣстно Мицкевичу.

Польскія сказанія этого рода см. въ *Wisla*, 1889 IV 936, 1890 III, 1891 I 10, 16, 18.

Въ болгарскомъ разсказѣ „Како е станала мечката, маймуната и славето" обнаруживается библейское вліяніе. Жители одного города, не названнаго въ разсказѣ, за нечестіе были наказаны потопомъ. Въ этомъ городѣ

былъ только благочестивый священникъ съ тремя дочерьми. Пророкъ посовѣтывалъ ему скорѣе уйти изъ города и запретилъ дочерямъ оглядываться на городъ. Дочери оглянулись и увидѣли, какъ городъ опускался въ воду. Отецъ за непослушаніе проклялъ ихъ, и онѣ обратились въ „мечку, маймуна и славе“ (*Сборн.* за нар. умотв. VII 133). Другія болгарскія сказанія этого рода см. въ *Сборн.* за нар. умот. II 204 и у *Миладиновыхъ* (въ концѣ сборн. пѣсенъ).

Въ Чехіи записано, такъ сказать, перелицованное и вывороченное наизнанку сказаніе. Одно луговое мѣсто у Лнаржа называется „Озерами“. Нѣкогда здѣсь было озеро. Одинъ колдунъ очертилъ вокругъ себя кругъ, вызвалъ демоновъ и велѣлъ имъ выносить изъ озера воду. Когда онъ потомъ потребовалъ, чтобы демоны налили воды, оказалось, что время его могущества надъ злыми духами окончилось. Онъ провалился подъ землю, а лугъ такъ и остался лугомъ. (*Narodni pisne*, *pohadky* и пр. изд. Slavia, 1878 II 128).

Альбертъ Великій говоритъ, что одинъ святой не получилъ въ Ирландіи пріюта въ замкѣ въ бурную ночь, и обитатели замка понесли вскорѣ наказаніе: замокъ со всѣми постройками и сосѣдними лѣсами и рощами провалился и на его мѣстѣ возникло озеро (*P. S.*, въ Revue d. trad. pop. 1892 I 25). Эта средневѣковая легенда близко стоитъ къ той малорусской сказкѣ, которой воспользовался Данилевскій въ „Озеро—слободка“.

Тотъ же Альбертъ Великій сообщаетъ далѣе легенду, что въ Бретани былъ очень порочный городъ Исъ. Особенно порочна была дочь царя Туль-Дагю. Святый Генноле предсказалъ гибель города, и, по его совѣту, царь Гралонъ выѣхалъ изъ города со своими друзьями и слугами. Поднялась буря, и море залило порочный городъ, причемъ погибла и Туль-Дагю (*P. S.*, Revue d. trad. pop. 1892 I 25).

Любопытно для опредѣленія устойчивости легенды, и въ особенности собственныхъ именъ, что въ сѣверо-западной Франціи у мыса Сизуна существуетъ подобный разсказъ: На днѣ моря находится городъ Исъ. Во время провала шла обѣдня, и священникъ до сихъ поръ продолжаетъ ее. (*Le Carguet* въ Revue d. trad. popul. 1891 XI 654).

Въ Бретани говорятъ, что обитатели одного богатаго замка грубо отказали въ милостынѣ Христу, проходившему въ видѣ нищаго, и, по слову Спасителя, замокъ провалился и на его мѣстѣ образовалось болото (*Armont*, въ Revue d. trad. pop. 1892 IV 211). По другому бретонскому сказанію провалился цѣлый городъ въ глубокое озеро, и теперь бываетъ еще иногда колокольный звонъ (*Villers*, ib. 2 11).

Въ департаментѣ Нижней-Луары во Франціи происхожденіе одного обширнаго углубленія въ землѣ объясняютъ тѣмъ, что въ этомъ мѣстѣ провалился городъ Коетма. При этомъ обычная прибавка о звонѣ колоколовъ (*P. S.*, въ Revue d. trad. pop. 1892 IV 211).

Во Франціи существуетъ разсказъ, что жители одного села, не чествовавшіе дня св. Анны, провалились въ землю, и на мѣстѣ села появилось озеро. Существуетъ обычная прибавка, что изъ озера по временамъ несутся звуки (*Mistral*, Revue d. trad. pop. 1891 IX 528).

На берегу Дордоны есть одна скала въ видѣ монаха. Говорятъ, что это монахъ, обращенный въ камень за то, что во время пожара монастыря не позаботился о спасеніи колоколовъ, которые упали въ глубь рѣки и однажды въ году въ день, когда случился пожаръ, звонятъ. Дѣти бросаютъ въ рѣку камни, предполагая, что они попадутъ въ колокола и послѣдніе издадутъ звукъ (*Descubes* въ Revue d. trad. pop. 1891 X 582).

Другое французское преданіе сообщаетъ, что одна рѣка пробила себѣ ложе въ горахъ, подмыла церковь, и колокола упали въ глубь рѣки. Однажды водолазы вытащили ихъ; но одинъ изъ рабочихъ неосторожно произнесъ имя чорта (De par tous les diables nous le tenons!), и колокола снова полетѣли въ глубь рѣки. По временамъ на праздники они звонятъ (*P. S.*, ib. 583). Извѣстно, что Викторъ Гюгò въ одномъ стихотвореніи воспроизвелъ народный разсказъ о городѣ, провалившемся за грѣхи жителей.

Въ Тиролѣ существуетъ много сказаній о затонувшихъ городахъ, замкахъ, монастыряхъ. Такъ, на мѣстѣ озера Пилеръ былъ городъ; жители были безнравственны; городъ провалился и покрылся водой; спасся только одинъ музыкантъ, игравшій по принужденію. Озеро бездонное; по ночамъ оно стонетъ. Оно втягиваетъ въ себя тѣхъ, кто засыпаетъ вблизи него. (Подобное повѣрье отмѣчено въ 1 сц. 1 акта Вильгельма Телля Шиллера). Озеро Антгольцъ образовалось на мѣстѣ трехъ фермъ, по проклятію обиженнаго нищаго. Существуетъ сказаніе, что деревня Альпъ-Баденъ провалилась въ землю за гордость жителей, которые стали презирать даже солнечный свѣтъ и днемъ освѣщали свои дома свѣчами въ серебряныхъ подсвѣчникахъ. Съ озеромъ Лаго-Санто связано такоé сказаніе: одинъ церковный приходъ отличался богатствомъ и скупостью прихожанъ. Однажды нищій получилъ помощь отъ одной только бѣдной старухи. Ночью поднялась буря, городъ провалился и покрылся водой. Осталась только хижина старухи. По временамъ можно видѣть, какъ на днѣ ходитъ священникъ и читаетъ книгу (*Basset*, Revue d. trad. pop. 1891 IX 523, 526).

По тирольскому сказанію болото Plan k'n See стоитъ на мѣстѣ провалившагося хутора, жители котораго жили дурно съ своими сосѣдями. Два пастуха бросали, играя, въ болото камни; утопленники погнались за

ними, догнали одного, задавили и повѣсили на деревѣ. Подобные разсказы существуютъ относительно другаго небольшаго болота Лака у Гмюндена и относительно озера Веера у с. Инна въ Тиролѣ (*Basset*, ib. X 635—637).

Въ Верхней Швабіи къ двумъ озерамъ пріурочено сказаніе о потонувшемъ монастырѣ. Говорятъ, что по временамъ можно разсмотрѣть въ водѣ колокола. Причина, почему монастыри погибли, не указана (*René Basset*, въ Revue d. trad. popul. 1891 № 9, 513). Съ озеромъ Биберзее въ Верхней Швабіи связано сказаніе, что въ этомъ озерѣ потонулъ замокъ, и будто еще можно разсмотрѣть его башню (ib., 516). Вблизи Гейманштейна указываютъ на глубокій ровъ, въ который будто бы провалился городъ Оберкирхгеймъ, по проклятію одной слѣпой монахини, которую обманули при дѣлежѣ денегъ двѣ другихъ монахини (ib. 517). Въ Западной Германіи сказанія этого рода обыкновенно трактуютъ о провалившихся замкахъ, въ виду обилія въ этой странѣ древнихъ замковъ.

Въ Пруссіи было озеро Salische, которое образовалось на мѣстѣ провалившагося города Села (славянское слово). На берегахъ его долго еще были видны остатки стѣнъ. Въ 1719 г. озеро это было высушено (*Basset*, Revue d. trad. pop. 1891 IX 520). По другому сказанію, записанному въ Пруссіи, Мюнхенское озеро возникло на мѣстѣ провалившагося монастыря. Въ ночь подъ новый годъ изъ глубины озера идетъ звонъ колоколовъ, слышно пѣніе, а на озерѣ появляются свѣтлые огоньки. Варіантъ этого сказанія записанъ вблизи Потсдама. Въ другомъ варіантѣ озеро образовалось на мѣстѣ огромнаго чертоваго камня. Къ этому варіанту примыкаетъ еще слѣдующее, также прусское сказаніе: у подножія горы Равенсберга стоялъ идолъ Вендовъ. Однажды явился монахъ, произнесъ заклинанія; идолъ провалился въ землю и на его мѣстѣ появилось Чертово озеро (*Basset*, Revue d. trad. popul. 1891 IX, 520, 522, 523, 525, 527).

Въ саксонскомъ Альтенбургѣ записано такое сказаніе: однажды ѣхала богатая и высокомѣрная дѣвушка. Нищій попросилъ у ней подаянія. Она посмѣялась надъ нимъ и переѣхала черезъ него. Тогда раскрылась земля и поглотила гордую дѣвушку. На этомъ мѣстѣ появилось болото (*Basset*, Revue d. trad. pop. 1891 IX 524).

Въ Зеевальдѣ между Эмпфингеномъ и Нордштетеномъ находится „Бездонное озеро“, въ которое, по народному сказанію, погрузился женскій монатырь, по причинѣ порочной жизни монахинь. Иногда на этомъ озерѣ показывается плачущая женщина, съ нижней частью тѣла въ видѣ рыбы. Появленіе этого призрака предвѣщаетъ несчастье. По другому сказанію, пріуроченному къ этому озеру, въ него погрузился трактиръ. Въ озерѣ, по этому сказанію, живутъ три феи, которыя иногда плаваютъ по поверхности озера (*Basset*, 518).

Въ Мекленбургѣ существуетъ преданіе о трехъ братьяхъ. Два брата убили жену и дѣтей третьяго и были въ моментъ преступленія имъ прокляты. Вскорѣ у одного убійцы умерли дѣти, а другой убійца провалился со всей своей столицей, Бургвальдомъ, когда праздновалъ рожденіе своего перваго сына. Въ день Ивана Крестителя убійцы выходятъ изъ своихъ могилъ (*Bartsch*, Sagen... aus Mecklenburg, 1879 I 428).

У трансильванскихъ нѣмцевъ записанъ большой разсказъ на тему о томъ, какъ монахи были наказаны за пьянство и развратъ. Сначала ихъ притѣсняли вѣдьмы, портили молоко у монастырскихъ коровъ, потомъ ночью, когда монахи были пьяны, вѣдьмы толпой ворвались въ монастырь и обратили пріора въ свинью, а другихъ монаховъ въ разныхъ нечистыхъ животныхъ, собакъ, жабъ и пр. Монастырь пришелъ въ разрушеніе, вблизи образовалось болото, съ глубокими ямами, которыя называются въ народѣ „поповскими колодцами". (*Basset*, въ Revue d. trad. pop. IX 514 516).

Въ Голландіи записанъ большой поэтическій разсказъ о томъ, какъ и почему одинъ большой красивый городъ провалился сквозь землю, и на его мѣстѣ появилось озеро Феенъ. Жители были очень развратны и скупы, прогоняли нищихъ, смѣялись надъ ними. Богъ далъ свою чудесную палочку архангелу Гавріилу. Въ ночь подъ Рождество Христово былъ сильный холодъ. Арх. Гавріилъ въ видѣ нищаго вошелъ въ городъ. Всѣ веселились, и никто не далъ нищему пріюта. Одна бѣдная старуха пустила его въ свой домъ и накормила. Вдругъ нищій сбросилъ лохмотья и явился въ видѣ ангела. Раздался страшный громъ, полились потоки дождя, и волны воды хлынули мимо хижины бѣдной старухи на городъ. На другой день старуха не нашла города. На его мѣстѣ стояло обширное озеро. Съ тѣхъ поръ въ ночь подъ Рождество изъ озера исходятъ странные звуки, крики, печальный звонъ колоколовъ. (*Basset*, ib. 318).

Въ Англіи въ Корнвалисѣ записано нѣсколько разсказовъ о провалившихся городахъ. Въ одномъ разсказѣ городъ Ланкаронъ за гордость жителей былъ покрытъ волнами моря. Въ другомъ разсказѣ городъ Ліонессъ; въ немъ жилъ нѣкогда миѳическій царь Кельтовъ Артуръ. Владѣлецъ города Тревельянъ ускользнулъ отъ наводненія на бѣлой лошади. Рыбаки находили развалины домовъ (*Lach Szyrma*, въ Revue d. trad. pupul. 1991 XI 672—673).

Въ глубинѣ Азіи, въ Монголіи записано сходное легендарное сказаніе съ пріуроченіемъ къ буддійскому монастырю (*Потанинъ*, Путеш. по сѣв. зап. Монголіи IV 897).

Гурійская легенда о происхожденіи озера Палеостома (Озургетскаго уѣзда) повѣствуетъ, что на мѣстѣ озера былъ городъ *Палеостомъ*. Въ этомъ городѣ въ церкви находилась икона Божіей Матери, принесенная Андреемъ

Первозваннымъ. Жители города по развращенности въѣзжали въ церковь на коняхъ, а когда Богъ понизилъ двери церкви, то они изъ гордости входили въ церковь не нагибаясь. Тогда Богъ наказалъ городъ потопомъ. Только одинъ человѣкъ по имени Кико спасся и перенесъ икону въ с. Бахви (въ 8 верстахъ отъ Озургетъ). Кико посадилъ еще сзади себя на коня одну уважаемую женщину, но на дорогѣ вода захватывала заднія ноги его лошади и, по требованію Господа, Кико долженъ былъ сбросить женщину (*Мгеладзе*, въ Сборн. мат. о Кавказѣ XIII 70).

Замѣчательна по обширности и мотивировкѣ абхазская сказка объ озерѣ Папанцкуръ: Жилъ очень скупой и порочный священникъ. Онъ позволялъ прихожанамъ брать въ жены родственницъ и самъ женился на двоюродной сестрѣ. Когда ему однажды помогли прихожане полоть кукурузу, онъ на обѣдъ вмѣсто козла зарѣзалъ дворовую собаку. Въ числѣ гостей былъ его зять. Жена его, дочь священника, готовившая обѣдъ, предупредила мужа. Зять передъ обѣдомъ сказалъ: „Да поглотитъ земля того человѣка со всѣми его дѣтьми и женой, который закололъ собаку для насъ на обѣдъ". Всѣ сотрапезники сказали „аминь". Вдругъ весь дворъ священника сталъ опускаться. Зять священника схватилъ свою жену за руку и побѣжалъ вмѣстѣ съ другими, но земля лопнула между мужемъ и женой, и дочь священника полетѣла въ бездну вмѣстѣ со всѣмъ его домомъ. Говорятъ, что со дна озера Папанцкуръ и теперь по временамъ слышны лай собакъ и крикъ пѣтуховъ. Есть у абхазцевъ и проклятіе, „провались, какъ Папанцкуръ" (*Гарицкій*, въ Сборн. матер. для опис Кавк. XIII 32—34). Эта сказка по мотиву о наказанной скупости примыкаетъ къ тѣмъ кавказскимъ сказкамъ, въ которыхъ скупой пастухъ превращается въ камень за то, что накормилъ гостя собачьимъ мясомъ (*Богоявленскій*, ibid. предисл. VI).

Ливингстонъ сообщаетъ, что въ Африкѣ въ Конго происхожденіе озера Дилоло объясняютъ тѣмъ, что на этомъ мѣстѣ провалилась деревня. Одна женщина нигдѣ не могла найти гостепріимства. Тогда она стала пѣть. Когда она произносила свое имя Моеме-Муэнга, то протягивала послѣдній слогъ; при этомъ деревня все болѣе и болѣе уходила въ землю и выступала вода. Начальника деревни не было дома. Когда онъ возвратился, то уже не нашелъ деревни и съ отчаянія бросился въ озеро, которое и названіе получило Дилоло отъ кафрскаго слова illo, означающаго отчаяніе. Въ варіантѣ сказанія, записанномъ въ Камеронѣ, обиженнымъ оказывается старикъ. Въ селѣ надъ нимъ насмѣялись. За селомъ его пріютилъ и накормилъ одинъ добрый человѣкъ. Странникъ поблагодарилъ и посовѣтывалъ при первомъ шумѣ уходить съ семьей и домашнимъ скотомъ подалѣе отъ села. Черезъ два дня наступила буря; гостепріимный человѣкъ послѣдовалъ совѣту стран-

ника, а городъ провалился, и появилось озеро Дилоло. По ночамъ изъ озера идетъ шумъ, пѣніе женщинъ, блеяніе козъ, крики пѣтуховъ (*Basset*, Revue d. trad. pop. 1891 IX 524).

Въ Африкѣ у озера Танганайки путешественникомъ Беккеромъ записано сказаніе о городѣ, поглощенномъ озеромъ, безъ обозначенія времени, причины и названія города (*Basset*, Revue d. trad. pop. 1892 IV 210).

Въ Алжиріи вблизи Блидага показываютъ мѣсто, гдѣ провалились въ землю Таргуты изъ племени Бени-Салаха за безнравственный образъ жизни и въ особенности за то, что принудили одного марабута участвовать въ танцахъ. Марабутъ проклялъ ихъ, и земля поглотила ихъ. Въ настоящее время слышны бываютъ исходящіе изъ подъ земли стоны, звуки музыки, мычаніе ословъ и крикъ пѣтуховъ (*Basset*, Revue d. trad. pop. 1891 IX 526),

Есть сказанія своеобразнаго историческаго характера, быть можетъ, съ элементами исторической истины. Такъ въ Персіи существуетъ преданіе, что вблизи Хура былъ большой городъ. Александръ Македонскій не могъ взять его силой и направилъ на него воду изъ ближайшей рѣки. Городъ былъ затопленъ вплоть до времени Артаксеркса изъ Сассанидовъ (*Basset*, въ Revue 1892 IV 209).

Нѣкоторыя сказанія, какъ отмѣченное выше болгарское, носятъ на себѣ слѣды вліянія библейскаго сказанія о разрушеніи Содома и Гоморры.

Въ основаніи нѣкоторыхъ сказаній объ утонувшихъ городахъ могутъ лежать исключительно рѣдкія явленія природы, въ родѣ слѣдующаго, отмѣченнаго въ 1892 г. въ газетѣ „Echo“. Въ провинціи Шпротауеръ около деревни Кобербрунъ существуетъ сказаніе, что каждыя 35 лѣтъ образуется въ этой мѣстности большое озеро, которое затѣмъ постепенно исчезаетъ. Въ послѣднее время, дѣйствительно, обнаружилось такое явленіе, обращающее сказку въ дѣйствительность. Площадь озера около 3000 десятинъ. Мѣстность эта, бывшая еще недавно совершенно сухою, теперь на половину подъ водой; вода прибавляется, растительность погибаетъ. Это озеро въ прежнія времена называлось Фоденъ („*День*“ 1892 № 1510).

Въ 1891 г. въ газетахъ была напечатана телеграмма слѣдующаго содержанія: Христіанія. Сегодня произошелъ большой земляной обвалъ въ Вердаленѣ, въ Тронтгіемскомъ округѣ: двѣнадцать крупныхъ крестьянскихъ усадьбъ провалились и пространство въ четверть мили превратилось въ глинистое болото; массы жидкой глины затопляютъ низменныя мѣстности; число погибшихъ не приведено еще въ извѣстность, но должно быть велико. Сегодня стортингъ ассигновалъ 10000 кронъ для первой помощи пострадавшимъ (*Харьк. Вѣд. 1893 № 118*).

Молва о такихъ случаяхъ шла далеко; собственныя имена перепутывались, обобщались, исчезали, и получилось общее излюбленное сказаніе, съ разными мѣстными пріуроченіями и легендарной окраской. Легендарная окраска проистекла отъ введенія морали—идеи наказанія за грѣхи, и главнымъ образомъ отъ того, что въ старое время распространителями подобнаго рода сказаній часто были духовные писатели. Любопытно, напримѣръ въ этомъ отношеніи упоминаніе о погибели Драчъ—города въ одномъ Словѣ Серапіона Владимірскаго и моральное толкованіе этого сказанія, въ основѣ котораго лежалъ дѣйствительный случай—наводненіе въ Дураццо.

Н. Сумцовъ.

Къ библіографіи старинныхъ малорусскихъ религіозныхъ сказаній.

Религіозный эпосъ распадается на два обширныхъ отдѣла: апокрифы и легенды. Изученіе апокрифовъ далеко подвинулось: собранъ обширный матеріалъ и дано уже много спеціальныхъ изслѣдованій по этой части. Иначе обстоитъ дѣло съ легендарной литературой; здѣсь нѣтъ крупныхъ сборниковъ матеріаловъ, нѣтъ изслѣдованій; фактическія данныя разбросаны по малоизвѣстнымъ провинціальнымъ изданіямъ. Пути распространенія легендъ, способы національзаціи ихъ, мѣстныя пріуроченія и степень оригинальнаго народнаго творчества—все это, и многое другое, тѣсно связанное и даже совсѣмъ необходимое для пониманія легендарной литературы—ждетъ изслѣдователей, ждетъ благопріятныхъ литературно-научныхъ обстоятельствъ.

Въ области религіозныхъ сказаній болѣе, чѣмъ въ какой-либо другой, разныхъ мѣстныхъ національныхъ бытовыхъ оттѣнковъ, придающихъ легендамъ своеобразный характеръ произведеній близкихъ, какъ бы издавна знакомыхъ и почему-то привлекательныхъ. Это нѣчто привлекательное кроется въ теплой вѣрѣ людей старыхъ поколѣній, въ душевномъ ихъ мірѣ и сердечной ихъ простотѣ.

Не располагая всѣми необходимыми пособіями, я ограничиваюсь подборомъ немногихъ старинныхъ малорусскихъ легендъ, связанныхъ большей частью съ малорусскими историческими лицами и событіями. Малороссія, сколько можно судить по наличному печатному матеріалу, обладала значительной исторически сложившейся легендарной литературой. Многіе южнорусскіе уроженцы, люди образованные, посвящали свой трудъ собиранію сказаній о чудесахъ. Изъ Малороссіи вышелъ св. Димитрій Ростовскій. Еще ранѣе его на поприщѣ легендарной литературы подвизались Илларіонъ Денисовичъ, Кальнофойскій, Галятовскій, Петръ Могила. Денисовичъ составилъ описаніе чудесъ отъ Купятицкой иконы Богоматери (такъ наз. Parergon 1838 г.), Кальнофойскій—описаніе чудесъ Печерской иконы пр. Богородицы (Тератургима 1838 г.), Петръ Могила внесъ въ свои „Записки“

слышанныя имъ благочестивыя сказанія, большей частью о наказаніи лицъ, неуважительно отнесшихся къ кіевскимъ мощамъ, или за несоблюденіе праздниковъ. Галятовскій въ Небѣ Новомъ далъ цѣлую энциклопедію сказаній о чудесахъ разныхъ высоко чтимыхъ въ его время иконъ. И у другихъ малорусскихъ писателей разбросаны легендарныя сказанія, въ тѣсной связи съ интересовавшими ихъ историческими событіями и съ дѣятельностью выдававшихся современниковъ. „Небо Новое“ Галятовскаго, потерявъ значеніе памятника морали и дидактизма, пріобрѣтаетъ нынѣ историко-литературное значеніе, какъ сборникъ преданій и разсказовъ, отчасти мѣстнаго украинскаго происхожденія, большею частью заимствованныхъ изъ духовной литературы другихъ народовъ. Галятовскій чувствовалъ потребность въ систематическомъ расположеніи разнообразныхъ религіозныхъ сказаній. Избравъ своей спеціальной задачей перечисленіе извѣстныхъ ему по книжнымъ источникамъ и устнымъ преданіямъ чудесъ, Галятовскій довольно удачно распредѣляетъ ихъ въ порядкѣ біографіи пр. Богородицы: чудеса во время зачатія и рождества пр. Дѣвы, во время ея жизни въ Соломоновомъ храмѣ (по апокрифическимъ источникамъ), при Рождествѣ Іисуса Христа, во время бѣгства въ Египетъ, во время дальнѣйшей жизни пр. Дѣвы Маріи и при Ея Успеніи. Затѣмъ слѣдуютъ чудеса отъ Ея имени, пояса, перстня и источника. Далѣе слѣдуетъ уже путаница въ распредѣленіи чудесъ по главамъ: чудеса надъ язычниками, жидами, грѣшными, дѣвицами, больными, умершими. Въ концѣ „Неба“ слѣдуетъ снова довольно основательное распредѣленіе чудесъ по чудотворнымъ иконамъ. Галятовскій сознавалъ безпорядочность въ распредѣленіи матеріала, и потому въ концѣ „Неба“ помѣстилъ указатель къ содержанію сборника,—„Короткое зебранье рѣчей барзо потребныхъ, до вѣры нашои право каѳолической належачихъ“. Ошибка Галятовскаго въ распредѣленіи сыраго матеріала состояла во первыхъ въ томъ, что онъ, преслѣдуя исключительно цѣли религіознаго назиданія, каждому чуду придаетъ самостоятельное значеніе, и такъ какъ многія чудеса повторяются, то и авторъ „Неба“ часто повторяется, и во вторыхъ, что онъ сваливаетъ въ одну кучу сказанія о чудесахъ, возникшія у грековъ, французовъ, англичанъ, малороссовъ.

Если сравнить малорусскія религіозныя сказанія съ византійскими и въ особенности съ западно-европейскими по даннымъ такихъ сборниковъ, какъ Legenda aurea, Speculum majus, Dialogus miraculorum, то опредѣлятся литературные источники многихъ сказаній, въ особенности „Неба Новаго“. Галятовскій, какъ извѣстно, широко пользовался средневѣковой западной литературой. Но было не мало легендъ, хотя и захожихъ, но глубоко проникшихъ въ народъ, обработанныхъ на свой ладъ, съ разными мѣстными пріуроченіями; были, наконецъ, и оригинальныя малорусскія легенды, воз-

никшія и распространившіяся большей частью въ разгаръ борьбы православныхъ съ латино-уніатами, т. е. въ XVII вѣкѣ.

О малорусскихъ легендахъ апокрифическаго характера была статья г. *Н. П.* въ Трудахъ Кіевск. Духовн. Академ. 1877 г., далѣе мои „Очерки южнорус. апокр. литер." въ Кiев. Стар. 1888 г. и послѣ того трудами г. Франко и г. Иванова издано много новыхъ матеріаловъ. На отдѣльныхъ малорусскихъ легендахъ я останавливался въ статьяхъ:

1) *Легенда о грѣшной матери* въ Кiев. Стар. 1893 г.

2) *Легенда о покаяніи грѣшника на морѣ* въ Кiев. Стар. 1894 г.

3) *Легенда о благочестивомъ живописцѣ* въ Кiев. Стар. 1894 г.

4) *Сказанія о провалившихся городахъ*, въ 8 т. Сборника Харьк. Истор. Филол. Общества 1896 г.

При перечисленіи религіозныхъ сказаній мы пропускаемъ общеизвѣстныя и почти повсемѣстныя сказанія о чудесныхъ исцѣленіяхъ больныхъ, о чудесныхъ снахъ и т. п. У Петра Могилы и у Галятовскаго сказанія этого рода часто помѣчены годомъ, что указываетъ на предшествовавшія церковныя и монастырскія записи.

I) Странствованіе церкви изъ одного мѣста въ другое. Сказанія о самопроизвольномъ передвиженіи храма въ южную Русь проникли изъ Византіи и привились здѣсь. Въ византійской письменности въ ходу были сказанія, что иконы переходили изъ Константинополя въ Римъ по морю и возвращались обратно, что онѣ летали по воздуху. Въ Византіи разсказы подобнаго рода развились въ эпоху иконоборства. Русскія сказанія о передвиженіи иконъ составлялись подъ вліяніемъ византійскимъ.

Въ собственноручныхъ запискахъ Петра Могилы на первомъ листѣ находится такая запись со словъ одного священника: „Въ Улховцахъ селѣ на Покутю за Днѣпромъ, отъ потоку миля една, въ маетности пана Стефана Потоцкаго, воеводы волынскаго, есть церковъ святаго архистратига мурованая, которую гды зъ мѣсца своего до села перенесено и поставено, тоей жъ ночи добувавши ей, сама ся Божіею силою знову на старое мѣсце перенесла" (*Архивъ* Юго-Зап. Рос. т. VII ч. I, 49).

Въ галицкомъ Покутьѣ въ мѣстечкѣ Пестынѣ есть старинная церковь на крутомъ берегу горнаго потока. По народному сказанію, церковь эта была заложена въ другомъ мѣстѣ и затѣмъ сама перенеслась въ Пестынь (*Зоря* 1886 № 12).

Въ одномъ преданіи о паденіи Запорожской Сѣчи говорится, что часть казаковъ была закована въ цѣпи, а часть бѣжала. Бѣжавшіе жалѣли, что оставили церковь. Когда русскія войска вошли въ Сѣчь, „а тамъ никогисенько

а; стоить одна церковця... Ти до неи, а вона видъ нихъ, до неи, а вона ъ нихъ... Потимъ такъ ходыла—ходыла, та пишла скризь землю передъ исенькими очима москалей. Уся, якъ есть, зъ дзвиныцею и зъ крестомъ, ъ и пырнула. Одна яма одъ неи тилько и зосталась“ (*Эварницкій*, Запорожье II 91).

Народные разсказы о чудесномъ перенесеніи церкви встрѣчаются и въ Великороссіи. Такъ, ветлужскіе раскольники говорятъ, что на озерѣ Нестіарѣ находится обитель, состоящая всего изъ семи старцевъ. Старцы всѣ благочестивые, и живутъ они не въ монастырѣ, а въ самой церкви, которая чудомъ перенесена на озеро Нестіаръ изъ города Васильсурска. Чудо это совершилось при основаніи города: Была обѣдня. Много стояло въ церкви православныхъ, и вотъ церковь со всѣмъ народомъ вдругъ исчезла съ лица земли. Очутилась она въ заволжскихъ лѣсахъ, на свѣтлыхъ нестіарскихъ водахъ и до сихъ поръ остается тутъ невидимою. Живъ или нѣтъ православный людъ,—про то Богъ знаетъ. Старцы смертные, и всѣ умираютъ, но лишь только умретъ одинъ, является на его мѣсто другой, по тайному голосу души, причемъ, вступивъ въ обитель, дѣлается невидимымъ для земной братіи (*Труды Ярослав. Стат. Комит. I, 231*). Это сказаніе почти дословно записано и въ Самарской губ. (*Садовниковъ*, 378).

Чаще сказаніе это связывается не съ церквями, а съ иконами. Такъ въ Македоніи въ с. Яницѣ находится икона св. Пятницы, высоко чтимая мѣстными христіанами. Преданіе говоритъ, что магометане нѣсколько разъ пробовали уничтожить эту икону, бросили однажды въ озеро, но всякій разъ къ ужасу ихъ она снова оказывалась на прежнемъ мѣстѣ. Теперь и магометане зажигаютъ передъ этой иконой свѣчу въ 12 окъ вѣсомъ, которая горитъ днемъ и ночью (Fait, Macedonie, въ Osvêta 1891 I, 86.

II) Сверхъестественное огражденіе русскихъ во время татарскаго нашествія. Въ тяжелые годы народныхъ бѣдствій, особенно въ годы нашествія жестокихъ враговъ, возникаютъ поэтическія легенды о сверхъестественномъ заступничествѣ. Всемірную извѣстность пріобрѣли подобнаго рода французскія народныя легенды, возникшія во время нашествія гунновъ въ V в. и англичанъ въ XIV ст. На Руси сказанія этого рода развились подъ подавляющимъ впечатлѣніемъ татарскаго нашествія, печальныя послѣдствія котораго краснорѣчиво очерчены Серапіономъ, Владимірскимъ епископомъ XIII в. Во Владиміръ Серапіонъ перешелъ изъ Кіева; прожилъ онъ на сѣверѣ Россіи всего годъ, и потому не подлежитъ сомнѣнію, что представленная имъ краснорѣчивая картина нанесеннаго татарами погрома и разоренія основана на южнорусскихъ его впечатлѣніяхъ. Существуетъ преданіе, что Холмъ избавился отъ татарскаго погрома во время нашествія

Батыя, благодаря заступничеству пр. Дѣвы, икона которой была вынесена на стѣну городскую. Возвышенность, на которой стоитъ городъ, показалась Батыю высокой горой, и когда онъ попробовалъ подступить къ городу, то шелъ въ сторону отъ города, въ то время, какъ ему казалось, что онъ идетъ на городъ. (*Галят.*, въ „Небѣ“ гл. 22). Другое преданіе сообщаетъ, что Ченстоховская икона пр. Богородицы спасла г. Бѣльскъ отъ татарскаго нашествія (ib.).

III) Сказанія о порчѣ иконъ татарами, довольно многочисленныя въ Малороссіи, основываются частью на дѣйствительныхъ событіяхъ, частью проистекли изъ общаго представленія народа о жестокости татаръ. Такъ, существуетъ преданіе, что татары рубили саблями и бросали стрѣлы въ Холмскую икону пр. Богородицы (*Галят.*, въ „Небѣ“ гл. 22). Преданіе добавляетъ, что татаре ослѣпли отъ того. Такое же преданіе связано съ Ченстоховской иконой Богоматери. Татары ранили эту икону и были наказаны тѣмъ, что ихъ покрыла смрадная мгла.

IV) Построеніе монастырей и церквей на мѣстахъ побѣды надъ врагами. Уже на первыхъ страницахъ древней лѣтописи мы находимъ указанія на построеніе церквей на мѣстѣ побѣды надъ врагами русской земли, печенѣгами и половцами. Подобнаго рода указанія даютъ народныя сказанія поздняго времени. Такъ, Галятовскій въ „Небѣ Новомъ“ 1665 г. (гл. 28) говоритъ: „Повѣдаютъ старые духовные и свѣтскіе люди, которые отъ своихъ дѣдовъ и прадѣдовъ слышали, же Бунякъ, яко они мовятъ, але рачей Батый (предположеніе Галятовскаго), царь татарскій, разоряя рускую землю, встрѣтилъ воеводу Романа, который окопался тремя валами. Романъ видѣлъ во снѣ св. Николая, который велѣлъ ему биться съ татарами и на мѣстѣ побѣды построить въ честь пр. Богородицы церковь. Романъ разбилъ враговъ и на мѣстѣ побѣды построилъ церковь Успенія пр. Богородицы и монастырь Погоню.

V) Сверхъестественное покровительство малоруссамъ въ борьбѣ съ турками и поляками. Галятовскій отмѣтилъ въ „Небѣ“, что въ 1623 г. Симеонъ Михайловичъ, пробывъ тридцать лѣтъ въ плѣну у турокъ, помолившись усердно въ мысляхъ Печерской иконѣ, разломалъ оковы, бросился въ море и ушелъ на родину. Въ 1630 г. польское войско подъ предводительствомъ Бутлера и Жолтовскаго осадило Печерскій монастырь, гдѣ скрылся запорожскій полковникъ Шульга; оно было прогнано огненнымъ дождемъ.

VI) Необыкновенный случай при постриженіи Григорія Загорскаго въ епископы отмѣченъ въ „Перестрогѣ“ (1600—1605 г. г.). Константинопольскій патріархъ, ревнуя объ интересахъ православія въ Южной Руси, отправилъ къ кіевскому митрополиту Михаилу Рогозѣ своего писаря Григорія Загорскаго съ

грамотой, гдѣ находилось приказаніе созвать соборъ; но Григорка напился дорогой пьянымъ; и подосланные Кирилломъ Терлецкимъ люди ограбили его въ лѣсу. Кириллъ Терлецкій и Гедеонъ Балабанъ склонили на свою сторону Григорку и выпросили для него у короля полоцкое епископство. При посвященіи Григорки „Богъ чудо показалъ, же при звоненію къ службѣ божей порвалъ его духъ нечистый и кинулъ и такъ ницъ лежалъ безъ памяти черезъ всю божественную службу“ (*Акты* Зап. Рос. IV. № 149).

VII) Случай при постриженіи въ монашество Ипатія Потья. Когда Кириллъ Терлецкій постригалъ Ипатія Потѣя въ монашество, то, по обычаю, онъ надѣлъ на него сорочку и повелъ къ алтарю. Не смотря на то, что церковныя двери были закрыты, въ церковь „ворвался вихрь и поднялъ у Потѣя подолокъ оной кошули и на головѣ положилъ, такъ ажъ весь хребетъ ему открылъ, противно всѣмъ въ церкви стоящимъ“. Чудо это служило предвѣстіемъ, что церковь православная потерпитъ отъ „срамовиднаго Потѣя великій неупокой и замѣшанье, же не тылько Русь, але и ляхове ажъ до войны внутренней межи собою пришли, сеймы ся ломали, все злое оттоль пошло и конца еще не маеть“ (*Акты* Зап. Рос. IV. № 149 стр. 210).

VIII) Сказанія объ оскорбленіи церкви или иконы весьма многочисленны, причемъ большею частью относятся къ разбойникамъ, частью къ иновѣрцамъ, иногда къ монахамъ. Разбойникъ хотѣлъ ограбить Купятицкую церковь и пересталъ владѣть руками. Монахъ Веніаминъ скоблилъ Купятицкую икону ножемъ съ цѣлью узнать, на какомъ деревѣ она написана, и былъ за то убитъ разбойникомъ („Небо“ гл. 27). Иванъ изъ Шклова хотѣлъ обокрасть Печерскую икону пр. Богородицы, но три раза его отбрасывало въ сторону (ів., гл. 26).

IX) Самовозгораніе церковныхъ свѣчей. Въ 26 гл. „Неба“ Галятовскій говоритъ, что въ одну холодную зиму кіево-печерскій архимандритъ началъ семнадцатаго вѣка Елисей Плетенецкій сталъ служить въ предѣлѣ св. ап. Петра и Павла. Тогда въ церкви Успенія пр. Богородицы свѣчи стали сами зажигаться и слышно было пѣніе. Въ силу этого снова стали служить въ церкви Успенія. Въ 22 гл. § 29 Галятовскій говоритъ, что въ Львовѣ въ Крековскомъ монастырѣ въ день Благовѣщенія пр. Богородицы свѣча сама собой затеплилась въ церкви Покрова пр. Богородицы. Сказаніе это получило широкое распространеніе въ Галиціи и проникло въ народныя пѣсни. Легенды этого рода напоминаютъ сказанія западныхъ и русскихъ (Даніила Мника) паломниковъ о самовозгораніи свѣчей въ іерусалимскомъ храмѣ подъ Свѣтлое Христово Воскресенье.

X) Погребеніе въ церкви грѣшнаго человѣка. Въ „Небѣ“ гл. 27 говорится о томъ, какъ пр. Богородица воспретила хоронить княжну въ Купятицкой церкви, и когда княжна была здѣсь погребена, то пр. Богородица выбро-

сила ея гробъ, и на нѣкоторое время перестала быть милостивой къ церкви. Подобнаго рода сказанія распространены были и въ Великороссіи. Сюда примыкаетъ извѣстное новгородское сказаніе о посадникѣ Щилѣ.

XI) Оскорбленіе духовныхъ лицъ и наказаніе обидчиковъ. Въ 27 гл. „Неба" говорится, что нѣкто Павелъ Древалтовскій осмѣялъ проповѣдника и былъ за то разбитъ лошадьми. Вообще такихъ сказаній множество.

XII) Разрѣшеніе проклятаго самозванца. Тѣло проклятаго самозванца не могло разложиться, пока проклятія не снялъ Петръ Могила. Эта легенда послужила основой для разсказа Думитрашкова „Заклятый" (*Историч. Вѣстн.* 1880 Сент. 46).

XIII) Малорусскія иконы кисти св. евангелиста Луки. Евангелистъ Лука считается живописцемъ въ апокрифическихъ сказаніяхъ о Нерукотворенномъ образѣ, о которыхъ я говорилъ въ своемъ изслѣдованіи „Очерки апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ св. Сказаніе о св. Лукѣ, какъ живописцѣ, проникло и въ южную Русь и выразилось здѣсь во многихъ сказаніяхъ о древнихъ чудотворныхъ иконахъ. Такъ, въ описаніи чудесъ Ченстоховской иконы пр. Богородицы говорится, что икона эта написана евангелистомъ Лукой; сначала она была перенесена св. Еленой изъ Іерусалима въ Константинополь, вмѣстѣ съ животворящимъ крестомъ Господнимъ, а впослѣдствіи изъ Константинополя была перенесена на Русь въ замокъ Бѣльскій. Другое сходнопреданіе см. тамъ же р Галят., гл. 22, § 46.

XIV) Плачущія иконы были весьма распространены въ древности. Петръ Великій даже принималъ мѣры противъ ихъ распространенія и приказалъ уничтожить нѣсколько изъ новоявленныхъ плачущихъ иконъ. Въ „Небѣ" Галятовскаго записано, что въ 1663 г. въ малорусскомъ городѣ Теремблѣ (? Теребовль) иконы пр. Богоридицы нѣсколько недѣль плакали; слезы текли изъ обоихъ глазъ пр. Маріи, притомъ такъ обильно, что подставляли сосудъ. Сказанія о плачущихъ иконахъ получили особенную силу и распростанялись широко въ тяжелыя времена народной жизни, въ Малороссіи во второй половинѣ XVII в., въ Великороссіи при Петрѣ Великомъ, — тяжелую эпоху преобразованій и войнъ. Въ плачущихъ иконахъ народъ усматривалъ вещественное проявленіе сострадания пресв. Богородицы къ его горестямъ и бѣдствіямъ. Что плакали почти исключительно иконы пресв. Богородицы,—причины просты и ясны. Пр. Дѣва Марія въ народныхъ сказаніяхъ является сочувствующей людямъ, высшей ходатайницей передъ Спасителемъ за грѣшныхъ людей. Затѣмъ, къ усиленію и распространенію сказаній о плачущихъ иконахъ пр. Дѣвы Маріи служили иконописныя ея изображенія, съ крупными слезами на ланитахъ.

XV) Измѣненіе цвѣта лика пр. Богородицы на иконахъ довольно часто встрѣчается въ южнорусскихъ сказаніяхъ о чудесахъ пр. Дѣвы. Такъ,

уже Галятовскій внесъ въ Небо Новое (гл. 28) разсказъ о томъ, что въ Строиловой Каменкѣ Львовскаго повѣта икона Богородицы измѣнялась въ цвѣтѣ лица пр. Дѣвы, сначала почернѣла, потомъ посинѣла и наконецъ покраснѣла. Сказанія „эти возникали по готовымъ византійскимъ образцамъ. Такъ въ византійской духовной литературѣ встрѣчается разсказъ объиконѣ пр. Богородицы, которая въ великомъ посту темнѣла, а въ день Воскресенія Христова прояснялась.

XVI) *Тяжеловѣсныя иконы.* Въ описаніи чудесъ Ченстоховской иконы пр. Богоматери говорится, что еретики гусситы, избивъ монаховъ монастыря гдѣ икона находилась, хотѣли увезти икону, но не могли сдвинуть ее съ мѣста (Галятъ, въ „Небѣ“ гл. 22). По морали эта легенда примыкаетъ къ легендамъ о странствованіи церквей.

XVII) *Животныя (лошади и волы) чувствуютъ близость чудотворныхъ иконъ.* Въ „Небѣ“ гл. 22 говорится, что волы земледѣльца, пахавшаго въ полѣ, упали въ одномъ мѣстѣ на колѣни; на этомъ мѣстѣ найдена была свѣтлая икона пр. Богородицы и впослѣдствіи поставлена церковь. Подобное преданіе пріурочено къ храмовой иконѣ въ церкви слободы Бугаевки Изюмск. уѣз. Харьк. губ., какъ видно изъ брошюры *В. С. Александрова* „Преданіе о храмовой иконѣ“. (Харьковъ 1876 г.).

Н. Сумцовъ.

Историческія преданія о селѣ Рублевкѣ Богодуховскаго уѣзда.

Рублевка, слобода Богодух. уѣзда Харьк. губ., лежитъ по обоимъ берегамъ рѣчки Мерла и раздѣляется теперь рѣкою на двѣ части: часть ея, лежащая по сю сторону Мерла (отъ Харькова), называется собственно Рублевкою или селомъ („ходи̂мъ на село̂“, говорятъ крестьяне той стороны); другая же часть зовется городомъ. Это—древнѣйшая часть Рублевки, прежде бывшая городищемъ, обнесеннымъ когда-то валомъ, замѣтнымъ достаточно еще и теперь, и рвомъ. Здѣсь-же стоялъ когда то, по преданію, земляной замокъ, отъ котораго осталась теперь только одна пушка, доказывающая, что Рублевка была прежде крѣпостью, построенною казаками въ защиту отъ кочевниковъ, обитавшихъ здѣсь издавна. Память въ народѣ объ этихъ кочевникахъ довольно смутна: здѣсь говорятъ, что это были „черкесы“, ходившіе въ „жерстя́ныхъ па́нцыряхъ, въ якйхъ-сь ке́бкахъ“. Сохранилась также память о постоянныхъ набѣгахъ этихъ кочевниковъ, что можно видѣть изъ слѣдующаго преданія, въ которомъ объясняется, отчего эта слобода называется Рублевкою.

Колы̂сь тутъ булы̂ пу́стоши, степы̂, нихто̂ не жи́въ, нихто̂ й хли́ба не робы̂въ. Пе́рвый прыйшо̂въ у си миста̂ чоловйкъ, зва́лы ёго̂ Рублѐмъ, а ко́ло его вже й ста́лы люды збира́цьця, вы̂строилось село̂, обнеслы̂ ёго̂ ва̂ломъ, зробы́лы землянки̂, за̂мокъ и жыву̂ть соби. Ну, ти́лько тру́дно имъ було̂ хли́бомъ займа́тысь че́резъ то́го черке́са, що недале́ко живъ. Було̂, якъ вы̂йде якйй чоловйкъ у по́ле до хли́ба, такъ такъ и ды́выцьця, щобъ черкѐсъ не наско́чивъ, ато̂ вбьѐ. И оста́лось того̂ черке́са вже не бага́то, чолови́ка двана̂дцять. Отъ зибравъ разъ Рубѐль грома̂ду тай ка́же: „а що, ка́э, бра́цьця, дава̂й насы́пимо се́редъ по́ля могы́лу и поста́вымо на тий могы́ли чолови́ка, щобъ винъ держа̂въ у рука̂хъ высо́ку ви́ху. Якъ ста́не черкѐсъ пидхо́дыть, то хай та ви́ха нахиля́ецьця внызъ, а якъ не бу́де ёго̂, то хай стоить пря́мо“. Послу́халы Рубля̂, ¦бо винъ таки̂ вже и́ старе́нький бувъ, було̂ ему̂ годи̂въ симдеся́токъ; насы́палы ту могы́лу, що й теперъ ще звецьця Рубле́вою, и ста́ло имъ спокийнишъ („Рубле́ва

могѝла“—невысокій холмъ на юговосточной сторонѣ слободы, въ верстѣ приблизительно отъ крайнихъ хатъ). Пишòвъ разъ Рубѐль зъ жинкáмы у пóле на жныва̀, прыйшòвъ до хлѝба тай-нỳ пóрацьця. Колы̀ це йѝде з-за бугра̀ черкѐсъ, та пря́мо на éго. Отъ Рубѐль такѝ, мóже, злякàвсь трóшкы тай кáже. Ну, жинкы̀, вже тамъ щò бỳде, а якъ я, мóже, стягнỳ зъ коня̀ цéго черкéса, такъ хватáйты егò пря́мо за мудя̀, то винъ бỳде нашъ. Черкѐсъ пóки пидъйхавъ, хваты̀въ арка̀нъ тай накы́нувъ егò Рублевы̀ на шѝю, та тодѝ й розигна̀въ коня̀, щобъ потянỳты егò. Рубѐль якъ ухватывся рукáми за арка̀нъ, такъ не то кинь ёгò, а винъ коня̀ потя̀гъ, якъ сипнѐ за арка̀нъ й звалы̀въ зрáзу тогò черкéса зъ сидла̀ до-дóлу. Пидскóчылы до éго, й жинкы̀ й Рубѐль; жинкѝ хваты́лы егò тѝлькы за мудя̀, той заразъ и осла̀бъ, а Рубѐль вы́тягъ егò-же такѝ теса̀къ и зарѝзавъ егò. Тодѝ надѝвъ на сéбе черкéський панцы̀рь, сивъ на черкéського коня̀ и поихавъ у гóродъ, а жинка̀мъ кáже: я-жъ отцѐ пойду въ гóродъ на сéмỳ конéви, а вы вже, кáэ, рáчки лизьте; щобъ васъ не набáчивъ ще якѝй черкѐсъ. „Прыѝхавъ до гóрода, стỳка въ ворóта видчены̀ть. Ти ды́влюцьця, чужѝй „чоловѝкъ, черкѐсъ, та кáжуть, хто такѝй?“—„Я вашъ, Рубѐль,“ кáэ. „По якóму случáю?“—По такóму й такóму“. Ну, пусты́лы. Пишòвъ зáразъ Рубѐль до сóтныка (не булò-бо тодѝ ще ни волостнóго правлéния, ни старшѝнъ) тай кáже:—„Тѝлько-же ты, кáэ, скáжишъ черкéсамъ, хто вбывъ тогò ѝхняго, такъ я й тебѐ вбью,“ кáэ; а самъ й заховáвсь. Колы̀ цѐ прииздя̀ть черкéсы та до сóтныка: „Скажѝ, кáжуть, хто з вас убы̀въ нáшого товáрыща, мы тебѐ, кáжуть, зóлотомъ обсы́племо“.—Нитъ, кáэ, знáю, що вбы́то, ну, хто вбывъ, цéго не знáю. Покруты́лысь, покруты́лысь вонѝ кóло ёго, вивóдывъ вже винъ до ихъ дéяких чоловѝкивъ: „не цей?“ пита̀. Ни, кáжуть, цей не вбьѐ, цей не мóжеть.—Съ тымъ и поихалы. И якъ вы́ихали за мистòкъ (черезъ Мерлò), завы́лы тѝлько, якъ собáки, та-й пропáлы.

Другой варіантъ этого преданія у меня записанъ, такъ: „Оттàмъ де отò Рублéва могѝла, живъ колы̀сь Рубѐль (вонò такѝ й тепѐръ тутъ есть Рублѝ, такъ ихъ ще, знáчить, прапрáдидъ). Косы̀въ разъ Рубѐль на своéму пóли хлибъ, а жинкѝ вьязáлы, якъ вóдыцьця. Ды́выцьця Рубѐль, ажъ йде зъ-за бугра̀ на éго черкѐсъ. Якъ приѝхавъ, зáразъ вонѝ й почалы̀ зъ Рублѐмъ бы́цьця. Бы́лысь, бы́лысь; черкѐсъ вже от-от-отъ подỳжа Рубля̀, такъ жинкѝ жъ, бачъ не далы̀ емỳ подỳжать. Якъ пидскóчать та якъ хвáтять тогò черкéса за мудя̀, а Рубѐль бье, а Рубѐль бье, й звалы́лы черкѐса. Убы̀въ Рубѐль тогò черкéса, колы̀ ды́выцьця, а дрỳгий йде на éго, такъ ще далéко. Винъ зáразъ сивъ на черкéського коня̀ тай кива̀ томỳ черкéсови

рукóю, ненáче-б-то, бачъ, свий, щобъ винъ не йхавъ до éго. Той дывыцьця: кинь черкéський, взявъ тай послýхавъ, пойхавъ собй сторонóю, а Рубѐль такъ на конéви и въйхавъ у гóродъ (жинкй вже рáчки прылйзлы). Якъ прыйхавъ у гóродъ, зáразъ и росказàвъ усиимъ: „такъ и такъ, кáэ, черкѐсъ блызько". Позапéрлы усй ворóта у гóроди, бережýть того̀ черкéса. Колы це прыиздыть: „а хто, кáэ, зъ васъ такий богатырь, шо мого̀ товáрыша подýжавъ? мий товáрышъ богатырь бувъ, такий вже бувъ богатырь, що хто ёго̀ зна й який, а той и ёго̀ вбивъ. Аа кажить, хто це, ну! Тутъ и кáжуть ему̀: отцѐй, кáжуть, убывъ, Рубѐль". Такъ винъ подывывсь, почýхавсь тай кáже: „ну той, такъ той, мóжеть убыть. „Отъ съ тóго чáсу Рублйвка й стáла Рублйвкою".

По ту сторону рѣчки, на разстояніи приблизительно двухъ верстъ отъ Рублевки, находится большая насыпь, носящая названіе *Розрытой могилы*. Говорятъ, что это было шведское укрѣпленіе. На видъ насыпь эта дѣйствительно похожа на валъ, насыпанный небольшимъ отрядомъ для защиты отъ окружавшаго его со всѣхъ сторонъ непріятеля. Снаружи могила имѣетъ видъ конуса, кругомъ она обнесена рвомъ, прежде, говорятъ, очень глубокимъ, теперь же уже значительно засыпаннымъ. Внутри могилы глубокая яма, изъ которой наружу ведетъ, (кажется) 5 „воротъ", продѣланныхъ въ бокахъ могилы. Эта могила служитъ для Рублевки центромъ, около котораго группируется большая часть мѣстныхъ преданій о кладахъ. Я слышалъ отъ одной старухи такой разсказъ: „Іось разъ смеркòмъ, темнéнько вжѐ булò, якàсь жинка кóло тиеи могылы, колы дывыцьця, выхóдыть зъ могилы якийсь панъ и зъ нымъ пáни. Вонà у шýби удягтà, закýтана, а винъ у козырькý; и той козырѐкъ такъ и горыть, такъ и горыть на éму. Цѐ, знáчить, гроши выхóдылы. Вонà хочъ и кáже, що не найшлà, пойхала, кáэ, такъ вже выкопано було,—та де тамъ не найшлà, колы булы воны якй бидни, а то ось вразъ разбогатилы и пишлы жыть" И не одному крестьянину, по преданію, могила дала благосостояніе. Отъ этой могилы идетъ рядъ холмовъ по теченію Мерла. Всѣ они, говорятъ, происхожденія шведскаго. Впрочемъ, мнѣ приходилось слышать въ разговорѣ съ крестьянами, что часто даже названія Шведъ и Черкесъ смѣшиваются между собою.

М. Линда.

Книги, присланныя въ даръ Историко-Филологическому Обществу Императорскою Академiею Наукъ.

Шестаковъ. По вопросу объ источникахъ хроники Георгія монаха (Амартола) (IV книга хроники). Спб. 1892 г.

Дополненія и замѣтки П. Шейна къ толковому словарю Даля. Спб. 1873 г.

Веселовскій. Croissans-crescens и средне-вѣковыя легенды о половой метаморфозѣ. Спб. 1881 г.

Бутковъ. Матеріалы для Новой исторіи Кавказа съ 1722 по 1803 г. Ч. I. Спб. 1869 г. Ч. III. 1766 г.

Д. Чонкадзе и В. Цараевъ. Осетинскіе тексты. Спб. 1868 г.

Шляпкинъ. Письма В. С. Сопикова къ К. Ѳ. Калайдовичу. Спб. 1883 г.

Русская лѣтопись по Никонову списку Ч. I до 1097 г. Спб. 1767 г. Ч. II (до 1237 г.).

Патеры. Чешскія глоссы въ mater verborum. Спб. 1878 г.

Куникъ и Розенъ. Извѣстія Ал-Бекри и другихъ авторовъ о Руси и славянахъ. Ч. I. Спб. 1878 г.

Буслаевъ. Записка о второмъ изданіи первой части исторической грамматики. Спб. 1865 г.

Лавровскій. Коренное значеніе въ названіяхъ родства у Славянъ. Спб. 1867 г.

Макушевъ. Изслѣдованія объ историческихъ памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника. Спб. 1867 г.

Чистовичъ. Диссидентскій вопросъ въ Польшѣ въ первой половинѣ XVIII столѣтія. Спб. 1880 г.

Толстой. Городскія училища въ царствованіе Императрицы Екатерины II. Спб. 1886 г.

Полное собраніе ученыхъ путешествій по Россіи, издаваемое Императорскою Академіею Наукъ по предложенію ея президента. Т. I—VII.

Броссе. Каталогъ книгамъ Эчміадзинской библіотеки. Спб. 1840 г.

Гнѣдичъ. Простонародныя пѣсни нынѣшнихъ грековъ. Спб. 1825 г.

Дубровинъ. Отечественная война въ письмахъ современниковъ (1812—1815 гг.). Спб. 1882 г.

Лепехинъ. Способы къ отвращенію въ рогатомъ скотѣ падежа и средства къ излеченію сея болѣзни служащія. Спб. 1800 г.

Brosset. Rapport sur l'ouvrage intitulé Нумизматическіе факты грузинскаго царства et revue de numismatique géorgienne Spt. 1847 г.

Веселовскій. Розысканіе въ области Русскаго духовнаго стиха. III—X. Спб. 1883 г.

Амфилохій архимандритъ. О греческомъ кондакарѣ XII—XIII вѣка Московской Синодальной библіотеки сравнительно съ древнимъ Славянскимъ переводомъ. Спб. 1870 г.

Соколовъ. Каталогъ обстоятельный Россійскимъ рукописнымъ книгамъ священнаго писанія, поучительнымъ служебнымъ и до церковной Исторіи касающимся, въ библіотекѣ Императорской Академіи Наукъ хранящимся. Спб. 1818 г.

Бутковъ. Оборона лѣтописи русской Несторовой, отъ навѣта скептиковъ. Спб. 1840 г.

Продолженіе древней Россійской вивліоѳики. Ч. II—X.

Критическія разысканія о древнихъ русскихъ монетахъ, изданныя Императорскою Академіею Наукъ. Спб. 1807 г.

Краткая повѣсть о бывшихъ въ Россіи самозванцахъ. Спб. 1793 г.

Крестининъ. Краткая исторія о городѣ Архангельскомъ. Спб. 1792 г.

Ламанскій. О нѣкоторыхъ Славянскихъ рукописяхъ въ Бѣлградѣ, Загребѣ и Вѣнѣ, съ филологическими и историческими примѣчаніями. Спб. 1864 г.

Краткое описаніе всѣхъ случаевъ, касающихся до Азова отъ созданія сего города до возвращенія онаго подъ россійскую державу, 1782 г.

Головацкій. Библіографическія находки во Львовѣ. Спб. 1873 г.

Дневныя записки путешествія доктора и Академіи Наукъ адъюнкта Ивана *Лепехина* по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства, 1768 и 1769 гг. Ч. I. Спб. 1795 г. Ч. II. Спб. 1802 г. Ч. III. Спб. 1814 г.

Гильдебрандъ. Отчеты о розысканіяхъ, произведенныхъ въ Рижскихъ и Ревельскихъ Архивахъ по части русской исторіи. Спб. 1877 г.

Гамель. Англичане въ Россіи въ XVI и XVII столѣтіяхъ Спб. 1865 г.

Веселовскій. Слово о двѣнадцати снахъ Шахаиши по рукописи XV вѣка. Спб. 1879 г.

Барсовъ. Богатырское слово въ спискѣ начала XVII вѣка. Спб. 1881 г.

Гротъ. Новыя свѣдѣнія о Котошихинѣ по Шведскимъ источникамъ. Спб. 1882 г.

Гротъ. Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ. Спб. 1879—1884 гг.

Вельяминовъ-Зерновъ. Источники для изученія Тарханства, жалованнаго башкирамъ русскими государями. Спб. 1864 г.

Энгельманъ. Хронологическія изслѣдованія въ области Русской и Ливонской исторіи въ XIII и XIV столѣтіяхъ Спб. 1858 г.

Куникъ. Сборникъ матеріаловъ для исторіи Императорской Академіи Наукъ въ XVIII вѣкѣ. Ч. I и II. Спб. 1865 г.

Пономаревъ. Матеріалы для библіографіи литературы о Н. М. Карамзинѣ. Спб. 1883 г.

Дубровинъ. Присоединеніе Крыма къ Россіи. Т. I—IV.

Пономаревъ. Іерусалимъ и Палестина въ русской литературѣ, наукѣ и живописи и переводахъ. Спб. 1877 г.

Наумовъ. Дополненія и замѣтки къ толковому словарю Даля. Спб. 1874 г.

Русскія пословицы, собранныя Ипполитомъ Богдановичемъ. Ч. I—III. Спб. 1785 г.

Кеппенъ Хронологическій указатель матеріаловъ для исторіи инородцевъ Европейской Россіи. Спб. 1861 г.

Лира или собраніе разныхъ въ стихахъ сочиненій и переводовъ, нѣкотораго Музъ любителя. Спб. 1773 г.

Васильевъ. Буддизмъ, его догматы, исторія и литература. Ч. III. Исторія Буддизма въ Индіи, соч. Даранаты. Спб. 1869 г.

Минаевъ. Пратимокша-Сутра, буддійскій служебникъ. Спб. 1869 г.

Успенскій. Востокъ христіанскій Аѳонъ. Спб. 1892 г.

Путешественныя записки Василія Зуева отъ С.-Петербурга до Херсона въ 1781 и 1782 гг. Спб. 1787 г.

Пекарскій. Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова. Спб. 1865 г.

Погодинъ. Г. Гедеоновъ и его система о происхожденіи Варяговъ и Руси. Спб. 1864 г.

Герье. Сборникъ писемъ и меморіаловъ Лейбница, относящихся къ Россіи и Петру Великому. Спб. 1873 г.

Гротъ. Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта. Бумаги Кора и Бибикова. Спб. 1862 г.

Бумаги, относящіяся къ послѣднему періоду мятежа и къ поимкѣ Пугачева. Спб. 1875 г.

Отрывки изъ изслѣдованій о варяжскомъ вопросѣ *С. Гедеонова*. Спб. 1862 г.

Толстой. Академическая гимназія въ XVIII столѣтіи, по рукописнымъ документамъ Архива Академіи Наукъ. Спб. 1865 г.

Барсуковъ. Обзоръ источниковъ и литературы русскаго родословія. Спб. 1887 г.

Ворсо. Сѣверныя древности королевскаго музея въ Коппенгагенѣ. Спб. 1861 г.

Веселовскій. Нѣсколько матеріаловъ для исторіи Академіи Наукъ въ біографическихъ очеркахъ ея дѣятелей былого времени. I. Никита Поповъ, Профессоръ Астрономіи и Мартинъ Плацманъ, адъюнктъ по математикѣ. Спб. 1893 г.

Веселовскій. Замѣтки по литературѣ и народной словесности. Спб. 1883 г.

Дмитріевъ-Петковичъ. Обзоръ Афонскихъ древностей. Спб. 1865 г.

Гротъ. Воспоминанія о четырехсотлѣтнемъ юбилеѣ Упсальскаго Университета Спб. 1877 г. Записка о путешествіи въ Швецію и Норвегію академика *Я. К. Грота* Спб. 1874 г.

Гротъ. Письма Ломоносова и Сумарокова къ И. И. Шувалову. Спб. 1862 г.

Гротъ. Екатерина II и Густавъ III. Спб. 1877 г.

Ягичъ. Вновь найденное свидѣтельство о дѣятельности Константина философа, первоучителя славянъ св. Кирилла. Спб. 1893 г.

Ягичъ. Вопросъ о Кириллѣ и Меѳодіи въ славянской филологіи. Спб. 1885 г.

Головацкій. Дополненіе къ очерку славяно-русской библіографіи В. М. Ундольскаго. Спб. 1874 г.

Макушевъ. Итальянскіе Архивы и хранящіеся въ нихъ матеріалы для славянской исторіи. Флорентійскій государственный Архивъ. Спб. 1870 г. Неаполь и Палермо. Спб. 1871 г. Неаполь, Бари, Анкона. Спб. 1871 г.

Лонгиновъ. Русскій театръ въ Петербургѣ и Москвѣ (1749—1774). Спб. 1873 г.

Дестунисъ. О Ксанѳинѣ. Греческая Трапезунтская былина византійской эпохи. Спб. 1881 г.

Куторга. О днѣ и праздникѣ новаго года у Аѳинянъ предъ Пелопоннисскою войною, съ объясненіемъ одной Оропской надписи. Спб. 1865 г.

Гротъ. Орѣховецкій договоръ. Спб. 1877 г.

Публичное засѣданіе Императорской Академіи Наукъ, 19-го Октября 1892 г.

Пекарскій. Отчетъ о занятіяхъ въ 1863—64 годахъ по составленію исторіи Академіи Наукъ. Спб. 1865 г.

Отчетъ о четвертомъ присужденіи Ломоносовской преміи. Спб. 1870 г.

Отчетъ о третьемъ присужденіи Пушкинскихъ премій. Спб. 1886 г. Четвертое присужденіе Пушкинскихъ премій. Спб. 1888 г. Пятое—1889 г. Шестое—Спб. 1891 г. Седьмое—Спб. 1891 г.

Торжественное собраніе Императорской Академіи Наукъ 29 Декабря 1864 г. Спб. 1865 г. 29 Декабря 1865 г. 1 Декабря 1866 г. въ память столѣтней годовщины рожденія Н. М. Карамзина. Спб. 1867 г. 29 Декабря 1866 года. Спб. 1867 г. 29 Декабря 1867 года. Спб. 1868 г.

Дестунисъ. Историческое сказаніе инока Комнина и инока Прокла о разныхъ деспотахъ Эпирскихъ и о тиранѣ Ѳомѣ Прелумбовѣ Комнинѣ, деспотѣ. Спб. 1858 г.

Ученыя записки втораго отдѣенія Императорской Академіи Наукъ. Кн. II. Вып. I и II. Кн. IV, V и VI. Вып. II. Кн. VII. Вып. I.

Отчетъ Императорской Академіи Наукъ по отдѣленію Русскаго языка и словесности за первое десятилѣтіе съ его учрежденія, составленные академикомъ П. А. Плетневымъ. Спб. 1852 г. Тоже самое за 1852—1865 гг. Спб. 1866 г.

Опытъ общесравнительной грамматики русскаго языка, изданный вторымъ отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ изд. III. Спб. 1854 г.

Будиловичъ. XIII словъ Григорія Богослова въ древнеславянскомъ переводѣ по рукописи Императорской Публичной Библіотеки XI вѣка. Спб. 1875 г.,

Ягичъ. Служебныя минеи за Сентябрь, Октябрь и Ноябрь. Въ церковно-славянскомъ переводѣ по русскимъ рукописямъ 1095—1097 г. Спб. 1886 г.

Ягичъ. Маріинское четвероевангеліе съ примѣчаніями и приложеніями. Спб. 1883 г.

Извѣстія Императорской Академіи Наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности т.т. III—X.

Пекарскій. Исторія Императорской Академіи Наукъ въ Петербургѣ. Т. I 1870 г. Т. II 1873 г. Спб.

Дополненіе въ опыту областнаго великорусскаго словаря. Спб. 1858 г.

Носовичъ. Словарь бѣлорусскаго нарѣчія. Спб. 1870 г.

Гротъ. Очеркъ Академической дѣятельности Ломоносова. Спб. 1865 г.

Срезневскій. Древніе памятники русскаго письма и языка (X—XIV вѣковъ). Общее повременное обозрѣніе. Второе изданіе. Спб. 1882 г.

Срезневскій. Матеріалы для словаря древне-русскаго языка, по письменнымъ памятникамъ. Т. I. А.—К. Спб. 1893 г.

Подвысоцкій. Словарь областнаго Архангельскаго нарѣчія въ его бытовомъ и этнографическомъ примѣненіи. Спб. 1885 г.

Билярскій. Матеріалы для біографіи Ломоносова.

Межовъ. Русская Историческая библіографія за 1865—1876 включительно. Т.т. I—VIII

Словарь. Русскаго Языка, составленный вторымъ отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ. Т. I. А—Д. Спб. 1895 г.

Матеріалы для исторіи Императорской Академіи Наукъ. Тт. I—VIII.

Сборникъ. Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Тт. VIII—XLIX безъ т. XXI.

Сборникъ статей, читанныхъ въ отдѣленіи русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Т. I, II, III и V. Вып. I. Вып. II. Т. VII.

Сборникъ. Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Тт LI—LIX.

Сочиненія **М. В. Ломоносова** съ объяснительными примѣчаніями академика М. И. Сухомлинова. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Т т. I—III.

Сочиненія **Державина** съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Т.т. I—IX.

Первый отчетъ Императорской С.-Петербурской Академіи Наукъ о присужденіи премій учрежденныхъ двора Е И. В. Камергеромъ П. Н. Демидовымъ за 1832 г. Спб. 1832 г. Отчетъ о второмъ присужденіи за 1832 г. Спб. 1833 г. Отчетъ о четвертомъ присужденіи за 1834 г. Отчетъ о пятомъ присужденіи—за 1835 г. и т. д. по XXXIV (безъ XXV).

Матеріалы для исторіи Крымскаго ханства, извлеченные по распоряженію Императорской Академіи Наукъ, изъ Московскаго главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Издалъ В. В. Вельяминовъ—Зерновъ. Спб. 1864 г.

Ровинскій. Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ. Т. I. А.—О. Спб. 1889 г. Т. II. П.—Ѳ. Спб. 1889 г.

Дубровинъ. Письма главнѣйшихъ дѣятелей въ царствованіе Императора Александра I съ (1807—1829 г.). Спб. 1883 г.

Кеппенъ. Девятая ревизія. Спб. 1857 г.

Розенъ. Императоръ Василій Болгаробойца. Извлеченіе изъ лѣтописи Яхъи Антіохійскаго Спб. 1883 г.

Майковъ. Разсказы Нартова о Петрѣ Великомъ. Спб. 1891 г.

Записки Іосифа митрополита литовскаго, изданныя Императорскою Академіею Наукъ. Т. I. Спб. 1883 г. Т. II. Спб. 1883 г. Т. III. Спб. 1883 г.

Пѣшеходца Василія Григоровича **Барскаго**—Плаки Албова, уроженца Кіевскаго, монаха Антіохійскаго, путешествіе къ Святымъ мѣстамъ, въ Европѣ, Азіи и Африкѣ находящимся, предпріятое въ 1723 и оконченное въ 1747 году, имъ самимъ писанное. Часть I, содержащая въ себѣ странствованіе его съ 1723 по 1725 годъ. Спб. 1819 г. Ч. II, содержащая въ себѣ странствованіе его съ 1735—1747 г. Спб. 1819 г.

Доринъ. Каспій. О походахъ древнихъ русскихъ въ Табаристанъ, съ дополнительными свѣдѣніями о другихъ набѣгахъ ихъ на прибрежья Каспійскаго моря. Спб. 1875 г.

Исторія Императора Иракла сочиненіе епископа **Себеоса** писателя VII вѣка. Спб. 1862 г.

Безобразовъ. Графъ Ѳедоръ Петровичъ Литке. Спб. 1888 г.

Сухомлиновъ. Повѣсть о судѣ Шемяки. Спб. 1873 г.

Сухомлиновъ. Рѣчь въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ по случаю столѣтняго юбилея Александра I. Спб. 1877 г.

Отчетъ о присужденіи премій Макарія митрополита Московскаго. I—IV.

Отчетъ о присужденіи наградъ графа Уварова. I—XXXV.

Пекарскій. Архивныя розысканія объ изображеніи несуществующаго нынѣ животнаго. Rhytina borealis.

Пекарскій. Новыя извѣстія о В. Н. Татищевѣ. Спб. 1864 г.

Пекарскій. Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755—1764 годовъ. Спб. 1867 г.

Безобразовъ. О вліяніи экономической науки на государственную жизнь въ современной Европѣ. Спб. 1867 г.

Пекарскій. Путешествіе Академика Николая Іосифа Делиля въ Березовъ въ 1740 г. Спб. 1865 года.

Миддендорфъ. Барабá. Спб. 1871 г.

Миддендорфъ. Путешествіе на Сѣверъ и Востокъ Сибири. Вып. 6 и 7. Спб. 1877—1878 г.

Толстой. Академическій Университетъ въ XVIII столѣтіи, по рукописнымъ документамъ Архива Академіи Наукъ. Спб. 1885 г.

Калачовъ. Доклады и приговоры, состоявшіеся въ Правительствующемъ Сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго. Т. I, II и III. 1713 годъ. Спб. 1887 г. Доклады и приговоры, состоявшіеся въ Правительствующемъ Сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго. Т. IV. Кн. I. 1714 г. Кн. II. Спб. 1891 г. Т. V. 1715 годъ. Кн. I. Спб. 1892 г.

Отчеты Императорской Академіи Наукъ за 1859 годъ. Спб. 1860 г. За 1860 г. Спб. 1861 г. За 1861 годъ. Спб. 1862 г. За 1863 годъ. 1864 г. Спб. 1864 г.

Сухомлиновъ. Исторія Россійской Академіи. Вып. III. Спб. 1876 г. Вып. IV. Спб. 1878 г. Вып. V. Спб. 1880 г. Вып. VI. Спб. 1882 г. Вып. VII. Спб. 1885 г. Вып. VIII. Спб. 1888 г.

Торжественное собраніе Императорской Академіи Наукъ 19 Апрѣля 1886 года въ память 200 лѣтней годовщины дня рожденія В. Н. Татищева. Спб. 1887 г.

Житіе Святѣйшаго патріарха Никона, писанное нѣкоторымъ бывшимъ при немъ Клирикомъ Спб. 1817 г.

Толстой. Взглядъ на учебную часть въ Россіи въ XVIII столѣтіи до 1782 г. Спб. 1883 г

Записки Императорской Академіи Наукъ. Т. I—LXXV.

Charmoy. Chèref—Nâmen ou fates de la nation Kourde par Chéref—ou' ddîne, Prince de Bidlîs, dans l'ilâlet d'Ärzeroume. 2 T.

Schiefner. Târanâtha's Geschichte des Buddhismus in Jndien.

Wiedeman. Aus dem inneren und äusseren Leben der Ehsten.

Jamblichi de vita Pythagorica liber.

Gurrvier. Leibniz in seinem Beziehungen zu Russland und Peter dem Grossen.

Schmidt. Der Weise und der Thor. I и II. Theiler.

Regel. Fontes rerum Byzantinarum. T. I.

Güldenstädt. Reisen durch Russland und im Cauasischen Gebürge. I и II Theiler.

Georgi. Bemerkungen einer Reise im russischen Reich. Zwei Bände.

Kunik. Die Berufung der Schwedischenrodsen durch die Finen und Slawen.

Krug. Forschungen der älteren Geschichte 2 Theiler.

Socin und Prym. Kurdische Samlungen. Zwei Abtheil.

Regel. Analecta byzantino-russica.

Mélanges asiatiques, tirés du bulletin historico—philologique de l'académie Imperiale des sciences de St. Petersbourg. T. II—X.

Meriklin. Die Talos—Sage und das Sardonische Lachen.

Frähn. Die Münzen der Chane vom Ulus Dschutschi's oder von der goldenen Horde, nebst denen verschiedener anderen muhamedanischen dynastien im Anhange; aus der ehemaligen Samlung des Hn. Professors Staatsrathes und Ritters S. von Fuchs zu Casan jetzt der Kais. Uniwersität daselbst gehörig.

Brosset. Deux historiens Arméniens Kiracos de Gantzac XIII s., histoire d'Arménie; Oukhtanès d'Ourha X s., histoire en trois parties.

A chrestomathy of the Afghan language.

Klaproth. Archiw für Asiatische Litteratur Geschichte und Sprachkunde.

Memoires presentés à l'académie Impériale des sciences de St-Petersbourg par divers savans et lus dans ses assemblées. T. VI 2 et. 3 livr.

Mémoires l'académie Impériale des sciences de St. Petersbourg. VII T. I № 7. T. III № 3. T. IV № 9. T. VI № 6, № 9. T. VIII № 10. T. IX № 6. T. X № 9. T. XI № 13, № 18. T. XIII № 5. T. XVI № 3, № 13. T. XVII № 2. T. XVIII № 4. T. XIX № 5. T. XXII № 7. T. XXIII № 1. № 6. № 7. T. XXVIII № 7. T. XXXII № 8, № 16. T. XXXIV № 13. T. XLI № 4.

Brosset. Les ruines d'Ani, capitale de l'Arménie sous les rois Bagratides aux X et. XI S. Histoire et description.

Bulletin de la classe Historico—philologique de l'académie Impériale des sciences de S. Petersbourg. T. I—V. T. IX—XVI.

Mémoires de l'académie Impériale des sciences de S. Petersbourg. VI serie. Sciences politiques, histoire, philologie. T. I 6 livr. T. IV 6 livr. T. V 1—6 livr. T. VII 1, 4 et 5 livr. T VIII. T. IX.

Böhtlingk. Mrkkhakatika d. i das Irden Wegelchen, ein dem König Gûdraka zugeschriebenes Schauspiel.

ОТЪ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

при Харьковскомъ Университетѣ.

Цѣль Харьковскаго историко-филологическаго общества состоитъ въ развитіи и распространеніи историческихъ и филологическихъ знаній и въ сохраненіи словесныхъ и вещественныхъ памятниковъ старины.

Лица, интересующіяся русскою исторіею вообще, исторіею южной Россіи въ частности, могутъ оказать полезное содѣйствіе Харьковскому историко-филологическому обществу сообщеніемъ свѣдѣній о старинѣ и доставленіемъ старинныхъ вещей. Желательно: 1) Приведеніе въ извѣстность числа, величины и формы городищъ и кургановъ и сообщеніе связанныхъ съ ними народныхъ преданій и разсказовъ. Если городища и курганы раскапывались, то нужно знать, когда, кѣмъ, какимъ способомъ, что было найдено, и гдѣ найденное въ курганѣ хранится нынѣ. 2) Доставленіе древнихъ вещей всякаго рода, глиняныхъ, каменныхъ, бронзовыхъ, желѣзныхъ,—какъ-то: предметовъ вооруженія, украшенія, одежды, утвари, монеты. Доставленіе иконъ стараго письма, преимущественно съ чертами мѣстнаго южнорусскаго искусства. Указаніе и описаніе старинныхъ портретовъ, хранящихся въ монастыряхъ, церквахъ или въ фамильныхъ собраніяхъ частныхъ лицъ. Доставленіе списковъ съ разныхъ древнихъ надписей на сволокѣ, камнѣ, книгѣ и пр.; при этомъ желательны письменныя объясненія, гдѣ, когда и кѣмъ была найдена вещь. Если нельзя получить вещей, то желательно получить точные рисунки съ нихъ или фотографическіе снимки. 3) Сообщеніе свѣдѣній о малорусскомъ языкѣ, словарей мѣстныхъ говоровъ, сказокъ, повѣрій, заклинаній, пѣсенъ, обрядовъ всякаго рода, разсказовъ о цѣлебныхъ источникахъ, кладахъ, колдунахъ, вѣдьмахъ, чертяхъ, чародѣйствѣ и т. п. 4) Сообщеніе преданій и разсказовъ о церквахъ, монастыряхъ, иконахъ, о происхожденіи селъ и городовъ, о старинномъ землевладѣніи и въ частности о заимкѣ, государственныхъ и общественныхъ дѣятеляхъ, о старинныхъ войнахъ, татарахъ, казакахъ, гайдамакахъ, о шляхахъ, о чумачествѣ. 5) Доставленіе свѣдѣній объ остаткахъ церковныхъ братствъ, о старинныхъ школахъ и способахъ обученія, о школьной жизни, о формахъ общественнаго призрѣнія (шпиталяхъ), о бандуристахъ (гдѣ живетъ, у кого учился, какія пѣсни и преданія знаетъ и проч.). 6) Сообщеніе о хранилищахъ рукописей и доставленіе оригиналовъ или копій съ рукописей, именно—грамотъ, въ томъ числѣ грамотъ на данныя отдѣльнымъ лицамъ земли, юридическихъ документовъ, межевыхъ записей, фамильныхъ лѣтописей, историческихъ записокъ, писемъ, дневниковъ, сельскохозяйственныхъ документовъ, старинныхъ учебниковъ, проповѣдей, ненапечатанныхъ повѣстей, драмъ и лирическихъ стихотвореній на малорусскомъ языкѣ, сборниковъ литературнаго или историческаго содержанія, литературныхъ альбомовъ, панегириковъ, старинныхъ пасквилей, лѣчебниковъ, каталоговъ старинныхъ рукописныхъ собраній и библіотекъ и проч. и т. п. 7) Доставленіе старинныхъ книгъ, атласовъ и т. п.

Согласно съ 3 § устава Общества археологическіе и этнографическіе предметы, пріобрѣтенные Обществомъ, поступаютъ въ музей изящныхъ искусствъ и древностей при Харьк. Универс.; рукописи и книги остаются въ вѣдѣніи Общества и входятъ въ составъ его библіотеки, которая помѣщается въ зданіи Университета.

Общество по мѣрѣ денежныхъ средствъ, согласно со 2 § устава, издаетъ ученыя изслѣдованія, памятники, мелкія замѣтки, критико-библіографическія статьи и обозрѣнія. Въ „Сборники" Общества входятъ рефераты членовъ Общества въ цѣломъ видѣ или въ сокращеніи и отчеты о сдѣланныхъ въ архивъ и въ библіотеку Общества вкладахъ и пожертвованіяхъ. По § 19 устава, въ случаѣ закрытія Общества, все его имущество поступаетъ въ вѣдѣніе Харьковскаго Университета.

Письменныя сообщенія и прошенія присылать по слѣдующему адресу: въ Харьковъ, въ Университетъ, въ Историко-филологическое Общество.

Указъ о принятіи Хорошевскимъ сотникомъ Ковалевскимъ отъ полк. асаула Буцкаго порученныхъ ему карауловъ.

О пресѣченіи опасной болѣзни въ кр. Борисоглѣбской.

Указъ о свободномъ проѣздѣ для торговли съ товарами и объ открытіи ярмарокъ.

О пресѣченіи опасной болѣзни въ кр. Св. Параскевы.

Доношеніе Салтовскаго сотника о томъ, что выморочные дворы и грунта въ с. Хотомлѣ послѣ умершихъ отъ чумы заняли ихъ родственники.

Указъ о присылкѣ свѣдѣній, сколько въ Слободскихъ полкахъ имѣется выморочныхъ грунтовъ и угодій (169 листъ).

О задержанныхъ на караулахъ четырехъ безпаспортныхъ человѣкахъ (о выдачѣ имъ овса и муки).

О предосторожности противъ опасной болѣзни (указы изъ разныхъ учрежденій).

Доношенія сотенъ Харьковскаго полка о полученіи и исполненіи указовъ.

Указъ о сыскѣ конотопскихъ слѣпцовъ кобзарей зажигателей Сливченка и Яременка.

Объ уничтоженіи заставъ, устроенныхъ по случаю опасной болѣзни (письмо Баскакова полковнику объ уничтоженіи карауловъ).

О непропускѣ идущихъ съ турецкой стороны, по случаю появленія въ Константинополѣ опасной болѣзни.

Объ устройствѣ въ пограничныхъ мѣстахъ карауловъ, по тому же случаю.

Указъ о сыскѣ вора разбойника и людоѣда Мацапуры, бѣжавшаго изъ подъ караула въ Глуховѣ.

Доношеніе Липецкаго сотника Авксентіева о томъ, что казаки Липецкой сотни отправлены въ Безлюдовку, а онъ сотникъ отправиться не можетъ, ибо обрѣтается у высылки къ г. Харькову обывательскаго скота и фуража.

№ 43-й. 1740 года (на 95 листахъ).

О починкѣ крѣпостей и по всѣмъ дорогамъ мостовъ и переправъ.

Доношеніе козака Шляхтича, посланнаго для осмотра, въ чистотѣ ли содержутся улицы, рынки въ мѣстечкахъ Харьковскаго полка.

О починкѣ мостовъ въ Харьковскомъ полку по случаю проѣзда команды кн. Репнина, назначеннаго къ разграниченію земель между Россійскою имперіею и Оттоманскою портою.

Доношеніе намѣстника Харьковскаго Преображенскаго монастыря Вене-

дикта о томъ, чтобы Мерефянскіе обыватели сдѣлали черезъ р. Мерефу мостъ, ибо гать этого монастыря отъ отсутствія моста страдаетъ.

О починкѣ мостовъ въ гор. Харьковѣ.

Вѣдомость о матеріалѣ для починки мостовъ въ Харьковѣ.

Доношеніе Золочевскаго сотника Павла Ковалевскаго о томъ, что лѣсу въ Золочевской сотни для Харьковскихъ мостовъ нѣтъ.

Доношеніе Деркачевской сотни о томъ, что выслать дерева для постройки моста въ Харьковѣ она не можетъ, ибо ей нужно починить свой мостъ.

Указъ о починкѣ гатей и мостовъ.

О переправахъ черезъ гати у м. Соколова.

Доношеніе Деркачевскаго сотника Ковалевскаго о дозволеніи вырубить изъ лѣсу, принадлежащаго Преображенскому монастырю, деревья на „мостницы“, такъ какъ у обывателей кромѣ мелкаго лѣса другаго нѣтъ.

О плохомъ состояніи плотины подъ с. Даниловкою.

Доношеніе пушкаря Продуна о томъ, что Хорошевская, Мерефянская и Соколовская сотни не дали лѣсу на постройку моста въ Харьковѣ.

Доношеніе мерефянскаго сотника Щербины о томъ, чтобы сосѣднія села и деревни помогли построить въ Мерефѣ мостъ.

О точномъ и скоромъ исполненіи указовъ и о рапортованіи объ этомъ.

Указы объ укрѣпленіи мѣстечекъ, форпостовъ полиссадами и рогатками, объ устройствѣ мояковъ и о предосторожности отъ опасной болѣзни.

О починкѣ крѣпостей.

№ 44-й. 1740 г. (на 229 листахъ).

О нарядѣ козаковъ тысячи человѣкъ съ полковою и сотенною старшиною.

Указы объ отправленіи козаковъ къ вершинѣ *р. Чепеля и Мѣловой* въ распоряженіе камиссара ген. Репнина подъ командой полковника Кондратьева, полковаго обознаго Острогожскаго полка, есауловъ Харьковскаго и Сумскаго полковъ.

Указъ о назначеніи комиссарами для разграниченія земель между Россіею и Турціею кн. Репнина и Неплюева.

Указъ о назначеніи полковаго есаула Буцкаго въ командировку.

О содержаніи въ Харьковскомъ полку верблюдовъ, возвращенныхъ обратно изъ Мишуринорожскаго ретрашамента.

О выдачѣ провіанта изъ Харьковскихъ и Изюмскихъ магазиновъ казакамъ, командированнымъ въ коммиссію для разграниченія земель.

Указъ о нарядѣ козаковъ и о явкѣ маркитантовъ для доставки съѣстныхъ припасовъ въ коммиссію для разграниченія земель.

Вѣдомость о козакахъ, высланныхъ изъ Люботинской и Салтовской сотенъ въ Безлюдовку.

Вѣдомость о козакахъ Хорошевской сотни, высланныхъ для разъѣздовъ.

Указъ о высылкѣ старожиловъ, знающихъ границы и степныя рѣки и рѣчки.

Именной списокъ козаковъ Липецкой сотни, отправленныхъ въ Безлюдовку.

Тоже Тишковской, Ольшанской, Хорошевской и Соколовской сотенъ.

Письмо асаула Буцкаго Харьковскому обозному о состояніи прибывшей въ Безлюдовку команды.

Указъ о выдачѣ командированнымъ провіанта изъ казенныхъ магазиновъ съ обозначеніемъ изъ какого именно.

Указъ объ отправленіи Липецкаго сотника Аксентіева съ козаками, взявъ съ него отвѣтъ по поводу доношенія подполковника Бульскаго.

Указъ о присылкѣ вѣдомостей, сколько потребно для козаковъ Слободскихъ полковъ ручницъ, приготовляемыхъ на тульскихъ заводахъ.

О количествѣ потребныхъ для Харьковскаго полка ручницъ.

О назначеніи пушкарю Явтушенку кого-ниб. въ подмогу.

Объ уменьшеніи количества находящихся на линіи козаковъ.

Доношенія сотень Харьковскаго полка о количествѣ потребныхъ для нихъ ручницъ.

Вѣдомость о козакахъ Харьковской сотни, отправленныхъ въ Безлюдовку.

Вѣдомости о козакахъ, наряженныхъ въ коммиссію разграниченія земель и на патрули въ Торъ.

О количествѣ ружей, потребныхъ для Хорошевской и Мерефянской сотень.

Указы о вызовѣ маркитантовъ для комиссіи разграниченія земель, о закупкѣ птицъ и скота и пр.

О поставкѣ Котельниковымъ уксусу по подряду (333 ведра).

О доставкѣ съѣстныхъ припасовъ въ ту же коммиссію (указы).

О сыскѣ старожиловъ, знающихъ южныя границы и степи.

О смѣнѣ казаковъ, находящихся при разъѣздѣ у Тора (стр. 182).

О присылкѣ изъ Ахтырки 500 руб. денегъ для воловъ, барановъ и пр., закупленныхъ для участвующихъ въ комиссіи размежеванія.

Указъ о томъ, чтобы на форпостахъ наблюдали за выходомъ слободскихъ обывателей за рубежъ.

О количествѣ съѣстныхъ припасовъ, закупленныхъ для комиссіи (стр. 198).

О состояніи команды, находящейся при отправленіи съѣстныхъ припасовъ для коммиссіи (200 стр.).

О покупкѣ съѣстныхъ припасовъ въ Ахтырскомъ полку (210 стр).

Указъ Чугаю и Писаченку, назначеннымъ для покупки съѣстныхъ припасовъ, о возвращеніи обратно денегъ въ канцелярію.

Вѣдомость о командированныхъ козакахъ Харьковскаго полка.

О нарядѣ козаковъ.

№ 45-й. 1740 г. (на 134 листахъ).

О предосторожности отъ скотскаго падежа.

Указъ объ изслѣдованіи причинъ скотскаго падежа и о принятіи мѣръ къ уничтоженію послѣдняго.

Доношенія сотенъ Харьковскаго полка о причинахъ падежа и количествѣ павшаго скота.

Вѣдомости, доставленныя изъ селъ и деревень Харьковскаго полка о количествѣ павшаго скота.

Вѣдомость о количествѣ скота, павшаго въ Харьковскомъ полку.

Указы о предосторожности противъ скотскаго падежа (мѣры).

О появленіи чумы рогатаго скота въ Ахтырскомъ и Изюмскомъ полкахъ.

О скотскомъ падежѣ въ Малороссійскихъ полкахъ.

О скотскомъ падежѣ въ м. Колонтаевкѣ и сл. Кириковкѣ Ахтырского пол.

О появленіи скотскаго падежа въ Должикѣ.

О появленіи скотскаго подежа въ сл. Меловаткѣ Острогожскаго п.

О появленіи скотскаго падежа въ с. Жеребцѣ.

Тоже въ хуторѣ Святогорского Успенского монастыря Осиновомъ.

Указъ о непродажѣ за границу скота.

№ 46-й. 1740 года (на 86 листахъ).

Объ урожаѣ хлѣба.

Вѣдомости о количествѣ заготовленнаго сѣна и уродившагося хлѣба (число копенъ, умолотъ и пр.).

Вѣдомости Хорошевской, Мерефянской, Соколовской сотенъ о количествѣ уродившагося хлѣба и заготовленнаго сѣна.

Тоже изъ Борокъ, Гуляй поля.

Тоже изъ Харьковскихъ и Деркачевской сотенъ, изъ вотчинъ кн. Крапоткина, изъ Золочевской сотни, изъ сс. Карасевки и Лопани.

Письмо Лесевицкаго къ полковнику о засѣвѣ полей обывателями и снятіи сѣна съ степей и о добропорядочномъ поведеніи старшинъ

Указы о томъ же и о предоставленіи обывателямъ пользоватьс язаимообразно хлѣбомъ, находящимся въ магазинахъ.

Вѣдомость о количествѣ выданнаго зерна и муки изъ Ольшанскаго провіансткаго магазина.

Указъ о присылкѣ вѣдомостей о количествѣ собраннаго хлѣба и сѣна.

Указъ о заготовленіи извѣстнаго количества сѣна на казенные конскіе заводы.

Вѣдомость изъ Люботинской сотни о количествѣ хлѣба и объ урожаѣ травы.

Тоже изъ Деркачевской, Липецкой, Ольшанской и Тишковской сотенъ.

№ 47-й. 1740 года (на 132 листахъ).

О содержаніи патрулей.

Указъ о высылкѣ на патрули козаковъ и о замѣнѣ высланныхъ худоконныхъ доброконными и о снабженіи ихъ провіантомъ.

Указъ о высылкѣ на разъѣзды къ кр. Тору изъ Харьковскаго полка 55 казаковъ.

Указъ о возвращеніи бѣглыхъ.

Реестры бѣглыхъ Харьковскаго полка съ форпостовъ.

Инструкція изъ Харьковской полковой канцеляріи о высылкѣ бѣглыхъ.

Росписаніе по сотнямъ козаковъ, которыхъ слѣдуетъ выслать на патрули.

Указъ о присылкѣ вѣдомостей о раскомандированіи козаковъ.

Паспортъ, выданный вахмистру ландмилицкаго слободскаго полка Гурьеву объ его отставкѣ.

О высылкѣ бѣглыхъ на форпосты и о высылкѣ провіанта находящимся на разъѣздахъ.

Доношеніе въ Харьковскую полковую канцелярію Константина Протопопова о его подданномъ Костюченкѣ, записанномъ въ козаки (1742 г.) стр. 43).

О присылкѣ рапорта о собранныхъ козакахъ при с. Безлюдовкѣ.

Доношеніе изъ Солтовской сотни о томъ, что подпрапор. Герасимъ Кортавый отправился для сбора розданныхъ заимообразно старшинѣ и козакамъ въ 1737 г. денегъ.

О присылкѣ подпрапорнаго Герасима Картавова въ Харьковъ.

Доношеніе Липецкаго сотника о томъ, что онъ назначенъ къ продажѣ негодныхъ государевыхъ лошадей и потому назначенія о сборѣ денегъ не можетъ принять.

Вѣдомость о казакахъ, явившихся къ с. Безлюдовкѣ (отъ 63—86 стр.)

Доношеніе Харьковской полковой канцеляріи объ отпускѣ сотника Пащинскаго домой.

Доношеніе сотника Богаевскаго о бѣжавшихъ козакахъ изъ его команды.

Объ отпускѣ домой сотника Пащинскаго на основаніи указа Е. И. В.

О возращеніи козаковъ, отправленныхъ съ сотникомъ Богаевскимъ въ въ свои дома.

Доношеніе сотника Пащинскаго объ освобожденіи его отъ суда.

Указъ о посылкѣ отъ каждаго слободского полка по 55 человѣкъ для разъѣздовъ отъ Бахмута до Тора (съ приложеніемъ росписанія высылаемыхъ изъ Харьковск. полка).

Доношеніе сотника Богаевскаго о томъ, что козаки страдаютъ отъ голода (приложенъ реестръ бѣглыхъ). Реестръ высланныхъ на потрули козаковъ изъ Деркачевской сотни.

Реестръ бѣжавшихъ отъ кр. Тора.

Указъ о высылкѣ козаковъ для содержанія по р. Донцу патрулей (1739 г.).

Указъ о содержаніи козаковъ, находящихся при коммиссіи разграниченія земель изъ Изюмскаго провіантскаго магазина.

№ 48. 1740 года (на 162 листахъ).

Объ укомплектованіи козаковъ.

Указъ объ укомплектованіи выборныхъ козаковъ слободскихъ полковъ.

Инструкція для руководства при укомплектованіи козаковъ.

Вѣдомость отъ Деркачевской сотни о назначенныхъ въ подмогу драгунамъ.

Доношеніе полковаго асаула Высочина о укомплектованіи сотень Хорошевской, Соколовской и Мерефянской.

Вѣдомость о укомплектованныхъ козакахъ Валковской сотни.

Вѣдомость о взятыхъ изъ Валковской сотни въ драгуны.

Вѣдомость о взятыхъ изъ Перекопской сотни въ драгуны.

Вѣдомость о козакахъ Мерефянской сотни, находящихся на лицо и въ командировкѣ.

Предложеніе полковника Тевяшева полковой канцеляріи о томъ, чтобы полковой асаулъ Высочинъ имѣлъ въ ней присутствіе до 15 іюля. (31 стр.)

О наказаніи сотника Петровскаго за неотдачу обывателямъ слѣдуемыхъ имъ за фуражъ денегъ.

Доношеніе жителей Соколовскихъ Кулика съ товарищами о грабежѣ ихъ посланными обознаго Квѣтки.

Вѣдомость о укомплектованныхъ козакахъ Валковской сотни.

О выбранныхъ изъ Золочевской сотни кап. Куликовскимъ драгунахъ на мѣсто бѣглыхъ и умершихъ.

Вѣдомости о укомплектованныхъ козакахъ Перекопской и Соколовской сотень.

Подписки сотника Соколовскаго Жукова о содержаніи козаковъ въ полной исправности на случай похода.

Вѣдомость Соколовской сотни о взятыхъ въ регулярную службу въ 2 роты.

Вѣдомость о укомплектованныхъ козакахъ Перекопской сотни.

Справка о десятикопѣечномъ сборѣ, сбираемомъ съ козачьихъ братьевъ и подпомощниковъ.

Инструкція изъ Харьковской полковой канцеляріи, выданная полковому асаулу Высочину, назначенному для укомплектованія козаковъ.

Вѣдомость укомплектованныхъ козаковъ Угольчанской сотни.

Тоже Хорошевской сотни. Письмо полковому асаулу Ивана Авксентіева о томъ, что за „скудостью народною“ въ Деркачевской сотнѣ нельзя набрать полнаго числа козаковъ.

О высылкѣ Соколовскаго писаря Радченка въ Изюмъ къ Высочину для письма.

Реестръ укомплектованныхъ козаковъ Хорошевской сотни.

Доношеніе козака Гурьева о томъ, что телѣги для турецкаго посла сданы Марефянскому сотнику Щербинѣ.

Вѣдомость о взятыхъ изъ Хорошевской сотни въ регулярную службу.

Подписка Хорошевскаго сотника Степана Ковалевскаго о содержаніи козаковъ своей сотни въ полной исправности.

Реестры укомплектованныхъ козаковъ Мерефянской сотни (стр. 112 и 122).

Подписка сотника этой сотни Матвѣя Щербины о содержаніи козаковъ въ полной исправности.

Вѣдомость о взятыхъ изъ Мерефянской сотни въ регулярную службу

Записная книга Золочевской сотни за 739 годъ для записи провіантскихъ и фуражныхъ дѣлъ.

Вѣдомости о укомплектованныхъ козакахъ Угольчанской сотни.

Вѣдомость о томъ же Харьковской сотни.

Подписка Харьковскаго сотника Романовича о содержаніи въ полной исправности козаковъ.

№ 49-й. Отъ 1740 по 1762 годъ (на 275 листахъ).

О службѣ Нестерова, Горленскаго и Земборскаго.

Объ опредѣленіи канцеляриста Нестерова старшимъ полковымъ писаремъ въ Харьковскій полкъ.

Рапортъ о присягѣ Нестерова.

Указъ о присылкѣ свѣдѣнія о причинѣ удаленія Горленскаго отъ должности старшаго полковаго писаря.

Указъ о бытіи Нестерову младшимъ писаремъ.

Указъ о доставкѣ Горленскаго въ Глуховъ.

О присылкѣ писаря Горленскаго въ Глуховъ.

Доношеніе Харьковской полковой канцеляріи въ министерскую канцелярію малороссійскихъ дѣлъ объ оставленіи Горленскаго старшимъ писаремъ.

Указъ о назначеніи Горленскаго старшимъ писаремъ въ Харьковской полковой канцеляріи.

Доношеніе Харьковской полковой канцеляріи въ военную коллегію о томъ, что вакантнаго мѣста для Ивана Нестерова нѣтъ въ Харьковскомъ полку.

Указъ о назначеніи Савицкаго младшимъ полковымъ писаремъ, и о присылкѣ Ивана Нестерова въ Москву въ герольдмейстерскую контору.

О назначеніи Алексѣя Савицкаго младшимъ полковымъ писаремъ въ Харьковскую полковую канцелярію.

Указъ объ опредѣленіи Нестерова старшимъ войсковымъ писаремъ въ Харьковскую полковую канцелярію, а Горленскаго—въ Сумскую полковую канцелярію.

Промеморіи о высылкѣ Горленскаго въ Сумскую полковую канцелярію

О допущеніи къ исполненію писарськой должности Нестерова.

Переписка по поводу недопущенія Харьковской лковой старшиной. Нестерова исполнять свои обязанности полковаго писаря.

Промеморія изъ Сумской полковой канцеляріи въ Харьковскую о невыдачѣ изъ Сумскаго полка Горленскому жалованья за то время, которое онъ находился въ Харьковскомъ послѣ указа о назначеніи его въ Сумской полкъ.

О назначеніи Горленскаго полковымъ асауломъ въ мѣсто Высочина (стр. 93).

О назначеніи Земборскаго младшимъ полковымъ асауломъ въ Харьковскій полкъ (стр. 95 и сл.).

Объ опредѣленіи въ Харьковскій полкъ полковымъ ротмистромъ Ивана Нестерова, старшимъ полковымъ писаремъ Савицкаго и младшимъ писаремъ Романовскаго (стр. 105).

Присяга Нестерова и Романовскаго (стр. 108).

О времени вступленія на службу и награжденіи чинами Полковаго судьи Ковалевскаго, асаула Горленскаго, писаря Земборскаго и ротмистра Нестерова.

Прошеніе Нестерова о назначеніи его въ полковые судьи (его служба стр. 117).

О назначеніи Острогожскаго старшимъ полковымъ писаремъ, а Романовскаго младшимъ (стр. 121).

Ордеръ Кантемира о назначеніи штабъ и оберъ офицеровъ слободскаго драгунскаго полка на мѣста (стр. 127).

О службѣ капитана Квѣтки (стр. 128).

Указъ военной коллегіи о явкѣ капитана Квѣтки вмѣсто военной коллегіи въ Харьковской полковой канцеляріи.

Прошеніе козаковъ Хорошевской сотни о назначеніи сотникомъ въ эту сотню Прокофѣя Квѣтки (стр. 133).

О назначеніи Хорошевскимъ сотникомъ Прокофея Квѣтки.

Присяга Горленскаго.

О назначеніи Горленскаго старшимъ полковымъ есауломъ въ Харьковскій полкъ.

О назначеніи Протопопова сотникомъ полковымъ.

Письмо Банческула Харьковскому полковнику о назначеніи Нестерова полковымъ судьей.

Аттестатъ, выданный Нестерову и Куликовскому о ихъ службахъ.

Лѣкарское свидѣтельство Нестерову о томъ, что онъ служить въ военной службѣ не можетъ.

Ордеръ кн. Кантемира въ Харьковскую канцелярію о присылкѣ полковыми старшинами и сотниками рапорта о „изнеможеніи“ козаковъ слободскихъ полковъ, на что жалуются полковники.

Справка о службѣ ротмистра Нестерова.

О службѣ Горленскаго.

Челобитная Прокофѣя Квѣтки о назначеніи его полковымъ судьей.

Ордеръ кн. Кантемира въ полковую Харьковскую канцелярію о выборѣ на судейскую должность (стр. 176).

Рапортъ Максима Горленскаго о своей службѣ (стр. 188).

Тоже Ивана Земборскаго.

Справка о службахъ Горленскаго, Земборскаго и Острожскаго (стр. 202).

Предложеніе бригадира Титова о неотправкѣ въ Зміевъ сотника Протопопова.

Объ явкѣ асаула Горленскаго въ Зміевъ въ бригадную канцелярію.

Отвѣтъ въ Харьковскую полковую канцелярію отъ асаула Земборскаго по поводу того, что будто бы Земборскій въ производствѣ Нестерова поступилъ противно указу военной коллегіи.

Отвѣтъ сотника Якова Квѣтки о неподписи списковъ о производствѣ въ чины.

Отвѣтъ Горленскаго о нечестномъ исполненіи имъ своихъ служебныхъ обязанностей.

О времени вступленія Горленскаго на службу (доношеніе ротмистра Нестерова (стр. 229).

Доношеніе ротмистра Нестерова о томъ, что по указу военной коллегіи онъ, Нестеровъ, какъ въ своемъ доношеніи утверждаетъ Земборскій, не причисленъ къ числу инвалидовъ.

О производствѣ выборовъ на судейскую должность въ Харьковскомъ полку.

Документы, присланные Сумской канцеляріей въ Харьковскую, касающіеся Земборскаго, когда онъ былъ поручикомъ въ Слободскомъ драгунскомъ полку.

Объ увольненіи отъ службы хоружихъ Куколевскаго и Смородскаго и сотниковъ Якова Ковалевскаго и Голуховича за неспособность и о назначеніи другихъ.

Указъ объ отставкѣ асауловъ Пештича и Боярскаго и др. чиновъ и о награжденіи ихъ за службы чинами, если у нихъ нѣтъ скупленныхъ ими у казаковъ земель.

Указъ о назначеніи Ѳеодора Квѣтки и Григорія Мосцѣваго сотниками, и объ отставкѣ разныхъ чиновъ: Пештича, Боярскаго и пр.

Ордеръ въ Харьковскую полковую канцелярію о „сказаніи" выговора старшинамъ и сотникамъ, подписавшимся на аттестатѣ, данномъ полковому обозному Ковалевскому о выборѣ его полковникомъ.

Приговоръ сотниковъ о невыборѣ на должность полковаго судьи никого изъ трехъ представленныхъ кандидатовъ (Горленскаго, Земборскаго и Нестерова).

№ 50 й. 1740 года (на 102 листахъ).

Объ учрежденіи въ Слободскихъ полкахъ почтъ.

Указы объ учрежденіи почтъ и о присылкѣ мѣсячныхъ рапортовъ о количествѣ данныхъ подводъ и полученныхъ прогоновъ и о количествѣ лошадей для содержанія *почтъ*.

Доношеніе Золочевскаго сотника о содержаніи почтъ въ Золочевской сотнѣ.

Вѣдомость, доставленная изъ Валковской сотни, о количествѣ проѣхавшихъ чрезъ Валковскую почту съ 1 января по 1 ноября 1740 года.

Такая же вѣдомость изъ Золочевской сотни за октябрь и ноябрь мѣсяцы—изъ Деркачевской сотни за іюнь, іюль, августъ, сентябрь и октябрь.

Реестръ указамъ, доношеніямъ и инструкціямъ, относящимся къ содержанію почты (Указы прописаны цѣликомъ).

Доношеніе перекопскаго сотника Пащинскаго о заплатѣ обывателями слѣдуемаго съ обывателей по расположенію количества денегъ для содержанія почты.

Вѣдомость о стоимости содержанія почты въ Перекопской сотнѣ.

Вѣдомость о розданномъ на казацкихъ лошадей Харьковскаго и Нѣжинскаго полковъ сѣнѣ, принятомъ отъ сек. маіора Вышнякова.

Доношеніе Мерефянскаго сотника объ освобожденіи мерефянскихъ обывателей отъ доставки рацій (сѣномъ) штатбъ фурьеру и флигель-адъютантамъ Фонъ-Лессія.

О содержаніи государевыхъ лошадей въ учрежденной почтѣ въ Харьковѣ, Липцахъ и Черемушиной.

О назначеніи въ Харьковъ, Безлюдовку и Липцы унтеръ-офицера и капрала для наблюденія за почтой.

Объ учрежденной почтѣ въ Липцахъ и Мерефѣ изъ драгунъ.

Указъ о присылкѣ Харьков. полковой канцеляріей мнѣнія о содержаніи почты въ Харьков. полку.

Вѣдомость о почтовыхъ станахъ Харьков. полка.

Указъ о дачѣ безъ прогоновъ подводъ солдатамъ, ѣдущимъ съ указами изъ канцеляріи Коммиссіи Учрежденія Слободскихъ полковъ.

Указъ о присылкѣ вѣдомости, въ какомъ разстояніи какое мѣстечко находится отъ Глухова.

О порученіи хорошевскому сотнику Ковалевскому составить вѣдомость.

Письмо Борзова къ Тевяшеву о томъ, что письма отъ Бѣлгорода до Харькова и обратно доставляются въ продолжительный срокъ и задерживаются на Липецкой почтѣ.

Доношеніе Мерефянскаго однодворца Колчинцова о заплатѣ ему мерефянскими обывателями недоимокъ по содержанію въ Мерефѣ почтъ.

Доношеніе о содержаніи почты въ новыхъ Водолагахъ.

Реестръ указовъ и другихъ бумагъ съ Октября 1740 г. по Ноябрь 1741 г.

О содержаніи почты въ м. Мерефѣ и въ м Валкахъ.

Вѣдомость о проѣхавшихъ чрезъ Соколовскую почту въ 1740 г.

О содержаніи почты въ г. Харьковѣ.

№ 51-й. 1740 года (на 218 листахъ).

О высылкѣ на Бахмутскіе соляные заводы работниковъ.

Указъ объ отправкѣ на Бахмутскіе соляные заводы работниковъ.

Реестръ бѣжавшихъ работниковъ отправленныхъ на эти заводы (Харьковскаго полка).

Реестръ высланныхъ работниковъ и бѣжавшихъ.

О неотправленіи работниковъ за полою водою на Бахмутскіе заводы (стр. 16).

Указы о высылкѣ работниковъ на Бахмутскіе заводы.

О порученін сбора работниковъ наказному сотнику Клованому (стр. 30).

Инструкція, данная этому сотнику.

Росписаніе, сколько съ какой сотни нужно выслать людей.

Промеморія изъ Бахмутской заводской конторы о высылкѣ изъ Рыбенскаго, Харьковскаго и Изюмскаго полковъ по 100 чел. работниковъ.

Доношеніе подпрапорнаго Молѣева о томъ, что изъ работниковъ, отправленныхъ на Бахмутскіе заводы, часть разбѣжалась, а часть ушла домой. (Приложенъ реестръ отправившихся домой).

Указы о высылкѣ работниковъ на соляные Бахмутскіе заводы.

Вѣдомость о высланныхъ съ отводцами работникахъ.

Реестръ бѣглыхъ, высланныхъ изъ полковыхъ сотень Харьковскаго полка.

О высылкѣ работниковъ изъ Мерефянской и Перекопской сотень.

О заплатѣ денегъ за взятое въ Торской крѣпости для козаковъ Харьковскаго и Нѣжинскаго полка сѣно.

Указъ о присылкѣ вѣдомости о количествѣ ввозимой изъ Польши черезъ Днѣпръ въ Россію соли.

Доношеніе изъ Харьковской таможни о томъ, что соли въ привозѣ изъ Польши въ Харьковѣ не было.

О высылкѣ работныхъ людей на Бахмутскіе заводы (съ приложеніемъ реестра высланныхъ (стр. 74 и др.).

О порученіи высылаемыхъ работниковъ на соляные заводы подпрапорному Молѣеву.

Доношеніе Золочевской сотни о невысылкѣ съ оной сотни работниковъ на соляные заводы.

Указы и промеморіи о высылкѣ на соляные заводы работниковъ, чтобы не было остановки въ вываркѣ соли (стр. 96 и пр.).

Реестръ работниковъ высланныхъ изъ Золочевской (стр. 112) и Деркачевской сотень (стр. 114).

Промеморіи изъ заводской соляной конторы о высылкѣ работниковъ.

Доношенія сотень Харьковскаго полка о высылкѣ работниковъ.

Доношеніе подпрапорнаго Молѣева о бѣглыхъ работникахъ съ присоединеніемъ реестра.

Реестръ высланныхъ Молѣевымъ въ Бахмутъ.

Доношеніе подпрапорнаго Молеева о томъ, что нѣкоторыя сотни не высылаютъ работниковъ.

Указы о высылкѣ работниковъ на соляные заводы, ибо за недостаткомъ работниковъ выварка соли пріостанавливается.

Вѣдомость о работникахъ, находящихся на Бахмутскихъ соляныхъ заводахъ (стр. 172).

Реестръ оставшихся съ подпрапорнымъ Молеевымъ работниковъ.

Доношенія изъ Деркачевской, Золочевской и Соколовской о высылкѣ работниковъ.

Доношеніе подпрапорнаго Молѣева объ отведенныхъ въ Бахмутъ работникахъ (приложенъ реестръ).

Реестръ бѣглыхъ, отправленныхъ изъ Харьковскаго полка на Бахмутскіе заводы.

Доношенія сотень Харьковскаго полка о высланныхъ работникахъ на соляные заводы.

№ 52-й. 1741 года (на 150 листахъ).

О козакахъ, свойственникахъ и подпомощникахъ.

Рапорты о состояніи (о количествѣ козаковъ, сотенной старшины, козачьихъ лошадей) сотенъ Люботинской, Перекопской, Валковской и Угольчанской.

Именной списокъ второй Харьковской сотни козаковъ, ихъ свойственниковъ и подпомощниковъ.

Такіе же списки Угольчанской и Ольшанской (стр. 23) сотень.

О дачѣ въ подмогу вновь опредѣленному въ подпрапорные Гужвинскому изъ „закомплетныхъ" Деркачевской сотни въ пополненіе службы (стр. 24).

Именной списокъ старыхъ козаковъ с. Колупаевки, служащихъ по грамотамъ.

Именные списки козаковъ, свойственниковъ ихъ и подпомощниковъ Люботинской (стр. 39), Золочевской (стр. 45), Перекопской (стр. 51), Валковской (стр. 57), Мерефянской (стр. 65), Соколовской (стр. 71), Деркачевской (стр. 77), Хорошевской (стр. 83) и Салтовской (стр. 89) сотенъ.

Именная вѣдомость Люботинской сотни объ опредѣленныхъ на рангъ старшинамъ сотникомъ Квѣткою и въ подмогу казакамъ (стр. 97).

Вѣдомость именная о казакахъ и обывателяхъ Харьковскихъ (стр. 103).

Доношеніе Валковскаго сотника Богаевскаго о томъ, что старшина опредѣленныхъ въ подмогу казакамъ беретъ на свои работы и отнимаетъ ихъ у казаковъ.

Бумаги, относящіяся къ укомплектованію козаковъ и ихъ вооруженію (реестръ доношеній, указовъ, письма и пр., нѣкоторые указы приведены цѣликомъ).

Вѣдомость о количествѣ подпомощиковъ и подсусѣдковъ въ Тишковской сотнѣ.

Вѣдомость о количествѣ козаковъ той же сотни съ обозначеніемъ количества „убылыхъ и прибылыхъ“.

Вѣдомость о подпомощикахъ и подсусѣдкахъ Золочевской, Липецкой, Хорошевской и Салтовской сотень съ обозначеніемъ прибылыхъ и убылыхъ“.

№ 53-й. Отъ 1741 по 1765 годъ (на 287 листахъ).

О селитренныхъ заводахъ.

Указъ о сыскѣ селитры для пороховыхъ заводовъ.

Указъ объ осмотрѣ вновь заведеннаго малороссійскаго пороховаго завода.

О дозволеніи полковницѣ Шидловской работать землю для селитроваренія въ Ольшаной.

О вываркѣ Яковомъ Балясны́мъ съ товарищи селитры для казны (стр. 7).

О заключеніи контракта о селитровареніи съ Яковомъ Балясны́мъ.

Указъ о разрѣшеніи полковницѣ Дуниной открыть селитряный заводъ въ сл. Старой Водолагѣ.

О заведеніи завода селитрянаго въ с. Люботинѣ.

Инструкція объ изслѣдованіи объ обидахъ люботинскихъ обывателей „отъ вновь построеннаго въ Люботинѣ селитернаго завода“.

Доношеніе объ этомъ подпрапорнаго Острожскаго.

О дозволеніи Назаренкову завести селитряный заводъ въ Салтовѣ, Соколовѣ и Усердѣ.

О дозволеніи Назаренкову производить селитровареніе въ Люботинѣ.

О заведеніи кн. Крапоткиной селитрянныхъ заводовъ.

Указъ объ изслѣдованіи о продажѣ селитры частнымъ лицамъ.

Рапортъ второй полковой сотни объ отправкѣ десяти работниковъ для перевозки въ Харьковскій магазинъ провіанта по требованію прапорщика Толмачева.

О взысканіи съ полковника Дунина и казака Ерофеева денегъ за селитру.

О дозволеніи Шидловскому пользоваться землей, находящейся въ огорожахъ (въ м. Ольшаномъ) для селитроваренія.

О заключеніи контракта о селитровареніи бригад. Капнистовой.

О селитровареніи Осиповой на заводѣ въ Валкахъ.

О разрытомъ для селитроваренія валу возлѣ гор. Валокъ.

О селитрянныхъ заводахъ Шидловской.

Вѣдомость о состояніи Харьковской полковой артиллеріи, находящейся при асаулѣ Буцкомъ въ селѣ Безлюдовкѣ.

О контрактѣ, заключенномъ съ Щедровымъ о селитровареніи.

О вареніи Тульской компаніей селитры.

Доношеніе Григорія Петрова о разрѣшеніи ему построить по р. Немышлѣ селитрянные заводы.

Указъ о заключеніи контракта о селитровареніи Опошнянской компаніей.

О селитровареніи Назаренкомъ.

Указъ о присылкѣ справокъ о льготахъ, данныхъ заключившимъ контракты о селитровареніи.

Вѣдомость о льготахъ данныхъ занимающимся селитровареніемъ.

О вареніи селитры маіоромъ Романомъ Шидловскимъ.

О взысканіи съ Назаренкова денегъ, данныхъ ему для заводскихъ нуждъ.

О дозволеніи маіоршѣ Шидловской варить селитру.

О причиненіи валковскимъ обывателямъ вреда приказчикомъ маіорши Шидловской выкопываніемъ ямъ посреди двора для забора земли на селитровареніе.

О вареніи селитры опошнянской компаніей и тульской компаніей.

О недоваркѣ на заводахъ Спичинской селитры по случаю скотскаго падежа (ст. 265).

О дозволеніи Назаренку производить селитровареніе въ с. Муровомъ и Терновомъ.

Объ освобожденіи дома купца Сливкина, какъ занимающагося селитровареніемъ, отъ постою.

О вареніи Хрущевымъ въ с. Никотовкѣ селитры.

№ 54-й. 1741 года (на 274 листахъ).

О переписи въ Харьковскомъ полку.

Доношеніе поручика Бабанина, назначеннаго для переписи населенія Харьковскаго полка, о выдачѣ ему инструкціи.

Реестръ людей, живущихъ въ с. Циркунахъ праздно.

Письмо Девица о производствѣ въ слободскихъ полкахъ переписи.

Доношеніе Бабанина о томъ, что опредѣленные къ нему для письма Іовъ Донецъ и Клементій Безпалый не явились.

О доставленіи въ канцелярію слѣдственной ревизіи (переписи) бумаги, свѣчъ и сундука для храненія дѣлъ.

Доношеніе подпрапорнаго Урсула объ освобожденіи отъ всѣхъ командировокъ по случаю его женитьбы (стр. 11).

Доношеніе о томъ, что пор. Бабанину надсмотрщики въ хуторѣ ген. Кейта (подъ м. Перекопомъ) не позволили производить переписи.

Указъ о переписи населенія въ слободскихъ полкахъ.

Вѣдомость, въ какія мѣста отправленъ долженъ быть оберъ офицеръ для переписи.

Объ опредѣленіи для переписи въ слободахъ Бѣлгородскаго дистрикта съ оберъ офицеромъ Евстрата Абазы, Ивана Авксентія и Василія Парафіевскаго.

Указъ о полученіи инструкціи офицеромъ, назначеннымъ для переписи

Инструкція, данная изъ канцеляріи Камисіи Учрежденія Слободскихъ полковъ пор. Бабанину для руководства при переписи.

Объ освобожденіи отъ командировокъ Осипа Ковалевскаго для устройства своего дома и хозяйства.

Указъ въ сотни, обращенный къ владѣльцамъ, атаманамъ и др. о непрепятствіи посланнымъ въ составленіи переписи.

Извѣстіе о количествѣ козаковъ и подпомощниковъ въ Харьковскомъ пол. по переписи 1732 г. и 1741 г.

Указъ изъ канцеляріи Коммиссіи Учрежденія Слобод. полковъ о невнесеніи въ перепись лицъ духовнаго званія и нищихъ.

Указъ Бабанину для руководства при производствѣ переписи (стр. 38, 39).

О назначеніи въ Деркачевскую сотню наказного за отбытіемъ сотника Ковалевскаго.

Требованіе Бабанина о присылкѣ къ нему бумаги и сургуча, а также въ помощь канцеляриста.

Указъ о замѣнѣ ротмистра Абазы опредѣлсннаго къ оберъ-офицеру для переписи сотникомъ Валковскимъ Богаевскимъ.

Вѣдомость о новопоселенныхъ слободахъ и хуторахъ въ Харьковскомъ полку послѣ переписи 1732 г.

Доношеніе Бабанина о замѣнѣ рот. Абазы другимъ, чтобы не было остановки въ ревизіи.

О назначеніи для ревизіи въ Бѣлгородскій дистриктъ Абазу и сотника Ковалевскаго.

Доношеніе Бабанина о присылкѣ писчей бумаги, свѣчъ, а также и ревизіи 1732 г. для справокъ.

Объ оставленіи писаря Іова Донца при составленіи ревизіи.

Объ освидѣтельствованіи Харьковскихъ цеховыхъ: всѣ ли они живутъ на своихъ мѣстахъ, и въ своихъ ли домахъ согласно переписи 1732 г. (стр. 68, 69).

Указъ объ отпускѣ ротмистра Абазы въ Москву на четыре мѣсяца.

Указъ о бытіи записаннымъ по ревизіи 1732 г. въ цеховые г. Харькова по прежнему цеховыми.

О наведеніи справки въ какомъ званіи числится Кирилла Кадигробъ.

Извѣствіе о количествѣ драгунъ, козаковъ и ихъ свойственниковъ

подсусѣдковъ и подпомощниковъ въ Харьковскихъ первой и второй сотняхъ.

Указъ о зачисленіи выбывшихъ изъ цеху подъ владѣніе старшины опять въ цехъ.

Вѣдомость цеховыхъ, возвращенныхъ по прежнему въ цехъ.

Вѣдомость цеховыхъ шевскаго цеху.

О зачисленіи прибылыхъ подданныхъ и подпомощниковъ въ слободкихъ полкахъ въ окладъ.

Вѣдомость о количествѣ взыскиваемаго сбора съ положенныхъ въ окладъ.

Объ отпускѣ Абазы въ Москву для справки за собой въ вотчинной коллегіи земли.

Объ изслѣдованіи о долгѣ Шапочниченка Гончарову за водку и о поставкѣ въ домъ Гончарову плѣнныхъ волоховъ и о разграбленіи его пожитковъ.

Реестръ бѣжавшихъ изъ с. Хотомли подпомощниковъ.

Вѣдомость подданныхъ Малороссіянъ за разными владѣльцами въ Харьковскомъ полку въ Бѣлогородскомъ и Нижегольскомъ уѣздахъ.

О присылкѣ въ Коммиссію Учрежд. Слоб. полковъ подпрапорнаго Яцука, отправленнаго за канцеляристомъ и писарями для производства переписи.

О присылкѣ канцеляриста и трехъ писарей въ Коммиссію Учр. Слоб. пол. для переписыванія ревизіи.

№ 55-й. 1741 года (на 20 листахъ).

О приводѣ къ присягѣ.

Присяга на вѣрность вступившей на престолъ Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ.

Доношеніе Угольчанскаго сотника Ковалевскаго о Угольчанскихъ жителяхъ, принявшихъ присягу.

Реестры принявшихъ присягу на вѣрность Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ.

№ 56-й. 1741 года (на 70 листахъ).

Вѣдомости о цѣнахъ на провіантъ и фуражъ.

Цѣны на муку, крупу, просо, овесъ, соль, сѣно и проч. въ Липецкой сотнѣ за генварь.

Тоже въ Харьковскомъ полку и за февраль въ м. Валкахъ.

Цѣны съѣстнымъ припасамъ за генварь въ г. Харьковѣ.

Цѣны съѣстныхъ припасовъ въ г. Харьковѣ за каждый мѣсяцъ 1741 г.

Цѣны на муку, ячмень, овесъ, крупу, просо, сѣно и проч. за 1741 г. въ мѣстечкахъ Харьковскаго полка.

№ 57-й. 1741 года (на 100 листахъ).

О высылкѣ на линію работниковъ для земляной работы.

Указы о высылкѣ работныхъ людей на украинскую линію.

Рапортъ подпрапорнаго Щербины о томъ, что за болѣзнью онъ не можетъ наблюдать за высылкой работниковъ.

Росписаніе, откуда сколько должно быть выслано работниковъ.

Реестръ высланныхъ изъ Нижегольскаго и Бѣлогородскаго уѣздовъ.

О сыскѣ служителя ген. Тараканова Коренева, укравшаго у своего владѣльца деньги (стр. 17).

Доношенія отъ разныхъ сотенъ о высылкѣ работниковъ.

Инструкція, данная назначенному для отводу работниковъ въ кр. Св. Параскевы.

Вѣдомость работниковъ, высланныхъ изъ Харьковск. полковыхъ сотенъ.

Тоже изъ Салтовской сотни и изъ вотчины Елизаветы Петровны.

О высылкѣ изъ Харьковскаго полка подводъ для перевозки провіанта на линію изъ Бѣлиньковскаго магазина.

Промеморія о высылкѣ бѣглыхъ на соляные Бахмутскіе заводы.

Реестръ бѣжавшихъ съ Бахмутскихъ заводовъ.

Подписка управителей вотчины кн. Якова Никитича Крапоткина о высылкѣ работниковъ на Бахмутскіе заводы.

Доношенія о высылкѣ работниковъ на заводы съ присоединеніемъ реестра.

Вѣдомость высланныхъ на линію работниковъ.

Доношеніе Салтовской сотни о прочтеніи въ церквахъ манифеста о винахъ герцога Курляндскаго Бирона.

О присылкѣ Харьковской полковой канцеляріей солдату недоимочныхъ прогонныхъ денегъ.

Указы о нарядѣ работниковъ для высылки на линію и на соляные заводы.

Вѣдомость высланныхъ работниковъ.

Инструкціи, указы и доношенія о высылкѣ рабочихъ на линію и соляные заводы.

Репортиція о керасирскихъ, драгунскихъ и пѣхотныхъ полкахъ.

Расписка о заплатѣ за овесъ и сѣно, взятые въ вотчинѣ ген. Бибикова.

Указъ о взысканіи сполна недоимки.

№ 58-й. 1741 года (на 45 листахъ).

О перевозкѣ оставшейся отъ минувшей войны полевой и осадной артиллеріи въ Бѣлгородъ.

Указъ о нарядѣ изъ Слободскихъ полковъ подводъ для перевозки артиллеріи изъ Изюма въ Бѣлгородъ.

Инструкція подпрапорному для сбора подводъ.

Реестры подводъ, высланныхъ изъ Салтовской, Ольшанской и Пересѣчанской сотенъ.

Реестръ невысланныхъ подводъ.

Реестръ высланныхъ подводъ изъ Харьковскаго полка.

О высылкѣ изъ Новыхъ и Малыхъ Водолагъ подводъ для перевозки изъ Изюма въ Чугуевъ артиллеріи.

Реестръ подводъ, высланныхъ для перевозки артиллеріи.

Доношеніе Басараба о томъ, что нѣкоторыя подводы не высланы.

Доношеніе Ольшанскаго сотника о томъ, что владѣльцы не высылаютъ подводъ.

Доношеніе Яценка о числѣ высланныхъ и невысланныхъ подводъ.

Указы о высылкѣ подъ артиллерію подводъ сполна.

Росписаніе, откуда сколько нужно выслать подводъ.

Указъ о заготовленіи подводъ для веревоза осадной и полевой артиллеріи изъ пограничныхъ мѣстъ въ Москву.

Доношеніе Трофима Шаповала о невысылкѣ нѣкоторыми владѣльцами подводъ.

№ 59-й. 1741 года (на 216 листахъ).

О сшедшихъ козакахъ, обывателяхъ и подданныхъ въ разныя мѣста.

Вѣдомость желающихъ отправиться на поселеніе въ Оренбургскія крѣпости.

Инструкція о доставкѣ въ Харьковъ желающихъ поселиться въ Оренбургскихъ крѣпостяхъ.

Доношеніе жены козачьяго подпомощника Нетребки о томъ, что ей нельзя отправиться въ Оренбургскія степи за отсутствіемъ мужа.

Вѣдомость желающихъ отправиться на поселеніе въ Оренбургскія степи.

Доношеніе Салтовскаго сотника Картаваго объ ослушности десяти человѣкъ, изъявившихъ желаніе отправиться въ Оренбургскія крѣпости.

Указъ о высылкѣ въ Оренбургскія крѣпости желающихъ за исключеніемъ владѣльческихъ крестьянъ и записанныхъ въ подушный окладъ, и о возвращеніи обратно помѣщичьихъ крестьянъ, уже поселившихся тамъ.

Указъ о назначенiи капитана Качалова для набора (желающихъ) въ Оренбург. крѣпости и о содѣйствiи ему въ этомъ.

Доношенія сотень Золочевской, Липецкой, Тишковской и Салтовской о томъ, что никто изъ обывателей не желаетъ отправиться въ Оренбургскія крѣпости.

Доношенiе Деркачевскихъ жителей Бакуменковъ и Жука о желанiи ихъ отправиться въ Оренбургскія крѣпости.

Доношенiе Курбаченка и Велигура о томъ же.

Указъ о томъ, чтобы не исключать положеннаго сбора съ тѣхъ, которые азписались на поселенiе въ Оренбург. кр.

Итогъ записавшихся въ Харьковскомъ полку для поселенія въ Оренбургск. кр.

Доношенiе жителей деркачевскихъ Исаенка и пр. о желанiи поселиться въ Оренбургск. кр.

Доношенiе подданныхъ кн. Кантакузина, Кондрацкаго, Максимца о томъ же.

Казацкаго подпопощника Посунченка о томъ же.

Доношенія Юхименковъ, Кривоносенка и Шашка о томъ же.

(Также доношенія другихъ лицъ стр. 54. 55).

Указъ о непринужденiи къ поселенiю въ Оренбург. кр. и о ложныхъ обѣщанiяхъ отъ кап. Неелова желающимъ отправиться.

Вѣдомости о желающихъ отправиться въ Оренбург. кр.

Указъ о непринужденiи возвратившихся съ пути къ обратному отправленiю въ Оренбург. кр.

Доношенія разныхъ лицъ о желанiи отправиться на поселенiе въ Оренбург. кр.

Доношенiе Куликовскаго о высылкѣ въ его хуторъ Липецкiй и сел. Рокитное на прежнее мѣстожительство бѣжавшихъ (приложенъ реестръ).

Показанiе приказчика сл. Артемовки Ровнева по поводу невысылки имъ изъ Артемовки подданныхъ Куликовскаго.

Подписка того-же Ровнева о непрiемѣ въ сл. Артемовку помѣщичьихъ крестьянъ и козаковъ.

Объ изслѣдованiи о прежнемъ мѣстожительствѣ поселенныхъ въ сл. Ивановкѣ на р. Волчьи воды (приложенъ реестръ).

Указъ о возвращенiи подданныхъ маiору Шадокирскому, завлаженныхъ полковою и сотенною старшиною.

Инструкція подпрапорному Альбощому, отправленному для исполненія вышеупомянутаго указа.

О назначенiи вмѣсто Салтовскаго сотника Өедора Картаваго Липец-

каго сотника Авксентіева для изслѣдованія о населеніи слободки подполковника Зыбина.

Указъ о непереходѣ съ мѣста на мѣсто обывателей и возвращеніи перешедшихъ на прежнее мѣстожительство.

О бѣжавшихъ съ вотчинъ кн. Крапоткина (приложенъ реестръ).

О высылкѣ подданныхъ Протопоповой на прежнее мѣстожительство.

Вѣдомость о изшедшихъ изъ Липецкой сотни обывателей.

Инструкція, данная отправившемуся для возвращенія на прежнее мѣстожительства изшедшихъ изъ Липецкой сотни.

Доношеніе о сшедшихъ съ мѣстечка Волчьей.

Вѣдомость изъ деркачевской сотни о количествѣ населенія, о числѣ умершихъ и родившихся (1741 г. 1742 г.).

О томъ же изъ Люботинской сотни.

О побѣгѣ казацкаго подпомощника Ярошенка въ сл. Сонцеву.

Вѣдомость о населеніи с. Лопани.

Указъ о доставленіи вѣдомостей о прибыли и убыли населенія.

Вѣдомость о подпомощникахъ Тишковской сотни.

Вѣдомость о томъ же Хорошевской сотни.

О томъ же Салтовск. сотни.

О томъ же Тишковской сотни.

О томъ же Зелочевской сотни.

О томъ же Липецкой сотни.

О томъ же второй городовой сотни.

Указъ о присылкѣ вѣдомостей изъ сотенъ Харьковскаго полка о количествѣ подпомощниковъ.

Вѣдомость о казакахъ, свойственникахъ и подпомощникахъ (о ихъ убыли и прибыли) Деркачевской сотни.

Указъ о возвращеніи на прежнее мѣстожительство перешедшихъ въ другія мѣста съ подробнымъ обозначеніемъ: которые должны быть возвращены, а которые оставлены, и о недозволеніи селить слободы безъ разрѣшенія коммиссіи Укр. Слоб. полковъ.

Вѣдомость о казакахъ, свойственникахъ и казацкихъ подпомощникахъ Липецкой сотни (о ихъ прибыли и убыли).

Вѣдомость о подданныхъ Голуховичевой жителей села Березовки.

№ 66-й. 1741 года (на 94 листахъ).

О пожалованіи въ чины и сказки о старшинскихъ службахъ.

О назначеніи Рижкова писаремъ въ Чугуевскую команду.

Указъ о писаніи Сенатора Наумова генералъ-лейтнантомъ и генералъ-полиціймейстеромъ.

Указъ о выдачѣ аттестатовъ чиновникамъ о службѣ съ точнымъ указаніемъ на ихъ отношеніе къ служебнымъ обязанностямъ.

Указъ о пожалованіи разныхъ лицъ въ чины за 1740 годъ (съ вѣдомостью).

Указы о производствѣ и о пожалованіи разныхъ лицъ въ чины въ 1740 и 1741 годахъ (приложены вѣдомости).

Указы о пожалованіи Ивана и Степана Тевяшевыхъ въ полковники.

Указы о пожалованіи въ чины.

Сказки подпрапорныхъ Харьковскаго полка о своей службѣ: Гаевскаго Трофима, Чигиринскаго, Моспѣваго, Рубана, Турченинова, Ивана Гаевскаго, Капустянскаго, Осипа Ковалевскаго, Филонова, Рубановскаго, Урсулы, Закрицкаго;—сотника Романовича, судьи полковаго Черноглазова, ротмистра Абазы, асауловъ полковыхъ Высочина и Буцкаго, полковаго обознаго Ковалевскаго. сотника Жукова, подпрапорнаго Панкратьева, подпр. Смородскаго, сот. Якова Ковалевскаго, сот. Ивана Авксѣнтьева, сот. Богаевскаго, сот. Головашича, сот. Степана Ковалевскаго, сот. Петровскаго, сот. Голуховича, подпрап. Черняка, подпр. Картаваго, подпр. Молѣева, подпр. Албоскаго, подпр. Якова Дробицкаго, сот. Павла Ковалевскаго, подпр. Мельникова и подпр. Григорія Александрова.

№ 61-й. 1741 года (на 80 листахъ).

О подпомощникахъ.

Вѣдомость изъ Ольшанской сотни о подпомощникахъ.

О томъ же изъ Валковск., Соколовск., Хорошевск., Липецкой, Тишковск., Салтовск., Мерефянск., Золочевск., Деркачевск. и Перекопской сотень.

Указы о присылкѣ вѣдомостей о подпомощникахъ.

Вѣдомость изъ Пересѣчанской сотни о подпомощникахъ (казацкихъ и старшинскихъ).

Доношеніе козака Олещенка о томъ, что подпомощникъ его ушелъ отъ него.

Указъ о владѣніи Хорошевск. сотникомъ Ковалевскимъ сотничьею подмогою, которою завладѣлъ поручикъ Квѣтка (изслѣдованіе о правильности завладѣнія Квѣткой подпомощниками).

О составленіи росписи и храненіи аммуничныхъ вещей, гдѣ таковыя остались.

Извѣстіе о сотняхъ, мѣстечкахъ, селахъ и деревняхъ, данное фонъ-

Гаудринку, отправленному для освидѣтельствованія провіанта и аммуничныхъ вещей.

Доношеніе Василія Жукова о томъ, что онъ за болѣзнью къ смотру въ Харьковъ явиться не можетъ.

Вѣдомость Угольчанской сотни о количествѣ въ ней подпомощниковъ.

О непослушаніи подпомощниковъ Довбнѣ.

№ 62-й. 1741 годъ (на 775 листахъ).

Документы слѣдственной коммиссіи маіора Мелентьева по жалобѣ драгунъ Слободскаго полка на старшинъ и обывателей.

Отвѣты полков. асаула Герасима Буцкаго на вопросные пункты по жалобѣ на него драгуна Лелюка.

Возраженіе Лелюка на отвѣты Буцкаго.

Допросы и отвѣты свидѣтелей, на которыхъ ссылается Лелюкъ.

О назначеніи слѣдствія на мѣстѣ по жалобѣ драгуна Лелюка на асаула Высочина.

Отвѣты Харьковскаго жителя Лукьяна Коваленка на вопросные пункты по жалобѣ драгунъ.

Слѣдствіе по этому дѣлу (о взятіи Коваленкомъ у драгунъ денегъ).

Слѣдствіе о заграбленіи у драгуна Жарнина Ковалевскимъ лѣса и земли (среди документовъ копія грамоты Петра I отъ 1705 г. на земли сотнику Василію Ковалевскому, выпись изъ отказныхъ отъ 1700 г. данная тому же Ковалевскому).

Слѣдствіе по жалобѣ драгуна Сабокаря на сот. Богаевскаго о взятіи имъ Богаевскимъ у него драгуна епанчи.

Слѣдствіе о грабежѣ Евтушенкомъ у драгуна Олещенка воловъ.

О взятомъ у Собакаря Золоткомъ овсѣ.

О забратомъ у Рябухи Опрѣненкомъ сѣнѣ.

О недоданныхъ полковникомъ Троицкаго полка сотнику Ковалевскому за фуражъ деньгахъ.

По жалобѣ капрала Николая Лесного на чернцовъ Куряжскаго монастыря о землѣ и объ обидахъ.

По жалобѣ драгуна Игнатенка на подпрапорнаго Якова Квѣтку о землѣ (въ сл. Дуванной).

Указы о полномъ сборѣ денегъ, слѣдуемыхъ съ подпомощниковъ (приложена вѣдомость).

Слѣдствіе по жалобѣ драгунъ на писаря второй Харьковской сотни Таранца.

По жалобѣ капрала драгуна Гармашева на Даниленкова.

По жалобѣ драгунъ на Валковскаго жителя Мизюка.

Инструкція выборнымъ окладчикамъ Валковской сотни Мелниченку и Мирошниченку.

По жалобѣ драгунъ на Угольчанскаго сотника Ивана Ковалевскаго.

По жалобѣ жителей с. Тишковъ Евлахова и Валковскаго на драгуна барабанщика Почуева (о побояхъ).

По жалобѣ драгунъ на Ольшанскаго жителя Бѣльченка.

По жалобѣ драгуна Клименка на капитана Псковскаго полка Ярлова (о сѣнѣ).

По жалобѣ драгуна Коваленка на Липецкаго жителя Коцкала (о лошади).

По жалобѣ драгунъ на Краснокутскаго.

Инструкція выборнымъ окладчикамъ Деркачевской сотни—Жаночонку и Кантемиру.

Тоже Желтобрюху и Лихторенку.

По жалобѣ драгунъ на жителя с. Церкуновъ Шевченка (о деньгахъ).

Инструкція выборнымъ окладчикамъ Деркачевской сотни Головку и Тараненку.

По жалобѣ драгунъ на Деркачевскаго жителя Тараненка (о деньгахъ).

По жалобѣ драгунъ на Люботинскаго сотника Петровскаго (о сѣнѣ и соломѣ и пр.).

Инструкція выборнымъ окладчикамъ Люботинской сотни Клименку и Ковалю.

По жалобѣ драгунъ на Угольчанскаго жителя Золочевскаго.

О взятыхъ казначеемъ Панкратьевымъ у драгунъ деньгахъ.

Указы о сборѣ денегъ съ подпомощниковъ, о приведеніи Харьковскаго полка въ исправность; о высылкѣ закройщиковъ и портныхъ въ драгунскій полкъ для шитья мундировъ.

Указъ объ отпускѣ изъ таможенныхъ или изъ десятикопѣечнаго казачьяго сбора денегъ на переплетъ дѣлъ драгунскаго полка.

Указъ о смѣнѣ подпрапорнаго Ковалевскаго, находящагося въ слѣдственной коммиссіи по драгунскимъ дѣламъ, подпрапорнымъ Мосцѣвымъ.

О купленныхъ Харьковской полковой канцеляріей подъемныхъ лошадяхъ для 3-го эскадрона Слободскаго драгунскаго полка.

О купленной маркитантомъ Григорьевымъ у цыгана Балишева краденой лошади.

О приблудномъ волѣ и содержаніи его ротмистромъ Константиновымъ.

О присылкѣ свѣчъ и сургуча въ Слободской драгунскій полкъ.

По жалобѣ драгунъ на Ольшанскаго сотника Ивана Ковалевскаго.

По жалобѣ драгунъ на жителя с. Люботина Левченка.

По жалобѣ драгуна Калиты на жителя м. Деркачей Гапоненка о сѣнѣ.

По жалобѣ драгунъ на подпрапорнаго Осипа Ковалевскаго (о сѣнѣ).

Инструкція Андрею Шитковскому объ осмотрѣ сѣна на поляхъ у обывателей (1738 г.).

По жалобѣ драгунъ на Перекопскаго сотника Пащинскаго.

По жалобѣ драгунъ на Пересѣчанскаго сотника Головашича.

По жалобѣ драгунъ на Салтовскаго жителя Пихоты.

Промеморіи изъ слѣдственной коммиссіи о присылкѣ разныхъ лицъ къ отвѣту по жалобамъ драгунъ (судьи Черноглазова, писаря Ришкова, сотника Кортаваго и др.).

О присылкѣ въ слѣдственную коммиссію свѣчъ, бумаги, сургуча.

По жалобѣ драгунъ на сотника Θеодора Картаваго.

Объ опредѣленіи въ подмогу драгуну Чигрину казака Васильченка.

По жалобѣ драгуна Еременка на жителя с. Песочина Северина.

По жалобѣ драгунъ на атамана с. Островерховки Правдѣя.

По жалобѣ драгуна Юхименка на жителя м. Деркачей Петра Лещенка.

По жалобѣ драгунъ на писаря м. Волчьей Лнявскаго.

По жалобѣ драгуна Рощупкина на атамана Гурьева.

По жалобѣ драгуна Марка Кантемира на атамана с. Деркачей Уса.

По жалобѣ драгунъ на Липецкаго писаря Іова Донца.

По жалобѣ драгунъ на атамана м. Липецъ Брюховецкаго, на подпрапорнаго Ивана Смородскаго, на атамана с. Безлюдовки Бутка, на атамана с. Русскихъ-Тишковъ Рищенка, на сотника Романовича, на сотника Павла Ковалевскаго, на жителя с. Циркуновъ Близнюченка, на атамана м. Соколова Шляхтича, на золочевскаго казака Литвиненка, на ротмистра Абазу' на приказчика с. Березоваго Сидаченка, на жителя м. Мартоваго Сѣренка, на жителя с. Даниловки Хистона, на Деркачевскаго сотника Якова Ковалевскаго.

Доношеніе Харьковскихъ жителей Ерина и Данилова на тишковскихъ жителей драгунъ Мотрича съ товарищи о побояхъ.

Указъ о укомплектованіи драгунскаго Слободскаго полка.

Доношенія и промеморіи о драгунскихъ подпомощникахъ, о присылкѣ людей для укомплектованія Слободскаго драгунскаго полка (барабанщика, флейтиста, фурманщика и пр.).

Осмотръ земли, представленный асауломъ Высочинымъ по дѣлу драгунъ Ивана Жорнина и Москоленка съ сотникомъ Ковалевскимъ о захватѣ земли.

О присылкѣ въ драгунскій полкъ переплетчика для переплета полковыхъ дѣлъ.

О приготовленіи аптечнаго фурмана и гранатнаго ящика для драгунскаго полка.

О присылкѣ въ драгунскій Слободскій полкъ подъемныхъ лошадей; о приготовленіи телѣгъ и пр.

О пожарѣ (въ Лозовой), происшедшемъ отъ стрѣльбы изъ пушекъ гостями сотнички Квѣткиной полков. обознымъ Ковалевскимъ и сотникомъ Авксѣнтіевымъ.

О доставленіи въ Слободской полкъ пороху, свинцу и о присылкѣ фельдшеровъ.

О сыскѣ бѣглыхъ рядовыхъ Слободскаго драгунскаго полка.

О укомплектованіи Слободскаго драгунскаго полка.

О подпомощникахъ Слободскаго драгунскаго полка.

О производствѣ Волкова въ подполковники.

О доставкѣ писчей бумаги, сургуча и свѣчъ въ Слободской полкъ.

Реестръ входящихъ въ Слободской драгунскій полкъ доношеній.

Доношеніе казака Юрмака о возвращеніи ему пожитковъ данныхъ имъ какъ въ приданое своей дочери.

О скудныхъ и неимущихъ служителяхъ Слободскаго полка.

О негодности лошадей, присланныхъ подъ фурманы Харьковской полковой канцеляріей.

О присылкѣ сѣдельниковъ, слѣсарей, кузнецовъ и колесниковъ въ Слободской полкъ.

О присылкѣ двухъ фельдшеровъ въ Слободской полкъ.

О побѣгѣ драгуна Боянца.

Объ отсылкѣ свѣчъ и бумаги въ Слободской полкъ.

О производствѣ въ чины въ Слободскомъ полку и объ опредѣленіи имъ подпомощниковъ.

О негодности вещей, доставленныхъ въ Слободской драгунскій полкъ изъ слободскихъ канцелярій.

Объ опредѣленіи подпомощниковъ полковнику Бульскому и подполковнику Волкову.

О подмогѣ прапорщика Казмича.

Указъ объ удовольствованіи подмогою офицеровъ Слободскаго драгунскаго полка.

О присылкѣ въ Слободской драгунскій полкъ свѣчъ.

О содержаніи въ зимнее время казенныхъ подъемныхъ лошадей.

Слѣдствіе по жалобѣ драгуна Панасенка на атамана с. Угольцовъ Шевченка.

По жалобѣ драгунъ на сотеннаго хорунжаго Сомину.

Указъ о заготовленіи телѣгъ и саней (1737 г.) (приложенъ реестръ заготовленныхъ саней и телѣгъ въ Харьковскихъ сотняхъ).

Указъ о содержаніи почты (1739 г.) (реестръ, сколько Харьковскіе обыватели должны содержать почтовыхъ лошадей).

Инструкція, данная выборнымъ окладчикамъ первой полковой сотни Босому и Безпалому.

Тоже второй полковой сотни Вербицкому и Листопаду.

Тоже первой полковой сотни Коваленку и Рыбалкѣ.

Указъ сотнику Романовичу о взысканіи доимочныхъ денегъ съ подмомощниковъ (1739 г.).

Слѣдствіе по жалобѣ драгунъ на наказнаго с. Пересѣчнаго Коренаго (указы о взысканіи доимочныхъ денегъ съ подпомощниковъ и инструкція объ этомъ и росписаніе рацій, выдаваемыхъ изъ Харьковскаго полка на Вологодскій, Сибирскій и Рижскій полки и на штабъ фелдмаршала Лесси).

Слѣдствіе по жалобѣ драгунъ на Деркачевскаго жителя Горленка (инструкціи окладчикамъ Деркачевской сотни 1739 г.).

Слѣдствіе по жалобѣ драгуна Чурина на жителя м. Ольшаной Бѣльченка.

По жалобѣ драгунъ на Золочевскаго наказнаго сотника Нарожнаго (о содержаніи почты въ м. Золочевѣ).

По жалобѣ драгунъ на писаря Чугуевской команды Ришкова (инструкція Хорошевскому сотнику Ковалевскому о заготовленіи телѣгъ и воловъ для перевоза провіанта).

По жалобѣ драгунъ на атамана с. Мартова Безуглаго.

По жалобѣ драгуна Кулинича на приказчика сл. Новой Володимировки Доброгорскаго.

По жалобѣ драгунъ на Хорошевскаго сотника Ковалевскаго.

№ 62-й(2). 1741 года (на 148 листахъ).

О высылкѣ на Бахмутскіе и Торскіе заводы работниковъ.

Промеморія изъ Бахмутской заводской конторы о высылкѣ на Бахмутскіе и Торскіе соляные заводы работниковъ.

Указъ о высылкѣ работниковъ на Бахмутскіе заводы и о порученіи надсмотра за ними подпрапорному Герасиму Картавому.

Доношеніе подпрапорнаго Смородскаго о томъ, что Квитка (сотникъ Деркачевскій) не хочетъ высылать полнаго количества работниковъ на соляные заводы.

Доношеніе Знаменскаго монастыря о посылкѣ на соляные заводы работниковъ.

Указы о высылкѣ на соляные заводы годныхъ работниковъ и о замѣнѣ бѣжавшихъ.

Указы о высылкѣ полнаго комплекта работниковъ изъ Харьковскаго и Острогожскаго полковъ и о содержаніи ихъ въ добромъ порядкѣ: о снабженіи провіантомъ и годными для работы лошадьми.

Инструкція отправленному для сбора работниковъ на соляные заводы.

Указъ со свѣдѣніями о количествѣ высланныхъ и недосланныхъ работниковъ на соляные заводы.

Указъ о доставленіи свѣдѣній по поводу публикаціи объ отдачѣ на откупъ соляныхъ заводовъ.

О высылкѣ годныхъ работниковъ на соляные заводы (реестръ худоконныхъ и бѣглыхъ рабочихъ людей Харьковскаго полка).

Реестръ высланныхъ работниковъ изъ Ольшанской, Салтовской, Валковской, Перекопской, Люботинской, Угольчанской, Пересѣчанской, Деркачевской, полковыхъ Харьковскихъ, Липецкой, Хорошевской и Тишковской сотень.

О взысканіи съ казаковъ денегъ за сѣно, взятое казаками, стоящими у Тора на патруляхъ, у компанейщика Боброва.

Доношеніе Шляхтича о невысылкѣ полковникомъ Квѣткою и бригадиршей Дуниной работниковъ на соляные заводы.

Указы со свѣдѣніями высланныхъ работниковъ и о высылкѣ остальныхъ.

Доношеніе разныхъ лицъ (сотниковъ, старостъ, атамановъ и пр.) о высланныхъ работникахъ.

Указы о высылкѣ полнаго числа годныхъ работниковъ, при этомъ сообщаются свѣдѣнія о высланныхъ.

Доношенія о высылкѣ работниковъ изъ разныхъ мѣстъ Харьковскаго полка.

Доношеніе Албоскаго о смѣнѣ его и работниковъ, подъ его командою находяшихся, такъ какъ срокъ смѣны давно прошелъ.

О взятомъ казаками Харьковскаго полка казенномъ сѣнѣ въ кр. Торѣ въ долгъ.

О высылкѣ на соляные заводы работниковъ (указы).

Ордеръ кн. Кантемира о высылкѣ въ Бахмутъ козаковъ для прикрытія Славяно-Сербіи (1756 года).

№ 62-й(8). 1741 года (на 33 листахъ).

О почтѣ.

Промеморія объ учрежденіи почты отъ Харькова до Изюма (въ Зміевѣ, Лиманѣ, Андреевкѣ, Балаклѣѣ, Савинцахъ), отъ Чугуева на тотъ же трактъ (въ с. Ивановскомъ), отъ Изюма въ Черкасское и до Острогожска (въ Радковкѣ, Жеребцѣ и Кабаньемъ).

Указъ о содержаніи почтъ въ добромъ порядкѣ безъ отягощенія обывателей, и о исправномъ доставленіи писемъ.

Указъ объ учрежденіи почты отъ кр. Св. Параскевы до Суммъ.

Указъ о дачѣ подводъ курьерамъ, посылающимся отъ ген. Кейта на украинскую линію.

Указъ о публикаціи: Не пожелаетъ ли кто подрядиться къ содержанію лошадей на почтовыхъ станахъ отъ Глухова до Кіева.

Указъ о присылкѣ коммиссіей учрежденія Слободскихъ полковъ мнѣнія объ устройствѣ почты въ Слободскихъ полкахъ.

Указъ о выдачѣ козаку Слободскихъ полковъ Гандѣ десяти рублей за полонное терпѣніе у турокъ.

О заплатѣ Перекопскимъ обывателямъ за содержаніе почты, такъ какъ имъ обыватели опредѣленныхъ селеній (Кременной сл. м. Валокъ) вспомоществованія не чинили.

Указъ о взиманіи въ Слободскихъ полкахъ при перевозкѣ казенныхъ вещей и денежной казны по деньгѣ (а не по копейкѣ) съ версты и о дачѣ подводъ безъ прогоновъ курьерамъ.

Указъ объ исправленіи мостовъ и гатей по тракту до Воронежа для движенія драгунскихъ полковъ къ Астрахани.

Указъ объ оштрафованіи сотника Романовича за самовольное уничтоженіе почты въ г. Харьковѣ.

Указъ о томъ, чтобы содержать въ Липцахъ ординарную ямскую почту, а кабинетную уничтожить.

Указъ объ отправленіи въ С.-Петербургъ и изъ С.-Петербурга казенныхъ матеріаловъ и припасовъ на наемныхъ подводахъ, а не на ямскихъ, ибо ямскія лошади изнурены разъѣздами.

Доношенія сотниковъ, указы и пр. о почтѣ въ Харьковскомъ полку.

Указъ о дачѣ почтовыхъ лошадей курьерамъ, посылаемымъ только гр. фонъ-Лессіемъ, Кіевскимъ генералъ-губернаторомъ Леонтіевымъ, министерской войсковой генеральной и кіевогубернской канцеляріей.

Указъ о непропускѣ заграницу купцовъ съ мѣховымъ товаромъ.

О неучрежденіи подпрапорнымъ Урсуломъ почты въ м. Липцахъ.

Вѣдомость, кому на Нововодолажской почтѣ даваны лошади за апрѣль мѣсяцъ 1741 года.

№ 63-й. 1742 года (на 121 листѣ).

О разныхъ дѣлахъ по требованію Слободскаго драгунскаго полка.

Промеморія о присылкѣ въ канцелярію Слободскаго драгунскаго полка бумаги, сургуча и свѣчъ.

Объ опредѣленіи свойственника барабанщика Слободскаго драгунскаго полка Павла Дигала козакомъ Золочевской сотни.

О присылкѣ изъ Тишковской сотни въ Харьковскую полковую канцелярію лошадей подъемныхъ Слободскаго драгунскаго полка, находящихся въ сотнѣ на корму.

О незащищеніи драгунами козацкихъ подпомощниковъ отъ платы подпомощничьяго сбора.

О доставленіи въ Харьковскую полковую канцелярію изъ Слободскаго полка сверхкомплектнаго сукна, мундировъ и пр. аммуничныхъ вещей (приложена вѣдомость отправленныхъ вещей).

Объ удовольствованіи подмогой полковой старшины Слободскаго драгунскаго полка.

О сдачѣ въ Харьковскую полковую канцелярію дѣлъ Слабодскаго драгунскаго полка за прежніе годы.

Доношеніе писаря Слободскаго драгунскаго полка Викулина о дачѣ ему въ Мерефянской сотнѣ въ подмогу „можныхъ", а не живущихъ милостинею (приложенъ реестръ данныхъ Викулину въ подмогу).

Объ опредѣленіи поручику Рудаеву (Слободскаго полка) въ подмогу Харьковскихъ обывателей Семена Фесенка и пр.

Промеморія о томъ, въ какомъ состояніи находятся подъемныя лошади Слободскаго драгунскаго полка, отданныя на содержаніе въ Харьковскій полкъ.

О присылкѣ бумаги и свѣчъ въ Слободскій полкъ.

О присылкѣ изъ Харьковской полковой кинцеляріи въ Слободской полкъ патроннаго и гранатнаго ящиковъ.

О бѣгломъ драгунѣ Бакуменкѣ.

О неупотребленіи ни въ какія службы родственниковъ драгуна Еремина.

О дачѣ подпрапорщику Васильченку подмоги.

Объ опредѣленіи Мацова въ Тишковскіе козаки вмѣсто Жинжера и Сергеенка.

О возвратѣ вола, взятаго у сродниковъ драгуна Еремина.

Объ опредѣленіи священнику драгунскаго полка Яковлеву подмоги.

Указъ о выступленіи Слободскаго драгунскаго полка къ м. Потоку.

О производствѣ слѣдствія по поводу ложныхъ слуховъ о Слободскомъ драгунскомъ полкѣ.

Доношеніе Угольчанскихъ обывателей о поборахъ сотника Ковалевскаго.

Доношеніе подпрапорнаго Трофима Г съ прилоаевскаго женіемъ расходной книги о сдѣланныхъ фурманахъ и патронныхъ ящикахъ для Слободскаго драгунскаго полка.

Объ опредѣленіи въ подмогу священнику Яковлеву (приложенъ реестръ опредѣленныхъ).

Доношеніе священника Яковлева на сотника Романовича о неотводѣ ему подмоги и о вымогательствахъ.

Реестръ подъемныхъ лошадей Слободск. драгунск. полка.

О содержаніи на корму сотнями Харьковскаго полка подъемныхъ лошадей Слободск. драгунскаго полка.

Указъ, чтобы сургучъ и писчую бумагу канцелярія Слободскаго драг полка требовала изъ Ахтырской полковой канцеляріи.

Вѣдомость объ отправленныхъ бумагѣ, сургучѣ и свѣчахъ изъ Харьковской полковой канцеляріи въ Слобод. драгунск. полкъ.

№ 64-й. 1742 года (на 48 листахъ).

Слѣдствіе маіоромъ Лялинымъ объ обидахъ драгунъ Слободскаго полка.

Промеморіи изъ слѣдственной коммиссіи маіора Лялина о присылкѣ разныхъ лицъ по дѣламъ слѣдствія, объ обидахъ драгунъ Слободск. полка, а также о нарядѣ 4 козаковъ для посылокъ, и о присылкѣ бумаги и длясургуча дѣлопроизводства.

Указъ о посылкѣ въ коммиссію м. Лялина двухъ писарей и пр., о присылкѣ подпрапорнаго Довбни въ слѣдственную коммиссію м. Лялина.

О присылкѣ въ Слѣдственную коммиссію Шевченка и др. лицъ.

О смѣнѣ полковаго асаула Высочина, находящагося при слѣдственной коммиссіи о драгунахъ.

№ 65-й. 1742 года (на 78 листахъ).

О высылкѣ въ Канцелярію коммиссіи учрежденія Слободскихъ полковъ для содержанія карауловъ.

Указъ о высылкѣ въ Канцелярію Ком. Учр. Слоб. полковъ подпрапорныхъ и козаковъ для карауловъ и посылокъ.

Реестръ подпрапорныхъ и козаковъ, отправленныхъ въ канцелярію Ком. Уч. Сл. пол.

О нарядѣ козаковъ изъ разныхъ сотень Харьковск. полка въ вышеупомянутую канцелярію.

О заготовленіи сѣна для Государевыхъ заводскихъ лошадей.

Указы, подтверждающіе о высылкѣ подпрапорныхъ и козаковъ въ канцелярію учрежденія Слободскихъ полковъ (приложены реестры отправленныхъ изъ сотень Харьков. полка).

№ 66-й. 1742 года (на 127 листахъ).

О командированіи на линію козаковъ.

Письмо Дебриньи Тевяшову о смѣнѣ обознаго полковаго Захаревскаго, находящагося на Украинской линіи, обознымъ Ковалевскимъ.

О смѣнѣ находящагося на линіи сотника Тихоцкаго сотникомъ Пащинскимъ.

О высылкѣ капитана Белевскаго полку Ерасова въ полкъ.

О командированіи сотника Пащинскаго на украинскую линію.

О наряженныхъ козакахъ на украинскую линію для разъѣздовъ (съ приложеніемъ вѣдомостей изъ Мерефянской и Соколовской сотень).

О побѣгѣ козаковъ съ линіи.

Указъ о смѣнѣ козаковъ, стоящихъ на линіи, о доставкѣ имъ провіанта и теплой одежды въ виду наступающаго холоднаго времени.

О высылкѣ на линію козаковъ на смѣну прежнимъ (съ приложеніемъ реестра высланныхъ изъ Харьков. полковой, Деркачевской, Тишков., Салтовской и Валковской сотень).

Указъ объ отправленіи на украинскую линію 500 козаковъ и о готовности къ веснѣ къ выступленію къ польской границѣ.

Доношеніе Угольчанскаго сотника Константина Ковалевскаго объ увольненіи его отъ командировки на украинскую линію по болѣзни.

Списки наряженныхъ на линію изъ Липецкой и Валковской сотни.

Списокъ командированныхъ на украинскую линію (въ кр. Св. Парасксвы) козаковъ Харьковскаго полка.

О смѣнѣ сотника Ивана Ковалевскаго, находящагося на линіи Мерефянскимъ сотникомъ Щербиною.

Доношеніе сотника Петровскаго объ неотправкѣ его на линію.

О возвращеніи обратно на линію бѣжавшихъ козаковъ Слободскихъ полковъ.

Объ отправкѣ провіанта находящимся на линіи козакамъ.

Объ увольненіи сотника Богаевскаго отъ командировокъ для постройки жилого для себя дома.

Указы о высылкѣ провіанта находящимся на линіи козакамъ или о смѣнѣ ихъ.

О смѣнѣ сотника Ковалевскаго, находящагося на линіи, Бугаевскимъ.

О смѣнѣ асаула Смаковскаго другимъ.

№ 67-й. 1742 года (на 73 листахъ).

О состояніи Харьковскаго полка козаковъ и лошадей.

Рапортъ о состояніи Соколовской сотни въ январѣ мѣсяцѣ 1742 г.,

(т. е. свѣдѣнія о числѣ казаковъ, о количествѣ командированныхъ, о числѣ сотенной старшины, о числѣ полковыхъ лошадей и пр.).

Тоже о состояніи Тишковской сотни.

Тоже Липецкой сотни.

Тоже Золочевской и Валковской сотень.

Тоже за февраль Липецкой сотни.

Тоже за генварь и февраль мѣсяцы Тишковской сотни.

Тоже Соколовской сотни за февраль мѣсяцъ.

Валковской сотни за мартъ мѣсяцъ.

Золочевской сотни за мартъ мѣсяцъ.

Рапортъ о состояніи Харьковскаго полка.

Рапортъ о состояніи Липецкой сотни за мартъ мѣсяцъ.

Письмо Леонтьева къ Тевяшеву о присылкѣ вѣдомостей о состояніи Харьковскаго полка.

Рапортъ о состояніи Харьковскаго полка за генварскую треть.

Рапортъ о состояніи Липецкой сотни за апрѣль мѣсяцъ.

Рапорты о состояніи Харьковскаго полка.

Рапортъ о состояніи Золочевской сотни за апрѣль мѣсяцъ.

Тоже Валковской сотни за май мѣсяцъ.

Тоже Липецкой и Соколовской сотень.

Золочевской сотни за сентябрь мѣсяцъ.

Рапортъ о состояніи Харьковскаго полка въ іюлѣ мѣсяцѣ.

Рапортъ о состояніи Соколовской сотни за іюль мѣсяцъ.

Тоже Валковской сотни за іюль мѣсяцъ.

Рапортъ о состояніи Угольчанской сотни.

Тишковской сотни за октябрь мѣсяцъ.

Валковской сотни за декабрь мѣсяцъ.

Липецкой и Золочевской сотень за декабрь мѣсяцъ.

Тишковской сотни за августъ мѣсяцъ.

№ 68-й. 1742 года (на 42 листахъ).

О поставкѣ для турецкаго посла и его свиты подводъ.

Указъ о заготовленіи подводъ къ проѣзду турецкаго уполномоченнаго.

Росписаніе, сколько съ какой сотни нужно выслать подводъ.

Инструкція посланнымъ для сбора подводъ въ Харьковскомъ полку.

Указъ о невысылкѣ изъ м. Новыхъ Водолагъ подводъ.

Вѣдомость о высланныхъ подводахъ изъ Бѣлагородскаго и Нижегольскаго уѣздовъ.

№ 69-й. 1742—1747 годовъ (на 61 листѣ).

О селитровареніи.

О заключеніи контракта съ бригадиршею Дуниной о селитровареніи ею въ сл. Старой Водолагѣ.

Контрактъ, заключенный канцеляріей главной артиллеріи съ „селитерными компанейщиками Якимомъ Баляснымъ съ товарищи".

О покупкѣ пороха для Харькова.

Указъ объ отпускѣ приготовленнаго на заводахъ пороха только по указу бригад. Ильина.

Письмо Фукса къ Тевяшову о продажѣ въ Харьковскій цейхгаузъ восьми пудовъ пороху.

Промеморія Фукса объ отводѣ лѣса, находящагося возлѣ Мерефы, для добыванія смолы и дегтю для артиллеріи.

Доношеніе городничаго Голуховича о прокормѣ артиллерійскихъ лошадей, находящихся при Харьковской полковой канцеляріи.

Доношеніе Голуховича о назначеніи Софѣенка по прежнему писаремъ при артиллеріи для описанія пушекъ и артиллерійской аммуниціи.

О покупкѣ пороха для Харьковской артиллеріи.

О продажѣ винтовочнаго пороха въ Бѣлгородѣ при артиллерійской командѣ желающимъ.

О покупкѣ сотникомъ Жуковскимъ десяти пудъ пороху для Харьковской артиллеріи въ Бѣлгородѣ.

О покупкѣ имъ же тамъ же ручного пороху 25 пудъ.

О покупкѣ гонта для новопостроеннаго артиллерійскаго сарая въ Харьковѣ.

О приготовленіи станковъ для пушекъ Харьковской полковой артиллеріи.

О приведеніи въ порядокъ артиллеріи сотникомъ второй полковой сотни по случаю болѣзни Голуховича.

Доношеніе городничаго г. Харькова о починкѣ обветшалаго на р. Лопани моста или о постройкѣ новаго.

Реестръ, сколько нужно заготовить дерева на постройку моста на р. Лопани въ г. Харьковѣ.

№ 70-й. 1742 года (на 175 листахъ).

О приводѣ къ присягѣ Петру Ѳеодоровичу.

Указъ о приводѣ къ присягѣ на вѣрность Наслѣднику Всероссійскаго Императорскаго Престола Великому Князю Петру Ѳеодоровичу всѣхъ чиновъ людей кромѣ пашенныхъ крестьянъ.

Инструкція отправленному для привода къ присягѣ.

Печатное клятвенное обѣщаніе (присяжный листъ).

Списокъ старшинъ Харьковскаго полка.

Списки присягнувшихъ обывателей г. Харькова и жителей Харьковскаго полка.

Списки духовныхъ лицъ.

№ 71-й. 1742 года (на 109 листахъ).

О разграниченіи земель съ турками.

Указъ о присылкѣ въ коммиссію Неплюева людей старожиловъ, знающихъ степныя мѣста и рѣки (1741 г.).

Указы о заготовленіи подводъ для коммиссіи кн. Репнина для разграниченія земель между Россіей и Турціей.

Инструкція Трофиму Гаевскому о пріемѣ подводъ и объ отправленіи ихъ въ подлежащее мѣсто (приложена его подписка въ томъ).

Росписаніе подводамъ, назначеннымъ въ коммиссію Репнина.

Реестръ не высланныхъ подводъ.

Реестръ подводчиковъ, высланныхъ изъ сотень: Салтовской, Липецкой и Тишковской.

Вѣдомости высланныхъ подводъ изъ м. Новой Водолаги, изъ с. Рокитнаго, с. Бабаевъ, изъ сотни Мерефянской, изъ сотни Хорошевской, изъ сл. Старой Водолаги, с. Борокъ, сл. Артемовки, изъ сотни Соколовской.

Объ учрежденіи почтовыхъ становъ для курьеровъ, посылаемыхъ кн Рѣпнинымъ, отъ Полтавы до Сумъ и до Суджи, отъ Изюма на Харьковъ и на Бѣлгородъ.

О заготовленіи для кн. Репнина и для его свиты въ г. Харьковѣ квартиръ и о содержаніи находящейся при немъ конвойной команды.

О высылкѣ недостающихъ подводъ въ коммиссію кн. Репнина.

Реестръ недосланныхъ подводъ.

№ 72-й. 1742 года (на 171 листу).

О почтѣ.

Вѣдомость Золочевской почты о числѣ проѣхавшихъ черезъ почтовый станъ.

Указъ о наведеніи справки: не причинили-ль какой обиды на почтѣ во время пути капитанъ Аракчеевъ и прапорщикъ Ефановъ.

Вѣдомость о числѣ проѣхавшихъ черезъ Золочевскую почту.

Тоже черезъ Перекопскую почту и чрезъ Валковскую.

Доношеніе Салтовскаго сотника объ обидахъ Салтовской почтѣ отъ проѣзжающихъ.

Вѣдомость проѣхавшихъ черезъ Мерефянскую, Липецкую, Соколовскую, Валковскую и Деркачевскую почты.

Доношеніе Липецкаго сотника Авксентіева о томъ, что содержаніе казаками почты въ Липцахъ сильно ихъ обременяетъ.

Указъ объ учрежденіи въ Харьковскомъ полку почты съ указаніемъ въ какомъ мѣстечкѣ должна быть учреждена почта.

Вѣдомость о числѣ душъ Харьковскаго полка, значущемся по ревизіи.

Вѣдомость о числѣ проѣзжающихъ черезъ Золочевскую почту, чрезъ Липецкую сотню.

О заплатѣ обывателями, приписанными къ Перекопской сотнѣ, содержателю Перекопской почты.

Вѣдомость проѣхавшихъ чрезъ Нововодолажскую почту и Мерефянскую почту.

Указъ о завѣдываніи почтой вице-канцлеру Бестужеву-Рюмину.

Доношеніе атамана Волчьихъ водъ о томъ, что обыватели окрестныхъ поселеній не доставили лошадей на почту въ Волчьихъ водахъ.

Вѣдомости проѣхавшихъ чрезъ Ольшанскую, Липецкую, Валковскую, Нововодолажскую почты.

Росписаніе сотни Липецкой, съ котораго поселенія сколько нужно выслать лошадей въ Липцы на почту.

Объ отдачѣ Харьковскими сотнянами почты на содержаніе Бочарову.

О неуплатѣ содержателю почты Бочарову договорныхъ денегъ, провіанта и фуража владѣльцами и Хорошевскими и Мерефянскими сотнянами.

О дачѣ подводы по подорожнимъ ген. Дебриньи.

Вѣдомости проѣхавшихъ черезъ почтовые станы Харьковскаго полка.

№ 73-й. 1742 года (на 180 листахъ).

О высылкѣ на солянные заводы въ Бахмутъ работниковъ.

Указъ о высылкѣ полнаго количества работниковъ на Торскіе и Бахмутскіе соляные заводы.

Указъ о невысылкѣ съ мѣстечка Водолагъ работниковъ на Бахмутскіе заводы.

Промеморіи и указы о высылкѣ работниковъ на соляные заводы.

О смѣнѣ Смородскаго, находящагося на соляныхъ заводахъ, Закрицкимъ.

О высылкѣ работниковъ изъ сл. Колотиловки и Трофиловки Хотмышскаго уѣзда, изъ Липецкой, Тишковской, Соколовской и Перекопской сотень.

О смѣнѣ Закрицкаго Степаномъ Ковалевскимъ.

Реестръ бѣжавшихъ работниковъ съ Бахмутскихъ заводовъ.

Указы о высылкѣ полнаго числа работниковъ на соляные заводы.

Доношенія Закрицкаго о перемѣнѣ его другимъ, ибо у него и его работниковъ нѣтъ зимняго платья и провіанта.

О побѣгѣ Закрицкаго и похищеніи денегъ, которыя онъ долженъ былъ роздать рабочимъ.

Вѣдомость, кому онъ долженъ былъ роздать эти деньги.

Доношеніе Штанскаго о бѣжавшихъ, находящихся въ кр. Торѣ „на патрулѣхъ“ (приложенъ реестръ).

О заплатѣ за сѣно, взятое стоящими на патрулѣ въ кр. Торѣ козаками у Боброва.

Доношенія и письмо Закрицкаго къ Тевяшеву о смѣнѣ его.

О присылкѣ свѣдѣній о желающихъ взять на откупъ соляные заводы.

О доставкѣ свѣдѣній почемъ въ г. Харьковѣ продается соль.

Указъ о присылкѣ рабочихъ, ибо происходитъ остановка въ солевареніи.

Реестръ высланныхъ изъ сотень Харьков. полка рабочихъ.

О высылкѣ работниковъ изъ Харьковскаго полка на соляные заводы.

Вѣдомость, сколько состоитъ при Бахмутскомъ соляномъ заводѣ работниковъ Харьковскаго полка.

Реестръ бѣглыхъ.

Доношеніе Сухомлинова, находящагося на соляныхъ заводахъ, о замѣнѣ его другимъ.

Реестръ бѣглыхъ работниковъ Харьковскаго полку.

Подписка Атамана с. Лопани, приказчика с. Лозоваго, атамана Деркачевскаго о томъ, что они по первому требованію вышлютъ работниковъ въ Бахмутскіе соляные заводы.

Вѣдомость о высланныхъ работникахъ изъ Перекопской сотни, изъ с.с. Должка, Рогозянки и Мироновки, Лопани, Лозоваго и Рясного и изъ Деркачевской сотни.

Росписаніе, сколько съ какого селенія нужно выслать подводъ на соляные заводы.

О невысылкѣ работниковъ изъ с. Карасевки и Лозоваго.

Реестръ высланныхъ работниковъ изъ Салтовской и Валковской сотень.

Реестръ высланныхъ въ Бахмутъ изъ Харьковскаго полка работниковъ.

Реестръ, кто и сколько далъ презентальныхъ денегъ.

№ 74-й. 1743 года (на 52 листахъ).

О приводѣ къ присягѣ небывшихъ у оной.

Указъ о приводѣ къ присягѣ пожалованныхъ въ чины и объ отсылкѣ присяжныхъ листовъ въ Сенатъ.

Печатные присяжные листы.

Объ опредѣленіи Ильи Александровича Черноглазова подпрапорнымъ и о присягѣ его.

О приводѣ сына попа Николаевской церкви Федорова къ присягѣ.

Списокъ лицъ, приведенныхъ къ присягѣ, которые ранѣе не могли присягнуть за отлучкою.

О производствѣ Емельянова въ подпрапорные, съ увольненіемъ отъ службы за болѣзнью.

Вѣдомости присягнувшихъ.

№ 75-й. 1743 года (на 61 листу).

О козацкихъ разъѣздахъ на линіи.

Указъ о высылкѣ бѣглыхъ козаковъ на линію.

О смѣнѣ старшины и козакахъ Харьковскаго полка другими и о возвращеніи бѣглыхъ на линію.

Указъ о скорѣйшей смѣнѣ находящихся на линіи старшинъ. Смаковскаго и Захарьевскаго Корнѣевымъ и Ковалевскимъ и о скорѣйшей высылкѣ козаковъ на смѣну.

Вѣдомость о бѣжавшихъ козакахъ Харьковскаго полка съ линіи.

Доношеніе сотника Картаваго или о смѣнѣ находящихся на линіи или о высылкѣ имъ зимняго платья.

Письмо ген. Дебриньи къ Тевяшову о высылкѣ полковаго обознаго Ковалевскаго на линію.

Доношеніе сотника Картаваго о томъ, что за болѣзнью на линію онъ отправиться не можетъ.

Указъ о смѣнѣ сотниковъ Пащинскаго и Щербины, находящихся на линіи, Картавымъ и Петровскимъ.

Указъ о высылкѣ бѣглыхъ на линію и о смѣнѣ находящихся тамъ казаковъ.

О высылкѣ на украинскую линію полковаго обознаго Ковалевскаго и полковаго асаула Романова.

Указы объ удержаніи коваковъ отъ побѣговъ.

Списокъ бѣглыхъ казаковъ.

О высылкѣ бѣглыхъ и недосланныхъ на украинскую линію.

Указы о высылкѣ козаковъ на линію посмѣнно.

О смѣнѣ полковаго обознаго Ковалевскаго асауломъ Будскимъ.

О высылкѣ на линію козаковъ по 100 человѣкъотъ Харьковскаго полка

№ 76-й. 1743 года (на 32 листахъ).

О сыску бѣжавшихъ разнаго званія людей.

Объ отводѣ курскихъ жителей Хлопонина и др. занимающихся въ Харьковѣ купечествомъ въ Курскъ, какъ живущихъ безъ всякихъ документовъ.

Указъ объ отпускѣ однодворца Емельянова въ дер. Журавинки съ паспортомъ.

Указъ о поимкѣ бѣжавшаго колодника Балева.

О поимкѣ бѣглаго человѣка, вышедшаго изъ Польши, Степана Пригоренка.

О поимкѣ бѣглеца сапожника малороссіянина Герасима.

О сыскѣ бѣглыхъ крѣпостныхъ купца Петрова.

О сыскѣ бѣглаго крѣпостнаго сек. маіора Ушакова Емельянова.

О поимкѣ крѣпостнаго Васильева, который покралъ у своего господина кап. Родіонова разныя вещи.

О поимкѣ двухъ бѣглыхъ драгунъ Рязанскаго полка.

О поимкѣ служителя Даценка, укравшаго разные пожитки у кап. Парафіевскаго и бѣжавшаго (приложенъ реестръ покраденныхъ вещей).

О сыскѣ бѣжавшаго колодника Продайдуши.

№ 77-й. 1743 года (на 60 листахъ).

О предосторожности отъ опасной болѣзни.

Указы о предосторожности противъ опасной болѣзни, ибо въ Константинополѣ свирѣпствуетъ оная болѣзнь и доселѣ.

О назначеніи докторовъ въ Малороссію и на Донъ и объ усиленіи предосторожности по случаю усиливающейся въ Константинополѣ болѣзни.

Указъ о держаніи въ карантинѣ ѣдущихъ изъ Турціи.

№ 78-й. 1743 года (на 116 листахъ).

О состояніи Харьковскаго Слободскаго полка.

О присылкѣ вѣдомостей о состояніи сотенъ Харьковскаго полка.

Вѣдомость о казакахъ Люботинской сотни.

Вѣдомость о состояніи Валковской сотни (о количествѣ козаковъ и старшины, о ихъ командировкахъ и пр.).

Вѣдомости о состояніи Харьковскаго полка.

Вѣдомости о состояніи Соколовской, Валковской, Золочевской, Тишковской и Деркачевской сотенъ.

Рапорты о состояніи Харьковскаго полка.

Рапорты (вѣдомости) о состояніи Золочевской, Тишковской и Валковской сотень за разные мѣсяцы 1743 г.

Рапорты (вѣдомости) о состояніи Харьковскаго полка и сотень: Деркачевской, Салтовской, Тишковской, Валковской, Золочевской и Соколовской.

Указъ о прибытіи козаковъ для встрѣчи ген. Бибикова.

Вѣдомость о козакахъ Пересѣчанской и Валковской сотень.

Вѣдомость о состояніи Соколовской сотни.

Вѣдомость о числѣ казаковъ Тишковской сотни, находящихся на лицо.

Вѣдомость о казакахъ Перекопской сотни.

Вѣдомость о состояніи Ольшанской и Золочевской сотень.

Вѣдомость о старшинѣ Харьковскаго полка (имянной списокъ).

Рапортъ о состояніи Харьковскаго полка.

О производствѣ Савицкаго вакансовымъ полковымъ писаремъ.

№ 79-й. 1743 года (на 46 листахъ).

О сходѣ казаковъ, свойственниковъ и подпомощниковъ.

Указъ о припискѣ къ Бѣлгородскому дистрикту имѣній гр. Ивана Гендрикова сл. Рубежной и др. и имѣній кн. Ивана Трубецкаго сл. Екатериновки, Дмитріевки, Орлика и др., а вмѣсто нихъ къ Изюмскому дистрикту имъній гр. Головкина сл. Спасской, Антоновки и др., имѣній Мѣслева сл. Олховатой.

Указъ о непереходѣ обывателей съ мѣста на мѣсто.

Вѣдомость о сшедшихъ съ своего мѣста жительства подпомощниковъ.

О казакѣ Панасѣ Черкасѣ, перешедшемъ изъ Угольчанской сотни въ Перекопскую.

Вѣдомость второй полковой Харьковской сотни о сшедшихъ съ мѣста жительства козакахъ.

Вѣдомость Тишковской и Липецкой сотень о сшедшихъ козакахъ и подпомощникахъ.

Вѣдомость, за кѣмъ и сколько числится недоимокъ.

Указъ о взысканіи недоимокъ.

№ 80-й. 1743 года (на 50 листахъ).

О цѣнахъ на провіантъ и фуражъ.

Цѣны на муку, крупу, пшено, овесъ и соль за май мѣсяцъ 1743 г. въ м. Валкахъ.

Тоже за генварь мѣсяцъ въ мѣстечкахъ Харьковскаго полка.

Тоже за октябрь мѣсяцъ въ м. Валкахъ, Золочевѣ.

Цѣну на мукѣ, ячмень, овесъ, пшено, крупу и пр. въ мѣстечкахъ Харьковскаго полку за февраль мѣсяцъ 1743 г.

Цѣны на съѣстные припасы въ г. Харьковѣ въ февралѣ мѣсяцѣ.

Цѣны на съѣстные припасы въ г. Харьковѣ и въ мѣстечкахъ Харьковскаго полка за мартъ мѣсяцъ.

Тоже за апрѣль мѣсяцъ.

Тоже за май мѣсяцъ.

№ 81-й.(1) 1743 года (на 48 листахъ).

О селитровареніи.

Промеморія отъ полковника Фукса о доставкѣ свѣдѣній о количествѣ селитряныхъ заводовъ въ Харьковскомъ полку.

Промеморія изъ Харьковской полковой канцеляріи о селитряныхъ заводахъ и о количествѣ вываренной селитры.

Указъ о присылкѣ вѣдомостей о количествѣ селитряныхъ заводовъ.

Извѣстіе въ полковую Харьковскую канцелярію бригадирши Дуниной о количествѣ вывариваемой на ея заводахъ селитры.

Тоже Краснокутскаго.

О взысканіи на селитряныхъ заводчикахъ Дунинѣ и Ерофеевѣ передаточныхъ денегъ.

Доношеніе городничаго Голуховича о разсылкѣ лошадей полевой артиллеріи по сотнямъ (Пересѣчанской и Деркачевской) на содержаніе.

Промеморія полковника Фукса о присылкѣ извѣстія изъ полковой Харьковской канцеляріи, не осталось ли какихъ вещей отъ проходящихъ черезъ украину полковъ.

№ 81-й(2). 1743 года (на 266 листахъ).

О слободскомъ драгунскомъ полку.

Указы о высылкѣ разглашателей о раскосованіи Слободскаго Драгунскаго полка въ канцелярію Коммиссіи Учрежденія Слободскихъ полковъ.

Указъ о наведеніи справки о взысканіи съ подпомощниковъ драгунъ с. Даниловки Уса и Евченка.

Указъ о сыскѣ разгласителей о раскосованіи Слободскаго Драгунскаго полка.

О высылкѣ Ярмоленковъ по дѣлу слѣдствія надъ полковникомъ Булскимъ.

Объ укомплектованіи третьяго эскадрона драгунскаго полка.

Реестръ, сколько нужно людей и лошадей для этого эскадрона.

Доношеніе Валковской сотни о томъ, что почтовыя лошади ни кѣмъ не брались за Октябрь мѣсяцъ 1743 г.

Указы и письмо Леонтьева, какимъ образомъ отправлять посылаемые отъ него пакеты.

Вѣдомости о количествѣ проѣхавшихъ черезъ Водолаги и бравшихъ подводы.

О содержаніи почты въ мѣстечкѣ Перекопцѣ (съ росписаніемъ жителей).

О назначеніе драгуна Гученка музыкантомъ и о выборѣ на мѣсто его другого.

Указъ объ учрежденіи почтъ въ Харьковскомъ полку и о незадержаніи пакетовъ, отправляемыхъ въ Ландмилицкіе полки.

О содержаніи почты въ Перекопѣ съ присоединеніемъ вѣдомости росписанія опредѣленныхъ для содержанія почты.

Доношеніе жены содержателя почты въ г. Харьковѣ Бочарова о томъ, что она не получила слѣдуемаго мужу ея по уговору на содержаніе почты.

Вѣдомость изъ Новыхъ Водолагъ о проѣхавшихъ чрезъ почту этого города въ генварѣ мѣсяцѣ.

Указъ объ уничтоженіи слѣдственной коммиссіи объ обидахъ драгунамъ и о пересылкѣ дѣлъ этой коммиссіи въ полки мѣсто жительства подсудимыхъ.

О повышеніи чиномъ драгунъ Ракова, Скрыпкина и др. и о выборѣ изъ обывателей на мѣсто ихъ новыхъ.

О покупкѣ для Слободскаго драгунскаго полка свѣчъ, сургуча и бумаги.

О назначеніи вмѣсто драгуна Яковенка, опредѣленнаго капраломъ, другого.

Вѣдомость объ убылыхъ третьяго эскадрона Слободскаго драгунскаго полка.

Вѣдомость о драгунскихъ свойственникахъ въ Харьковскомъ полку.

Объ опредѣленіи подмоги подрапорщику Слободсного драгунскаго полка Васильченкову (см. также стр. 177 и т. д.).

Объ укомплектованіи третьяго эскадрона драгунскаго Слободскаго полка.

(Письма къ Харьковской полковой старшинѣ; инструкціи, вѣдомости о „убылыхъ“ и пр.).

Объ опредѣленіи подмоги священнику Слободскаго драгунскаго полка Яковлеву.

Объ укомплектованіи Слободскаго драгунскаго полка.

О побѣгѣ драгунъ Москаленка и Юхименкова.

О возвратѣ денегъ за соль, взятую Гапченкомъ у драгуна Гармашева.

Указъ о раздачѣ служителямъ Слободскаго драгунскаго полка обуви, оставшейся отъ прошлаго года.

Объ опредѣленіи въ подмогу драгуну свойственниковъ умершаго драгуна Бурдюгова.

О доставленіи къ смотру подъемныхъ лошадей драгунскаго полка, находящихся въ вѣденіи Харьковской полковой канцеляріи.

О содержаніи этихъ лошадей Харьковской полковой канцеляріей.

Объ укомплектованіи драгунскаго полка. (Указы, доношенія, вѣдомость письма, промеморіи и пр.).

Объ обидахъ драгуна Богданова полковымъ асауломъ Буцкимъ.

Указъ о выдачѣ денегъ на медикаменты Слободскому драгунскому полку.

О содержаніи подъемныхъ лошадей этого же полка въ Валковской и Пересѣчанской сотняхъ.

№ 82-й. 1744 года (на 19 листахъ).

О командированіи козаковъ для охраны Бахмутской и Торской крѣпостей.

Указъ о высылкѣ козаковъ для охраны кр. Бахмута и Тора отъ татарскихъ нападеній.

О высылкѣ козаковъ изъ Тишковской и Липецкой сотни для этого.

О высылкѣ новыхъ козаковъ изъ сотень Люботинской и Ольшанской на смѣну прежнихъ.

№ 83-й. 1744 года (на 59 листахъ).

Объ укомплектованіи козаковъ Харьковскаго полка.

Указъ объ укомплектованіи козаковъ Харьковскаго полка.

Инструкція, данная для руководства при укомплектованіи козаковъ.

Доношенія объ укомплектованіи Пересѣчанской и Деркачевской сотень

Именная вѣдомость козаковъ с. Лозового Деркачевской сотни.

Вѣдомость оружья козаковъ Тишковской, Липецкой и Салтовской сотень.

Доношенія объ укомплектованіи сотень Харьковскаго полка.

Доношеніе подпрапорнаго Смородскаго о томъ, что сотникъ Петровскій отнимаетъ данныхъ ему въ подмогу обывателей (тутъ же отвѣтъ Петровскаго по этому поводу).

Доношеніе Высочина о томъ, что братья Гужвинскіе не въ состояніи съ одного дома отправлять двойную службу подпрапорнаго и драгунскую.

Вѣдомость козаковъ, свойственниковъ, подпомощниковъ и драгунъ Харьковскаго полка.

№ 84-й. 1744 года (на 168 листахъ).

О раскасованномъ Слободскомъ драгунскомъ полку.

Указъ объ уничтоженіи Слободскаго драгунскаго полка.

О передачѣ аммуничныхъ вещей Слободскаго драгунскаго полка изъ Харьковскаго полка въ Сумы.

Промеморія изъ Ахтырской полковой канцеляріи въ Харьковскую о подсусѣдкахъ и подпомощникахъ, о козакахъ и пр.

Указъ въ сотни Харьковскаго полка объ уничтоженіи Слободскаго драгунскаго полка съ указаніемъ относительно аммуничныхъ вещей и служащихъ въ этомъ полку.

Доношеніе Высочина объ укомплектованіи козаковъ Харьковскаго полка.

Доношеніе сотника Ковалевскаго о доставленіи матеріаловъ для попонъ, недоуздковъ и пр. для государевыхъ лошадей, а также всего необходимаго для леченія больныхъ лошадей на казенныхъ заводахъ.

Промеморія изъ С.-Петербургскаго драгунскаго полка о доставленіи лѣсу изъ Ольшанской сотни для телѣгъ, саней и для конюшень этого полка.

О высылкѣ работниковъ для починки конюшень и сараевъ казенныхъ конскихъ заводовъ и о перевозкѣ сѣна на эти заводы.

Доношеніе Харьковсковской полковой канцеляріи въ Государственную военную коллегію о раскасованіи Слободскаго драгунскаго полка по эскадронно, а не цѣлымъ полкомъ.

Объ отдачѣ лошади атаманомъ Бѣльченкомъ вахмистру Ребынину.

О присылкѣ въ полкъ подъемныхъ лошадей Слободскаго драгунскаго полка.

Доношеніе капрала Кравченка о желаніи его служить въ выборныхъ легкихъ козакахъ.

Доношеніе сотника Головашича о томъ, что поручикъ Рудаевъ бьетъ драгунъ, желающихъ вступить въ козачую службу.

Указъ о доставкѣ аммуничныхъ вещей Слободскаго драгунскаго полка въ Сумы Харьковской полковой канцеляріей.

О грабежѣ у драгуна Ганжи атаманомъ села Угольцовъ казенной лошади и казенныхъ вещей.

Реестръ гренадеровъ Слободскаго драгунскаго полка живущихъ въ Харьковскомъ и опредѣляющихся въ легкіе выборные козаки.

Такой же реестръ мушкатеровъ.

О сыскѣ унтеръ-офицеровъ Филевскаго, Сухомлинова и ноги для отобранія у нихъ аммуничныхъ вещей.

Реестръ музыкантовъ, ротныхъ писарей, капраловъ и пр. Слободскаго драгунскаго полка, живущихъ въ Харьковскомъ полку.

Реестръ годныхъ лошадей у служашихъ въ слободскомъ др. полку.

О подъемныхъ лошадяхъ Слободскаго драгунскаго полка, содержимыхъ въ Липецкой и Переконской сотняхъ.

О нападеніяхъ на драгунъ со стороны плутовскихъ людей, будто-бы учениковъ коллегіума.

Доношеніе сотниковъ Харьковскаго полка объ отобранныхъ у драгунъ казенныхъ аммуничныхъ вещахъ.

О сыскѣ бѣглыхъ драгунъ С.-Петербургскаго полка (приложенъ реестръ бѣглыхъ).

Указъ Лесевицкому о томъ, чтобы онъ явился въ герольдмейстерскую контору.

О распредѣленіи подпомощниковъ между выборными козаками.

Указы о явкѣ старшинамъ Слободскаго драгунскаго полка въ военной коллегіи, которые еще не являлись туда.

№ 85-й. 1744 года (на 60 листахъ).

О цѣнахъ на провіантъ и фуражъ.

Цѣны на муку, овесъ, сѣно, ячмень, гречь, сало, соль, табакъ, масло и пр. въ г. Харьковѣ въ январѣ, февралѣ, мартѣ и другіе мѣсяца.

Тоже въ сотняхъ Золочевской и Валковской за разные мѣсяца.

Промеморія о присылкѣ въ Переясловскую полковую канцелярію изъ Харьковской канцеляріи свѣдѣній о цѣнахъ съѣстныхъ припасовъ.

№ 86-й. 1744 года (на 257 листахъ).

О командированіи козаковъ на украинскую линію.

Доношеніе асаула Буцкаго о высылкѣ на украинскую линію вмѣсто сотниковъ Авксентіева и Романовича другихъ.

Указы Дебриньи о прибытіи сотника Аксентьева на линію въ срокъ.

О высылкѣ асаула Буцкаго на линію.

О высылкѣ сот. Ковалевскаго и бѣглыхъ козаковъ на линію.

О высылкѣ вмѣсто подпрапорнаго Гаевскаго другаго.

О высылкѣ ротмистра Абазы на украинскую линію.

О высылкѣ на линію изъ Харьковскаго полка вмѣсто двухъ сотниковъ сотника и подпрапорнаго.

Доношеніе ротмистра Абазы о томъ, что козаки, находящіеся на линіи, не имѣютъ пороху, а у него ротмистра нѣтъ писаря для писемъ и отписокъ.

Доношеніе Липецкаго сотника Авксентіева о томъ, что козаки этой сотни на линію отправляются въ полной исправности (приложенъ реестръ высланныхъ).

Указъ о высылкѣ лошадей находящимся на линіи и не имѣющимъ таковыхъ козакамъ.

Указъ о починкѣ гатей и мостовъ по тракту отъ Харькова до Водолагъ.

Указы о незадержкѣ пакетовъ, отправляемыхъ отъ ген. Леонтьева на украинскую линію и обратно.

Доношеніе сотника Жукова, находящагося на украинской линіи, о смѣнѣ его другимъ.

О назначеніи сот. Жукова на украинскую линію.

Доношеніе Соколовскаго сотника о раскомандированіи козаковъ оной сотни.

Реестръ козаковъ, находящихся на линіи.

Указъ Дебриньи о смѣнѣ ротмистра Абазы кѣмъ либо изъ полковой старшины.

Доношеніе сотника Щербины, находящагося на линіи, о смѣнѣ его другимъ.

О высылкѣ на линію асаула Высочина на смѣну Абазы.

О недосланныхъ на украинскую линію козакахъ и бѣжавшихъ оттуда.

О высылкѣ на линію подпрапорнаго Гаевскаго или другого кого-нибудь вмѣсто него, если онъ болѣнъ.

О смѣнѣ Соколовскаго писаря Ѳедорова другимъ.

Доношеніе Высочина о неисправностяхъ команды Харьковскаго полка, находящейся на линіи.

О смѣнѣ сотника Петровскаго, находящагося на линіи, сотникомъ Тихоцкимъ.

О высылкѣ Мерефянскаго сотеннаго писаря на линію.

Доношеніе подпрапорнаго Урсула о невысылкѣ его на линію, дабы за частыми командировками онъ не пришелъ въ оскудѣніе.

О высылкѣ подпрапорнаго Урсула на линію.

Доношеніе Высочина о высылкѣ ему на линію бумаги и сургуча, о смѣнѣ его другимъ и пр.

Вѣдомость козаковъ Харьковскаго полка, находящихся на линіи.

Письмо Дебриньи о снабженіи косами козаковъ, находящихся на линіи.

Указъ о высылкѣ козаковъ Тищенкова и Максименка и др. въ Орловскую кр. по дѣлу о покражѣ казенныхъ вещей.

Доношеніе подпрапорнаго Рубана объ отправленіи его на линію.

Доношеніе ротмистра Абазы о бѣжавшихъ съ линіи козакахъ (приложенъ реестръ).

Доношеніе сотника Константина Ковалевскаго объ отправленіи его на линію.

О смѣнѣ ротмистра Абазы, находящагося на линіи, другимъ.

О высылкѣ козакамъ, находящимся на линіи, косъ.

О высылкѣ подпрапорныхъ Рубиновскаго въ Изюмъ, а Урсула на линію.

О смѣнѣ сот. Щербины, находящагося на линіи.

О высылкѣ на линію подпр. Рубана.

Доношеніе сотника Голуховича объ обидахъ козаковъ атаманами, пушкарями и пр., посланными отъ полковой Харьковской канцеляріи.

Указъ о высылкѣ косарей изъ сл. Новой и Малой Водолагъ для заготовленія сѣна для казенныхъ конскихъ заводовъ.

О старшинствѣ чиновъ полковой старшины.

Доношеніе Тишковскаго сотника Тихоцкаго о томъ, что козаки его сотни бѣжали отъ притѣсненій ихъ на линіи.

О высылкѣ козакамъ косъ на линію.

О высылкѣ на линію асаула Сумскаго полка Романова.

Доношеніе Угольчанскаго сотника Ковалевскаго о томъ, что козакъ Цибулниченко не хочетъ отправляться на линію.

№ 87-й. 1744 года (на 84 листахъ).

О командированіи въ Изюмъ козаковъ для содержанія карауловъ.

Промеморія изъ Изюмской полковой канцеляріи въ Харьковскую о смѣнѣ козаковъ, находящихся въ Изюмѣ для содержанія карауловъ и разъѣздовъ.

Реестры козаковъ, высланныхъ для содержанія разъѣздовъ и патрулей.

Доношеніе сотника Соколовской сотни Жукова о не смѣнѣ козаковъ его сотни, находящихся на разъѣздахъ, въ опредѣленный срокъ.

Доношеніе сотень Харьковскаго полка о высылкѣ козаковъ въ Изюмъ.

Указъ о посылкѣ козаковъ въ Изюмъ для патрулей и разъѣздовъ (1743 г.).

Указъ подпрапорному Петру Турчанинову объ отправленіи его въ Изюмъ.

Объ отправленіи подпрапорнаго Рубиновскаго въ Изюмъ.

Просьба этого же Рубиновскаго о назначеніи ему подмоги.

Промеморіи Изюмской полковой канцеляріи о высылкѣ козакевъ въ Изюмъ и бѣжавшихъ оттуда (приложенъ реестръ).

Доношеніе педпрапорнаго Турчанинова о смѣнѣ его другимъ.

Указъ объ отправленіи въ Изюмъ козаковъ въ полной воинской исправности съ достаточнымъ запасомъ опрвіанта.

Доношеніе Турчанинова о бѣглыхъ (приложенъ реестръ).

Доношеніе Албаскаго о не назначеніи его въ Изюмъ для разъѣздовъ по причинѣ болѣзни его жены.

Объ отправленіи Закрицкаго въ Изюмъ.

Доношеніе Деркачевской и Тишкевской сотень о высылкѣ козаковъ въ Изюмъ.

Доношеніе подпрапорнаг Штанскаго о выступленіи его съ командою въ Изюмъ.

Промеморія Изюмской полковой канцеляріи о бѣжавшихъ козакахъ Харьковскаго полка.

О командировкѣ Штанскаго въ Изюмъ.

Реестръ бѣжавшихъ отъ Изюма козаковъ Харьковскаго полка.

О смѣнѣ Штанскаго Щербиною.

№ 88-й. 1744 года (на 118 листахъ).

О исправленіи козаковъ всѣми воинскими принадлежностями.

Письмо Алексѣя Лесевицкаго къ Харьковскому полковнику о готовноности двухъ сотъ козаковъ Харьков. полка къ выступленію.

Росписаніе этихъ козаковъ по сотнямъ Харьков. полка.

Доношенія Тишковской, Деркачевской и Соколовской сотень о готовности козаковъ (приложены реестры).

О неисправности козаковъ Мерефянской сотни (съ подробнымъ указаніемъ этой неисправности).

О готовности подпрапорному Рубану къ выступленію.

Доношенія сотень Мерефянской, Салтовской, Люботинской и др. о готовности къ походу козаковъ (приложены реестры).

О неисправностяхъ козаковъ Деркачевской, Валковской и Перекопской сотенъ.